НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П. Г СМИДОВИЧА

ТРУДЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ Т. I

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ЭВЕНКИЙСКОМУ (ТУНГУССКОМУ) ФОЛЬКЛОРУ

СОСТАВИЛА Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. П. АЛЬКОРА

245 434.

58
С23 м
8407

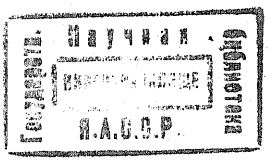
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П.Г. СМИДОВИЧА
ЛЕНИНГРАД 1936

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the Peoples of North under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO FOLKLORE — VOL. I

MATERIALS TO EWENKEE (TUNGUS) FOLKLORE

Prepared by G. M. WASILEWITCH
Preface by I. P. ALCOR, Editor
Leningrad. 1936

Напечатано по заказу Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА

Ответств. редактор Я. П. Алькор Техн. редактор Д. И. Кологради

Сдана в производство 30 XII 1934. Подписана к печати 15 X 1935. Кол. тип. зн. в 1 л. 95.000. Ст.-ф. 72×110. Авт. л. 22. Бум. л. 9¼. Тираж 1.400 экз. Ленгорлит № 33180. Зак. № 1783.

Тип. „Коминтерн" и школа ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная, 1

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР имени П. Г. Смидовича начинает серию своих публикаций, посвященную фольклору народов Севера. Ближайшие очередные выпуски этой серии отведены мансийскому (вогульскому), селькупскому (остяко-самоедскому) и нанайскому (гольдскому) фольклору.

Бо́льшая часть материала, помещенная в сборнике, собрана сотрудниками Института народов Севера по преимуществу в 1925—1931 годах, во время экспедиционных исследований. Исключение представляют: „Материалы по устному творчеству эвенков", записанные дальневосточным этнографом и писателем Е. И. Титовым, и „Две сказки талочских эвенков", записанные местным эвенкийским поэтом Г. А. Ниргунеевым.

В приложении к сборнику даны опубликованные ранее эвенкийские фольклорные материалы, — кстати сказать, помещенные в мало доступных для читателя изда́ниях, — а также рукописные материалы Б. Иттера и учителя-эвенка В. С. Пежемского, записанные по-русски. Впервые на русском языке появляются: фольклорный отрывок из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772" [1] И. Георги и статья Г. Гута „Die Tungusische Volksliteratur und ihre Ethnologische Ausbeute" [2], причем, кроме статьи, нами даются два ненапечатанных автором варианта, хранящиеся в его бумагах в архиве Академии Наук СССР. Помещенное в приложении в основном исчерпывает материал по эвенкийскому фольклору, появившийся в свет до издания настоящего сборника. Необходимо заметить, что этот материал, кроме работы Г. Гута, не имеет эвенкийских текстов, а в ряде случаев является вольным пересказом, что в огромной мере снижает его значение. Несмотря на указанный дефект, мы все же сочли необходимым поместить этот материал в наш сборник, ибо он расширяет представление о сюжетах эвенкийского фольклора. Кроме фольклорных материалов, включен в наш сборник также перевод статьи Е. Широкогоровой „The folkmusic in China" [3], дающей запись мотивов 13 песен эвенков (тунгусов) Манчжурии. Не вошли в сборник тексты баргузинских эвенков, помещенные в „Материалах для исследования тунгусского языка" [4] Н. Н. Поппе, ибо нам казалось, что нет основания перепечатывать работу, которая легко доступна читателю.

Преобладающую часть настоящего сборника занимают „Материалы по фольклору сибирских эвенков" Г. М. Василевич. Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в утлой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал.

В текстах Г. М. Василевич имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский и ербогаченский говоры), 2) южного диалекта (сымский, подкаменнотунгусский, непский, токминский, верхне-ленский и северо-байкальский говоры) и 3) восточного диалекта (олекминский, урмийский и сахалинский говоры). Собранные ею фольклорные материалы сгруппированы по следующим разделам: 1) сказки о животных, 2) мифы, 3) предания, 4) бытовые сказки, 5) загадки, 6) шаманские песни, 7) песни и припевы, 8) современные произведения.

В эвенкийских сказках о животных огромное внимание уделяется лисе. Она считается хитрым и умным животным, способным на различные превращения. В этом отношении фольклор эвенков сближается с фольклором китайским и отдаляется от фольклора ряда северных народов, например ненцев, в сказках которых лиса вовсе не фигурирует как хитрое и умное животное, а скорее напротив.

---

[1] Erster Band, St.-Petersburg, 1775, SS. 288—295.

[2] „Известия Академии Наук", т. XIV, № 3, СПБ, 1901.

[3] The China journal of sciences and arts, № 2, Shanghai 1924, pp. 116—121.

[4] Ленинград, 1927.

Большое значение имеют приведенные Г. М. Василевич предания для восстановления исторических судеб эвенков. В частности в них впервые отмечаются некоторые формы родового ополчения: отряды лучников и мечников и роль шаманов во время военных действий.

В виде упрека Г. М. Василевич можно было бы сказать, что она чрезвычайно скупа к этнографическим примечаниям, столь важным для подлинного понимания фольклора. Казалось бы, что и перевод местами слишком дословен, что затрудняет понимание.

Тексты, записанные Т. И. Петровой, охватывают район расселения эвенков Приангарья. В последнее столетие ангарским эвенкам пришлось иметь частые сношения с русскими, в итоге чего они претерпели ряд изменений в быту и в языке. Эти изменения отразились и на фольклоре. Так, темы, бывшие когда-то общими для эвенков Обь-Енисейского водораздела и Приангарья, перемешались; сравни, например, Акагāmə Т. И. Петровой и тексты №№ 19, 20, записанные Г. М. Василевич у сымских эвенков; сравни также „Hiṇukīcən" и текст № 42 Г. М. Василевич. Частично темы забылись, сравни: „Karāndə" и текст № 37 Г. М. Василевич. О животных в материалах Т. И. Петровой передаются мотивы, характерные для всех звенков, но в несколько своеобразной комбинации фактов.

Записанные эвенком Г. А. Ниргунеевым две сказки у известного сказочника Г. Г. Торгонова заимствованы из монгольского фольклора, очевидно, в то время, когда талочские звенки жили южнее, где-то на истоках Амура.

Тексты Е. И. Титова записаны им от эвенков южного диалекта: №№ 1—15 — от эвенков, живущих по верхнему бассейну р. Лены (верхне-ленский говор); №№ 16—58 — от эвенков Верхней Ангары (северо-байкальский говор); №№ 59—73 — от эвенков со средних левых притоков реки Витима, преимущественно с реки Ципы (баунтовский говор). К сожалению, собиратель не отметил более точно названий родов рассказчиков, указав только их фамилии и административные названия родов. Указания на принадлежность рассказчика к определенному роду и некоторые данные по истории этих родов обеспечивают возможность точнее определить говор, на котором говорит рассказчик.

Предлагаемый в работе Е. И. Титова материал в значительной своей части не характерен для эвенкийского фольклора. Так, тексты, записанные от верхне-ленских тунгусов (Карама, Тутура, Лена, Киренга), по тематике представляют собою заимствования из русского и бурятского фольклора. Русские темы в эвенкийской передаче настолько сильны, что передаются не только отдельные русские слова, могущие быть замененными эвенкийскими (еще, потом, богатырь, лестница, пущай, нисколько, опять, последний, весь, самый, раньше и т. д.), но даже по-русски передаются отдельные выражения: слава богу, делать-то нечего, надо достать, до конца и др. Влияние русского языка в этом говоре распространяется и на эвенкийскую морфологию, например: nādə būkəl — русское слово и эвенкийский глагол в повелительном наклонении, что дословно обозначает „надо дай" вместо „необходимо дать", что по-эвенкийски звучит „būwkə"; или „mogu ḍajakal" („могу спрячь" — „спрятать") вместо „ḍajaḍaŋa bisim" и т. д.

Но это—детали, главное — содержание и форма передачи. Если бы тексты являлись точным переводом русской или бурятской темы, их не имело бы смысла печатать как материалы по устному творчеству эвенков. Тексты эти интересны тем, что темы их хоть и заимствуются, но передаются по-своему, переплетаясь с рядом моментов из эвенкийского фольклора. Так, в текст „Чагалай-Чакулай" (№ 1) вплетен излюбленный мотив состязания в прыжках. Текст „Мальчик" (№ 4) начинается с исчезновения членов семьи, но оканчивается мотивом с „живой водой" и оживлением, несомненно заимствованным. В текст „Хани Хубун Хохор Богдо" (№ 6) вплетается излюбленный мотив искания насекомых, как способ убивания. В текст „Учанай" (№ 8) введен момент борьбы и помощь пороза-быка. В сказки №№ 9—10 введен элемент путешествия двух сестер и превращения их (ср. текст „Mundukār" Василевич). Тема текста № 7 характерна для эвенкийского фольклора. Также и тема текста № 11 о голодных стариках, но здесь она дана в сокращенном виде.

Необходимо отметить, что верхне-ленские эвенки, живя и кочуя около русских и бурят, быстро поддаются влиянию последних. Если в фольклоре эвенков мы до сих пор нигде не встречали русских частушек и песен, то у верхне-ленских эвенков они уже заменяют национальные песни. Заимствуется не только тематика, но и форма передачи. В целом тексты, представленные в работе Е. И. Титова, дают некоторое представление о тех путях, по которым идет дальнейшее превращение эвенкийского фольклора.

Сказки В. И. Левина записаны им в Аяне на Охотском побережье и являются первыми фольклорными текстами, записанными среди эвенков побережья Охотского моря.

Материал А. П. Козловского дает отрывки ряда сказок и преданий тунгиро-олекминских эвенков, записанных у молодежи.

Как видно из вышеизложенного, сборник охватывает записи фольклорных текстов почти со всех районов расселения эвенков на советской территории, главным образом Восточной Сибири и частично Якутии и Дальне-Восточного края. Приведенный материал выявляет исключительное богатство и красочность эвенкийского фольклора. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что имеющиеся тексты, по всей видимости, представляют собою осколки более крупных вещей, и нужно полагать, что развернувшееся в советских условиях систематическое и интенсивное изучение эвенкийского фольклора и вовлечение в это прекрасное дело все больших и больших кругов эвенков, в особенности учащихся Института народов Севера и других национальных школ, местных учителей и краеведов, дадут возможность найти и записать цельные эпические сказания.

Нет особой надобности специально останавливаться на этнографической, лингвистической и т. д. значимости материалов настоящего сборника, ярко отражающих мировоззрение, социальный строй и хозяйство эвенков и дающих полное представление о гибкости эвенкийского языка и его способности к точному отражению тончайших оттенков мысли и действий. Хочется лишь подчеркнуть значение фольклора для развития молодой эвенкийской литературы и выработки стиля начинающих эвенкийских литераторов.

Для многих читателей, возможно, покажется странным само упоминание об эвенкийской (тунгусской) литературе и литераторах. Но эвенкийская литература и литераторы — уже реальность. В условиях строительства национальных культур и огромной помощи всей советской страны Северу в течение 1931—1934 гг. создана начальная учебная и массовая литература, издан ряд переводных и оригинальных художественных произведений, обеспечен регулярный выход газет и т. д. на пятнадцати языках Севера, в том числе и эвенкийском, который идет впереди остальных по размаху развития своей литературы. В настоящее время нет уже ни одного бесписьменного народа Севера, и за один лишь 1931 год издано на северных языках больше книг, чем за все время многовекового господства царизма на Севере.

Развивается работа первых классов северной национальной школы на родном языке, преподавание родного языка как предмета преподавания осуществляется на остальных классах начальной и средней школы, положено начало северному театру (уже работают в Институте народов Севера и отдельных национальных районах нанайские и эвенкийские театральные студии, в большей мере черпающие свой материал из фольклора). В этой связи большое значение приобретает вопрос об использовании фольклора как одного из средств для развития художественной речи, для оживления сухого, подчас, языка книг и газет и т. д.

С особой силой подчеркнул важность фольклора для молодой литературы Максим Горький в своей заключительной речи на съезде писателей, произведшей незабываемое впечатление на всех присутствовавших: „Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза".

К слову сказать, Алексей Максимович проявляет и специальный интерес к северному фольклору. Еще во время своего пребывания в Ленинграде в беседе с пишущим эти строки он выразил горячее пожелание, чтобы скорее и полнее было записано и издано весьма своеобразное устное творчество народов Севера. Настоящим сборником Институт народов Севера и приступает к осуществлению пожелания Алексея Максимовича.

Помещенный в эвенкийском сборнике обширный материал требует самого тщательного изучения. Предстоит огромная работа по классификации сюжета, выявлению влияния якутского бурятского русского, китайского и т. д. фольклора на эвенкийский фольклор, установлению общемировых тем и их стадиального распределения, наконец, использованию фольклорных материалов при строительстве национальной литературы и извлечению из них обильных этнографических и лингвистических данных.

В заключение отметим, что настоящий том — лишь начало эвенкийских фольклорных сборов и что огромное внимание нашей страны к народному творчеству обязывает всех исследователей и местных работников удесятерить свои усилия, с тем чтобы в ближайшее время дать новые сборники, охватывающие как героический эпос эвенков, так и их современный революционный фольклор.

Сборник подготовлен к печати Г. М. Василевич, ей же принадлежат все пояснения в текстах, поставленные в скобках, а также сноски. Ею же переписаны материалы Г. Гута, Т. И. Петровой, Г. А. Ниргунеева, Е. И. Титова и В. И. Левина в транскрипции, принятой для настоящего издания. Перевод материалов И. Георги и Г. Гута просмотрен В. П. Андреевой.

Я. П. Алькор

Объяснение транскрипции

Гласные:

а — нормальный а заднего ряда, нижнего подъема, соответствующий русскому а.
ạ — а среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный.
ä — а переднего ряда, нижнего подъема нелабиализованный.
о — нормальный о заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому о.
ə — о среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.
е — гласный переднего ряда, несколько более задний и более верхнего подъема, чем **ä**, нелабиализованный, соответствующий русскому **э**.
u — нормальный u заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому у.
ụ — u среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
ı — i среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
i — i переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, сходный с русским **и**.

Все гласные могут быть долгими и краткими. Долгота обозначается знаком „—" над гласным. Палатализация обозначается знаком „ ' " под соответствующей графемой.

ạ, ä, ə	соответствуют	литературному	ə
ạ̄, ə̄	„	„	ə̄
u, ụ, ū, ụ̄	„	„	u
ı, i, ī, i	„	„	i

Согласные:

в, c, d, j, g, j, k, m, n, p, r, s, ş, t, v — соответствуют русским б, ч, д, ф, г, й, к, м, н, п, р, с, ш, т, в[1].

ḍ — палатализованный переднеязычный звонкий смычный в произношении эвенков бассейна Средней Катанги (Тунгуски), в произношении эвенков Бурято-Монголии и Дальнего Востока почти переходящий в звонкий аффикат з (dž), в связи с чем обозначается при помощи знака з. Литературная транскрипция ḍ — з.

d^{r} — звонкий аффрикат, состоящий из переднеязычного звонкого смычного и дрожащего.

t^{r} — глухой аффрикат, состоящий из переднеязычного глухого смычного и дрожащего.

Последние два звука встречаются только в сымском поддиалекте.

γ — заднеязычный звонкий спирант. Литературная транскрипция — **g**.

h — гортанный глухой спирант.

l — переднеязычный боковой сонорный.

ŋ — заднеязычный носовой смычный.

w — губногубной звонкий спирант.

---

[1] В литературной транскрипции для č (ч) принят знак c, но в связи с тем, что в эвенкийском языке нет звука с (ц), знак с в настоящем сборнике используется для обозначения звука č (ч).

По техническим соображениям вместо s для обозначения звука š (щ) везде дается знак ş.

Г. М. Василевич

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ СИБИРСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Большинство приводимых в настоящей работе текстов записано мною в итоге ряда командировок к эвенкам—бродячим охотникам-оленеводам Восточно-Сибирского края [1]. Часть текстов записана мною у ряда слушателей Института народов Севера в 1928—29 г. [2]. Во всех текстах сохранены особенности говоров.

В текстах имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский говор—Туру, Ингаригда, ербогоченский говор—Нгоконно, Ербогочен), 2) южного диалекта (сымский говор—Сым-Чиромбу, подкаменно-тунгусский говор—Ср. Катанга, Подкаменная Тунгуска, непский говор—Непа, Ика, токминский говор—Токма, верхне-ленский говор — Тутура, северо-байкальский говор — В. Ангара) и 3) восточного диалекта (олекминский говор — Тунгир-Калар и Олекма, куро-урмийский — Кур, Урми и сахалинский говор — Сахалин). Словарный материал в принятой в настоящей статье транскрипции вошел в мой „Эвенкийско-русский диалектологический словарь" (Ленинград, 1934), к которому приложена карта распространения диалектов и в введении дана характеристика диалектов и говоров эвенков, кочующих к западу от Лены [3]. Перевод фольклорных текстов дается точный, но с учетом требований литературного изложения. Для большей ясности в некоторых местах перевода даны в скобках пояснительные слова. В виду отсутствия в эвенкийском языке союзов в переводе опущен союз „и".

Собирание и изучение в течение ряда лет эвенкийского фольклора дали мне возможность сделать ряд наблюдений над его распространением и бытованием. Многочисленные сказки, мифы, предания, загадки и т. д. говорят о богатстве тематики эвенкийского фольклора. Жизнь в тайге, охота за зверями, межродовые отношения—все это дало богатый материал фантазии и творчеству эвенков.

---

[1] а) от Комитета Севера при ВЦИК: в 1925 г. на истоки Нижней и Подкаменной Тунгусок—Токминский район, в 1926—27 г. в среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски в 1929 г. в Витимо-Олекминский национальный округ; б) от Института по изучению народов СССР Академии Наук в 1930 г. к сымским эвенкам Туруханского района; в) от Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА в 1931 г. по Н. Тунгуске через Катангский национальный район и Эвенкийский национальный округ. Соответствующие этнографические и экономические очерки помещены мною в журн. „Советский Север" № 3, 5 за 1930 г., № 2, 10 за 1931 г.; в журн. „Этнография" № 3 за 1930 г.; в журн. „Северная Азия" № 4 за 1926 г.; в журн. „Этнограф-исследователь" № 1 за 1927 г.

[2] От П. и В. Путугиров, И. и В. Увочанов, Н. Каплина из Ербогочена; от А. Камбагира из Нгоконны, от И. Зуева из Тутуры, от Д. Воуля с Ангары; от О., Н., А. Салаткиных, В. Лонтогира и А. Чарончина из Непы—Катангского национального района, от В. Эдян с р. Урми Дальне-Восточного края, от А. Афанасьевой и от Слепцовой с Сахалина.

[3] Краткая характеристика восточного диалекта имеется в объяснительной записке к составленному мною эвенкийскому букварю „Omakta hokto", Ленинград, 1933 (отдельное приложение).

Еще не так давно фольклор у эвенков в основной своей части являлся выражением определенного мировоззрения, верований и представлений. В настоящее время роль его меняется. Широко развернувшееся социалистическое строительство на крайнем Севере быстро ломает старые патриархально-родовые отношения, меняет психику и мировоззрение народов Севера, что находит свое отражение и на современном фольклоре. Это довольно ярко сказывается как на тематике произведений, на отношении к нему самого населения, так и, наконец, на форме произведений.

В настоящее время можно отметить постепенное и повсеместное угасание эвенкийской сказки, мифов и преданий. Все реже и реже встречаются эвенки, знающие свои предания и сказки. Наиболее развернутые, законченные мифы, сказки, предания можно встретить сейчас только в отдаленных уголках тайги, мало затронутых влиянием культуры. Такие пятна сохранения сказки, мифов и преданий у эвенков Восточной и Западной Сибири можно наметить на Обско-Енисейском водоразделе, по бассейну р. Комо [1] (левый приток Подкаменной Тунгуски), в северной части Катангского национального района и в Илимпийском районе Эвенкийского национального округа.

В тех местах, где шаманство отмирает или его совсем нет, почти исчезла и своя тема, а если она и существует, то в большинстве случаев темы сказок заимствованы от соседей, а из своего фольклора передаются только отдельные мотивы [2]. В лучшем случае в таких районах можно встретить людей, „знающих сказки", точнее—знающих отдельные мотивы, своеобразно сокращенные и измененные. Примером могут служить сказки, записанные в разных районах на одну и ту же тему (№№ 56, 60, 67, 68 у Василевич и № 17 у Титова). Тема — столкновение эвенков людоедов с эвенками не людоедами, обмен женщинами невестами; кочевание людоедов с полученной в обмен женщиной; сборы к жертвоприношению ее и бегство ее. Или еще тема — о глупце (№№ 85, 87): отдельные моменты из похождений лисы здесь рассказываются как самостоятельные короткие сказки.

В районах оседлых эвенков отношение к сказке иное. В то время как в глухой тайге мифы и сказки, охватывающие моменты, связанные с мировоззрением и рисующие идеал человека-охотника, до развертывания работы школ отвечали молодежи на многие вопросы и имели большое значение, здесь очень давно появилось другое отношение. Для этих мест характерны следующие реплики: „врешь, лисица не может говорить", „медведь ведь зверь, он не может говорить, однако наврал", „это так, зря, люди не могут друг друга есть" и т. д. В таких районах мы уже не встречаем сказок, характеризующих мировоззрение и мифологию.

Отмечая отрицательное значение сказки как воспитателя анимистического мировоззрения, отмирающего естественным путем с введением школ и культурно-просветительной работы, мы одновременно должны отметить положительную сторону влияния сказки как воспитателя речи. В местностях, где сказка исчезла, не встретишь красочного и яркого рассказа, подобный рассказ является просто перечислением фактов, в то время как от эвенков из районов бытования сказки рассказ какого-нибудь обыденного факта можно слушать как хорошую сказку. Значение сказки как воспитателя речи могло бы оказать ценную услугу в развитии речи и литературы. Положительное влияние фольклора особенно заметно на воспитанниках Института народов Севера: те из них, которые слышали в детстве сказки, пишут сочинения на вольные темы на родном языке значительно красочнее и подробнее, чем те, которые никогда не слыхали сказок; последним нужно было вложить много труда, чтобы написать хотя бы более или менее связный рассказ.

Сказки рассказываются эвенками обычно во время охоты, когда большие морозы или пурга заставляют охотников отсиживаться в шалаше или в юрте.

---

[1] См. „Сказки эвенков Приангарья" Т. И. Петровой.

[2] Ср., например, „Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья" Е. Титова.

Разговоры об охоте вызывают в памяти сначала сказки о животных, об охотниках, потом и другие. Иногда, чаще зимою, старухи за легкой ручной работой рассказывают сказки детям и подросткам. К сказкам прислушиваются и взрослые, продолжая свое дело и ведя между собою тихий разговор.

Способы передачи сказок зависят от их содержания. Предания и сказки о животных передаются обычно прозой. Известные взрослым, они не всегда слушаются ими внимательно. Несколько иное отношение к сказкам мифического характера и к преданиям или былинам о бесконечных похождениях богатырей. В них проза чередуется с стихотворной формой, которая передается речитативом или поётся, причем каждый абзац имеет свою мелодию. При передаче рассказчику вторят все присутствующие, что значительно оживляет процесс передачи и слушания.

Особых сказочников, какие встречаются среди других народностей, у эвенков нет. Сказки знают и рассказывают в одинаковой степени как мужчины, так и женщины, но загадки больше знают женщины.

Здесь я привожу краткие характеристики некоторых сказочников, с которыми мне пришлось иметь дело в тайге:

1. Шомирча Кима, 26 л., с бассейна р. Чиромбу-Сым. Середняк. Человек с крайне повышенной нервностью, с исключительно острой памятью и восприимчивостью. Имел в роду ряд шаманов: прабабку, деда, двоюродного брата (умерших) и дядю. Детство прожил с прабабкой, большой шаманкой. Один из первых воспринял все новое. Среди эвенков пользовался большим уважением и играл не малую общественную роль. Сравнительно хорошо говорил по-русски. Во время рассказывания сильно увлекался и рассказ сопровождал исключительной мимикой. К сожалению, этот талантливый эвенки умер в 1931 г. От него записаны сказки №№ 22, 25, 37, 40, 41, 43, 69, 70, 71, 98, 104.

2. Нётурча Баяки, 44 л., из того же района. Очень бедный, в роду имел шаманов (отец и дядя). По характеру отличался теми же особенностями, что и Шомирча. В детстве немного „кружал". Среди своих пользовался скорее сожалением, чем уважением. Свои обычаи знал довольно хорошо. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 3, 21, 44, 52, 83, 84.

3. Семен Кильтыно, 65 л., из района рек Тым (прав. прит. Оби) и Чиромбу-Сым. Середняк, шаман. В среде эвенков как шаман большого уважения не имел. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 42, 45, 46, 53.

4. Илья Каплин, 65 л., из района рек Лимты-Илимпеи и Ингаригды (лев. прит. Н. Тунгуски). Середняк, умный, бывалый старик и хороший хозяин. В роду была бабка шаманка. До 1929 г. играл большую роль в общественной жизни нгоконновских эвенков. Был членом Нгоконновской коммуны, но на первом году ее существования, когда хозяйственная жизнь коммуны еще не стала на правильные рельсы, вышел из коммуны. „Душно там, много людей, все живут вместе, свежее (мясо и рыбу) едят редко. В тайге жить лучше. Сам знаю, где какая рыба есть, где зверя больше. Сам добуду, свежее всегда ем",—говорил мне летом 1931 г., мечтая об организации „настоящей" небольшой артели, куда бы вошли только хорошие охотники и хорошие хозяева. По-русски говорил хорошо. Артель, о которой он мечтал, организовалась зимою 1931—32 г. От него записаны сказки №№ 2, 7, 38, 49, 50, 62.

5. Михаил Йолигир, 37 л., из района Туринской культурной базы. Середняк, развитой, умный и хитрый, по отзывам некоторых эвенков. В роду были шаманы. Играет большую роль в общественной жизни эвенков. По-русски говорит хорошо. От него записаны №№ 1, 11, 23, 30, 33, 73.

Печатаемый здесь фольклорный материал, в значительной части представляющий собою частицы или остатки сказок и мифов, сгруппирован по следующим разделам: 1) сказки о животных (№№ 1—29); 2) мифы (№№ 30—58), сюда относятся мифы о сотворении мира, человека, животных, об устрой-

стве вселенной, о верхнем и нижнем мире, о шаманском мире, о сверхъестественных существах и культурных героях; 3) исторические предания (№№ 59—84) о межродовых столкновениях, о сношениях с русскими и былины (№№ 79—81); 4) бытовые, главным образом юмористические и детские сказки (№№ 85—102); 5) загадки (№№ 102, 1—67); 7) шаманские песни (№№ 103—105); 8) песни и припевы (№№ 109—112) и 9) современные произведения (№№ 112—120).

В сказках о животных больше всего внимания уделяется лисе, производившей, повидимому, очень сильное впечатление на первобытного охотника-эвенка. Многие мотивы в сказках о лисе и других животных являются мотивами мировыми, характерными для ступени охотничьего хозяйства (ужение хвостом в проруби, кража рыбы или мяса, состязание в беге лисы и рыбы, лисица и птичка на дереве, разговор рябчика с лисою, когда та несет его во рту, заноза в лапе медведя и др.). Любопытно отметить, что общемировые мотивы изменяются, варьируются в зависимости от хозяйственного уклада той среды, в которой они бытуют. Так, в теме лиса-вор мы встречаем объект кражи: рыбу (№ 3), сушеное мясо (№№ 1, 6, 7), масло (№ 6); способ передвижения: плот (№ 5), лодка (№ 7), сани (№ 3), вьючные сумы (№ 1), охотничья ручная нарточка (№ 6).

Несколько особой и, пожалуй, характерной для эвенкийского фольклора является тема о медведе с лисицей (№№ 12, 13, 14), или о медведе с волком (№ 11), или о медведе с соболем (№ 15) и объектах их страха. Каждый из них обещает убить объект страха другого. Объектом страха лисы, соболя или волка являются „поперечные глаза—əwuṇkī ēsatarıl", „пенек с поперечными глазами—mugdəkən əwuṇīkin ēsal" и просто человек—„bəjə". Медведь идет добывать эти „поперечные глаза". Но убить „поперечные глаза"—своих младших братьев он не может и убивается ими[1].

Некоторые мотивы, встречающиеся в сказках о животных, встречаются и в сказках, где участвуют люди: мотив ночевки лисы с медведем на крутом месте (№№ 8, 9, 10), мотив прыжка через костер (№№ 4, 42), мотив способа убийства уколом во время искания насекомых (№№ 4, 42) и др.

Сказки о трехглавой змее и табакерке (№№ 25, 26) попали к эвенкам, повидимому, от бурят, тем более, что записаны они мною от эвенка, родители которого долгое время жили на Шилке.

Мифы, рисующие представления первобытного человека о мире и развитии религиозных представлений, имеют не мало общемировых и общих для всех урало-алтайских народностей тем.

К общемировым темам относятся:

Тема о дуализме при сотворении земли, человека и животных. В творении участвуют два брата: младший и старший — доброе и злое начало. Младший—хозяин верхнего мира, старший—нижнего. Младший творит среднюю — нашу землю. У него помощники гоголь и гагара. Вместо земли существует вода. Он заставляет гагару нырнуть и достать землю. Гагара не может принести, за это хозяин наказывает ее, раздвигая ей лапы. Второй помощник—гоголь—приносит в клюве со дна немного земли. За это хозяин целует его, и у гоголя остается навсегда белый след на голове. Тогда хозяин кладет этот кусок земли на воду, и она начинает постепенно расти. Однажды он отдыхает на этом куске земли. Старший брат его, пытаясь украсть землю, тянет ее из-под спящего. Но вместо вытаскивания он только растягивает землю. Земля постепенно вырастает до современных размеров. К сожалению, этот текст мне не удалось подробно записать, ибо он был рассказан в пути случайным попутчиком.

---

[1] Эти варианты, как мне кажется, проливают свет на происхождение самоназвания „əwənki". Объект страха медведя, „поперечные глаза", рисующийся в виде чего-то неопределенного в виде пня (а в пне, по представлению эвенков, живут умершие, в пни не так давно еще ставили покойников), в виде человека, эвенка, а также родство эвенков с медведем, выявляющееся здесь и во многих сохранившихся до сих пор обрядах, свидетельствуют, что „əwunkī ēsatar" (поперечные глаза), и „əwənkī", по всей вероятности, одного происхождения.

Дуализм прослеживается в творении животных и птиц (№№ 30, 32, 39) верхним хозяином (№ 30), в наличии двух братьев — первых работников на средней земле (№№ 30, 31, 32). Во всех вариантах доброе начало творит души людей. Души делаются из камня и земли (№ 31) и из кости (№ 32). Первый вариант записан у эвенков южного диалекта. Он указывает на существование у эвенков гончарства. Многие другие данные указывают на отдаленные кочевания эвенков южного диалекта в пределах верхней части бассейна Амура. Наличие у них мифа о творении человека из глины и камня и исторические данные о существовании гончарства у манчжуров в очень отдаленные эпохи подтверждают если не единство происхождения эвенков—тунгусов и манчжур, то их близкое родство.

Тема о помощнике при творении и наказании его. Помощником верхнего хозяина по южному варианту является собака (№№ 31, 32), по северному варианту—ворон (№ 30). Во всех вариантах верхний хозяин, кончив работу творения, которая происходит на средней земле, уходит, предоставив охрану людей своему помощнику. Последний соблазняется обещаниями нижнего хозяина и предоставляет ему посмотреть сделанное верхним хозяином. За эту измену помощник карается. Мотив кары, наказания мы прослеживаем не только в теме творения человека, но, как видели выше, и в теме творения средней земли. Он же прослеживается в теме о зайцах (№ 22). Зайцы были жителями верхнего мира, но за шаманство у людей они были изгнаны на среднюю землю. К сожалению, не удалось записать более подробный рассказ.

Шаманство зайцев у людей и значение вещания в камлании дают повод думать, что зайцы были изгнаны за какое-то сообщение, что подводит к мировой теме о ложной вести.

Не могло не отразиться на фольклоре и представление о небесном своде. Как и следовало ожидать, мы имеем здесь отражение охотничьего быта. Большая Медведица — лось и охотники. Млечный Путь — след лыж охотника. Но Полярная звезда—дыра, вход в верхний мир. Солнце по представлению эвенков—женщина (№ 45). Но в тексте № 54 мы видим другой мотив, а именно: солнце берет к себе обижаемую девочку-водоноску. Последняя тема, к сожалению, передана очень кратко, но во всяком случае этот отрывок указывает на существование у эвенков мирового мифа о Воде и Солнце.

Далее в мифах мы имеем ряд тем, свойственных народам Евразии. Это—тема о девочке, просящей перелетных птиц унести ее от угнетателя (№ 42). Птицы бросают ей по перу и помогают улететь. В. Г. Богораз[1] связывает эту тему с отступлением ледников и перелетом птиц на север.

Тема об отвержении младшей дочери и передаче ее на верную гибель (№№ 40, 42). В тексте № 40, повидимому, имеются шаманские наслоения, ибо река, по которой плывет девочка на льдине — главная шаманская река, соединяющая верхний и нижний шаманские миры. По берегам реки живут шаманки, одна из них помогает девочке выбраться на землю. Тема отвержения и передачи воде встречается и в других мифах (№№ 50, 51, 100). Сестра спаивает своих братьев вином, забивает их в ящик и спускает в Байкал. Последняя сказка (№ 100) заимствована из русского фольклора, но любопытна своим преломлением.

Тема о магическом бегстве и превращениях (№ 45).

Тема о герое-мстителе, родившемся из гусиного помета у старухи (№ 42).

Кроме этих тем, общих для евразиатского фольклора, мы имеем здесь темы характерные для фольклора урало-алтайских народов, а именно:

Темы путешествий в верхний и нижний миры (№№ 36—39). Невидимость посетителей с средней земли, миролюбивое отношение к этим посетителям, сексуальные моменты. Указание на существование кузнечного ремесла в нижнем мире.

---

[1] „Художественный фольклор", 1926, I, стр. 68.

Темы о сверхъестественных чудовищах: одноглазое, однорукое железное чудовище, имеющее одно уязвимое место — глаз (№№ 48, 49), многоголовые чудовища (№№ 50, 53), волосатые люди (№ 52).

Но темы об оленях-чудовищах — олень-великан (№№ 43, 44), десятиногий олень (№ 45), олень со свинцовыми рогами (№ 47)—повидимому, характерны только для фольклора оленеводов и связаны с периодом приручения оленя. Сюда же можно отнести и тему о медведе как культурном герое и предке эвенков. Самопожертвование медведя дало эвенкам домашних оленей и все, что связано с производством из оленьего сырья (№№ 40, 42), а из частей оленя образовались люди. В группу мифов отнесена и сказка о Муривуле (№ 46), искусном фокуснике, а также и некоторые другие.

В преданиях в первую очередь выступают группы эвенков-людоедов и не людоедов (№№ 59—63, 65—67, 77—78). Герои преданий рисуются идеальными людьми, со всеми чертами, к которым может стремиться первобытный охотник: особой силой — „медведей через голову бросал" (№ 79), умением превращаться (№ 69), исключительной ловкостью — „железные стрелы сделал, стал стрелять, мальчик увертывался" (№ 73), богатством (№ 76). Эти качества естественно порождают стремления к состязаниям —„они сговорились стрелять друг в друга луками. Стреляли, стреляли, пока колчаны не опустели. Тогда взяли мечи, начали рубиться. Никак не могли убить друг друга. Уставши, оба заплакали" (№ 69). Иногда эти силачи уводят к себе женщин, и тогда на сцену выступает организованная борьба. Герои собирают лучные и мечные отряды (№ 70), одновременно с ними на борьбу идут и шаманы (№ 70). Борьба происходит двояко: в виде состязаний героев и шаманов и в виде боев отрядов. Победители уводят женщин (№№ 65, 71, 76).

Герои бывают и сиротами. За малейшую неудачу их бьют, отнимают оленей, но потом им удается восстановить все отобранное и победить своих притеснителей (№№ 77, 78).

В ряде преданий мы имеем указания на определенных героев, принадлежащих к определенным родам. Шиктовуль был Кима (№ 69), Гагдэра был Танимо (№ 70), Илудон был Кима (№ 84). От Чоро произошли эвенки, живущие на средней части бассейна Нижней Тунгуски (№ 76). В позднейших преданиях мы имеем описание сношения с русскими (№№ 84, 86).

Предания восточных эвенков, рисующие бесконечные фантастические похождения богатырей, скорее можно назвать былинами (№№ 79, 80, 81).

В бытовых сказках особо подчеркивается глупость (№№ 85, 86, 87, 97), хитрость (№№ 88, 90, 91), лень (92). Здесь же имеется и отражение классовой борьбы (№ 93). Детские сказки, к сожалению, встретились в ничтожном количестве. № 98 представляет собою диалог, весьма любимый детьми. № 99 рассказывается детям для ознакомления с животными и № 100—сказка, заимствованная из русского фольклора.

Эвенкийские мифы, сказки и т. д. не имеют своих названий, заголовки даны составителем настоящего сборника.

Эвенкийские загадки по тематике отгадок можно разделить на следующие группы: а) человеческое тело (№№ 1—18), б) предметы домашнего обихода и орудия труда (№№ 19—55), в) природа (№№ 56—63), г) животные и растения (№№ 64—67). В связи с предметной природой самой загадки и конкретным мышлением эвенков мы имеем больше всего загадок в первых двух группах. В загадках зачастую одним словом отмечается основной признак предмета и функция его: ajīlun? — (что за) промышленник? — ум; ēkun garparan? — что выстрелило? — глаз; ēkun darīwulan? — что (за) измеритель? — посох и т. д.

Архаизмы, непонятные и чуждые для современной речи особенно ярко выступают в шаманских песнях и в припевах к импровизациям. Многие шаманские песни уже непонятны не только для современных эвенков, но и сами шаманы затрудняются точно объяснить содержание отдельных строф; поэтому в ряде песен-обращений к духам не удалось дать точного, подробного подстрочного перевода, и здесь не решаюсь их приводить. Как образцы здесь приведено несколько песен, связанных с похоронным обрядом (№№ 105—108).

Одна из них — обращение с просьбой послать хороший промысел (№ 108). Песнь № 104 сообщена мне как очень древняя, забытая теперь шаманами, представляющая собою шаманскую философию о происхождении первого шаманского дара и шаманского мира (№ 104).

Особо стоит вопрос о песне. Песен с определенным, вполне устоявшимся текстом у эвенков нет. Мне удалось записать только один образец старинной, как мне сообщили, песни (№ 109), представляющей собою художественное произведение с устоявшимся текстом. Все песни импровизируются. К каждой строчке или к каждому абзацу добавляется один из припевов (№№ 111, 1—13). Образцом импровизации является текст № 112—жалоба девушки-сироты.

Из новых художественных произведений здесь приводятся некоторые образцы (№№ 113—120), представляющие собою первые попытки современного художественного творчества эвенков. Необходимо отметить, что развитие фольклора в этом направлении идет широко и быстро. Воспитанники Института народов Севера, возвращаясь после производственной практики с родины, привозят и новые песни [1].

Октябрь 1932 г.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

M. Joligir. Turu

1. Hulakī

Kōkṣicān gūnən: „Hulakīja! kōkcanŋāt āmuttu!“ āmut buldiməktə, hōmama buldimāktəkən. Kōkcalinə, kōkṣicān hururən hulakīnun ḍūktə. Kōkṣicān dəŋməi ūḍana, hulakī upkacītpı halgarḍīwı. Hulakī əjərən tādu; məldərgərən ḍukə, hulakī gūnən: „Kōkṣicān, nəlgəjə əməpkəl“. Kōkcıcān gūnən: „Əməvḍəm, əməvḍəm, alatkai!“ Kōkṣicān nəlgət tirərən dōskī. Hulakī dōskī ırudana, bakaran pējucānmə. Pējucār əninˈtin buṣṣəḍərən. Hulakī gūnən: „Nimŋanīkta əninməhun“. Pējucān gūnən: „O-o! nimŋanŋāt“. Hulakī gūnən: „Jūwkəldə hutəlwən tuliskī“. Jūrə hutəlin tuliskī, hurura. Jūrəktin, əninməwən hukitəwə huptirən purtatpı. Əninmətin wākānım, ḍəwrən hulakī upkatpān. Pējucān hutəlin hoŋoldo. ehalwar hōlbargaknantın hoŋoro. ēhalwaiın hōlbama ōra ərməklə.

Hulakī hēŋānmą bakaran, gūnən: „Kōkcanŋāt bırawa əjəkī“. Hēŋān hēŋahalwą gūnən: „Hulakī ərihinąkin, hų sawuŋnakaldu“. Hulakīnīn kukcan əhilə diŋnilə̄hinən.

М. Йолигир. Туру

1. Лисица

Пташка сказала: „Лисичка! попрыгаем (пощелкаем лапками) по озеру!“ Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе. Пташка слегка вспархивая, лисица всеми лапами. Лисица утонула там; продавился лед, лисица сказала: „Пташка, коряжину притащи“. Пташка сказала: „Принесу, принесу, подожди!“ Пташка корягиной надавила внутрь. Лисица, внутрь двигаясь, нашла сорогу. Мать сорог хворает. Лисица сказала: „Пошаманю я на мать вашу“. Сорога сказала: „О-о! пошаманим“. Лисица сказала: „Выведите ребят вон“. Вышли дети вон, ушли. Когда (они) вышли, (она) живот матери разрезала ножом. Убивши мать их, лисица съела всю. Дети сороги стали плакать. До покраснения глаз плакали. (Плакали до того, что глаза покраснели). Глаза их красными стали до сих пор.

Лисица встретила налима, сказала: „Попрыгаем вниз по реке“. Налим налимам сказал: „Когда лисица крикнет, вы откликайтесь“. Лисица теперь побежала.

---

[1] Более подробно вопрос об эвенкийской песне разобран мною в статье „К характеристике эвенкийской песни“, сб. Советский фольклор, в. II (печатается).

Umuḳən guruka ŋənəkəjim, əriran, hēŋan ḍawran ḍuləskin. Diŋnilənə ŋān ŋmuḳən guruka, ŋān əriniŋan: „Hēŋān"!—„Hoj!" hēŋān gūnən ḍuləskī. Hulakī diŋnilənən, diŋnilənən, ŋān əriniŋan, ŋān ḍuləskī ḍawran hēŋān. Huptiwrən hulakī, tug-də igdargaknanmi diŋnilənən. Hulakī gūnən: „Minə huptıcāləwər, ədəji burgu bihim". Hēŋān gūnən: „Bi hakinduji burguḡidiŋəw".

Tāduk hulakī atırkānmə bakaran. Atırkān hanŋūktaldan: „Hi dundəwə hāndı?"—„Bi hāmi dundəwə",—„hāmnımcās, ḍūktə hurıγət, minŋi hətidu uγucakal", gūnən atırkān. Hətidu ukkānım, umuḳənmə āmutpa bakara. ēkuma gərbin?"—„Əri gərbin tamılga", hulan gūnən. Tāduk hurırə, ŋan āmutpa bakara, „ēkuma gərbin?"—„dulılga". Ŋan hurırə. „ēkuma gərbin āmut?" hanŋūktaran atırkān. Hulan gūnən: „hərəktəlgə".

Tarīŋīn gūnən: „Əbəkə! dagakān ōdan ətirkəndulə". Ista. Gūnən atırkān: „Əŋkəwə hāndı?" Hulan gūnən: „Hāmi, ajaŋki bihin. Bi, amākā, əŋkəmnəktə oronmo". Atırkān oronmo būrən. Umukən dolbonīwə bikənim, hulakī əmərən, gūnən: „Amākā, mindu halkacānmi būkəl, mōja tuktikətciŋāw, hōma bulıwşılan". Ətirkən tar būrən halkacānmı. Hulakī, burəkin, gilgəwən wācān halkacāndī umātīdərən, halkacāndīn duktaḍaran, gūnən: „Amākā, ororwı gənnəşkəl, burgucəl". Tar ətirkən ŋənərən, hūlwətın ororwōn manacān. Nuŋan atırkāndulə huktildən „ḍawakal hulakīwa!" gūnən. Tar atırkān əcə ajat dōldıra „Hulakī?" hanŋūktaran: „on gundən amākā?" Hulakī diŋnilāhinən. Ətirkən huptıwran, wādāji ŋəkəḍənə hulakīwa. Tıkuldan ətirkən. Hulakī diŋnilāḍənə, atırkāndu gūnən: „umurənə irgidu ujikəl". Atırkān ujdən irgidun. Atırkāndu ətirkən əmərən, ŋan hulakī diŋnilāhinən. Ətirkən ŋınakınmı tinən hulakī ūḍadun. Ŋınakınmı tinəkin, ŋınakın bokonōkın hulakīwa, dundəli ugduhinən hulakī. Ətirkən hāŋārdulı togowo ılaran. Hulakī togolı jūrən, togolı lurgizərili jūrən, hulakī gūnən: „ukşədiməl hulakal". Togo irgiwən ukşədin hularan.

Пройдя один плес, закричала: „Налим!" Налим ответил впереди. Пробежала опять один плес, опять закричала: „Налим!"—„Хой", ответил налим впереди. Лисица бежала, бежала, опять крикнула, опять впереди откликнулся налим. Отстала лисица, так до побурения бежала. Лисица сказала: „С тех пор, как обогнал меня, я перестала быть жирной". Налим сказал: „Я в печени (печенью своей) жирным буду".

Потом лисица старуху встретила. Старуха спросила: „Ты знаешь землю (окрестности)?"—„Я знаю землю".—„Если знаешь, пойдем вместе, на мою санку садись верхом", сказала старуха. На санку севши верхом, одно озеро встретили. „Какое название его?" — „Это называется верхней вязкой на потакуе"[1], лиса сказала. Потом поехали, опять озеро встретили. „Какое название его?"—„Среднее". Опять поехали. „Какое название озера?" спросила старуха. Лиса сказала: „Самое нижнее".

Та сказала: „Бабушка! близенько стало до старика". Доехали. Сказала старуха: „Оленье кормовище знаешь?" Лиса сказала: „Знаю, хорошее есть. Я, дедушка, на кормовище сведу оленя". Старуха оленя дала. Одну ночь пробывши, пришла лиса, сказала: „Дедушка, дай мне молоток, на дерево полезу, скучно очень". Старик тот дал молоток. Старик когда дал, лисица убила молотком быка, жир ела, постукивала молотком; говорила: „Дедушка, оленей своих приведи, разжирели". Тот старик пошел, всех оленей кончила (она). Он к старухе побежал: „Лови лисицу", сказал. Старуха та хорошо не расслышала: „Лисица?" спросила: „Как сказал дед?" Лисица убежала. Старик отстал, собираясь убить лисицу. Рассердился старик. Лисица, подбегая, старухе сказала: „Жир на хвост привяжи". Старуха привязала на хвост.[2] Старик пришел к старухе, лисица опять убежала. Старик пустил собаку по следу лисицы. Когда собаку отпустил (и) когда собака нагнала лисицу, лисица влезла в землю (в нору). Старик в отверстие (вниз) зажег огонь. Лисица по огню (через огонь) выскочила, по огню горящему пробежала, лисица сказала: „С рукав хоть оставь". Огонь оставил хвост ее с рукав.

[1] Потакуй — вьючная сумка.

[2] Белый цвет кончика хвоста лисицы эвенки объясняют тем, что на хвосте лисицы был привязан жир. Этот мотив встречается часто.

I. Kaplın. Iŋārıgdā

2. Hulakī, ḍantakī

Ḍantakī nadanma ororвī ŋənəwụtcərən, olgotcorən. Arcaran hulakīwa. Hulakī gụ̄nən: „Ororrı ēkur ḍalaŋaltın, minə talā ajakākun dụnnə вihin, вi вụrgụgiktạ nadalladu". Tērulḍərən ḍantakī, hulakīdu вụ̄rən ororвı. Hulakī olgohınən ororвōn. Tarkakāndulā ŋənərən, ororwo təputtən, ḍəwrən. Nadalladu manaran nadanma oror. Nadalla iltənən, ḍantakī hụrụrən, ororвo gəlnəhinən hulakīduk, arcaran hulakīwa „Jr ororвı?"—„Ororвos ḍəpcəw, nadalladu manacəw". Hụptirən hulakī. Amardukın jəkətcərən, ḍantakī hụrụrən ḍūlın. Ahīnan ḍantakī hanŋūktaran: „ēwa jəkəḍərən?"—„Amī jəkəḍərən", hụtəlin gụ̄nə. „Ororвōn вụrgicạ вicəw, kōnŋaktakānmə ụyikəllu irgiduw", hulakī gụ̄nən. Nuŋartın ụjjə kōnŋaktakānmə; hulakī hụktillən.

Ŋənəḍənə, вakaran kụkəkīwə. „Ḍūktə ŋəŋŋəlwət", hulakī gụndərən. Ŋəŋŋəlle əhilə. „Kə! вəjə, əjəkī ḍawrāktaḍawāt вiḍərīlduk". Ḍawrāhına. „Bi āhınıktə, hi ətwụskəl". Hulakī āhınən. „Bəjə", gụ̄nən: „hi āskəl". Kụkəkī āhınən, hulakī holohınən вırawa holokī hụrụrən, ḍūwa lupumnak ḍawrārən. Əjəhinən вıralı. „Bəjə! təyəkəl, вụliwsə, ụlgụcəmətkət". Ḍawrāḍərạ, kụkəkī gūnən: „Bəjə, icəciŋnəkəl, вəjəl āyıltın". Āyrə āyıldutın, hulakī, gụ̄nən hipkụḍərən: „Hi əŋnəkəl вulıra, hata garpatcaŋnākal nuŋarвatın, on-da gụndəktin—wākəl". Əhilə kụkəkī gụncən: „Hi tar ḍūwa ŋurmākal, вi ərə ŋurmāktạ". Bōrıtta ḍūlвar. Ŋurmāhinə, hulakī cımkawa garpattan. Kụkəkī wāḍəwkı hụtəlвi, ənəl dōldıra; wārə upkacılwa. Hulakī əcə wārə, ụlə̄kitpi garpaḍaran. Kụkəkī icərən, hutəlвi wācā, hoŋoron əhilə. Ilanma anŋanīl hoŋoron ıgḍargaknan.

Boloron əhilə, ḍụkəkər doŋotoŋnoro, kụkəkī вurdāktəḍərən. Hulakī gūnən: „Bəjə hələḍoŋōs". Hulakī kụkəkī ūḍalın вurdāhınən, əjụ̄rən. Jəkəllən kụkəkīdu: „Nəlgəkcənmə вūkəl". Moŋnon вicən kụkəkī, nəlgəwə вurən. Hulakī jụ̄rən mōduk, hụktillən. Kụkəkī hụjụllən.

И. Каплин. Ингаригда

2. Лисица, россомаха

Россомаха ведет семь оленей. Встретила лисицу. Лисица сказала: „Какие костлявые олени твои, у меня там хорошая земля есть, я (их) поправлю в неделю". Поверила россомаха, лисице отдала оленей. Лисица увела оленей. Далеко ушла, оленей убила, съела. В неделю кончила семь оленей. Неделя прошла, россомаха ушла привести от лисицы оленей, встретила лисицу: „Где олени?"—„Оленей съела (я), в неделю кончила". Убежала лисица. Позади закричала, ушла (лисица) к дому россомахи. Жена россомахи спросила: „Кто кричит?"—„Отец кричит", дети сказали. „(Я) оленей жирными сделала (поправила), колокольчик подвесьте на хвост", лисица сказала. Они привязали колокольчик, лисица убежала.

Идя, встретила кукшу. „Вместе пойдем", лисица говорит. Весна стала в это время. „Ну, мужичок, поплывем вниз от живущих". Поплыли (в лодке). „Я посплю, ты веди(лодку)". Лисица заснула. „Мужик", сказала: „Ты спи". Кукша заснула, лиса поехала вверх по реке, вверх пошла, мимо юрт проплыла. Спускаться стала по реке. „Мужик, вставай, скучно, поговорим". Едут в лодке, кукша говорит: „Мужичок, взгляни, людские пристани". Пристали на пристанях их, лисица сказала, предупредила: „Ты не пугайся, сильнее стреляй их, как бы ни говорили—убивай". Теперь кукша сказала: „Ты ту юрту скрадывай (подкрадывайся), я эту скрадывать буду". Поделили юрты свои. Стали подкрадываться, лисица в среднюю жердь (юрты) стреляла. Кукша бьет своих детей, не слушая; убили всех. Лисица не убила, ложно стреляла. Кукша увидала, детей своих убила, заплакала тогда. Три года плакала, до побурения.

В это время осень становилась, льдинки замерзали, кукша прыгает (по льду). Лисица сказала: „Мужик, пойдешь вверх". Лисица по следам кукши запрыгала, утонула. Стала кричать кукше: „Коряжинку дай". Глупая была кукша, коряжину дала. Лисица выскочила с дерева (по стволу), убежала. Кукша в водоворот (от утопленной коряжины) ушла.

N. Bajakī. Cirəmbu

3. Şulakī, jantakī

Şulakī əmərən jantakītkī. Jantakī taktıkānmą ogocō, kiglələḍirən, pəşilnəcə Şulakī amŋaduwı ciməcinmə nəkcəḍərān, bulkiḍirān. Jantakī gūnən: „ēwa bulkiḍändrī?"—„Urwəptinmi". Jantakī gūnən: „Alagdī?"—„Alagdı! alagdı!" Jantakī həγrən urwəptiŋmi, həγrən, gūnān: „Ənuką! ənuką!" gorowo gūnən „ənuką". Buddąn tarīc jantakī. Buḍākin, əşilə nuŋanmān əkulūrən ələtpi-li buddąn, təḍəkşirąn—bucə ələtpi, ēruktarān. Ətəcə ərīḍąmī, ēruktamī. ḍalildran, gūnān: „īlə şurudąm?"

Jantakī ūḍalın şururān; ŋənərən, ŋənərən, tālā ḍūn icəwuldrən jantakī. Ŋənərən ḍūlān. Jantakī hurilīn jūrə ḍūdukpar, gūnə: „Ава! ава əmərən". Jantakī hurilin gūldrə: „ōn carılıcās?"—„Kigləlwər obḍacāw". Irən ḍūlān jantakī, təgərən bedu. Təgərən jantakī aşīn kıradun. Āşinən, dolborōkın, inən, ānŋətcān, inərən tımātną. Tımātną ŋān şururān, hawalıldran.

Tālā bakaran ətirīkānmą lucawa. Murdakīttulın ŋənərən. Murdakīttıkī ŋənərən, gūldrən: „Cankīdus uguwānıkta". ųγrąn cankıdu. Ətirīkān murınmı olgoḍorən. Şulakī oldroŋılwān awşawān cēştrānān. Ņodurən oldrowo manawuknanın. „Ətirīkān", gūldrən: „guləş icəwuldrən həkuşiniktə". Jūrən cankıduk, amaşkī şururān, ətucildrąn oduranın oldrowo. Ətuttrān, ətuttrān, tāduk amunıŋnāran, īdu nōcān oldrowo, cıkəndən tādu.

Ətirīkān əmərən ḍūtkīwı, oldroŋılwı ēruktarān, ēmac ācın. Şulakītkī şururān, hanŋūktarān: „Oldroŋılwa icənəndrī?"—„On ətām icərə? hawalḍāktu, icātkąl amunmı tarı, cikānmı tarı". Ətirikān hanŋūlirān, hanŋūlirān şulakīwa, tāduk hukuşinən, ācır, umukāməc əşin bakara. „Əşilə ulbınḍam", gūnən. Şoŋoldrən. ḍūduwı ācın ḍəptilәl, huru bişin. Şulakī gūnān: „icəktə ōn-ka soŋoḍorən", ḍūlān ŋənərən. Hurilin bişi, ələtpi ācır, ēmac ācır. Şulakī gūldrən: „ēmat-cā ōŋnāndrı, hurilwı uŋkəl, hawaldātın".

Н. Баяки. Чиромбу

3. Лисица, россомаха

Лисица пришла к россомахе. Россомаха кедр свалила, лыжи делает, стругала. Лисица во рту жир с крестца очищает, ест. Россомаха спросила: „Что ешь?"—„Penis свой". Россомаха сказала: „Вкусный?"—„Вкусный, вкусный!" Россомаха отрубила свой Penis, сказала: „Больно! больно!" долго говорила: „больно!" Умерла поэтому россомаха. Когда (она) умерла, тогда ее (лисица) перевернула, верно ли умерла, проверила—на самом деле умерла—увидела. Перестала дышать, смотреть. Подумала, сказала: „Куда пойду?"

Пошла по следам россомахи, шла, шла, там дом россомахи виднеться стал. Пошла к дому ее. Дети россомахи выскочили из дома, говоря: „Папа! папа пришел". Дети россомахи сказали: „Как сгорбился?"—„Лыжи выделывал". Вошла в дом россомахи (лисица), села на боковое место. Села жена россомахи у двери. Легла спать, когда ночь настала. Продневала, ночевала, прожила до завтрашнего утра. Утром опять ушла, стала ходить.

Там встретила старика русского. По санной дороге его пошла. По дороге шла, сказала: „В санку твою сяду-ка". Влезла в санку. Старик коня своего ведет. Лисица сумку рыбью прорвала. Бросала рыбу, пока не кончилась. „Старик", сказала: „дом твой виднеется, слезу-ка". Выскочила с санки, обратно ушла, стала раскладывать выброшенную рыбу. Раскладывала, раскладывала, потом испражнялась (в том месте), где бросала рыбу, там (и) мочилась.

Старик пришел домой, рыбы свои посмотрел, нет ничего. К лисице пошел, спросил: „Рыб ходила смотреть?"—„Как не стану видеть (увижу)? на тропе посмотри, то испражнения, то моча". Старик спрашивал, спрашивал лисицу, потом вернулся, нет ни одной не нашел. „Теперь пропаду с голоду", сказал. Заплакал. Дома еды нет, семья. Лисица сказала: „Посмотрю-ка, как плачет", к дому его пошла. Дети есть, последнее нет (кончилось), ничего нет. Лисица сказала: „Как ничего не делаешь, детей пошли, чтобы ходили"

Əcəl hawaldʳa ēmac. Şulakī gūldʳən: „ïduk ajīcās? Şuruγət ajīḍāktıkīş!"—„Āmuttuk ajīcāw". Şuruγə ḍuktə āmuttıkī. Āmuc mūcə, həgdiŋə mu ōcā. Ətirīkən gūnən: „ədu ajīcāw oldʳowo. Mūdācā ajīḍakıw". Əwiləşanī ōda. Şulakī gūnən: „Əri ūḍawı duγutəkəl". Ətirīkən şuruγən, duutərən, əjuγən.

P. Putugır. Ņorbokō

4. Hulakī, irgicī

Hulakī əməcə irgicī ḍūlān, gūllən: „Bi ororвos umukəndu bēgadu вurguγīḍəŋəw, mindu вūkəl, ororвı ətəjəttəw. Bēgaja вikənim gənnədəji". Irgicī вuγən ororвı. Hulakī, huruwkənim, ororвōn ḍəwrən, upkatpa manarān. ḍəpitcənə iktəji kaputtān.

Bēγawa вikənim, əməḍirən irgicī. Hulakī icərən, diŋnilēhinən irgicī ḍūlān, gūllən: „hikəndıw imurənə ujikəllu! irgidu kōŋaktaja ujikəllu". ujəkittinun diŋnilēhınən. Hulakī вakarān ḍalвı, umukəndu gulucallan. Əməḍərən irgīcī, əmərən, guluwunma вargımnak mıkcānən, irgiji ılarān, hulakīl iŋjəktəllə irgicīt. Irgicī icərən iktən kapurgacāwə, gūllən: „Tiləməcilγət". Tiləməcillə. Irgicī gıdalārān, hulakīl upkat diŋnilēhittə.

I. Uwocān. Ņorbokō

5. Hulakī, iləl

Hulakī вakaran iləlwə, ḍūrwə ahālwə, gūllən: „Minə təmuduwər uγīrkəllə, вi ənə icəttə ulgucālḍiŋəw вıral daptulwatın, mınə daskāllə əllurḍīwər". Əhīlə əjəhinə. icərə вıra daptuwān, hanŋūktāllə hulakīduk: „ēkuma gərвin вīraja?" Hulakī əllun hərgidədun, kərciməwə ḍəвḍənə, gūnən: „Əjəlgə". Tāduk gūnən: „Dulilga"

(бродили, добывали пищу). Не ходили никак. Лисица сказала: „Откуда добыл? пойдем к месту добывания". — „Из озера добыл". Пошли вместе к озеру. Озеро с водою, вода высокая стала. Старик сказал: „Здесь добыл рыбу. Вода поднялась, после того как добывал". Весна настала. Лисица сказала: „По этой тропке перейди". Старик пошел, пошел через, утонул.

П. Путугир. Ербогочен

4. Лисица, волк

Лисица пришла в дом волка, сказала: „Я твоих оленей в один месяц поправлю, дай мне оленей караулить. Через месяц придешь, возьмешь". Волк отдал оленей. Лисица, уведя оленей, съела, всех кончила. Во время еды сломала зуб.

По прошествии месяца приходит волк. Лисица увидала, убежала к дому волка, сказала: „Привяжите на шею мою сало! на хвост привяжите колокольчик". С привязанным убежала. Лисица нашла родню свою, вместе стала жить. Приходит волк, пришел, через костер перепрыгнул[1], хвост поджег, лисицы стали смеяться над волком. Волк увидал сломанный зуб, сказал: „Давай поищем вшей". Стали искать вшей. Волк заколол (лисицу), лисицы все убежали.

И. Увочан. Ербогочен

5. Лисица, эвенки (люди)

Лисица встретила людей, двух женщин, сказала: „Посадите меня на плот. я, не глядя, расскажу (назову) устья рек, покройте меня нюками". Теперь по плыли. Увидали устье реки, спросили лисицу: „Какое название у реки?" Лиси под нюком, поедая сушеное мясо, сказала: „Верхняя". Потом сказала: „Средня

[1] Раньше при обучении ловкости подростки, забавляясь, увертывались от стрел и пр через костер. Неудачные прыжки всегда вызывали смех. Тема неудачного прыжка для встречается часто.

Tāduk nāŋ hanŋuktāllə, gūnən: „Hərəlgə“. Hulakī, manakānım, gūnən: ākkəllə“. Āgrə, hulakī diŋnīləhinən. Nuŋanmā ahaktalla tarıŋlın. Nuŋan mōlā tuktirän. Nuŋanmän вadaranə. Tarıŋıtın gūllən: „Kokollodımātjə hulakallu!“

B. Ədən. Urmi

6. Sulakī, вəjə

Umnəkən umun вəjə tugə вəjuhinən tolgokīt. Tar вəjə, ŋənədənə, dulgidəduwi sulakīwa icərən. Bəjə sulakīŋı garparan. Sulakī tiktən. Sulakī вəjəikī gundərän: „ēda sī minəwə garpannı; halganma həkəlinni? Minəwə tolgokīduwi hərkəkəl!“

Bəjəŋin hərkərən tolgokīdu, mənin tolgokīwı ırdaran. Tolgokīdun sulakīŋın kapukadaran. Bəjə ulgumirən:—„Sulakī, sī ēdannı?“ Sulakī gundərən: „Akī, ēkunmakat əcəw ōra. Hujəwi doŋotonowōn cīwdam“. Bəjə, ənə kihana, ŋənədərən. Siksə ānŋaktulā ıhıksākān, sulakīŋı gurərən. Sulakīŋın gūnən: „Akī! sī sōmat därinni вidiγən. Sī ətuwi ōkal, вī mōjawar mōlāktą“. Bəjə sukəwi вurən, gūnən: „Gə! mōlākal!“ Sulakīŋın ŋənərən. Bəjəŋin sulakīŋı amardukın imuksəŋi dəptilāwi icənən, pūtun-ŋu ācın. Sulakīŋın dəpcə. Bəjə dalduwı guncədərən: „Bəjə-kə baraksan əmədiŋəs, icəŋəwəs ōdıŋāw“.

Sulakījan tar ŋənətpi əcə mucura. Mataŋı dəptilāwən, imuksəŋŋən dəwuksākən, ulākkicəksākən, sulakīŋın cucaran.

I. Kaplin. Iŋārıgdā

7. Hulakī, ahāl

Ilan ahāl dawrādərą, ılan inməkil korcımotın. Hulakī jākərən: „Ahāl! minə gākallu dabduwar“. Gādą nuŋanmān. dawrādąna, gūnən hulakī: „Minə təwuskəllu daskallu. Bi urələ, вırala icəmī, ēkuma вıra, urə gərвin ulgucādiŋəw, adənə“. Nuŋan

---

Потом опять спросили, сказала: „Нижняя“. Лисица, съевши, сказала: „Пристаньте“. Пристали, лисица убежала. Те ее преследовали. Она на дерево влезла. Его подожгли. Та стала говорить (просить): „Хоть с рукавицу оставьте!“

Б. Эдян. Урми

6. Лисица, человек

Однажды один человек зимою промышлял с нарточкой. Тот человек, идя, перед собою лису увидел. Человек в лису выстрелил. Лиса упала. Лиса человеку говорит: „Ты зачем в меня стреляешь, ногу мою ранишь? Меня на нарточку привяжи!“

Человек привязал на нарточку, сам нарточку тащит. На нарточке лисица пощелкивает. Человек спросил: „Лиса, ты что делаешь?“ Лиса говорит: „Дядюшка, ничего же не делаю. Раны, отмороженное (место) лижу“. Человек, не беспокоясь, идет. Вечером на ночлег придя, лису отвязал. Лиса сказала: „Дядюшка! ты очень устал. Ты костер делай, я по дрова схожу“. Человек топор дал, сказал: „Ну! иди по дрова!“ Лисица пошла. Человек после лисы масло, еду посмотрел, совсем (ничего) нет. Лиса съела. Человек в уме подумал: „Мужик-то обождавши придешь, морду сделаю (убью—ругательное слово)“.

Лиса с ухода не вернулась. Молодца (богатыря) еду, масло съевши, обманувши, лиса скрылась.

И. Каплин. Ингаригда

7. Лисица, женщины

Три женщины едут в лодке, три торсука вяленого мяса (с ними). Лисица крикнула: „Женщины, возьмите меня в лодку“. Взяли ее. Во время движения лодки лисица сказала: „Везите меня, покройте. Я, спя, увидя горы, реки, расскажу, как называется река, гора“. Она

āhınən. „ēkuma tar icəwụllən вıra?“ hanŋụktalla. „Hụləlgə! hụləlgə!“. Ŋənəḍənəl hanŋūktalla: „ēkuma tar вıra icəwụllən?“—„ụhīlgä! ụhīlgä!“ Tāduk ŋān ŋənərə. „Hula! ēkuma вıra icəwụllən?“ — „Kụmkəlkä! kụmkəlkä! Akkạllu“, gūnən: „cikənmụlcạ вihim“. Āgrə, cikənnəhinən hulakī. Cikəlḍənə, iŋjəktəlcə, jəkəcə: „Ha! ha! ha! kərcim wə upkatwa manam“. Ahāl əhilə nuŋanmān ahahına mōldī. Hulakī mōwa tụktirən ụгiskī. Nuŋanmān togot вadaralla. Togowo hulakī gūllən: „Əkəl ḍəwrə upkatpān, ụksədikən hulakal“. Togo ụksədikən hulapcān. Ərduk hulakī irgin ụksədikən ōcān.

I. Uwocān. Ṇorвokō

8. Hulakī, amākā

Hulakī ŋənəḍəcən, ŋənəḍəcən amākāw arcaran. Haktıralcā вicən. Hulakī gūnən amākādu: „āhınmāt ēksa ojodun, pōllakadu“. Amāka ụrərən, hulakī gūnən: „diskī gūnəkiw, diskī ōŋnākạl“, tụgi kəmməl āhınạ. Dolвoni dulındun ōḍarākın, hulakī mıkcānən digidōlən, gūllən: „Diskī! diskī!“ Amākā āmīdujı ənə hārə, hụkəlōhinən, ēksa hərgiskīn вụrən. Hulakī ḍəwrən hıluktalwān kucıŋnan.

Tāduk hụrụrən, ŋənəḍicən, ŋənəḍicən, icərən ḍantakī mōldaḍarīwān killəjəji. Kucıŋnı ammalıji dirən hulakī. Hulakī gūllən: „Bi cōlijı ḍəpiŋnəm, alaṗcu вiŋnərən; ma! amtakal“. ḍantakī ḍəwrən, gūnən „Alapcu“. Tāduk mənŋiji cōlijı həгrən ḍantakī, вūrən.

Hulakī husmāhınän ḍantakī ūḍalın. Killəŋ̄tilвən gārən. Istan ḍūlān. Haktıralḍarākīn, hulakī āhıllạn ḍantakī ahīnunīn. ḍantakī ahīn gūllən: „ōnkur вihinnä ŋəltụmə?“ Omolgīlīn hụŋtācillə, nuŋanmān təktəllə. Tugı kəḍənəl nuŋanmān, əŋīnmər təktəhinạ cəŋdimnək, hulakī adaгarān. Ərdələ ḍantakī ụrụmkụn ōdan.

заснула. „Какая река там виднеется?“ спросили. „Вязки (от торсука верхние) вязки!“ Идя, спросили: „Какая там река виднеется?“—„Уздовая, уздовая“. Потом еще прошли. „Лиса! какая река показалась?“—„Вшивая! вшивая! пристаньте“, сказала: „Я помочиться хочу!“ Пристали, пошла лисица. Захохотала, крикнула: „Ха-ха-ха! вяленое мясо все съела“. Тогда женщины стали ее преследовать палками. Лисица влезла вверх на дерево. Его подожгли. Лисица огню сказала: „Не ешь меня всю, с рукавчик оставь“. Огонь оставил с рукавчик. С этих пор лисий хвост с рукав (величиною) стал.

И. Увочан. Ербогочен

8. Лисица, медведь (дед)[1]

Лисица шла, шла, встретила медведя. Темно было. Лисица сказала медведю: „Ляжем спать на верхушке скалы, на гладкой“. Медведь согласился, лисица сказала: „Если скажу повыше, двинься повыше“. Так заснули. Когда настала полночь, лисица перескочила через, сказала: „Выше! выше!“ Медведь во сне, не понимая, покатился, разбился у подножия скалы. Лисица съела кишки, сделала колбасу.

Потом ушла, шла, шла, увидала россхомаху, рубящую из дерева лыжи. Колбасу в рот сунула лисица. Лисица сказала: „Я ем язык свой, вкусный, на! попробуй“. Россомаха съела, сказала: „Вкусно“. Потом свой язык отрезала россомаха, умерла.

Лисица последовала по следу россомахи. Лыжные доски взяла. Дошла до дому. Когда начало темнеть, лисица стала ложиться спать с женой россомахи. Жена россомахи сказала: „С чего такой верткий“. Парни стали чужим признавать его, стали бить. Так колотя его, разрубили мать свою поперек, лисица увернулась. До сих пор россомаха осталась короткой.

[1] В эвенкийском языке для названия „медведь“ имеется более двадцати терминов. Наибольшее распространение имеют „amākā“—дед и „amīkān“—отец.

W. Uwocān. Ṇorboko

9. Hulakī, amākā

Hulakī amākāwə вakaran ēksadu, jaŋıl ḍapkadutın. Hulakī gụnən amākāwə: „Amākā! ḍū̱ktə āhınmāt“. — „Kə! āhınmāt“, gū̱nən amākā. „Hi ŋēlı āhkəl“. Amākā ŋēlı āhınạn, hulakī dili. Hulakī āḍənə gū̱niwki: „Ǫēskī! ŋēskī! amākā“. Amākā āhınạn. Āhıcālān, hulakī amākāwə anaran ēksa hərgiskīn. Amākā вụrụḍənə ēksaduk gıramnalвı kapuran, вụknən вụrụrən. Hulakī ŋənərən amākālā, amākāwə təlillən. Ətərən təlirə, amākā imụksəlḍīn kucıŋnan. Hulakī təlilвı nəkụrən.

Tāduk hulakī hụrụrən, irgihəjəwi hụrụwrən kucıŋnı. Gorowo ŋənəkənim, arcaran iləwə. Hulakī hanŋū̱ktallan: „ĭlə ŋənəḍənnə?“ — „ḍəptilələwi gələktəḍəm“.— „Minŋi вihin təlilвı, tālā hụrụwət“, gū̱nən hulakī. Hụrụrə ḍūktə, ŋənərə goromomowə. Gırkīn ḍəmmụkin, alвallan ŋənəḍəmī. „Hata ŋənəwət?“ gụnḍəwki: „Dagamaran“, gū̱nən hulakī: „Hi təli вiḍəkəl, вi gənnəktə“. Ilə əmənmụrən. Hulakī hụrụrən, gənnəhinən təlilвı. Tarkāndulā ŋənəkənim, hulakī hıpkıcıllan. Ilə hụkụləttən, hụkụlə̄ttən вolonī dolвonīwān, ḍəmmụkin alвaran tərətcəmī — doŋotorən. Bụcālən, hulakī təlirən iləwə tụyə ḍəmməcinəwi.

O. Salatkın. Nēpa

10. Sulakī, ilə

Umnəkən вakaldıcātın ilə sulakīŋun. Sulakī gū̱llən nuŋantıkın: „Miti ḍūksə wānāsınmāt kụŋkụwə“. Ilə gū̱nən: „Kə! sụrụwət!“ Nuŋartın ŋənərə dolвodolōn вirajawa solokī. Icəwụllən curвuka. Sulakī gū̱llən: „Curвukawa ıswāt, tụktiḍəŋəp ojolōn, tādu ānŋəcīlḍaŋāp“.

В. Увочан. Ербогочен

9. Лисица, медведь

Лисица встретила медведя на скале, на краю гольцов. Лисица сказала медведю: „Дед! вместе спать ляжем“.—„Ну, ляжем спать“, сказал медведь. „Ты внизу ложись“. Медведь лег пониже, лисица повыше. Лисица, спя, говорила: „Ниже! ниже! дед“. Медведь заснул. После того как заснул (он), лисица столкнула его со скалы вниз. Медведь, падая со скалы, разбил свои кости, летел до смерти. Лисица пришла к медведю, стала вялить медведя. Не став (перестав) вялить, сделала из жира колбасу. Вяленое мясо лисица положила на лабаз.

Потом лисица ушла, подорожник-колбасу унесла. Долго идя, встретила человека. Лисица спросила: „Куда идешь?“—„Еду ищу“.—„У меня есть вяленое мясо, пойдем туда“, сказала лисица. Пошли вместе, долго шли. Товарищ ее проголодался, стал (не в силах) итти. „Еще пройдем? говорит: Приближается“, говорит лисица: „Ты побудь тогда, я принесу“. Человек остался. Лисица ушла принести вяленое мясо. Пройдя недалеко, лисица стала следить. Человек лежал, лежал в осеннюю ночь, голодный, не мог выдержать—замерз. После того как (он) умер, лисица завялила (мясо) человека для зимнего запаса.

О. Салаткин. Непа

10. Лисица, эвенки

Однажды встретился эвенки с лисицей. Лисица сказала ему: „Пойдем вместе убивать медведя“. Эвенки сказал: „Ну, пойдем“. Они шли до ночи вверх по реке. Показался холм. Лисица сказала: „До холма дойдем, влезем на верх, там переночуем“.

Nuŋartın ısna curвukawa, ānŋəsnə. Ilə mōlālļaṇ, sulakī ųləllən cajṇawar: jəprə, ānŋąsınạ. Sulakī gūllən ilətkī: „Si āskəl dili, вi ŋēlı“. Ilə gūnən: „Kə! āsınŋāp!“ Nuŋartın āsınə. Sulakī dolвo təgərən, iləwə gıranan digidələn kərən ilewə anammen. Ilə ;ųŋųrisnạn ŋēskī. Cụŋųrrən вirajalā, mōldu wātsən, mānmi cuŋurmī gūnən: ‚Sulakīnun, ēkun ilən gırkıcān, targācınŋun ųlākkụn“. Sulakī, anaḍamī gụncən: „Nuŋan minə вụwkənəwi kərən, вi sācāw ərā ḍəpmī ərụpcụ ōdan, tarīt вi nuŋanman anacāw“.

M. Joligır. Turu

11. Amākā

Irgicī əmərən amākālā. Əməkənim, hanŋūktaldan: „Hi ēduk ŋələcindä?“ — „Aŋdukpı“, gūnən amākā, „Hi ēduk ŋələcindä?“—„Bəjəduk ŋələcim“. Amākā gūnən: „e—e! hi вəjəduk ŋələcindä, вi əŋnəm ŋəlettə“ — „Bəjəjə hakalatkāt, hi вəjəriktə əməwkəl, вi aŋılwə əməвḍəm“, gūnən irgicī.

ḍalum jəpkəkāwə əməwrən irgicī, amākāwə alвaran alatcamī. Alвakājim alatcamī, gəlāktildən irgicī amākāwə. Amākāwə вakaran вụcāwə. ḍūr вājə wācāl, nəkụnin вəjə. Irgicī gūcā: „Əḍạcạs əməwrə, ụmụkənə əḍạcạs əməwrə“, Amākā gūnən: „Nadan вəjəl вicātin, haltın tuksahıcātın, ḍūr вəjə nəkụnin əwkil hụjụnə, alвam wāssalanḍamī hōda ḍūr вəjə nəkụn вiwki. Əduk ḍụləskī ēkun-da əɣin ītə“, amākā gūnən: „hụjətkāt“.

Hụrụkānim, amākā ụlgụkīwə вakaran. ụlgụkīwə gūnən: „ḍiktəkārə gənnākəl, ḷəwdəw. ḍiktəwə əməwrākis, ēja-da ətām ḍəwrə ḍụlāskī“. ụlgụkī gūnən: „Hi ēja вūḍəndä?“ — „ēja-kə вūḍəm, irəksəwəs oṇoḍom“. ụlgụkī ḍiktəwə adıkānmə əməwən. Əməwrākin, gūnən amākā: „e-e! вi manatpı вụlihinḍəm“. Tarīŋın ụlgụkīŋi irəksə ṇocō ōdan.

Они дошли до холма, собрались спать. Эвенки пошел рубить дрова, лисица стала варить чай. Поели, легли спать. Лисица сказала эвенки: „Ты ложись повыше, я пониже“. Эвенки сказал: „Ну, заснем!“ Они заснули. Лисица ночью встала, перешагнула через эвенки, стала эвенки толкать. Эвенки скатился вниз. Скатился к реке, о дерево убился, сам себе, катясь, говорил: „Лисенка, какой худой приятелишка, такая лгунишка“. Лисица, столкнувши, сказала: „Он меня собирался отравить, я знала, что от съедания этого худо будет, поэтому я его столкнула“.

М. Йолигир. Туру

11. Медведь

Волк пришел к медведю. Придя, спросил: „Ты чего боишься?“ — „Рябчика“, сказал медведь: „Ты чего боишься?“—„Человека боюсь“. Медведь сказал: „Э! ты человека боишься, я не боюсь“.—„Мужичок, поищем, ты только человека принеси, я рябчиков принесу“, сказал волк.

Полную ямку притащил волк, медведя не мог дождаться. Не могши ждать, пошел искать волк медведя. Нашел медведя мертвого. Два человека убили, младшие (братья) человека. Волк сказал: „Почему не принес, ни одного не принес“. Медведь сказал: „Семь человек было, часть убежала, двух мужиков младших братьев не ранят, не мог попытаться убивать сильно, два (двух) человек(а)—младшие братья. С этих пор (и) впредь ничто пусть не слышится“. Медведь сказал: „Разделимся“.

Уйдя, медведь встретил бурундука. Бурундуку сказал: „Принеси ягод поесть. Если принесешь ягод, впредь ничего не стану есть“. Бурундук сказал: „Ты что дашь?“—„Что же дам, шкуру покрашу“. Бурундук принес немного ягод. Когда (он) принес, медведь сказал: „Э-э, я лапой поглажу“. Таким образом шкурка бурундука (раскрашенной) разрисованной стала.

Tāduk huruŗən amākā, hulakīwa вakaran. Hulakī gūnən „e-e! amākā! ādaγāt!“— „āskānən“, gunən amākā, „ŋanmaktaja ācin вinən ŋəkəjə“. Tādu āhina. Amākā hōt āmulcā. Āhiktadun hulakī digidələn ōdan. „O-o! amākā huкəmuлcā вihim! diskī!“ ōkal!“ Amākā diskī ōran, huкəldən, вuruŗən. Buruкānim luhu tukaladu вiдərən, dundədu. Nonon nuŋan uγilə вiдəcān.

P. Cēмвa. Ciraмвu

12. Şulakī amikānnun

Şulakī amīkānnun arcaldira. Amīkān gūnən: „Şulakī! ēwa вəjuşcandʳi?“ — Cīnākəlwa! ələptikīnma! Şi ēla ḍəwuŋnəndʳi?“ — „ḍujāpcalwa, ŋaŋtalwa!“ — „Şi ēdu ānŋacindʳi?“ — „Bi ānŋacinŋnām dōlā! Şi ēdu ānŋacindʳi?“ — „Bi nālg du ānŋacinŋnām, ələptikīn ḍəwuŋnəm mōdowi“. — O! ələptikī mindu ŋələmuгdi“. — „Bi ŋələcinŋnəm muгdəkānḍī əwunikin ēşal“. — „O! bi adija-wal əwunikin ēşal əruвḍam“ — „Şi gələktikəl muгdəkān əwunikin ēsalwa, вi ələptikīlwa ajḍam“.

Şuruŗä. Amīkān gəlāktildʳən, tālā arcaran muгdəkān şəcīwa, „Amīkān“, gūnən muгdəkān, nəlgə şēcī: „ilə ŋənəḍandʳi?“ Amīkān gūnən: „Bi şinə şuruвḍam“. Muгdəkān garparan amīkānma əşilā, higrən irəksəwə, ŋaktawān huşşan, əŋəktəwən gulirən cukīŋnən. Iŋawān uŋkuŗən tūlilā.

Āşinan вəjə. Timātna təgərən, ŋaktan oror ōcā.

Amīkān şulakītkī əŋnən əmərə. Şulakī nuŋanmān alattən, alattʳən, gəlāktənāşşən. Bakaran amīkān dilīn cukīdu.

W. Putugir. Norвokō

13. Hulakī amākānun

Hulakīja amākānun вakaldira. Hulakī gunən: „Bi əwunkī ēhacīlduk hōmat ŋələciŋnəm“. — „ēt? əwunkīlwər ēhacīduk ŋələciŋnənnä?“ gūnən amākā. „Hi ēt ŋələciŋ-

---

Потом пошел медведь, лисицу встретил. Лисица сказала: „Э-э, дед, поспим“.—„Для сна“, сказал медведь: „есть без комаров утес“. Там заснули. Медведь сильно хотел спать. Во время сна лисица перешла через (него). „О, дед, хочу скатиться, повыше подвинься!“ Дед повыше подвинулся, покатился, упал. Упавши, все время живет на земле. Раньше он вверху жил.

П. Чэмба. Чиромбу

12. Лисица с медведем

Лисица встретилась с медведем. Медведь сказал: „Лисица! что промышляешь?“—„Птичек, внезапно вылетающих! Ты что ешь?“—„Бруснику, шишки!“— „Ты где ночуешь?“—„Я ночую внутри (в дупле)! Ты где ночуешь?“—„Я ночую в коряжине, внезапно вылетающих птиц ем в дереве“. — „О! я боюсь внезапных птиц“. — „Я боюсь пенька с поперечными глазами“.—„О! я скольких поперечных глаз убивал“.—„Ты поищи пенек с поперечными глазами, я внезапно вылетающих птиц принесу“.

Ушли. Медведь пошел искать, там встретил ушастый пенек. „Медведь“, сказал пень, коряга с ушами: „Куда идешь?“ Медведь сказал: „Я тебя унесу“. Пень выстрелил в медведя, тогда ободрал шкуру, шерсть раздул, нос повесил на дерево. Шерсть высыпал снаружи.

Заснул человек. Утром проснулся, шерсть в оленей превратилась.

Медведь не мог притти к лисице. Лисица его ждала, ждала, пошла искать. Нашла медвежью голову на лабазе.

В. Путугир. Ербогочен

13. Лисица с медведем

Лисица встретилась с медведем. Лисица сказала: „Я боюсь сильно поперечных глаз“.—„Чего? поперечных глаз боишься?“ сказал медведь. „Ты чего

nənnä?“ hulakī hanŋūktaran amākāwə. „Bi ŋələciŋnəm hōmamat əliptiŋirḍi“.—„Tarīlḍiwər ŋələciŋnənnä, bi tariŋilbas umiwumcāw bukacān ōdālān“.

Nuŋartin ḍūktə gūmāttə: „Hi minŋi ŋələwkəciḍiw əwki ŋələttə, bi hinŋi, ŋələtkiciḍis əwki ŋələttə bihim“. Nuŋartin təruldira, biḍəktuləwər əmədəwər ḍālləli. Amākā hitihinən birajāwə ḍapkanŋalin. Hulakī huruŗən dətilduli.

Hulakī, ḍāllə ōdalān, umiwran əliptikīlbą, bukacān ōdalān. Nuŋan tēruduwi əmərən, ḍalduwi gunḍəwki: „Hitəhəldidə ŋələciwki bicā amākā“. Hulakī alatcā, alatcā amākāwə, amākāŋīn, tēruwi ılallat iltəcə, hata ācin bicə. Albakānim alatcamī, hulakī ūḍahınan amākāwə ūḍalin. Ūḍalin ūḍaran gē kaltakawa nuŗgiwə hulākī. Icərən mōkakārbą təktəcəl. Təktənəwətin icərən, təktəḍəktuwər ēwa-wal lokocōl. Hulakī icərən gırkın dılbān, lokopcō, amākā dılbān. Hulakī gūnən: „Hinə gūcəw hata ətənni tərərə“.

Ərdələ amākā ilədųk əwki ŋələttə bicən, hulakī ŋələciwki bicən.

W. Lontogır. Ika

14. Amākā əŋkä ŋələttə

Sulakīja amākānunın ųlgucəmətcərə. Sulakī gūnən: „Bi ŋələciŋnəm əwųnkit ēsatarılḍī“. — „Bi əŋnən ŋələttə əwųnkit ēsatarılḍī, ŋələciŋnəm ələwsigdilḍi“. — „Bi tarılḍī əŋnəm ŋələttə“, sulakī gūnən: „si əŋnənni ŋələttə əwųnkilḍī ēsatarılḍī, si wānākəl əwųnkil ēsatarıla, bi ələwsipcųlą wāmī, ələ əməwḍäŋəp“.

Amākā sųruŗən, sulakī gırkuran, əməwrən kətəməməwə ələwsipcųlwą, amākāwą alāttən, alāttən, albaran. Tar ūḍalın sulakī amākāwə asasnan. Bakaran amākā əwųnkit ēsatarılḍī wāwcā, cukīdu oŋoktotwi soŋoloḍoron.

Sulakī gūlīlən: „Tar-ka gunḍəcəs, bi əŋnəm ŋələttə əwųnkilḍī ēsatarılḍi“. Amākā gūnən: „Kə! ca! urunä sųruŗkəl“.

боишься?“ спросила лисица медведя. „Я боюсь сильно внезапно вылетающих птиц“.—„Тех боишься, я тех набрала бы с горку“.

Они вместе договорились: „Ты моего пугала не боишься, я твоего пугала не боюсь“. Они договорились притти через десятидневку на стоянку. Медведь отправился к берегу реки. Лисица ушла на болото.

Лисица через неделю собрала внезапно вылетающих с горку. Она по договору пришла, говорит в уме: „Зря боялся дед“. Лисица ждала, ждала медведя, после договора прошло еще три дня, медведя не было. Уставши ждать, лисица пошла по следу медведя. По следу шла полторы кочевки лисица. Увидала срубленные деревья. Срубленные увидала, на месте сруба что-то повешено. Лисица увидала голову товарища, повешенную деда-медведя голову. Лисица сказала: „Тебе говорила, (что) пожалуй, не выдержишь“.

До этих пор медведь эвенков не боялся, лисица боялась.

В. Лонтогир. Ика

14. Медведь не боялся

Лисичка с медведем разговаривали. Лисица сказала: „Я боюсь поперечноглазых“. — „Я не боюсь поперечноглазых, боюсь внезапно вылетающих“. — „Я тех не боюсь“, сказала лисица: „ты не боишься поперечноглазых, иди убивай поперечноглазых, я убью внезапно вылетающих, сюда принесем“.

Медведь ушел, лисица пошла, принесла много внезапно вылетающих, медведя ждала, ждала, устала. По следу медведя погналась. Нашла медведя убитого поперечноглазыми, на лабазе ноздри зияют.

Лисица сказала: „Так-то говорил, я не боюсь поперечноглазых“. Медведь сказал: „Ну! прочь! тихо уходи“.

Научная библиотека Института народов Севера ЦИК СССР

В. Әḍән. Urmī

15. Әhә, ԓәkā

Umnākān әhәŋun ԓәkā bakaldıra. Ṇәkāŋin amŋaduwı әmuwḍәcān әlәptikīwą. Әhәŋin әlәptikīwą icәksākān, ԓәkāduk ulguмillan. „Ōn ԓәkәksākān әlәptikīwą wānni? Bī әlәptikīduk sōmat ŋālәcim, bәjәduk әhim ŋālәrә“. Ṇәkāŋin gunḍәrәn: „Bī әlәptikīduk әhim ŋālәrә, nuŋan bī ḍәptilāw. Bәjәduk bī sōmat ŋālәm. Nuŋan, ԓәkālwә wāttān“. Әhәŋin gūnәn: „Sī әlәptikīduk әmī ŋālәrә, әr bugalā baran әlāptikīja әmuwkәl. Bī nānā baran bәjәjә wāksākān, әmuwdiŋāw“. Ṇәkākun әhә hujәcildirә.

Ṇәkāŋin bimī inәŋītikīn әlәptikīwą әmuwḍәwki bicā. Әhәwә uγәksākān alacimī, әhәŋī ūḍawān ūḍallan. Әhәŋәn ԓәkāŋiwә әwәnkīl wācāl. Әhәŋiwә dılwān gulīcāl.

Әhә bәjәwә wācā bihikin, nuŋan әwәnkīlwә ḍәptilātimcā. Bәjә nuŋandukın әŋәhītmәr ōnan tәkәnin bicā. Ṇәkāŋin әlәptikŋīi wānәtpı, tarīt nuŋan ḍәptilāltica әlәptikīwą.

Aw. Putugir. Ŋәkānnә

16. Hulakī hēŋannun

Nonon biḍәcātin hulakī koŋnomo, hәgdin irgicīdin. Hulakī gırkuḍacān bıra ḍapkalın; gırkuḍana bakaran hēŋanma biḍәrīwә bıra ḍapkadun. Hulakī gūnәn hēŋantikī: „Gukcanmāt gurukamīja!“ — „Kә! gukcanmāt“, hēŋan gūnәn: „әhikānә alātmәlcәkәl minә. Әrtikī ŋәnәmәlcәktә ādu, alātmәlcәkәl minә!“.

Б. Эдян. Урми

15. Медведь, соболь

Однажды с медведем соболь встретился. Соболь во рту внезапно вылетающую (птичку) нес. Медведь, птичку увидевши, соболя спросил: „Как собравшись птичку убил? Я птичек очень боюсь, человека не боюсь“. Соболь говорит: „Я птички не боюсь, она—моя еда. Человека я очень боюсь. Он соболей бьет“. Медведь сказал: „Ты птичек если не боишься, в это место много птичек принеси. Я опять же много людей, убивши, принесу. С соболем медведь расстался.

Соболь будучи ежедневно птичек приносил. Медведя долго ждавши, по следу медведя пошел. Медведя соболева эвенки убили. Медведя голову на (специальный лабаз) положили.

Если бы медведь человека убил, он эвенков едой сделал бы. Человек его сильнее творения основой (при сотворении) был. У соболя внезапно вылетающие птички добыча, поэтому он (соболь) едой сделал птичек.

Ав. Путугир. Нгоконно

16. Лисица с налимом

Вначале лисица была черная, большая с волка. Лисица шла по берегу реки; идя, встретила налима, живущего на берегу реки. Лисица сказала налиму: „Побежим взапуски по плесу“.—„Ну, побежим“, сказал налим: „немножко подожди меня. Сюда (моментально) приду, подожди (немножко) меня!“

Hēŋan hurʉrən. Ŋənərən hēŋan ɖaltikīwɪ, gūnən: „Hulakī ərihinəkɪn, ɖawuŋnakallu ɖʉləskīn". Hēŋān tʉγ hipkʉrən ɖalduwɪ upkattikī.

Hēŋan, gorokōnmə bikājim, əmərən hulakīŋɪn biɖərən, gʉ̄llən hulakītkī: „Kə gukcanmāt"— „Kəl" gʉ̄nən hulakī. Hēŋan bʉktʉnən, tādu-da billən. Hulakī diŋnilāhinən. Gukcahɪna ʉmʉkānmə gurukawa, hulakī jākərən „Hēŋan!" — „Hoj! Hoj!" ɖawran hēŋan amaskīn. Hulakī ʉrʉnən, gʉ̄nə: „Hʉktʉm". Hulakī diŋnilāhinən, diŋnilāhinən tarjalā, ɪllan, ərihinən „Hēŋan!" Tar gurukadu gʉ̄nən „Hoj!" Hulakī əlātpi diŋnilāhinən, diŋnilāhinən gurukamīwa, dʉ̄tārən kocowo, əwrən bɪralā, ərihinən hēŋanma. Tar ŋān tarjalā gurukadu ɖawran. Hēŋan əcā bʉktʉssəmātirə, tādu-da cʉcincəllən. Hulakī diŋnilānən, diŋnilānən ɪgɖargaknan. Ərdəlā igɖama ōdan, ɖəltʉmə, mʉdʉrən ōdan.

I. Uwocān. Ṇorbokō

17. Hulakī, kʉkākī

Hulakīja bakaldɪra kʉkākīnʉn. Uɾinə ʉmʉkāndʉ. Hulakī gʉ̄nən: „Hʉrʉγāt, ilələ wānāhɪnmāt, bi əjākī ɖawrāsɪnakɪw, hi āhɪnɪŋnakal". Holokī ɖawrāhɪnən. Hulakī icərən iləlbə, kʉkākīwə həriwrən āγrə, ŋurmāhɪnə, ɖʉ̄rpʉ biɖərə. „Hi ŋēwuwa pəktirʉlkal, nuŋartɪn ɥlākitpər gʉ̄lɖiŋātin „amēja-j!" gʉ́ldiŋātin „əŋnəkəl! ətākəl wārə!" hi pəktirʉlkal". Upkatpa təpʉrə. Hulakī cɪmkajɪ pəktirʉɖəcā. Kʉkākī icərən hoŋollon, ŋɪnnun dʉγādun hoŋorən cumɪknanmɪ.

Bɪra ələkəs doŋotolɖorōkin, kʉkākī burdaktɪɖirān bɪradu. Hulakī icətcirən, gʉ̄nən: „Kōkcārrī ēda nɪhɪntiɖannɪ?" „Burdalılγāt!" kʉkākī gʉ̄nən. Hulakī burdaɖena, əjʉrən. Bɪra doγɪdālɪn hʉrʉrən, bakaran ollolwo. Ollol əɲintin ɥhəɖərən. Hulakī gʉ̄nən: „Bi hamān bihim ɥγiskī turujə ōkallu!" Ōrä. Hulakī tʉktirən, hʉktillən ɖʉlāji.

Налим ушел. Пошел налим к родне, сказал: „Когда лисица крикнет, откликайтесь впереди". Таким образом налим предупредил родню свою всю.

Немного погодя, налим пришел к месту лисицы, сказал лисице: „Ну, побежим!"—„Ну", сказала лисица. Налим плюхнулся (в воду), там (и) остался. Лисица побежала. Пробежавши один плес, лисица крикнула: „Налим!" — „Хой! хой!" откликнулся налим позади. Лисица обрадовалась, говоря: „Убегу". Лисица бежала, бежала далеко, остановилась, крикнула: „Налим!" Тот на плесе ответил: „Хой!" Лисица изо всех сил побежала, пробежала плес, пересекла мыс, дошла до реки, покричала налиму. Тот опять там на плесе откликнулся. Налим не плыл, там же остановился. Лисица бежала, бежала до побурения. До сих пор рыже-бурая стала, верткая, хитрая стала.

И. Увочан. Ербогочен

17. Лисица, кукша

Лисичка встретилась с кукшей. Жили вместе. Лисица сказала: „Пойдем людей убивать, я вверх поплыву в лодке, ты спи". Вверх поплыла. Лисица увидала людей, разбудила кукшу. Пристали, отправились скрадывать, две юрты (стоят) есть. „Ты нижнюю стреляй, они нарочно будут говорить: „Отец", будут говорить: „не стреляй"—ты стреляй". Всех убили. Лисица стреляла в срединную жердь[1]. Кукша увидала, заплакала, на вершинке сухого дерева плакала до уменьшения.

Когда река только что начала замерзать, кукша прыгала по реке. Лисица увидала, сказала: „Зачем лапками щелкаешь?" — „Попрыгаем!" сказала кукша. Лисица, прыгая, утонула. Внутрь реки ушла, встретила рыб. Мать рыб болеет. Лисица сказала: „Я—шаман, постройте вверх столб". Сделали. Лисица убежала домой.

---

[1] Средняя жердь юрты стоит внутри между входом и костром. К ней привязывают поперечную жердь для подвешивания крюков.

N. Bajakï. Cirəmbu

21. Mundʳukātkār

Amīkān əmərən mundʳukātkārtikï. Mundʳukātkār tuktirä kımkalı, gūnə: „Amīkān jajaldʳan", huldʳaldulıwar ukcaksārwə tipcəl. Amīkān ḍawarän şēraŋılduktın şamālıldʳän, gūnän: „Mundʳukātkār əptilēltin cāŋes! cəŋəs!" Mundʳukātkār gūnə: „iŋəkə ēdan? ēşalwı turakal". Tāduk kapurīldulıwar tipcəl ēşaldun uŋkurə. Amīkān valıran. Mundʳukātkār gunḍərə: „iŋəkə ıdan? inŋiktəkərə ırmaktal! iŋəkə, lapulwı-ɣu lapucul!"

Iŋəkə, gərbicï Kanḍıkə, əmərän mundʳukātkārtikï, hanŋūktaran: „Amīkān ïli şurucən?" — „Ərjəklə şurucən!" Tālā bakaran, ḍawaldırän, gūnən mundʳukātkārtikï: „oştoljo əməpkəllə". Tādu baldapkānän amīkān. Iŋəkə mucurän ḍūlāwı. „Iŋəkə! uculdʳəp, şurudəp".

Şururə mundʳukātkār, iŋəkətin gūnän: „Kōkcamalı şurukəldʳu, ənəl kukcumalı şururə". Nuŋartın şururə kukcumalı. Tālā hujəldikïcitin, ələkəş gūnən: „ïli şurudəp?", gē gūnən: „Kōkcamalı". — „Ətəp! ḍawaldıp". Ḍawaldırä. „Ir dabdıḍan, kukcumalı şurudəp". Nəkundimər dabdıran, ḍūkrə şururə kukcumalı. Ŋənərə, ŋənərə, tādu hakuwrä. Mundʳukātkān gūnən: „Cijikān binə jūktə!" Gē gūnən: „Cındalbukï binə". Cijikān binə jūrən. Cındalbukï jūrən tugi. Ugaşınən nəkunïn nuŋanmän, mugdəkācəndu nārən, ınamuldʳän. ēkşamradu nārän, ŋān ınamuldʳän, tākındu nārän, ŋān ınamuldʳän. Ŋān ēkşamradu nārän, əmənən əşilə. Ŋənərən ərəkïltikï. Ərəkïldu işinən. Ərəkïtkï gūnən: „ŋaḍumālıɣā(t)!" Mundʳukātkān şələməwə ayawa gadan, ərəkï alıcə: „Ajawa ayawa!" Ərəkï gūnən: „Uramakān ayaw, kıŋeş ōkal!" Kiŋeş ōran, ərəkïtkï gūnən: „Ŋaḍumalıgā(t)!" Mundʳukān şururən. Tālā ışşan, əkïnïn əmədənən əkşārïdu mirəcā. Tādu ororwı kaŋalburä nəlgə şaŋārdulı. Əkinin gūnən: „Kaŋalbulkal!" Kaŋal-

---

N. Баяки. Чиромбу

21. Зайцы (сестры)

Медведь пришел к зайцам. Зайцы влезли по средней жерди (юрты), говоря: „Медведь стал шаманить". Под одеяла сунули гнилушки. Медведь схватил за жердь, стал шаманить, сказал: „Легкие зайцев, чанес! чёнёс!" Зайцы сказали: „Бабушка что делает? глаза открой". Потом ноговицы открыли, в глаза насыпали (песок)[1]. Медведь ослеп. Зайцы говорят: „Бабушка что делает? Черемуха[2] поспела! Бабушка, уши мохнатые" (дразнят).

Бабушка, по имени Кандика, пришла к зайцам, спросила: „Медведь куда ушел?" — „Сюда ушел!" Там нашла, схватилась (с медведем), сказала зайцам: „Стол принесите". Там (на этом) заставила скатиться (спустила) медведя. Бабушка вернулась домой. „Бабушка, соскучились (мы), уйдем!"

Ушли зайцы, бабушка сказала: „Идите по копытообразной, не идя по кулеобразной (дороге)[3]". Они пошли по кулеобразной (дороге). Там на месте разветвления первый сказал: „Где идем?" Другой сказал: „По копытообразной". — „Стой! поборемся!" Схватились. „Кто победит, по кулеобразной пойдем". Младший победил, пошли вместе по кулеобразной. Шли, шли, там закрылась со всех сторон (дорога). Заяц сказал: „Хвоинкой будучи, выскочу-ка". Второй сказал: „Шишкой будучи". Сделавшийся хвоинкой проскочил. Шишкой (сделавшийся)[4] выскочил тоже. Потащил младший его, на пенек положил, заплакал. На скалу положил, опять заплакал, на колоду положил, опять заплакал. Опять на скалу положил, оставил тогда. Пошел к лягушке. У лягушки жил. Лягушке сказал: „Погощу у родни". Заяц железный игольник взял, лягушке похвастался: „Хороший, красивый". Лягушка сказала: „Стальной игольник, звон сделай". Позвонил, лягушке сказал: „Погостим". Заяц ушел. Дошел до того места, старшая сестра (заяц), оставленная, вышла замуж за бога. Там олени побрякивают через дыры коряжины. Старшая сестра сказала: „Позвони". Позвонило

---

[1] У зайцев был набран в чулки и ноговицы песок.

[2] Глаза медведя называют иносказательно черемуха, уши—мохнатки, сердце—железное и т. д.

[3] Кулеобразная дорога приводит в тупик.

[4] Заяц, превратившийся в шишку, сделал попытку проскочить в щель, но застрял. Другой заяц потянул его и оторвал голову.

burän tuḳşinməwən. Əmərə oror. Oror tuŋmə həgdimər. Mundʳukātkān ororwo həgdilwə əkīnduḳ şuruwrən ḍūlāwı. Işşan ḍūwı. Ərəkī əməpcən kumıkārwə. Oror şuruwrə kōkcarduwar kumıkārwə. Ərəkītkī gūnən mundʳukān, tuḳşaḍana ḍūwı: „Hiγin əməḍərən!“ Hiγin dəgiwuşnan ḍūwān ərəkīn. Ərəkī āmutkānduli hurrən.

Ş. Kımā. Cirəmbu

22. Mundʳukār, jantakī

Jantakī ḍəwrän mundʳukār əŋīnmətin, taduk ḍūlātın əmərän. Mundʳukār āşınmurä ukcakşārwə huldʳalduwar, untalduwar tukalawa təwrə, ikāptinduliwər tuktirä Jantakī əmərän, həkimnəldʳən, gunḍänä: „Mundʳukātkār əptilāltin coŋuş! tepuş! coŋuş! tepuş!“ Mundʳukār gūnä: „Amākā ēḍandʳı?“ Icəşnən jantakī uγişkī, mundrukātkār tukalawa uŋkurə jantakī ēşaldun, tāduk mişārə. Atırīkān ḍūlān ŋənərä. Atırīkān ḍūduwı ācın, bəjucā. Atırīkān imukşəŋilwān ḍəwrä, ḍikildʳə kalandun. Atırīkān əmərən dolboltono, togowı ılaldʳän. Nuŋandulın bicātin hawālīşal ələtin itigālin. „Iwəldʳəl əməkəldʳə, togo ḍəgdəkəl!“ Iwəldʳəl mənākār əmərə, togo mənəkān, ḍəgdəwrən. „Haga mūltunākəl“. Haga mūltulirən: „Kalan əməkəl!“ Kalan əŋnər ən əmərə „Kıŋ!“ ōḍan ələ. Atırīkān tukuldʳan, şolıwūnmı gādan, iktərən kalanma. Mundʳukātkār iŋjəktəldʳə, kalanduk jūrə. Atırīkān gūldʳän: „Nīkā! ēwa-ka ḍıkılkātcuş? Mindu ucunigdə umukāndu! Nıkā, mindu işkəldʳə!“ Işnə. Nuŋan bəjuşipki amīkārwa, əŋəŋəptundwi əməwuwki amīkānma. Mundʳukār həgdimukār ōda, gūnä: „Bu uculdʳəw, bu-wə-li bəjuşnəw, gıdawı būkəl mundu“. Hanŋūktara atırīkāntıkī, on ārinərən. „Ŋāməndʳəjə əli! əli!“

Mundʳukātkār hoktorōnmo işşa, təgənākār ārildʳə ŋāməndʳəjəwə. Ŋāməndʳəjə əmərən, nuŋartın icərə, jəŋaw mişārə, gıdawān əmənə. Iŋəkālə mucurə gūnä: „Ŋālə-

---

за облаками. Пришли олени. Олени очень большие. Заяц больших оленей от старшей сестры увел домой. Дошел до дому. Лягушка принесла насекомых. Олени унесли на своих копытах насекомых. Лягушке заяц сказал, убегая домой: „Ветер идет“. Буря снесла дом лягушки. Лягушка нырнула в озеро.

Ш. Кима. Чиромбу

22. Зайцы, россомаха

Россомаха съела мать зайцев, потом в их дом пришла. Зайцы положили спать под одеяло гнилое дерево, в унты набили земли, по жерди юрты влезли. Россомаха пришла стала топтаться, говоря: „Легкие зайцев (съем) чонгуш! топуш! чонгуш! топуш!“ Зайцы сказали: „Дедушка, что делаешь?“ Посмотрела россомаха вверх, зайцы высыпали в глаза россомахи землю, потом исчезли. К старухе домой пошли. Старухи нет дома, ушла промышлять. Сало старухи съели, спрятались в котле. Старуха пришла вечером, огонь начала разжигать. У нее были работниками все вещи. „Дрова, придите! огонь, зажгись!“ Дрова сами пришли, огонь сам зажегся. „Чуман, приди, наполнись водою“. Чуман наполнился водою. „Котел, приди!“ Котел не мог притти. „Кинг!“ только (и) сделал. Старуха рассердилась, взяла палку (для закрывания двери), ударила котел. Зайцы засмеялись, из котла вылезли. Старуха сказала: „Малыши! для чего же спрятались? Мне одной скучно! Малыши, у меня живите!“ Жили. Она промышляла медведей, за поясом притаскивала медведя. Зайцы подросли, сказали: „Мы соскучились, попробуем-ка мы промышлять, копье дай нам“. Спросили у старухи, как кричит (она). „Медведь сюда! сюда!“

Зайцы пошли по тропинке; севши, начали кричать медведя. Медведь пришел, они увидали, с испугу убежали, оставя копье. К бабушке вернулись, говоря: „Страш-

mụpcəkəkụn! gıdawas əmənə!“ Iṇəkə gụ̈nän: „Bi ṣụnə gụcəw ŋ̈ələmụpcə cıpkän!“ iṇəkə gəlnərən.

Ṇän mundʳukär ijəcildʳə gırkuḍıdäwər, gụ̈nä: „ụcụldʳəw“. Ṇụŋnərən atırïkän: „Ələ ṣụrụkəldʳə, tälä ōḍan kōkcama, kukcama“.

Ṣụrụrə mundʳukär, tälä ıṣṣa ūḍa ḍụ̈nməmən. Əkïndi omgorən: „iṇəkə gụ̈cən kukcumalı ṣụrụdät“. — „Əṣin, iṇəkə gụ̈cạn, kokcamalı ṣụrụdät“. Əkindi gụ̈nän: „Ŋ̈ōrcagät, ïduk dabdıḍap, ṣi dabdırakıṣ, ṣụrụḍəp kōkcamalı, bi — kukcumalı“. Ŋ̈ōrcaldʳa, ṣagdamar dabdırän. Ṣụrụrä kukcumalı, ŋənərə gụləkəntikï, gụləkən hakura nuŋarwatın haktıragdıdu. „Hiruldʳəp!“ Nəkụ̈ndi gụ̈nən: „ıŋaktadin, cijədin!“ Əkïndi gụ̈ldʳän: „Cındälbədıkän ōkta!“ Gē cijədin ōran, jụ̈rən gụlạ ṣajalın. Ṣagdak cındälbukï ōdan, dılırıktawı jụ̈rən, mirəlduḳpi tagawrän. Nəkụ̈nmi täncıldʳạn dılwän, dılwän pəstirgarän, nuŋanman uγaṣnan. Darụmï, əmənən täkəndu dılwän. Amaṣkï ətəṣnən, əkïnïn ṣoŋolcō. Ṇän gädan əkïnmi dılwän, caskï ṣụrụrän, hōkṣamradu lokurän. Amaṣkï ətəṣnən, əkïnïn iŋjəktəlcə, əmənən tädu. Əkïnin gụ̈nän: „Nəkə, ṣukṣalbı lukulıldʳäktın, ənə bəlgənəldʳə ēkurdu-wal ḍawunan“. Nəkə ṣụrụrän ṣukṣan lukurgaran, bəlgənəṣnən: „Əkïnduwi-wäl ṣoŋojo ōdakıw, ēkunḍï ṣukṣalbı lukuja ōdan?“ Ərəkï ḍawrän. Ŋ̈ənərən ərəkïtkï, iṣnən ərəkïnụn. Ərəkï ŋ̈ācıktəldʳän, ṇaḍumıḍedäwər „Mundʳukän ṇaḍumıḍaγät“. — „Minṇi ṇaḍulwı ācir!“ Ərəkï ṣụrụrän dolboltōno əməwrən ororowı — kumıkärwə. Mundʳukätkän ṣụrụrän əkintikïwi. Əkinïn ədïlïcạ agdıwa. Hụrilin bişi nuŋanŋ̈ācınïn dıldʳagdal. Əkinin gụ̈nən: „Alatkal, awuspı ụnə əməḍän!“ Əmərən dolboltōno awuṣın. Əməmï ụdişikələn ōran, ororon anıran. Nuŋan ərəkïtkï əməwrən. Ədıldʳən, ərəkï ḍụ̈wı tukṣaldʳən, ədın ṣụrụwrän ḍụ̈wän. Ororwōn ərəkï mundʳukän ororın kōkcarwar ṣajaldutın ṣụrụwrə. Ərəkï albaran tukṣacəḍəmï, gụ̈nən: „Ṣi-mət mōmat bəkụj həgidun!“ Ərəkï bəjətpi hụrrən mụ̄li. Tikinḍụlə ərəkï mụ̄dụ inḍərən, mōdu ərəkï papandukın mō halaktan ōcän.

ный, копье оставили!“ Бабушка сказала: „Я вам говорила, (что) страшный зверь!“ Бабушка принесла.

Опять зайцы (сестры) стали проситься побродить, говоря: „Соскучились“. Указала (дорогу) старуха: „Здесь идите, там будет копытообразная (и) кулеобразная“.

Ушли зайцы, до того (места) раздвоения дороги дошли. Старшая забыла: „Бабушка говорила, чтобы шли по кулеобразной“. — „Нет, бабушка говорила, чтобы шли по копытообразной“. Старшая сказала: „Поборемся, как победим: если ты победишь, пойдем по копытообразной, если я—по кулеобразной. Стали бороться, старшая победила. Пошли по кулеобразной, дошли до избушки, избушка окружила их в темноте. „Давай заговорим!“ Младшая сказала: „Шерстинкой, хвоинкой (стану)“. Старшая сказала: „Шишкой стану“. Вторая хвоинкой стала, выскочила в щель избы. Старшая шишкой стала, только голова прошла, плечами застряла. Младшая стала тащить голову, голову оторвала, ее потащила. Уставши, оставила голову на колоде. Оглянулась обратно, старшая плачет. Опять взяла голову старшей, дальше пошла, на разломанное молнией дерево повесила. Обратно оглянулась, старшая начала смеяться, там (и) оставила. Старшая сказала: „Малыш, когда вязки (на унтах) развяжутся, не ругайся, где-нибудь откликнется“. Меньшая пошла, вязка развязалась, ругнулась: „У старшей какой, плаксой стану когда, с чего (это) вязки развязались“. Лягушка откликнулась. Пошла к лягушке, стала жить с лягушкой. Лягушка предложила погостить у родни. „Заяц, погостим“. — „У меня нет родни“. Лягушка ушла, вечером привела оленей — насекомых. Заяц пошел к старшей. Старшая (заяц-сестра) вышла замуж за гром. Дети ее такие же как она — только головы. Старшая сказала: „Подожди, зять рано придет“. Вечером пришел зять. Придя, поясное украшение сделал, оленей подарил. Она (младшая сестра-заяц) привела к лягушке. Ветер начался, лягушка дом тисками покрыла, ветер унес дом ее. Оленей лягушки, заячьи олени в щелях копытных унесли. Лягушка не могла убежать, сказала: „Хоть бы тебе деревянный Penis“. Лягушка сама (телом своим) нырнула в воду. До сих пор лягушка в воде живет, на дереве из Penis'а лягушки теперь трещина (откуда течет смола) стала.

M. Joligir. Turu

23. Mundukān

Ətirkən вuşşəḍərən. Mundukān tarā nimŋaldan. Mundukān gūnən: „Ilələв gəlnəktə, ḍarıtcaŋātın". Ətirkən tādu gūnən: „Atırkākun! mundukānmə ḍəwuldiŋət! Bi nuŋanmān hamānıktạ. Əkəl ulgucənə ēwa-da, urkəjə ajamamat hōmkal, вi вuşşəliktə, mindu əldənmə tutāncəməwə əməpkəl". Nimŋaldan. Mundukān gūnən: „Tuksəŋildi horontılda". Mundukānmə ətirkən duktaldan. Duktaldākın, atırkānīn tigicildən. Ətirkənīn əldənḍiji ələ iktərən, koŋnomo hēnın mundukān ōdan. Tāduk atırkānīn iktətpi wārən umukānmə. Tarıŋın iktəlin həgdikākun ōdan mundukaŋın urənə.

Mundukān hēnın koŋnomo ōdan ər вihilət. Mundukān tuksudu əwki gırkıra ōdan, dundədu təγətnə ōdan upkatpa tırganīwa. Tuksəcīdu tırganīdu tugı təγətnə ōdan. Tırganīdu tukşəjə ācındu nuŋan hēktalwa ḍəwuldən.

D. Woul. Aŋarā

24. Atırkān tukşakīnun

Umnakān вiḍacātin atırkācān, ətirkəcən. Ḍəmuḍəcātin nuŋartın. Ətirkəcən gūnən: „ḍəmulikşəl, atırkān, tukşakīl şamānatın şamālākal. Bi вugləlikşan ōḍalım?" Atırkān şururān. Ŋənəḍawki. Ŋənərān, ŋənərān, вakaran tukşakīl şamānmətın. Gūnən tukşakīl şamāntıkītın atırkācān: „şamālārandı! Minni ətirkānmi вugləlcā". Tukşakī gūnən: „ərdat şurudāŋəw!" Tar atırkācān ŋənəştən ḍūlāwı, tukşakī tar şururān. Atırkācān ıstan aranmı. Tar ətirkānmi āşınmuran, tāduk ciktəlвə ətirkānmi oŋoktolın təwdan. Tāduk atırkān ətirkāndu wi вūrən mōwa, aranmı ḍəkərən şaŋāşəlвə, ədətın tuksakīl uktildə. Şururān tukşakī şaman, amardun вodoşto əşil şamār вişi, kətə tukşakīl. Əmərə

М. Йолигир. Туру

23. Заяц

Старик хворает. Заяц на него шаманит. Заяц сказал: „Пойду приведу людей (зайцев), подпевать будут". Старик тогда сказал: „Старушка, зайца съедим! я его зашаманю (обману). Не рассказывай ничего, дверь хорошенько прикрой, я захвораю, принеси мне железный меч". Стал шаманить. Заяц сказал: „Облаками покрывается". Зайца старик ударил. Когда ударял, старуха стала караулить. Старик ударил только железом, почернело ухо зайца. Потом старуха зубом одного убила. Зубы того (зайца) большими стали подобно заячьим (современным).

Заячье ухо почернело до настоящего времени. Заяц не смог по облаку ходить, весь день стал сидеть (жить) на земле. В облачный день—также сидит (живет) на земле. В безоблачный день он стал есть талинки.

Д. Воуль. Верхн. Ангара (С. Байк. район)

24. Старуха с зайцем

Однажды жили старик (и) старуха. Захотели есть они. Старичок сказал. „Голодные (мы), старуха, заячьего шамана позови шаманить, я болящим сделаюсь": Старуха ушла. Идет. Шла, шла, нашла заячьего шамана. Сказала старушка заячьему шаману: „Пошаманишь! Мой старик заболел". Заяц сказал: „Вот погодя пойду!„ Та старуха дошла до дому, заяц тот ушел. Дошла старуха до юрты. Того старика уложила спать, потом воткнула ягоды в нос старика. Потом старуха дала старику палку, в юрте дыры заткнула, чтобы зайцы не могли убежать. Пошел заяц-шаман, за ним вслед не шаманы, много зайцев. Пришли

tukşakīl, təγərə aranmə muŗəli. Nimŋāldən tukşākī: „Puŋ! puŋ! puŋ!“ Ətirkən bутilbən duptən muјəkşitmī. Ətirkạn ılḍakāttạn, gadan mōwa tar nimŋātcạrīlba tukşakīlba tijəwuṇḍiwī təpuldən. Tukşakīlbə təpurən, təpurən, kətəwə wārən tukşakīlbə. Tukşakīl şamānmətın təputtən şērdulın, urārən. Tukşakīl şamāntın jūrən şōnalı. Ətirkạn, atırkān inistə iləlgācin.

Ş. Kımā. Cirəmbu

25. Amīkān kolēmtēnun

Amīkān kolēmtēnun muşcämātşə. Amīkān gūnān: „şi minŋidu inəninduw aşumātcə ətəndʳi inə“. — „inḍəm! Şi tugi ətəndʳə inəninduw inə!“ Həŋkātmāttʳə, həŋkātmāttʳə, kolēmtē jūrən mūduk dundʳạlə. Dundʳạdu həkuləşnən. Əbəj hurурən mūli, təli əməlcə amaşkī, tāduk ŋān hurrən mūli, ŋān əməlcə, lopurorən amaşkī. Illwrān hurrān mūli, aşumātcə əşin məŋicərə. Kolēmtētkī əŋkəcildʳən: „Bi ətəm şinŋidu dundʳạduş inə“. Kolēmtē umuntikī ukələldʳən. Əbəj tikuldʳạn kolēmtē həkimnāşnən mūlə. Ərduk kolēmtē kapcakta ōdan.

S. Bukocār. Tuŋir

26. Atırkān, amikān

Umukən atırkān bicą omolgīcī. Nuŋartın ororun ācın bicạn, umukən murın bicạn. Bılgatın manawrān, omolgı hurурān, bəjurān. Hurudānä, gūnān əŋīnduwi: „Bi timī əməḍiŋāw“. Əŋīnīn ännạttän umukən dolbonīwa, əməḍiŋạdun inəŋīdun alātcinạ. Alāttän, alāttän omolgī əcə əmərə tar inəŋīdu. Atırkān garạn sukəwi gələktəyinən omolgīduwı. Ŋənərān, ŋənərān ūḍawān bakaran omolgīŋīwı. Ūḍaγınən omolgī ūḍa-

---

зайцы, сели вокруг костра. Зашаманил заяц: „Пунг! Пунг! Пунг!“ Старика болезнь не мог до конца (вылечить). Старик встал, взял палку, стал бить тех шаманящих (подпевающих) зайцев. Зайцев бил, бил, много набил зайцев. Шамана заячьего ударил по (около) ушам, мимо пəпал. Заячий шаман выскочил в дымовое отверстие. Старик (и) старуха стали жить, как люди.

Ш. Кима. Чиромбу

25. Медведь с карасем

Медведь с карасем заспорили. Медведь сказал: „Ты на моей земле совсем не сможешь жить“.—„Проживу, ты тоже не сможешь на моей земле жить!“ Спорили, спорили, карась выскочил из воды на землю. На земле лег. Медведь нырнул в воду, тотчас выскочил обратно, потом опять нырнул в воду, опять выскочил, вылетел обратно. В третий раз нырнул в воду, нисколько не выдержал. Карасю сказал: „Я не могу на твоей земле жить“. Карась на одном месте лежал. Медведь рассердился, притопнул карася (столкнул) в воду. С этих пор карась плоским стал.

С. Букочар. Тунгир

26. Старуха, медведь

Одна старуха жила с сыном. У них не было оленей, один конь был. Еда кончилась, парень ушел, промышлять пошел. Уходя, сказал матери: „Я завтра приду“. Мать ночевала одну ночь, поджидая день прихода. Ждала, ждала парень не пришел в тот день. Старуха взяла топор, пошла искать парня. Шла, шла след парня нашла. Пошла по следу парня.

wān. Ūḍalın ɥrəkəcạ̄nmə tuktiɣinən. Urəduk icəcillän ərgiskạ̄kī, araj icärän ɥrə ərədun ɥklạ̄ḍirän kulın ılan dılıcī. Atırkān araj mədärän „Muka omolgīwə ḍəptän ər kulın".

Atırkan mucuɥrän ḍūlāwı, gārạn porōkwa, təwrän porukıɣı hutəkəcạ̄ndu, ərkərän ulawə ɥtəkəcạn amŋadun. Mucuɣinạn amaşkākī ūḍalıwı, əmərän ɥrəlạ̄wi, nullan gāŋdıt ulawı; nōdarän kulındulā. Kulın icəḍəkän, laŋgalırän ɥtəkəcạ̄nmān, nımŋərän. Atırkān olgımāllạn ɥrədu, alācillän ōkın-ka tilkəḍän hutəkəcạ̄nîn. Olgımādalān, ɥtəkəcạ̄nîn kulın ɥrin dōndun dilkərän. Dilkərəkin, atırkān tuksaran kulındulā, icärän omolgīwı kulın ɥrdun. Omolgīwı gıramkıɲa tādu-dāt ōran, dunnədu ımārän. Imāksək, atırkān ḍūlāwı ŋənəḍəɣinən, ḍūdun bılgan ācın bicạn. Ələ nuŋurnī ōran, atırkān togojowı ılarän tulilạ̄. Əhilə āɣınən togoduwı. Dolbo atırkān mēlillan. Togotkīwı tcärän, togon bargıdādun nulgimạ̄ḍirän amīkān, ŋāləwı icəwkạ̄tcäna. Atırkān daɣamadāwı nuŋandulān ŋələḍəwki. Atırkān ajamamat icəcəliksək, icərän ŋāladun suptilәwə. Atırkān təli dagamaran amīkāndulā. Ələ cuktuḍirän ŋāləduкın suptilәwə. Amīkān mucuɣinän, atırkān ŋələḍiwkạ̄ ādāwı. Təɣəksək, təɣəksək, atırkān āɣınän. Təɣəltənə atirkān, mēlıksak, icärän toɣon bargıdādun huklạ̄ḍirä bəjur. Amīkān cuktalınalın bu̇cạ̄. Atırkān, tarıt ullənjtəḍənə, billän.

Ś. Bukocār. Tuŋir

27. Əwənkī kulınnun

Umukən əwənkī, bəjuḍänạ, dōldırän təpkənmə. Tar təpkəndulạ̄ tuksaran, icərän ılandılıcī kulın amīkännun kuhiḍərä. Amīkān, əwənkīwə icəksək, təpkəllän: „Mindu bələtkəl! bələtnəlis bi sindu bəjurə əmuwḍiŋạ̄w, ḍawaksak". Kulın təpkəndəwki: „Bi sinələ mu̇lạ̄ ŋənəwḍiŋạ̄w, icəwkạ̄nḍiŋạ̄w ələnīja". Əwənkī ḍalduwı gu̇ɣincārän, gu̇ɣincārän: „Bələcīktə kulınma, mu̇dụ ənəwi icərä, icəḍiŋạ̄w", ḍalduwı gu̇ɣincārän, pəktirạ̄wunmi gārạn, otdārän amīkānma. Kulın gunän: „ukkal mindu səgdənnələ, bi sinəwə əməwḍiŋạ̄w mu̇lạ̄, icəwkạ̄nḍiŋạ̄w ələnīja". Əwənkī ūɣran səgdənnələ, kulın

---

След на горку поднялся. С горы посмотрела вниз, увидала, (что) у подошвы горы лежит трехголовая змея. Старуха сразу догадалась (почувствовала): „Кажется, парня съела эта змея".

Старуха вернулась домой, взяла порох, набила порох в мешочек, привязала трут у связки мешочка. Вернулась обратно по следу, пришла к горе, зажгла огнивом трут, бросила к змее. Змея, увидев, схватила мешочек, проглотила. Старуха остановилась на горе, ждала, когда взорвется мешочек. До ожидания, мешок взорвался в брюхе змеи. Когда взорвался, старуха побежала к змее, увидела парня в брюхе змеи. Вытащила оттуда кости парня, закопала в землю. Схоронивши, старуха пошла домой. Дома еды не было. Тогда вечер настал, старуха разожгла снаружи огонь. Легла у огня спать. Ночью старуха проснулась. На огонь посмотрела, за огнем подходит медведь, руку (лапу) свою показывая. Старуха боится приблизиться к нему. Старуха, приглядевшись хорошенько, увидела в руке занозу. Тогда старуха приблизилась к медведю. Тогда вытащила из руки занозу. Медведь вернулся, чтобы старуха побоялась спать. Сидевши, сидевши, старуха заснула. На утро старуха, проснувшись, увидела—за костром звери лежат. Медведь дал за вытаскивание. Старуха стала жить тем мясом.

С. Букочар. Тунгир

27. Эвенки со змеей

Один эвенки, промышляя, услышал шум. На тот шум побежал, увидел трехголовая змея с медведем дерутся. Медведь, увидя эвенки, крикнул: „Мне помоги! за помощь я тебе зверей принесу поймавши". Змея кричит: „Я тебя через воду перенесу, покажу всякое". Эвенки в уме рассуждал, рассуждал: „Помогу змее, „не видя в воде, увижу". В уме рассудил, взял ружье, выстрелил в медведя. Змея сказала: „Садись верхом мне на спину, я тебя унесу в воду, покажу всякое". Эвенки сел верхом на спину, змея

dəγiwrän əwənkīwə mūlą. Mū dōndun kulıngı ḍūn. Kulın, ḍūlāwı ŋənəwuksək, əwənkīwə būrän bələtnəlin damgarukka. Əwənkī gāksāk, ŋənəhinən ḍūtkākīwı. Ŋənəḍänä, ēruktallän damgarukkı. Ņiptän, ņiptän, damgarukīn əwki ņiwrä.

Əwənkī, tıkulıksāk, nōddarän damgarukın muŋdəkəcąndulą. Damgarukın, nāksāk muŋdəkəcąnmą, ņiwrän. Ōran ostol ələnī bılga, arakı ələnī. Əwənkī, arakī umıksāk, damgarukkı gāran sąmnąn. Əwənkī sālląn; ḍəpmųnmi, əwənkī nōddawkı muŋdəkəcąndulą. Tarīgın ostol ōwki, arakı, bılga ələnī. Əwənkī, sąmiksā, nān damgarukkı karmanduwı nąwki.

Ḍūlāwı əməksək, ulgucānīwki on bəlitcąwki. Gorokōn bıksāk, əwənkī lucamārän lucaldulā. Əmərän umukən ḍūlā, lucadu icəwkącilląn damgarukın. Luca mədərän damgarukka, tıtārän, əwənkīwə ərąstə. Əwənkī ŋənəḍəγinən ḍūlāwı. Ŋənəḍəną, icərän ḍiktəlbə ḍūr ḍiktəmkurbə. Umukən ḍiktəmkurdu huların ḍiktə, gēdu koŋnorın ḍiktə. Əwənkī hularınma ḍiktąwä garan, ḍəpillən. Dıldun əwənkīdu baldıra ijəl. Baldıkūtta, ōn-kat əwki dəgdərä dılwı. Ŋənəγindąwi nəkəwki — tıkıwkı. Koŋnorın ḍiktəmkurą mirkiγinən, gāran, koŋnorınma ḍiktəwə, ḍəptän, araj ijəlin bururä. Əwənkī mədərän, garan koŋnorın ḍiktəwə, hularınma. Hularırba ḍiktəlbə təwlāksāk, hururąn lucaldulā. Əmərän tar ḍūlā talaḍarīklātın damgarukka, təpkāllən: „ēkun ḍiktəjə gāḍiŋān“. Luca talaḍarī damgarukka, dōldırän, uŋnän omolgīcānmą „ganākąl umukənə ḍiktəjə“. Omolgīcān gāran umukən ḍiktəwə hularīnma, hurųwrän lucalā. ḍiktəwə hurųwḍəkānän lucalā, əwənkī nōdarän ḍiktəgilbi, tuksaγınan ḍūtkākīwı.

Gorokōkun bıksāk, lucaldulā ŋənəγinən əwənkī. Əmərän lucaŋlāwi, lucaŋdun ijəl baldıcā. Luca hanŋuktallan əwənkīwą: „Ajīttāwı sānnı?“ Əwənkī gūnän: „sām! minŋi ḍūlāw hurugōt, tādu ajītcaŋāt“. Lucawa murırḍi hurųwrą ḍūlān.

Əwənkī gūllän ḍūduwı: „minŋiwə damgarukka būḍiŋās, tąli ajǫiŋās“. — „Būḍiŋāw! ajīwkal-nun minəwə“. Luca gōrbacınīn gənnərän damgarukka. Damgarukka murəktun əwənkī nımŋāγınən. Nımŋānəksāk, koŋnorın ḍiktəwə būrän lucadu, ḍəbdən. Luca ḍəptän koŋnorın ḍiktəwə, araj ijəlīn bururä. Luca hururän, əwənkī damgarukkınun biḍällän.

унесла эвенки в воду. Внутри воды дом змеи. Змея, придя домой, дала эвенки за помощь табакерку. Эвенки, взявши, пошел домой. Идя, посмотрел на табакерку. Открывал, открывал, табакерка не открылась.

Эвенки, рассердившись, бросил табакерку о пенек. Табакерка, ударившись о пенек, открылась. Появился стол, полон еды, всякой водки. Эвенки, попивши водки, табакерку взял, закрыл. Эвенки узнал, захотевши есть, эвенки бросал к пеньку. От этого появлялся стол, водка, еда всякая. Эвенки, закрывши, клал опять табакерку в карман.

Придя домой, рассказал (о том), как помогал. Долго ли прошло, эвенки пошел в гости к русским. Пришел в один дом, показал русскому табакерку. Русский рассмотрел табакерку, отнял, выгнавши эвенки. Эвенки пошел домой. Идя, увидал ягоды, два куста. На одном кусте красная ягода, на другом черная ягода. Эвенки красную ягоду взял, съел. На голове у эвенки выросли рога. Сильно растут, никак нельзя поднять головы. Итти хочет — падает. К черной ягоде приполз, взял черную ягоду, съел, сразу рога отпали. Эвенки узнал, взял черную (и) красную (ягоду). Красные ягоды собравши, пошел к русским. Пришел в дом, (где) отобрали табакерку, закричал: „Кто ягоду возьмет?“ Русский, отнявший табакерку, услышал, послал парнишку: „Купи одну ягоду“. Парнишка взял одну красную ягоду, принес русскому. Снеся ягоду русскому, эвенки бросил ягоды свои, убежал домой.

Сколько-то прошло, к русскому отправился эвенки. Пришел к русскому, у русского рога выросли. Русский спросил эвенки: „Вылечить умеешь?“ Эвенки сказал: „Умею! пойдем в мой дом, там вылечу“. Русского на лошадях привезли в дом его.

Эвенки дома сказал: „Дашь мою табакерку, тогда вылечу“.—„Дам! вылечи меня“. Работник русского принес табакерку. Над табакеркой эвенки зашаманил. Пошаманив, дал черную ягоду русскому, чтобы съел. Русский съел черную ягоду, рога сразу отпали. Русский ушел, эвенки стал жить с табакеркой.

В. Әḍән. Urmī

28. Torokī mụkụ

Ụmnəkən mụkụ torokīŋun вakaldıran. Torokī surkan вicə kıraḳūcən, mụkụnin surkan вicə həgdiŋəmijə. Torokī mụkụtkī gūnən: „Sindụ həgdiŋə surka ēkun ḍarın? Mindu həgdiŋə surka вimī — aja. Bī mol təkərwətin ūləcim, tadukkar вəjələ, ninala minədəw. Sindụ kıra surka ləwụktəwə tānạrīdus — aja". Mụkụ gūnən: „Gə! tar вihikin, ḍūgətkət". Torokīŋun mụkụ surkalвar ḍūgəcildirə.

В. Әḍən. Urmi

29. Ṇəkə, soligə

Ụmnəkən ṇəkə soligawa вakaldıca. Ṇəkəŋin ıŋŋaktan sōma uhā вicə. Soliga ıŋŋaktan sō aja вicə. Ṇəkəŋin soligatkī gụncə: „Mit ıŋŋaktawar, ḍūgətkət". Soligaŋın gụncə. „Bī ətəm ḍụgəttə". Ṇəkəŋin gụncə: „Sī əhikis ḍụgəttə, nirilə ṇorcanəgāt. — Sī minəwə garandārạkıs, вī ıŋŋaktaw sıŋarın ōḍıŋān".

Ṇəkəŋun soliga ŋənəiə ṇōrcanəmī. Ṇōrcaḍanal, ṇəkəŋin soligawa mūlə garandārən. Soliga ıŋŋaktan siŋarin ōdan. Oŋoktokōndun soligadu ajargu ıŋŋaktan əmənmurən. Ṇəkə ıŋŋaktan sōma aja ōdan. Ṇəkə soligaŋı ıŋŋaktawān tītərən.

МИФЫ

M. Joligır. Turu

30. Ōlı

Nonon ılan dụndəl вiŋkitin. Ụgilə вiŋkin howokī, hərgilə вiŋkin akīnīn — hatana. Dulgudu dụndədụ howokī hawalcān, hatana tụgī hawalcān.

Б. Эдян. Урми

28. Кабан, кабарга

Однажды кабарга с кабаном встретилась. Кабана клык маленький был, кабарги клык большущий был. Кабан кабарге сказал: „Тебе большой клык для чего? У меня большой клык был бы—хорошо. Я деревьев основания рою, потом людей, собак режу. Тебе маленький клык мха (для) объеданию — хорошо". Кабарга сказала: „Ну! так если есть, обменяемся!" С кабаном кабарга клыками обменялась.

Б. Эдян. Урми

29. Соболь, хорек

Однажды соболь с хорьком встретился. Соболя шерсть очень плохая была. Хорька шерсть очень хорошая была. Соболь хорьку сказал: „Мы шерстью обменяемся". Хорек сказал: „Я не стану меняться". Соболь сказал: „Ты не станешь меняться, к ручейку (минеральному) пойдем бороться. Ты меня если поборешь, моя шерсть желтой станет".

С соболем хорек пошли бороться. Борясь, соболь хорька в воду бросил. Хорька шерсть желтой стала. На носике у хорька хорошая (старая) шерсть осталась. Соболя шерсть очень хорошая стала. Соболь хорька шерсть отобрал.

М. Йолигир. Туру

30. Ворон

Вначале три земли было. Вверху жил бог (ховоки), внизу жил старший брат его—сатана. На средней земле бог работал, сатана тоже работал.

Howokī ōran cıwkānmə, hatana ōran tuŋi, nuŋanŋācın, ukəŋmə. Howokī ōran gāgwa, hatana ōran kirəktəwə; howōkī ōran ḍantakīwa, hatana ōran amākācīwa; howokī ōran hulakīwa, hatana ōran guskəwə.

Howokī upkattu gərвilwətin вūrən. Upkat hatana ōwcāwān nuŋan əcən вurə ilәldu, ḍəptətin. Taduk howokī ōran вəjəwə, ahīwa. Nuŋanŋın вələmnī ōli вicən. Tar ōlı ətəjətcəcən ōnalwān. Howokī hanŋūktaran: „ēḍara nuŋartın?“ — „Biḍərə, kuŋarkārwə вaldıḍara, kətə ilәl ora. Bəjumətcərə nuŋartın, wāḍərə hulakīlwa, ḍantakīlwa“. ōlı gunḍəcən. Ōlīdu əmərən hatana əjətcəcən: „Mindu вūkəl ōnalwan, ēruktadāw; вi hindu ajamawa ḍəptiləwə вūḍəm — higḍəγ nimdəwə вūḍəm вi“. Ōlı вūrən, ḍəwrəkin, „Alapcu“, gūnən. Tāduk howokī hanŋūktaran: „ōn ilәl вiḍərə?“ Ōlı gūnən: „Bi nuŋarwatın hatanadu вūm, ēruktadan“.

Howokı tukulcān ōlıwə, ḍəwkānən nuŋanmān munupcəwə, kiräwə.

I. Lōpal. D. Kātənŋā

31. Īduk вukit əmərān

Şowokī ōrän hişəwə, tukalawa: „ōgın manŋıkākun ōmi“, gūnän. Olgırän hişäwə, tukalawa oldoksodu olgırän, ŋınakın ugıcīllan. Şowokī şururän, hawalnāşınan. Şatana əmərən, gūnän ŋınakändu: „Şi ŋınakän ḍūlākın вişinni, şowokī ōnalgulwan mindu вūkəl, ēruktadāw, вi sindu şunə вūlḍam“. ēruktallun şatana ōmīlwa, tumnırän.

Dolвoltono şowokī əmərən, ŋınakın gūllän: „Mindu şatana şunə вūcan“. Şowokī gūllän: „Şi ēwa вūnnä şatanadu“ — „Bi ōmīlwa, вūm nuŋandun“. Şowokī hanŋūktaran: „Şi ēkumal ōmilwa вūnnä?“ — „Şiŋilwa ōnalwas“.

Şowokī soŋollon. Şatana tumnındukın ilәl вūllə.

Бог сделал утку, сатана сделал тоже, подобно ему, гагару. Бог сделал лебедя, сатана сделал дятла; бог сделал россомаху, сатана сделал медведя; бог сделал лисицу, сатана сделал волка.

Бог дал всем имена. Все, сделанное сатаною, он запретил (не дал) людям есть. Потом бог сделал мужчину (и) женщину. Его помощник был ворон. Этот ворон (караулил) охранял творения его. Бог спрашивал его: „Что делают они?“ — „Живут, детей рожают, много людей стало. Промышляют они, убивают лисиц, россомах“, говорил ворон. К ворону пришел сатана, просил: „Мне дай творения его посмотреть, я тебе дам хорошую еду — содержимое желудка дам тебе“. Ворону дал. Съевши, сказал: „Вкусно“. Потом бог спросил: „Как люди живут?“ Ворон сказал: „Я дал их сатане посмотреть (чтобы он посмотрел)“.

Бог рассердился на ворона, заставил его есть гнилье (и) помет.

И. Лопаль. Ср. Катонга

31. Откуда смерть пришла

Бог (шовоки) делал (обрабатывал) камень (и) землю. „Пусть будет крепкая душа“, сказал. Положил камень (и) землю на доску, сушил, собака караулила. Бог ушел, работать пошел. Сатана пришел, сказал собаке: „Ты собака голая (есть), богом сделанные души дай мне посмотреть, я тебе кафтан дам“. Посмотрел сатана на души (и) плюнул.

Вечером пришел бог, собака сказала: „Мне сатана кафтан дал“. Бог сказал: „Ты что дала сатане?“ — „Я души дала ему“. Бог спросил: „Ты какие души дала?“ — „Твое творение“.

Бог заплакал, от плевка сатаны люди стали умирать.

I. Bukocār. Olokno

32. Ḍūr nəkuŋnəhəl

Ụtələ (bilir) ḍūr nəkūnəhəl bicạ̄l, dụnnə ələkəs ōwḍarākın. Tar nəkūnəhəl əwkil ajamāttə bicạ̄l.

Akındıγu ərụmạkicinạ ōḍawkı bicạ̄, kulıkārbə. Nəkūndiγụ ōḍacā bəjəlbə. Akındıγụ hərgụdụ buγadu buγatālcā, nəkụndiγu ụgụdụ buγadu buγatālcā.

Nəkụndiγu ŋınakıcī bicạ̄, ŋınakın tətkəjə ācın bicạ̄. Nuŋan bəjəlbə ōcā ijəməl ilācīlbə. Tar ōnalbı bəjəŋilbi ampārduwı, kulustāksə, nācə̄. Hụŋtụlbə ōnaldulāwı hụrụhilḍənə, ŋınakınduwı kuluswı bū̱ḍạ̄. Kuluswı bū̱ḍənə ŋınakınduwı gū̱cạ̄: „Akīnmī əmərākın, ampārwər ənnə nīrə, on-da gūnəkın, ənnə nīrə“.

Ŋınakın ḍūduwı ampārwı ətəjəḍəlcạ̄. ḍūduwı biḍərākin, ŋınākındulā akīnīn əməcā. Ŋınakınduk hanŋūktalcā: „Nəkūnmī ilạ̄ hụrụcən? okın əməḍəŋạ̄n? ēkura ōcān?“ Ŋınakın gū̱cạ̄: „Uγiskī hụrụcən, okın-ka əməḍən, ēkura-ka ōrka, əcəw sārə“. Akīnīn ŋınakınma gū̱lcạ̄: „Amrārwı nīkəl“. Ŋınakın gụncạ̄: „Əŋnəm nīrə, ətəm nīrə“. Akīnīn gū̱lcạ̄ ŋınakındulā: „Amparwı nīrākis, tətkəjəs bū̱ḍəŋạ̄w, tigdạdụ əhijəs sulapta, həkụdụ əhijas həkụŋnərə, iŋindụ əhijəs hiktərəwrə, tətkəjəs bū̱ḍəŋạ̄w“. Tikā gūnəkın, ŋınakın ampārwı nīcạ̄. Nəkūnnī ōnalbān bəjəŋılbạ̄n huwtıwcā; tar huwtırākın, bəjəl bụglạ̄lcạ̄l. Ŋınakındu ıŋaktalan ōcā. Tikā nəkəksə akīnın hụrụcə̄.

Tar cukcacālan ḍāllạwạ-wạl bıksə̄, nəkū̱nīn əməlcạ̄ ḍūlāwı. ḍūlāwı ıssana, icəcạ̄ ıŋaktacī ōcāwə ŋınakınmı. Ŋınakındukkı hanŋūktalcə: „ēkunduk tətkəjəwi gānnı?“ Ŋınakın gūlcạ̄: „Akīnnī əməksə, bū̱rən“. — „ēdaka nīnni ampārwạr“? — Tətkəjəs bū̱ḍəŋạ̄w gụnnəkın, nīcạ̄w“. Nəkū̱nin ampārlāw īcạ̄, bəjəŋilin hāltın bū̱ticạ̄l, hāltın indạcạ̄l. Tar indərītkụlbə huwuhıcā „Saksəcīl ōkallu“, gūnən. Tar bəjəŋilin awgarācāl, saksəcīl ōcāl. „Ŋınakınmi“, gū̱cạ̄ nəkū̱n: „bəjəl amarīlduktın bodoktoḍowkı ōkal, bəjənun, wārākın, bultaŋājə ḍəpiŋnəkəl“.

И. Букочар. Олекма

32. Два брата

Давно два брата были, земля тогда только что сделалась. Те братья друг друга не любили.

Старший очень худое делал — насекомых. Младший делал людей. Старший на нижней земле жил, младший на верхней жил.

У младшего была собака, собака была без одежды. Он (младший) делал людей костяных с мясом. Тех сделанных людей, закрывши на ключ, в амбаре положил. К другим творениям собираясь уходить, собаке отдал ключ. Ключ отдавая собаке, сказал: „Старший когда (если) придет, амбар не открывай, как бы ни говорил, не открывай“. Собака дома амбар охраняла. Когда она была дома, к собаке пришел старший. У собаки спросил: „Младший куда ушел? когда придет? что сделал?“ Собака сказала: „Вверх ушел, когда придет, что сделал, не знаю“. Старший собаке сказал: „Амбар открой“. Собака сказала: „Не открою, не стану открывать“. Старший сказал собаке: „Амбар если откроешь, одежду дам, на дожде не промокнешь, в жару не нагреешься, в холоде не замерзнешь, одежду дам“. Так когда сказал, собака амбар открыла. На сотворенных младшим людей подул; после того как подул, люди стали болеть. Собака с шерстью стала. Так сделавши, старший (брат) ушел.

После этой порчи, десятидневка прошла, младший пришел домой. Домой доходя, увидел с шерстью ставшую собаку. У собаки спросил: „Откуда одежду взяла?“ Собака сказала: „Старший, придя, дал“. — „Зачем открыла амбар?“ — „Одежду дам, когда сказал, открыла“. Младший в амбар вошел, люди его часть болеют, часть живут. На тех живущих дуя, „Кровяными станьте“, сказал. Те люди поправились, с кровью стали. „Собака“, сказал младший: „За людьми ходящей стань, вместе с человеком, когда убьет (он), добычу от охоты ешь“.

M. Joligir. Turu

33. Hinuki

Nonon hinuki hagdikākun bicān. Howoki ālarān nuŋandukin. Howoki bajawa, ōna, ŋālidiran, tariŋmi buŋirān dundadu. Buŋirākin akīnīn — hatana bulkuran ilhksaldi ōnaldun. Hatana gūnan: „Tumicīl, ilhksacīl ōktin, arit buşşanal ōktin". Howoki tukuldan, hinukiwa bōritcān uldawān. „Duŋŋakidu būdam uldaduŋis, helakidu būdam, dalidu būdam, horokidu budam, huwuldu olloldu budam māndu hujukūkān ōdāji; mina alawkānin-da, bajal awkil buddā bimcāl, acāl buruŋra bimi". Ahi ilal buwki ōda.

A. Kambagir. Ŋakānna

34. Hinukicān

Nonon hinukicān hagdima bicān, mōtiduk hagdimar bicān. Umnā aksari ŋanadacā. Tar aksariwa alawkācā hinukicān. Aksariwa alawkānākin, ulawān hinukicān hōŋnacā; aksari hālgaran ulladuŋkin. Nuŋan bōricīpkōnan upkattun indarīdu hinukicān ulawān. Ahikākān tarītpar hinukicān hujukukān ōcān.

A. Kambagir. Ŋakānna

35. Horokī

Nonon horokī garbin ācin bicān. Umnā horokī, taduk iŋtilgucān binal, huruŋra aksarilā, uŋkildimātnāhina. Ista aksariwa, uŋkildimācīllā; horokī gullan: „Iŋtilgucān minā dawawki". Gūcā iŋtilgucān: „Bi ēlaha-da acin bihim dawawra horokiwa, horokī dawawki gēkcān horokī". Horokī hōmamat hāldaran, hiŋilgāndulā, uwgaknan, buruca, Ahikākān tarīt hiŋilgāndu uwgucawki ōcā. Aksarī gūcā: „Aktinmāt horokī". Tarītpar garbin horokī ōcā.

М. Йолигир. Туру

33. Рябчик

Вначале рябчик большой был. Бога испугал он (бог испугался от него). Бог, человека делая, держал, тот упал на землю. Когда упал, старший брат-сатана плюнул слюною на творение его. Сатана сказал: „Пусть будут со слюною, с соплями, от этого болящими пусть будут". Бог рассердился на рябчика, разделил мясо (его). „Собаке дам от твоего мяса, куропатке дам, тайменю дам, тетереву дам, всем рыбам дам, самому чтобы немного осталось; меня бы не испугал бы, люди бы не умирали, не упали бы". Теперь люди смертными стали.

А. Камбагир. Нгоконно

34. Рябчик

Вначаче рябчик большой был, лося больше был. Однажды шел бог. Бога испугал рябчик. После того, как заставил испугаться, (бог) мясо рябчика рассек, бог отбавил от мяса его. Он поделил всем живущим мясо рябчика. Поэтому сейчас рябчик маленький стал.

А. Камбагир. Нгоконно.

35. Тетерев

Вначале у тетерева не было имени. Однажды тетерев, потом сова будучи, пошли к богу, жалуясь друг на друга. Дошли до бога, стали жаловаться друг на друга; тетерев сказал: „Сова меня хватает". Сказала сова: „Я никогда не хватала тетерева, тетерева хватает тетерев-ястреб". Тетерев сильно устыдился, в снег упал, под снегом насквозь. Поэтому теперь под снегом лазающим стал. Бог сказал: „Дикий тетерев". От этого имя (его) тетерев стало.

I. Uwocān. Ṇorвokō

36. On ụmụkān вəjə вərkātcən

Ụmụkān вəjə вiḍəcən hụtəlnụnmi. Nuŋan tụlətcəwki вicə вərkārвə, munnukārвə ḍəmnə tụɣəwki. Umnə dolвotono tụləcən вərkənmə munnukān ūḍarandun. Tımātnə icənəhicən tarīŋı. Ŋənəḍərən ḍalduji gụnḍənạ: „Taɣanan-mu? ənạ̄n-mu?“ Ihılḍana, icərən вərkənin tilpəcə.

Təli tar вəjə ụrụnən. Вərkəndụlə ıstan, icərən munnukāngın hāŋəḍənə hụrụcə. Tarīŋı ūḍahınən; ūḍaḍacān, ūḍaḍacān, icərən munnukāngın ugdussan hēkta hərgidəlin. Tar вəjə ugdụhinən ūḍalın munnukān. Nuŋan haŋārdulı əwrən. Əwrən вəjə, hərəwən əcə ısta, hụrụrən caskī. Ŋənəḍənə icərən hoktoronmo. „icənəktə, ēkur ıtıltın“, gụnnə, hụrụrən. Ŋənə̄ḍənə icərən вalagawa; īrən dōɣıdālān, tādu вiḍərə iləl. Hanŋūktarən nuŋan: „ōn вiḍəs?“ Nuŋartın gụ̄nə: „ēt toɣo hiŋkəriḍərən?“ Tar вəjə gēwrān hanŋūktarən, tarīŋıltın gụnə: „ēt toɣo hiŋkərimə ōdan?“ Tar вəjə ostolduktın ụlləlвə gānə, ḍəwrən. Tarīŋılın gūllə: „ēda ụlləl manaвḍərə“. Tụk kəḍərəktin, dolвoron. Əməḍəwki вəjə ụmụkānnun ilənụn āhıllən, tarīŋın ōrellan. Ḍalın təgərə gụ̄nə: „Hụcụwụllən, hamānə ərikəllə“. Təli dolвo əcəl ārə. Təɣəmīktədin əməwrə hamānmə, tarīŋıtın həwəncə̄ḍərən, ēwa-da əcə icərə. ərirə həgdəmərwə hamānmə, tarīŋıtın tụk-sə əcə icərə. Uhəḍəwkiŋitin mohorən. Ilīwran hamālārən həgdəməməwə hamānmə. Tarīŋıtın, ĭḍəksə ənə, icərən iləwə. Hamān gụ̄nən: „Ər вiḍərən“. Hamān tar вəjə hanŋūktarən: „ĭḍụk əməcəs?“ Tar вəjə gụ̄nən: „Bi əməcəw ụɣıɣit, munnukāmmə ūḍana. Tımātnə icənəcəw вərkənmi, tarīŋıw tilpəcə вicən. Munnukān, hāŋəḍənə, hụrụcə вicən. Bi ūḍassāw nuŋanmān. Tarīŋın ụgdụhinən hēkta hərgidəlin, вi təli ugdussāw; əвḍəcəw, əвḍəcəw ıhım ūḍakıttulā. Tụk kənə, əməcəw əlą̄“. Hamān вəjəwə ụlirən, ụŋnən amaskīn. Tar вəjə mucurən amaskījı, tāduk ḍalduji ụlgụcənən, on gırkunajı hərgiskī.

И. Увочан. Ербогочон

36. Как один мужчина настораживал самострел

Один мужчина жил с сыновьями. Он настораживал самострелы, зайцев для пищи на зиму (запасал). Однажды вечером настораживал самострел на заячьей тропинке. Утром пошел посмотреть его. Идет, в уме говоря: „Попал ли, нет ли?“ Доходя, увидел спущенный самострел. Тогда тот мужчина обрадовался. До самострела дошел, увидел, (что) заяц ушел, истекая кровью. Тот по следу пошел; шел, шел, увидел, (что) заяц влез под тальник. Тот мужчина влез по следу зайца. По отверстию спустился. Спустился мужчина, до дна не дошел, пошел дальше. Идя, увидел тропинку. „Пойду-ка посмотрю, что (в чем) дело“. Сказавши, пошел. Идя, увидел балаган, вошел внутрь, там живут люди. Он спросил: „Как живете?“ Они сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина опять спросил, те сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина, со стола мясо беря, съел. Те сказали: „Почему мясо кончается?“ Так когда продолжалось, ночь настала. Пришедший мужчина стал ложиться спать с одним человеком, тот закричал. Товарищи встали, говоря: „(В бок) кольнуло, позовите шамана“. Ту ночь не спали. На утро привели шамана, тот шаманил, ничего не видно. Позвали большого шамана, тот также ничего не увидал. Больной расхворался. В третий раз привели самого большого шамана. Тот, еще не войдя, увидал человека. Шаман сказал: „Вот он“. Шаман спросил того мужчину: „Откуда пришел?“ Тот мужчина сказал: „Я пришел сверху, преследуя зайца. Утром смотрел самострел, тот спущен был. Заяц окровавленный ушел. Я пошел по следу его. Тот влез под тальник, я туда влез, спускался, спускался, дошел до тропы. Так пришел сюда“. Шаман накормил мужчину, отправил обратно. Тот мужчина вернулся обратно, потом родственникам рассказывал о похождении своем в нижнюю (землю).

ЛЕНИНГРАД
Н.А.С.О.Р

Ş. Kımā. Ciəmbu

37. On umukən bəjə dundʳa hərgulə şurucən

Umukən bəjə indəcən. Şuruən hutəwi, kuculərən; əni̇n gūnən: „Ilə? əkəl-da hawaldıra, dolboltonotcō". Nuŋan əşin dōlcatşə əni̇nmi, şuruən. Şuruən, şuruən, kuculərən gorolō. Tuk-dō haktıra iwrän. Işşan cogıwə, ışşā cogıwə, hurrän. Hurrän, hərgiskī buruşnan. Buruşnan, şōwa gorowo buruđirän bəjə.

Işşan dundʳawa, buruən hoktokīttu. Hoktokīttulı şuruən, ēruktađena oror ūdaltın, bəjəl ūđaltın. Icərən bəjəlwə, tojuş doldıran tawıcarī̇watun bəjəlbə: tak-tuk, tak-tuk. Umənərən tar bəjəltikī. Oron hawalđaran ıjadutın. Iscākın, oron buddän. Işşan ıjawatın, bəjəl hanŋūktaldʳa nuŋanmān: „Idųk əməndʳi?" — „Bikājəm kojcāw", tāduk şuruən đuγīldulātın. Đūwatın işşakın-nun, aşī buddän. Tar bəjəl guldʳə: „ēkun targācın əmərən, şamāntıkī əŋkəcildʳə". Şamān nuŋanmān hanŋūktaldʳan: „ēduk əməndʳi?" Uŋan gūnān: „bi kojcāw". Şamānmə ipkərə, jajadān. Şamān jajaldʳan, jajarän, jajarän, gūnān bəjətkī: „Şi uγigic əməcāş". Tāli nuŋan, đonan, gūnən: „Ālətpi, bi uγiγic buruçāw, minə amaşkī tikəl đulāwı".

Ālətin bəjəl hənŋkəcildʳə şamāntıkī: „ōn-mal đəkıpkākāl nuŋanmān amaşkī". Şamān jajarän, jajarän ūđajān bəjə. Ətəmī jajađamī uŋəcildʳən, şuruđən đulāwı. Bəjə gūnən: „ōn ışşam đūwı? minŋi đūw uγilā". Đalıldıran, đalıldıran bəjə, şuruən. Şamān gūnən: „āli şuruđəndʳi ər oktokīttulı". Bəjə đalıldıran đalduwı: „ōn-ka ışcam đūwı? Iləm-mət əgıw ōda". Şuruən oktokıttulı, şamān gūnnəlin. Şuruən, şuruən icərən tuktıwunma, tuktıwun bidərən uγiskī. Tuktışnan tuktıwundulā; tuktıran, tuktıran şōma gorowo. Işşan əjādəkpi, hurđəktuwi, tādu iwəŋkiwə gādan şuruən đulāwı.

Ш. Кима. Чиромбу

37. Как один мужчина ходил на нижнюю землю

Жил один мужчина. Пошел за гнилушками сыну, мать сказала: „Куда? не ходи ночью". Он не послушал мать, ушел. Шел, шел за гнилушками далеко. Темнота спустилась. Дошел до болота, вошел (когда) на болото, нырнул. Нырнул, вниз упал. Полетел, очень долго падал мужчина.

Достиг земли, упал на тропу. По тропе пошел, рассматривая следы оленей, следы людей. Увидел людей, звук кованья кузнецов услышал: Так-тук! так-тук! Пошел к людям. Олень ходит по кузнице. Когда он дошел, олень умер. Дошел до кузницы, люди спросили его: „Откуда пришел?" — „Я заблудился", потом ушел к юртам их. Когда он дошел до юрт, умерла женщина. Те люди стали говорить: „Какой-такой пришел, спросите у шамана". Шаман спросил его: „Откуда пришел?" Он сказал: „Я заблудился". Шамана заставили шаманить. Шаман начал шаманить, шаманил, шаманил, сказал мужчине: „Ты сверху пришел". Тогда он вспомнил: „Верно, я сверху упал, отпусти меня обратно домой".

Все люди стали просить шамана: „Как-нибудь отправь его обратно". Шаман шаманил, шаманил на (след) человека. Кончивши шаманить, стал отправлять, чтобы ушел (он) домой. Мужчина сказал: „Как дойду до дома? мой дом вверху". Подумал, подумал мужчина, ушел. Шаман сказал: „Вот по этой дорожке пойдешь". Мужчина подумал: „Как дойду до дома? без помощи не сделаю (пройду). Пошел по дороге, указанной шаманом. Шел, шел, увидел лестницу, лестница стоит вверх. Полез по лестнице; лез, лез очень долго. Дошел до места, где провалился, где нырнул, там пешню взял, ушел домой

I. Kaplın. Iŋārıgdā

38. Carcıkān

Bicən ụmụkən ilə, gərbin Carcıkān. ḍoromocōn nuŋan hitānduk dəgiwki Kiŋgittuk hụtəlbən. Tar hụrụwrən nuŋanmān ḍūlāwı. ıhıwrən ḍūlawı. ılan hụtəlin. Nuŋan hụtəlbən ətəjətcəwki. Hụtəlin əwiwụntəwkil Carcıkāndı. ḍūrə, ılana anŋanīla birkə. Tụk kəḍənə Kiŋgıt dōkıcān bihin, tālā təgətcənə, Kiŋgıt hoŋoḍowkı. „Eda hoŋoḍonnā?“ hanŋūktaran bəjə. Kiŋgıt gūnən: „ēt ajdāwı hanŋūktaạannı minə, ŋınakın omolgīn hi“. Gorowo hanŋūktawkı nuŋan, darullan, hanŋūktaḍarākın ər dəgiwki. „Təgəmí ụrgakakın ḍūwa agdı hēŋmacın“, Kiŋgıt gūnən: „Hụtəlwən wāmməcin“ — „Bi ajımcāw hụtəlbən, əmcə wārə“, bəjə gūnən, hụrụkājim əhilə. Təgəmi ōllan, bəjə hilə hụtəlbən olgohınən hitānduḷā dụnnələ gorokōndulā. Issan dılwan hụtəlbən. Nuŋartın albaḍaŋnārə Carcıkānmə olgotcomī.

Ihıkājīm, agdıkākun əməḍərən. Ŋənəḍənə əhilə agdı ụrə upkatpān kapuran, hụtəlin bụdə amakākun, da arūrə ŋānə. Biḍəŋnərə ətəcə.ən, əmərən Kiŋgıtın, hoŋoḍono, gəlāktəwki hụtəlbi. Bakaran nuŋan hụtəlbi, ụrụnən. Hụrụwrən əhilə hụtəlbi, ạjin əwiwkil hụrụwrən, ḍūwı takustan. Hanŋūktaran Kiŋgıt bəjəduk: „Hụtəlbi ajiŋulin, hụrụmūlinni əhilə ĭlə dụnnələ?“ Carcıkān gūnən: „Minə ŋənəwkəl ụyiskĭ, ŋaŋŋa haŋārdulān“. — „Həgdiwə kəhāwə ŋənəwkĭt“, gūnən Kiŋgıt.

Kiŋgıt hụrụwrən ḍūrwə bəjụr irkihəl, gūnən: „Əjəttākiw amŋalıw diŋnəkəl“. Əhilə dəgilcən, Carcıkānmə hụrụwrən. Ŋənəḍənə, hərəlḍənə, dəgḍəwki ụyiskĭ. Digilləwə ŋənərə, icəwụllən ŋaŋŋa haŋānn. Kiŋgıt gūnən: „Əŋnəkəl ụlgụcənə, ni-wəl bakamī, Kiŋgıt əməpcən“.

Bəjəwə tinən, bəjə hụrụrən. Dụnnəkākụn, ajakākun, cukacī, ilə ūḍa ācın, ēkunda ācın. Biḍəŋnərən, gırkuḍaŋnaran. Tāduk icərən ḍū biḍərən, ḍūlā hụrụrən ıstan. Ahī biḍərən, āḍərən; ahīkākun, ajamama ụlliḍiran.

И. Каплин. Ингаригда

38. Чарчикан

Был один человек (эвенки), по имени Чарчикан. Украл он от глупой птицы Кингит сыновей. Та унесла его домой. Довела до дому. Трое сыновей. Он детей караулил. Дети играли с Чарчиканом (с его волосами). Два, три года прошло. Так шло, Кингит села (спустилась), сидя там, Кингит плачет. „Почему плачешь?“ спросил мужчина. Кингит сказала: „Чем успокоить (вместо того, чтобы), спрашиваешь меня, собачий сын ты“. Долго он спрашивал; надоело, (когда) спрашивал птицу. „Завтра в полдень гром, по всей вероятности, дом свернет“, Кингит сказала: „Сыновей наверное убьет“. — „Я спрятал (спас) бы детей, чтобы не убило“, мужчина сказал, уйдя тогда. Утро настало, мужчина сыновей ее повел в глухую землю, далеко. Дошел (довел) головы сыновей ее. Они не могут теребить (голову) Чарчикана (играть волосами).

Когда дошел, гром (гроза) сильный подходит. Идя, гром теперь всю гору разбил, дети быстро умерли, да ожили вновь. После окончания (грома) живут, пришла Кингит, плача, ищет своих детей. Нашла она детей, обрадовалась. Унесла тогда детей, игру, (в которую) играли, унесла, дом починила. Спросила Кингит человека: „За спасение детей хочешь отправиться теперь в какую землю?“ Чарчикан сказал: „Унеси меня вверх, в отверстие неба“. — „Большое мучение путь (этот)“, сказала Кингит.

Кингит унесла двух зверей с ободранными рогами, сказала: „Когда спрошу, в рот мой засунь“. Теперь полетела, унесла Чарчикана. Идя, планируя, летит вверх. Четверо суток шли, показалось отверстие неба. Кингит сказала: „Не смей рассказывать, встретивши кого-нибудь, (что) Кингит принесла“.

Мужчину отпустила, мужчина пошел. Земля большая, хорошая, травянистая, следа человека нет, ничего нет. Живет, ходит. Потом увидел, дом стоит, к дому пошел, дошел. Женщина живет, спит; хорошая женщина, красивая, вышивает.

Hanŋūktaran nuŋan, ahī əŋnərən dōldıra. „ēwa togo hiŋkərən?“ gu̯nən ahī, bəjəwə əwki icərə. Ilallawa, digilləwə bəjə biḍəcən, ḍəptilə ḍəpiŋnərən. „ēkunḍī ḍəptilə manawuŋnārən?“ gūnən ahī. Tuɣ biḍəcən, āsmulcā nuŋannun. Dolbo əhilə ojolōn tuktirən ahīmācılla̯n ahīwa. Hīraŋıllan, mokocıllan bəjə ahīwa. Təli mədərən, icərən ahī bəjəwə. „ēkun əməpcən hinə? Kıŋgıt əməwrən?“ — „Bi mənəkən əməcəw“. — „Əhilə minə ŋələmdu nənnə. Hi əhilə ətənnə ədu biḍəmī, tukalaja ācın. Tukalakanə duŋnətkī gəlnəkəl“, ahī gu̯nən. Bəjə gu̯nən: „Bi-kə ōn gənnəḍəm?“ Ahī murınma ahākīcīwə bu̯rən, bəjə gənnəhinən. Ahī gu̯nən: „nījə-wəl bakaḍuŋas, ōn-da gu̯nḍərəktin, əkəl dōlcatta, hokōskal, əməskəl amaskī, murınmı əməbḍən“.

Nuŋanmān hərkərən murındu. Murın bu̯ru̯rən haŋārduh. Ŋənəḍəŋnərə duŋnələ. Ista duŋnədu. Bu̯ru̯rən ūḍakittu. Atırkākākun tolgokīn kumtəpcə, ajıcıtcamī albaḍaran. Bu̯ru̯rən Carcıkān tolgokī dagın. Atırkān, nuŋanmān icəkəjim, gu̯nən: „ajıpkal, bələkəl tolgokīwo təwəkəkəl“. Bəjə lukcamaran murındukkı uhiji mənŋi luktan, ajicıllan tolgokīwə, bələllən atirkākākundu. Atırkān ŋələdukın Carcıkānmə ḍawaran. „Bi, gu̯nim: ılanma anŋanīl hokorcō bihin. Bu̯kit ḍawaran nuŋanmān. Ilandu anŋanīl untalbə, tolgokīwān həmkıcə“. Carcıkān icəttən, murın dəgillən huskī. Murın ıscālān, həŋkəwə dōlcacawkı: „Minə ŋələmdu nənnə, hinə gu̯ncəw: əŋnənnə dōlcatta, əcəs dōldıra minə“.

W. Uwocān. Ṇorbokō

39. Umukən bəjə uɣulə dunnələ tukticən

Umukən bəjə biḍəcən ḍūduji, nuŋanŋın gərbin bicən Gıdālə. Gıdālə bicən bajıkākun. Biḍərīn dunnədu nīdə ācın bicən targācın baj. Gıdālə bālcan biḍəmī dulugdu dunnədu, nuŋan bimulcən uɣudu dunnədu. Tımātnə unə təgərən, hururən gələktənəhinən dəɣiwkiwə. Dolboltono əmərən Gıdalə ḍūlaji, dəɣiwkiwə əməwrən. Dəɣiwkī gu̯nən: „Hi hapaşkal ılana anŋanīl ḍəpkītjəji, tətkītjəji, mu̯gjəji mōjəji“.

Спросил он, женщина не слышит. „С чего огонь щелкнул?“ сказала женщина; не видит мужчины. Три, четыре дня мужчина жил, еду ел. „Каким образом еда кончается?“ сказала женщина. Так жил (живя), захотел спать с нею. Ночью тогда забрался к ней, начал совершать coitus с женщиною. Гулял, совокуплялся мужчина с женщиною. Тогда поняла, увидала женщина мужчину. „Что тебя принесло? Кингит принесла?“ — „Я сам пришел“. — „Теперь меня в запрет ввел. Ты теперь не станешь здесь жить, земли нет. Немножко земли (глины) с земли принеси“, сказала женщина. Мужчина сказал: „Я-то как принесу?“ Женщина дала коня с крыльями, мужчина отправился. Женщина сказала: „Кого бы (ты ни) встретил, что бы ни говорили, не слушай, поторопись, приходи обратно, конь принесет“.

Привязала его к коню. Конь упал в отверстие. Идут к земле. Дошли до земли. Упал на тропу. Старушка санки опрокинула, поправить не может. Упал Чарчикан вблизи санок. Старуха, увидя его, сказала: „Почини, помоги, санки поставь“. Мужчина отвязался от коня, повод свой снял, стал чинить санки, помог старушке. Старуха схватила Чарчикана за руку. „Я говорила: три года был потерян. Смерть его взяла. На третьем году унты, санки сносила“. Чарчикан посмотрел, конь улетел вверх. Когда конь дошел, слово услыхал: „Меня в грех ввел, тебе говорила: не слушай, не послушался меня“.

В. Увочан. Ербогочен

39. Один мужчина на верхнюю землю лазил

Один мужчина жил в доме своем, его имя было Гидало (стрекоза). Гидало был богатый. На той земле, где он жил, никто не был таким богатым. Гидале надоело (устал) жить на средней земле, он захотел жить на верхней земле. Утром рано встал, пошел искать птицу. Вечером пришел Гидало домой, привел птицу. Птица сказала: „Ты запаси на три года еды, одежды, воды, дров“.

Gidālə ərirän upkatpa bəjəlbə, gʉ̄nən: „Hu ōkallu dəγiwki ojodun balagaja“. Tarī bəjəl ōra dəγiwki ojodun balagawa. Upkatpa hʉrʉmməcīlbən nāttə balagadu. Gidālə irən balagalājı. Dəγiwkinīn dəγillən.

Gidālə gorowo dəγildərən. Alballan biḍəmī Gidālə. ʉmʉkəndu tırganīdu dəγiwki illan, gʉ̄nən: „ıhıp!“ Illa. Gidālə ʉrʉnən, jūməlcirən tʉliskī, icəhiŋnərən mʉrəliŋin, ni-də ācin, ələ tuktıwun ılıtcarən ʉγiskī. Dəγiwki gʉ̄nən: „Tawar tuktıunduli tuktıskal ʉγiskī“. Bəjə tuktuhınan tuktıwunduli. Gorowo tuktırān hʉjʉkʉkənduli haŋārduli.

Tarıŋı haktırāpcukāγın, ʉmnət ŋārillən ʉγiskī. Gidālə ʉrʉnən „ıhım“ gʉnnə; tuktıkōjım, icəhiŋnərən mʉrələnŋin, icərən ḍūwa haŋŋaḍarīwa. Tar bəjə ḍūtkī hʉrʉrən, ḍūwa ıstan, irən, icəttən ʉmʉkən ahī, ʉmʉkən bəjə, ʉmʉkən hunāt biḍirə. Gidālə hanŋūktarīlān, nuŋartın gʉ̄nəwkil: „Toγo hiŋkərən“. Gidālə tımārduk əcə ḍəwrə, ḍəmʉ̄llən. Nuŋan icərən cōŋaldu ʉlləl biḍərə, nuŋan əjəttən ʉlləjə ḍəbdəji. Nuŋartın gʉ̄nə: „Toγo hiŋkərən“. Gidālə gādan ʉlləlbə ḍəpilindis, ḍəwrən, ajıwrän, ḍalduji gʉ̄nən: „Nuŋartın minə əwkil icərə“. Nuŋan məŋəkātmʉllən, hucuhinən əwnilə hunātpə. Hunāt pıjamıllän. Amīnīn hamālāhınən hamānmə. Hamān əmərən həwəncillən, ēja-da əcə icərə. Mʉhərən ʉhəḍəwkiŋitin, amīnīn gēwrən hamālāhınən həgdiməməwə hamānmə. Hamānmə əməwrən orordu. Hamān irən ḍūlā, icərən bəjəwə ḍūdu təgətcərīwə, gʉ̄nən: „ər biḍirən ʉhəwkānḍəwki“. Dolboltono ōdan, həwəncəkīcin ipkəcillə, həwəncədən hamānmə. Əcə həwəncərə hamān gʉ̄nən: „ewa həγəncəḍəp icəbḍərīwə?“ Hamān hanŋūktallan Gidāləwə: „ītduk əməcəs?“ Tar gʉ̄nən: „Bi əməcəw dʉlʉγduk dʉnnəduk“. Hamān gʉ̄nən: „Hi hʉrʉkəl dʉnnəŋdʉləwi“. — „Bi ommom īli-də əmənəji“. — „Bi ŋənəwḍəm“, gʉ̄nən hamān.

Hʉrʉrə ḍʉ̄ktə. Ista haŋārdulā, hamān gʉ̄nən: „Hi haŋārduli hʉrʉkəkən. Gidālə hʉrʉrən, ıstan dəγiwkilə, irən balagalaji, gʉ̄nən dəgiwkitkī: „Ḍəγiwkəl ḍūtkīw“. Dəγiwki dəγillən, gorowı dəkkənim, ıstan ḍūlā. Dəgiwki gʉ̄nən „ıhıp“. Gidālə jʉ̄rən balagadukkı, hʉrʉrən ḍūlājı. ḍūlāji ıstan, ḍalın biḍirə. ḍalduwı ılgʉcəllən on gırkunajı ʉγʉlə dʉnnələ.

Гидало позвал всех мужчин, сказал: „Вы сделайте на птице балаган“. Те мужчины построили на птице балаган. Все, (что) предполагал увести, положили в балаган. Гидало вошел в балаган. Птица полетела.

Гидало долго летел, устал жить Гидало. В один день (однажды) остановилась птица, сказала: „Дошли“. Остановились. Гидало обрадовался, быстро выскочил наружу, огляделся вокруг, никого нет, только лестница стоит вверх. Птица сказала: „По этой лестнице лезь вверх“. Мужчина полез по лестнице. Долго лез до маленькой дыры.

Там темнота, вдруг засветилось вверху. Гидало обрадовался, „дошел“, говоря; влезши, оглянулся вокруг, увидел дымящуюся юрту. Мужчина к юрте пошел, до юрты дошел, вошел, увидел — одна женщина, один мужчина, одна девушка живут. На вопрос Гидало они сказали: „Огонь щелкнул“. Гидало с утра ничего не ел, есть захотел. Он увидел—на месте (для хранения посуды) мясо лежит, он спросил поесть мяса. Они сказали: „Огонь щелкнул“. Гидало взял мясо, до отвала наелся, в уме говоря: „Они меня не видят“. Он захотел побаловаться, ткнул под пазуху девушку. Девушка сошла с ума. Отец ее пошел за шаманом. Пришел шаман, стал шаманить, ничего не увидел. Расхворалась больная, отец вторично отправился за большим шаманом. Шамана привез на олене. Шаман вошел в юрту, увидел мужчину, сидящего в юрте, сказал: „Вот причина болезни“. Настал вечер, время камланья, заставили шамана шаманить. Не шаманил шаман, сказал: „К чему шаманить на то, что видно“. Шаман спросил Гидало: „Откуда пришел?“ Тот сказал: „Я пришел со средней земли“. Шаман сказал: „(Ты) уходи на свою землю“.—„Я забыл, где шел“.—„Я уведу“, сказал шаман.

Ушли вместе. Дошли до отверстия, шаман сказал: „Вот в отверстии маленький проход“. Гидало ушел, дошел до птицы, вошел в балаган, сказал птице: „Лети (унеси) домой“. Птица полетела, долго летевши, достигла дома. Птица сказала: „Пришли“. Гидало вышел из балагана, ушел домой. Дошел до дома, родня живет. Родне рассказал о своем похождении на верхнюю землю.

Ş. Kımä. Cirəmbu

40. Hēladan

Ətirīkən inḍärän, tunŋa aşāl hurilīn: ēpkālkä, ēpkalkäduk bişin, Duluguu, Ācın gərbijə, taduk Nıkäkī. Ətirīkən gūnən: „ēpkälkä mūləkəl!“ — „Ətąm, ōḍam“ — „ēpkälkäduk bişin, mūləkəl!“ — „Ətąm, ōḍam“. — „Duluguu, mūləkəl“. — „Ətąm, ōḍam“. — „Acın gərbi, mūləkəl!“ — „Ətąm ōḍam“ — „Nıkäkī, mūləkəl!“ — „Ətąm, ōḍam“.

Ətirīkən mənəkən şuruän ḍukətkī, umnäräп. Umīldʳän, gurgaktaldukpı hēlbōran. „ḍukə, tīkəl, ēpkälkäwı buḍam“. ḍukə kaŋkıwrän. „ḍukə tīkəl, ēpkalkäduk bişiwə būḍam“. ḍukə təlki kaŋkıwrän. „ḍukə tīkəl, Duluguwı būḍam“. ḍukə təlki kaŋkıwran.— ḍukə tīkəl, ācinmə gərbijə būḍam“. ḍukə təlki kaŋkıwrän. „ḍukə tīkəl, Nıkäkīwı būḍam“. ḍukə tīnən.

Ətirikən ḍūläwı əmərän, gūnän: „Nıkäkī, ḍukətkī şurukəl, umgəkärwi şuruрkəl“. Nıkäkı şuruän, ḍukədu təyərən, ḍukə əjəşnən, ḍūkə şuruwrąn Nıkakī.

Gorowo əjənən, icäräп togokōnmə darīskī, gūnän: „ḍukə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnäşıktą!“ ḍukə gūnän: „Udaj, udaj, ācın äŋŋunąja bişim“. Nıkäkī togokōntıkī şuruän, tädu atırīkän biḍärän. „Inəkä, hanŋūktaräп Nıkäkī: „ḍukə minä īlə ŋənəbḍərən?“ Atırīkän gūnən: „Nıkajə, əkəkucīm şärə, ḍūrḍigu-wəl uŋtuwuntəcī, ecä şäcä bisin“. Nıkäkī şuruän ḍukətkī. Täduk ŋän togokōn icäwrän, ḍukətkī ŋän gūnən. „ḍukə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnäşıktą!“ — „Udaj, udaj, ācın äŋŋunąja bişim“: Nıkäkī suruän togokōntıkī. Atırīkän biḍärän. — „Inəkə, ḍukə minə īlə ŋənəbḍiräп?“— „N.kājə əkəkucīm şärə, ılanḍəgdə-wəl uŋtuwuntəcī ēcä şäcä birän“. Tuganıkəmi nıkäkī ŋənərən ḍändı uŋtuwuntəcīpkī. „ḍukə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnäşıkta“. ḍukə əcə̄ şuruə. Nıkäkī şuruän atırıkäntıkī, hanŋūktarän: „inəkə, ḍukə minä īlə ŋənəbḍərən?“ — „Nıkäjə, sinə ḍukə ŋənəbḍərən dundʳą, cuŋəḍąktulän; şinə kōcu-

---

Ш. Кима. Чиромбу

40. Хеладан

Живет старичок, пять дочек: Эпкалькэ, после Эпкалькэ следующая, Средняя, Безымянная, потом Меньшая[1]. Старик сказал: „Эпкалькэ, принеси воды“.— „Нет, работаю“.— „После Эпкалькэ следующая, принеси воды“.— „Нет, работаю“.— „Средняя, принеси воды“.— „Нет, работаю“.— „Безымянная, принеси воды“.— „Нет, работаю“.— „Меньшая, принеси воды“.— „Нет, работаю“.

Старик сам ушел ко льду, попить пошел. Стал пить, бородой прилип. „Лед, отпусти меня, Эпкалькэ свою отдам“. Лед закрепился. „Лед, отпусти, после Эпкалькэ следующую отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Среднюю отдам“. Лед еще крепче закрепил. „Лед, отпусти, Безымянную отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Меньшую отдам“. Лед отпустил.

Старик пришел домой, сказал: „Меньшая, иди ко льду, игрушки возьми“. Меньшая ушла, на лед села, лед уплыл, лед унес Меньшую.

Долго плыла, увидала огонек в стороне, сказала: „Лед подожди, вот туда к огоньку схожу, погреюсь!“ Лед сказал: „Нет, нет у меня нет стоянки (ночлега)“. Меньшая ушла к огоньку, там старуха живет. „Бабушка“, спросила меньшая: „куда меня лед несет?“ Старуха сказала: „Меньшенькая, никак не знаю, может быть, двухбубенная знает“. Меньшая пошла ко льду. Потом опять огонек показался, льду опять сказала: „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь“.— „Нет, нет, без ночлега (я)“. Меньшая пошла к огню. Старуха живет. „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, не могу знать, может быть, трехбубенная знает“. Таким образом Меньшая дошла до десятибубенной. „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь!“ Лед не пошел. Меньшая пошла к старухе, спросила: „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, тебя лед несет в центр (в конечный пункт) земли (шаманской), тебя лед

[1] Имена дочек даны по названиям пальцев.

cılḍan ḍukə. Nikā ənəkəkən ətəşīldʳə". Atırīkān bu̯rān ḍu̯rwa şilgiwu̯r. „Nıkā, ərilḍī turgurmışınḍandʳä dunḍʳatkī". Nıkā tukturan. ḍukə ikəldʳən:

„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, dirəkəcā̆r,
dirələḍəkītkər".
„Ətəm ətəşıld ə,
bəjəl hojomıltın
dirəkətcəmirə".
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəskəl
əjək, āgəkōcar
āgəlōḍokītkār"
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil nuŋımıltın
āgəkōtcomırə"
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, jəndʳəgikər
jəndʳəgilələḍəkīc".
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil amumıltın".
amukōtcomıra
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, dəwəkşəkər
dəwələḍəkītkər".

„Ə.əm ətəşildʳə,
bu̯nil şəkşəŋiltin
dəwəkşəkətcərə".
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəskəl
əjək, kədərəkər
kədələḍəkītkər!"
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil şəgdəndʳəŋiltin
kədərəkṳ̄tcurə"
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək cucukəcər
cucılələḍəkitkər".
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil şaŋalʳaŋıltın
cucukətcəmirə".
„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, bu̯ruşkəcər
bu̯ruşlələḍəkītkər".
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil hagdıgıltın
bu̯ruşkətcəmirə".

обманет. Меньшая, никак не оглядывайся". Старуха дала два шила. „Меньшая, этими зацепишься за землю". Меньшая полезла. Лед запел:

„Хеладан, Хеладан[1],
оглянись, оглянись
вниз, камень для растирания (красок),
камень виднеется".
„Не стану оглядываться,
лбы людские
камнем кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются".
„Не стану оглядываться,
голени мертвецов
брусочками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, черная краска
чернеется".
„Не стану оглядываться,
мертвецов кал
чернеется краской".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, красная краска
краснеется".

„Не стану оглядываться,
кровь мертвецов
краснеется краской".
Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, кожемялки,
кожемялки виднеются".
„Не стану оглядываться,
мертвецов хребты
мялками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, скребки (для соскабливания мездры),
скребки виднеются".
„Не стану оглядываться,
мертвецов дыры в тазовых костях
скребками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются".
„Не стану оглядываться
мертвецов лодыжки
брусочками кажутся".

[1] Хеладан — имя девушки, которое она получила после того, как отделалась от льда.

„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, tiɣəkəcər
tiɣələḍəkitkər".
„Ətəm ətəşildʳə
bu̯nil oldʳoŋiltin
tiɣəkətcəmirə"

„Hēladan, Hēladan,
ətəşkəl, ətəşkəl
əjək, ɲəkəkəcər
ɲəkələḍəkitkər".
„Ətəm ətəşildʳə,
bu̯nil aruŋiltin
ɲəkəkətcəmirə".

Hēladan şuṛuṛän, ŋənərən ŋämändʳəjalä. Əbəj gu̯nən. „Minə wäkal təlgətkəl; mēwanmäw äşınmukal mänduwi, boşoktolbōw — maluduwı, hogŋowōw, kəriməkwa äşınmukal bargıdäli, ŋaktawäw uŋkuḍändʳi ŋırəkändu, şiluktalwäw lokokol oşoŋordu, dılwäw äsınmukal malugıdäduwı". Hēladan wärən əbəjwə, on nuŋan gu̯cän, upkatpa ōran. Tımaltäna Hēladan mēldʳän, bargıdätkī icäşnən — ətirīkən, atırīkän äḍərə, malutkīwı icäşnan ḍu̯r kuŋäkär əwiḍərə, malugıdädun ətirīkən äḍərən, tuligıdädun kicuṛīḍərə oror. Ṇiruḳän ḍalum ororḍī. Jūrän ḍūdukwı, osoŋordu uşıl lokucaḍarä. Ororwo täluwrän, ililḍʳən, ērunḍīwı ororwo. Nuŋartin əŋnərə dägdərə — cicirgunrə. Täduk upkatpı ēruktın əŋnəre dägdərə ŋälawän. Hēladan bakaran huluḳutkən ərildində oron, tarī dägdəktəldʳən ērunmän. Tädu usiwrän, ugrän, suṛuṛän. Huktiwrän, huktiwrän ıkändərīl əwənkīlwə ıssan. ḍūkänŋutin lupumräk huktiwrän, ḍawaşcara əwənkīl amandıra. ḍänmə ḍügıl lupumräk ŋənərən, ḍägıdutın ḍawara nuŋanmän. Hēladan ḍawawmī, ikəldʳän:

Mēwanıjakänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
boşonıjakänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
hoŋŋonıjakänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
kurımukcakänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
dılmıkänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
ŋaktajakänduk dondonın ēmaḍī kacırkäw dondonın;
şiluktajakärduk dondonın ēmaḍī kacırkaw dondonın.

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, чашки,
чашки виднеются".
„Не стану оглядываться,
мертвецов черепа
чашками кажутся".

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, огниво,
огниво виднеется".
„Не стану оглядываться,
мертвецов предплечья
огнивом кажутся".

Хеладан ушла, пошла к медведю. Медведь сказал: „Меня убей, освежуй, сердце мое положи спать с собой, почки на священное место в юрте, двенадцатиперстную кишку, прямую кишку напротив, шерсть высыпи в сухую ямку, тонкие кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать за священным местом в юрте". Хеладан убила медведя, так, как он говорил, все сделала. Утром Хеладан проснулась, увидала, напротив старик, старуха спят, на священном месте двое детей играют, за этим местом старик спит, снаружи бродят олени. Ямка полна оленей. Выскочила из юрты, на сухом дереве узды висят. Собрала оленей, стала пробовать предплечьем (нажимая) оленей. Они не выдерживают, падают. Все плохие не могли выдержать ее руки. Хеладан нашла маленького такого оленя, тот выдержал нажимание предплечьем. Тогда же обуздала, села верхом, ушла. Бежала, бежала, дошла до поющих эвенков. Через их юрту пробежала, эвенки быстро схватить не успели. Десять юрт перебежала, на десятой ее поймали. Поймавшись, Хеладан запела:

От сердца медведя зачем отошла
От почек медведя зачем отошла
От двенадцатиперстной кишки медведя зачем отошла
От прямой кишки медведя зачем отошла
От головы медведя зачем отошла
От шерсти медведя зачем отошла
От кишек медведя зачем отошла

Ş. Kımā. Cirəmbu

41. Kərändə, Uŋanı

Əwənkĭl ikənkətciŋkitin inəŋilbə dolboltonoknonın. Umukən atırīkān bicən. Nuŋă dōldıran Kərändə igwən. „Nıkājə, ətəŋnəkəldʳu ikəndəmĭ dolbotonorokın, haşajə ēkukākunŋan igin idərän". Kuŋākar gundirä: „inəŋuşu!" amgalın nınakır ŋōŋajan təpkəldʳə ulākkitcərĭwa.

Əwənkĭl əŋnərə tədərə iŋəkəwər. Kərändə əmərən ikānimnĭşalwə əwənkĭlwə nimgərən. Atırīkān kalandĭwı kumtirən, umukən şulapcān.

Işnān, ucunikti nuŋan dalildäran, girkudidäwı hargıldulı. Şuruŋrän hargiltikĭ, horokīlwa icärän dəgildəktuwar amuna. Horokĭl amunmatın gadan, dūläwı əməwrän. Əmkədu bərən əmucildʳən, əmuttʳən, əmuttʳən, horokī amunın hiltərgərən. Atırīkān inən ŋəŋŋəknənin.

Nəŋŋə nuŋŋakīl əmərə. Atırīkān şuruŋrän bıra dapkalān, nuŋŋakīlwə ilbərän. Ilbədəktuwi amunma bakaran, gadan, dūläwı əməwrän, əmkədu bərən, əmucildʳən. Əmuttʳən, əmuttʳən, numnakī amunın icērŋäldʳən. Icērŋälukän ödäkın, təlkikən əmucildʳən, ılīdutın inəŋil hawalıkän ödan. Hawalıkän ömī bəjuşildʳən Kərändəwa. Bakaran cinəkəwə, əməwrən iŋəkətkĭwi: „iŋəkə, əri dəbdəcə akījawī?" — „Nıkājə əşän, ər buya cipkatkänīn, ŋənəpkəl ĭdu bicən, tädu tĭkəl". Uŋanı suruwrän dawadäktıkī, tĭnən. dawarän hinukĭwa, əməwrən iŋəkətkĭwi: „iŋə, ər dəbdəcə akījawī?" — „Nıkājə, əşän, ər buya cipkänın, tĭkəl, ĭdu bicən". Uŋanı şuruwrän dawadäktukĭwi, putawa dawarän, əŋĭntikĭwi əməwrən — „iŋə, ər dəbdəcə akījawī?" — „Nıkājə, əşin, ər buya cipkänın". Nuŋan əməwrən amaşkī, nīməwə dawarän. Täduk ələwutin cipkär əməwuşşän iŋəkələwi, bəjunmə əməwrən, mōtıwa, täduk amīkänma əməwrən. Ələwutin, iŋəkən ŋənəwkänən amaskī. Iŋəkän gŭnən: „Ər buga cipkäcīn, aknılwäş dəbdəcə uyili şŭrucän".

Ш. Кима. Чиромбу

41. Корэндо, Уньяны [1]

Эвенки пели и плясали весь день (и) ночь напролет. Одна старуха была. Она услышала шум Корэндо. „Малыши, прекратите плясать во время ночи, страшно, какой-то шум слышен". Дети сказали: „Лгунья", в рот ее собачий помет всунули обманувшей.

Эвенки не поверили бабке. Пришел Корэндо, пляшущих эвенков проглотил. Старуха котлом покрылась, одна осталась.

Жила, с тоски она подумала пойти в ближайший лес. Пошла в лес, тетерева увидала, на месте (сидения птицы) помет. Помет тетеревов взяла, принесла домой. В люльку положила, стала качать, качала, качала, помет тетерева развалился. Старуха жила до самой весны.

Весною гуси пришли. Старуха пошла на берег реки, гусей испугала. На месте, где испугала, помет нашла, взяла, домой принесла, в люльку положила, стала качать. Качала, качала, гусиный помет запищал. Когда стал пищать, сильнее закачала, на третий день стал ходить (человек из помета). Научившись ходить, стал промышлять Корэндо. Нашел шипелку (пташку), принес бабушке. „Бабушка, эта съела старших?" Бабушка сказала: „Малыш, нет, это божий зверь, снеси где был, там отпусти". Уньяны отнес на место, (где поймал) отпустил. Уньяны поймал рябчика, принес бабушке. „Мама, эта съела дядю?" — „Малыш, нет, это божий зверь, отпусти, где был". Уньяны отнес на место, (где поймал) пальника поймал, принес матери. „Мама, эта съела дядю?" — „Малыш, нет, это божий зверь". Он отнес обратно, глухаря поймал. Потом всех зверей перетаскал, бабушке дикого оленя принес, сохатого, потом медведя принес. Всех бабушка заставляла относить обратно. Бабушка сказала: „Этот божий зверь, съевший твоих старших братьев, ушел вверх".

[1] Корэндо — злой шаман, Уньяны — добрый герой, мстящий Корэндо.

Uŋanı tawıcıldʼan aşäkılwa. Tawıtşan, dəgilạ̄n ōdan, iŋəkəwi hanŋūktaran: „ĭlə Kərändə orokınduli ŋənəŋkin?“ — „Nıkājə, ųγųmərduli“. Uŋanı aşäkılbı həgdiųrrän, ŋän dəgildʼən, hanŋūktarän: „ĭlə Kərändə orokınduli ŋənəŋkin?“ — „Əşin, hətəwəlnųn“ Ņän nuŋan həgdiųrrän aşäkılwı, dəgildʼən Kərändə dəkətpən ųγųmərıc. iŋəkə gŭŋən: „Nıkā, Kərändə hərgilitmār dəkkicạ̄n“.

Uŋanı dəgildʼən Kərändə ūḍālın. Işşan Kərändə aşılān. Uŋanı ikəldʼən:

„Ūkək, ŭkək, ųgųkək aşukınma dōlaŋılın,
Kərändųkin dōlaŋılın, Kərändųkin dōlaŋılın?“

Ūkək gŭŋən:

ē! şikən nikən həşųcindʼə,
tikən nikən вinə“.

Uŋanı dōşcaran, Kərändə dōlakĭtan halkargarän. Ņän dəgildʼən, ışşän gēwän aşĭwän Cųcųnkəkpə.

„Cųcųnkək! Cųcųnkək, Cųcųγųnkək! aşukınma dōlaŋılın,
Kərändųkin dōlaŋılın Kərändųkin dōlaŋılın?“

„ē, şikən, nikən həşucindʼı
tikən nikən вinə“.

Uŋanı dəgild ən ılĭtkĭn təgəlgəndulą̄ Kədərəktulə.

„Kədərək, Kədərək, Kədərəgək! aşukınma dōlaŋılın,
Kərändųkin dōlaŋılın Kərändųkin dōlaŋılın?“

„ē, şikən, nikən, həşųcindʼı
tikən nikən вinə“.

Уньяны стал ковать свои (для себя) крылья. Выковал, сделался способным летать, спросил свою бабушку: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ — „Малыш, чуть повыше“. Уньяны увеличил крылья свои, опять полетел, спросил: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ — „Нет, чуть повыше“. Опять он увеличил крылья свои, полетел выше полета Корэндо. „Бабушка сказала: „Малыш, Корэндо ниже летал“.

Уньяны полетел по следам Корэндо. Достиг до жены Корэндо. Уньяны запел:

„Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

Скребок (собственное имя жены) сказала:

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны спустился, сломал место посадки Корэндо. Опять полетел, достиг до другой жены до Скребка.

„Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к третьей сиделке (нарицател. назв. для жены) к Мялке.

„Мялка, Мялка, Мялочка! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Uŋanı dəgildʳən cāşkī digintikīn nuŋgilāŋn Āgənkāk.

„Āgənkāk, Āgənkāk, Āgəngənkāk!
Kərändukin dōlaŋılın aşukınma dōlaŋılın?“
„ē, şikən, nikən, həşucindʳi
tikən nikən binə“.

Uŋanı dəgildʳən Buŋuşkəkduŋā.

„Buŋuşkək! Buŋuşkək, Buŋuşgəkək!
Kərändukin dōlaŋılın aşukınma dōlaŋılın?“
„ē, şikən, nikən həşucindʳi
tikən nikən binə“.

Uŋanı dəgildʳən Şidınkākdulā, tāduk Agakākdulā. Uŋanı ışşan Kərändələ. Kərändə ḍəvḍərən əwənkilwə. Uŋanı ikəldʳən:

„Kərändə! Kərändə! Kərängändə
Kərängändə şirəkuŋlwur gēgdumātkāt!
Əŋīn lāmu uŋurəndun şirəkuŋlwur“.
„Uŋanı! Uŋanı! Uŋaganı!
Əkəl-kən! əkəgəl-kən!
ḍəvḍəm-kən, ḍəvḍəgəm-kun!
„ēdu ḍəvḍərunə?
akījalī, əkijəli kərəməḍu bişim“.
„Uŋanı! Uŋanı əkəl-kən! əkəl-kən
hərgişun! hərgigişun
harukaşkākun bişīm, bigişim“.
„Kərändə! Kərändə!
Ēkun harunıḍan?
akijalı, əkījəli kərəməḍu bişim“.

Уньяны улетел дальше к четвертой кочевке (нариц. назв. жены) к Игольнику.

„Игольник,Игольник,Игольничек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его
„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Брусочку.

„Брусок, Брусок, Брусочек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его,
„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Скребку (для выскабливания шерсти), потом к Футляру (от наперстка). Уньяны достиг Корэндо. Корэндо съел эвенков. Уньяны запел:

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Корэндо! давай крыльями посостязаемся
Над срединой матери моря, крыльями“.
„Уньяны! Уньяны! Уньяны!
Подожди! Подожди!
Поем-ка, поем-ка!“
„К чему поешь?
За старших братьев, сестер мщу я“.
Уньяны! Уньяны, подожди, подожди!
Пониже, пониже,
Голова кружится (у меня)“.
„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мщу я“.

Kərändə dəgildʳən. Ərgəktūldʳə. Uŋanı Kərändə huкitəwən huklaran şirəkutpi. Əwənkīl huкitaduкin jūrə, hāltın inəkir, hāltın вucəl.

Uŋānı ikəməcildʳən Kərändu Äpkālkınunın.

„Kərändə Äpkāgalkın
şirəkulwur gēgdumātka(t)
əŋī lāmu ŋŋurədun".
„Uŋani, Uŋagam! əkəl-kən!
Əkəl-kən! əkəgəl-kən!
ḍəвḍəm-kən! ḍəвḍəgəm-kən".
„Kərändə Äpkāgalkın
ēdu ḍəвḍəpundʳə?
akījali, əkījəli kərəməḍu вişim".
„Uŋāŋı, Uŋānı, Uŋagani!
hərgişun; hərgigişun
harukaşkākun вişim! вigişim".
„Kərändə Äpkāgalkın
Ēkun harunıgıḍın?
akījalı, əkījəli kərəməḍu вişim".

Äpkālkı dəgildʳən lāmudu ərgəşinạ. Uŋanı huкitəwən huktaran şirəkutpi. Əwənkīl huкitaduкin jūrə, hāltın inəkir, hāltın вūcəl. Əlkə Kərändə hurilīn ḍūrnun Uŋānı ikəməcildʳən, dəgiməcildʳən, tuŋ-mal hultanārən huкitalwətin, tīnən əwənkīlwə.

Tāduk Uŋanı dəgildʳən Kərändə aşāldulın. Ikəldʳən:

„Buruşkək! Buruşkək Buruşgạkāk!
Kərändəkunmagaşun
dəkucəp, dəkucəp
təgətənukəgənmu
şomıcarıgəmāgaşun
əŋī lāmu ŋŋurəndun".

Корэндо полетел. Стали кругами летать. Уньяны распорол крылом своим брюхо Корэндо. Эвенки из брюха его вышли частично живые, частично мертвые. Уньяны стал петь с Первенцом (собственное имя) Корэндо (состязаться в пении).

„Первенец Корэндо,
Маховыми крыльями померяемся
Над серединой матери моря".
„Уньяны! Уньяны, подожди,
Подожди, подожди,
Поем-ка! поем-ка!"
„Первенец Корэндо,
К чему поешь?
За старших братьев, сестер мщу я".
„Уньяны! Уньяны! Уньяганы!
Пониже, пониже,
Головокружение у меня!"
„Первенец Корэндо,
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мщу я".

Первенец улетел, спустившись к морю. Уньяны распорол брюхо крылом. Эвенки из брюха вышли, частью живые, частью мертвые. Еще с двумя сыновьями Корэндо пел Уньяны, состязался в полете; также прободал брюшины их, освободил эвенков.

Потом Уньяны полетел к женам Корэндо. Стал петь:

„Брусок! Брусок! Брусочек!
Вашего Корэндо
Добыли, добыли,
Много народов
Проглотившего
Над самой серединой моря".

Ş. Kiltinə. Cirəmbu

42. Gurıwul

Bəjə nuŋgişnan, ŋəkudu uradu ḍūtāldʳan. Hutan nuŋgişinḍəktu omgorən əmgəkərwi, anŋūktaldʳän: „Əmgəkərwi ïdu?" Əkïnïn gūnən: „Oḍam!" Tāduk anŋūktaldʳän nəkūnmi: „Əmgəkərwi ïdu?" — „Oḍam! ḍandʳï[1] şācā birə". ḍandʳiŋu anŋūktaldʳän: „Əmgəkərwi ïdu?" — „uŋkucən amarındun." Hutən, ororwı ḍawaran dagaptukcāwı uγucakkı, nınakınmı, amaşkï suruγrän. Dāgrän birawa, amarıntukï gəlnərən əmgəkərwi. Əmgəkərwi işcanakān, icärän ŋāmənḍʳəjəwə. Ŋāmənḍʳəjə əwiḍərən, hikənduwi şuruγkācipkəndiri. Asātkān icəmi, ḍikildʳän. Ŋāmənḍʳï gūnän: „Asï uγucakïş nï gərbin?" — „Kōkcagda". — „Aγa! γa-ha-ha! Ŋāmənḍʳï injəktərən: „kōkcamatın-ŋu şulapcān! nınakındʳï ni gərbin?" — „Comcondı" — „Aγa! γa-ha-ha! comcomotın-ŋu şulapcān".

Amïkān ḍawarān asïwa, hərkərən, uγucakpan mōdu igdərän, nınakınma mōdu uγirən. Ədu hata niptəl ōran. Asātkān gūnän: „Bəjə, amïjamı, ənïjəmi əŋkijətin amumılduk, cikəmilduk niptilərə, umirïlə ḍawulmï". Amïkān cāskï şuruγrän, gorotmordu şukədāwi ïrän. Aşātkān nālən gūrän: „Bəjə, amïjawı, əŋïjəwi əŋkijətin amumılduk, cikəmilduk niptilərə, umirılə ḍawulmï". Amïkān caskï şuruγrän, tālā nān şukədərän. Aşātkān nān gūrän: „Amïjamı, əŋïjəmi əŋkijətin amumılduk, cikəmilduk niptilərə, umirïlə ḍawulmï". Amïkān şuruγrän əşï-də ïrä, gorokōkun.

Dəgrə hijındıl. Aşātkān gūnän: „Hijındıl, minə tïkəldʳə, tïkəkişun umirï şākşədin həwiḍəm". Hijındıl buruγrə tïşcərə tişcərə (şəwişcərə), albara şubḍamï, amgawal ḍəlḍitşə. Tādukwı nuŋarŋıltın amgaltın ḍəlḍilaŋa.

Tāduk şulakï əmərän. Aşātkān gūnən: „şulakï minə tïkəl, tïnəkiş irgəwəş cuşcərəm". Şulakï tïnən, aşatkān uγucaktu uγran, huktiwuşnän. Şulakï alacıldʳän amïkānma. Amïkān əmərän şulakïwa turəldʳən, şoŋoḍonə gūldʳän: „şulakï, ēda

---

Ш. Кильтыно. Чиромбу

42. Гуривуль

Человек кочевал, на высокой горе остановился. Дочь его на месте кочевки забыла бабки, спросила: „Бабки (игрушки) где?" Старшая сестра ответила: „Работаю!" Потом спросила младшего брата: „Где бабки?" — „Работаю! остяк наверное знает". Спросила у остяка: „Где бабки?" — „Высыпал позади". Дочь оленей поймала, ближайшего верхового, собаку, пошла обратно. Перешла реку, обратно пошла принести бабки. Когда до бабок дошла, увидала медведя. Медведь играет бабками, на груди перекатывающий. Девочка, увидевши, испугалась. Медведь сказал: „Женщина, как имя верхового оленя?" — „Копытный". — „А-ха! ха!-ха!" Медведь засмеялся. „Копытный ли остался! Как имя собаки?" — „Маленький палец". — „А-ха!-ха!-ха! пальцем остался".

Медведь схватил женщину, связал, верхового оленя привязал к дереву, собаку к дереву привязал. Здесь вблизи подстилку сделал. Девочка сказала: „Человек, мой покойный отец, моя покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку". Медведь ушел дальше, далеко слышны удары топора. Девочка опять сказала: „Человек, мой покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку". Медведь ушел дальше, там опять рубил топором. Девочка опять сказала: „Покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку". Медведь ушел далеко, (так что) не слышно стало.

Прилетели свищи. Девочка сказала: „Свищи, освободите меня; когда освободите, угощу кровью важенки". Свищи (клесты) упали (спустились), развязывали, развязывали, не могли развязать, рты (клювы) свои изогнули. С тех пор их клювы изогнуты.

Потом лисица пришла. Девочка сказала: „Лисица, освободи меня; когда освободишь, хвост твой раскрашу". Лисица освободила, девочка села верхом на верхового оленя, убежала. Лисица стала ждать медведя. Медведь пришел, стал ругать лисицу, плача, сказал: „Лисица, зачем

[1] Название для всех соседей (остяков, кетов, селькупов) у сымских эвенков.

tĭnəndʳi ḍawuḷāḍarīwa?“ — „Amākā, minə ḍəpkal! Halgarduwı niptəkəl minə, ṣukədəkəl“. Ṣulakī amīkān halgarduwı ṣukədərən, ṣulakī adaɣarän. Amīkān halganmı ṣukədərən, halgan umanīn ṣulgimtildʳən, ḍawuldʳän. Cinəkəl ḍalgaldʳa. Amīkān turəldʳən cinəkəl, ṣoŋoḍonə: „hi-i-i-i, cinəkəŋəṣal, ṣu-də ḍawuḷŋətpiṣun halgarwar“. Ṣulakī mīsərän. Ərduḷə ṣulakī irgi mudanīn colko, amīkān umanīn ācın.

Amīkān ṣuruän, hunātpa ūdalın aṣaṣnan. Asātkān ŋənərən, amtulīn nuḷgiṣicəl, ɪrawa dākcəl. Nuŋan ənldʳän: „Amā, minə dagupcuṣkal“. Amīnīn ḍūduwı gūnän: „Nıkāja ēkundı ṣoŋojo ōdan, amaṣkī-wal mucuɣıkātmı?“—„Əŋə dagupcuṣkal“.—„Nıkākīja, ēkundı ṣoŋonojo ōdan amaṣkī-wal mucuɣıkatmī?“ — Akā daɣupcuṣkal!“ — Nəkūjət, ēkundı ṣoŋojo ōdan amaṣkīwı mucuɣıkātmī?“ — „Əkə daɣupcuṣkal!“ — „Nəkūjə, ēkundı ṣoŋojo ōdan mucuɣıkātmī?“.

Nıkākī ikəldʳən:

„Ŋəkujə, ŋəkujə
ulṣakal, ulṣakal!
amījawāw, əŋījəwəw,
akījawāw, əkījəwəw
ulṣakal! ulṣakal!“

Tādu ḍandʳın bicən. ḍandʳın gūnən: „Ŋəkə əkəl-kən!“ Ipkəcəmətiw koltoncōn. Ŋəku ulṣaṣnan əntilwən, aknīlwän turərən. ḍandʳun daguwrän ipkəcənduwi aṣātkānmə. Amīkān əmərən anŋūktaldʳän: „aṣī īlə dōkcās?“ Aṣī ikəldʳən:

„Əḍikīwə, ṣolokīwə,
əḍikīwə, ṣolokīwə“.

Amīkān ŋan anŋūktaldʳän: „Asī īli dōkcāṣ?“

—„Əḍikīwə, ṣolokīwə,
əḍikīwə, ṣolokīwə“.

отпустила ту, которую собирался свежевать“. — „Дедушка, съешь меня! Положи меня на ноги свои, ударь топором“. Медведь ударил лисицу на коленях своих. Лисица увернулась. Медведь рубнул (топором) свою ногу, мозг из ноги стал черпать (черпаком), стал есть. Птички стали дразнить. Медведь, плача, начал ругать птичек: „Хи-и-и, худые птички, вы бы свои ноги поели“. Лисица скрылась. С этих пор кончик лисьего хвоста белый, у медведя нет костного мозга.

Медведь ушел, пошел по следу девочки. Девочка шла, родители ее откочевали, перешли реку. Она стала кричать: „Папа, перевези меня (через реку)“. Отец ее в доме (сидя) сказал: „Меньшая, с чего (это) плаксой стала на обратном пути?“—„Мама, перевези!“—„Меньшая, отчего плаксой стала на обратном пути?“—„Дядя, перевези!“—„Меньшая, отчего плаксой стала на обратном пути?“—„Тетя, перевези!“—„Меньшая, что плаксой стала на обратном пути?“

Меньшая (мизинец) запела:

„Скала, скала (гора, гора),
сползи, сползи.
Отца моего, мать мою,
дядю моего, тетку мою
раздави, раздави“.

Там жил остяк. Остяк сказал: „Скала (гора), подожди“. Вырубил (материал для деревянного) черпак(а). Гора сползла, родителей ее, старших братьев (и дядей) раздавила. Остяк перевез в черпаке девочку.

Пришел медведь, стал спрашивать: „Женщина, где перешла?“ Женщина запела:

„Пониже, повыше,
пониже, повыше“.

Медведь опять спросил: „Женщина, где перешла?“

„Пониже, повыше,
пониже, повыше“.

Əşin tildʳən amīkān, oloşışnąn hagdıkīkīldı, ųmŋəkəkīldi, ųuŋıkīldı, həŋəkīldi, вокакīldı, cıkıkīldı, hųkitəkīldi, cųŋųrəkīldi, əgənīkīldi, mirəkīldi, moŋokōldī, ḍəgikīldi, amgakīldı, oŋoktokīldı, ēşakīldı, hojokīldı, horokīldı, вūkikīldi. Amīkān əŋkəcildʳān: „Hagdıkīkārwə ōktın вųruşləḍəkītkąn, ųuŋıkārwə ōktın āgələḍəkītkār, şəgdəndʳə ōγın kədərəḍəkītkən, oldʳu ōγın dirələḍəkītkən, ḍawukār ōktın kawıraḍakītkār, şəkşəkən ōγın dəwələḍəkītkən, amukārwı ōktın jəndʳəgilāḍəkīt". Tikin ųrədų dəwəkşə, jəndʳəgi вisi, tāduk вųruşil, āγəşur, kawıral.

Aşātkān işnąn ḍandʳunnun. ḍandʳun kojicildʳān, mūlāḍən nuŋanmān. ḍandʳun gųnḍən: „Amumılduk, cikəmilduk mūləndʳi", uŋkuḍąną mų̄wą amaşkī.

Tuγənīwə ḍuwuḍərən mų̄wą, ḍandʳun uŋkutkəlḍəldʳən. Ņəŋŋənī ōdan.

Karaulıl əmərə, aşī ikəldʳən:

„Karaulıl, karaulil
minə dəgdəpkəldʳə.
ḍandʳun minə mōlcatcırən".

Karaulıl gų̄nə:

„Ətərəw-lən dəgdəwrə,
gagışal dəgdəwuktən".

Gagışal dəgḍərə.

„Gagışal, gagışal,
minə dəgdəpkəldʳə,
ḍandʳun minə mōlcātcırən".

Gagīşal gų̄nə:

„Ətərəw-lən, ətərəw-lųn,
ətərəw-lən dəgdəwrə,
ųumŋakīl dəgdəwųktən".

Ņumŋakīl dəgḍərə.

„Ņumŋakīl, ųumŋakīl
minə dəgdəpkəldʳə,
ḍandʳun minə mōlcātcırən".—

Ņumŋakīl gų̄nə:

„Ətərəw-lən, ətərəw-lųn,
ətərəw-lən dəgdəwrə,
gaşal dəgdəwuktən".

Не понял медведь, побрел, по пятки, по мыщелки, по голень, по колено, по бедро, по таз, по живот, по пуп, по подмышку, по плечо, по горло, по подбородок, по рот, по нос, по глаза, по лоб, по макушку, до смерти. Медведь сказал: „Пятки пусть сделаются брусками; голени пусть будут точилами; спина пусть будет мялкой; череп пусть будет камнем для растирания красок; лопатки пусть будут камнем для красок; кровь пусть будет красной краской, кал пусть будет черной краской". Теперь в горах есть красная, черная краски, потом бруски, точила, камни для растирания красок.

Девочка жила с остяком. Остяк обманывал, заставлял ходить ее за водою. Остяк говорил: „От кала, от мочи воду носишь", выливая воду обратно.

Зиму таскала воду, остяк все время выливал. Весна настала.

Журавли прилетели, женщина запела:

„Журавли, журавли,
меня унесите,
остяк меня обижает"

Журавли сказали:

„Не станем подымать,
лебеди пусть подымут".

Лебеди прилетели.

„Лебеди, лебеди,
меня унесите,
остяк меня обижает".

Лебеди сказали:

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гуси пусть подымут".

Гуси прилетели.

„Гуси, гуси,
меня подымите,
остяк меня обижает".

Гуси сказали:

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гаша [1] пусть подымут".

[1] Гаша — шаманские птицы.

Gaşal dəgḍərə.

„Gaşal, gaşal
minə dəgdəpkəldʳə,
ḍandʳun minə mōlcātcırən“.

Gaşal əgurwəpturwal işuşildʳə, burə.
Aşātkān dəgildʳən. ḍandʳun ikəldʳən:

„Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururākiş, ōḍam
ḍargaja ōḍam“.

„Ətəm-lən bururə
ŋān-dā: mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon şəgdəndʳədun
ḍargaltuja biḍəm“

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl, burukəl!
Bururākiş, ōḍam
dərbəkījə ōḍam“.

„Ətəm-lən bururə
ŋān-dā: mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon horocōndu
dərbəkīltun biḍəm“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururākiş, ōḍam
dətəldʳəs ōḍam“.

— „Ətəm-lən bururə,
ŋān-dā: mūlcəcilkəl,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon ŋuŋıcāndu
dətəkəltun biḍəm“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururākiş ōḍam
nəlijəstə ōḍam“.

— „Ətəm-lən bururə,
ŋān-dā mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon hikəcānduw
nəlliltujə biḍəm“.

— „Nəkūjə, Nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururākiş ōḍam
latakaja ōḍam“.

— „Ətəm-lən bururə.
ēkun ŋuriktadu
latakaltum biḍəm“.

Гаша прилетели.

„Гаша, гаша,
меня подымите,
остяк меня обижает“.

Гаша выдернули средние перья из крыльев, дали. Девочка улетела. Остяк запел:

„Меньшая, меньшая,
упади, упади!
Если упадешь, сделаю
новое платье сделаю!“

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на спине
в новом платье буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нарядную шапку сделаю“.

—„Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на маковке
в нарядной шапке буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
ноговицы сделаю!“

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на голенях
в ноговицах буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нагрудник сделаю!“

— „Не стану падать,
Опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на грудке
в нагруднике буду“,

— „Меньшая, меньшая
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
затылочное украшение сделаю!“

— „Не стану падать.
Для чего на волосах
в украшении буду“.

— „Nəkʉ̄jə, ŋəkʉ̄jə,
вʉrʉkəl! вʉrʉkəl!
Вʉrʉrəkiş ōḍam
handʳıja ōḍam".

— „Ətəm-lən вʉrʉrə.
ēkon вokucōndu
handʳıntujan вiḍam".

Aşatkan dəgildʳən, dəgildʳən, вʉrʉrən. Atırīkān ʉrkəduṇ cʉrənʉṇ. Atırīkān gʉ̄nən: „Nıkājə, ēmakākūcındʳi? minŋi hʉrilвi ḍəwʉkʉrə". — „ḍajakal nıinə", aşātkān gʉ̄nən. „ēduwı-ka ḍajamī? handʳıduwı?" — „Əşin, ŋəgdikən!" — „Tāləgıduwı?" — „Əşin, ŋəgdi" — „Hərkiduwi?" — „Ŋəgdi". — „Agaduwi?" — „Kə! agaduwı ḍajakal".

Dolвoltono hʉrilīn əməḍirə. Əmərə ḍūlāwı, amtara. „ōn-ka ŋəḍərən, iŋə?" — „Tikən, tāləgıkəmıwı tilənḍəcəw". — „Əşin, əşin, tāləgıwəşta şārəw". — „Handʳıkānmı tilənḍəcəw". — „Əşin, əşin, handʳıwasta şārəw". — „Hərkikəmiwi tilənḍəcəw". — „Əşin, əşin hərkiwəstə şārəw. Fa! fa! fa! ēkun-ka ŋəḍərən?" Atırīkān gʉ̄nən: „Nıkājə aŋaḍakāmīkākən əməcən". — „ēwuna-ka ḍajukātcəndʳi? əməpkəl ḍəwʉwʉn". — „Nıkā, ılıptınāşın ŋəkəḍəm".

Taduk hʉrilīn hanŋūktamātcərə: „ılıptıntāḍəp". Upkac gūşildʳə: „ılıptıntagā". Āşınə. Tımaltanə təgərə, ŋān ijəcildʳə, ḍəвdəwər. Atırīkān gʉ̄nən: „Nıkā, вʉrʉptintəkaldʳʉ". Ṇān hanŋūktamācıldʳə: „Īlə, вʉrʉptintājəp?" Şagdagā gʉ̄nən: „Вʉrʉptintəgā". Şʉrʉrə hʉrilīn. Aŋaḍakān gʉ̄nən: „iŋə, minə tīkəl! okın-mal cʉrəşcin". Tīnən atırīkān. Dəgildʳən aşātkān, gaşa-gaşal ūḍalıtın, gaşagalwa вokonän, umirīwa ajcāl. Aŋaḍakān ikəldʳən:

„gəşäl! gəşäl!
gəşäl! gaşāl!
ḍəвḍəpcajal вişiş,
вʉrʉptiŋəttʉwər,
ılıptiŋättuwar".

„Ēkun-ka tar ōran?" gaşal gʉ̄nə. Nıkākī gʉ̄nən: „Bi umırī şʉwinmən əwʉm". — Əşin, вi ŋyiskī dōldʳım". icəcildʳə ŋyiskī, icərə dəgḍərīwə, gʉ̄ldʳə: „iŋəŋəşʉkəkʉn, tīcə!

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
бахрому (на хорьках) сделаю".

— „Не стану падать.
Для чего на лонном соединений
в бахроме буду".

Девочка улетела, полетела, упала. У двери старухи упала. Старуха сказала: „Малышка, каким образом пришла? Мои сыновья съедят (тебя)". — „Спрячь меня", сказала девочка. — „Куда же спрятать? в бахрому от хорьков?" — „Нет, вонюче!" — „В опояску хорьков?" — „Нет, вонюче!" — „В хорьки?" — „Вонюче!" — „В игольник?" — „Ну, в игольник спрячь".

Вечером пришли сыновья ее. Пришли домой, понюхали. „Чем-то пахнет, мама?" — „Так от опояски (моей) вшей искала (вшами пахнет)". — „Нет, нет, (запах) опояски знаем". — „От бахромы (от хорьков) пахнет". — „Нет, нет, (запах) хорьков знаем. Фа! фа! фа! Чем-то воняет". Старуха сказала: „Маленькая сиротинка пришла". — „Для чего прячешь, дай (мы) съедим". — „Малыш, на восходе дам".

Потом сыновья между собою посоветовались: „На восходе съедим". Все договорились: „На восходе съедим". Заснули. Утром встали, опять стали просить съесть. Старуха сказала: „Меньшой, на закате съешьте". Опять стали советоваться: „Где на закате съедим?" Старший сказал: „На закате съедим". Ушли сыновья. Сирота сказала: „Мама, меня выпусти, когда-нибудь упаду (спущусь)". Отпустила старуха. Улетела девочка по следу гаша, нагнала гаша, добывших важенку. Сиротка запела:

„Гаша, гаша!
Гаша, гаша!
Съели
на закате,
на восходе".

„Что там случилось?" сказал гаша. Младший сказал: „Я сломал важенки маленькое ребро". — „Нет, я сверху слышу". Посмотрели вверх, увидали летящую, сказали: „Мама-мертвец (ругательное слово), выпустила.

mucumī ḍəbḍəp nuŋanmān". Ganācildʳə ɥyiskī, nikāduk gəjəwrirən ɲəkəwən. Aşātkān dəgildʳən, tālā Guriwul icərən dəgḍərīwə. Guriwul ikəldʳən, bɥrɥdən:

„Aşīja! aşīja!
bɥrɥkəl, bɥrɥkəl,
bɥrɥrākiş, ōḍam
nākɥjə ōḍam
ḍūrḍī bakşatarīcī".
— „Ətəm-lən bɥrɥrə
gəşā-gaşāl
bɥrɥptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwɥntin bişim,
gaşāgal ətərə
şularə, ḍūrḍī-wəl
bakşawrākış".
— „Asīja! aşīja!
bɥrɥkəl, bɥrɥkəl,
bɥrɥrākiş ōḍam
nākɥjəwə ōḍam,
ılanḍī bakşatarīcī".
— „Ətəm-lən bɥrɥrə
gaşā-gaşāl
bɥrɥptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwɥntin bişim,
gaşāl ətərə şularə,
ılanḍī-wal bakşawrākiş".
„Aşīja! aşīja!
bɥrɥkəl, bɥrɥkəl,
bɥrɥrākiş ōḍam
nākɥjəwə ōḍam
diginḍī bakşatarīcī".
— „Ətəm-lən bɥrɥrə,
gaşā-gaşāl
bɥrɥptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwɥntin bişim,
diginḍī bakşawrākiş,
gaşāl ətərə şularə".

Guriwul gorowo ikədəcən, asātkān əmūḍəcān bɥrɥḍəmī.

— „Asīja! Asīja!
bɥrɥkəl, bɥrɥkəl,
bɥrɥrākiş, ōḍam
nākɥjəwə ōḍam
ḍānḍī bakşatarīci".

Aŋaḍakān təli bɥrɥrən.

вернувшись съедим ее". Стали стрелять вверх, ранили плечо крыла. Девочка улетела, там Гуривуль увидел летящую. Гуривуль запел, чтобы упала (она):

„Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на двух подставках".
— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
гаша не оставят,
двойной лабаз если сделаешь".
— „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на трех подставках".
— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
гаша не оставят
на трех подставках лабаз".
— „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на четырех подставках".
— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на восходе
на закате (буду съедена, раненая)
на четырех подставках если сделаешь,
гаша не оставят".

Гуривуль долго пел, девочка не хотела падать.

„Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на десяти подставках".

Сирота тогда упала.

Gurıwul aşīlārān. Ilan anŋanīl inən, hụtətin вişin ụmụkən. Gurıwul вəjụrən. Gəşạ-gəşạ̄l əmərə. Gurıwul aşīn purcawa ụŋkụrən irəkşədụ, gəşä-gəşạ̄l ḍəwụldʳə, oronmı ụmirīwə wārən aşī, nimrəḍīn hụtəwi ụkətəwən, şenmān ụcişinḍən, şoŋoldōn. „Kuŋakān ēkunḍī şoŋojo ōdan, aknīl-wal əmərəktin. Ēkunḍī amultana ōdan?" Şụrụwrən hụtəwi tạşiḍənərən amurwal, nəkụlı tuktıran hụtənụn, tuktıwunma tānən māntikīwi. Kiŋnərwạ̄n dōldırā gəşä-gəşạ̄l. Tukşaşna, həgildʳə iktəlḍīwər nəkụ̄ вakşalwān.

Gurıwul aşī ikəldʳən:

„Gurıwul, Gurıwul!
ēwadāglə gụ̄cəş
şērwā kōŋāktəkār
gạşal, gạşal gạşalil əmərəktin,
dōldıḍam, dōldıḍam
adıduk-pal dawaγıl".

Ụmnə ikəḍəlgidụn, ụmụkənmə вakşawa həgrə. Asī ikəldʳən ılarā. Ilīwrakın ikərəkin, əmərən Gurıwul, ụşəlin hurınḍana. ḍụ̄rwə gạşạ̄-gạşạ̄l wārən, ılītın adagarān, adagaḍāktu ijəŋəwi əmənən. Gəşägə mişərən. Gurıwul əmərən gəşägə ijəŋəwạ̄n gadan, şıltuktuwı nərān. Aşaşnan gəşägan ūḍalın. Guluwunma icārān, guluwuna lupumrak gıranān. Şəвḍəcə ŋēldʳa lirorā, вəjəl injəktəldʳə. Gurıwul həripcəldʳən mụrəli — ācın, upkac iktəjəcīl. Nuŋan şụrụrən, gēwa guluwunma ışşan, ŋān gıranān, ŋān ŋēldʳanın lırōrān mụrəli icātşān—ācın iktəjə ācin, ələtin iktəcī. Nuŋan şụrụrān ılīdutın guluwun, guluwunma gıranān, ŋān ŋēldʳanın lırōrān, mụrəli həripcəldʳən, icārān ụmụkən miminə. Ildʳạn tādu, gụ̄nən: „Bəjə minə tiləḍəkạl!" Gəşägạ̄n tiləldʳən. Gurıwul tiləldʳən gəşägạ̄nmạ̄, tiləmnin gādan şıltuktukpı iktəwən. Gəşägạ̄n gụ̄nən: „Bəjə ēwa-ka ŋəkəlindʳi?"—„Kụmkələ ḍạwụldʳəm". Iktəḍən ụtụmụktụlin. Tāduk Gurıwul gụ̄nən: „Amākā āsnən, əmərpkəldʳụ tirụjən". Bụ̄rə kuŋakār tirụwạr, Gurıwul tirụpkạ̄nən, tirụḍụ nārān dılwan, şụrụrān.

Гуривуль женился. Три года жил, был один сын (их). Гуривуль промышлял. Пришли гаша. Жена Гуривуля сушеного мяса насыпала на шкуру, гаша стали есть, важенку убила женщина, обмазала содержимым желудка зад сына, за ухо подергала, стал плакать. „Ребенок отчего-то заплакал, дяди когда пришли, почему-то обделался?" Унесла сына, пошла подтереть сыну испражнения, на лабаз влезла с сыном, лестницу втащила к себе. Звон услышали гаша. Прибежавши, стали грызть зубами подставки.

Жена Гуривуля запела:

„Гуривуль, Гуривуль!
Для чего говорил
ушами звон,
когда гаша придут,
услышу, услышу
через сколько-то
больших переходов".

Один раз пропела, одну подставку сгрызли. Женщина пропела трижды. В третий раз когда пела, пришел Гуривуль, стрелы его мигали (пролетали). Двух гаша убил, третий увернулся, на (том) месте, где увернулся, клык оставил. Гаша скрылся. Гуривуль пришел, клык гаша взял, в шильник сунул. Погнался по следу гаша. Увидел костер, через костер перешагнул. Опушка кафтана загорелась, люди засмеялись. Гуривуль оглянулся вокруг — нет, все с зубами. Он ушел, дошел до второго костра, опять перешагнул опять опушка загорелась, кругом оглянулся — нет беззубого, все с зубами. Он ушел к третьему костру, костер перешагнул — опять опушка загорелась, кругом оглянулся, увидал одного беззубого. Остановился там, сказал: „Человек, поищи мне вшей!" Гаша стал искать. Гуривуль стал искать гаша убивалкой вшей, взял из шильника зуб, гаша сказал: „Человек, что делаешь?" — „Вшей ем". Зубом уколол в затылок. Потом Гуривуль сказал: „Дедушка заснул, дайте подушку". Дети дали подушку. Гуривуль взял подушку, на подушку положил голову его, ушел.

Кɪmā. Cirəmbu

43. Epkācān

inḍərə bəjə aşīnun, ılan hurıltin. Amīntin şururān sıγun buruptulən, əşin mucura, cōmbawrān. Tāduk şagdak hutən şururān, tuk-şə cōmbawrān, duluγ şururān — cōmbawrān. Əmənmurə nıkā ənīnunmi. Nıkāk şururān şıpkıtnārən, icārān Epkācān şəksədil ijəlin, ḍagda dulın dulın aşī ikəldirān, ḍagda aŋalḍaḍırān. „Bəjəjə! bəjəjə! cagılı, goroh, ḍagdaŋīw hapkāşınmundʳä“. Bəjə mucuşnān ḍūlāwı. Əŋintikī əmərən, ulgucənən: „icəm Epkācānmə amījaw wāḍacā, ijəlīn şəkşəgdil, ḍagda aŋalḍaḍırən, tālı aşī ikədirān mō dulın dulın“. Əŋīnmi hanŋūktaldʳān: „ŋəŋə, amā halkalīn əjurgəlīn biŋkitin?“—„Ee, biŋkitin əjurgəlin, tiptirgəlīn, kurgəlin, tākān kuŋalın nəcəw“.—„Əməpkəl“! Əŋīnīn gilnəşşən. Hutən tawıcıldʳan bərijəwi, şāləmə lukījəwi ōran, ildʳən ḍagdawa garparan. ḍagda dulınmān şurŭwrān. Nān tawıtşan mandʳıγurān, garparān, gē həgdimarwə ḍagdawa. ḍagda hapkanışnān. Nuŋan dılwı kamnundāran, tukaladāran, əŋintikī gūnən: „Epkācān wānālḍəlım, əşikin-nun əmərə — minə wārān“.

Şurŭrān, ışşan Epkācāndulā, ikəldʳən aşī:

„Epkācān, Epkācan, ciruḳul-dạ,
bəjədu əmərcəş, ciruḳul-də̄,
həŋarmīşinḍạn, ciruḳuldạ“.

Epkācan ikəldʳən:

„Bəjəjə! bəjəjə! ciruḳul-dạ,
cagılı, goroh, ciruḳul-də,
ḍagdaŋıw hapkāgə, ciruḳul-dạ —
şınmundʳı, ciruḳul-dạ“.

Ш. Кима. Чиромбу

43. Эпкачан[1]

Живут мужчина с женщиною, трое сыновей. Отец их ушел на закате солнца, не вернулся, исчез. Потом старший сын ушел, также исчез, средний пошел—исчез. Остался младший с матерью. Младший ушел, пошел посмотреть, увидал кровавые рога у Эпкачана, в середине сосны женщина запела, сосна раздвигается (и) сдвигается. „Мужичок! мужичок! дальше, подальше, сосной моей разбит будешь“. Мужчина вернулся домой. К матери пришел, рассказал: „Видел Эпкачана, отца убившего, рога его в крови, сосна раздвигается, там в середине дерева женщина поет“. У матери спросил: „Мама, у отца молоток, клещи были?“—„Да, были клещи, наковальня, щипцы, в середину колоды положила“.—„Принеси“. Мать сходила, принесла. Сын выковал лук, железную стрелу сделал, встал, в сосну выстрелил. Половину сосны снес. Опять ковал, укреплял, выстрелил во вторую большую сосну. Сосна разбилась в щепки. Он голову обмазал клеем, посыпал землей, матери сказал: „Эпкачана иду убивать; если не приду, меня убьет“.

Ушел, дошел до Эпкачана, запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чиркульда,
мужика же принесла, чиркульда,
коленями раздавит, чиркульда“.

Эпкачан запел:

„Мужичок, мужичок, чиркульда,
дальше подальше, чиркульда,
сосна в щепы чиркульда,
разобьет тебя, чиркульда“.

---

[1] Эпкачан—название оленя—важенки около одного года.

Bəjə dagamāran, garparan, Ēpkācānma wārān, ḍagdawa garparan apkānuşıknanın. Aşī şulaptan. Aşī gūldʳān: „şurugōt tukşalıkītkī“. Şuruā, ışşa tukşalıkītpa, aşī gūnān: „Kə! bəjə, tukşaşılkō!“ Tukşakīttu bicān şılawurgacır. „Şi-kān ḍulāli mıkcaşılka, bi muldʳım“, bəjə gūnən.

Aşī tukşaşıldʳan, bəjə amarguc. Tukşaşmī hələşun aşīwa. Aşī gūnən: „ōduk ōḍan diŋnilōlikīc“. Işşa diŋnilōlikītpa, aşī gūnən: „Kə! bəjə!·şikān diŋnilōşkə“.—„Bi muldʳım, si-kānə“. Aşī diŋnilōşnən, bəjə amarguc hələşun. Tāduk aşī gūnən: „ōduk ōḍan şarumōlıkīc“. Işşa. „Bəjə, şikān şarumōkə“.—„Bi muldʳım“. Aşī şarəmāldʳən, bəjə amarguc gorotmordu. „Ōduk ōḍan igdilikīc“. Işşa igdilikitpa „Kə, bəjə igdikə“.—„Bi muldʳım şikānə“. Aşī mōmat igdiwunḍi igdişnan, bəjə ŋuriktalwān, igdiwunmāw urgacān, gadan ijəməwə igdiwunma, igdişnan, ŋān urgaran; şāləmawa gādan, igdişnan, umukān iktəwa əwrən, bakurrān igdiwun ukundulın, aşī buddan. Bəjə amaşkī mucuşnan. Ēpkācānma guluwundu kintirānən, əŋintikīwi şuruān, ulgucānən upkatpa. Əŋīnīn uruktatpı əptəwi urışnan, buddan.

N. Bajakī. Cirəmbu

44. Epkācān

Atırīkān ələkəş bicān, ilan hurilīn—ılan bəjəl. Hurilwi gundiran: „Luguridu əgnəkəldʳu girkuḍarā, ŋāləmugdi“. umukān hutən şururan luguritkī. Tālā mō hoŋolın aşī ikādərən:

„Ēpkācān, Ēpkācān, ciruŋkil-ḍa,
bəjədu əməpcāş, ciruŋkil
həŋgərmisinḍan, ciruŋkil“.

Мужчина приблизился, выстрелил—Эпкачана убил, в сосну выстрелил—до щепок разбил. Женщина осталась. Женщина сказала: „Пойдем на место прыжков“. Ушли, дошли до места прыжков, женщина сказала: „Ну, мужик, прыгай!“ Место прыжков было, как бы из шил. „Ты-ка вперед скачи, я не умею“, сказал мужчина.

Женщина стала прыгать, мужчина позади, прыгая, опередил (дальше) женщины. Женщина сказала: „Отсюда пойдет место бегов“. Дошли до места бегов, женщина сказала: „Ну, мужичок, ты беги“.—„Я не умею, ты-ка (попробуй)“. Женщина побежала, мужчина позади дальше (опередил). Потом женщина сказала: „Теперь будет место, где мочатся“. Дошли. „Мужик, ты помочись“.—„Я не умею“. Женщина помочилась, мужчина позже, значительно дальше. „Отсюда будет место, где чешут волосы“. Дошли до места чесания. „Ну, мужик, чеши“.—„Я не умею, ты чеши“. Женщина деревянной гребенкой стала чесать волосы мужчине, гребенку сломала, взяла костяную гребенку, стала чесать, опять сломала, взяла железную, стала чесать, один зуб сломала, соскользнула гребенка на грудь ее, женщина умерла. Мужчина вернулся обратно, Эпкачана сжег на костре, к матери пошел, рассказал все. Мать от радости легкое вырвала, умерла.

Н. Баяки. Чиромбу

44. Эпкачан

Вначале была старуха, трое сыновей. Сыновьям говорит: „Ночью не ходите, страшно“. Один сын пошел (под вечер) в полночную сторону. Там в расщелине дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукиль-дя,
мужчину же принес, чирукиль,
коленями раздавит, чирукиль“.

Bəjə tālā ŋənərən kiṛalin. Ēpkācān bəjəwə tukşancaran. Ēpkācān, wārən, bəjə вuddaṇ. Tarī bəjə cōmbawrān. Aтirīkān hutən gē şuruṛān tar ūdalin. Tālā ŋān mō hoŋolin aşī ikəḍərən:

„Ēpkācān, ēpkācān, ciruкul,
bəjədu əməpcəş, ciruкul-ḍa,
həŋgərmişinḍaṇ, ciruкul!“

Tarī bəjə ŋān ŋənərən Ēpkācan kiṛalin. Ēpkācān tukşancaran, ŋān nuŋanmān wārən. Bəjə ḍūlāwi əşin əmərə, ilītin bəjə tuga şururān, gəlāktənāşşən nəknīl ūḍaltin. Ṇan ikəldʳən asī:

„Ēpkācān, ēpkācān, ciruкulḍa,
bəjədu əməpcəş, ciruкul,
həŋgərmişinḍaṇ, ciruкul!“

Tar bəjə Ēpkācāndulā əşin ŋənərə kiṛalāṇ, mucuşnan ḍūlāwi. Əŋintikiwi gūnən: „Bi icəm—aşī ikəḍərən mō hoŋolin, Ēpkācānmə icəm şəksəgdən ijəlin. Ēpkācān wācān nəknilwi“. Aтirīkān gūnən: „Nikājə əŋnəkəl targidātkī girkiḍara“. Nuŋan haŋūktaldʳān əŋinmi, gūnən: „Kuтgəl bişi?“—„Bişi“—„Halka bişin?“ — „Bisin“ — „Əjuтgə bişin?“—„Bişin“. Ijaŋildʳan. Şāləməwə bərjəwi ōran, uşələwi sələməlwə ōran. Şuruтān talā ŋān. Ṇān asī ikəldʳən:

„Ēpkācān, ēpkācān; ciruкul-ḍa,
bəjədu əməpcəş, ciruкul
həŋgərmişinḍaṇ, ciruкul“.

Ēpkācān həŋgərmişinaṇ, tukşancaldāwi, bəjə garparan Ēpkācānmə, wārən. Tarā garparan mōwa hoŋolin. Mō pəşirgərən. Asī ikəḍərī вuruтən duŋdʳaḍu.

Мужчина подошел туда поближе. Эпкачан на мужчину прыгнул. Эпкачан убил, мужчина умер. Тот мужчина пропал. Другой сын старухи пошел по тому следу. Там опять в расщелине дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукуль,
мужчину принес, чирукульдя,
коленом разобьет, чирукуль“.

Тот мужчина опять подошел поближе. Эпкачан к мужчине прыгнул, опять его убил. Мужчина домой не пришел. Третий мужчина тоже ушел, пошел искать следы младших братьев. Опять запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль!“

Тот мужчина не подошел близко к Эпкачану, вернулся домой. Матери сказал: „Я видел, женщина поет в расщелине дерева, Эпкачана видел с окровавленными рогами. Эпкачан убил младших братьев“. Старуха сказала: „Меньшой, не ходи в ту сторону“. Он стал просить мать, сказал: „Наковальня есть?“ — „Есть“. — „Молот есть?“—„Есть“.—„Клещи есть?“—„Есть“. Стал ковать, железный лук сделал, железные стрелы сделал. Пошел туда опять. Опять женщина поет:

„Эпкачан Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль“.

Эпкачан колени прижал, чтобы скакнуть, мужчина выстрелил в Эпкачана, убил. Выстрелил в ту щель дерева. Дерево треснуло. Поющая женщина упала на землю.

Tāduk sụrụrān bəjə asīnun. Asī gụ̄nən: „Ədụk ōḍan həndᶦiliḍəkīc, həndᶦilildᶦəp". Ŋənərə, bəjə gıralīn həgdiməşəl ōda, aşī gıralī hụlitmaşaḷ ōda. Tāduk aşī gụ̄nən: „ədụk ōḍan mıkcālıḍakīc, mıkcalıldᶦəp". Bəjə mıkcānən, asī mıkcānən, aвuldᶦān bəjəwə. Ṇụtərə dılīlwar, gụ̄nən aşī: „igdililḍạp!" Igdililḍᶦə. Bəjə igdirān ṇụrıktạlwi. Aşī tụrkəwụcildᶦän, igdiwụnḍiwi arkīran ukundulın, вuddạn.

Ş. Kiltinə. Cirəmbu

45. Nəmələn

Atırīkān kumalānıḍaran. Hụtəwi ipkərən asātkāngı, tāləptılədən, purtawı вụ̄rən kōlēcēwa. Aşātkān şụrụrān, şụpirīlwə hōgnāldᶦən, ŋālạwı wārān, hāŋāldᶦən, tarīc şoŋoldᶦən. Cinəkə̄ əmərən gụ̄nān: „cı-cı-ca! cı-cı-ca! ēwa şoŋolḍəndᶦi? cı-cı-ca! cı-cı-ca! şəkşəwi cıwuşka!" Cıwusnan, gụ̄nən! „əŋījə! nəkụ̄jə! tụg-dā вirā alagdıl".

Aşātkān şụrụrān, wārān ənīnmi, nəknīlwi, wārān, ḍəwrān. Akīnīn əmərān, вəjụşcəcə̄. Dōldırān, gụnḍirān: „Hāŋā! hāŋā! hāŋā-ŋā! əşimək, akī okın əmədạn? əsimək?" Tar ṇān tụk-sə gụ̄nən: „hāŋā! hāŋā! hāŋā-ŋā! əşimək akījā okın əmədạn?" Tarīc sụrụrān oror ṇəkələtin. Nəmələnmə gələktədərən. Tarā Nəmələnmə ḍawaran uγran, şụrụrān nəkụ̄ndụlạ̄wi, ŋənərən gụ̄nān. „Nəkụ̄! häj! häj!" Tar nəkụ̄nīn, tụgə gụ̄nəkin, mışōran. Nəkụ̄nin kalanmı gōkalārān, şụkəŋkiwi gadan, sụrụrān. Nəmələnḍi hụktibḍərən, hụktibḍirān. Tālā dolвoldᶦən, nəkụ̄nmi dōldırān amaşkī kəşilirīn aşaḍan. Tarīc вokoldᶦən şiγun вụrụcālən. Şụkəŋkiwi ḍulāşkī nōdarān, gụ̄nān: „Nəmələn halganawı вụrụptinạ̄wi вōrıkal, ānŋạcıwunaw". Iwəŋkin tarī Nəmələn hōgran halganmān ụmụkənmə. Hata hụptipḍạrān; ānŋəşnạn, Nəmələn halganmān ḍəвḍənə.

Потом пошел мужчина с женщиною. Женщина сказала: „Теперь будет место состязания в шагах, станем шагать". Пошли, шаги мужчины увеличились, шаги женщины маленькие. Потом женщина сказала: „Отсюда пойдет место состязания в прыжках, станем прыгать". Мужчина прыгнул, женщина прыгнула, отстала от мужчины. Насмолили головы, женщина сказала: „Станем чесать волосы!" Стали чесать. Мужчина чесал волосы. Женщина стала расчесывать, гребенкой уколола грудь, умерла.

Ш. Кильтыно. Чиромбу

45. Нэмэлон (десятиногий олень)

Старуха делала кумаланы. Дочь свою заставила шкурки напяливать на палочки, нож дала, женский нож. Девочка ушла, стала срубать палочки, руку разрезала (убила), кровь потекла, заплакала от этого. Пташка пришла, сказала: „Чи-чи-ча! чи-чи-ча! что плачешь? чи-чи-ча! чи-чи-ча! кровь свою лизни". Лизнула, сказала: „Мать, младшие сестры также сладки, вероятно".

Девочка ушла, убила мать, младших сестер убила, съела. Пришел старший брат, отпромышлял. Услыхала, говорит (она): „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли, старший брат когда придет, сегодня ли?" Потом опять также сказала: „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли когда ли старший брат придет?" Потом пошел к следам оленей. Нэмэлона ищет. Того Нэмэлона поймал, сел верхом, поехал к младшей сестре, шел, говорил: „Младшая, хэй! хэй!" Младшая, когда (он) так говорил, исчезла. Младшая надела (котел на плечо), топорик взяла, ушла. На Нэмэлоне бежал, бежал. Стало темнеть, услышал позади звук бега младшей сестры, преследует (она). Таким образом после захода солнца стала нагонять. Топорик вперед бросила (она), сказала: „Нэмэлон, ногу на ночлег отдели (отруби)". Топор тот отрубил одну ногу Нэмэлона. Все еще убегает; заночевала, съедая ногу Нэмэлона.

Tımältänə ŋän Nəmələnmən aşaşnan. Tälä Nəmələnḍï ŋän вokoldʳən dolвoltönə. Ṇän käşirïlïn ïldʳə. Tälä ŋän şiɣun вuruşnan, ŋän gu̇nən: „Nəmələn halganawı вonkal". Вuruptinən, iwəŋkiwi ŋän ḍuləskï ŋödarän, ŋän Nəmələn halganma högran. Tuŋgi aşatkän högran jəginmə halgarwän. Ṇän döldırän käşirïlïn, kaların käŋirïlïn. вokoldʳən. Вokonən Nəmələnmə, ŋän şukəŋkiwi ŋödarän, gu̇nḍänə: „Nəmələn ḍäɣïw, halganmı вonkal mindu вuruptinəw". Ṇödarän şukəŋkiwi ḍuləşkï, Nəmələn halganmän högran, вuruŋrän. Nəmələn ələwən ḍəwrən.

Akïnïn tar əşilə tukşamat mïşərän. Tälä tukşarän, tukşarän ŋän döldırän amaşkï käsirïlïn, käŋirïlïn. Wek dagamaran.

Dolвoltönə вokumürän akïnmı. Akïnïn ikəldʳən:

„Həkʉ-kʉ! həkʉkʉ! həkʉkʉ!
iŋəjən dılaca dalgalaşkal
kumalandınḍï galajaвda,
tökï galandınïn
galajaвda ökal
Tökï galandınïn!
Dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Tökï ödan. Tökï вinə, hʉktildʳan. Hʉktiḍəŋnərən, hʉktiḍəŋnərən, hʉktirän tälä, dolвoltönə dərʉrən, ŋän amaşkï döldirän, ŋän käşirïlïn, kalanın käŋtrïlïn ŋän ikəldʳən:

„Həkʉkʉ! həkʉkə! həkʉkʉ!
iŋəjən dılaca
kumalandımatic,
dalgalaşmalakal!
galajaвda ökal
əвəj galandınïn,
galajaвda ökal!
Dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Əвəj ödan, hʉktildʳän. Hʉktirän, hʉktirän, dolвoltönə därʉrän, ŋän вokoldʳən käşirïlïn, käŋirïlïn, ŋän ïldʳə, ŋän ikəldʳən:

„Həkʉkʉ! həkʉkʉ! həkʉkʉ!
iŋəjən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatïc dalgalaşkal!
galajaвdä ökal
gʉşkə galandınïn!
dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Утром опять стала предследовать Нэмэлона. К вечеру там опять стала нагонять Нэмэлона. Опять звук бега слышится. Опять там солнце село, опять сказала: „Нэмэлон, ногу отдели!" Солнце село опять, бросила вперед топорик, опять отрубил (он) ногу Нэмэлона. Таким образом девочка отрубила девять ног его. Опять услышала звук бега, звон котла, стала нагонять. Нагнала Нэмэлона, топорик бросила, говоря: „Нэмэлон, десятую ногу отдели мне на закате (вечером)". Бросила вперед топорик, отрубил ногу Нэмэлона, упал (он). Нэмэлона всего съела.

Старший брат теперь скрылся пешком. Бежал, бежал туда, опять услышал позади звук бега, звон, все время приближался.

Вечером (совсем) хотела догнать старшего брата. Старший брат запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след,
следом сохатого
след мой сделай!
следом сохатого!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"
(заклинание)

Сделался лосем. Лосем ставши, стал удаляться. Бежал, бежал туда, вечером устал, опять позади услыхал, опять звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след,
след закрой!
След (мой) сделай
медведя следом,
след сделай!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

Медведем стал, побежал. Бежал, бежал, вечером устал, опять стала нагонять, опять звук бега, звон котла слышен, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой!
След сделай
волка следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

Ӈuktildʳən, guşkə binə. Dolboltōnə därurän, ӈän ildʳə käӈirilin, kəşirilin, ӈän ikəldʳən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
iӈəjən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatīc dalgalaşkal!

galajabda ōkal
jantakī galandınīn!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

Jantakī ōdan, huktildʳän. Huktirən, huktirən, tālā dolboltōnə ӈän därurän; ӈän kəşirilin, käӈirilin ildʳə, ӈän bokoldʳən. Nuӈan ӈän ikəldʳən:

„Həkuku! həkuku! həkuku!
iӈəjən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatīc dalgalāşkal!

galajabda ōkal
gəlkī galandınīn!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

Gəlkī ōdan, huktirän. Dolboltōnə ӈän därurän, ӈän kalanḍıwı käӈirilin, kəşirilin ildʳə, ӈan bokoldʳən, ӈan ikəldʳən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
əӈijən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatīc dalgalaşkal!

galajabda ōkal
şulakī galandınīn!
dəwərdibgin! dəwərdibgin!“

Şulakī ōdan huktildʳan, dolboltōnə ӈän därurän, ӈän käӈirilin, kəşirilin ildʳə. Ӈän ikəldʳən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
əӈijən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajabda ōkal
kuӈku galandınīn!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

Убежал, волком будучи. Вечером устал, опять послышался звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след!

След сделай
следом россомахи!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Сделался россомахой, побежал. Бежал, бежал, там ночью опять устал опять звук бега, звон котла слышен, опять стала догонять. Он опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом рыси!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Рысью стал, убежал. Вечером опять устал, опять звон котла, звук бега слышны, опять стала нагонять, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
лисьим следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Сделавшись лисицей побежал, ночью опять устал, опять звук котла, звук шагов слышны. Опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом соболя!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Kuŋkų binə, huktildʳän. Dolboltönə ŋän därųrän, ŋän ildʳə kəşirilin, kalandi käŋirilin, ŋän ikəldʳən:

„Həkuku! həkuku! həkukə!
əŋijən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatic dalgalaşkal!
galajabda ökal
sələŋə galandınin!
dəwərdibgin, dəwərdibgən!“

Şələŋə ödan, huktiḍəŋnərən, ŋän därųrän, ŋän käŋirilin, kəşirilin ildʳə, ŋän ikəldʳən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
əŋijən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatic dalgalaşkal!
galajabda ökal
ḍələki galandınin!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

ḍələki ödan huktildʳən. Dolboltönə ŋän därųrän, ŋan kəşirilin käŋirilin ildʳə, ŋän ikəldʳən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
iŋəjən dılaca dalgalaşkal,
kumalandımatic dalgalaşkal!
ḍalajabda ökal
cämutkän galandınin!
dəwərdibgən! dəwərdibgən!“

Cämutkän ödan gu̯nän: „Şiŋərəkər ŋəpkətənədu pərilḍəkəldʳu!“ Pərildʳə. Tädu aşaḍarı cömbarän nuŋanmän. Dəbgəlwə şukəŋildʳən, şukəŋkin əwurgərən. Əwurgərəkin, gu̯nän: „Akä! alätcikäl minə! kədərəlwi ülwı əməbḍəm“. Amaşkı surųrän, kədərəlwi, ülwı cucurwi, şıdıwurwı əməwrən. Tarıl cucurwi upkal əwrən, kədərəlwi əwrən, ələwətin əwrən. Täduk cömbarän nəku̯nin, tädu buddan.

Соболем ставши, побежал. Вечером опять устал, опять слышны звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!
След сделай
следом хорька!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Хорьком стал, бежит, опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!
След сделай
горностая след!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Горностаем стал, побежал. Вечером опять устал, опять звук шагов, звон, котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!
След сделай
мыши следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Мышью стал, сказал: „Мыши во владинках у ручья разбегайтесь!“ Разбежались (следы). Там (и) потеряла его преследовавшая. Пустые места ударяла топором, топор сломался. Когда сломался, сказала: „Старший брат, подожди меня! кожемялки, скребки принесу!“ Обратно ушла, кожемялки, скребки (разн. сорта) принесла. Все скребки сломала, мялки сломала, все сломала. Потом потерялась младшая сестра там (и) умерла.

Ş. Kiltinə. Cirəmbu

46. Murıwul

Cıwukcak aşī āḍərān. Ụmụnmək əmərən Cıwukcatkī şäriwụcildʳən āḍərīwạ: ụmụnmək ikəldʳən:

„Cıwukcak! Cıwukcak!
ēgdatpı āŋnəndʳı?
Ŋēwi cāŋılı
Ŋēwi caskīlı!
Cinəkəl cuŋılcāl!
Cinəkəl culdʳıcāl!“
— „ụmụnmək! ụmụnmək!
Minələjə uɣupkal
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən! ətəm-lən!
Ətəm-lən uɣuwrạ!
ḍụ̄nmək-lụn ɻəkəɣin!
Murıwul lombolonmōn
hərəlnəḍī bışim,
witrinəḍī bışim,
hirgənəḍī bışim“.
— „ḍụ̄nməkjə! ḍụ̄nməkjə!
Minələjə uɣupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.

— „Ətəm-lən! ətəm-lən!
Ətəm-lən uɣuwrạ
Ilanmāk ɻəkəɣin!
Murıwul lombolonmōn
hərəlnəḍī bışim,
witrinəḍī bışim,
hirgənəḍī bışim“.
— „Ilanmāk! ılanmāk!
Minələjə uɣupkal
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uɣuwrạ,
Diginmək ɻəkəɣin!
Murıwul lombolonmōn
hərənəḍī bışim,
witrinəḍī bışim,
hirgənəḍī bisim“.
— „Diginmək, Diginmək!
Minə-lən uɣupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.

Ш. Кильтыно. Чиромбу

46. Муривуль

Женщина Чувукчак спит. Пришла к Чувукчак Умунмок[1], стала будить спящую. Умунмок запела:

„Чувукчак! Чувукчак!
Зачем спишь?
Покойники кругом,
покойник близко,
пташки защебетали
пташки засвистели!“
— „Первая, Первая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Вторая пусть попробует!
Муривуля шаманским плащом
окружена я,
плясовым кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Вторая, Вторая!
Меня верхом посади
на одеялоносца
на котлоносца“.

— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Третья пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Третья, Третья!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
Четвертая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Четвертая, Четвертая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.

[1] Имена сестер произведены от числительных: ụmụn—один, ụmụnmək—женское имя.

— „Ətəm-lən uɣuwrạ,
Tunŋamāk ŋəkəɣin!
Muruwul lombolonmōn
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim,
hirgənəḍï bişim“.
— „Tunŋamāk! Tunŋamāk!
Minə-lən uɣupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uɣuwrạ
Ṇuŋunmək ŋəkəɣin!
Muruwul lombolonmōn
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim,
hirgənəḍï bişim“.
— „Ṇuŋumək, ŋuŋunmək!
Minə-lən uɣupkal
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uɣuwrạ
Nadanmāk ŋəkəɣin!
Muruwul lombolonmon
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim
hirgənəḍï bişim“.
— „Nadanmāk, Nadanmāk!
Minə-lən uɣupkạl
huldʳarukmattuwı,
kalarukmattuwı“.
— „Ətəm-lən uɣuwrạ
ḍapkunmāk ŋəkəɣin!
Muruwul lombolonmōn
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim,
hirgənəḍï bişim“.
— „ḍapkunmāk, ḍapkunmāk!
Minə-lən uɣupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı!“
— „Ətəm-lən uɣuwrạ!
Jəginmək nəkəɣin!
Muruwul lombolonmon
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim,
hirgənəḍï bişim“.
— „Jəginmək, Jəginmək!
Minə-lən uɣupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uɣuwrạ
ḍānmakja ŋəkəɣin!
Muruwul lombolonmōn
hərənəḍï bişim,
witrinəḍï bişim,
hirgənəḍï bisim“.

— „Не стану сажать я,
Пятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Пятая, Пятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Шестая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Шестая, Шестая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Седьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Седьмая, Седьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
—„Не стану сажать я,
Восьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Восьмая, Восьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Девятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Девятая, Девятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Десятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.

— „ḍānmākja! ḍānmakja! huldʳarukmāttuwı,
Minə-lən uʏupkal kalarukmāttuwı“.

Ḍānmāk uʏuwrạn, şuruʏrə Murıwultukī. Nuŋan ḍūkānmạ lupumrak huktirạn, şuruʏrạn. Murıwul ụmụkən əmənmuʏrän ḍūkänduwı. Şuruʏrän, ūḍaltın ūḍaşnän. Tālä bokonən ụmụnmākpə, gūnən: „Aşē! ətəşkə“.— „Ətām! ətām! ēşamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm, kədərəw garpakal“. Murıwul kədərəwən garpaşcaran, urārän. Tarā ŋān ŋənərən, ŋənərən ḍūnmək bokonän „ḍūnmək ətəşkạ!“ — „Ətām, ətām, əşamat icəpkəti, ətpı ətəsinḍạm? Cucunmə garpakal, əŋīwə ḍānmākpı ïdu tēwulḍandʳı?“ Murıwul garparan, urārän; şuruʏrän, ŋān bokonän aşīwa, Ilanmāk. „Asē! ətəskạ“.—„Ətām! ətām! ēsamat icəpkəti, ētpi ətəşinḍạm ụwəpkə garpaka“. Murıwul ılīwrän garpaşcaran, urārän, ŋan şuruʏrän, iltənən, ŋān aşīwa bokonən. „Asī, ətəşkạ“ — „Ətām! ətām! ēşamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm? Şıdıwunma garpaka“. Garpaşcaran nuŋan, urārän, ŋān şuruʏrän, ŋān bokonən aşīwa Tunŋamāk. „Aşe ətəskạ“.— „Ətām! Ətām, eşamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm, əŋīwə ḍānmākpı ïdu tēwulḍandʳı; ụlkäwə garpaka“. Murıwul ụlkäwən garpaşcaran urārän. Şuruʏrän ŋāŋ bokonən aşīwa Nuŋụnmāk. „Asī ətəskạl.—Ətām! ətām! ēsamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm? ḍawalgānmə garpaka“. Nuŋan garparan, urārän, ḍawalgānmạ əmənən, şuruʏrän, ŋān bokonən asīwa Nadanmāk. „Aşē! Ətəskạ“. — „Ətām! ətām! ēşamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm, şiʏụnkənmə garpaka“. Murıwul garpaşcaran, ŋan urārän, şuruʏrän cāskī, āşīwa bokonən. „Aşē ətəşkạ“.— „Ətām! ətām! ēşamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm, ənīʏəkpə garpaka!“ Garpaşcaran nuŋan, urārän, şuruʏrän aşīwa bokonən, gūnən: „Asī ətəşkạ“, — „Ətām! ətām! ēsamat icəpkəti, ētpı ətəşinḍạm, dāläspạ garpaka“. Nuŋan garparan, urārän, ururän asīwa bokonən: „Aşī ətəşkạ“. — „Ətām! ətām ēşamat icəpkəti ētpı ətəşinḍạm, ḍaʏujwən garpaka!“ Murıwul garparan, urārän, şuruʏrän, bokonən aşīwa. „Asə ətəşkạ!“ — „Ətām! ətām! ēşamat icəpkəti ētpı ətəsinḍạm, lombolonmo garpaka“. Nuŋan garpaşcaran urārän.

—„ Десятая, Десятая! на одеялоносца,
Меня верхом посади на котлоносца“.

Десятая посадила, отправились к Муривулю. Она сквозь юрту пробежала, убежала. Муривуль остался один в своей юрточке. Пошел, по следам пошел. Там встретил Первую, сказал: „Женщина, оглянись“.— „Нет, нет! глазом увижу как (глаза слепые), чем оглянусь, мялкой выстрели“. Муривуль мялкой бросил, промахнулся. Там опять шел, шел, Вторую встретил.— „Вторая, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось. Мать Десятую где догонишь?“ Муривуль бросил, промахнулся, ушел, опять догнал женщину, Третью. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось!“ Муривуль в третий раз бросил, промахнулся, опять ушел, прошел, опять женщину нагнал. „Женщина, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок для выскабливания шерсти) брось“. Быстро бросил, промахнулся, опять пошел, опять встретил женщину, Пятую. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, мать Десятую где догонишь; бугорком (на бубне) выстрели“. Муривуль бугорком выстрелил, промахнулся. Ушел, опять догнал женщину, Шестую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, ручку (от бубна) брось“. Он бросил, промахнулся, ручка осталась, ушел, опять встретил женщину, Седьмую. „Женщина, оглянись“.— „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, серединку (пузыря шаманского бубна) брось“. Муривуль бросил, опять промахнулся, ушел дальше, женщину встретил. „Женщина, оглянись“.— „Нет, нет! глазами как увижу, чем оглянусь, круг от (шаманской шапки) брось“. Бросил он, промахнулся, ушел, женщину встретил, сказал: „Женщина, оглянись“.— „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, крышку (от бубенного чехла) брось“. Он бросил, промахнулся, ушел, женщину встретил. „Женщина, оглянись“.— „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, рог (наспинное украшение большого шамана) брось!“ Муривуль бросил, промахнулся, ушел, встретил женщину. „Женщина, оглянись“.— „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, плащ брось“. Он бросил, промахнулся.

Şuruŕän Muriwul, bəjəwə arcaran. ḍikild'än. Bəjə gu̱nən icəpcəjə Muruwulwa: „Aha-ha-hä!“ Muriwu'tıkï ḍəwupki əmərän, talmïwı uɣaktaḍaran, bəjə gundirän Muriwulwa: „ḍikılmäkätciɣät!“ Tarï ḍəwupki şuruŕän. Muriwul gu̱nän: „On ḍikılmäkätciɣä?“ ḍawupki şuruŕän. Muriwul icätt'ən. Ämutkändulı hurrän ḍawupki, ŋara binə. Muriwul şupirə kaputtan ŋälidaŋa, şuruŕän, iktərən mu̱wə hurḍäktuwi. ḍawupki täduk ild'ən: „Aha-ha-ha! Bəjə şötutmärtu bişind'i“. ḍawupki gewrän ḍikılnärän, Muriwul icätt'än, tälä ḍawupki mu̱gdəkänə ödan. Muriwul şuruŕän ŋän şupirə kaputt'an mu̱gdəkänə işşan, iktərən şupirəc. Bəjə gu̱nän: „Aha-ha-ha! bəjə, şötumärtı bişind'i“. Täduk ḍawupki gu̱nän: „Kə! bəjə şi-məli ḍikılnäkə! Muriwul gu̱nən: „Ənət icättä şi-də“. Muriwul ŋənərən, ŋənərən tälä kärbukə ödan, əpkərə hoŋolın hurrän. Gələk-tild'ən, gələktəld'än ḍawupki, albaran, əşin bakara. Dolboron ḍawupki ännąşnąn. Aŋnąld'än tar əpkərə dagama. Togowo ılaran, pötakïwän şılaran. Əşïlə ikäld'ən: „Bəjə gu̱cə birän, ējagan ḍäwuld'än ŋämənd'əja ŋäşä ömïkotı“, gu̱nə bəjə pötakïwän əmukşəmïduwi inıktəḍəmirən. „Bəjəkäkun ïlə ödan, öşıktajagdal?“ Äşnąn nuŋan, äşınäkın, əsïlə nuŋan hışıcıld'an ännąduwı. Hışıcılıktadu Muriwul garparan şəgdə-nd'əlin, gu̱ld'ən: „Əpkərə ēḍand'ı, ēḍand'ı? ənəl“ Ŋän garparan, ḍəwupki bu̱ddąn.

Muriwul əpkərəduk jurän, bəjə ödan, şuruŕän. Tälä putə dəgild'ən, döran tädu. Muriwul garparan, tar putəwə wärän. Gənnəcirən, ḍawaran nuŋanmän. Putə han-ŋüktaran, gu̱nän: „Bəjə öŋı kənd'i?“ Bəjə gu̱nən: „Garpam“. — „Hatat hikänmi ilkurild'än“. Işild'ən bəjə, putə gu̱nän: „Bəjə öŋı kənd'i?“ — „isilim“. — „Hataglat, gu̱nän: „ŋəbdurild'ən“. işşən bəjə, togowı ılarän, möjawı kastıranan, putə gu̱nän: „öŋı kəlind'i? ēkun käşəran?“ Bəjə togowı ılarän, təlgəcild'an; putə gu̱nän: „Bəjə öni kəlind'ı? — „Təlgəcilim“. Putə tagdılıld'ən. „Hataglat, gu̱nim, ēkunçı hişilild'ə“. Sılarän bəjə, tarït hanŋüktarän: „Bəjə öŋı kəlind'i?“ Muriwul gu̱nän: „Sılam“ — „Hata-glat, ēt ḍigilild'ən“, ḍəwrən Muriwul putəwə. ḍəwuld'ən əşïlə, putə gu̱nän: „Bəjə end'i?“ — „ḍəwum“. — „Hataglat, ēkunçī haktıräld'ən?“ Muriwul amunan. Muriwul

---

Ушел Муривуль, человека встретил. Спрятался. Человек сказал при виде Муривуля: „А-ха!-ха! ха!“ К Муривулю людоед подошел, кузов тащит, человек говорит Муривулю: „Давай друг от друга прятаться!“ Тот людоед ушел. Муривуль сказал: „Как друг от друга прятаться?“ Людоед ушел, Муривуль подсматривал. В озерко нырнул людоед, в ленка превратившись. Муривуль прут сломал, держа пошел, по воде ударил по месту ныряния. Людоед тогда встал: „А-ха! ха! ха! человек (ты) силен!“ Людоед вторично спрятался. Муривуль подсмотрел, там людоед пеньком стал. Муривуль ушел, опять прут сломал, до пенька дошел, ударил прутом. Человек сказал: „А-ха! ха! ха! (ты) мужик силен“. Потом людоед сказал: „Ну, мужик, прячься ты“. Муривуль сказал: „Ты-то не подглядывай“. Муривуль шел, шел, там превратился в бабочку, в щель сухого дерева залез. Искал, искал людоед, не мог, не нашел. Вечером людоед заночевал. Ночевал вблизи от того дерева. Огонь зажег, глухаря зажарил. Вдруг запело: „Мужик как будто говорил, что-то станет есть, по медведю голодал“, говоря мужик понес глухаря в поняге. „Мужичок куда же пропал, только звезды одни“. Лег спать (он), когда (он) ложился, спину грел на ночлеге (у костра). Во время грения Муривуль выстрелил в спину его, сказал: „Бревно, что делаешь, что делаешь? перестань!“ Опять выстрелил, людоед умер.

Муривуль вылез из сухого дерева, стал человеком, ушел. Там пальник летел, сел там. Муривуль выстрелил, пальника того убил. Дошел, поймал его. Пальник спросил, сказал: „Мужик как (что) сделал?“ Мужик сказал: „Выстрелил“. — „Совсем в грудь мою попал“. Стал теребить мужчина, пальник сказал: „Мужик как (что) делаешь?“ — „Тереблю“. — „Еще что“, сказал: „больно от теребления“. Вытеребил мужчина, огонь зажег, дерево срубил, пальник сказал: „Что сделал? что-то кольнуло“. Мужчина огонь разжег, стал резать, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Разрезаю“. Пальник лопнул „еще что, говорю, чем обогревать спину?“ Сжарил, тот сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Обжариваю (на вертеле)“ — Еще что, отчего-то скарежился“. Съел Муривуль пальника. Начал есть, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Ем“. — „Еще что, отчего стемнелось?“ Муривуль захотел на двор. Кал

amunīn həŋkəcildʳən: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa! əcəs minə wārə“. Murıwul amunmı garparan, lukī laŋgarararan. Gēwā .garparan, ŋān lukītpi laŋgarararan. Bərītpi iktərən, amunīn gunḍirän: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa! əcəş minə wārə“. Amunīn halganmān ḍawaran, ŋān gūnän: „Tōŋıŋa, tōŋına əcəş minə wārə“. Gēwan ḍawaran, ḍūkrəwi halgarwı, ŋān gulḍʳän: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa əcəş minə wārə!“ Murıwul ŋālaṭpı kulturän, ŋālan laŋgarararan. Amunīn gūnän: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa əcəş minə wārə“. ḍūkrə ŋālalwān ḍawaran amunīn. „Tōŋıŋa, Tōŋıŋa əcəş minə wārə“. Dılītpı ḍawaran ələwən. Tādu əşīlə bıḍəŋnərən.

ḍawupki əmərän, gūnən: „O-γo-γo! irkūkə! dəŋatacā ajada!“ Murıwulwa talmīduwı nərən, ugaşnan. Tāduk gūnän Murıwul: „Amākā! hişəγıldu därumkiliŋnəkəl“. ḍawupki dārumkildʳən hişəγdu. Murıwul hişəwə təwūldʳən. Təwrən hişəlwə Murıwul. Şururän ŋān ḍawupki. Murıwul gūnän: „Amākā! əşəŋəşələ nəŋəŋnəkəl“. Nəŋərən əşəŋərwə; əşəŋərdu Murıwul ḍawaran ŋālaldīwı, tādu əmənmurən. ḍawupki ḍūlāwı ışşan. ḍūwı gūldʳən: „Atəjəj, urgəgdikəkur irkukəkəkun“. Aturīkān lopororän, unaptına nimgəcə urukətəpi, talmīwān gādan, ēruktaldʳän — hişəjəgdəl, hanŋūktaldʳän ḍawupkiwə: „Luptımandʳı?“ hukitəwən huptaran, ēmac ācın, unaptijagdın; ḍawupki gulḍʳən: „Tişələ! tişələ! hukitən təkərgərən“. Şəktərən, hukitənaja ōdan. ḍawupki şururän amaskī ūḍalıwı, bakarān əsəŋərdu. Murıwul ŋālaldıwı ḍawucaḍarīwān.

Tarı gūldʳən: „Əγə-γə-γə! irkukəmīkun ānŋaldukpı taγapcā“. Tāduk talmīduwı nərən, uγaşnan ḍūlāwı. Şurıwrän, ışıwrän, ikōptunduwı lokorōn dēŋatacāwā irkukəwə. Hutən gūnän: „iŋə şēkanmān mindu hukkal“. Iŋə kəndʳatcırän, amīnīn gūnän: „Aγa-γa-γa! dēŋatacāja-da binə kəndʳacāja-da biγin!“ Cikəldʳən Murıwul, ḍawupki gulḍʳän: „Atəjaj, lāmulā, lāmulā“. Şururā ḍabḍänərə. Murıwul gūnän kuŋākārwə: „Tīkəldʳu minə! bərkərīşun ōḍam, minə ganacīwuraşun“. Gūŋiŋətin ətʳinəncəl-də. Tarīc dılīlwatın Murıwul hoŋnārän. Bəjəlwətin ulərän. Āşınmuran dılwatın huldʳadutın. Əmərə bəjəlḍīwər, gūldʳə: „Nıkākīltı ətʳinəncəl-də? şıwıcāl-da“. Tarīc ḍawuldʳə. —

Муривуля спросил: „Тониня, Тониня, (ты) меня не убил“. Муривуль выстрелил в свой кал, стрела прилипла. Вторично выстрелил, опять стрела прилипла. Мужчина ударил, кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Кал его схватил за ногу, опять сказал: „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Вторично схватил обе ноги, опять сказал: „Тониня, Тониня, меня не убил“. Муривуль рукою ударил, рука прилипла. Кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Обе руки схватил его кал „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Всю голову схватил. Там теперь и остался (Муривуль).

Людоед пришел, сказал: „Охо-хо! найденная добыча, порядочно замерз!“ Положил Муривуля в понягу, потащил. Потом сказал Муривуль: „Дед, на камнях отдохни“. Людоед стал отдыхать на камне. Муривуль начал набивать камни (в понягу). Набил камня Муривуль. Пошел опять людоед. Муривуль сказал: „Дед! под наклоненным деревом проходи“. Пошел под деревом; за дерево Муривуль схватился руками, там (и) остался. Людоед домой дошел. Дома сказал: „Старуха! тяжелющая добыча“. Старуха прыгнула, — от радости проглотила наперсток, понягу взяла, посмотрела — только камни; спросил людоедку: „Проглотила?“ Брюхо ее распорол, ничего нет, только наперсток; людоед сказал: „Тышоло! тышоло! брюхо разорвалось“. Помазал кровью, брюхо поправилось. Людоед пошел обратно по следам своим, нашел зацепившегося за дерево руками Муривуля.

Тот сказал: „Э-хэ! хэ! хэ! находка после ночевки зацепилась“. Потом в понягу положил, потащил домой. Понес, дотащил, на жердь в юрте повесил замерзшую добычу. Сын сказал: „Мама, мне ушко отрежь“. Мать покосилась, отец сказал: „А-ха! ха! ха! замерзший-то косым пусть будет!“ Муривуль помочился, людоед сказал: „Старуха, на море, на море!“ Ушли, пошли есть. Муривуль сказал детям: „Отпустите меня, лучок сделаю, в меня (орудие стрельбы) выстрелите“. По сказанному (как говорил) отвязали. Тогда Муривуль отрубил головы их. Тела их сварил. Положил спать головы их под одеяло. Пришли родители, сказали: „Малыши не отвязали ли? замазались“.

„ōn-ka, atirīkān, hutəməgdi, bəjə hutəwəw ūlənən“.—„ōn, ətən hutəmus“ ēruktaldʳə hurilwi, dilīltīn ələ.

Nuŋartın āşınạ, şoŋoḍildʳə. Muriwul şəktəwuntin hərgidədun biḍirān, ḍawupkilwə şilgiwurḍi arkıran. ḍawupkil gūnä: „ēkunḍı oldortı bəgirəldʳə, hurilduwər şoŋojo ōdakıt“. ḍawupkil ḍūkrə budḍa. Budəktin Muriwul şururän.

Tālā ḍūmīlwatın əwənkīl bakaran. ḍūmīyildʳän, uŋkānmə bakaran; tarīc ŋān ḍūmīyildʳän, uŋtʳəwunmạ bakaran, gūnən: „Şēm! Şēm! Şēm! gagdamapkānəwı bakam“. Tarīc ŋān ḍūmīldʳän, inməwə bakaran. „Şēm! Şēm! Şēm! tulguḳkānəwi bakam“. Tarīc ŋān ḍūmīyildʳän, ninakın amunmān bakaran. „Şēm! Şēm! Şēm! purcankānəwı bakam!“ Şururän ŋān matalwa bakaran, cinəkənun, kuḳəkīnun ḍūlgātcırä. umukən gundirän: „Bəjəwə ēc ulidap?“ Muriwul gūnän: „Oŋodu purcayıl bicəl“. Şururän asī gələktənərən. Albaran bakaḍamī gələktərən, gələktərən əşin bakara. Gē şururän gələktərän, gələktərän, ŋān əşin bakara, gūnän: „ŋəŋəjagdi, purca ācın!“ Muriwul gūldʳən: „Şıw! Şiw! Şiw! ējan bidan purcayıltın! Şiw! Şiw! Şiw!“ Muriwul şiŋərəkən ōdan. Şəktəl dōgıdālıtın huktiktəldʳən. Kədərəlḍīwər tərəgəcildʳə, kədərəjə urgərən. Tāduk cucunmi gādan, cucunə urgərən, uyuwi gadan, uyuwi urgərən. Tardalā Muriwul şiŋərəkən ōdan, tikin siŋərəkən bişin.

N. Kaplin. Ņorbokō

47. Häwa̍nätmə [1] ijəcī

„Əŋī! ēkun əmədərən, untan oŋocī, häwänätmə ijəcī, hōnandus təgədəŋən“, gūllən kuŋākān. Tar kuŋākān āmuttūlā ḍawrāşcā, häwänätmə ijəcī əməcə, hōnandun təgəcə. Əŋīnīn cirikəwə ojoduwı nəcə. Häwänätmə ijəcī ḍəpcə tar ahīwa kalatajwa. Tuk-kə kəjim, hutələn ŋənəcə. Häwänätmə, ərıḍəwki tar ahī hutəwən. Tar kuŋākān amīnīn əməcə, hutətkīwi gundəwki: „Əŋinni-kə īlə hurucən?“ — „Nuŋanmān häwänätmä ijəcī ḍəpcən“. Tar bəjə häwänätmə ijəcīwə (nuŋan ahī bicən) ahītälcä. Tāduk tar

---

Потом стали есть. „Что-то, старуха, не наши ли дети, мужик детей моих сварил“.— „Как, не может быть, чтобы твои дети“. Посмотрели детей, (там) только головы. Они легли, стали плакать. Муривуль под постелью лежит, людоедов шилом проткнул. Людоеды сказали: „Чем это в бок колет, от плача (видно) по детям“. Оба людоеда умерли. Когда умерли (они), Муривуль ушел.

Там нашел юрты эвенков. Стал искать (в юрте), железную лейку нашел, потом стал опять искать, помазок (для клея) нашел, сказал: „Шэм! шэм! шэм! кормовое весло нашел“. Потом опять стал искать, иглу нашел. „Шэм! шэм! шэм! багор нашел!“ Потом опять стал искать, нашел собачий кал. „Шэм! шэм! сухое мясо нашел!“ Пошел опять, соседей встретил, пташка с кукшей живут вместе. Одна говорит: „Мужика чем накормим?“ Муривуль сказал: „В носу лодки сухое мясо было“. Ушла женщина, пошла искать. Не могла найти, искала, искала, не нашла. Вторая пошла, искала, искала, опять не нашла, сказала: „Мама, сухого мяса нет!“ Муривуль сказал: „Шив, шив, шив, какое там сухое мясо! шив! шив! шив!“ Муривуль превратился в мышь. Под подстилки убежал. Собрались колотить мялкой, мялка сломалась. Потом скребок взяла, скребок сломался, (еще) скребок взяла, скребок сломался. В те поры Муривуль мышью стал, еще теперь мышью живет.

Н. Каплин. Ербогочен

47. Железные рога

„Мама, кто идет, унты вышитые, железные рога, на макушку юртяных жердей сядет“, сказал ребенок. Тот ребенок на озеро поехал в лодке, железнорогая пришла на юртяной связке села. Мать его котел на голову положила. Железнорогая съела ту женщину с котлом. Так сделавши, к ребенку пошла. Железнорогая позвала сына той женщины. Пришел отец того ребенка, сыну своему сказал: „Мать-то куда ушла?“ „Ее железнорогая съела“. Тот мужчина женился на железнорогой. Потом тот

[1] Häwänät от русского слова свинец, употребляется в значении свинец и железо. Железнорогая—важенка.

вəjə hurucə ḍaldulāwı, ahīlākājım. Häwänätmə ijəcïŋin hurucə ədïwi ahaşca. Häwänätmə вokocō ədïwi. Guluwurwa ılatcāl, ahätkārwə gūcəl: „ōmaktawar kukınmar ŋənnəwkəllə!“ Häwänätmə guluwundulā hulıtnācā, togolō məŋunmə lamвawa nōdacāl, gūcəl: „Ni ahīn hōtmār tar gäḍan lamвawa“. Ōmakta kukıntın gāhıcılcā, nuŋanmān togolō anacalla. Togodu вurukājim, häwänätmə gunḍəwki: „Əcəl anara вihiksun, talakacā вimcəw hakırwahun. Awalaŋ ijədun hälвu! hälвu!“

A. Putugir. Ŋəkənnə

48. Culugdi

umukən вəjə urincəḍəcən, gırkuktalān, вəjumācilən. Ahīn ḍūkcaduwı hutənun вillä. Tar ḍūkcaduwar вiḍərəktin, ēkun-mal kacunallan, icəttə — culugdi əmərən. ḍūkcālātın ïrən nuŋan, tar ahïwa umnət mukuran, hutəwən əcə mukura.

Culugdi ḍəwkājim, вəjə ḍūkcādun вillən. Tar вəjə ḍūkcālāwı dolвoltōnə əmərən, ḍūkcālāwı ïrən. Culugdi вiḍərən ḍūkcādun, ahïwān dəpcə, hutən вiḍərən, əcə ḍəwrə. Tar вəjə ŋələllən. „Minə ḍəwḍən!“ gūnən вəjə. Culugdiwə atırkāntālıksan ōran, ədən ḍəwrə nuŋanmān.

Dolвoltōnə āŋnattə ḍūktə Culugdinun. Bəjə tımātnə unəməmə təgərən, ororwı ḍawattan, gūnən atırkānmı culugdiwi: „Namakājım, əməhindəwi jaŋkalıw“.

Bəjə gūkājim, huksıllalwı təttən, hururən akïntukïwı. Istan akïnmı; ıskājım, ulgucəllən akïntukïwı: „Culugdi, əmənə, nulgiwəw ḍəwrən“. Tar вəjə ḍalın ŋələllə, tāduk вəjə gūnən: „Akïnmı guluwuna ılawāt! Nuŋanmān guluwundulā anaḍanāktə“. Əhilə guluwunma ılara.

Ahï-Culugdi ororwı namaran, kuŋākānmə uyuwran ūcakın amaskïn. Gulihilləkin, tar kuŋākān вururən dunnələ. Culugdi əmərən kuŋākändulā, uyuwran, ŋān ūcakın

---

мужчина ушел к своей родне, женившись. Железнорогая ушла, последовала за мужем. Железнорогая нашла мужа. Зажгли костры, девочкам сказали: „Приведите новую невестку“. Железнорогая пришла погреться к костру, в огонь бросили серебряную ложку, сказали: „Кто из жен сильнее, та ложку возьмет“. Новая невестка взялась достать, ее в огонь столкнули. Умирая в огне, железнорогая сказала: „Если бы не столкнули, съела бы ваши печени. Рогам оленя (возрастное название) больно! больно!“

А. Путугир. Нгоконно

48. Чулугды

Жил один мужчина, мастер ходить, промышлять зверя. Жена его в юртенке с сыном жили. В то время, когда они были в юрте, что-то такое зашуршало, посмотрели — Чулугды пришла. В юртенку их она вошла, сразу проглотила ту женщину, сына ее не проглотила.

Чулугды, съевши (жену), в юртенке мужчины стала жить. Тот мужчина пришел вечером, в юрту вошел. Чулугды живет в его юрте, жену съела, (а) сын его жив, не съела. Тот мужчина испугался. „Съест меня“, сказал мужчина. Сделал Чулугды своей старухой, чтобы его не съела.

Вечером спали вместе с Чулугды. Мужчина встал рано утром, оленей поймал, сказал своей старухе Чулугды: „Навьючивши оленей, иди по свежему следу моему“.

Сказавши, мужчина надел лыжи, пошел к старшему брату своему. Дошел до брата; дойдя, стал рассказывать брату: „Чулугды, пришедши, кочеводку (жену) мою съела“. Родственники того мужчины испугались, потом мужчина сказал: „Брат, костер зажжем! Ее в костер столкнем“. Тогда зажгли костер.

Жена-Чулугды оленей навьючила, ребенка посадила на оленя задом. Когда стала собираться, ребенок упал на землю. Чулугды подошла к ребенку, посадила опять

amaskın, kuŋākāntıkī gū̆nə: „Bi hinə mukuḍam, bʉrʉrəkis. Əŋī̆nnə on ʉɣuwuŋkın hınə?“—„Ūcakıw ijətkī̆n därəwəw nəŋkin əŋī̆“. Cʉlʉgdi ʉɣuwran tʉk kuŋākānmə. Əhī̆lə nʉlgihinən tar bəjə jaŋkalın. Nʉlgihiwki, nʉlgihiwki, əhilə ıstan ʉrinəwi. Bəjə nəknī̆lī̆n arcamkara, gū̆llə: „Haŋas! bu inigəktəwʉn“. Ahātkār inigəllə.

Guluwundu biḍənəl, bəjəl jəkəllə, gū̆nəl: „Ollon bʉrʉrən gāhıtcaksar biwkil“. Tāduk bəjə gū̆nən: „Minŋi atırkam gāḍaŋān“. Nuŋan gū̆nən atırkāntıkīwı Cʉlʉgditkī̆: „Atırkān gānākəl“. Tarıŋın tuksakākuttān, əmərən, gāhıcıllan. Nuŋanmān tādu guluwundulā anara. Cʉlʉgdi ēhan togodu hʉcərgəwki, ḍogḍomī. Tʉk wārə nuŋartın Cʉlʉgdiwə.

Iləl gʉnḍirə: „Cʉlʉgdi ēha əhikin ḍogḍorə, əhikin hucərgərə, təli əwki bʉddą Cʉlʉgdi. Upkat ʉllən nuŋanŋın hələmə, ʉmʉkən ēha illəgəcin“.

I. Kaplın. Iŋārıgdā

49. Cʉlʉgdi

ʉmʉkən bəjə urumkun bicən. Nəlkə, əwilaha nʉlgiḍəcən. ʉrinərən, ʉrinədəwi ŋənəḍəcən. ʉricə, ʉmʉkən halgacī Cʉlʉgdi. Tar bəjə əmərən nuŋandulān əhī̆lə. ʉmʉkən halgacī ŋʉŋniciwki nuŋanmān, ʉrinərən tar bəjə ḍū̆n. Əmərən ahīn, nʉlgirən. ḍū̆wı tar bəjə hawalcā, ḍū̆wı kaltakawān əlbərən Cʉlʉgdi hʉkəwi bʉrʉscərən, nuŋanmān təpuḍəmī. Bəjə ḍū̆wı kaltakawān namaran orondu, kaltakan ḍū̆n bimnān. Nʉlgihinən hoktokō̆kun, mʉcʉhinən, tar Cʉlʉgdinun ḍū̆ktə təgətcənə gʉluwundulāwar. Dolboltōnə bəjə ḍū̆lāwı iŋəhinən, bırawa dagrąn, hoktowı dakkājım, əjəḍiŋəḍī̆n.

Hoktowı bargıdādun icəcillən canıcīŋı, dōldırən həŋkārbən, əməḍərən: „Goro-wol biɣin, daga-wal biɣin taj-tu! taj-tu! Əməḍənə bırawa əjərən duɣnadun. Əjəkəjim əhī̆lə, ŋənərən, dāllan hiŋilgənḍī hoktowo, ŋān tī̆gitcənə biḍəŋnərən.

Cʉlʉgdi ahī ahaḍaran nuŋanmān, ədī ūḍakākın. „Hakınmān bucakaḍaḍiŋa-wu?“ gʉnḍirən, əmərən bırawa, əjərən. Bəjə nuŋarwatın ḍū̆ktəwə əjīrən, ʉlākkirən.

к заду (оленя), ребенку сказала: „Я тебя проглочу, если упадешь. Мать твоя как садила тебя?“ — „Лицом к рогам оленя сажала мать“. Чулугды посадила так ребенка. Тогда отправились по свежему следу мужчины. Кочевали, кочевали, потом дошли до стоянки. Младшие сестры мужчины встретили, сказали: „Невестка! мы развьючим“. Девочки развьючили.

Сидя у костра, мужчины засмеялись, говоря: „Крюк (для подвешивания котла) упал, кто может вынуть?“ Тогда мужчина сказал: „Моя старуха вынет“. Он сказал своей старухе Чулугды: „Старуха, поди возьми“. Та поскакала, пришла, стала брать. Ее столкнули туда в костер. Глаз Чулугды в огне лопнул, сгорая. Так они убили Чулугды.

Люди говорят: „Если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может Чулугды умереть. Все ее тело железное, один глаз как у человека“.

И. Каплин. Ингаригда

49. Чулугды

Был один короткий мужчина. Весною в период охоты (по насту) кочевал. Шел кочуя. Ходил, чтобы кочевать. Кочевал одноногий Чулугды. Тогда тот мужчина подошел к нему. Одноногий заметил его дорогу, отправился к юрте того мужчины. Пришла жена его, прикочевала. Мужчина делал юрту, половину юрты покрыл. Чулугды бросил быстро топор, чтобы ударить его. Мужчина половину дома (покрышек) навьючил на оленя, половину оставил на остове. Отправился кочевать по дорожке, вернулся, с Чулугды вместе сели у костра. Вечером мужчина отправился в юрту передневать (переночевать), через реку перешел, дорогу прорубивши, чтобы (тот) утонул.

По ту сторону (его) дороги увидел бродягу, услышал слова, идет: „Далеко ли близко ли тай-ту! тай-ту! (съем). Подойдя к реке, утонул в прорубленном (месте). Когда утонул, (мужчина) пошел, покрыл снегом дорогу, опять остался караулить.

Чулугды жена шла по следу его, по следу мужа. „Печенку его съели“, говорит, пришла к реке, утонула. Мужчина их обоих утопил, обманул.

I. Kaplın. Iŋārıgdā

50. Bərkəltun

ḍur bəjəl ħōnıŋıl bicətin. Ge nəkūnîn bicən Bərkəltun, akînîn bicən Mucunəj, əkîntin ŋuŋun dılıcī bicən. Nuŋartın biḍəcətin əkînduwi. Əkîntîn ədîməcillən Culugdiwə-hōnıgıwa. Bultaḍaŋnarə, ajakākur bəjəl bicətin. Əhilə əkînîn ŋŋcən nuŋarbatin, gənnədətin amākāwə, ḍawadātın inḍərîwə. Amākāwə irəksəwə həktəwunəwi əməwdətin hiltiliḍədən hamnıptınawı.

Əhîlə hurucəl, ŋənəḍəcəl, amākāwə gələktəcəl. Ōpcāl hərəlgəndulə, bargıdādun nəlgəkəwə icəcəl amākāwə hiltilbə kapuḍaŋkılbān.

Akînîn əhîlə ikəlcən, gūnḍənə:

„Nəkūjəj! Mucunəj
ōn bugdəkəkun
kapuḍaŋkılın;
ēldulā ıhıbḍan
əkînti ŋuŋunin“

Nəkūnîn gūnən: „Icəwət awadı-wal bihikin nuŋan!“

Gırkucāl, bakacāl amākāŋar. Amākā tuksancacān nuŋarbatın. Nəkūnîn Bərkəltun hērdukîn amākāwə ḍawacān, dunnətkî nōdacān amākāwə. ḍūlāwər ıhıpcāl, əkîndulāwər. Ihıwkājım, gorowotı gırkuḍaltın.

Əkîntin ŋllilcə nuŋarbatın, ḍānmə tigəl winəwə bŭcān. Əhîlə umkājım, həbḍərcu ocātîn. Mucunaj, əkînduŋkki əjəcəlcə: „Ēduk-kə bakacās hacıkān-məl binən“. Nuŋan ŋān bŭrən ḍānmə tiŋəl. Hoktolcōl nuŋartın, āhıcāl. Nuŋartın ılanma anŋanīl āwkıl. Ādərəktin, ḍŭrwə hələməlwə awsalwa ōcāl, dıcāl nuŋarwatın ādərəktin. Lāmulā əjîcāl Culugdiŋun mîrən, əjîkājim. Culugdilə nulgihinən, nəknilbı dıkājım.

И. Каплин. Ингаригда

50. Бёркольтун

Два мужчины были силачи. Второй младший был Бёркольтун (живчик), старший был Мучуной, старшая сестра их была шестиголовая. Они жили у старшей сестры. Старшая сестра их стала собираться выходить замуж за Чулугды силача (богатыря). Промышляли (они), хорошие мужики были. Тогда сестра послала их, чтобы притащили медведя, чтобы живого поймали, подстилку для шкуры медведя чтобы принесли, за гнилушками для дымокура сходили.

Тогда (они) ушли, шли, искали медведя, пришли в марник, увидали по ту сторону коряжину, медведя, гнилушки разбивающего. Старший брат тогда запел, говоря:

„Нокуей! Мучуной!
Как холмик
сломанный;
до чего доведет
сестра шестиголовая!“

Младший сказал: „Посмотрим, какой он есть!“

Пошли, нашли медведя. Медведь быстро прыгнул на них. Младший Бёркольтун схватил медведя за уши, бросил медведя на землю. Притащили домой к сестре. Притащивши, вблизи походили.

Старшая сестра накормила их, десять чашек вина дала. Тогда, опьяневши, они стали веселыми. Мучуной спросил сестру: „Где нашла, щенком ли будучи?“ Она еще дала десять чашек. Опьянели они, заснули. Три года они спали. Когда они спали, сделали два железных ящика, всунули их, когда они спали. В море утопили. Утопивши, вышла замуж за Чулугды. Откочевала к Чулугды, всунувши своих братьев (в ящик).

Hōnuŋl ādəcāl, ādəcāl, əhĭlə mēlcāl, ēruktacāl—haktırapcudu вiḍərə. Ikəlcə Muɕunəj: „Nəkŭjəj! Bərkəltun! Ēkundu ōcāltı? Əkĭnti Ņuŋunin ēkurdulā ıhıwran? Ajadıdu awsadu nōcā əkĭnti Ņuŋunin вitpə". Nəkŭnĭn Bərkəltun mēlcā. Əhĭlə ēruktawkıl — haktırapcu, humnawkıl — mŭdu вiḍəhincəl. Hācal nuŋartın mŭdu вiḍərə, ikəcəl: „Əɲəjəi Lāmujəj! Kəjuləwər gərвis. Muɲŋidu mŭdŭs вudəkiwun. Uɣəskəl! uɣəskəl! kəjuləwər! uɣəskəl! uɣəskəl! kəjuləwər!"

Nuŋartin əmuwullə; tuk kəḍənəl, umnət hikcəl, humnawkıl, dunnədu ōda. Bərkəltun ikəlcə: „Akıjaj! Muɕunəj hawāwātın ēruktakal! kəjuləwər! Akĭnān! Muɕunəj ahunmanın вinən". Ēruktallan akĭnĭn Muɕunəj, alвaran kapuritcamī awsalwı. Alвakājım ikəllən: „Nəkŭjəj Bərkəltun! kəjuləwər! hawāwatın hi-ə-li ēruktakal hiŋigdəwə naɻəjiŋkı, ər mōmodu вuḍəkĭt ərupcu ōdan". Bərkəltun hōgıltulcān hoɲoskottən. uɣikun. Muɕunəj ikəlcə: „Nəkŭjəj! Bərkəltun! kəjuləwər! hoɲoskottən вuttəgəcinin. Hawuskātkal вihikin! kəjuləwər! kəjuləwər!" Bərkəltun hōgıntucān, humtəlqĭ hurukнənin upkatpān hətəkupcəcə.

Dılacawa turganīwa icəcəl. Hōt ḍəmulcəl; ēlaha-da ənəduwər вihi dunnədu ōcā. Jucəl awsaduk gŭlcəl: „ĭrıklə ḍūt вinən əhĭlə?" Dılaca ılkənĭn hurucəl, ŋənəḍəcəl ŋənəḍəcəl cıpıcıkānmə wācal. Cıpıcıkānduk gıramnakāndī вərkənmə ōcāl. Tarĭt wācal kukəkĭkānmə. Halgandukĭn ōcāl ŋān ŋurkānmə, tāduk wācāl hinukĭcəkənmə halganqĭwı ōcāl ŋurjawar. Tāduk ŋimənŋiwə ŋurjawar ōcal, wācāl вəjuncikānmə, əŋnəkənmə Ņuŋındukın ōcāl ŋurılвa, warə həgdiwə вəjurwə. Issal dunnəlduqlə ĭdu girkiŋkıtın. Iskājım, ḍūwar, вakacāl ḍūwatın upkatpatın ılapcāl, ēkunda ācın. ūḍatın huruktətin hāwkāttən arakukan. Ņurılawar ōra ajamama, əkĭnmər hurudəktulən hurura. Ŋəŋəḍəcətin, ŋənəḍəcətin, ısta nuŋarвatın. Balagawān icərə hēkılduk ōcāwə. Tāra hipkumōcılla „ōn hō вinən, maŋiwı ḍorogdı". Bərkəltun gŭcə: „Dōwaḍiŋāw вihim". Kə-hilə əməcəl. Ətəjəmnĭ вiḍərən. Tar ətəjəmnĭ kawkawān ḍawacān ətitcən həŋkəjə ācinḍĭ wācān. Bərkəltun ikəlcən: „Əkĭjəj! Ņuŋunin! kəjuləwər! nəkniliji əməcəl, dorowomcās

---

Богатыри спали, спали, наконец проснулись, посмотрели—в темноте сидят. Запел Мучуной: „Младший брат Бёркольтун! в чем мы заделаны? Сестра шестиголовая во что ввела? В хороший гроб положила нас шестиголовая сестра". Младший брат Бёркольтун проснулся. Тогда осмотрелись — в темноте; толкнулись—в воде живут. Узнали они, (что) в воде живут, запели: „Мать море! Коюловор имя твое. Наша могила в воде твоей. Вынеси волной! вынеси! Коюловор вынеси! вынеси (заволнуйся)! Коюловор!"

Они стали толкаться, так делая вдруг, взглянули, шевельнулись, на земле стали. Бёркольтун запел: „Старший брат! Мучуной, работу их посмотри! Коюловор! Старший брат! Мучуной! сколько-то (ящиков) есть". Осмотрелся брат Мучуной, не мог разбить ящики. Не смогши, запел: „Младший брат Бёркольтун! Коюловор! работу ты-ко посмотри, на тебя надеюсь, в этом деревянном гробу худо стало". Бёркольтун стал толкать, немножко раздвинул. Мучуной запел: „Младший брат! Бёркольтун! Коюловор! как будто расщепил (раздвинул). Если бы был побойчее Коюловор! Коюловор!" Бёркольтун быстро толкнул, в щепы разлетелось, разбил все.

Солнце, день увидали. Сильно проголодались, на ничего неимеющей земле оказались, вышли из ящика, сказали: „В каком направлении была наша юрта?" Солнце когда стояло (в полдень), ушли, шли, шли, птичку убили. Из косточки птички сделали лучок. Убили им кукшу. Из ноги ее опять сделали стрелу, потом убили рябчика, из ноги его сделали стрелы. Потом глухариные стрелы сделали, убили зверька, теленка. Из голени его сделали стрелы, убили больших зверей. Дошли до земли, где ходили. Дойдя до дома, нашли весь дом сожженным, ничего нет. След от ухода едва-едва узнали. Стрелы хорошие сделали, по дороге сестры отправились. Шли, шли, дошли до них. Увидели балаган, сделанный из елей. Там стали поглядывать. „Какой сильный Манги (чорт) зять", Бёркольтун сказал: „Я займу". Ну вот пришли. Пастух живет. За горло пастуха схватил, оторвал, без слова убил. Бёркольтун запел: „Сестра шестиголовая! Коюловор! братья пришли, поздоровалась бы

ajadu вuγadut, ḍūdu ajadu, nonos əmərəw əhĭlə". Maŋimĭ ḍorogdı həŋkəcilcə: „Ətə-
50 jəmnĭl ēwa ōḍara?" Bərkəltun guncən: „Ətəjəmnĭs, ulgucəmətcərən munnun, kəjulə-
wər." Tāduk maŋı ikəḍərən: „ēkun, ēkun ŋəkəḍərən uwə-ku-wə, uwə-ku-wək. Cıpı-
camātəŋkillən londutorə uwə-ku-wək! uwə! ĭdu вicən halkanmı, nuŋun puḍəcĭ". Tarıŋı jūmcə, hurullən Bərkəltunnun kuhidāwi. Jūḍərəkin, Bərkəltun koltoron nuŋan-
mān, dılĭlĭn əhĭlə hətəkurə humtəlḍĭ hurukнənin. Budəkin, əkĭnmən ənılcən. Bərkəltun
55 ikəlcə: „Əkijəj Nuŋunmən hıyıskātkal munduləl". Nuŋunŋi əkĭntin əwki icəwullə. Tanl
gulələn ĭcəl. ĭkəjim, gulələ, amun вinə вururən, hukuhinən mənmi əkĭntin ḍūduwı
вinə. Tara garpacıwkı „Ənukāwki, ənə icəwrə!" gūnən. Tarĭt wācātın Culugdiwə—
māŋıwə, Nuŋunŋiwə. ḍūktə вillə, вajahal ōra.

N. Kaplın. Norвokō

51. Bərkəltun

„Bərkəltun", gūlcə əkĭnĭn: „Venōkānə ŋənnəkəl". Tar venōwa вūcən, Bərkəltun umdān. Tar umcā, hoktocōn. Umkājımĭ, ōcan əkĭnin təmuwə, uŋcən Bajkalduh kuŋa-
kārвə. Tar kuŋakār ılanma anŋanĭl ācāl. Nıkātkutın hukitən pəhirgəscə, təgəcə, Bər-
kəltunmə həripcə. Tarĭŋın təgəcə. Həripcəl, ĭliwar gırkıwar.

5 Nəkūnĭn ikəlcə: „Bajkalkān uγəskəl ḍapkatkĭ! ḍapkatkĭ! Nuŋartın āγrə, jūrə ḍapkalā, murınduwar ūkcāl, huktiwuscəl ḍapkatkĭ. Huktiwḍərəktin, ḍapkun dılĭcĭkākun loporocā вalaγaduk, gulcə, cıpıcāgəcın lāndorona: „ototok! ototok". ḍapkun dılĭcĭwa gārpacāl вuknənin. Tar omolgĭl əkĭnduwər gūcəl: „Əkĭjə ēwa ōḍannā?" garpacāl əkĭn-
mər вuknənin.

на хорошей земле, в хорошем доме, только что пришли". Манги зять спросил:
50 „Караульщики что делают?" Бёркольтун сказал: „Караульщик твой разговари-
вает с нами, коюловор". Потом Манги запел: „Какой, какой собирается голос,
голос. Ни одна птичка не летала (голоса не подала), где был мой молот ше-
стипудовый". Тот быстро выскочил, пошел драться с Бёркольтуном. Когда
выскочил (он), Бёркольтун ударил его (кулаком), головы его разлетелись
в щепки до конца. Убивши, позвал старшего брата. Бёркольтун запел:
55 „Сестра шестиголовая, покажись нам". Шестиголовая сестра не показалась. Те
вошли в избу. Когда вошли в избу, превратившись в кал, (она) упала, по-
катилась сестра по дому. Ту выстрелили. „Больно, не видно!" сказала. Так
убили Чулугды — Манги (и) Шестиголовую. Вдвоем стали жить, богатые
сделались.

Н. Каплин. Ербогочен

51. Бёркольтун

„Бёркольтун", сказала старшая сестра: „вина принеси". Та вина дала, Бёр-
кольтун чтобы напился. Напившись, опьянел. Когда напились, старшая сестра
сделала плот, послала ребят на Байкал. Ребята те спали три года. У млад-
шего живот заболел, проснулся, Бёркольтуна разбудил. Тот встал. Разбу-
дили третьего товарища.

5 Младший запел: „Байкалушка, заволнуйся к берегу! к берегу!" Они при-
стали, вышли на берег, на коня сели, поскакали к берегу. Когда скакали (они),
восьмиголовая вылетела из балагана, сказала, как птичка, подавая голос:
„Ототок! ототок!" Восьмиголовую убили на смерть. Парни сестре сказали:
„Сестра, что делаешь?" Убили сестру свою на смерть.

N. Bajakī. Cirəmbu

52. Ṇurigdi Nandʳınun

Bəjə ạwạnkī bakaran ṇurigdıwạ ạwạnkīwạ ṣinələdərīwə. Tar ạwạnkī dụndʳạlạ hərgụlə inḍạn. Bəjə anŋūktaran: „ēkun ṣī bişindʳi?“ — „ạwạnkī bişim“, ṇurigdi gụ̄nän. „Irgic əməcāṣ?“ — „Bi əməcāw hərgụdụk dụndʳạdụk“. — „Īli əməcāṣ?“ — „Tawār āmutpa, tāli jụ̄cəw“. — „Ətām təḍərə“, bəjə gụ̄nän. Ṇurıgdı gụ̄nän: „purtalwı ḍụγītkə“. Ḍụγəttʳə purtalwar. Bəjə gụ̄nän: „āmudıntukī gırkuldʳap“. Ṣurụrā āmuttukī. Ŋənərə, ṇurigdi hụrrän, tāli bəjə tar təḍərən, ḍūlāwı mụcụṣnạn. ḍūtkīwı mụcụran, gụ̄nän, upkattu ụlgụrildʳän ṇurigdiwạ icəḍəkpi, purtalwar ḍụγətṣəw ṇurigdi ụlgụldʳän nuŋanŋıdu dụndʳạdụ calbar ācır, irəktəl ācir, nuŋan ələ hawalḍaran ərtikī dụndʳạtkī.

Tādu ạwạnkīŋilin Nandʳı bicạ̄n. Əṣin nuŋan təḍərə. „Ṣi-t ụlākkụtcạndʳi“ — „ụlākụtcạrạkiw, ṣurụkəl ṣi mənəkən“. Nuŋan āmuttukī əməcən bəjə ūḍalın. Ŋənərän, bakawrän ṇurigdiwạ. Tar nuŋanmān ḍawawrän. Ṇurigdi hərgụtkī dụndʳạtkī ṣurụwrän nuŋanmān. Cōmbawrän Nandʳı əṣilə. Alāttʳə, alāttʳə nuŋanmān, əŋnərən mərə. Nandʳawa icənəṣṣən, cōmbavḍākın. Ilə-mət ṣurụḍəkin, ācın. Nandʳı cōmbawrän.

Tụγənī ōdan, ŋənərən tụgạnī, ṣinilgən ụnən, ḍugaran. ḍugarakın, ŋān hawalıldʳa. Ṇurigdi əmərən ạwạnkīltikī. ạwạnkīltikī əmərə ḍūrə bəjəl, ụmụkən aṣī ṇurigdi.

Nandʳalı tamara aṣīwa. Nandʳı əjən əŋnərən təḍərə. Ṇurigdil gụnḍärə: „Tālā inḍiran Nandʳı“. Nandʳı, əjənmən ṣurụwrə hərgụtkī dụndʳạtkī. Ṣurụwrə, ışṣa. Ələtpi əjən Nandʳıwa icərän. „Ṣi bişiṣ?“ Əjən icərän,—Nandʳı asīlācā. Əməmṣınən amaṣkī inəŋitkī.

Ṇurıgdıtıl əməwrə əjənmə. Nandʳı əjənin gụ̄nän: „Ələtpi, inḍiran tālā hərgụdụ dụndʳạdu“, ụlgụrildʳən: „Ərgạcin dụndʳạ, ḍagdak, ṣupirīgīl bişi hụrpikəgīl bişi“

N. Баяки. Чиромбу

52. Волосатый с Нандрой

Мужчина эвенки встретил волосатого эвенки, рубящего березу. Тот эвенки на нижней земле жил. Мужчина спросил: „Ты кто такой?“ — „Эвенки“, волосатый сказал. „Откуда пришел?“ — „Я пришел с нижней земли“. — „По чему пришел?“ — „Вон по тому озеру, там вышел“. — „Не верю“, сказал мужчина. Волосатый сказал: „Ножами обменяемся“. Обменялись ножами. Мужчина сказал: „К озеру пойдем“. Пошли к озеру. Пришли, волосатый нырнул, тогда тот мужчина поверил, домой вернулся. Домой вернулся, сказал, всем рассказал, (что) видел волосатого, (что) обменялся ножами, (о том, что) волосатый рассказывал, (что) на его земле берез нет, лиственниц нет, он только ходит по этой земле.

Был там у эвенков Нандры. Он не поверил. „Ты врешь“. — „Если (я) вру, поди ты сам“. Он к озеру пришел по следу мужчины. Пришел, нашел волосатого. Тот его поймал. Волосатый унес его на нижнюю землю. Пропал Нандры теперь. Ждали, ждали его, не пришел. Пошел смотреть на место исчезновения Нандры, куда бы ни пошел—нет. Нандры пропал.

Зима стала, прошла зима, снег растаял, лето стало. Когда настало лето, опять стали ходить. Волосатый пришел к эвенкам. К эвенкам пришли два человека, одна женщина волосатая.

За Нандры заплатили женщиною. Младший брат Нандры не поверил. Волосатые сказали: „Там живет Нандры“. Увели брата Нандры на нижнюю землю. Увели, дошли. Наконец брат увидел Нандры. „(Это) ты“. Младший брат увидел, Нандры женат. Быстро собрался итти обратно на дневную поверхность.

Волосатые привели брата. Брат Нандры сказал: „Действительно, живет там на нижней земле“, стал рассказывать: „такая земля, сосняк, ивняки, чаща есть“.

Ŋurigdil əməwrə əməmnəwətin aşīwa, gāda ḍūγīldukwar ŋuşuktuwə asīwa. Nandᶦı əjəndun əməwrə. Nuŋan asīlārən.

Tāduk ŋān aşāl ḍūr hawalḍara āmutıkī, ŋənərə ụwụlən hawalıldᶦa. Bakawra ŋān targācır bəjəl, halgartın āşir—Cụlugdil. Cụlụgdil aşaşna ḍūrə aşāla. Asāl tukşaşna. Bokomorōktın, gē gūldᶦən: „Şi-gụ-klō! Şi-gụ-klō“. Gēwa aşīwa bokonən, ḍawaran, halganmān kaltakawān hōgrạn, hāŋildᶦan Cụlụgdi. Gē aşī gūldᶦən: „ılakşaja, ılakşaja!“ tāduk: „labgāşə! labgāşə!“

Əwənkī aşi gē ŋənərən ḍūlāwı, ụlgụrildᶦän: „ēkurŋan targācın ḍēwaw wārən“. ụlgụrəkin, şụrụrə āmuttikī, təḍədəwər ajākāndī, ēkur wārə ḍēwan. Icənərən tarīc, şụrụwrən aşī āmuttıkī bəjəlwə, təḍədətin. Dōlcatcāktukpı dōlcacıldᶦa, ŋān Cụlugdil şụrụcəl. Ņurmara, icərə ələ tarī wāḍākpatın aşīwa, uγacāl āmuttıkī. Tādu bakara nōnıtın aşīwa. Təli təḍərə aşīwa ələtpimājən. Halganīn ācın. Halganmān ŋālınạtın bəjələn.

Lucal hawalıldᶦa āmuttulı mụrəli. Icərə ūḍalwa gūldᶦə: „Ņụrigdil ūḍaltin şō əgdi“. — ēkur ūḍaltın, ạwạnkīl ūḍaltin?“ Mụrəli hawaldᶦa, goroli hawaldᶦa — ạwạnkīl ācır. Icərə mūli kuŋākār jūrə dụndᶦạtkī, ōda tunŋa. Tukşaktaldᶦə, ụwụli, əwildᶦə kuŋakār. Lucal gụnḍirā: „ēkur targācir?“ Əwirə, əwirə, ŋān hụrrə āmuttulı. Lucal gūldirə: „Tımātnạ mit tigitkə, ḍawaldāwər“. Əmərə āmuttıkī ŋānə, lucal ḍawwı lalbokalḍī kupurə ajakanḍī. ụmụkən ətəjəşnən əşīlə, gē şụrụrān gorotkī.

Dulındun inəŋi ŋān jūrə tarīl kuŋākār. Ņān āmut ḍapkalın əwildᶦə. Lucal icərä ŋụrigditkārwə. Tigişnə. Tigitşən ụmụkən, ŋụrigditkạn halgandukın dawaran. Ņụrigditkạn gūldᶦän: „Mamacıklıcıt! Mamacıklıcıt“. Tar kuŋākār mūli hụrritşə. Luca goro ḍawaran.

Dolboron, tımātnạ əmərə, ānŋạttᶦrə tādu. Ņụrigdil əmərə, amtıltın məŋụrwə əməwrə talmīwạ, ḍụγəttəwər, hụtəwər gadāwər. Luca awunmı təpəttᶦən. Ņụrigdil məŋụrə ụŋkụḍirā awundun. ụŋkụrə talmīwạ ələwən, məŋụrə lupumrak ụŋkurə. Luca bụrān hụtətin amaskī.

Волосатые привели званную женщину, взяли из юрт своих вонючую женщину. Привели брату Нандры. Он женился.

Потом опять две женщины пошли к озеру, пошли, по берегу стали ходить. Нашлись опять такие люди, без ног — Чулугды. Чулугды стали преследовать двух женщин. Женщины убежали; когда (те) нагнали, вторая сказала: „К тебе! к тебе!“ Вторую женщину нагнал, схватил, отрубил половину ноги ее, стал пить кровь Чулугды. Другая женщина сказала: „Талинку! талинку!“ Потом: „Кровь (идет)! кровь!“

Другая женщина-эвенкийка пошла домой, стала рассказывать: „Какой такой родственницу убил“. Когда (она) рассказала, пошли на озеро, чтобы хорошенько удостовериться, кто убил родственницу. Пошел посмотреть, увела женщина на озеро мужчин, чтобы проверили. Из места, где слушают, стали слушать, опять Чулугды ушли. Подкрались, увидали только место убийства женщины, поехали к озеру. Там нашли оставленную женщину. Тогда поверили во всем женщине. Ноги нет. Ногу принесли к телу.

Русские ходили вокруг озера. Увидали следы, сказали: „Следов волосатых очень много“. — „Какие их следы, следы эвенков?“ Стали кругом ходить, долго ходили — эвенков нет. Увидали, из воды на землю вышли дети, (всех) пять стало. Стали бегать по берегу, стали играть дети. Русские сказали: „Кто такие?“ Играли, играли, опять нырнули в воду. Русские сказали: „Утром мы покараулим, чтобы поймать“. Пришли на озеро опять, русские лодку в мох хорошо спрятали. Один начал караулить теперь, другой ушел подальше.

В полдень опять вышли те дети. Опять стали играть на берегу реки. Русские увидали маленьких волосатых. Подкараулили. Подкараулил один, маленького волосатого за ногу поймал. Малыш сказал: „Мама! мама!“ Ребятишки те нырнули в воду. Русский долго держал.

Настала ночь, утром пришли, ночевали там. Пришли волосатые, родители принесли котомку денег, чтобы обменять, чтобы ребенка взять. Русский продырявил шапку. Волосатые сыпали деньги в шапку. Высыпали котомку полную, деньги сыпались через (нее). Русский отдал их сына обратно.

Ş. Kiltinə. Cirəmbu

53. Icəgdirə

Bəjə bicən Icəgdirə. Nuŋan əŋinmi cimkaduwi üyiran şömomoc. Kultirdukpi tukşaşşän ḍänmą. Tukşaktal gunḍän: „iŋərən anŋanil ḍäyidutin anŋanil alätcikąl, əməḍəm".

Şururən Icəgdirə. Tälä bəjə üḍapcänən həgdiŋö hakdikin kumalandin. Arcaran bəjəwə ḍür dililin, ḍəwupki. Icəgdirə günän: „Amäkä! purtawi əməpkəl icädäw". ḍəwupki büran, ēruktadän. Täduk Icəgdirə günän: „Amäkä! icäkəl tarī hurilwi awalḍara! on əŋnəndri icärä?" ḍəwupki icəciran. Icəgdirə, hurilwən icəcildrəkin, dililwän şukədərən. Dililin ḍükrə burura. Täli ḍəwupki ŋan günän: „Gēpkal şukədəkəl!"— „Əşin, umun-də ələkin". Icəgdirə irəktəlwə ḍürwə əyurən, burirən, ḍəwupkiwə tirərən.

Ņän şururən ḍulöskī. Tälä ŋän bakaran, ŋän targäcin üḍalin kumalandin hagdikilin. Arcaran ḍəwupkiwə ilan dililin. „Tinīwə Icəgdirə hutəwəş wärän", cinəkəl gücətin ḍəwupkitkī.

Icəgdirə əmərän, günän: „Amäkä, icätkəl, bi-kə ön wäḍąm? ēkun bi-kə, icätkəl, ön bi wäḍąm, bi hulu bişim; amäkä kolicēwi ēruktadäwi əmupkəl". ḍəwupki büran, Icəgdirə ēruktaldrän, ŋän günän: „Amäkä, tarwə-wəl icätkəl, hurilwi tukşaktaḍarä, ön əŋnəndri icärä, icätkəl, joŋitkal". Amäkä icäcildrän, täli Icəgdirə şukədərən nuŋanmän. Amäkä günän: „Icəgdirə, əl-kə, gēpkal şükədəkəl". Icəgdirə günän: „umnə-də ələkin". Ilan irəktəl əyurən, əməwrən, tirərən nuŋanmän.

Ņän ḍulöskī şururän. Ņän arcaran digín dililin bəjəwə. Tar günən: „şikəkən bişindri! Tinīwə cinəkəl gücətin: „Icəgdi hurilis manaḍeran, wätciran". Nuŋan hiyiwəldrən şukəŋkiwi; Icəgdirə günän: „Amäkä, kolişēwi əməpkəl". Tar büran, Icəgdirə ēruktaldrän, günän: „Taril icəvḍəndri?" Ḍəwupki ŋän icäcildrän. Icəgdirə şukədərən, dililwän upkatwän högran. Amäkä günän: „Əl-kə şukədəkəl!" — „Əşin əşilə ələkin; bu,

---

Ш. Кильтыно. Чиромбу

53. Ичёгдыро

Мужик был Ичёгдыро. Прекрепко привязал он свою мать к срединной жерди юрты. Прыгнул от порога десять раз. При прыжках сказал: „Прошел год! на десятом году поджидай, приду".

Ушел Ичёгдыро. Там мужик след нашел—большая пятка с кумалан. Встретил двухголового человека, людоеда. Ичёгдыро сказал: „Дедушка, дай мне свой нож посмотреть". Людоед дал посмотреть. Потом Ичёгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, там дети ходят! как не можешь увидеть?" Людоед взглянул. Когда (тот) детей смотрел, Ичёгдыро головы его отрубил. Обе головы упали. Тогда людоед опять сказал: „Рубни вторично!" — „Нет, одного (раза) довольно". Ичёгдыро две лиственницы свалил, уронил, людоеда придавил.

Опять пошел вперед. Там опять нашел, опять такой след — с кумалан пятки. Встретил трехголового людоеда. „Вчера Ичёгдыро твоих детей убил", пташки сказали людоеду.

Ичёгдыро пришел, сказал: „Дедушка, посмотри, я-то как убью? какой я посмотри, как я убью, я маленький, дедушка, нож свой принеси посмотреть". Людоед дал, Ичёгдыро стал смотреть, опять сказал: „Дедушка, вон туда посмотри, дети бегают, как не можешь увидеть, посмотри, всмотрись". Дед стал смотреть, тогда Ичёгдыро рубанул его (топором). Дед сказал: „Ичёгдыро, ну, еще раз ударь". Ичёгдыро сказал: „Одного (раза) достаточно". Три лиственницы свалил, притащил, придавил его.

Опять вперед пошел. Опять встретил четырехголового человека. Тот сказал: „Топорик есть (у тебя)! Пташки вчера говорили: Ичёгдыро детей твоих кончает, убивает". Он стал точить топор свой; Ичёгдыро сказал: „Дедушка, нож свой принеси". Тот дал, Ичёгдыро стал смотреть, сказал: „Тех видишь?" Людоед опять стал смотреть. Ичёгдыро рубанул, все головы отрубил. Дед сказал: „Еще рубани". — „Нет, теперь довольно; мы,

Əgdiґäl əŋnərəw şukədärə". Icəgdirə digínmą irəktəlwə əγuran, tirərən nuŋanmän. Ņän şururan, ņän ūḍalwän вakaran, ūḍalın targacır, ņän kumalan hənmiptirīn, tāduk вəjəwə arcaran tunŋa dılılın. Ḍəwupki gūnən: „Şi ēkun вişindґi? Cinəkəl gūnä: „Icəgdi hurilwəş wätcərän, manaḍərän". Icəgdirə gūnän: „Amākā, icätkəl eŋıwı wāḍąm, hulu вişim". Ḍəwupki kolıcēwıḍan hīwərən „Hiγiwəktə", gūnän Icəgdirə: „ēruktadāwı вūkəl!" Ḍəwupki вūrən kəlıcēwı. Tarı ņän gūnän: „Icəcilkąl hurilwi hawalḍarä! ōn əŋnəndґi icärə? icəcilkąl tārwəwukär". Nuŋan icəcildґän, Icəgdirə şukədərən tunŋa dılılwa tarwa. Hōγran dılılwän. Amākā gūnən: „Ņän şukədəkəl". Icəgdirə gūldґän: „Bi əŋnəm şukəḍąmī, ąmnə ələkin". Icəgdirə tunŋa irəktəlwə əgurrən, uγaran, tirərən nuŋanmän tunŋac irəktəl.

Ņän şururan, ņän arcaran ņuŋunḍi dılīn ḍəwupki, ņän kumalandın hagdıkılīn, hənmiptilīn. Bəjəwə arcaran, ņuŋunḍi diltärän. „Ēkun şi вişindґi? Ərkəkən Icəgdirə hurilin manaḍərı, cinəkəl gūcətin tinīwą". Icəgdirə gūnän: „Amākā, icətkəl, ēŋıwı-ka вi manaвḍam, вi hulu вişim. Amākā, kolıcēwı əmupkəl ēruktadąwər. Amākā, hurilwi tārwəwəkän əwiḍərə, icətkąl ōn əŋnəndґi icäri?" Icəcildґən amākā, Icəgdirə şukədərən dılılwän, əlēwətin hogran; ņuŋunmə irəktəlwə ugurran, uguktaran, tirərən nuŋanmän.

Ņän şururan Icəgdirə, nadan dılılın вəjəwə arcaran, ņän dılılwän wārän. Tāduk ḍapkun dılılın вəjəwə arcaran, dılılwän wārän. Tāduk jəgin dılılın arcaran, ņän wārän. Ḍän dılılın arcaran, tugi wārən, ḍändı irəktəl əγurrən, uguran, ugaktaran, tirərən nuŋanmän. Mucuşnan əŋindulāwi. Mucuran, əŋinīn ųγəduwi labganąn. Icəgdirə əŋinīn nintiḍurən, əptəlin tagdırgara. Əŋinīn вuddąn.

A. Kambagır. Ḍəkənnə

54. Ahätkän

Ųtälə ąmukən baj ilə hawamnīn вicən, ąmukən ahätkän aŋaḍakän. Baj hōmamat вolgıcawkı вicə.

тунгусы-Огдырэлы не можем рубить". Ичёгдыро четыре лиственницы свалил, придавил его. Опять ушел, опять следы нашел, следы такие опять с кумалан подошвы, потом человека встретил пятиголового. Людоед сказал: „Ты кто? Пташки сказали: Ичёгды детей твоих убивает, кончает". Ичёгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, чем убью, маленький (я)". Людоед нож свой точил. „Дай я поточу", сказал Ичёгдыро: „дай посмотреть!" Людоед дал нож свой. Тот сказал: „Посмотри, дети твои ходят! как не можешь увидеть? Посмотри, там близехонько". Он стал смотреть. Ичёгдыро рубанул те пять голов. Отрубил головы. Дед сказал: „Еще рубани". Ичёгдыро сказал: „Я не могу рубить, раз довольно". Ичёгдыро пять лиственниц свалил, притащил, придавил его пятью лиственницами.

Опять ушел, опять встретил шестиголового людоеда, опять с кумалан его пятки, его подошвы. Человека встретил, шестиголового. „Кто ты? Вот только что Ичёгдыро детей кончил, пташки говорили вчера". Ичёгдыро сказал: „Дед, посмотри, как, чем я кончу, я мал. Дед, ножик дай (принеси) посмотреть. Дед, дети вон там близко играют, посмотри, как не можешь видеть?" Стал дед смотреть, Ичёгдыро ударил топором головы его, все отрубил; шесть лиственниц повалил, свалил, придавил его.

Опять пошел Ичёгдыро, семиголового человека встретил, опять убил головы. Потом восьмиголового человека встретил, головы его опять убил. Потом девятиголового человека встретил, тоже убил. Десятиголового человека встретил, тоже убил, десять лиственниц свалил, потащил, притащил, придавил его. Вернулся к матери. Вернулся, мать около костра прилегла. Ичёгдыро толкнул пяткой мать, легкие ее вырвал. Мать умерла.

А. Камбагир. Нгоконно

54. Девочка

Давно у одного богатого человека (эвенки), была работником одна девочка сирота. Богач (ее) сильно притеснял.

ụmnə ahatkān mụ̄ləhicə. Bıra ḍapkadun ılıtcana, hoŋoḍowkı dılacadu gụnḍənə: „Dılaca, minə gakal". ụmnət dəɣilcə dılacalā. Nuŋanmān gacā dılaca.
Ahạ̄tkān əhĭkəkən ıhıtcawkı dılacadu, əhĭkəkən tādu bıḍərən.

W. Lontogir. Nēpa

55. Anŋanī

Ətirkər ụlgụcənĭŋkitin: Anŋanī upkacın ụrụmkụn, urganīl ācır bıŋkitin. ụmnə bēgadu hogdarpıdu ətirkəcən tisụstəwı, sụkəwi ụniwiḍərəkin, dolborən; atırkācān, ikənwı ikənḍərəkin, dolboron. Həgdārpı biwsə, ōcātın urganīl ụrimil.
Ətirkənduk, atırkānduk anŋanīl sālārə.

N. Salatkın. Nēpa

56. Samān

Bicạ̄n həgdi samān. Nuŋan bụnilä aruwuŋkın, əŋkin ụmụkəmətjə ilәjə bụwkạ̄nä. Samāndulā əmərān əksərĭ. ụlgụcəmạ̄cillä samānnun. Əksərĭ gụnḍəwki samāntıkī: „Si mindụ ụmụkəmətjə ilәjə bāḍānnı bụḍämĭ, sı mindụk həgditmər bidạ̄wi kəḍənni, həgditmər mindụk bımĭ. Si mindụ irikəl ụlləŋilwəw, bi sindụ bụ̄ḍälim ḍụ̄rə misiktəl ụlləwə, irimĭ si mindụk həgditmər ōḍaŋās, əsikis irirə, bi sindụk həgdimər ōḍaŋäw". Əksərĭ samāndu bụ̄rən ḍụ̄rwə misiktəl ụlləwə. Samān səwəncällän, iricillän əksərĭ ụlləŋilwən. ụmụkənmə misiktəwə irirān, gēwa-da iricillän, səwəncārān, səwəncārān, tụk-dạ̄ albaran gēwa misiktəwə iriḍämĭ. Təli əksərĭ gụ̄nän samāntıkī: „Si ụlləŋilwəw albanni iriḍämĭ, bi sindụk həgdimər bisim".
Tarīptıduk ilәl bụlcətin, saman albalcān bụnilə aruwīḍamĭ. Saman iricạ̄ bisikin, əŋnəmcəl ilәl bụḍärə.

Однажды девушка пошла за водою. Стоя на берегу реки, плакала, солнцу говоря: „Солнце меня возьми". Вдруг слетело солнце. Взяло ее солнце.
Девочка до сих пор стоит на солнце (и) сейчас там живет.

В. Лонтогир. Непа

55. Год

Старики рассказывали: Год весь короток (был), дней не было. Раз в месяце ноябре (мог) старичок, (чтобы) выковать топор, как только продал, (уже) ночь настала; как только старушка посуду собрала, (уже) ночь настала. После ноября месяца стали дни короче.
От старика от старушки познали года.

Н. Салаткин. Непа

56. Шаман

Был большой шаман. Он оживлял мертвых, ни одному человеку не давал умереть. К шаману пришел бог. Стали разговаривать с шаманом. Бог сказал шаману: „Ты мне ни одного человека не хочешь дать, ты хочешь быть сильнее меня. Ты сжарь мясо, я тебе дам два куска мяса, сжаривши, ты станешь больше меня, если не сжаришь, я буду больше тебя". Бог дал шаману два куска мяса. Шаман стал шаманить, стал жарить мясо бога. Один кусок сжарил, стал жарить другой, шаманил, шаманил, так и не мог сжарить второй кусок. Тогда бог сказал шаману: „Ты мясо мое не мог сжарить, я больше (сильнее) тебя".
С тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мертвых. Если бы шаман сжарил, не умирали бы люди.

N. Zujəw. Tutura

57. Samān

ụtələ ụrikittụ Kụlụrədu bidəcətin əwənkil. Nuŋartın manawulcātin. Samāŋıtın bicən həgdiŋəkəkụn. Iləl manawullakītın, samān sụrụrən ụrikittikī Torkātkī. Samān bicən sagdandalāwı, ḍapkunḍārīcī anŋanīŋılīn. Nuŋan bụcən. Bụrəkin samān, iləl kəcətin dəlkənimmän.

Bolo bagdawkıl hawahına, samān kərən bagdawkılnun dəγilḍəhinimmän hullataj ētaj lāmu bargıskīn. Lāmu bargıskīḍın kərən ụŋinụmmän mānŋitkīwi dụnnäŋtikīwi tukalakāna gụ̄nnə: „Mụnŋil mindụ ụŋnəkitin tukalakāna, bi amaskīwı əməḍəŋəw, gəjụn ōkha, ḍānḍapkucī ōkha. Ilələ ajīcīlımmen, bụḍərīlə ajīlḍeŋōw". Torkäγən əmmän tukalaja „ụŋnä bụkho ēmāḍəŋān?" gụ̄nə. „Kə! hilə!", samān gụncən: „əmī mindụ tukalaja ụŋnä, minŋi kalanīw manawḍeŋān".

Nuŋanŋın kalanīn ḍabul manawran. ụmụkən ələ sulapcān bəjə. Samān gụncən „Minŋiduk kalandukīw upkat manawḍeŋātın, ələ ụmụkən sulapceŋān bəjə".

S. Lontogır. Nēpa

58. Samān, bəjə

Bəjə bakaldıran samānŋun. Samān gụ̄nən bəjətkī: „mōlāswāt!" Nuŋartın mōlāsnə, ogorə mōwa. Samān gụ̄llän: „Bəjə minŋi səgdənnəw ənụ̄ḍärən, iktụkəl sụkət səgdənnəliw. — „Ətām kaputta səgdənnəwəs". — „Ətənni, əkəl ŋ̄ələttə". Bəjə gāran sụkəwi, samān hụkləsnən mōtkī. Bəjə iktụllən arakūkan sụkət samān səgdənnəlin. Samān gụnḍəwki: „Ṣōti, sōti iktụkəl!" Bəjə ələtwi iktụllən. Samān təgətcənə mụgdekəcəndu iŋjəktəllən bəjət, gụ̄llən: „ēḍanni? ēwuna iktụḍanni mōwa?". Bəjə icəcillən, ụpkatwān mōwa əmtəcə sụkət. Samān ụləkkicən bəjəwə, iŋjəktədəwi; bəjə təḍərən nuŋanmān.

Н. Зуев. Тутура

57. Шаман

Давно на стойбище Кулуро жили эвенки. Они стали вымирать. Шаман их был великий. Когда эвенки вымерли, шаман ушел на стойбище Торкэ. Шаман был в старости, восьмидесятилетний. Он умер. Когда шаман умер, эвенки стали делать лабаз.

Осенью лебеди передвигались, шаман полетел за море с лебедями, с одеялом, со всем. За морем начал отправлять на свою землю (родину) за землею, говоря: „Когда мне пошлют землю, я приду обратно, молодым ставши, восемнадцатилетним ставши. Людей стану лечить, умирающих вылечу". Житель Торкэ не послал земли: „Умерши, что может сделать?" сказали. „Ну, теперь" шаман сказал: „Не послали мне земли, вымрет мой род".

Его род действительно вымер. Один только человек остался. Шаман говорил: „От моего рода все вымрут, только один человек останется".

С. Лонтогир. Непа

58 Шаман, мужчина

Мужчина встретился с шаманом. Шаман сказал мужчине: „Пойдем по дрова". Они отправились по дрова. Шаман сказал: „Мужик, у меня спина болит, ударь топором по спине".—„Не стану, сломается спина".—„Нет, не бойся". Мужчина взял топор, шаман лег на дерево". Мужчина ударил слегка по спине шамана. Шаман говорит: „Сильнее, сильнее ударяй!" Мужчина изо всей силы стал бить. Шаман, сидя на пеньке, смеялся над мужчиной, сказал: „Что делаешь? зачем бьешь дерево". Мужчина посмотрел, все дерево разбито топором. Шаман обманул мужчину, чтобы посмеяться, мужчина поверил ему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ. БЫЛИНЫ

A. Kambagir. Ŋəkānnə

59. Cagıcıl

ụtələ ụmụkən ilə bicən, nuŋan ahīcī bicən, tunŋa hụtəlin bicəl. Tar hụtəlbi balagaduwı əməncə, ahītaj hụrụcəl, mōlāhıcāl. Hụrụcələtin, ḍūlātın əmərən caŋıt. Tar ilə hụtəlbən wātcā. Caŋıt kuŋākār dılīlbatın təktəcə; təktəḍənəwi, hulladun cakılcā. Ətirkən əmərən ḍūlāwər, hụtəlin ācır ḍūduwar. Ətirkən hullawı laŋıhıcā, kuŋākār dılīltın hụklāhilcəl. Ətirkən ŋələlcə, tadu hanucā, bụrən.

N. Monahow. Iŋārıgdā

60. Ilətī

Ilətīlwə bakaran ụmụkən ilə. Nəkūnŋin bicən hunāḍın. ụmụkəndu ụrildirä. Inərə ụmnə, tar inəktəduwər maŋaraktalla hunātpān ụmụkən bəjənụn. Tar bəjə bụ̄rən nəkūnmi, ḍụwəttən, nəkūndiji gādan ahījaji. Tāduk hụjəttən; hụrụrən, hərəkətpi nụlgihinən. Ilətil hụrụrə hərəkətpər, tar ilətı amīnīn uwasāḍəwkı kukınmı, əwki hawalıwkānə. Kukınmı ḍūjan hawalıwkı; hərəkət ḍəbdən, təpụwki oronmo, bụrgụməməjə orono. Tāduk dolbo ahī ədin hoŋoḍowkı, ahīn gụnḍərən: „ēda hoŋoḍonnä?“ Ədin əwki ụlgụcənə.

ụmnə āhınən ahī dolboltono. Āhıcālān, əmərə ahātkān. „Əkä, gūnə: ər bātkəlḍīs bi bātkətəḍiŋāw“. Tar ahī gūnən: „ōn ōrakıw, gadāwər ŋəkəḍis, tar bātkəlbar ōn gamuḍas?“ — „Əkä, hinḍi həwəncəwūntāḍərə“. — „Bātkəlḍīw upkat əwiwūntəlḍəŋəhụn“. — „Ōn həwəncəwūntāḍərə minḍī?“ — „Əkä! hinə əhīkəkən wāmmạcır!“

A. Камбагир. Нгоконно

59. Бродяги

Давно был один человек, он был женат, пять сыновей было. Тот сыновей оставил в балагане, с женою пошел по дрова. После их ухода, в дом пришел чангит-бродяга. Убил сыновей эвенки. Бродяга головы детей отрубил; отрубивши, под одеяло положил (запрятал). Пришел старик домой, детей нет дома. Старик одеяло отвернул, детские головы лежат. Старик испугался, там же пропал, умер.

Н. Монахов. Ингаригда

60. Людоед

Встретил людоедов один человек-эвенки. У него была младшая сестра, девушка. Остановились вместе. Продневали раз, на месте стоянки просватали девушку с одним мужчиною. Тот мужчина дал свою младшую сестру, обменял, за сестру взял жену. Потом разделился, ушел отдельно, откочевал. Людоеды пошли отдельно, отец людоеда уважал невестку, не заставлял (ее) работать. Невестки юрту делал, чтобы особо ела, убил (он) жирного оленя. Потом ночью муж женщины плачет, жена говорит: „Почему плачешь?“ Муж не рассказывает.

Однажды спала вечером женщина. К спящей пришли девочки: „Тетя“, сказали: „этими твоими бабками я буду играть“. Женщина сказала: „Как я буду (что же со мной будет, если) взять собираешься, (то) как хочешь взять бабки (суставы пальцев)?“ — „Тетя, тебя принесут в жертву“. — „Бабками моими все играть будут; как (когда) шаманить будут мною (приносить меня в жертву)?“ — „Тетя, тебя сейчас предполагают убить“.

Təli ahī gūnən: „Nəkə, hu ŋənəḍəkəllə ḍūlāwər, minə ḍəpilḍiŋəhun". Ahātkār huruə. Hurucələtin tətmalcirān, hulladuji dirən dəpəwə, hoktoliji huruən, mucuhinən. Killəlbi gakājim, hoktoliji ŋənəḍənə, icərən irəktəwə əyəŋənmə, tarā tuktirān dugəməklən. Tādu təgəcillən duγədu. Dōlcatcāŋnərən, nuŋanmān həwəncəḍəkənə, wānācāl, kotot uculārə ḍūwān lupumnak, ahīwə uculārä. Tarīŋitin cāŋguhərākin, gūnə: „Kə! kəhəγin, əhilə wārəp". Icərə tarīnŋar, tariŋitin dəpə. Tāduk ahatkānmə idakalla, gūnə idakaḍanal „Ni ulgucən, ulgucəkəl". Tarīŋitin ulgucənə: „Ərə tawar gūcən, tawar gūcən". Ahātkānmə umukənmə təpurə həwəncəwūnəwər.

Tāduk ahīwa ūḍawān gələk'tərə toγolḍī, bakara hoktoliji, hurucə amaskī, tarā ūḍahina toγolḍī tarīŋitin, umukəndulə mōlā iskājim, həkəriwrən ūḍan. Murəli mujirə, acin tarīŋitin ūḍan, ilə-də ūḍan ācin. „Nuŋanmān timātnə bakaḍap, ilə-də ətən, bakaḍap timātna nuŋanmān". Huruə ḍūlāwər tarīl bəjəl. Ahī icətcəŋnərən mō duədukin. Upkat āhicālātin, tarī ahī cimmənən hiŋilgənduə. Hiŋilgənduli dōgidāli ugduhinən, goromomowo ŋənərən. Tāduk jūrən hiŋilgənduk, killəlwi təttən, huruən akīndulāji, hoktolin ahāhinən. Goromomowo ahārān, timātna unət bokonən. Akīnmi bokokōnə, hoŋollon, akīnīn gūnən: „ēda hoŋoḍənnə?" — „ēkurbal hargildutin bucēs! Minə həwəncəwūntəḍəcətin, ŋəbdəwər kəḍəcətin, tāduk tuksam".

Akīnīn tikullan, wārən ahīji, nəkūnmi tətiγəlḍin tətiwrən, higrən därəwān, əmənən ḍūkcāduji, nəkūnmi gūnən: „Hi nulgiḍəkəl, ilallali əhikiw əmərə, tarā gundəji, wamnan".

Bəjə ḍūkcāji icəwrīkəkəndu biḍəcən, ətəjətcəcən əmərījətin ilətil, nuŋanmān ahāhināktin. Icətcəcən ahāhinŋjətin hoktoli, təli nuŋarbatin garpacīlmacin bicən.

Tirgakākin əmərə, ahara. Əmək'jim icərə wāpcāwə ahīwə, gūnə: „ēkun ajakākun bəjə, kə! ēda əcəs huptirə?"

Tarīŋar təlgəttə. Toγojowər ilara, tar ulləlbən hilara, ḍəpildəwər. ḍəpilləktin, amīnīn hələməwən, tar ahī ḍəbḍənə, gūnən: „ēda hələməw humnahinən? Ənən-məl bitki bihi?" ḍalin gūnə: „əkəl ulākittə, ḍəbḍəkəl!"

Тогда женщина сказала: „Маленькие, вы идите домой, меня съедите" Девочки ушли. После их ухода быстро оделась, под одеяло положила гнилушку, по дороге ушла, вернулась. Взявши лыжи, по дороге идя, увидала наклоненную лиственницу, влезла на нее к самой вершине. Там на вершине осталась сидеть. Услышала, что собираются шаманить, пошли ее убить, прокололи пальмой насквозь юрту, женщину прокололи. Когда та затрещала, сказали: „Ну, пусть мучается, теперь убили". Посмотрели ту, (а) та — гнилушки. Потом девочку стали бить, говоря во время ударов „Кто сказал, расскажи". Та сообщила: „Вон та сказала, та сказала". Одну девочку убили для камлания.

Потом след женщины искали с огнями, нашли дорогу, пошли обратно, идя по следу с огнями той, до одного дерева дойдя, исчез след. Кругом обошли, нет следа той, нигде нет следа. „Завтра найдем ее, никуда не денется, найдем завтра". Ушли домой те мужики. Женщина подглядывала с дерева вершины. Когда все стали ложиться спать, то женщина спрыгнула в снег. Под снегом поползла, долго шла. Потом выскочила из снега, надела лыжи, пошла к старшему брату, по дороге его последовала. Долго следовала, утром рано нагнала. Старшего брата встретивши, заплакала, брат сказал: „Отчего плачешь?" — „Каким чертям меня отдал! меня хотели принести в жертву, собирались съесть, убежала оттуда".

Брат рассердился, убил свою жену, одел в одежду младшей сестры, ободрал лицо, оставил в юрте, сестре сказал: „Ты кочуй, если через три дня не приду, скажи, (что) убит".

Мужчина оставался на виду (невдалеке от юрты), подкарауливал идущих людоедов в то время, как (те) преследовали ее. Поглядывал на дорогу преследовавших, предполагал (как появятся тогда) выстрелить в них.

В полдень пришли, дошли. Придя, увидали убитую женщину, сказали. „Какой хороший человек, ну к чему же не убежал?"

Разрубили ту. Огонь разожгли, мясо той сжарили, чтобы съесть. В то время, когда ели, отец сердцем (почувствовал), евши ту женщину, сказал: „Что-то мое сердце шевельнулось, не наша ли?" Родственники сказали: „Не ври, ешь!".

Əhilə ŋlgŋcəməcillə: „Tarı bəjəwə ahāḍap-ku, ətəp-ku?“ Haltın gŋ̄nə: „Ajawa bəjəwə ēda ahaḍap, mitki ahāḍanawa wācā“. Tar bəjə, tŋŋnŋn gŋ̄nəktin, arakūkan hŋrŋrən. Gorolkonom hoktoliji tŋlŋŋhinən. Hoktoliji ŋənərən goromomowo, nəkŋ̄nīn ŋricə ıstan. Iskānım, cajtīllan. Cajtīḍana, icərən ılan bəjəl ŋənəḍərə hərəlgənmə bargıdālı. Tar bəjə əŋnəkənmi ḍawarän, ḍawakājım, təpŋrən, daluwān gamalcarän. Tarinŋı dalullan. Dalugın pəhirgərən gŋŋnəməmət. Bəjə hŋrŋrən, tarīŋılbı wānāhınan ŋmŋkən bəjə jŋ̄ḍənəhicən. Jŋ̄ḍənəḍərĭwə garpacän, ēhalwān hŋcələkin garpacān. Tarıŋın jokolcōn ḍalbi: „Garpacā bihim!“ Bəjə gēwrən garparan, wārən nuŋanmān. Tāduk gīl əməḍərə, tŋlŋŋḍərə, gŋndənəl: „ŋuŋajamaspān ēkun wārən?“ Bəjə tigitcəcən əməḍərĭlbə garparan ḍŋlāwŋwə hələməkəkənmən, tarīŋın bŋrŋrən. Bəjə tādu-ssa garparan, wārän ılanīwa. Mŋcŋrän ḍūlāji, tāduk nŋlgihinən.

A. Putugır. Ŋəkənnə.

61. Ilətĭ

ŋmŋkən bəjə nŋlgiḍəcən. Nŋlgiḍənə iləl hoktowotın bakaran. Hoktolıtın nŋlgihinən. Bakaran ŋrincəḍərĭlbi. Tarīldu ŋrinərən. Təγəmĭktədin tar ilətĭl tar bəjə nəkŋ̄nmən maŋaraktalla. Maŋaraktanal, tar bəjə nəkŋ̄nmən garą ilətĭl. Bəjə nəkŋ̄nduliwi tamanmāra ilətĭl hunātpətın. Garan tar bəjə hunātpətın, nŋlgihinən ahīnun. Ilətil ŋān nŋlgihinə. Ilətĭ ətirkən omolgīwı ahīwān tolgokīkāndu nŋlgihinmi, ıruḍawkı kukınmı. Kukının gŋ̄nən: „Minə ēda ıruḍaŋnannä?“ — „ēwa kəhəḍəḍənnä, gırkuḍanä, hŋtə“. Ətirkən kukınduwı, ḍəwdən, wāwkı bŋrgŋməməjə orono, hərəkət ḍūjān hawalıwkı.

Əhĭlə ilətĭl həwəncəllə. Dolboltono tar kukıntın ḍūkcāduwı ẖhərəkətpi ḍŋr ahātkār əmərə haŋastulāwər. „Haŋaspar!“ gŋ̄llə: „ərĭt bi ŋāləḍīs bātkətəḍəŋaw“.

Стали тогда разговаривать: „Станем ли преследовать того мужика или кончим?“ Некоторым сказали: „Хорошего мужика зачем преследовать, убил преследуемую нами“. Тот мужик, когда так сказали, ушел тихонько. Немного пройдя, по дороге побежал на лыжах. Долго шел по дороге, дошел до стоянки сестры. Придя, стал чай пить. Распивая чай, увидал, (что) трое мужчин идут по марнику[1] на том берегу. Тот мужчина теленка схватил, схвативши убил, выхватил лопатку. Стал по той ворожить[2]. Лопатка лопнула прямо. Мужчина ушел, пошел убивать тех. Один человек вышел. Вышедшего выстрелил, прострелил насквозь глаз. Тот позвал товарищей: „Выстрелен (я)“. Мужчина вторично выстрелил, убил его. Потом другие идут, на лыжах идут, разговаривая: „(А) командира (хозяина) кто убил? “Мужчина подкарауливал подходящих, выстрелил переднему в сердце, тот упал. Мужчина там же стрелял, убил третьего. Вернулся домой, потом откочевал.

А. Путугир. Нгоконно

61. Людоед

Один человек кочевал. Кочуя, встретил дорогу людей. По дороге их пошел кочевать. Встретил стойбище. С ними остановился. На утро те людоеды стали сватать младшую сестру того мужчины. Просватавши, взяли людоеды младшую сестру того мужчины. Заплатили мужчине за сестру девушкой. Взял тот мужчина девушку их, откочевал с женщиною. Людоеды тоже откочевали. Старик людоедов, жену парня посадивши на санки, повез невестку. Невестка сказала: „Зачем меня везешь?“ — „К чему мучиться пешком, дочка“. Старик для питания невестки убил жирного оленя, отдельно юрту ее построил.

Тогда стали шаманить людоеды. Вечером, когда невестка была одна в юрте своей, пришли две девочки к невестке. „Невестка!“ сказали: „вот этой твоей

---

[1] Марник—поросль ивняка.

[2] Гадание по лопатке состоит в накаливании ее: лопнет прямо—хорошо, криво—худо.

Gē gu̯cən: „Bi ərit bātkətədəŋāw“. Tar ahī gu̯llən; „Bi ōn ērākıw bātkətəldəs minŋi bātkətəldīw?“ — „Hinḍī həwəncəptintədərən amīja“.

Ahī əhīlə ŋələllən; untalwı, purtawa ḍajaran. Amakān bikəjim, hamāŋıtın gu̯nən, əli bargıha ōdāwər, ḍu̯r bəjəl binəl ḍu̯rḍī gıdal tigittəwər, ŋənələkinnu̯n, gıdalāwər ajamāmāt. Tāduk hamān gu̯nən: „Ahīŋar ŋannəkəllu!“ Ahī təγərən, amakān təgəkəjim, gu̯nən: „Jū̯dənəmū̯dəm, jū̯dənəwkəkəllu!“ — „Ərumu̯lbi u̯ŋku̯nəγin, ətəjətkəllə ahātkār“. Ahātkār icəcillə tar ahīwa. Ahī jū̯dənəhinən, ahātkārwə gu̯nən: „Əməwkəllə ŋəkəjə“. Ahātkār əmərə, ahī hu̯ndu̯kki jarılwa hōŋanə, bu̯rən ḍu̯ktədu ahātkārdu. Ahātkār u̯ru̯nə, ḍu̯kcālāwər tuksahına. Ahī hu̯nmi murduptikī nəməlcərən, kigləlwi gamalcaran, tuksahınımmən kərən. Tuksaḍana hoktolı, icərən hokto darīgıdādun nəŋirīwə, kigləlwi hiŋilgənḍuli dirən, mənin nəŋirīwə tu̯ktirən du̯γəməklən.

Əhīlə kəkəjim, dōlcacıllan. Hamāŋıtın gu̯nən „Kə! gənnəkəllə, ēgdat beldurgaran“. Bəjəl ŋənərə, hu̯nin ələ. Gələktəllə, hewu̯ldi mu̯jiktərə.

Ahī nəŋirīdu̯kki icərən əməḍərīlbə, mıkcānən hiŋilgənḍulə. Hiŋilgən dōgıdālın tu̯ktirən gorokōnmo. Ilətīl albara gələktəḍəmī, əcəl bakara ahīŋar. ḍūlāwər ısta, hamāŋıduwar gu̯nə: „əcəwu̯n bakara“. Hamān gu̯nən: „Ōn-ka təli aja ōḍan? ŋələmu̯pcə ōḍan, ācın həksəŋjə“. Gēwa ahātkānmə wāptintārə tar ahīklā, həwəncəptintərə.

Tar ahī, dıkılıcaḍakājım hiŋilgəndu, jū̯məlcərən, kigləlwi gāmālcaran, hu̯ru̯mmān kərən akīnmı hoktolın. Akīnmı hoktolōn dārạn, tar hoktolın hu̯ru̯rən. Ŋənəḍəwki, ŋənəḍəwki, akīnmı ıstan. īrən akīndulāwı; hoŋoḍono, gu̯llən: „Ərgəcirdu ilәldu minə bu̯cəs. Minə wāldāwər kəḍərəktin, aran tuksanım“.

Ahī akīnīn ahīwı wārən, nəku̯nmi tətiγəldīn tətiwrən, därəwạn nanna hiγrən lokommen kərən mōdu dəwjəptikī hokto dulkakundun, nəku̯nmi gu̯nən: „Nulgiḍəkə təptirītpi“. Nəku̯nīn nulgihinən. Akīnīn gu̯nən nəku̯ntikīwi: „Bi ədu tigicīldəlim ahārīlātın. Ərạkīw əmərə gu̯kəl wāmŋan“. Akīnīn tigicīllən.

рукой я буду играть в бабки“. Вторая сказала: „Я этой буду в бабки играть“. Та женщина сказала: „Что же со мной будет, если будете играть в бабки моими суставами?“ — „Тебя принесет в жертву отец“.

Женщина теперь испугалась, унты, нож спрятала. Недолго прошло, шаман сказал, чтобы приготовить там напротив двух мужчин с двумя копьями караулить, когда же пройдет, чтобы хорошенько заколоть. Потом шаман сказал: „Женщину приведите!“ Женщина встала, немножко постоявши, сказала: „Хочу выйти, позвольте выйти!“ — „Худо бы не было, если отправится, девочки покараульте“. Девочки стали следить за женщиной. Женщина вышла, девочкам сказала: „Принесите огниво“. Девочки пришли, женщина, оторвавши королькы от своего кафтана, дала обеим девочкам. Девочки, обрадовавшись, убежали в свои юрты. Женщина быстро положила на жердь кафтан, схватила быстро лыжи, стала убегать. Бежавши по дороге, увидала в стороне от дороги наклоненное дерево, сунула лыжи под снег, сама влезла на вершину наклоненного дерева.

Засевши так, стала слушать. Шаман сказал: „Ну, тащите, что-то треснуло“. Мужчины пошли, только кафтан (увидали). Стали искать, с лучиной (с огнем) искали.

Женщина с дерева увидела проходящих, спрыгнула в снег. Под снегом долго лезла. Людоеды не могли найти, не нашли женщины. Домой дошли, шаману сказали: „Не нашли“. Шаман сказал: „Как же тогда хорошо будет? худо будет без крови“. Вторую девочку принесли в жертву вместо той, устроили шаманство.

Та женщина, спрятавшись в снегу, быстро выскочила, быстро взяла лыжи, пошла по дороге брата. Дорогу брата нашла, по той дороге пошла. Шла, шла до брата дошла. Вошла к брату; плача, сказала: „Таким людям меня отдал. Когда меня собирались убить, едва убежала“.

Брат женщины свою жену убил, в одежду сестры одел, кожу с лица ободрал, на самой середине дороги распялив на дереве пошел повесить, сестре сказал: „Кочуй до стоянки“. Сестра откочевала. Брат сказал сестре: „Я здесь покараулю преследующих; если не приду, скажи, (что) убит“. Брат стал караулить.

Тиргакākин dulinīn ōcālān, tarıl ụlвụḍərə, əmərə. Icəcīllə wāpcāwə iləwə, gụ̄llə: „Bəjəkə̄kụn, ēkun cultın, ēda əcə̄ huptıra". Wānəwạ ahīwa hōŋnālcāl, ḍəpildə̄wər. Guluwunawar ılara, hılacılla. Amīntın ətirkān hələməwān mihinə, ḍəpihinən, gụ̄nən: „ēda-kə hələməw hụmnahınan, ōn-ka mụtki вimcə̄?" Gīl gụ̄cəl „Əkəl hālākəttə, ụlākittə". Ilətīl ụlgụcəməcilcə̄l: „Ahamī-wu?" — „Aja вimcə̄". gụ̄lcəl gīl. „Targācınmạ bəjəwə cultıwa ēwan ahaḍadān, ŋənəḍəγin". ḍūlāwər mụcụhicəl ilətīl.

Bəjə ahāhınạn nəkunmi hoktolın, dolвonīkānmə ŋənərən, вokonən nəkụ̄nmi.

I. Kaplın. Iŋārıgda

62. Ahī

ụmụkān bəjə вakacān iləlbə hunıcīl, hunādīcīl. Kətəkə̄kụn; ụrillạn. Maŋaraktalla hunātpạ, hunātpətın gələ̄llən ḍụgəcīldə̄wər. ụlgụcəmə̄ttə, ḍụγə̄ttə. Ahī gakājım, tar bəjə hụrụrən. Ahī ŋə̄pcu вicə̄n. Ədī jụ̄ḍən, ahī amardukın jụ̄ḍən, amunmān ḍəвḍən.

Nụlgicạl tarīl bəjəl, ụricạl, inəcə̄l, həγəncə̄llə dolвo. Bəjə hunaḍīn tādu вiḍərən. Əmərə ḍụ̄r ahātkār, ahītkī ụlgụcə̄ndərə: „bātkətə̄ḍıŋāw вi". — „ĭlə̄ hụrụrəkiw"? — „Ər həγəncə̄ḍərə, hinə wāmūcillə". Ahī dolвo untalвı təttən, gụ̄nən: „Cikənmūlcạ вihim, cikənnə̄ḍəm". Ahī tuksaḍacān, ūḍakıt dagadun ŋəŋərī вiḍərən. Nuŋan ŋəŋərīwə tuktıcān. Tādu təgətcəŋnərən.

Gələ̄ktəlcə̄l nuŋanmān, ācın ḍūdu. Ni ụlgụcə̄cən nuŋandun, tarīl kuŋākār moŋnohol. ḍụ̄ktəwə kuŋakārвə wārə əhīlə̄. Ahīwa gələ̄ktəllə hēwulḍī, togolḍī, alвara вakaḍamī. Mụcụrə ḍūldulāwər.

Ahī tuksahıcā, вụrụcən dụnnələ̄, hụrụmnān hoktolı. Istan mirənḍə̄kki, akīnŋı hoktolın ahahınạn. Ahaḍan, ahaḍan, akīnŋı вokonən. „Ajaldu ilə̄ldụ вụ̄cə̄s minə, minḍi həγəncə̄γụn-

---

Когда полдень настал, те гуськом идут, пришли, стали рассматривать убитого человека, сказали: „Мужичок, какой умный, почему не убежал?" Убитую женщину разрубили, чтобы съесть. Костер разожгли, стали жарить. Отец-старик, сердце ее отрезав, начал есть, сказал: „Что-то сердце шевельнулось, не наша ли?" Другие сказали: „Перестань хвастаться, врать". Людоеды стали разговаривать: „Преследовать ли?" — „Хорошо было бы", говорили другие. „Такого мужика догадливого зачем преследовать? пусть идет". Домой вернулись людоеды. Мужчина пошел по дороге сестры, всю ночь шел, сестру встретил.

И. Каплин. Ингаригда

62. Женщина

Один человек встретил эвенков с дочерьми, с девицами. Много; остановился. Стали сватать девушку, девушку просил (за нее) чтобы обменять. Разговаривали, обменяли. Взявши жену, тот мужчина ушел. Жена вонючая была. Муж выйдет, жена за ним выйдет, кал его съест.

Откочевали те мужики, остановились, продневали, ночью стали шаманить. Сестра мужчины у них живет. Пришли две девочки, женщине говорят: „Я буду бабками играть".—„Куда же я уйду?"—„Вот шаманят, тебя собираются убить". Женщина ночью унты надела, сказала: „Хочу помочиться, пойду помочусь". Женщина бежала, около дороги наклоненное дерево стоит. Она на дерево влезла. Там засела.

Ее стали искать, нет дома. Кто рассказал ей, те дети глупые. Обеих девочек убили тогда. Женщину искали с лучинами, с огнем, не могли найти. Вернулись домой.

Женщина убежала (когда), упала на землю, ушла по дороге. Дошла до места, где замуж вышла, по дороге брата последовала. Шла, шла брата догнала. „Хорошим же людям ты меня отдал, меня хотели убить на

tədərə". Akīnīn ahīwı wārən. Dārəwən hiγrən, əmənən ḍūduwı. Nuŋgihinəkin, hunātpı ŋŋnən, mənin hipkıcillan ahaḍakākuttą. Nuŋartın ahaḍara, hunātpən вакакајıın, ŋruc̣əl hılacılkākutta. Amīnīn ḍəpcən tar ahīwą „Mēwanmā ɋirərən, вitki вinən", gūnən. Gil gūniwkil: „ekun вəjətkən cultin wānə əmənən mittų".

M. Mucujir. Tōkma

63. Ilәl

Ilәl вicątin ḍurpų. Bicątin hunīltın ḍūr, ḍūr amalgīltın ipkəlimmän, вəjųhindątin orocēhal. ḍūrwą oror namaḍıhına, tālā ŋrina. Uşnarāḍa, āhınımmen. Amalgīltın ollomōhıcątın, ḍajıltın вihi ännätcı.

Tımätną gē hunāt kərän samnıhal ilallän. Orortın əməḍirä, ərtikī icəhinän. „Bųləhəl əmųḍirä; kątąkəurtänä icəųlla, əmųḍädirä ḍūlāar". Bųləhəl əmųcąl. Amalgī jūrän tuleskī, untalwı hoatırän, gē kərän əmmen. Bųləhəl əmųrą, kərə wämmen nəkūnmąn ąmalgījä, ēgēje tuhanän. Sabırımmen kərän ēl-wal-uol inməkilwą. Hunātwą ąmalgi ahīlārän. ḍūkcə sųrųrə. Sųrųrä martıkī. Īdelą ännąhına, gē hunāt koloвo lokuŋki. Gorokokunmama gənərä. Issa ḍūlwatın—kətəkəkųn. „Mōnaolkal hunīlwa, nōrtın tuhanḍıŋātın", gūnən amīnīn. Kərän gē hunāt ədīnduкwi gəląmmän kolecıkōn. „ēa kəndi?" gūllən ədīn „işātcädąwi kolecıkōje вūkąl. Ədīn amentıkīwı ųlgucąnän: „Nōrtın kərä şudılımmen, kərä tuhanḍelımmen lucalduk; gē mōnauāt, gē sųrųąt lucamahınmī". Gē mōnaällän, lucama koloвo lokonōrän ajıtkī.

Tigdäkəkųn ōrän, cannuor. Luŋur ədīn kərän tətnąhinimmän, ahīn ḍūdo əlвälcąn. Ədīn sųrųrəkän, kərän tuhanımmen ḍūa amaşkījı. Ədīn əmųran, ahīn ācın. ḍūmahınän ḍūldulā, şutnāmınän. Əmərän „ācın", gūnän. „Noan kəcą tuhanımmen".

шаманство". Брат ее свою жену убил. Лицо ободрал, оставил в юрте. Когда кочевал, послал сестру (дальше), сам стал выслеживать преследовавших. Они преследовали, найдя девушку (убитую), обрадовались, стали жарить на вертеле. Отец ел ту женщину. „Сердце почувствовало, наша вероятно", сказал. Другие сказали: „Какой парнишка догадливый, убитую оставил нам".

М. Мучуир. Токма

63. Эвенки (люди)

Было две юрты эвенков. Было две девушки, два парня. Стали заставлять (их) промышлять на оленях. Навьючивши двух оленей, там остались. Поужинали, легли спать. Парни их отправились рыбачить, лодки заночевали (оставили на ночь).

Утром вторая девушка встала, стала разжигать дымокуры. Олени идут, туда посмотрела. „Бродяги идут, много видно, подходят к юртам". Бродяги пришли. Парень выскочил, унты схватил, другой не мог выскочить. Бродяги пришли, убили младшего парня, второй убежал. Стала собирать скарб (и) торсуки (девушка). На девушке парень (чужой) женился. Ушли вместе. Ушли к марнику. Где заночуют, там вторая девушка повесит хлеб. Долго шли. Дошли до юрт—много. „Оставь девушек (в доме), они убегут", сказал отец. Стала вторая девушка просить у мужа кольцо. „Что делать будешь?" сказал муж. „Смотреть дай кольцо". Муж отцу сказал: „Они сбегут, они убегут от русских, одну оставим, одну возьмем (с собою) к русским". Оставили вторую, в лес (она) повесить пошла русский хлеб.

Дождь пошел с ветром. Вечером муж оделся, жену дома оставил. Когда муж ушел, (она) убежала обратно домой. Муж пришел, жены нет. По домам пошел, бегал. Пришел. „Нет", говорит: „она сбежала".

Tuhanän, tuhanän hunāt, kolobo lokonorwı gāŋki. Icạn nəkū̱nmạ̄n wāwcäwạ. ḍajılwa sụrụwcəl. Kolobоŋılwa ācır ōre. ḍämụllän, omīkın gənəḍəwki. Tāduk icäränmōtī hụklạ̄ḍirän. Əhīkənikəkụn maŋi ḍammän, kəcạ̄ tụkin ḍạpildạ̄wi. Hunāt tạ̄mīnin kərän purtat mähinimmän ụnləwə; mähinän, kərän tuhanımmen. Gənərän, gənərän ahunma, tälā ılaran, kərän ụnləŋilwi şılaşılımmen. ḍäpcạ̄n tarīŋmı gənəḍihinimmän ajuma. ēkun icärän, ḍawrahalḍırän bıralı. Kōcaurän, kōcao dūtōrän. Kərän bəjə gụjimmän, kərän tətcilimmän. Bəjə əmərän nōandullän. „ējduk əməkəkəcinnä, ōnı tuhanınnä nōrdukīn?“ Gū̱nän „Bi tuhacā bihim“. Kərän ḍaurāldıhımmmen, ətərän goroвəj bıḍamī ḍūldolātın. lhılla ḍūlwal. Nəkū̱nin icərän ahātkānmə „Əmərä, anŋē! anŋē əməcā ḍūtkā“, ənīntikīji tuhanän. Ənīnīn jū̱rän ḍūdukkı „īduk əməḍän kəḍinnä“. Ənīnīn icəcillän hụtän əməḍirīwạ̄n.

А. Кӏамвагır. Ŋəkənnə

64. Caŋıt

ụmụkən ilə hunāḍīnun tụktihicəl ụrəlḍụlə. Tälā ụmụkən bıradu ụrinərə. Tāduk akīnīn gırkuktallan. Akīnīn hụrụcələn, nəkū̱nmən caŋıt hụrụpcə. Akīnīn girkuktaḍakājım, əmərən ḍūläwı. ḍūläwı əmənnən nəkū̱nīn ācın ḍūduwı. Akīnīn gələk təlcə nəkū̱nmi, icənəhicə ụɣụlə, icərən ūḍawān ıŋādu. Ilə pəktirəwụnmi gāmälcā, hụrụrən əjəkī bırawa. Icərən — ḍawraḍaratta. Tar ilə holotın tuksacā ḍılı, kụktilcə. Hụktiḍənə, hunātpı gū̱cə: „ḍawwān purulkal!“ Ahātkān dōldıcā akīnmı gụnḍərīwən, purulcā ḍawwān hilgiwụnḍi. Tar ḍawıtın mū̱lcə. ḍapkalā ākcāl; „ḍawwar mū̱ŋəlcə, caŋıt gū̱cə: „ŋụtələkəl!“ Ahātkān ŋụtələhicə, ụmụkən mōdu lokoron hụnmi, mənin akīndulāwı tuksahıcā. Caŋıt gụniwki: „Atırkān! kə! ma! əməkəl!“ hụnmiwən ərīḍəwki. Caŋıt hụrụcə, tarīŋın hụnin lokucaḍaran, gələk təlcə ahīwə. Hunāt akīnīn gū̱cə: „Caŋıt ərī ahīs!“ Caŋıt tuksahıcā, ilə ahahıcā caŋıtpa, pəktirəcə, urāraṇ. Tụgə caŋīt tuksahıcā, ilə nəkū̱nmən gacā.

Бежала, бежала девушка, повешенный хлеб собирала. Увидала убитого младшего брата. Лодки уведены. Хлеба не стало. Проголодалась, голодная шла. Потом увидала — лось лежит. Только что медведь оставил, собрался остывшего есть. Девушка села, стала ножом резать мясо, отрезала, убежала. Шла, шла сколько-то, огонь зажгла, стала мясо жарить. Съела то, отправилась сытая. Что-то, увидала, в лодке плывет по реке. Перешла через мыс. Стала мужчину поджидать, села. Мужчина пришел к ней. „Откуда пришла, как убежала от них?“ Сказала: „Я убежала“. Поехала в лодке, немного осталось до юрт. Доехали до юрт. Младшая сестра увидала девушку: „Приехали (старшая) сестра, сестра пришла домой!“ к матери побежала. Мать вышла из дому. „Откуда пришла?“ Мать стала рассматривать пришедшую дочь.

А. Камбагир. Нгоконно

64. Чангит

Один эвенки с сестрой бродил по горам. Там на одной реке остановились. Потом брат ушел. После ухода его, младшую сестру Чангит увел. Брат, походивши, пришел домой. Оставленной дома сестры нет в доме. Брат искал сестру, пошел посмотреть на берег, увидел след на песке. Эвенки быстро взял ружье, пошел вниз по реке. Увидел — плывут. Тот эвенки побежал рядом сбоку, покричал. Крича сестре сказал: „Лодку продырявь!“ Девушка услыхала, что говорил брат, продырявила лодку шилом. В лодку стала набираться вода. Пристали к берегу. „Лодка протекать стала“, сказал Чангит: „Посери (серой замажь)“. Девушка начала собираться серить, на одно дерево повесила кафтан, сама убежала к брату. Чангит сказал: „Старуха! ну! на, держи! иди!“ к кафтану крикнул. Чангит пошел, от той (только) кафтан висит, стал искать жену. Брат девушки сказал: „Чангит, вот твоя жена“. Чангит убежал, эвенки преследовал Чангита, выстрелил, промахнулся. Так Чангит убежал, эвенки взял сестру.

S. Lontogır. Ṇēpa

65. Ḍūrpu əwənkīl

ŋrincəḍəcətin ḍūrpu əwənkīl. ŋmuḳən вicən samān. Nuŋartın mōtımāsına, asāltın əmənmuŋrə ororŋunmər. Bəjəltin suŋurə. Suŋurəktin, əmərə maŋıl, suŋuwrə asālwətin. Əmərə bəjəl, asāltın ācır, samān gūllən: „ŋəŋinəswət asālwər". Suŋurə ūḍakīttulı; ısta hujaldıkīttulā, samān gūllən gırkıtkīwı: „Si suŋuḳəl anŋulı hoktolı, вi ḍəginŋuli".

Alawullan samān gırkiwı, gūllən: „Təgəmī tuwsuḍəŋən, si вakamī, ənə ḍūlātın ŋənərə. Ukın-ka tiγdəlḍəŋən, si dīkəndəwı ŋmŋəwūrdutin, təli asāl ŋmŋəwūrwər tıwsalḍeŋātın, təli si suŋuwḍəŋəs asālwər".

Samān suŋurən. ŋmuḳən bəjə вakaran maŋılwa, alacıllan tiγdəjə. Tāduk tiγdəllən, nuŋan əmərən ŋmŋəwurdulətin maŋıl. Tigdəlləkin, asın jūrən ḍūduk ŋmŋəwūrduləwər tıwsanārən. Samān asītkīwı gūnən, iγilwətin minədən. Asīn irən ḍūlā, вəriltin, iγilwətin minərən, əmərən gūnən: „Minəm". Samān əmərən ḍūlātın, maŋıl вərilwə gara, bəjəwə wādāwər, iγiltin minəwcəl. Samān nuŋarwatın wārən, asīwı suŋuwrän.

W. Putugır. Ṇorвokō

66. Ilətīl, iləl

Bakaldıra ḍūr ŋriləhəl. ḍūktədu вicəl ḍūr hunīl. ŋmuḳən ŋrilən вicə ilətī, gē вicən iləmi. ḍuktədu вicəl ḍūr omolgīl. Nuŋartın ḍuŋgəldinəl əknilвər, ahīlcāl.

Təγəmī-nən hujāttə. Ilətil həγəncəllə, ŋmuḳənmə nulgiwə nulgikənimīl. Tar ahīwa wāptıntāmulla. Ahī tägrän nuŋanḍīn wāptıntāmuḍarīwatın. Ahī gūllən: „minə tinkallu,

---

С. Лонтогир. Непа

65. Два хозяйства эвенков

Стояли две юрты эвенков. Один был шаман. Они промышлять собрались (лося), жены их остались с оленями. Мужья ушли. Когда они ушли, пришли лесные черти (эвенки-людоеды), увели жен. Пришли мужья, жен нет, шаман сказал: „Пойдем искать жен". Пошли по тропе, дошли до раздваивания тропы, шаман сказал товарищу: „Ты иди по правой дороге, я — по левой".

Стал учить шаман товарища, сказал: „Завтра будет облачно, ты, найдя, в юрты их не ходи. Когда дождь пойдет, ты спрячься под походный лабаз, когда женщины будут покрывать тисками лабаз, тогда ты уведи женщин".

Шаман ушел. Один мужчина нашел лесных чертей, стал выжидать дождя. Потом пошел дождь, он подошел к походному лабазу лесных чертей. Когда дождь пошел, жена его вышла из юрты, пошла покрывать лабаз. Шаман жене своей сказал, чтобы перерезала тетивы их. Жена его вошла в юрту, тетивы от луков перерезала, пришла, сказала: „Перерезала". Шаман подошел к их юртам, черти взяли луки, чтобы убить мужчину, тетивы перерезаны. Шаман их убил, жену свою увел.

В. Путугир. Ербогочен

66. Людоеды, люди (эвенки)

Встретились два стойбища. На обоих было две девушки. Одно стойбище было эвенков (людоедов), другое эвенков (нелюдоедов). На обоих было два парня. Они, обменявшись старшими сестрами, поженились.

На утро же разделились. Людоеды стали шаманить, прокочевавши один переход. Ту женщину захотели принести в жертву. Женщина узнала, (что) ее принесут в жертву. Женщина сказала: „Меня пустите

tuliskï jūdəw". Nuŋanmān tinə tuliskï. Ahï tuktirən nəŋirïlə, taktukāndulā. Hamāŋitun gūllən: „Wāptinmar wākallə". Ilətï gūnən: „ācin wāptintï". Gələktəllə ilətïl wāptinmar hēwulḍï, wāptinmar albara bakaḍamï. Əmənə timānïlā ŋərildələn. Timātnə gələktəllə, hurucəl ḍūr binəl, hoktolıwı. Ahï ıssa akïndulāji.

Akïnmı ıstakın-nun nulgihincə dolbonïwə. Birawa doŋotomoktowo dakcā. Dakkānım ūḍaduwı dukcā ḍukəwə. Ilətïl birawa dakḍanal duŋnadun əjətcəl.

P. Putugir. Norbokō

67. Ilə, caŋit

Ilə bakaran ilələwə, umukəndu urinə. Təγəmïnən əmərə caŋicil. Caŋit maŋaraktāllan hunātpān, ilə būrən hunātpı. Caŋit nulgihinən, hunātpān gaḍawkı. Həwəncəllə huŋtudu ḍūdu. Hunāt āḍərəkin, ḍūr ahātkār əmərə. Gē gūllən: „Bi ərït bātkətəlḍiŋäw". Hunāt hanŋūktallän: ērakıw bātkātəlḍıs? — „Wāptintāmuḍarā hinə". Hunāt tuksahınän amïnmı hoktolın. Dolbo amïnmı bokonän „Caŋicildu ēda minə būcəs?" Nuŋartın nulgihinə. Nulgihinəl birawa dāγrə. Amïnïn bira ḍukəwən duγrən. Caŋicil, əməḍənəl, əjərə upkat.

W. Kaplin. Norbokō

68. Caŋicil

umnā nadan bəjəl əwənkïl girkuḍecāl, caŋitcenal urəlduli. Hādun əwuŋnəra ḍūkcāldulā. Pəktirəwuntin ācin bicān. Nuŋardutın bicātin ələ lukïl. Tarïŋilwar nuŋartın garpaciŋkıtın cıpıcala, hinukïla, bəjiŋäla. Hādun ḍəmukir girkuḍaŋkıtın. umnā nuŋartın

---

вон (на улицу) выйти". Ее пустили на двор. Женщина влезла на наклоненное дерево, на старый пень. Шаманы сказали: „Жертву убейте". Людоед сказал: „Нет жертвы". Стали искать людоеды жертву с лучинами, жертвы не могли найти. Оставили до утра, до рассвета. Утром стали искать, пошли вдоем искать. Женщина дошла до брата.

До брата когда дошла, откочевали ночью. Перешли замерзшую реку. Перейдя, на следу прорубили лед. Людоеды, переходя реку, в проруби утонули.

П. Путугир. Ербогочон

67. Эвенки, чангит

Эвенки встретил эвенков, вместе остановились. Завтра пришли чангиты. Чангит просватал сестру его, эвенки отдал сестру свою. Чангит откочевал, взявши девушку. Стали шаманить в другой юрте. Когда девушка спала, пришли две девочки. Вторая сказала: „Я этим буду в бабки играть". Девушка спросила: „Что со мною будет, если ты собираешься играть в бабки?" — „Тебя хотят принести в жертву". Девушка убежала по дороге отца. Ночью догнала отца. „Зачем меня отдал чангитам?" Они откочевали. Кочуя, перешли реку. Отец прорубил лед. Чангиты придя, все утонули.

В. Каплин. Ербогочон

68. Чангиты

Однажды семь мужчин эвенков бродили, разбойничая, по горам. Иногда спускались, в юрты. Ружья (у них) не было. У них были только луки. Ими они стреляли пташек, рябчиков, зверей. Иногда голодные ходили. Однажды они

wācāl hujuķunmą cıpıcawa. Tarīŋmar hılatta togodu. Hılatcakājım, bōrıtta upkattu nadandu ilәldų. Upkatwa bōrıtta, ųmuķәndų әlә abullan, tąli nuŋandun bų̄rą hılawūnma, cıwdān.

Tar, hılawūnma cıbḍana, cәkәrihinąn. Tәli nuŋanŋin ḍalın gų̄llä nōwandun: „Hi, әŋәni, kәtәwә ḍäpinni, hi әŋәni kәtәwә ḍäpinni, upkattuk kәtәtmәrwә". Wārą nōwanmān.

S. Kımā. Cirәmbų

69. Şıktowul

Şıktowul Kımā bıcān. Nuŋaŋın bıcān әjān ųmuķān — hunādīn, hutәn hulųkųn. Şıktowul bıcān şō gēlgan. Şıktowul indәcān Әgdirālnųn, әwәnkīlnųn. Nuŋan ıtıgaldʳān bәrilbi. Aşāl, icätcārī ıtıgaḍerīwa, ųlәkutşā huŋtųltikī bәjәltikī: „Şıktowul ıtıgaḍerān, mitpą wāldāwı". Bәjәl ıtıgaldʳä wāldıldāwәr Şıktowulwa. Şıktowul nųlgişidāwi ıtıgarān. Şıktowul ḍulāli tşuşnan nәkų̄nīn amarguc. Bәjәl әmųjincārә, Şıktowul nәŋinḍirą, nәkų̄nmān āmultana. Bәjәl ganacıldʳa, Sıktowul әjānin adagaran. Adagurān, adagurān uşәlwi, tāduk nuŋanmān ŋuşamtʳәwān hogişunmukān, tāduk nuŋanmā wārә. Şıktowul amaşkī hurųlәşincārān. Bәjәlnųn alcardırān nәkų̄nmān wāḍacālnun. Ganamācıldʳān, bәjәlwә әlәwәtin wārān. Tāduk bәjәl ųlәkitcārilwә aşālwә tildʳә, icәcilwątin hōŋnārә.

Şıktowul şurųrān, jajantıkī Jokonıkī. Jokonıwә ılırān, jajadān. Jokonın nadaldʳawa jajarān, jajarān. Şıktowul tәgәtcәrәn jajanḍarīdu. J okonı gų̄nān: „Nadan anŋanīl wāḍaḍundʳä, Kardakuwa wāḍәndʳä, tāduk әtәḍәndʳi wā ḍәmī. Şıluktalwan şōlıpķānḍәndʳi". Şıktowul şurųrān, wāldʳān wāldʳān Әgdirālwә, ųmuķān bәjә bakawrān Şıktowulŋācın, nuŋaŋın gәrbin Hәcumkų. Nuŋartın bәrilḍīwәr әlәḍirә, ganamācıldāwәr. Ganamātcәrә, ganamātcәrә nıpcıkılwar manaknan. Tutәkәlḍīwәr şukәlcilḍirә, ıtınmat

---

убили маленькую пташку. Поджарили ту на огне.вПоджаривши, разделили всем семи мужчинам. Все разделили, одному только нехати ло, тогда ему дали вертел, чтобы обсосал.

Тот, обсасывая вертел, подавился. Тогда его родственники сказали ему: „Ты очень много ешь, ты очень много ешь, больше всех". Убили его.

Ш. Кима. Чиромбу

69. Шиктовуль

Шиктовуль был (из рода) Кима. У него были младший брат, сестра, маленький сын. Шиктовуль был очень проворный. Шиктовуль жил с Огдырылями, эвенками. Он стал настораживать луки. Женщины, увидевши настораживавшего, наврали другим мужикам: „Шиктовуль настораживает, чтобы нас убить". Мужчины собрались убить (в драке) Шиктовуля. Шиктовуль собрался кочевать. Шиктовуль пошел впереди, брат позади. Мужчины собрались, Шиктовуль не дошел, дожидая брата. Мужчины начали стрелять, брат Шиктовуля увернулся. Увертывался, увертывался от стрел, потом стрела задела за лыжную петлю, тогда его убили. Шиктовуль обратно пошел. Встретился с мужиками, убившими брата его. Стал стрелять (друг в друга), мужиков всех убил. Потом мужики совравших женщин поняли, увиденных (увидевши их) зарубили.

Шиктовуль ушел к шаману Яконы. Заставил Яконы шаманить. Яконы семь дней шаманил, шаманил. Шиктовуль сидел у шаманящего. Яконы сказал: „Семь лет будешь убивать, Кардака убьешь, потом перестанешь убивать. В петлю от кишек поймаешься". Шиктовуль ушел, бил, бил Огдырылей, встретил одного человека, такого же, как Шиктовуль, его имя Хочумку. Они померились луками, чтобы стрелять друг в друга. Стреляли, стреляли, пока колчаны не кончились (не опустошились). Мечами стали фехтовать, никак

əwkı wārə. Ətəmī ṣukəlciḍəmī, ḍūktə ṣoŋoldırə. Ṣıktowul, alвamī wāldıḍamī, ṣuruān, huŋtulə вəjəl wāḍənā.

Əwənkīl ələtin tildʳə, Ṣıktowul вuləkətcirən. Ṣıktowul hunāḍīn Həcumkuŋulli umundu inḍəcən, umundu nulgiktəḍəcən. Nulgiḍərə daran. Ṣıktowul hunāḍın Həcumkı hunāḍīn ikəmətcənəl, ṣōkātmātcanəl. Həcumkı hunāḍīn ikəldən: „ake-jen-de Ṣıktowul cāgeje-ḍeṣ əməḍən mugdəkəcəkərə nulgışinḍəktuwi ılımnancınakan". Ṣıktowul hunaḍīn lokomıḍan nulgişinḍəktuwi ḍūmıduwı lalвokaŋılduwı nəḍən lokomılwa. Ṣıktowul gaḍan lokomılawı hunātpı ōnalwān. Huŋtul вəjəl gūnḍərə: „Ṣıktowul ēkunka hənmiptinḍən ərä dundʳawə şəgnəḍənə". Ṣıktowul dōlcatcān həŋkətcərīlвa nuŋanmān, həŋkəmēlduṭin gunḍən Ṣıktowul: „əməpcəşun". Ṣıktowul wāldʳən вəjəlwə. Bəjəlwə wāŋnərən oroktogacınma. Şamāşal jəŋərə Ṣıktowulwa, ēmat cıpkārə əŋnərən dagamārə. Ṣıktowul ḍulūḍukin ilaldʳaduk cıpkārwə mədaŋnarą, huktılıŋnarą. Ṣıktowul ḍəmūldʳən; ulвimcə вimī, ıssan вəjəwə umukənmə, ajītcā вəjunmə. Ṣiktowul nurmaran вəjəwə, garpalḍana, hanŋūktarān: „Ni вişindʳi, ni hutən?" вəjə gūnən: „Ṣıktowul hutən". Ṣıktowul ŋənərən, şoŋoldʳon hutəwi aran əşin wārə. Tagwacılmī, hanŋūktarän hutən ajīcā вəjunma. Hutən uldʳildʳən Ṣıktowulwa вəjun əptāḍənə. ulgumətşən, ulgumətşən, ḍəwrən uldʳəwə, tāduk ānŋattʳən hutənun. Tāduk nān şuruān, вuləkətcildʳən, вokonən nulgiḍərilwə əwankīlwə, Əgdirälwə, вəjə jūşnəscą ḍūdukpı. Ṣiktowul tar wārən вəjə. Bəjə Kardaku вicān. Tāduk ḍalıldaran Ṣıktowul „Əri, gugərin Jokonı" şıluktalwān, sılumäran şōlıpkāŋrən şōldʳan вəjə şıluktaldulın. Tukşaşna, halganmı uguran.

Bəjəl ūḍalın tukşaḍara, Ṣıktowul tākunduli kumŋalı irəktəli hurrän. Hurrəkinən, вəjəl ojolın tukşara. Tukşaşıldʳa tākunmə Ṣıktowul taŋrän вəjəl, hāltın əpkil giwə şōpkamātsą. Bəjəl ŋənərəktin, Ṣıktowul jūrən tākunduk, mucuşnan ḍūlāwı. Işnən ḍūduwī, inən şagdaknanmı. Ṣagdancālān вəjəl əmənсərə. Ṣıktowul tildʳən, əməḍərə вəjəl. „Minə wāḍināḍərə", hurıltikīwí gūnən: „Mişəkąldʳų! Minə wāktın, əşilə mindu ələkin əgdiwə вəjəl wācāw, şagdacāw, ətəcəw oвlog вidəmī. Şu-nun mişəkąldʳų, вi ədu alacılḍam,

---

не могут убить. Кончивши фехтовать, оба заплакали. Шиктовуль, не могши убить, ушел, убивая других людей.

Все эвенки узнали, (что) Шиктовуль бродяжничает. Сестра Шиктовуля жила вместе с сестрою Хочумку, вместе кочевала. Кочевали рядом. Сестра Шиктовуля (и) сестра Хочумку пели, состязаясь, хвастаясь. Сестра Хочумку. запела: „Братец Шиктовуль издалека идет, пеньки на месте кочевки расставляя" Сестра Шиктовуля вешало поставила на кочевке на брошенной юрте, мох положила на вешало. Шиктовуль взял вешало, сестрою сделанное. Другие мужики сказали: „Шиктовуль как будто топает, идя по этой земле". Шиктовуль услышал говорящих о нем, на слова их сказал Шиктовуль: „Притащились". Шиктовуль стал убивать мужиков. Бил людей, как траву. Шаманы прокляли Шиктовуля, (чтобы) никакой зверь не мог приближаться. Приближение Шиктовуля за три дня узнавали звери, убегали. Шиктовуль проголодался; пропадая с голоду, дошел до одного мужика, добывшего зверя. Шиктовуль подкрался к человеку; стреляя, сказал: „Кто ты, чей сын?" Мужик сказал: „Сын Шиктовуля". Шиктовуль пошел, заплакал. Сына чуть-чуть не убил. Узнавши, спросил сына, убившего зверя. Сын накормил Шиктовуля легкими зверя. Разговаривал, разговаривал, съел мясо, потом ночевал с сыном. Потом опять ушел, стал бродяжничать, встретил кочующих эвенков—Огдырылей, мужчина вышел из юрты. Шиктовуль убил того мужика. Мужик был Кардуку. Тогда вспомнил Шиктовуль „Этот, как говорил Яконы", кишки вытащил, сделал кольцо из кишек, пролез через кишки мужика. Прыгая, ногу наколол.

Мужики побежали по его следу. Шиктовуль в середину колоды (спрятался) нырнул. Когда спрятался, мужики через верх (колоду) перепрыгнули. Стали перепрыгивать через колоду, Шиктовуль считал мужиков, некоторые прыгали незаметно. Когда мужики ушли, Шиктовуль вылез из колоды, вернулся домой. Жил дома, жил до старости. Когда состарился, пришли (к нему) мужики. Шиктовуль услышал, (что) идут мужики. „Меня идут убивать", сыновьям сказал: „скройтесь! меня пусть убьют, теперь мне довольно, много людей убивал, состарился, кончил жить, не жаль. Вы-то скройтесь, я здесь подожду, чтобы

wāḍātın". Şıktowul hụrilin misərə darkındulı. Bụləşəl əmərə Şıktowul bərin tụlilą̄ lokowūndu lokucaḍarän. Bəjəl əmərə bərəwən gada, incärä nuŋanmän. Şıktowul gụ̄nən: „Əkəldʳu-kən wārə, bi həŋkətciktə şụntikī, dōlcatkallu minə". Tāduk gụ̄nən: „Minə wākạldʳə, mēwanmāw ḍəpkạldʳə. Mēwanmāw ḍəmmī, mingəcir şō ōḍaş, ēmat ətən şụnə wārə".

Bəjəl wārə Şıktowulwa təlgətşə mēwanmän, bakara mēwanīn hụŋtụtmər, ələn ıŋu. Bəjəl ŋəlildʳə əşi ḍəwdəwər Şıktowul məwanmän. Tugı Şıktowul inīn, Şıktowul mudanīn.

Ş. Kımā. Cirəmbụ

70. Nara

Gägdärā bicən Tänımə. Təgədu bargıgädu bicən Şıntawul. Nuŋartin əŋəşicīl bicətin. Gägdärā dabdattän Şıntawuldu. Şıntawul hunīlwı tiwran.

Tīmī bələgəlildʳən Narawul, Şıntawul gəncədəwi. Gägdärā Narawul şärän. Nara əŋəşit həgdimər Gägdärāduk. Gägdärā gụ́nən: „Şi dabdıḍandʳi, bi aran dabdacam". Nara ḍəkildirän. Kətə əwənkīl täwrə. Ŋənəncəşnə Şıntawulwa. Nara şụrụrän akīnan. Akīnīn əŋəşitmər gēngāməndımər bicən Naraduk. Nara gelgandımər bicən.

Jajalwə şụrụwrā, hurkəkər şụrụrä multaş bəricīlwi. Nara ışşan Şıntawul ḍūwän. Nara ḍụlą̄li şụrụrän, Şıntawul ororwōn ilbərän. Şıntawul icätnərän, ēkunḍī olonə. Icạttän, icättän ēmac ācın. Şıntawul jụ̄şşän, cīkəndırän. Cīkəndırəkin Şıntawul, Nara amargıdädun şəgdəndʳədụn ulcamätcạnə. Şıntawul ḍūlāwı ĭrän, Nara nuŋannunīn ĭrän. Şıntawul ēmac əŋnərän tildʳə, təgətcirən. Nara bēduwı təgərən. Təgəḍərəkin, Nara təgəcədu icərän. ụlgụrməcildʳə. Nara gụ̄nän: „Kərəməḍu bişim Gägdärā hunīlduli".

Amarguc əmərə ələtin əwənkīl. Haranāldʳə. Şıntawul həripcụldʳən ĭdụ. əŋəşitmər. Nara haranduwı kụllkụşnən əpkərəwə. Ələtin garalin taraşına, ələtin ụmkəktạlin bụrụrä. Şıntawul təli ēnawrän.

убили". Сыновья Шиктовуля скрылись под наст. Пришли бродяги, лук Шиктовуля снаружи на вешале висел. Мужики пришли, лук его взяли, вошли к нему. Шиктовуль сказал: „Подождите меня убивать, я скажу вам, слушайте меня". Потом сказал: „Меня убейте, сердце мое съешьте. Съевши мое сердце, сильными, подобно мне, станете, никто вас не убьет".

Мужики убили Шиктовуля, вырвали сердце, нашли совсем другое сердце, все волосатое. Мужики побоялись есть сердце Шиктовуля. Такова жизнь Шиктовуля, конец Шиктовуля.

Ш. Кима. Чиромбу

70. Нара (соб. имя—недохолощенный бык)

Гагдэра был (из рода) Танимо. На противоположном берегу реки был Шинтавуль. Они были силачи. Гагдэра поддался Шинтавулю. Шинтавуль девушек отнял.

Утром стал помогать Наравуль Шинтавуля наказать. Гагдэра знал Наравуля. Нара был силач больше Гагдэры. Гагдэра сказал: „Ты победишь, я немножко поддамся". Нара согласился. Много эвенков собрали. Отправились к Шинтавулю. Нара пошел с дядей. Дядя был сильнее (и) неуклюжее Нары. Нара был проворнее.

Шаманов увели, парни пошли лучным отрядом. Нара дошел до юрты Шинтавуля. Нара зашел вперед, испугал оленей Шинтавуля. Шинтавуль пошел посмотреть, что случилось. Смотрел, смотрел, ничего нет. Шинтавуль вышел на двор. Когда справлялся Шинтавуль, Нары позади, за его спиной вертелся. Шинтавуль вошел в юрту. Нара с ним вошел. Шинтавуль не мог ничего понять, сел. Нара на среднее место сел. Когда сел, увидел Нару сидящего. Стали разговаривать. Нара сказал: „(я) мщу за Гагдэра девушек".

Позже пришли все эвенки. Стали стойбищем становиться. Шинтавуль приметил, где сильнейший. Нара на месте юрты ударил по сухому дереву (силу показал). Все ветки вздрогнули, весь снег свалился. Шинтавуль тогда разобрал.

Tımätnạ ərildʳə diŋnilələlikĭcitin, guluwūn həgdiwạ ılara. Kaltakagıḍīn guluwūnma şamāṣạl təgərə. Bəjəl ḍawşildərə bərilwər. ụmụkən bəjə ụrgəmkərən tụtəkəlwətin, gū̧nən: „ụrgəməkəkụn Naraŋı". Tụtəkəlwətin Naraja Şıntawulnun ılıwrän. Naraŋıwa şılborärän mandʳıtmarīt. ūlgụcəmətṣə̄ ĭdiɣ ḍụlạli gāḍan, tarī şụkədə̄ḍən. ḍū̧krə tukşāncəldʳə tụtəkəlwər Naraŋı mandʳıt şılborānmucā. Nara gāscaḍalgıdan, Sıntawul şụkədəşcərän. Narawa ŋālạ hụjirən, əŋkiwạ. Nara həndʳişnən, Şıntawul aşaşnan. Əşin вokonə, amaşkī hụktildʳən, Nara вokorän, şụkədərän Şıntawulwa. Şıntawul təgəknənin əŋkiwạ nılāşnən вụrụcə. Nara mū̧cuşnən. Nara gū̧nän: „Tıkın ədu вimcəş! Bəjəmətmətkạl". Sıntawul altacıldʳan, hərkəldʳən əŋkiwi. Nara əṇĭn alıpkācıldʳạn, Şıntawuljawı вokowı daptaldʳän, gụnḍänạ: „Ər ḍējēgartın həjgən", Gāgdärā gūnən: „Bəjəmətkạl nuŋanmān". Nara əşin ḍəkildirä, əşin wāmūldʳä. Nara gū̧nän: „Gılwə-lı ṇəkəktin!" Şıntawul gū̧nän: „Mindụ ācın targācın bəjə" Şıntawul altacıldʳan: „Bụ bū̧ḍärəw şụndụ asālīşun". Nara ḍəkildırän, aşālạwı ḍū̧rwə gādan. Gāgdärā hunīlwān tiḍəlwən amaşkī gāḍıran. Hụŋtụl hụrkəkụr asīlārạ, əgdiwə aşālwa əməwrə mānŋitkĭwi dụndʳatkĭwi. Mụcuşnạ. Nara aşālwı mū̧dilwạ ugaḍana.

Şıntawul jajaltın Narawa jəŋərə, ācın hụtəwi вidən. Nara ḍū̧rdụk aşal ụmụkəməc hụtən əcə вişi. Tādukkı gərвicĭ Nara. Nara вicən ələ əŋəşi Tānımə.

Ş. Kımā. Cirəmbụ

71. Sərincə.

Şərincə ikənipkəḍirən nəŋṇə. Əgdirä вicətin əwənkĭl. Bụləşəl, ụrəgər, şəŋnə Cirəmbụtkĭ umıldʳə mū̧wə. ụmụkəntin dōldıran Şərincə cumırwān, gū̧nən: „Cumı-

---

Утром раскопали место бегов, большой костер разожгли. Половину костра шаманы заняли[1]. Мужчины просматривали луки свои. Один мужчина свесил мечи, сказал: „тяжелее Нарин". Мечи Нары (и) Шинтавуля поставил. Нарин воткнул покрепче. Договорились, который (из них) первым возьмет, тот ударит. Оба побежали за мечами. Нарин воткнут крепче. Пока Нара брал, Шинтавуль рубанул. Ранил руку Нары, большой палец. Нара побежал. Шинтавуль преследовал. Не догнавши, стал бежать обратно. Нара догнал, рубнул Шинтавуля. Когда Шинтавуль присел, большой палец снес, бросил. Нара замахнулся, Нара сказал: „Теперь здесь был бы! Давай рубить друг друга". Шинтавуль взмолился, привязал большой палец. Мать Нары стала досаждать, по заду Шинтавуля похлопала, говоря: „Вот запрятанный болотный житель". Гагдэра сказал: „Убей его". Нара не согласился, не захотел убивать. Нара сказал: „Другие пусть попробуют!" Шинтавуль сказал: „У меня нет такого человека". Шинтавуль стал просить: „Мы дадим вам женщин ваших". Нара согласился, двух жен взял. Гагдэра девушек отнятых обратно взял. Другие парни женились, много женщин привели на свою землю. Возвратились, Нара своих жен на плечах переносил через воду.

Шаманы Шинтавуля заговорили, чтобы (Нара) был бездетным. У Нары от двух жен ни одного ребенка не было. С тех пор называется Нара. Нара был последний богатырь (из рода) Танимо.

Ш. Кима. Чиромбу

71. Шоринчо.

Шоринчо устроил весною весенний праздник обновления жизни. Эвенки были (из рода) Огдырэ. Бродяги, каменные (жители правобережья Енисея) дошли до Чиромбу, стали пить воду. Один из них услышал в воде эхо Шоринчо, ска-

---

[1] Межродовые столкновения эвенков в большинстве случаев сводились к состязяниям богатырей—военных предводителей. Параллельно шли состязания в искусстве между шаманами. Роды встречались, устраивали костры. С одной стороны располагались богатыри, с другой—шаманы.

ḍarə". Ələtpar dōkcacildʳə, ələtpi iḍərə cuŋnir. ēnāwrą şolokī cuŋnirawą, şuruրə Cirəmbuwə şolokī. Ŋənərə ḍapkuldʳawa. ḍapkīdutın wāmūlḍʳą dōldıḍacāwą. Wālḍənəkār icərə oronmo cōlkāwə. Wārə oronmo, ḍəwrə. Dolboltono dōldirə əwənkīl kuղəlirwətin. Luղuriwə kuղəliḍərə əwənkīl. Timāltānākın, iləwgildʳə, jajaldʳən Şərincə. Əwənkīl ikənildʳə. Timąltāną buləşəl əgəlgərə Şərincə ḍūkānmąn. Şərincə tildʳən əgəlgəpcəląwə umnaldʳän: „ēkun cōlın gūnən? Şərincəkuղ muşuղ əgəlgəjəgdədin ḍūn tirənḍəşinən". Buləşəl gūnə: „Umnalcā!" Ganaldʳə Şərincə ḍūkānmān, ikənimnīşəlwə wārə. Şərincə dəgilcąrän şonalıwı, hatınän, şiγuղdi buruրən. Şərincə huktildʳən ninakındī. Buləşəl garpara ninakınma, ninakın buddąn. Tāduk Şərincə, kulın binə, huktildʳən. Kulīnma buləşəl ērkanḍīwar iktərə, Şərincəwə wārə, uldʳəwən ḍigḍirä, ḍigḍira Şərincə ղān umuղupiղnərän ղədụḍirä baklalta, ղān umuղupcā. Təlgətcirə ələwən, Şərincə ղān umuղupcā. Ōmīwān əղnərä bakara. Şərincə ōmīwı ḍajacā ācındu gərbidų. Okın ācıղıwān gərbijə minərə, təli Sərincə buddan.

umukən bəjə wāḍāktutın bukcəcə. Ilan buləşəl irə ḍūkānitukī. Tar bəjə aran əşin ilincara purtatpı, əksərən. Untuwūnmą gāda buləşəl,murukərə purtatpı gēlawān. Tāduk irə, əgdi binəl, kumalārwə ղədulḍʳə wānəltukīwar, gunḍənəl: „şi ərīc ənutukəl". Bəjə icərən cukşacī, gūnən: „Ər-kə ōn cukşacī?" umukəntin gūnən: „ətənnukəkunti", kumalānma ղəḍurän, däran ətədän icäbḍąmī. Gīl ḍūr hurkəkər tukşana. Asädılwa şurwə tətşą. Buləşəl gūnə: „Nuղarղiltın aşāl ēkun ḍundʳąjąn şəղəḍərə?" Buləşəl şuruրä wāḍāktukpar, umukəntin bulən gūnən: „ղəkəwi omgom". Amaşkī mucuşnąn wāḍāktukīwı, ḍūkāntukī irän. Bəjə təgətcə jōnan. Bələn tāgrän hāwı. Həղkətmāttən, tēruldārän gōcıktawān əmərən.

ḍūr hurkəkər ışşaḍalwar əwənkīlwə, janıkārwą nimgəcilcələwər, ḍəmūlcəldʳə, ulbimācələwrə ışşa.

зал: „Раздается". Все стали слушать, все услыхали эхо в воде. Приметили, что) эхо сверху, пошли вверх по Чиромбу. Шли восемь дней. На восьмой ден захотели убить слышавшегося (того, чье эхо слышали). Убивая, увидели белого оленя. Убили оленя, съели. Вечером услышали шум (от эвенкийской игры в мать-дерево) [1]. Всю ночь играли эвенки. Когда настало утро, стали греть бубны, начинал шаманить Шоринчо. Эвенки стали в круг. Утром бродяги окружили юрту Шоринчо. Шоринчо понял окружавших, стал говорить: „Чей язык говорит? Дух Шоринчо окружавших юрту собрался придавить". Бродяги сказали: „Заговорил (зашаманил)! „Стали стрелять в юрту Шоринчо, всех в хороводе убили. Шоринчо быстро вылетел в отверстие юрты, превратился в духа, солнцем упал. Шоринчо стал убегать собакой. Бродяги выстрелили в собаку, собака умерла. Потом Шоринчо, змеею ставши, начал убегать. Змею бродяги били кончиком лука. Убили Шоринчо, мясо его рубят, рубят, Шоринчо опять собирается в одно, разбрасывают по частям, опять соединяется. По суставам разбирают всего, Шоринчо опять соединился. Не могли найти его душу. Душа Шоринчо спряталась в безыменный палец. Когда палец отрезали, тогда Шоринчо умер.

Один мужчина остался полумертвым на месте убийства. Три бродяги вошли в юрту. Тот мужчина едва не бросил (в них) ножом, одумался. Бубен взяли бродяги, разодрали ножом пузырь. Потом вошли, много (их) было, разбросали кумаланы по убитым, говоря: „Ты этим вознаградись". Мужчина увидел окровавленного, сказал: „Это почему окровавленный?" Один из них сказал: „Уже кончился". Бросил кумалан, чтобы лицо не было видно. Два других парня убежали. Женские кафтаны надели. Бродяги сказали: „Их женщины на какую землю (могут) дойти?" Бродяги ушли с места боя, один бродяга сказал: „Огиво забыл". Вернулся обратно на место боя, в юрту вошел. Сидевший мужчина испугался. Бродяга узнал сородича. Разговорились, обещал притти в будущем году.

Двое парней во время похода проглотили корольки (крупный бисер), стали голодать, едва живые от голода дошли.

---

[1] Игра kunəlir „мать-дерево"—массовая. Играющие делятся на две партии: мужскую и женскую. У каждой партии свое дерево — „отец" и „мать". Подбрасывают палку. Партия, поймавшая палку, старается поцарапать дерево противной партии. Ей не дают, стараясь выбить и уронить палку. При падении палки игра переходит к другой партии.

I. Bajakī. Cirəmbu

72. Arka

Arka amīnīn bicən Mōlkōn. Nuŋan bakaran hulukutkənmə kuŋākānmə. Irgicildʳən tarā. Tāduk Arka həgdiŋə ōdan, həgdiŋə şamān ōdan. Arka umukənnun şamānnun jaŋʳamattʳən əŋəşiwi, merirān şajtaşalḍīwi. Ni əŋəşitmər. Togowo həgdiŋə ilara, nadanma əpkərəl mōlwa olgoŋnorə. Tādu jaŋʳamācildʳə. umukənmə inəŋiwe jaŋʳamāttʳə, şaman ilaran togodu şəwəşəlḍīwi. Dabdaran huŋtu şamān, ḍəgdirən gē, şajtaşalḍīwi ilarān. Arka əŋəşi həgdimər ōdan. Tutəkəcilin ilanḍār bəjəl bicəl. Ilarakin, nuŋartin gūldʳə mənŋiwər şamānmər: „Tugi biwkə". ḍəgdirān tarī şamān.

Arka ŋān huŋtutkī şamāntikī ŋənərən, ŋān huŋtu şamān turəldʳən Arkawa, gūldʳān: „Şi-kə eda tugi ŋəkəḍəndʳi əwənkīlwə mən ilatcandʳi şi?" Arka həŋkəcildʳən: „Ōn-ka mən ilatcaḍam, mənəkən turəlcən minə". Ŋān tar şamān gūldʳən: „Jaŋʳamātkā, ēkun-ka targācin bişin həgdiŋə?" Arka gūldʳən: „Şu mənəkər turəliŋnəş. Ajawrakış, jaŋʳamātkā". Ŋān togowo həgdiŋə ilara, nadanma əpkərəl ilara. Şō həgdiŋə togo ōdan. Gē ijəlin baldira, Arkaŋı baldira ijəlin tugi. Ŋāldira ḍūkrə, əŋəşilwər merildʳä, ïdu əŋəşitmər ōdan. Arka dabdıran, bodoloşşən. Əŋəşitmər həgdimər ōda şajtāşalīn. Tunŋaḍār tutəkəcilīn bicəl tar dabdaḍacā. Dabdarakin, həŋkəcildʳə tutəkəcilin: „ŋəkəḍəkis ərutşiji".

Tāduk Arka ŋān ilītin şamaşıl Putugin bakaldira. Arka kuşildʳən ḍukədu, biradu, Arkawa pışşaldʳān hojolin turkəc. Arka taptirānən hojowi, ēmac şōkşəjə ācin, hują ācin ōdan. Arkaŋıl tunŋaḍār tutəkəcilin tar şamāŋıl tunŋaḍār tutəkəcilin kuşirə ḍukədu. Dabdara Putuginŋı. Arka təgān Tanınma bicən. Arka wārən Putuginma əlāwətin. Arka Jələguḍu inḍəcən. Putugin ąwgidāląə əməcən.

И. Баяки. Чиромбу

72. Арка

Отец Арка был Молькон. Он нашел маленького ребенка. Стал растить того. Потом Арка большим стал, большой шаман стал. Арка состязался с одним шаманом в умении шаманить, мерился духами. Кто сильнее. Большой огонь разожгли, свалили семь сухих деревьев. Там стали шаманить. Один день шаманили, шаман сжег в огне своих духов. Поддался другой шаман, улетел второй [1], духов сжег. Арка значительно сильнее стал. Мечников тридцать человек было (у того). Когда зажег, они сказали своему шаману: „Тому (и) нужно быть". Улетел тот шаман.

Арка опять пошел к другому шаману, опять другой шаман стал ругать Арка сказал: „Ты-то к чему так делаешь, эвенков сам сжигаешь ты?" Арка сказал: „Как (я) сам сжигаю, сам вызывал меня". Опять тот шаман сказал: „Давай пошаманим, какой такой силач?" Арка сказал: „Вы сами вызываете. Если нравится, давай шаманить". Опять большой костер развели, семь сухих деревьев сожгли. Очень большой огонь стал. У второго выросли рога, у Арка тоже выросли рога. Схватились оба, силою мериться стали, который сильнее. Арка победил, сбежал (тот). Сильнее, больше стали духи его (Арка). Пятьдесят мечников было у побежденного. После победы стали говорить мечники: „Если бы начал раньше, хуже (было бы)".

Потом Арка опять с третьим шаманом (из рода) Путугин встретился. Арка начал драться на льду, на реке. У Арка прострелил лоб насквозь. Арка вытер лоб, нет никакой крови, раны не стало. Пятьдесят мечников Арка с пятьюдесятью мечниками того шамана бились на льду. Побежденными стали Путугины. Народ (род) Арка был Танимо. Арка убил Путугиных всех. Арка жил на Елогуе. Путугин пришел на эту сторону (с правого берега Енисея).

[1] Побежденный сжег своих духов и, превратившись в птицу, улетел.

M. Joligir. Turu

73. Nurgowul

Nonon Nurgowul вihin, gē ụrən вihin. ụrən вihin kətəkəkụn ụrilĭn. Tālāwạr əmərən Nurgowul. Tāduk ụmụkənĭn gū̆nən: „Ganātmāt!“ Nurgowul manaran вəjəŋilwən ụrənŋilwə. ụrən tuksahınan; вırawa mıkcanḍạrĭwa garparan, halganmān kaputtan. Kaputkānım, ahĭwan hụrụwrən. Nurgowul hụtəwən amākān ḍajaran, hōmama hụjụkụkənmə.

Tarāwạ irgittạn ḍapkun anŋanĭwa. ḍapkun anŋanĭn irgitkājim, ajaɣūldan, lukĭwa ōran mukutıwa, tāduk, guluwun вargıdālān ılıwkākānım, tatıgāttạn. Tādu əcə̄ nawkānä‘ cāgı amanḍī gorokonḍī ṇān tatıgāttạn. Tāduk, gorotmordulā ılıwkānım, hələmət lukīt tatıgāttạn.

Tar kuŋākān lukīdu əcə̄ nāwrə, nuŋan mıkcānạn. Jəgitin anŋanī ōdan. Jəgitin anŋanī ōdakın, tar kuŋākān mōwa ilkənmə вakaran, amākāduk hanŋūktaran: „ēkun ilkəncạ̄n?“ — „Əcə̄w hārə“. — „Amākā! ələdəkəl, hılвakal, ụlgụcəkəl mindụ̄“. Ilaran hanŋūktaran amakājı. Amakān gū̆nən: „Bultakəl ḍəwgə вəjụnə, təli gū̆nim“. Tādu вultaran kuŋākān kətəwə hōma вəjụnmə. Bultarakın, gū̆nən: „Nurgowul wācān amīnmās“. — „ēkụma hō вəjə, mōɣat вaldıḍıŋāw, hi, ətirkən, ụlgụcəkəl, ụlgụcəndəwi вaldırakıw“. Tāduk tar kuŋākān hụrụrən. Bakaran tālā jəgin ḍūwa. Bakakānım, kalılā ḍūla ĭrən. ĭrəkin, ənĭnĭn tāgəcıldạn. „Hi ēkuma kuŋākān вihindā?“ ənĭn gū̆nən: — „ēkuma вinən, əcə̄w hārə“ — „Ōn minŋi hụtəw ụrərĭ?!“ Hụtən tādu gū̆nən: „Tar-tı вihim“. — „Ətirkənmi əmərəkin, ənə ụlgụcənə“, gū̆nən ənĭnĭn: Kuŋākān gū̆nən: „Ətirkən okın əməḍiŋən?“ — „Dolвoltono əməḍjŋən“. — „ụldəjə mĭndụ вū̆kəl! hōt ḍəmmụlim, gorojo əməḍəm“. — „ụldəŋilвi taŋḍaŋān, mədəḍən, вụḍạm, ədạm-ŋụ?“.

Hụjụkụkənmə вū̆rən halganĭn ụldəwən. Adırākān mukukānım, ətərən. Tādu əmərən ətirkənĭn dolвoltono. Lōwanmı taŋdan, ḍūlājı ənə ĭrə. Taŋkanım, gū̆nən:

М. Иолигир. Туру

73. Нурговуль

Вначале был Нурговуль, (и) второй Урон. У Урона было много стойбищ. Туда пришел Нурговуль, потом один из них сказал: „Пойдемте стреляться“. Нурговуль прикончил мужчин Урона. Урон убежал; через реку в перескакивающего (Урона) выстрелил, ранил ногу. Ранивши, жену его увел. Нурговуля сына его (дед) спрятал, очень маленького.

Воспитывал того восемь лет. Восемь лет растивши, начал учить (увертыванию), сделал деревянную стрелу, потом, за костром поставивши, учил. Там не попавши, дальше позади далеко опять учил. Потом, очень далеко поставивши, железной стрелой учил.

Тот ребенок на стрелу не попадался, он отпрыгивал. Девятый год пошел. Когда девятый год настал, тот ребенок метку на дереве нашел, спросил деда: „Кто пометил?“ — „Не знаю“. — „Дед, пожалуйста, сообщи, расскажи мне“. Трижды спрашивал деда. Дед сказал: „Добудь зверя для еды, тогда скажу“. Там же добыл ребенок много сильных зверей. Когда отпромышлял, (дед) сказал: „Нурговуль убил отца твоего“. — „Какой сильный мужик, может вырасту, ты, старик, расскажи, расскажешь, когда вырасту“. Потом тот ребенок ушел. Встретил там девять юрт. Встретивши, в большую юрту вошел. Войдя, мать его узнала: „Ты чей сын?“ сказала мать. „Чей был, не знаю“. — „Как похож на моего сына?!“ Сын тогда сказал: „Тот (и) есть“. — „Старик мой придет когда, не рассказывай“, — сказала мать. Ребенок сказал: „Старик когда придет?“ — „Вечером придет“. — „Дай мне мяса! Сильно проголодался, долго шел“. — „Мясо сосчитает, узнает, дам ли, нет ли?“

Немножко дала мяса от ноги. Немножко поевши, перестал. Пришел вечером старик. Повешенное (мясо) подсчитал, не входя в юрту. Подсчитавши

„Halgan ɥldən ācɪn“. Taŋdākɪn, ɪkənɪm ḍūlāji, gʊ̄nən: „ēkun kuŋākāmɪn əməcən? ɥldəmɪ ɪdʊ bʊ̄ndä? hʊŋtʊ-ɣʊ, tawardu-ɣu bʊ̄ndä?“ Ahīn gʊ̄nən: „Tawardu bʊ̄mi, ḍəpcən“. — „ēkun kuŋākāmɪn əməcən? hōt ulɪkal, aŋaḍakān bɪnən. Həksəjə urkukal kalandu hʊjʊwdən“. Tarīŋɪn aksaran, aksakānɪm gʊ̄nən: „Hi amīmāw wāḍəwki bɪhɪndi?“ — „Ni amɪndɪ gərbɪn bɪcən? Hi mɪnŋiwə gərbɪwəw hāndɪ“. — „Ni amīndɪ gərbɪn? Hi mɪnŋiwə gərbɪwəw hāndɪ-ɣu?“ — „Hāmɪ“ — „Gərbɪwəw ŋi, hārəkɪs?“ — „Hɪnŋi gərbɪs Nurgowul“.

Mɪkcānən hōnalɪn əldʊnmə caskī. Mɪkcāndʼarīwa purtatpɪ amandɪwkānɪn. Tāduk tuksahɪnākɪn, hokordon; əmərən, hʊŋtʊlwə tətkənən tətigəlwə. Əmərəkin jəgin ḍūdu: „Okɪ bɪhis jəgin ḍū wākaldu“. Hʊwʊlitin ɥrʊttə, əcəl nawkānə. „Kə, hilə, bi-wə-li ganācīktə“, gʊ̄nən: „adaɣukaldu! mɪkcākaldu!“ Lukītukīndī wārən. ɥmʊkən hulaptan, hōŋɪtɪn hulaptan. „Amīwaw ōn wācās, tʊgi wāḍam“. Garparan ɥmʊkəlɪn wārən. Wākānɪm, ənīnmi hʊrʊwrən. Amākān gʊ̄nən: „Ələ-də hōmaja bɪhɪndi“.

I. Uwocān. Ṇorbokō

74. Nurgowul

Nurgowul gərbɪcī hōnɪŋ, garpalān bəjə bɪcə. Nuŋan ɥrɪlənə manawkɪ, bəjətkərbə wācɪwkɪ, ahatkārbə gāwkɪ mənduji. Təgəmīnin nʊlgihinən, ɪstan ɥmʊkəndulə ḍūlā. Icərən atɪrkān hʊtəji ḍawucaḍarīwān, hanŋūktaran nuŋandu: „Hʊtəs, bəjətkən-mu, ahatkān-mu?“ — „Ahatkācān!“. Nurgowul hʊrʊlḍənə gʊ̄nən: „Bəjətkən bɪmī ər, ɪlkəndʊliw əməŋnən!“

Nurgowul hʊrʊcələn, əmərən amīnīn. Amīnīn hʊtəji alawullan adaɣakīttu. Hutəji hʊnmən lukkānɪm, toɣocīt, ēllat noduncucɪwkɪ, tarɪŋɪn adaɣawkɪ. Tāduk amīnīn ōrān ɥrba, tarīŋɪtpɪ garpawkɪ, hʊtən adaɣawkɪ.

сказал: „Мяса (от) ноги нет“. Подсчитавши, войдя в юрту, сказал: „Какой парнишка пришел? Мясо какому дала? чужому или тому дала?“ Жена сказала: „Тому дала, съел“. —„Какой ребенок пришел? побольше покорми, сирота наверное. Кровь налей в котел, чтобы сварилась“. Тот (мальчик) рассердился, рассердившись сказал: „Ты убил отца моего?“—„Как было имя отца твоего? Ты мое имя знаешь? Как имя отца твоего? ты мое имя знаешь наверно“, — „Знаю“ — „Как же имя, если знаешь?“ —„Твое имя Нурговуль“.

Прыгнул в верхнее отверстие юрты за нюк. Прыгающего ножом не успел (задеть мальчик). Потом, когда убежал, потерял (его); пришел, надел другую одежду. Пришел в девять юрт. „Сколько (есть) девять юрт убивайте“. Все обрадовались, не попали. „Ну, теперь я-ко постреляю“, сказал: „увертывайтесь! прыгайте!“ Каждой стрелой убил. Один остался, сильный остался. „Как отца моего убил, так убью (я)“. Выстрелил в голень, убил. Убивши, мать увел. Дед сказал: „Теперь сильный (ты)“.

И. Увочан. Ербогочон.

74. Нурговуль

Нурговулем назывался богатырь, ловкий стрелок был мужик. Он стойбища кончал, мальчиков убивал, девочек брал к себе. Утром кочевал, дошел до одной юрты. Увидел, старуха сына держит, спросил ее: „Ребенок твой — мальчик или девочка?“ — „Девчонка!“ Нурговуль, уходя, сказал: „Мальчик это, пусть по метка моим пойдет!“

После ухода Нурговуля пришел отец. Отец стал учить сына своего увертыванию. Снявши с сына кафтан, огнем, углями бросался, тот отворачивался. Потом отец сделал стрелу (деревянную), ею выстрелил, сын увернулся.

Hutən, nurilaji ōkānim, ḍān nadan anŋanīcī binə, hururən Nurgowul ilkəndulin. Ŋənərən ilanḍārbə turganīl. Ilanḍāγīduji dōldirān kōŋalāhəl jurginḍərilbə. Icərən, tāgrən əkīnmi. Əknilīn nihuḍərə Nurgowul wānəwān bəjunmə. Əknilīn ulgucənə ĭdu biḍəriwạn Nurgowul. ḍəwrən ulləwə nuŋan, hururən Nurgowuldulā. Dagamalḍana, nurmaran kikəhinən. Nurgowul gādan nurbi urəmkəttə, gūnən: „Tuksənmi həkkəl, garpakal goroduk əməcə bəjə". — „Hi nonokol hagdımulla". Nurgowul garparən, urārən. Gē garparən həŋənmən təlləmnək. Nurgowul gēwren garparən urārän. Ge hılumārən Nurgowulba, Nurgowul gūnən: „Hagdacālāw əmənnə", nurilbi būrən, gunḍənə: „minŋəcin urinələ manawkı ōdaji".

Bəjətkən ororbon ḍawarän, əknilbi hurunwrən ḍūlāji.

N. Kaplın. Norboko

75. Ilan əŋəhil

utələ, kətə anŋanīl iltənə biḍənəduktin ılan əŋəhīl. Nuŋartın biḍəcətin ələkəs, əwənkīl ōḍarāktın.

Tar əŋəhil biḍəcəl ajamamat, əwkil upcurə, kuhirə. Ējа-wal umukəntin gūnəkin, əwkil mussərə; ējа-wal ōmūlmī, umutəl əwkil ōra, ōlıwkıl umukəndu, ulgucəmətnəl, gūldinəl. Nuŋarwatın hācāl upkat əwənkil. Nuŋargācırtın əŋəhīl ĭdu-də ācır bicəl. Bəjuhinmī, nuŋartın əmōniwkil umukənə girkījəwər. ḍūjawar ōwkıl nuŋartın hekılduk. Ilana hēkīl nuŋartın ujiwkil duwəldulitin, golomogocin, tarīŋılduwar biḍəwkil.

Nuŋartın turganītıkın tiliksiḍəwkil əŋəhīcīlə ilələ. Kətəwə anŋanīl bikəjəmīl, dōldıcāl ĭdu-wəl jākəltıkī umukən bihin əŋəhī, əŋəhītmər naŋarduktın. Nuŋartın albacāl ōn-dā bakaḍamī nuŋanmān. Tar jākə nuŋarwatın ŋān tilcə, ĭdu-wəl bihiwətin ılan əŋəhīl. Gələktilcə nuŋarwatın. Gələktılcə tar əŋəhī jākə ılanma anŋanīl, digĭduwi tilcə ajamamat nuŋarwatın. Tar jākə əŋəhīlwə bakaran, diginmə tolgokīcīl ororwo

---

Сын, сделавши стрелы семнадцати лет будучи, ушел по меткам Нурговуля. Шел тридцать дней. На тридцатый услышал звон боталов. Увидел, узнал старшую сестру. Сестры волочат зверя, убитого Нурговулем. Сестры рассказали, где живет Нурговуль. Поел мяса он, пошел к Нурговулю. Приближаясь, подкрался, свистнул. Нурговуль взял стрелы, сравнил, сказал: „Подстели подстилку, (чтобы кровь не пролилась на землю), стреляй, пришедший издалека мужик". — „Ты начни, старший". Нурговуль выстрелил — промахнулся. Второй выстрелил — колено насквозь. Нурговуль вторично выстрелил—промахнулся. Второй (выстрелил) — по кишкам. Нурговуль сказал: „Под старость пришел", стрелы свои дал, говоря: „Будь, как я, кончай стойбища".

Парнишка оленей его поймал, сестер увел домой.

Н. Каплин. Ербогочон

75. Три силача

Давно, много лет прошло после существования трех силачей. Они жили тогда, когда эвенки (только) делались (организовывались).

Те силачи жили хорошо, не спорили, не дрались. Когда что-нибудь один из них говорил, не противоречили. Что-нибудь желая делать, по одиночке не делали, делали вместе, разговаривая, договариваясь. Их знали все эвенки. Подобно им силачей нигде не было. Отправляясь промышлять, они оставляли одного товарища. Дом они строили из лиственниц. Связывали они вершины трех лиственниц, как балаган, в нем жили.

Они ежедневно узнавали о сильных мужчинах. Много лет прошло, услышали, (что) где-то есть у якутов один силач, сильнее их. Они никак не могли найти его. Тот якут о них также услыхал, (о том, что) где-то живут три силача. Стал искать их. Искал тот силач-якут три года, на четвертый узнал хорошо о них. Тот якут силачей искал, на четырех санных оленях ехал

hukтiwuscə dolbonīwə, tirganīwa, nuŋardulātin. Nuŋan ororwo garan tar-ḍarın, dabdıḍamī nuŋarwatın həlinḍī hukтiwuhindəwi nuŋarduktın. Ələkəs ıhılcā nuŋarwatın. Ihılḍana, icərən hēkīl ujicəl duwəldulitin, ḍūtāḍaŗa.

Tar jākə ŋələlcə hōmat. „ēkurdulā əməm?“ Ujitcə ororwı, ïcə nuŋardulātin. ḍūduwar bıḍərə ılanī. ḍūtın hōmama aja. Bajakākunḍī bıḍərə, kətə ḍəptilətin. ïkəjim, dorowaran nuŋarnuntın. Hōmamal ajaltın bıcəl, iləməhəl. ulilcəl nuŋanmān. ulgucəmātcəcəl dolbodolōn. Tādu ānŋatcā nuŋardutın. Tımātnə təgəcəl unəkəkun, cātīcəl okırā-dā.Təγətcəkəjəmīl, umukən ılanduk əŋəhīl gūlcə əməməktədu jākədu: „Andagī, əŋəhīlbər urəmkətkət, antı bimcə“. Tar jākəŋıtın urərən. Jūlcəl diγni. Ņōwut ḍawaldıran amŋatcawkı əŋəhī. Tar amŋatcawki bıcə upkattuk hagdımar. Ḍawaldıra jākənun əŋəhīnun. Jākəŋın nōdacā nuŋanmān arakūkān. ḍawaldıcā duluγıtın nəkūntin. Ņān nōdawcā jakəŋduwı. Əhīlə əmənmucə nəkūndiγitin. Tarīŋıtın bıcə akmıldukkı əŋəhītmər. ḍawaldıcā jākənun. Tar jākəwa uγircə uγiskī, nōdacā nuŋanmān.

Tarıptıduk nuŋartın taŋılla mərwər upkattuk əŋəhitmərilḍi. Jākəŋıtın həlinḍi hukтiwuscə ḍūlāji, dabdakājım. Dabdıdawkı əŋəhī akmılīn tikulcəl, dabdamī jākədu. Ahılgacīlcāl nuŋanmān, wādāwər.

Nuŋ rtın ḍūtin dagadun bıcə hujukūkən hərəlgən. Tar hərəlgənduli bolo ahadara jākəŋītın mōtīwa. Upkattuk hagdamarīŋıtın akīntın gacā pəktirəwūnmi, urmāscā tar jākəwa. Daγamākanım, pəktirəcə nuŋanmān, tādu-dā wācā nuŋanmān, hurucə ḍūlāwı.

Tarīptıduk tırganīduk əŋəhītmər nuŋarduktın ïdu-də ācın bıcə.

N. Monahow. Iŋārigdā

76. Cərə

Ilanḍār ŋamaḍıl anŋanīl amaskī bıcən ilə, gərbicī Cərə. Nuŋan ələkən biŋəhin, hōniŋ Ərcəkən wācān əŋīnmən, amīnmān. Hulapcān nuŋan amākānun. Hōniŋ Ərcəkən manawkı bıcən okıja-dā urinəhəl. Hōniŋīl nonon urəmkəciŋnərə

ночь (и) день к ним. Он взял оленей для того, чтобы, победивши их, от них скорее ехать. Наконец дошел до них. Доходя, увидал: лиственницы связаны вершинами, юрту составляют.

Тот якут сильно испугался: „К чему пришел?“ Привязал оленей, вошел к ним. В доме живут трое. Дом очень хороший. Богато живут, много еды. Войдя, поздоровался с ними. Очень хорошие были, гостеприимные. Накормили его. Разговаривали до ночи. Там ночевал у них. Утром встали рано, пили чай несколько раз. Посидевши, один из трех силачей сказал пришедшему якуту: „Товарищ, перекинемся, каков ты есть“. Тот якут согласился. Вышли четверо. Вначале схватился спросивший силач. Тот спросивший был старше всех. Схватились с якутом силачом. Якут бросил его слегка. Схватились с средним братом. Опять бросил якут. Теперь остался самый младший. Тот был сильнее старших. Схватились с якутом. Поднял того якута вверх, бросил его.

С тех пор они стали считать себя самыми сильными. Якут скорее побежал домой, побежденный. Победивший силач рассердился на братьев за то, что поддались якуту. Стали нагонять его, чтобы убить.

Около их юрты был маленький марник. Осенью в том марнике якут гонял лося. Самый старший брат взял ружье, подкрался к якуту. Приблизившись, выстрелил в него, там же убил его, ушел домой.

С тех пор сильнее их нигде не было.

Н. Монахов. Ингаригда

76. Чоро (большеротый)

Триста лет назад был эвенки, по имени Чоро. Он младенцем был, (когда) богатырь Опчокон убил его мать, отца. Остался он с дедом. Богатырь Опчокон кончил (разбил) сколько-то (очень много) стойбищ. Богатыри вначале сравнивали луки

bərilbər, tāduk garpatmācilиŋnarə okiduk-kal giraktal, gulдikājimil. Həgdənnəlduтin biŋnərən ŋipcik. Tar ŋipciktu biŋnərə ɖūr-bəl, ilan-mal ŋamaɖil ŋuril. Tar ŋurilbar manaknan əmī nawkāldira, ajarāldiwkil.

Amākān hutəji, həgdikān ōrakin, alawulcān adaγakīttu. Nonon hutəji nōdunculcān togocīt, ēllat. Hutən toγō həkuduкin hətəkəniŋkin. ēlladuk adaγawki ōrakin, tulərən lukī duγədun togocīwa ēllawa, tarīŋitpi garpacīlcān. Adagawki ōrakin, garpacīlcān lukīt, tariŋit əwki umnəmət nawkāmura.

Təli nuŋandun bicān nadan anŋanīn. ɖapkīduji anŋanīduji ūɖassān Əpcəkān ilkəndulin. Amākān hilbacān īdu biɖərīwətin. Cərə tērucān amākāduji nadallali əməɖəji, nadallali ərəkin əmərə, ədən alattə.

Ilallawa ŋənərəkin, istan ɖūrɖānnulā, gūnən: „Ni ədu wācā amīnmāw, əŋinməw əwəskī əməγin!“ Əpcəkān gūnən: „Hitānmə dilbi gulinānnā“. Cərə gūnən: „icətcəp əhī awadi binə kəɖənnə“. Əpcəkān gūnən: „Ni nonoɖon?“ — Hi nonokol hagdimulla!“ Əpcəkān ilanma lukīl garparan ulbultə, Cərə adaγaran. Cərə gūnən: „Tar ələs-pu?“— „ējē ələptə“. Tāduk ōdan Cərə garpatkīcīn. Umnə garparan—cuŋurādun, gētpi — hələmədun, ilītpi—omkotodun. Cərə upkatpa wātcān, ələ ɖūrbə ahāl; ahālawi hulacān, upkatpān ororwōn, idiγəlwən gācān.

Tuγ gurkuɖana, nuŋan gācān diginmə ahāl. Tāduk nadan ahācī ōcān. Bajan ōcān hawamnīlīn bicətin, nuŋan ŋuŋə bicən. Nadanduk ahāl nadan hutəlin bicətin: umukənŋin ōcān Kundəγir, gēn Paŋarakaj, ilīn Moŋgo, digin Hacakaγir, tunŋīn Hicəγir, ŋuŋin Oluwul, nadīn Putuγir. Tar nadanduk omolgīldukin baldicātin əwənkīl Kātəŋgādu.

Cərə, amākāmīlmī, hurуwuŋkin hukəcənmi ɖāntunŋa huntəl ōɖaŋawə gidawi. Nuŋan, hurunənə dagamamī, gidaduwi tipkəniwki, diramduγja calbakānə hōŋna.

Nuŋan ənə ŋələttə əməŋkin hurunənduləə. Amākāl əməlləktin, umutəlɖī gidalūɖana, ojoliwki, nōdawki.

свои, потом начинали стрелять друг в друга на расстоянии скольких-то шагов, договорившись. На спинах у них был колчан. В тех колчанах было две или три сотни стрел. Примирялись (только тогда, когда) те стрелы (кончались, когда) не попадали.

Дед, когда внук подрос, стал учить его увертыванию. Вначале бросал во внука углем с огнем. Внук от горячего огня отскакивал. Когда увертывающимся от огня стал, натянул (дед) стрелу с огненным углем на конце, той стрелял. Когда увернулся (внук), стал стрелять стрелою, не мог той сразу попасть.

Тогда ему было семь лет. На восьмом году пошел по следу Опчокона. Дед предупредил, где их местожительство. Чоро назначил деду притти через семь дней; если же не придет через семь дней, чтобы не ждал.

Три дня прошло (когда), дошел до десяти юрт: „Кто здесь убил моего отца, мою мать, пусть сюда выходит!“ Опчокон сказал: „Зря голову подставляешь“. Чоро сказал: „Посмотрим теперь, который возьмет“. Опчокон сказал: „Кто начнет?“ — „Ты начни, старший!“ Опчокон спустил три стрелы под ряд, Чоро увернулся. Чоро сказал: „Это последняя?“ — „Да, последняя“. Тогда настала очередь Чоро стрелять. Раз выстрелил — в пуп, второй — в сердце, третий — в лоб. Чоро всех убил, только двух женщин (оставил); женами (себе) оставил, всех оленей, все добро взял.

Таким образом кочуя, он взял четырех женщин. Потом стал иметь семь жен. Богатым стал, работники были, он хозяином был. От семи жен было семь сыновей: один стал Кундогир, другой Пангаракай, третий Монго, четвертый Хачакагир, пятый Хичогир, шестой Олувуль, седьмой Путугир. От тех семи парней выросли эвенки на Катонге (название реки).

Чоро, на медвежий промысел отправляясь, уносил топор, из десяти фунтов, сделанное копье. Он, приближаясь к лежбищу медведей, насаживал копье на вершинку срубленной березки.

Он, не боясь, подходил к лежбищу. Когда медведи подходили, по одиночке прокалывая, через голову бросал (их).

Idų-wəl nuŋandukın daγat bidəcəl tunŋa ibḍərīlīn. Tar ibḍərīlduląn əməcəl ḍān ḍəptīl, gūlcəl: „Əbilwət! mundu ajamama əbiwūnmųn bihin“. Əmərə əbiwūntin bidərən. Tar əbiwūntin ōpcā tərgəksəduk haku, ųmųrųcī. ḍəptīl, tarīŋdulāwar ugduḍanal, iŋəktəḍəwkil hųkųnəḍənəl. ḍəptīl jūrəktin, ugduhına Cərə ibḍərīlīn. ḍəptil upkatpa təktərə, ələ ųmųkən bəjətkən hulapcā.

Təktəkəjimīl, nųlgihicəl Cərə hoktolın. Bəjətkənmə tihųwkəndəcəl. Olgadutın huptıcāhıcā. Dolbonīwa ŋənəkəjim, bokocō Cərəjəwə. ųlgųcəcə, on ḍalwān wānəwətın.

Dəptīl əməcəl Cərələ, gųlcəl: „Əbilwət!“ Cərə gūnən: „ēē əbimcəltə!“ Əmərə əbikittulətin. Cərə gūnən: „Hų hāpkālluwar, icəwkəkəllų ōn əbiwkə!“ ḍəptīl upkat ugduhına, Cərə hanŋūktaran ḍəptīlwə: „ųmųrųwən ēŋnarə?“—„Tānmukā!“ Cərə tānān, upkatwa təktərən; bəjətkən, təktəḍiḍənə, gūnən: „Tųgə təktəḍəcəhųn əŋīŋəwə“.

Tāduk Cərə nųlgicən Nātājə, gərbicī urə, daγadun. Tādu biḍərəkin, əməcən aŋgarşkaj hōnıŋītın, hanŋūktalcān Cərəduk bəjəŋələ. Cərə hılbacān Nātājə ojotkīn. Tımātnə hųrųrə ḍūktə. Təli Cərə hagdacā bicən. Nātājəwa tųktikəjimīl ųmųkəndų copkōkōdu Cərə gūnən: „Omolgīl həlkiltin ōcāl“. Tųγ gūkəjim, hōγıcān dıramduγwa calbakānmə, tipkəcə gıdaduwı. Ŋənəḍənəl, icətcəl ḍān ḍapkunma amākāl. Gırkīn amardu otma ōcā. Cərə ŋənəcə amākāldulā gūnḍənə: „ųmųtəlḍī, bəjəl“. Əmərīklətin gıdalānə, ojoliji nōdawkı. Tųγ gıdaḍana, upkatwa manacā. Icəssə gırkīji, tarīŋın īdųdə ācın, tuksascā, tųktəlin aran icəwrə. Cərə ılallawa higḍəcə.

Gırkīn ıssā dolboltōno, gūcə: „ųgdųhinḍacān amākāl dulındulātın, īdų tərəḍən“. Təli hųtəlin ōlcāl ųurīlawar, gųnḍənəl: „Amīnmawun ḍəwrə, bu nuŋardutın icəwkənḍərəw“.

Cərə diγidųwi tırganīduwı, hādātin ḍalīn inḍərīwān, həγdəγməmə amākā ohıktalwān nıkımnadun ūjjicə ŋınakınduJı, kaŋālləγācın, gūcə: „Ŋənəḍəkəl“. Mānin ıssä dolboltōno. Əməcə guluwūndulāwı, aksakājım gırkīdukkı. Tımātnə Cərə gūcə: „Tar

---

Где-то недалеко от него жили пять родственников. К тем родственникам пришли десять людоедов, сказали: „Поиграем, у нас хорошая игрушка есть“. Пришли к игрушке. Та игрушка сделана из ровдуги, закрытая, обшитая. Людоеды, влезая в ту, смеялись, вылезая. Людоеды, когда вышли, влезли родственники Чоро. Людоеды всех перебили, только один парнишка остался.

Перебивши, откочевали по дороге Чоро. Парнишку заставили итти впереди. Во время задержки (он) сбежал. Ночь пройдя, нагнал Чоро. Рассказал об убийстве родственников.

Людоеды пришли к Чоро, сказали: „Поиграем!“ Чоро сказал: „Да, поиграем!“ Пришли к месту игры. Чоро сказал: „Вы, знающие, покажите, как надо играть!“ Людоеды все влезли. Чоро спросил людоедов: „Что делают с тесемкой по обшивке?“ — „Надо стянуть!“ Чоро натянул, всех перебил; парнишка, поколачивая, сказал: „Так били (вы) родителей.

Потом Чоро откочевал поближе к горе, называемой Натайо. Когда там жил, пришел ангарский богатырь, стал спрашивать у Чоро зверей (итти на промыслы). Чоро указал на вершину Натайо. Утром пошли вместе. Тогда Чоро был стар. Влезши на вершину (Натайо), Чоро сказал: „Парни (медведи) свежие следы понаделали“. Сказавши так, отрубил толстую березку, посадил на копье. Идя, увидал восемнадцать медведей. Товарищ остался позади. Чоро пошел к медведям, говоря: „По-одному, мужики (подходите)“. Подходящих (к нему) насаживая на копье, бросал через голову. Так закалывая, всех перебил. Посмотрел товарища, того нигде нет, лез, следы его едва виднеются. Чоро обдирал (свежевал) три дня.

Вечером товарищ дошел, сказал: „Влез в середину медведей, где (там) выдержит“. Тогда сыновья его сделали стрелы, говоря: „Отца нашего съели, мы им покажем“.

Чоро на четвертый день, родня (чтобы) узнала, когти от самого большого медведя привязал на шею собаки, как ботало, сказал: „Иди“. Сам дошел вечером. Пришел к костру, рассердившись на товарища. Утром Чоро сказал:

вəjə ŋihuḷḍiγin, sārī". Ŋihuŋnnəl əməwrə. Dolвoltono urkamiŋnarə. ərirə Cərəwə, tarīŋiтin əwki əmərə. ḍəpilcələtin, əmərən Cərə, icərən kalandu həγdəγ amākā dılwān, purtajı urıskājım, arkına, nōdarən ŋınakındulājı.

Aŋgarskajīl вūrə ajarāldıwūnawar hunātpar Cərə omolgīdun.

A. Muсujir. Tōkma

77. Aŋaḍakān

ŭmnā ŭräncädäcātin iləl, kətənnuḳāḳun. Bəjaŋiltin gırkuḍanal, aγılı, mōtī näkąwąn icärä. Əmərä ḍūldulāwar ŭlguсənə upkattıkī вəjaltikī, gūnə: „Təmi suruḍälləp, вəjuhinḍälləp nuŋanmän".

Tādu вicąn ŭmuḳən aŋaḍakān, nuŋanŋīn вicąn əŋīnīn, nuŋartın вiḍaŋkitin ḍūkcakändu. Bicątin nuŋarŋıtın ororтın. Nuŋandun вicątin anŋanīŋılīn ḍān nadanduk häläkä.

Bəjəl tımätnə вəjuhinmī surŭwrä nuŋanmän. Əməllä mōtī näkąląn. Upkat вəjąl surŭwuсillä hərəlihinə mōtīwa. Mōtī hälärän dulındutın. Bəjąl ılıtcaŋkıl icəwŭltə, ədąn mōtī huktillä. Upkat ərällą. Mōtī huktiktəllən tartıkītänə. ŭmnət huktillän tartıkī, kuŋākäntıkī. Tar kuŋākän icərän huktiḍəriwą mōtīwa, ajat ītılärän lukīwı. Mōtī huktiräkin dāla, nuan nəmkərän. Mōtī huktillän caskī. Bəjąl əmərä nuandulän, kərä təpŭlimmän, gūnḍänąl: „вəjunmą surŭwrąn! däräwą вihiwą, urärän mōtīwa! alвaḍana вimī, əmcą əməḍärä! Nī-wąl ədu ılıtcā вimcą". Sōt nuŋanmän təpŭrä, ımannadu həkimnərə nuanmän, ojolın gırkura suhınuhal. Mänəkər surŭrə ḍūltıkīwar. Əmərə ḍūldulāwąr, əmərə əŋīnduląn, kapura ḍūwatın, upkatwatın ororwotın imməkilwątin; mänəkər nulgihinə caskī.

Əŋīnīn вillän əmuḳin. Əhin gorowo вirə, icərän aran əmətciräп huтən. Əŋīn hanŋūktallan: „Əḍąną əmąnmuсąs?" Nuŋan gūnän: „Minä aran əhi wärä, вi nəmkim

---

„Тот мужик пусть притащит, знает". Приташивши, принесли. Вечером сварили в котлах. Позвали Чору, тот не пришел. После еды их пришел Чоро, увидал в котле большую медвежью голову, вытащивши нож, насадивши (на его голову), бросил собаке.

Ангарские дали для примирения сыну Чоры дочь (свою).

А. Мучуир. Токма

77. Сирота

Однажды кочевали эвенки, много юрт. Мужчины их, идя по лесу, заметили след сохатого. Пришли домой, рассказали всем мужчинам, говоря: „Завтра пойдем промышлять его".

Там был один сирота, у него была мать, они жили в маленькой юртенке. У них были олени. Ему было больше семнадцати лет (от семнадцати больше).

Мужчины утром увели его промышлять. Пришли на след лося. Все мужчины стали расходиться, окружая лося. Лось остался в середине их. Мужчины стояли на виду (друг у друга), чтобы лось не убежал. Все закричали. Лось побежал куда-то. Вдруг побежал по направлению к парнишке. Парнишка тот увидал бегущего лося, хорошенько натянул стрелу. Когда лось бежал вблизи, он опустил стрелу. Лось убежал дальше. Мужчины подошли к нему, стали бить, говоря: „Зверя упустил! Под лицом (под носом) был, опустил лося! Если бы не мог, не приходил бы! Кто-нибудь здесь постоял бы". Сильно его били, в снегу затоптали его, по нему ходили на лыжах. Сами ушли домой. Пришли домой, к его матери, сломали юрту, всех оленей торсуки; сами откочевали дальше.

Мать осталась одна. Немного прошло, видит, едва идет ее сын. Мать спросила: „Не остался?" Он сказал: „Меня едва не убили, я выстрелил

motīwa, nuŋan caskī huktillän. Nuartın minə təpurə; əŋa icänäwät! ərkäw urärä, ajat nämkicäw". Icänälūnə, əmərə nämkidäktälän. Mōtī huktilcän caskī üdalın. Dämakıwa ūdara, icərä mōtī hukläläran wäwcä. Nuartın higrə nuanmän. Tädu billä. Kuŋäkän ajat awgararan, wälläп mōtıla, wärän kətəwə. Nuartın birə gorokökunma. Kuŋäkän gūnan əŋīntikīwi; „əŋa, bi nuarwatın icänäktä, ēja-kət ōdara". Əŋīnīn gūnan: „Nuartın sinə wädäŋätın". — „Bi ətəm dūldulätın ŋənərä, bi ələ sıpkıtcaŋäm". Sururän, ŋənəŋaŋki hoktolı, ŋənərän gorowo. Tälä icərän dūlwatın. Umundu dūdu ələ too dəgdədərən. dū daadun ılıtcırän dəlkän. Dəlkändu huklädärä kətə ulləl. Nuŋan əmərän daalä, ajat icəcillän. Icərän dəlkändu huklädärä ilәl ŋälältın, dılīltın. Nuan darıwıt icätcän, mucuhinän. Əmərän əŋindulawi, ulguçanan. Əŋīnīn gunän: „Miti surŭwät! nuŋartın mitwa wänädällä". Nuŋan gūnan: „Bi nuarwatın icullildälim". Adıllakäna birə, nuŋan icänähinan, əmərän, icərän dəlkändu ulləl ocäl adıkūkan. Nuan əmərän əŋīndulawi, gūnän: „əŋa! nemat surŭät ədŭk. Kamakän əmədällä, nuartın ullənilwal manalcäl". Nuŋartın sururä, gorokökunma ŋənərä, tädu billä. Hutən gūnan: „Əŋa! bi icänäktä, ēja-kət ōdara nuartın". Sururän, əmərän biäktulawar, icärän too dəgdədärän. Əmərän daalä, icärän dūr bəjal ıyıtcara, hınaldutın inijicädärä umutal ŋälal. Nuan icətcäŋkin bəjal təərä, sılacılla ullənilwal. Irrəkitin, dapillä; manamī abuliwra, upculla, kuhillä. umukən bəja wärän. Kuŋäkän nurmäran, nämkirän, wärän gēwa, əmərän əŋīndulawi, gūnän: „Bi nuarwatın wām" dūkca biällä.

A. Putugır. Ŋəkənnə

78. Aŋadakän

utələ bidəcətin ilәl, hältın bicətin ilətīl. Tar ilətīldu atırkän hutənun. Atırkän hutən bicən bəjətkən ələkəs ildərī. Tar atırkän bicən bajan, kətəməmə bicətin ororīn. Ilətīl tar atırkänma hutənunīn dugiwkil bicətin.

в лося, он убежал дальше. Они меня били; мама, пойдем посмотрим, не промахнулся же, хорошо выстрелил". Пошли смотреть, пришли к месту, где целились (стреляли). Лось убежал дальше по следу. Немного прошли по следу, увидали, лось лежит убитый. Они ободрали его. Там стали жить. Парень хорошо поправился, стал бить лосей, убил много. Они жили долго. Парень сказал матери: „Мама, их пойду посмотрю, что делают". Мать сказала: „Они тебя убьют". — „Я не подойду к их юртам. Я только подгляжу". Ушел, шел по дороге, шел долго. Там увидал юрты их. В одной юрте только огонь горит. Около юрты стоит лабаз. На лабазе лежит много мяса. Он подошел поближе, хорошенько посмотрел, увидел, на лабазе лежат человеческие руки, головы. Он кругом посмотрел, вернулся. Пришел к матери, рассказал. Мать сказала: „Пойдем мы! они придут (и) нас убьют". Он сказал: „Я посмотрю". Немного дней прошло, он пришел посмотреть, пришел, увидел на лабазе человеческого мяса немного. Он пришел к матери, сказал: „Мама! уйдем скорее отсюда. Скоро придут, они мясо кончили! Они ушли, долго шли, там стали жить. Сын сказал: „Мама! я пойду посмотрю, что они делают". Ушел, пришел на свое старое стойбище, увидел—огонь горит. Подошел поближе, увидел—двое мужиков спины греют, на понягах у них привешено по одной руке. Он смотрел, мужики сели, стали жарить мясо. Когда было готово, стали есть; когда кончили, нехватило, заспорили, стали драться. Один мужик убил (другого). Парень подкрался, спустил стрелу, убил второго, пришел к матери, сказал: „Я их убил". Вдвоем стали жить.

А. Путугир. Нгоконно

78. Сирота

Давно жили эвенки, часть их были людоеды. У тех людоедов — старуха с сыном. Сын старухи был парнишка, впервые ходящий (встающий на ноги). Та старуха была богата, много оленей было. Людоеды били с сыном старуху.

Ilətil bolo gɨrkuktalla, mötimäcillə. Gɨrkuktaḍanal mötiwa ahılgara. Gɨrkuktakäjimil, dolboltono əmərə ḍükcälawər. ḍalduwar ŋlgucəllə, gunnəl: „Bu mötiwa ahılḍaraw oŋkodu. Gŭmättə: „Təgəmi ilbənəhinḍəŋəlti kətə binəl".

Təɣəmiktəḍin, timätnə ilbənəhinə. Atɨrkän hutən bərbi ajamamat takustan, lukiduwi tulərən kirəktə oŋoktowön. Timätnə hururə, kətə binəl, atɨrkän hutəwən hurŭwrə. Hururə mötiŋar ilbənəhinə, ŋənərə, tar ista. Iskäjimil, gŭmättə: „Murälə ilnähiwät, ŋmukən ilbəliyin mötiwa, əcə icəmətirə". Mötiŋitin huktirən atɨrkän hutəlin, tar hurkəkəndŭli. Hurkəkən garparan huktiḍəriwə motiwa hajälə. Gəjəwŭŋniran, lukilöwi ŋənərən, luki duɣən häksəkən öcä. Bəjəl əmərə tar hurkəkəndŭlä, gŭllə: „ennə?" — „gəjəwŭnim". Hurkəkənmə gŭllə: „Hargi hutən, motiwa ŋnŋinni" Ilətil upkat hurkəkənmə duŋillə, həkimnəllə, gŭnḍənəl: „Mötiwa ŋnŋinni". Hurkəkənmə aran əcəl wärə. Dukkäjimil hururə ḍülawər. ḍuwar ihiksal, hurkəkən əŋäkäwən ŋän duŋillə. Duŋrə hömamat, aran əcəl wärə. Hurkəkən dolboltono əmättən aran ḍülawi.

Timätnə ilətil nulgihinə upkat, atɨrkän ororwön upkatwän hurŭwrə, mərduwər gara, atɨrkänmə hutənunmə əmənə ḍükcäduwar. Hutən gŭnən: „Əŋäkä, hurŭwät mötiwa gəjəwŭnrilâw, näwkänmucä bimi, bussəlnən. Ŋənətcəhinmät mötiŋi ŭḍalin". Hururə, ŭḍaḍanal; ŋənəḍənəl, ḍəmŭllə. Hutən icərən koksicänmə, tara garparan, wärən. Tarinŋar ḍəpittə, ŋän hurutcəhinə idigəlwər uɣatcanal. Ista mötiŋar ŭḍalin. Mötinŋar ŭḍalin hururə. Tar ŭḍalin ŋənərə goromomowə. Mötiŋitin togotcə, häksəcï binə. Ŋän hururə ŭḍalin. Ŋənəḍənəl mötiŋar ŭḍalin, icərə mötiŋitin hukulədərən bucə. Hömamat urunə, gunḍənəl; „əksərï bŭrən". Mötiŋar higrə, ḍəpillə. Mötiŋitin burgukäkun, imuksəcïkäkun. ḍəpḍənəl, inättə goromorwön biḍəktuwər. Atɨrkän hutən bultallan, mötilwa wärən.

B. Əḍən. Urmï

79. Sodu Sordoncō Sōldanï

Ələkəs dunnə potomöskïgacin öḍarakin, ŋaŋŋa kumalanŋacin nödawcä öḍaŋahin. Dulin dunnədu umun mata baldiḍacä. „Cə!" gundən — ninan äcin. „Ədə!" gundən—gɨrkïn

---

Людоеды осенью отправились промышлять лося. Идя, лося выследили. Пройдя, ночью пришли домой. Родственники стали рассказывать, говоря: „Мы лося выследели на пастбище". Договорились: „Утром погоним, многие будучи (много нас)".

На утро пошли гнать лося. Сын старухи лук свой хорошо поправил, на стрелу насадил нос дятла. Утром ушли, много собралось, сына старухи увели. Пошли гнать лося, шли, до того дошли. Дойдя, договорились: „Кругом пойдем, встанем, один пусть пугает лося незаметно". Лось побежал к сыну старухи, к тому парнишке. Парень выстрелил в бежавшего лося не совсем хорошо. Ранил, к стреле пошел, на конце стрелы кровь. Мужики пришли к тому парнишке, сказали: „Что сделал?"—„Ранил". Парню сказали: „Чортов сын, лося упустил" Все людоеды стали бить парня, топтать, говоря: „Лося упустил". Парня чуть не убили. Побивши, ушли домой. Дойдя до дому, бабку парня стали бить. Сильно били, едва не убили. Парень вечером едва пришел домой. Утром людоеды отправились в кочевку, увели всех оленей старухи, себе взяли, старуху с сыном оставили в юртенке. Сын сказал: „Бабушка, пойдем к месту, где лося ранил, не может быть, чтобы не попал (попался на стрелу), умер вероятно. Пойдем по следу лося". Пошли, идя к следам; идя, захотели есть. Сын увидал кукшу, выстрелил в нее, убил. Съели ту, опять пошли, таща скарб. Дошли до следа лося. Пошли по следу лося. Долго шли по тому следу. Лось сидел окровавленный, увидели—лось лежит мертвый. Сильно обрадовались, говоря: „Бог послал". Лося ободрали, стали есть. Лось жирный, сала много. Поевши, долго жили на стоянке. Сын старухи начал промышлять, лосей убивал.

Б. Эдян. Урми

79. Соду Сордончо Солданы

Вначале земля шару подобна становилась когда, „небо кумалану подобно брошено было (в то время). На средней земле один богатырь родился. „Чо!" чтобы сказал — собаки нет. „Друг" чтобы сказал — товарища

ācın. „Nəkū!“ gundən — nəkūnīn ācın. „Amī!“ gundən — amīnīn ācın. „Əŋə!“ gundən — ənīnīn ācın. Tar mata gərвin вicə — Sodu Sordoncō Sōldanī mata. Ər mata вiḍəcə əmuḳəkən. Tımānītıkīn ər-də təgənə, вəjuktəwki вicən. Tar mata ələsmə вəjŋəmən вicə. Tar mata ḍugidəlin ḍūr dəktiləlkən cıwkācən ḍūrəkən əhin dawsıhına, digin halgacī вəjŋə digrəkən əhin hətəkənə. Tar mata soma atircə вicə.

Umnəkən mata ŋōɣutpı, gēwanma ŋəpcuhuḍənạ, təgəcə. Ər mata ḍəвuḳsəkən ətərən, mənin kamujran ajamat tətilвi. Matakān вimī ŋurwı gaksākān, ŋtəndukki jūrən. Jūḳsəkən, tərgəcin ŋənəksəkən ŋtəntikīwi tŋrəcillən: „Baldınaw utənmı! goroli, dagalı prolostı! prostı ōgın! Əduḳkər nadan ḍār, ḍapkun ḍār anŋanī dōgıdālın əhikiw əmərə, вucən gunсədəwi“.

Ər matatkān вimī ŋənəwkəndəcə вicə. „Dərim“ gunərī, dərim — əŋəhin ācın. Ər matatkān ŋənəḍənə, вakaran goroptımı hoktorōnma. Tāduk вəjəl ūḍalвatın вakaran. Ūḍawān icənən вicə, muḳu huklənəgəcinin вicə. Ər вəjə hoktorōndōlın ŋənəḍəcạ. Tar ŋənəḍənə, вəjətkən вimī ḍaldạḍạwkı вicə: — „Ōn вiktə? Əmuḳin вaldıcaw, dunnə ojodun əmuḳəkən. Tikin dagamaran icəŋətiw dunnə ojodun вaldıcal вəjəlвə“.

Tikən вinə, ŋənəḍəcə gunḍəcə: „Minduk əŋəhītmər вəjə dunnə ojodun ācin“. Ər вəjə ŋənəḍərəkin, ḍulgidədun ēkun-ka həgdiŋəmījə dəptikī əməḍəcən. Ər вəjə вimī okin-kat əcin ŋələllə, вəjə ŋələlcə. Dəptikī əməḍərī вəjə gunḍərän: „Alakə ōdan! Mindu mən ḍəptiləw amŋalāw əməḍərən“. Ər вəjə gunḍərän: „Sī ōn-da əŋəhī вimī, umnəkəmə ətənnī ḍəptə. Tar-da вihikin, mit ḍūksə bakaldımātcəŋət. Sō sōlвar sāmātcıŋāt“. Ər вəjəl вimī kuhin təkənin ku-ku вiwki. Ər вəjəl вimī tar dunnəŋdu-wər kuhilḍərə. Ər-kən, tar-kan kuhiḍəcəl вicəl. Ahunma-dā kuhinəwər əcəl sārə. Umnəkən toktomōr ōksākār, taŋḍacāl вicəl kuhilnəwər. Kuhilnətin ōcā ılan ḍār anŋani. Tāduk caskī ər matal kuhiḍərə. Kuhiḍənəl, mata вimī gunillən: „Toktokol! вolkojkol! ōn-mal ŋəkəksəkən minəwə inəkinḍī sulakal!“ Ər awaɣē вimī, əwki dōl-

---

нет. „Братишка“ чтобы сказал — брата (младшего) нет. „Папа“ чтобы сказал — отца нет. „Мама“ чтобы сказал — матери нет. Того человека имя было Соду Сордончо Солдоны богатырь. Этот богатырь жил одиноко. Ежедневно рано вставая, промышляющий был. Тот богатырь первейший промышленник был. Того богатыря впереди двукрылая пташка дважды не взмахнет крыльями, четырехногое животное четырежды не отскакнет. Тот богатырь очень старый (много живший) был.

Однажды богатырь передовым вторично вперед собираясь итти, проснулся — встал. Этот богатырь, есть кончивши, сам собрал хорошо одежды свои. Богатырь будучи, стрелы взявши, из юрты вышел. Выйдя, немножко пройдя, юрте своей сказал: „Рождения моего юрта, долго ли, коротко ли (на долго ли, на коротко ли), прости, прости пусть будет. С этих пор семьдесят, восемьдесят лет спустя если не приду, умер — думай“.

Этот богатырь будучи быстро пошел. „Устал“ если сказать, устал — силы нет (устать не может). Этот богатырь, идя, нашел далекую, старую тропинку. Потом людей следы нашел. След выглядел как бы кабарги от лежания. Этот богатырь по тропинке пошел. Так идя, богатырь будучи, думал. „Как буду? один родился, земли на поверхности одинешенек“. Теперь приблизилась необходимость увидеть на поверхности земли родившихся людей“.

Так будучи, шел, говорил: „Меня сильнее на поверхности земли человека нет“. Этот человек шел когда, перед ним что-то большущее навстречу шло. Этот человек будучи никогда не пугался, (но здесь) человек испугался. Навстречу идущий человек говорит: „Вкусно стало! Ко мне сама еда в рот идет“. Этот человек говорит: „Ты как бы ни силен, сразу не съешь. Так, если будет, мы вдвоем схватимся! Очень сильного (из нас) пересилим“. Этих людей будучи драки причина кукиш был. Эти люди будучи на той земле стали биться. Так (и) этак бились. Сколько (времени) битва была, не знали. Однажды остановку сделавши, подсчитали бой свой. Бой их шел тридцать лет. Потом дальше эти богатыри бьются. Дерясь, богатырь будучи заговорил: „Остановись! подожди! как-нибудь принимаясь, меня живым оставь“. Это чорт будучи не слушает.

dıra. Gəgdəkmə ụmụtəkənḍĭ koltoḍowkı bicən. Ər mata bimĭ ərĭksən mudanĭn ōdan. Ər matatkān bimĭ tụrəcillən: „Bĭ akĭnmĭ Oluktuk Ōrdancā Ōldanĭ, mata, dōldıḍakal! Bĭ ərĭksəw mudanĭn ōdan. Awaγē minəwə ərĭksəwəw tĭtəllən. Ōn-mal ṇəkəksəkən, mulan ōrĭ ōmĭ, bıhanākạl".

Tādukkar tụrənın əḍəlin ətərə, hərgụ dụnnəduk əməḍərən ig. Tādukkar gorowodo əḍəlin ōda, akĭnĭn əmərən. Akĭnĭn gụ̄llən nəkụ̄ntikĭwi: „Nəkụ̄ ələkəhipti bakaldınadu dorowojo dōldıkal. Targacın əŋəhĭwi ācinmān sāksākān, ēdā kụhılcəs?" Akĭnĭn bimĭ nəkụ̄nmi awaγēduk tĭtərən. Akĭnĭn bimĭ awaγıŋın ılarākān əḍəlin koltoro, turəcillən: „Eda, baγas, sĭ tikən əŋəhĭ ōcās, toktokol, bolkojkol, ōn-dä əŋəhĭ bicəliwi, bĭ ərĭksəwəw əkəl tĭtərə".

Akĭnĭn bimĭ gụnḍərän: „Bĭ baldıcāw dulın dụnnədụ awaγē ajmakan manadāwı". Tādukkar Ōldanĭkān mata bimĭ awaγıŋı ərĭksəwən hōgıllan. Hōgıḍana, gụ̄nən: „Nəkụ̄ əməkəl awaγıŋı dılwān hōkkal. Hōgıksākān mụgdəkəndu tipkəkəl awaγıŋı dılwān". Ər matal bimĭ awaγıŋar wāksakār, dərụmkiḍəụ̈ərə. Tādukkar nuŋartın ụlgụcəməcillə: „Sĭ, nəkụ̄, irtikĭ ajaŋahincas?" „Bĭ əmụkəkən ŋənəhincəw. Tar ŋənəḍənə, awaγēwa bakaldıksākān, kụhilcəw. Kụhiliksəkən, minəwə wāksāllākın, sinəwə əricəw, mĭnəwə bihadās". Akĭnĭn gụnḍərän: „Sĭ irtikĭ ḍaldānạtkĭwı, ŋənəkəl! Ekunmal uha ōdakın, minəwə ərĭŋnəkəl, ahun-da gororo bugadu bimĭ, sindulə əməḍəŋəw. Bĭ hərgụ dụnnə awaγıwān manāḍıŋāw. Gə! nəkụ̄, goroh, dagalı prostı ōḍagın".

Sōldanĭ mata bimĭ gụnḍərən: „Akĭ bĭ goro dulın dụnnə hərəwən kuptuhınāmĭ ŋənəḍəm". Ər bəjə bimĭ akĭnacē, nəkunəcä hụjəldirə.

Sōldanĭkān mata bimĭ ḍụləskəkĭ mən ụ̄ḍawi ŋənəḍərən. Ər-kə, tar-ka ŋənəḍərəkin mata, ḍụlgidədun ēkun-ka dıgınāḍərän. „Edu bagas, uha ụmŋụ əməḍərən? Ekụnmı gıləktəmĭ ṇəkəjəḍənni ḍụnnə ojolin? Hitəməwə dụnnəwə maradāḍạnnı! Mụkənŋəcin mụnụḍıŋəs ūdawı mudandun. Tākənŋəcın taŋaḍıŋās!"

Однако по разу кулаком ударяет. Этого богатыря будучи дыхание конец настал. Этот богатырь будучи заговорил: „Мой старший брат Олуктук Орданча Олданы (за глотку хватающий) богатырь, послушай. Моего дыхания конец настал. Чорт мое дыхание отнимает. Как-нибудь собравшись, жалеющим сделавшись, выручи".

После того (как) слово его еще не окончилось, из нижней земли идет звук. После того долго еще не прошло, старший брат пришел. Старший брат сказал младшему брату: „Братишка, при первой встрече здорово, послушай. Об отсутствии силы зная, зачем начал биться?" Старший брат будучи младшего от чорта отнял. Старший брат будучи чорта трижды еще кулаком не ударил, (тот) заговорил: „Для чего, силач, ты так силен стал, остановись, подожди, хотя и сильным бывая, мое дыхание не отнимай".

Старший брат будучи говорит: „Я родился на средней земле, чтобы чорта народ прикончить". Потом Олданыкан, богатырь будучи, чорта дыхание стал рубить. Рубя, сказал: „Братишка, приди чорта голову отруби. Отрубивши, в пенек всунь чорта голову". Эти богатыри, будучи чорта убивши, отдыхают долго. Потом они разговаривать стали: „Ты, братишка, куда путешествовал?" „Я один шел. Так идя, чорта встретивши, биться начал. Бившись, меня когда убивать (чорт) собрался, тебя позвал, меня чтобы выручил". Старший брат говорит: „Ты куда думаешь итти, туда иди! Что-нибудь худое если будет, меня зови, на какой бы далекой земле я ни был, к тебе приду. Я нижней земли чорта пойду прикончить. Ну, братишка, долго ли, близко ли, прости пусть будет".

Солданы, богатырь будучи, говорит: „Брат, я далеко средней земли дно чтобы обыскивать итти, пойду". Этот человек будучи с братом старшим, с братом младшим расстались.

Солданы, богатырь будучи, вперед по своему следу идет. Так (и) сяк шел когда богатырь, впереди него что-то раздается. „К чему, силач, плохой дух (запах) идет? Что искать собираешься земли на поверхности? Зря землю портишь! Как кочка на болоте сгниешь, следа своего на конце. Как колода рассохнешься!"

Sōdanīkān mata вimī tikunawı sōdun nəmkuḍuliwi naran əcə pəhirgərə, dıram-
duliwı naran əcə dälpəgərə. Sōldanīkān вimī mən ŋurwı gaksākān, ugiskəki cəkər-
ḍənə, turəcillən: „Bī ŋurkānmı hīmät dəgrī dəktiləcī ōksākān, minəwə вokonmuksākān,
tar kihıtcarī ahākānmą вokonmuksākān, nuŋanŋunīn kihıtnawān вokondōw". Ər mata
вimī ŋurwı tinḍərən. Tiniksōkān, mən ōn-da ōnawı əcēn sārə. Ṇurin вimī nuŋanmān
ōduk-ta hīmät dəgiwḍərən. Sēnın вimī nuŋanmān cıgınaḍaran. Ehadukın вimī tuksa-
kīgacının вihi ēnamutkān tikcərən. Ər вəjətkən вimī ər-kən, tar-kān dəgḍərən.
Ər mata вimī dəgnəwi mudandun ılḍaran. Tikunan вimī iltəncə. Ər mata вimī dərim-
kiḍərən. Dərimkiḍənə ḍaldācəḍərən, ŋənədəwi dılaca jūptutkīn. Gorowo-kon ənə
ḍaldāḍärä, вəjətkən вimī ŋənəwkənḍəhinən. Ər вəjə ŋənəḍərəkin, amargīdādun tuksu
вaldıḍaran. Gorokot əcə ōda, tarkān-dat вokonıllan. Umun вəjənḍə — tar awaγıkāt
əməḍərən. Umun əγuhinḍa вicə ukcakīn. Tar вokonḍorī вicə awaγē omolgın.
Nuŋan turətcərən: „Bī sinəwə ədu ḍəвḍiŋəw ūḍaduwı əŋəhījəwi".

Ər mata вimī gunillən: „Sī minəwə əkəl ḍəptə. Minəwə bōkanawı gakal. Bī
sinəwə, ōn gunərīwəs dōldıḍiŋāw". Awaγīŋın вimī mataŋı turənmən dōldıran, bōka-
nawı nuŋanmān gadan. Ər mata вimī tar əγuhinḍagān mudanaja ācın muŋitcaran.
Əγuhinḍagın sərḍīwən manaran. Sulaptan umukəmə gıramnan. Ər mata gugdanḍa
ŋrəwə tuktihinən, ŋrəŋi ojolōn ıscana, вəjə вimī əγuhinŋi dılwān tonŋolıran. Awaγın-
ḍaŋı oluktukın ḍawaran. Awaγıŋı tardat wārən.

Ər mata вimī mən ūḍawı ŋənəḍəhinən ḍuləskəkī. Tar ŋənədərəkin, həgdiŋəmijə
hoktorondulā ıscaran. Ər вəjə вimī ēkunma-kat ənə sarə hoktorondolın ŋənəwkən-
ḍəhinən. Mata guncəḍərän ḍalduwı: „Ūḍa вiksəkən mudacī вiḍiŋən. Ər вəjə вimī
ər-kən, tar-kān ŋənəwkənḍədərən ḍuləskəkī. Tar ŋənəḍərəkin ḍulgidādun sōma aja
cuturın cuka ōḍaran. Calвar mōltın, вdannaltın gilвəkəcillə. Tāduk icənən ḍuləskī
sōma aja digin kiricī ḍūnḍa ōdan. Ər вəjətkən вimī dıldulāwı iktərən, mən kırakucān
omolgīcan ōdan. Kırakucān omolgī ōksakan, ḍūnḍatkī tuksaḍaran. Bəjətkəcən

---

Солданы, богатырь будучи, гнева своего в силе (от силы) тонкие кишки
едва не порвал, толстые места свои едва не лопнули (едва удержал от лопания).
Солданыкан, будучи свои стрелы взявши, вверх нацелившись, заговорил: „Моя
стрела быстро с крыльями полета сделавшись, меня в догоню унося, ту оскорбля-
ющую маленькую женщину догнавши (до той донеся), с ней за оскорбление
ее рассчитаться чтобы (я)". Этот богатырь будучи стрелу пускает. Пустивши,
сам никак действие свое не понял. Стрела (его) будучи его отсюда быстро
понесла (он за конец стрелы держался). В ухе (ухо его) будучи свистит. С глаз
его будучи, как заяц слезка скатывается. Этот человечек будучи так (и) сяк
летит. Этот человек будучи полета своего в конце останавливается. Гнев бу-
дучи прошел. Этот богатырь будучи отдыхает. Отдыхая, думает, чтобы пойти
солнца на восход. Долго же не думая, человечек будучи (в далекий путь)
отправился. Этот человек шел когда, позади его туча выросла. Много еще не
прошло, кто-то нагонять стал. Один человечище — то чорт идет. Один бычище
был верховой его. Тот нагоняющий был черта сын. Он говорит: „Я тебя здесь
съем, на следе твоем силу (покажу)".

Этот богатырь будучи заговорил: „Ты меня не ешь. Меня слугою возьми.
Я тебя, как говорить будешь, слушать буду". Чорт будучи богатыря слова
послушался, слугою его взял. Этот богатырь будучи того бычища без конца
бил. Бычища круп кончил (забил). Остался только один костяк. Этот богатырь
на высокую гору влез. До вершины горы дойдя, человек будучи бычью голову
оторвал. Чорта за глотку схватил. Чорта тогда же убил.

Этот богатырь будучи своей дорогой пошел вперед. Так шел когда,
большущей дороги достиг. Этот гость, будучи ничего не зная, по дороге
долго пошел. Богатырь думает в уме: „След будучи с концом будет". Этот
человек будучи так (и) сяк долго идет вперед. Так шел когда, впереди
очень хорошая зеленая трава делается. Берез стволы, листья поблескивать
стали. Потом в виду его впереди очень хороший четырехгранный домище
стал. Этот человечек будучи по голове ударил, сам маленький мальчик стал.
Маленьким мальчиком ставши, к очень большому дому бежит. Мальчиком

вимӣ, ḍūlā ısnan. Sōma вaran вəjə uruwupcā. Tar ḍūnḍalā ïnən вicə. Sōma вaran вəjə ajmakın uruwupcā. Tādu awaγınḍa ahīlāḍaṛan dılaca hunātpān. Mit вəjəŋit bōkanḍa ōdan. Tāduk nuŋan sōma вaran tiγəlвə cukcaran. Awaγıŋın вimī ukullan. Tıkulıksākān, nuŋan Soldanıwa tuliskī ahaḍaran. Sōldanī nuŋantukīn gunḍərən: „Sī ekunma gilāmī, ēdawı, minəwə tuliskī ahacınnı?“ Mata вimī gunḍərən: „Kuhidəwi əjəttəkıs, kuhigət! Bī sinəwə вaγas icədəwəs, icəwkəndiŋəw“. Ər вəjəl вimī kuhilḍərə. Kuhicəl, kuhiḍərə, kuhıḍərə, kuhiḍərə, kuhiḍərə, tādukkar awaγıŋın multıllan. Awaγıŋın вimī gunillən: „Sī minəwə ōn-mal ŋəkəksəkən, əkəl wārə!“ Sōldanīkān вimī awaγıŋı turənmən əcə dōldıra. Gorowo-kot əcə nəkcərə nuŋanmān, tar-dat wārən.

Sōldanīkān awaγıŋı wāksākān, dılacaŋı hunāḍın ḍūlan ŋənəḍərən. Sōldanīkān ıscarakın, dılaca hunāḍın gunillən: „Sī dulın dunnə вəjəŋin ōksakān, minəwə awaγıdu əcəs вu̯wkənə amīnmāw“. Tādukkar Sōldanī nuŋanmān ulgumillən, nuŋanmān ahīlāmnāk. Ahākān вimī nuŋantukīn ŋənənŋət ōdan. Sōldanī dılacaŋı hunātpān ahīlāraṇ. Adıllakūnma вiksəkən, Sōldanī gunḍərən ahītkīwı: „Bī nān ḍūcī вicəw. ḍūwi garandāna, adı-kat ḍān anŋanī ōdan. Tikin mit вī ḍūlāw ŋənəhinərītttut-tə ələkin ōdan. Sī amīnnī sinəwə tinḍiŋən-də, minŋun ŋənəlḍədəs?“ Hunāḍın gunḍārān: „Bī nānā ədu amīnŋunmı вimī, aγunmulım, gəgdəkmə umun вugadu вihīwi. Tikin вī sinŋun ŋənərīw inəgīgıw ōdan“. Ahākān amīnīn hunāttuwı ḍūr murınma вələktirān. Sōldanīkān mata ahīŋunmı ŋənəhillən ḍūtkīwı. Ŋənəhilḍənə, Sōldanī hunāḍıŋı amīntikīn gunillən: „Tikin sī, вī amīnmagacınmı ōksākān, əmənmulinni. Tikin goroh, dagalı porostı ōgın. Ədukkər caskī вakaldırīl ōdap-ku, əhip-ku?“

Nuŋartın вimī ŋənəhillə, amahıpkıwı ūḍawı ŋənəhinä. Nuŋartın вimī murındī gorowo-do əcəl surura. Sōldanī ḍūn ōdan daga. Sōldanīkān вimī gunсəwki: „Bī tirḍīmən sōma gorowo ajanŋacāw. Tikin, ḍūlawı ıstuw inikinḍi ōḍaran“. Nuŋan ḍūwi ıscana, turətcərən: „Gə! ələkəs ıstūdu вaldıcā utənmi dorowōjä dōldıdakal!“ Nuŋan вimī utə, uhamı utəndulən ıscaran. Akīnīn nuŋanŋın nonon əməcə ḍūlāwı. Ər вəjəl вimī umundu вaldıḍara.

будучи до дому дошел, очень много людей собрано. В тот дом вошел. Очень много людей народа собрано. Там чортище женится на дочери солнца. Наш человек слугою стал. Потом он очень много чашек разбил. Чорт будучи рассердился. Рассердившись, он Солданы вон гонит. Солданы ему говорит: „Ты что требуя, чтобы что сделать, меня вон гонишь?“ Богатырь будучи говорит: „Если биться попросишь, побьемся! Я тебе, силач, морду твою покажу“. Эти люди будучи начинают биться. Бились, бьются, бьются, бьются, бьются, потом чорт обессилел. Чорт будучи сказал: „Ты меня, хотя собравшись, не убивай“. Солданы будучи чорта слово не послушал. Долго его не держал, тотчас же убил.

Солданыкан, чорта убивши, солнца дочери в дом идет. Салданыкан дошел когда, солнца дочь сказала: „Ты средней земли человеком ставши, не дал моему отцу отдать меня чорту“. Потом Солданы ее стал уговаривать за него замуж выйти. Женщина будучи должна была пойти. Солданы солнца на дочери женился. Сколько-то дней прошло, Солданы говорит жене: „Я тоже с домом был. Дом свой бросивши (с тех пор, как бросил) сколько-то десятков лет прошло. Теперь нам в мой дом итти пора пришла. Твой отец тебя отпустит ли, со мной чтобы пошла?“ Девушка говорит: „Я также здесь с отцом живя, соскучилась, всегда на одной земле будучи. Теперь моего с тобой отъезда день настал“. Женщины отец дочери своей двух коней дал. Солданыкан гость со своей женой отправился к своему дому. Уходя, Солданы девушки отцу сказал: „Теперь ты, подобно отцу моему ставши, остаешься. Теперь долго ли близко ли, прости пусть будет. Отсюда дальше встретимся ли, нет ли?“ Они будучи отправились, по старому следу идя. Они будучи на конях долго не шли. Солданы дом стал близко. Солданыкан будучи думает: „Я пешком очень долго путешествовал. Теперь до дому дохожу живым“. Он, до дома дойдя, говорит: „Ну! На первом приходе родившая (меня) юрта здорово услышь!“ Он будучи до юрты, до худенькой юрты дошел. Старший брат его раньше пришел домой. Эти люди будучи вместе живут (растут дальше).

C. Slepcowa. Sahalın

80. Kıldınakān

Dulın dunnədų ųmųn əttikātkən, attıkān bicəl. Tar biḍərəktin, ųtətin baldicā. ųtətin baldırakın, amtulīn ųŋtutiṛa, buga bəjŋəwən ārirə. Əttikən gū̆nən:

„Ṇəri, ŋərä! ŋəri, ŋərä!
Bī ųtəw gərbijən bųkəllu!“

Umųn ətti gərbiwən gū̆nən:

„Kālä, kälä! Kālä, kälä!
Bī bū̆ḍəŋəw sī ųtəs gərbijən,
ųtəs gərbin bigin —
dulın buga kıldınakānän!“

Tar siwajbawa, ḍəwųksəl upkat sųrųrų ḍūlāwər ųtətin ųmnəkən gū̆nən:

„Kāldiŋərə! Kāldiŋərə!
Bi, amī, ŋənəktə
jənəwə bargıskī!“

Əttikən gū̆nən: „Ṇəri, ŋəri! ųtə əkəl ŋənərə. Tādu bihin so sardak nakıta. Bilır bī kųhiksə, əcəw kējra tar nakıtawa“. ųtətin gū̆nən; „Kāldiŋərə! Kāldiŋərə! Bī nuŋandulān ŋənəḍəŋəw“. Tar gū̆nəkin, əttikən bū̆rən bərjən. Kıldınakān mata ŋənərən. Jənəwə tųktirən. Tar tųktiksə, icənən, bīhin təwųktə. Tar təwųktəlbə ḍəptän. Ḍəwḍərəkin, nakıta amardukın ŋurmaḍaran. Kıldınakān bərbi gaksa, pəktirərən. Nakıtan onda əcə ora. Nakıtan gū̆nən: „Dulın buga əttikən ųtən əməcə“. Kıldınakān gū̆nən:

Ч. Слепцова. Сахалин

80. Кильдынакан (ловкий человек)

На средней земле один старичок, старуха жили. Те (когда) жили, сын (их) родился. Сын (когда) родился, родители зашаманили, земли зверей созвали. Старик сказал:

„Нёри, нёре! Нёри, нёре!
Моему сыну имя дайте!“

Один тигр имя сказал:

„Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Я дам твоему сыну имя,
сына имя пусть будет —
средней земли ловкий человек (кильдынакан)!“

Так свадьбу отъевши (на празднике угостившись), все ушли домой. Сын их однажды сказал:

„Кильдынёро! Кильдынёро!
Я, отец, пойду-ка (отправлюсь-ка)
за реку (на противоположный хребет)“.

Старик сказал: „Нёри, нёри! сын, не отправляйся. Там имеется очень страшный медведь. Давно я, подравшись, не поборол того медведя. Сын сказал: „Кильдынёро! Кильдынёро! Я к нему пойду!“ Тот (когда) сказал, старик дал лук. Кильдынакан богатырь-человек пошел. На гору влез. Взобравшись, увидел — ягода есть. Ягоды поел. Когда ел, медведь сзади подкрадывался. Кильдынакан, лук взявши, выстрелил. Медведю ничего не сделалось. Медведь сказал: „Со средней земли стариков сын пришел. Кильдынакан сказал:

„Bĭ sinəwə wāḍiŋāw“. Nakıta tukullan. Tar gūnəkin, nuŋanmān ahaktallan. Kıldınakāndu pokōjba əcən bū̆rə. Ahaktacā, ahaktaran Kıldınakānma. Kıldınakān buddəwi ŋəkərən, soŋoron: „Kıldiŋərə, Kıldiŋərə! Sĭ nakıta bĭ əŋənĭ ədərduw tuwəhinni. Nĭ əməksə, minəwə adḍiŋān?“ Tar gunḍərəkin, ugiskəkĭ turən dōldıwran. Icərəkin, ḍū̆r ahātkār ŋaŋŋadu dəgḍərə. Tar dəgḍənəl umun ahātkān gūnən: „Guḍəjwə baraksan matawa nakıta ḍəvḍiŋən. Əkĭ nuŋanmān ŋənəwgət ḍūlāwar!“ Əkīnīn gūnən: „Ekunmān nuŋanmān karajīnni? dulın buga bultirkəwən. Bĭ-ləkə ətəm karaja, sĭ karajkal!“ Tar gūnəkin, nəkūnīn Kıldınakānma gadan. Tar amarduktın nakıta gūnən: „Mula! ḍəpŋətwəw ŋənəwrə“.

Kıldınakan ŋənəwḍənə gūnən: „Sĭ ahātkān ĭlə ŋənəwḍənni minəwə?“ — „Bĭ sinəwə ŋənəwḍəm ḍūlāwı“.

Ahātkān ḍūlāwı əmuwuksə, gūnən:

„Gē, gēŋ! gēŋ, ŋəj!
Ərä-kə gūnäm:
Kıldınakān mata,
sinəwə ḍəwumcə nakıta.
Bĭ sinəwə əməwum,
bĭ gərbiw Məŋunkən.
Bĭ akĭnmĭ bihin —
dulın buga Awdanıkānīn“.

Kıldınakān gūnən:

„Kälḍiŋərəj! Kälḍiŋərəj!
Ahātkān Məŋunkən
ēda minəwə əmuwcəs ər bugalā?
Amīnmī, ənīnmī soŋoḍiŋātın,
minəwə buriksəl“.

„Я тебя убью. Медведь рассердился. Так (когда) сказал, начал его преследовать. Кильдынакану не давал покоя. Преследовал, преследовал Кильдынакана. Кильдынакан умирать собрался, заплакал: „Кильдынёро, Кильдынёро. Ты, медведь, на мою молодость сильно нападаешь. Кто, придя, меня спасет?“ Так когда говорил, сверху слово послышалось. Когда посмотрел, две девушки в небе летают. Так летая, одна девушка сказала: „Красивого очень богатыря медведь съест. Сестра (старшая), его снесем домой?!“ Сестра сказала: „К чему его спасешь, со средней земли негодного. Я-то не стану спасать, ты спасай“. Так (когда) сказала, младшая сестра Кальдынакана взяла. После того медведь сказал: „Жаль! Еду (добычу) унесли“.

Кильдынакан, переносясь, сказал: „Ты, девушка, куда меня несешь?“ — „Я тебя несу домой“.

Девушка, домой принесши, сказала:

„Гэ, гэнг! гэнг нёй!
Это-то скажу:
Кильдынакан-богатырь,
тебя съел бы медведь.
Я тебя принесла,
меня звать Монгункон (серебрышко).
У меня брат (старший) есть —
средней земли Авданикан (листочек)“.

Кильдынакан сказал:

„Кильдынёрой! Кильдынёрой!
Девушка Монгункон
зачем меня принесла на эту землю?
Отец (мой), мать (моя) будут плакать,
меня потерявши“.

Kıldınakān mata Məŋunkạ̄n ahātkānmạ ahījawı gadan. Adı-da anŋanīwa bıksə, ụmnəkən baḍıkır, ələkəs dılaca jụ̄ḍərəkin, tụksə koŋnomo jụ̄rən. Tụksụ ḍapkalın icəwrəktin, həgdigəndḍə dəgi dəgḍərən. Tar dəgḍənə tụrəttən:

„Gēŋī, gēŋə! nəkụ̄ Məŋunkən!
Cajja bəlinnəkəl!
tụrgən, tụrgəndḍī!
Mata hamattan amardukıw".

Abdanındạ mata dagamaran ḍūlāwı, ŋān tụrəttən:

„Gē-ŋē, gē-ŋō-ō! Gēŋə, gēŋə!
Sīkən ḍūdus ēkun matan bihin?
Tụrgạndḍī gụ̄kəl:
ïdụk əməcə mata bəjə?"

Abdanındạ əməksə, iwəktụwi dōran. Məŋunkạ̄n ahātkān tụrəttən:

„Gēŋ, gēŋ ŋəəj! Gēŋ, gēŋ ŋəj!
Akın Abdanı tar matadu
bï ŋənəcəw attıkāŋjān.
Tar mata dulın buga Kıldınakānın!"

Abdanı mata tụrəttən;

„Gēŋı, gēŋə! gēŋı gəŋəj!
dulın buga bụltirkən-kə!
Eda bï nəkụ̄nməw gacās?
Bï acınduw ənə mindụ ụlgụmụrə.
Bï sinəwə dərəwəs əttäḍiŋəw!
Jụ̄kəl ḍūdu̇kkı kụhigət!"

Кильдынакан-богатырь девушку в жены взял. Сколько-то лет проживши, однажды утром, когда солнце только что взошло, тучка черная вышла. Тучки края когда показались, большая птица полетела. Так, летя, заговорила (запела):

„Гэни, гэнё! Сестра Монгункон!
Чай приготовь
скорее, скорее!
Богатырь догоняет позади".

Абданиндя-богатырь подошел домой; опять заговорил:

„Гэнё, гэнё! Гэнё, гэнё!
В твоем доме какой богатырь есть?
Скорее скажи:
откуда пришел богатырь-человек?

Абданиндя, придя, на поленницу сел. Монгункон-девушка заговорила:

„Гэнг, гэнё-нэй! Гэнг гэнг-нэй!
Брат Абдани, к тому богатырю
я пошла старухой (женой стала).
Тот богатырь средней земли Кильдынакан!"

Абдани-богатырь заговорил:

„Гэни, генё! Гени, генёй!
Средней земли негодный!
Зачем мою сестру (младшую) взял?
В мое отсутствие (и) не сказавши мне.
Я тебе морду разобью!
Выходи из дома! Побьемся!"

Kıldınakān mata ŋələlcə. Əhin ḍūdukkı jū̱rə. Məŋunkən gū̱nən:

„Geeŋ, geeŋ gē-n̡əj!
Kıldınakān matakān!
ēkundukın ŋələlinni?
jū̱kəl tu̱rgənḍī! ku̱hikəl“

Kıldınakān mata ḍūdukkı jū̱rən. Nurbı ganaja, tu̱rāttən:

„Kildiŋərə mata-bəjə
ilicərəkis, bī-də mata sōŋın bihim!
Gə! əhılə ku̱hiɣət!“

Matal ku̱hilla. Kıldınakān mata Abdanınḍawa kejran. Ahīn əməksə, gū̱nən:

„Gēŋ, gēŋŋəj mata Kıldını!
akīnmāw əkəl wārə“.

Ahīn gū̱nəkin, Kıldınakān əcə wārə akīnmān. Ilanī ŋənərə ḍūlāwər.
ḍū̱r anŋanī ōdan, ōn akīnīn əməcən. u̱mnəkən siksə ədin ədinillən, tigdə tigdəlləŋ
Tar tigdəcələn icərəktin, murılkān bəjə dəgḍərən. Tar dəgḍənə tu̱rāttən:

„Nıkı, nıkı, mata Abdanakın!
Ərdə sinəwə bakam,
niməwu̱m sindu̱lā.
Ahīwı gənnəm.
Aja-gu əjəḍin,
uha-gu əjəḍin
bu̱diŋəs nəkū̱nmi?“

Кильдынакан-богатырь испугался. Не вышел из дома. Монгункон сказала:

„Гээнг! гээнг! гэнёй!
Кильдынакан-богатырек!
Чего испугался?
Выйди скорее! побейся!“

Кильдынакан-богатырь из дома вышел. Стрелы (железные) беря, заговорил:

„Кильдынеро богатыря-человек
если тронешь, я-то богатырь силач!
Ну! теперь побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь Абданиндю поборол. Жена его, придя, сказала:

„Гэнг, гэнг-нёй, богатырь Кильдыни!
брата (старшего) моего не убивай!“

Когда жена сказала, Кильдынакан не убил брата. Втроем пошли домой.
Два года стало (прошло), как брат пришел. Однажды вечером ветер задул, дождь пошел. После того, как дождь прошел, (когда) посмотрели, с конем человек летит. Летя заговорил:

„Ники, ники, богатырь Абданакин!
Здесь же тебя нашел,
гостить (пришел) к тебе.
Жену (себе) взять.
По хорошей просьбе,
по плохой просьбе
отдашь сестру (младшую)?“

Əməksə, murnmı ŋjirən. Tar ŋjḍərəkin Kıldınakān mata jū̆rən:

„Gēni, gē-nəj! bĭkə sindŋ
ahījawı ətəm bū̆rə!
Bĭ gacāw Mənŋnkən ahīwa.
Əməkəl, kŋhiγət!“

Matal kŋhillə. Kıldınakān mata nuŋanmān dabdıran. Səlŋlinḍə mata cucaran. Tar amardun Kıldınakān, Abdanıkān amardukın ahamāttą. Səlŋlinḍə bugalān ısta. Kıldınakān tŋrəttən:

„Gēŋi, gēŋə! gēŋi gəŋə!
Mata-ja Səlŋnḍə,
jū̆kəl tŋrgənḍĭ, kŋhiγət!“

Səlŋlinḍą akīrīn jū̆rə. Kıldınakān icərəkin, Səlŋlinḍą akīrīn ŋmŋr ēhalkāhąl, ŋmŋr algalkāhąl. Tar jū̆ksə ŋmŋntin gū̆nən:

„Kədərəgəjkən mata Kıldını, dorowo!
Kŋhidəwi əməcəs biḍiŋə? Gə! kŋhigət!“

Kıldınakān mata gadan ŋurwı, garpallan upkatpatın. Tar garpaḍarakın, sēndun ahīn soŋotton. Kıldınakān gū̆nən Abdanıkān matatkī:

„Gēŋı, gē-ŋə! Gēŋı, gēŋə! Mata Abdanın
bĭ ŋənəm ḍūlājı. Ahīwāw ēkun-ka hŋktiwŋlcə.
Porōsaj, porostı! Porōsaj, porostı! ŋənəm ḍūlājı!“

Придя, коня привязал. Когда привязал, Кильдынакан-богатырь вышел:

„Гэни, гэнёй! Я-то тебе
жену (свою) не отдам!
Я взял Монгункон в жены.
Приходи, побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь его победил. (Вновь прибывший) Сэллюлиндя-богатырь убежал. Того позади Кильдынакан, Абданикан позади его погнались. До земли Сэллюлинди дошли. Кильдынакан заговорил.

„Гэни, гэнё! Гэни, гэнё!
Богатырь Сэллюлиндя,
выходи скорее, побьемся!“

Сэллюлинди братья (старшие) вышли. Кильдынакан (когда) посмотрел, Сэллюлинди братья с одним глазом, с одной ногой. Так выйдя, один из них заговорил:

„Кожемялка богатырь Кильдыни, здорово!
Биться пришел пожалуй? Ну! побьемся!“

Кильдынакан-богатырь взял стрелы, выстрелил все. Так (когда) стрелял, в ушах его жена заплакала (услышал плач жены). Кильдынакан сказал Абданикан-богатырю.

„Гэни, гэне! Гэни, гэне! Богатырь Абдани,
я иду домой. Жену мою кто-то увез.
Прощай, прости! Прошай, прости! Иду домой!“

Кылдынакăн mata ukcalăraŋ murinduwi, dəgḍəhinən. Tar dəgḍənə goronik icəttəkin, ahīn ukcatukīn ŋmuŋ mata əlgəḍərən. Tara icəksə, Кылдынакăн mata tŋrgənḍī ŋənərən. Ŋənəḍənə tŋrəttən:

„Gēnī, gēŋə! gēnī gēŋə!
Hī, mata bəjə,
Eda ilicənni bī ahīwāw?
Əkəl ilicərə! Ər-ti garpam!“

Mata əlgəḍənə Məŋŋunkən ahīwa. tŋrəttən:

„Guŋrē, guŋrē, mata bəjə,
sī ahīs əhin bihi.
Əkəl kihilgərə,
dulin buga bŋltŋrkən“.

Məŋŋunkən ahī turəttən:

„Gēŋ, gēŋ-ŋəj! Gēŋ, gēŋ-ŋəj!
Mata bəjənḍə əkəl ilicərə
hŋŋtŋ bəjə ahīwān“.

Tar gŋnḍərəkin, Кылдынакăн mata matawa garparan. Mata ōn-da əcə ōra. Кihillə. Кihicəl, kihirə, nī-də əcən kējra. ŋgŋ buga mata tŋrəttən:

„Guŋrē, guŋrē! guŋrē, guŋrē!
Mata Кылдынакăн, əhīlə ətəγət!
Sī — dulin buga sōniŋin bihinni,
bī — ŋgŋ buga sōniŋin bihim.
Bī gərbiw — ŋgŋ buga Ŋiŋtənikənin“.

Кильдынакан-богатырь сел верхом на коня, полетел. Так летя, издалека когда посмотрел, жену на верховом один богатырь ведет. То увидевши, Кильдынакан-богатырь быстрее двинулся. Идя, заговорил:

„Гэни, гэне! Гэни, гэне!
Ты, богатырь-человек,
Зачем трогаешь мою жену?
Не трогай! Сейчас же выстрелю!“

Богатырь, ведя Монгункон-жену, заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ, богатырь-человек,
твоя жена не есть (это не твоя жена).
Не задавайся,
средней земли негодный“.

Монгункон-жена заговорила:

„Гэнг, гэнг-нёй! Гэнг, гэнг-нёй!
Богатырь-человек, не трогай
другого человека жену!“

Так когда говорила, Кильдынакан богатырь в богатыря выстрелил. Богатырю ничего не сделалось. Стали биться. Бились, бились, никто не победил. Верхней земли богатырь заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
Богатырь Кильдынакан, теперь кончим!
Ты — средней земли силач,
я — верхней земли силач.
Мое имя — верхней земли Нинтокон (корешок)“.

Kikiksəl, ətərə. Ŋintəkənin ḍūlāwı ŋənərən, taduk tıŗāttən:

„Guŋŗā, guŋŗē! guŋŗē, guŋŗē!
Bī ḍūlāw nimәwıḍәwi".

Kıldınıkān ḍūlāwı ŋənəhincā, ahīwı minilgilcā. Ahī galıwı ŋənəhilcā. Tar ŋənəḍərəkin ıγiskī ēkun-ka tıŗāttən:

„Səlluləjəjə, Səlluləjəjə,
mata вəjə dorowo! Ilā ŋənəḍənni?"

Tar gūnəkin, Kıldınakān mata ıγiskī icənən, ōn-ka ahīwān gacā. Kıldınakān mata ahamāttan nuŋanmān. Ūḍadu вokonıksa, kisillə. Awahı nuŋanmān wāllān. Kıldınakān mata tıŗāttən:

„Gēnī, geṇā! gēnı, geṇā!
ēkun minə, əməksə, ajdıŋān?
Bılır, вılır gunıktə:
nəkūnmi bihin.
Tarŋıw-da, əməksə, ogın ajra".

Tar gunəkin, ıγiskākī tıŗācittən:

„Gēŋ, gēṇāj! gēŋ, gēṇāj!
Kıldınakān mata, amŋawı aŋakal,
umuktalwa garadām!"

Kıldınakān mata amŋawı aŋaran. Icərəkin, umukta əmərən. Tarā nimŋərən. Tar nimŋəksə, əŋəhī-də əŋəhī odan. Kıldını awaγıwa wārən. Nān-dat ŋənəhillə ḍūskıwar. Kıldınakān ḍūlāwı ıstan. Icənən ḍūn ajıpcā, oronın ācın, ənīnīn ācın, amīnīn ācın. Dəgdın ōcān.

Повоевавши, кончили. Нинтокон домой пошел, потом заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
В мой дом гостить приходи".

Кильдынакан домой пошел, жену увез. Жену отнятую повез. Так (когда) шел, сверху что-то заговорило:

„Сэллюло, Сэллюло,
богатырь-человек здорово! Куда идешь?"

Так (когда) сказал, Кильдынакан-богатырь вверх посмотрел, как жену его (того) взял. Кильдынакан-богатырь стал преследовать его. На следу нагнавши, начали биться. Чорт его стал убивать. Кильдынакан-богатырь заговорил:

„Гэни, гэнё! Гени, генё!
Кто меня, придя, спасет?
Давно, давно скажу:
брат (младший мой) есть.
Тот-то, придя, пусть спасет!"

Так сказал (когда), сверху заговорило:

„Генг, гэнёй! Гэнг, генёй!
Кильдынакан-богатырь, рот открой,
яйца сброшу!"

Кильдынакан-богатырь рот открыл. Когда посмотрел, яйцо пришло (упало). То проглотил. То проглотивши, силачом (очень) сильным стал. Кильдыни чорта убил. Опять пошли домой. Кильдынакан до дома дошел. Посмотрел — дом сломан, оленя нет, матери нет, отца нет. Опечалился.

Icəttəkin, awaɣı hunāḍın ılıtcaran. ụmụn algalkān, ụmụn ıēhalkān, prowləka ṇụriktəkən, ıēha hojo dulindun вihin. Iŋin вicə ŋonımınḍa. Amŋan əgdigənḍə. Kıldınıkānma Məŋụnkənmə ahaktallan ḍəвdəwi. Kıldınıkān ụrвı gadan. Tar gaḍarakın, ahīwān uktuwran. Kıldınıkān soŋoron. Tar amardukīn ahamāttạn. Ahamātcā, ahamāttạn, əcə вokono. Nān tụrəttən:

„Gēnı, gēṇə! gēnı, gəṇə!
Ekuŋıw əməksə, ajdaŋān?
Bılır, вılır вī gırkīw вicən.
Ŋiŋtəninḍə! Ŋiŋtəŋäj mata,
əməkəl tụrgənḍī!
Ahīwāw uktuwrän
awahı hunāḍīn.
Tar awahı hunāḍīn вihin, gụnīktə,
ılan lāmu cagidādun вihin".

Tar gụnəkin, Ŋiŋtəninḍə əməksə, ḍụ̄ri ŋənəhinə. Ŋənəcākər, ŋənərə. Tar ŋənəḍərəktin, ụmụn cıwkacān, ḍụlgidādụtin dōksa, tụrəcittən:

„Cıpcē, cıpcē, matal вəjəl! Ilə ŋənəḍərəs?

Nuŋartın nuŋanmān əcəl icəhinə. Ṇān-dāt ḍụlgidādụtin dōllan:

„Cıpcē, cıpcē, matal вəjəl! ēda əhis tụrəttə?

Nuŋartın ŋənəḍərəktin, ḍụ̄r anŋanī iltəcən. Cıpkacān tụrəcittən:

„Cıpcē, cıpcē! Cıpcē, cıpcē-əj!
Ərəj вuddəm. Matal вəjəl,
ōn əhis mulānə minəwə?
Bī Kıldınakan ụtən вihim".

Когда смотрел, чорта сестра стояла. Одноножка, одноглазка, с проволочным волосом, глаз по средине лба. Язык был длинный. Рот большущий. Кильдынакана (и) Монгункону стала преследовать, чтобы съесть. Кильдынакан стрелы взял. Когда взял, жену (его) увез (тот). Кильдынакáн заплакал. Потом преследовать стал. Преследовал, преследовал, не догнал. Опять заговорил:

„Гэни, гэнё! гэни гэнё!
Кто, придя, спасет?
Давно, давно мой товарищ был.
Нгинтониндё (корешок)! Нгинтонэй-богатырь,
приди поскорее!
Жену мою увезла
чорта сестра.
Того чорта сестра, говорю,
за тремя морями находится".

Так (когда) сказал, Нгинтониндё придя, вдвоем пошли. Идущие, идут (шли, шли). Так (когда) шли, одна пташка, впереди их севши, заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Куда идете?"

Они ее не заметили. Опять перед ними села:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Почему не говорите (отвечаете)?"

Они шли (когда), два года прошло. Пташка заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, чипчэ, чипчэ-эй!
Сейчас умру. Богатыри-люди,
как меня не жалеете?
Я сын Кальдынакана есмь".

Kɪldɪnakān mata gadan ṷtəwi, tʉrəttən:

„Gēŋe, gēŋə! Gēŋē, gēŋə!
ṷtəkən, ṷtə, ĭdʉ bisin sĭ ənīnnī?

Cɪpkacān tʉrəttən:

„Bĭ ənīnməw awahɪ gacā.
Hīmat ḍəpŋətin. Tʉrgənḍĭ ŋənəkəllu!“

Matal ŋənərə. Icərəktin, həgdiŋə sō sələmə ḍū bihin. Tar sələmə ḍu oldondun gɪrkuktaḍaran ʉmʉn awahɪ. Kɪldɪnakān tar awahɪwa wāksā, tərgəksəwən təttən. Tar tətiksə, sələmə ḍūlā ĭrən. Icərəkin, ḍūdu ahīn arandu təgətcərən, soŋoḍoron. Tāduk tʉrəttən:

„Gēŋ, gēŋəj! Gēŋ gēŋəj!
Utəw ĭlə ŋənərən?
Əttikəŋĭw ēda əhin əmərə?“

Tar gʉnəkin, Kɪldɪnakānnān tʉrəttən:

„Gəŋ, gēŋēj! Gēŋ gēŋəj!
dorowo, ədə! əkəl tʉrəttə baranma,
tʉrgənḍĭ tətilwi tətkəl! Ŋənəgət!“

Ahīwɪ ŋənəwrən ḍūlāji. Tar ŋənəḍərəktin, ṷtətin tʉrəttən:

„Cɪpcē, cɪpcē! Cɪpcē, cɪpcē!
Amī bɪldɪnɪkān!
Bĭ-kə ŋənəm ʉgʉ bugatkī,
sʉ ŋənəkəllu ḍūlāwər“.

Кильдынакан-богатырь взял сына, заговорил:

„Гэнгэ, генго! Гэнгэ, генго!
Сынок, сын, где твоя мать?“

Пташка заговорила:

„Мою мать чорт взял.
Скоро должен съесть. Скорее идите!“

Богатыри пошли. Увидали (когда), большой очень железный дом есть (стоит). Того железного дома сбоку ходит один чорт. Кильдынакан, того чорта убивши, ровдугу (одежду из ровдуги) его надел. Так одевши, в железный дом вошел. Посмотрел (когда), в доме жена его у кострища сидит, плачет. Потом заговорила:

„Гэнг, гэной! Гэнг, гэной!
Сын мой где идет?
Старик мой (муж мой) почему не приходит?“

Так сказала (когда), Кильдынакан опять заговорил:

„Гэнг, гэной! Гэнг, гэной!
Здорово, жена! не говори много,
скорее одежды надевай! Пойдем!“

Жену свою увел домой. Так шли (когда), сын их заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Чипчэ, чипчэ!
Отец Кильдынакан!
Я-то пойду на верхнюю землю,
вы идите домой“.

Kıldınıkān ahī galıwı ŋənərə ḍūlāwər. Ụtətin ŋənərən ụgụ bugatkī. Ụgụ bugatkī ŋənəḍərəkin, oldondulın ụmụn dəgi dəgḍərən. Tar dəgḍənə tụrəcittən:

„Kimənin, kimənin, mata bəjə,
Cıpcınıkan, ĭlə ŋənəḍənni?
Ŋənəŋət, akännəgət!“

Cıpcınıkān tụrəttən:

„Cıpcē, cıpcē! ətəm ŋənərə
Bugalā ŋənəkəl!
Əkəl ilicərə minəwə!“

Asī ēkunma-dā əcə tụrəttə uŋtu bugatkī ŋənərən. Cıpcınıkān tar amardukın ŋənəhinən. Ŋənəcə, ŋənərən. Ŋənəḍərəkin, icəttən, araj əkäṇḍərə. Cıpcınikān mata nadan tụksụ cagıdādun sıpkıttan. Sıpkıtcarakın, ụmụn ahīṇḍa əkäḍənə, turəcittən:

„Kimənin, Kimənin, mata
Cıpcınıkān, ēda əməcəs?
Əŋətkəcin əmərə bicəs.
Tikkəl tụrgənḍī, əkəl sıpkıtta“.

Cıpcınıcān mata tiktən ụgụ bugalā. Əkänillən. Ḍŭr ahīṇḍa dagalın ĭrən. Ụmụn ahīṇḍa tụrəttən:

„Gērēwlakānın, Gērēwlakānın!
Mata Cıpcınıkān
Bĭ dagalıw ēda əcəs ĭrə?“

Кильдынакан, жену взявши, идет домой. Сын их пошел в верхнюю землю. В верхнюю землю когда шел, сбоку одна птица летит. Так, летя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь-человек,
Чипчиныкан, куда идешь?
Пойдем, попоем-попляшем!“

Чипчиныкан заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Не пойду!
На землю иди!
Не трогай меня!“

Женщина ничего не сказала, на другое место пошла. Чипчиныкан за ней пошел. Шедший идет (шел, шел). Шел (когда), посмотрел вдруг — пляшут-поют. Чипчиныкан-богатырь через семь облаков подслушал. Подслушивал (когда), она, женщина, поя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь
Чипчиныкан, зачем пришел?
Как не желающий пришел (хотя и не хочешь, пришел).
Падай скорее, не подслушивай“.

Чипканыкан-богатырь упал на верхнюю землю. Начал петь-плясать. Две женщины к нему подошли. Одна женщина заговорила:

„Гэрэвляканын, Гэрэвляканын!
Богатырь-Чипканыкан
Ко мне почему не подошел?“

Cıpcīnīkān mata əkäniksə ətərən. Taduk ŋənəksə, təgəttən ḍolo ojodun. Ḍolon kurвuttan. Cıpcınīkān mata ıldājı ŋəkərən — namaracā. Ahāl əkāndərə, iŋəttə. Umuŋ ahī tuгəttən:

„Kimənin, Kimənin,
Cıpcınīkān mata!
ēda ḍolodu namaracās?
Ilkal! icəməjə!"

Cıpcınıkān kuгвuгən, ıllan. Horkīwı təkərgər ıllan. Tāduk ḍolowo gaksa, garadāraŋ, icənən — aja ahīnḍa ılıtcaḍaran. Nuŋanmān icətcəḍərən, taduk tuгəttən:

„Dəgri, dəgri-dā! Dəgri degri-dā!
Mata Cıpcınīkān, porosaj porostı!
ḍawamī, gaḍıŋās ahījawı, əmī — ətənni!"

Ahī dəgilḍəhınən. Cıpcınīkān tar amardun dəgilḍəhinən. Ḍawaran nuriktəḍuкin. Tāduk ḍūlājı ŋənəwrən. Ahīn gərвin Ņuŋərmək. Cıpcınīkan ḍūlājı əməksə, ahījalıwı вilcə. Ənīnin, amīnīn вucəl.

Tar вidərəkin umnəkən dolвo ahīn tolkıcılcā, tāduk tuгəttən.

„Dəgrā, dəgrä!
Cıpcınīkān mata sələkəl!
Əmərə matal. Nadan mata əmərən.
Tāduk вī akīnmī əmərən!"

Cıpcınīkan mata ŋurвı gadan. Tulilə jūrən. Araj icənən, nadan mata nuŋanmān garpalcal. Cıpcınīkān mata nuŋarвatın garparan. Umuŋmətin wārən. Umuntin tuгəcittən:

„Nıkı, nıkı! Mata cıpcınīkan,
ēda вī nəkunməw wācās?
Bī sinəwə wādiŋāw".

Чипчиныкан-богатырь, попевши, перестал. Потом, подойдя, сел на поверхность камня. Камень шевельнулся. Чипчиныкан-богатырь встать попробовал— приклеен. Женщины поют, смеются. Одна женщина заговорила:

„Кимонин, Кимонин,
Чипчиныкан-богатырь!
Почему к камню прилип?
Встань! Стыдно!"

Чипчиныкан шевельнулся, встал. Штаны разорвав, встал. Потом, камень взявши, бросил, посмотрел—красивая женщина стоит. Его рассматривает, потом заговорила:

„Догри, догри! Догри, догри!
Богатырь-Чипчиныкан, прощай прости!
Поймавши, возьмешь в жены, не (поймавши)—не возьмешь".

Женщина полетела. Чипчиныкан за той полетел. Схватил за волосы. Потом домой привел. Жена его по имени Нюнгормок. Чипчиныкан, домой придя, с женой жить стал. Отец его, мать его умерли.

Так жил (когда), однажды ночью жена увидала сон, потом заговорила:

„Догрэ, догрэ!
Чипчиныкан-богатырь, проснись!
Пришли богатыри. Семь богатырей пришло.
Потом мой брат (старший) пришел!"

Чипчиныкан богатырь стрелы взял. На улицу вышел. Едва посмотрел, семь богатырей в него выстрелили. Чипчиныкан-богатырь в них выстрелил. Одного убил. Один заговорил:

„Ники, ники! Богатырь Чипчиныкан,
зачем моего брата (младшего) убил?
Я тебя убью".

Ụmụsŋi mata gadan ŋurwı garparan Cıpcınkānmạ. Garparan nācā Cīpcınkāndu. cıpcınīkān tiktən. Tiktəkin ahīn, jūrən, tụrāttən:

„Dəgri, dəgri-də! Dəgri, dəgri-də!
Akī ụmụsŋi ēda wānnı kutetpi?“

Cıpcınīkān mata dılbı tıkullan, ŋan ŋurbı gadan. ụmụsŋinḍə ılıtcanwān garparan. ụmụsŋinḍəwə nārən kaltaka ıēhawān Umụsŋinḍə kaltaka ıēhajan ācın kụhilcən Cıpcıkānŋalı. Cıpcıkānmạ kejran. Cıpcıkān ahīn gūnən: „Əkəl wārə ədiwəw“. Tar gūnəkin, əcə wārə. Tāduk ılanī biḍəlcətin.

A. Afanasjewa. Sahalın

81. Dulın вuγa Ụmụsŋinḍạn

Dulın вuγa dulkakındun,
Ụmụn jənə burkacāndun,
Dulın вuγa ụmụsŋinḍạn birạ.

Ụmụn ụtụk ụtạkācī ḍapkun mō kaltakaḍın ōwca tāduk ēkuŋındā ācın, ələ anŋıdā ŋālaḍun вihin uların məŋụn uŋakaptun. Tətin upkacın kumaksa. Tawar biḍạnạ, ụmnạkạn togotkokīwı ıcaksa, tıkan gunnạ, turātcạrạn:

„Ṇiki, ŋikimə, вi ōn ụmụkīn вaldıcāw?
Dulın вuγadu oŋı minŋạcin вəjə ācın“.

Умусни-богатырь взял стрелы, выстрелил Чипчиныкана. Выстрелил, попал в Чипчиныкана. Чипчиныкан упал. Когда упал, жена вышла, заговорила:

„Дэгри, дэгри! Дэгри, дэгри!
Дядя Умусни, зачем убиваешь свояка?“

Чипчиныкан-богатырь головой рассердился (в уме рассердился), опять стрелы взял в Умусниндю стоящего выстрелил. Умусниндe попал в половину глаза. Умусниндя без половины глаза начал биться с Чипчиныканом. Чипчиныкана победил. Чипчиныкана жена сказала: „Не убивай мужа моего! Так (когда) сказала, не убил. Потом втроем стали жить.

А. Афанасьева. Сахалин

81. Средней земли Умусниндян

На средней земле, на самой середине,
На островке одной реки,
На средней земле Умусниндян жил.

Одну дряхлую юртенку, из восьми полуплах сделанную (имел), кроме того ничего не было, только на правой руке было из красного серебра кольцо. Одежда вся нерпичья. Так живя, однажды сидя у огонька, так говоря, разговаривал:

Ники, никимо, одинокий, родился?
В середине земли подобного мне человека не может быть“.

Tāduk tuliskĭ jūkāṇam, uların məŋun uṇakaptunmı ŋālaḍukwı cuptuhksa, ɥiskĭ garadāraṇ, tikān gunnạ, turātcaraṇ:

„Niki, ŋikimə uların məŋuməcamə uṇakaptunmı, bi turānmi musılkān ədu ōdākın, uların məŋun umurəcun ōḍaksa, tikkəl".

Təḍəmə-dō, ɥiŋit uların məŋun umurəcun tiktən. Ḍə! umusŋinḍa uların məŋunmạ umurəcunduwi təɣəksə, utakāntikĭwı icätcänə, turātcaraṇ:

„ɥtuk utakānmi pudan purasaj!
Okın mucanarıwı sānạ, ılkalḍam, gunam sōt gorolmı,
ılan tugurun anŋanīlduh mucana-wal əḍəm".

Tardāt əhĭlā əjəkəkĭ əjəḍəhinaṇ. Tar əjənḍərəkin, umun kumacān jūksạ turātcaraṇ:

„Mata bəjə dulın buɣa umusŋinạan dorowo! dorowo!
ĭlə ŋənəlkajạ ōḍannı? ılkal! alatkal ulgurkānạ ulgucānŋāt".

u musŋinḍa, əcə-kät icähina, ŋənəwi ŋənəḍəhinaṇ.

„Dulın buɣa bultaran, ēwa sōkancannı? ŋĭ sinạwạ əhin sāraʔ„

Ḍə! Tar ŋənəḍənạ umusŋinḍa icəraṇ jənə ulıdun uların məŋunmạ cōraa mawa. Tartıkĭ əjənḍəhinaṇ, tar ŋənəḍənə jənə ulıdun, icärän ḍūr ahätkār ajagdsärəwə särəḍərə. Gē ahatkān, nuŋanmān icəksə, turātcaraṇ:

„Kimə kiməkə nuŋaj məŋunkān! icətkal ēkun əmərən,
awadı bagas ajatāraṇ, guḍəjtərən uların məŋun umurəcunin".

Потом, выйдя вон, из красного серебра кольцо с руки сдернувши, вверх подбросил, так говоря, заговорил:

„Ники, никимо, мое (золотенькое) из красного серебра кольцо, мое слово имеющее духа,[1] здесь когда станешь, лодкой из красного серебра сделавшись, упади!"

Действительно, сверху упала лодка из красного серебра. Ну! Умусниндян, севши в лодку из красного серебра, на хижину смотря, заговорил:

„Старая, старая хижина, прощай!
Когда вернусь, не знаю, метить дорогу буду, говорю очень далеко,
едва ли вернусь через три обратных года".

Оттуда тогда вниз поплыл. Когда тот плыл, одна нерпа, выскочивши, заговорила:

„Богатырь-человек среднеземельный Умусниндян, здорово! Здорово!
Куда направился? остановись! подожди! разговоры поразговариваем!"

Умусниндян не глядя ехал своей дорогой.

„Среднеземельный, охотник, чего задаешься? кто тебя не знает?"

Ну! Так двигаясь, Умусниндян увидел на берегу реки избушку из красного серебра. Туда подплыл, так идя, на берегу увидал двух девушек, красивую вышивку вышивают. Одна девушка, увидя его, заговорила:

„Кимо! кимоко! сестричка Монгункон, посмотри, кто идет,
какая лодка красивая, красуется лодка из красного серебра".

1 Скажу заговор, словом заставлю превратиться.

Ụmụsŋinḍạ tawar āktạn. Ākkānạm, nuŋartıkītın sụrụrän. Ahātkār, matawa ŋāḷạdukın əlgənəl, cōramalāwạr ĭwrạ. Ajagda sägäbụksə, sulakīksa səktəwụ̄ndụ təgəwkạ̄nạ. ụmụn caldı sacarīwa wāksakar, ajadıgdawar tụjəntụrətin.

Siksənŋi ōllan, əkĭndəgụ tikạ̄n gụnnạ tụrạ̄tcạ̄rạn:

„Kimə! kimək! mata ụmụsŋinḍạ bu əmərĭ sụrụrĭ matawa ḍūduwar əwkil ānŋạwkāciną bihiw“.

„Kimə! kimək ą̄nŋạwkānạkwụ̄n cıwkān, keıkān upkatkāntın iṇạktəlḍiŋə̄tin. Bu mata sōniŋa ānŋạwkāwun, ḍūlāwun ānŋạnākạ!“.

Ahātkār, ụmụsŋinḍawạ ŋāḷạdụkin gāksakạr, əlgəḍəhiną. ụmụn hoktokōnḍoli sụrụwrə, tāduk ụmụn sālāmə ḍūnḍalā ĭwrə. ụrkəḍụk ụrkəlạ̄ ŋənəwuksạ̄l, kataksāl Ụmụsŋinḍạwạ mārtin tụliskī iṇəγdətin:

„Kimə! kimək! dulın buγa ụmụsŋinḍạ bulḍar kılıwlılwatin nụlgiwrən“.

Ụmụsŋinḍạ tıkulcālāwı soŋocōlāwı ēja-da bəlạḍən, ŋəkəḍiŋạ̄n, Ṇān-dat ahātkār iṇəgdạ̄tın:

„Gırukanın! Gırukanın, əkạ̄j Sēkankān! iṇəməcạ̄jə!
Dulın buγa ụmụsŋinḍạn dıljan bucuwrīlāwı ıstan biḍạnŋụ“.

Ụmụsŋinḍạ ajat icärän, bəjəl gıramnakākuntın gēltanŋạ̄cın, bəjəl munnuktukındu ningụḍərə. ụmụsŋinḍạ amaskakī tuksaksa, ḍapkun ḍūptıl sələmə ụrkəḍənə əkihincạ̄n. Tar cāklān tuksanḍahınan. Ahātkār ḍūlātın ıstan, ahāl, təgətcənəl, ajagda särəwạ särəḍərạ.

Умусниндя пристал туда. Приставши к ним, пошел. Девушки, гостя за руку ведя, ввели в дом. На красивые собольи, лисьи постели посадили. Одну двухгодовалую важенку убивши, хорошо угощали.

Вечер настал, старшая так сказала:

„Кимо! кимоко! гостя Умусниндяна, к нам пришедшего, хорошего гостя, не можем уложить спать в своем доме.
Кимо! кимоко! если уложим спать, утка, пташка, все засмеют (нас).
Мы гостя-богатыря уложим спать. В дом иди спать“.

Девушки, взявши Умусниндяна за руки, повели. По одной дорожке увели, потом в один железный домище ввели. Из двери в дверь проводя, замкнувши Умусниндяна, рассмеялись сами снаружи:

„Кимо! кимоко! среднеземельный Умусниндян дочерей моря увез!“

Умусниндян, рассердившись, расплакавшись, ничем не мог (себе) помочь, опять девушки рассмеялись:

„Гируканын! Гируканын! тетка Секанкан! очень смешно!
Средиземельного Умусниндяна пусть голова засохнет“ (до засыхания дойдет).

Умусниндян осмотрелся хорошо, человеческие кости рассыпаны, люди в каждом углу стонут. Умусниндян, обратно побежав, восемь двойных железных дверей сломал, потом убежал дальше. Дошел до дома девушек, девы, сидя, красивую вышивку вышивают.

I. Zujəw. Tutura

82. Aksırē-Baksırē

Ətirkạn atırkānnun bĭḍicātin. Ilan hunīltın bĭcātin, gəjụkākụr. Nadanḍār bụləhəl əməḍirə, sụrụldəwəl hunīlwa. Bĭcān ŋārət ukunmıma. Tartıkī nuγartın dəgilḍicạ̄tin, bagdawkıl ōhal. Kə! əməḍırā bụləhəl. Hunīl əhĭlə amīntıkīwal gụnḍirā: „Mụnə ḍajekal (zajekal) əmmin bụrā". — „Hılla ēkurwahun sụnạ ḍajeḍıḍıŋāw, su əŋkitārəs minə dōldıtcō; ajama, sụnə sụrụụktin. Āptərā tāmkədạ̄hinạ ipkərəkiw, əŋkitārās ụmụkāmātcạ aptuna tạ̄mkəhina. Ajama sụrụụktin, ēḍaktın-mal". Kə, əməllə bụləhəl ŋagadıldırā ŋarḍıntıkītın. Hunīltın bagdawkıl ōhal däjilūktạḍirā. Kə, ŋagadıḍırā, noartın ụjiskĭ ụjildırā. Sagdawu ahātkān inmə ōrān tıkımmen. Ḍū̆rwạ sụrụwrā. Ḍūtkī əmərān ahātkān, amīntıkī gụnḍirān: „Minə ḍajəkal (zajekal) ədətin minə bụləhəl sụrụwrā". — „Ajama, sụrụwḍū̆ktin (sụrụwsụktin) ēḍaktın-mal əḍiŋāw ḍajeḍara, amīnīn gụnḍirān: ərəkəncə sụrụkəl, ərkəklạ̄ sụrụkəl, tālā bıḍirān Aksırē Baksırē, sinạ zajedıŋān. Tarı ōlānduk ōlāndıtmər: korokalın kalokōcāndı, ēhalın ōhıktagdır, oŋokto pəşnaomokun, zəgin ulıwmokun, ōhamŋakurın həŋəkinmən". Ahātkān gənəḍāhinān.

N. Bajakī. Cirəmbụ

83. Əwənkĭl

ụtālə ādụ bipkā jajan bicān. Əwənkĭŋilin ḍū̆r bụddạ. Nuŋan təlkiptşạn, bakaran, nuŋarwatın wārān cāgıganmə. Təlkindu icəcild ān jajanma, nuŋan ụrəgən bicān. Tarı ḍəpcə nuŋarŋıltın əwənkĭlwətin. Jajan icəcild'ən təlkindu, şụrụrān urəgəntikĭ. Tunŋaḍār əwənkĭlwə mənŋilwi ụγụwrən. Şụrụrān, Jənd'iwə daγran, daptulın hụrrān Pīdı. Hụŋtụlwə bakaran. Bargıdā tụgi jajan bicān əməlŋun. Daptudun Pīdı bakaldıra, ụlgụrməcild'ə. ụlgụrmətt'ə, ụlgụrmətt'ə, jajan haū̆ŋuktald'ān hụŋtụwə jajanma: „İlə ŋənəḍənd'i?"—„əli hurısılḍalım". ụmụndụ şụrụrā Pīdılı, tunŋaḍārıl əwənkĭlin namaḍı ōran.

Н. Зуев. Тутура

82. Акшире - Бакшире

Старик со старухой жили. Три дочки было, красивые. Семьдесят бродяг подходят, чтобы увести девушек. Было озеро молочное. Туда они (девушки) летали, лебедями ставши. Вот подходят бродяги. Девушки отцу говорят: „Нас спрячь не отдавай".—„Ну для чего вас спрячу! вы не хотели меня слушать; хорошо, (пусть) вас унесут. Постегонку ссучить приказывал когда, не хотела ни одна постегонку сучить. Хорошо, пусть увезут (что хотят, то делают)". Вот подошли бродяги, пошли неводить на озеро. Девушки, лебедями ставши, полетели. Вот неводят, они (девушки) вверх подымаются. Старшая девушка иглой стала, упала. Двух увели. Домой пришла девушка, отцу говорит: „Меня спрячь, чтобы меня бродяги не увели". — „Хорошо, пусть уводят, пусть делают (что хотят), не спрячу". Отец говорит: „Вот иди, сюда иди, там живет Акшире-Бакшире, тебя спрячет. Тот из мастеров мастер. Уши его как котлы, глаза как звезды, нос как пешня, подбородок как весло, камысы на коленях. Девушка пошла.

Н. Баяки. Чиромбу

83. Эвенки

Раньше здесь коренным жителем был шаман. Двое эвенков умерло. Он видел сон, нашел (что) их убил дальний. Во сне увидал шамана, он горный („каменный" — с левого берега Енисея) был. Тот съел его эвенков. Шаман увидел во сне, пошел к горному. Пятьдесят эвенков с собою увел. Ушел, Енисей перешел, пошел по нижнему течению Пита. Других встретил. На том берегу также эвенкийский шаман был. На устье Пита встретились, стали разговаривать. Разговаривали, разговаривали, шаман спросил другого шамана: „Куда идешь?" — „Здесь вверх собираюсь пройти". Пошли вместе по Питу из пятидесяти эвенков сто стало.

Daptudukın tunŋawa inəŋilwə ŋənərə. Ayrə. Ḍurə jajaşal şuruṛā ḍū̇rduli ūḍalı. Gē ılanma inəŋıl ŋənərən, hōntāḍırān. Ilıdutın inəŋil jajantın gunən: „ɯmukənmə inəŋiwə ŋənəḍəp, ŋəkuḍuk şaŋŋantın icəwuldʳən. Namurdun ḍū̇yıltın, diginḍār ḍū̇yıl". Ḍənəncərə, ŋənərə muṛəli, əgəlgərə jajan əwənkīltin. Jajan gū̇nān: „ılakaldʳu guluwurwa". Əwənkīlwi ipkərən muṛəli əlgərə. Luŋuldʳə əwənkīlin muṛəli, ıtıgaldātin kuşilwa ŋəkədəwər. Nān luŋuldʳə, ılarā luŋuldʳə. ɯrəgər əŋnərə jū̇wəttʳə. Ətirīkən nugarwatın tuŋnən, şukşalwı lukca binə. Jajan tarā gū̇ldʳān: „Şuruḳəl, ıtıgaḍanākaldʳu" əşilə kuşinə. Ṇān amaşkī şuruṛān ətirīkən. Luŋuḍəŋnərə, hata luŋuḍəŋnərə, ətirīkən əmərān, ŋān tarīltıkī tū̇rəldʳən jajan, ŋān ḍūlāwı şuruṛən. Jajaltın ɯrəgər əməşinə, isilmī şəbdəptikī. Əməşinə tutəkəlwətin ıtıgara, şəbdəptikī təgərə ḍū̇krə jajaşal. Əŋkəcildʳən jajan, əwənkīlwə ḍəpcə: „ēkunac! əcəp tildʳə ḍəwujəwi". Əŋkəcildʳən, mirəttʳən ılanma aşālwa. Əŋkəcildʳən: „bū̇ḍam". Awgıdā əşilə ətərən tuṛəḍəmī. Namurŋıl jajaltın gū̇ldʳa: „Əşilə nimaḡilkaḷ". Nimaḡildʳā tarīl, gorowo nimaḡildʳə, nadaldʳaja. Əŋkəttʳən, şuruḷmī, ədən tuyi ŋəkərə, gēwrā ədən, ŋān ḍawuşcara ədən. Awgıdā jajan gū̇ldʳən: „Ənə tuyi ŋəkəldʳə əşilə nınakmāt şulaptʳa ətən. Ilanma aşāl bū̇rə urəgər jajantın. Şuruwrā ḍūlāwar əwəşkī, ŋuşuktal aşālwa. Mū̇lwə uyaŋnārā.

Ḍəptikīwar ŋənəwrə; ŋənərə kuşicāl, dulıntın hālupcāl binəl, ɯwijə əmərə, hərkəptīrtin ŋāləwa hujulwurkəkun. Dulıntın ācır. Huŋtul şuruçāl ḍūlāwār, əşi icərə. Tarīl tuyī əməşinə ḍūlāwar, aşālwa ḍū̇rə ajalwa əməwrə.

N. Bajakī. Cirəmbu

84. Iliudən

Iliudən əŋəşicī bicən, Kımā bicən. Nuŋan lucadılwa əŋəşicīlwə ŋəduṛən ılanma. Kupeş ipkərən, saklaldu gōrcadātın, ılandu cetwerıl vınoldu. Ilandu dabdıran Iliudən, ŋəduṛən upkatpa. Şutnəwə ıruşnan lucadıwa nadan əwənkīl, nuŋan əmukən ıruşnan.

От устья шли пять дней. Пристали. Два шамана пошли по двум дорогам. Один шел три дня, без дороги шел. На третий день шаман их сказал: „Один день пройдем, дым их с большой горы станет виднеться". „На (хребте) Намуре юрты их, сорок юрт". Быстро пошли, обошли кругом, окружили шаманские эвенки. Шаман сказал: „Разжигайте костры". Заставил эвенков окружить кругом. Стали кричать кругом эвенки, направились (собрались) войну начать. Опять стали кричать, трижды кричали. Горные не хотели выходить. Старик их предупредил, снявши тесемки от обуви. Шаман тому сказал: „Иди, собирайтесь теперь воевать". Опять обратно ушел старик. Кричали, долго кричали, пришел старик, опять тех стал ругать шаман, опять домой ушел. Шаманы горных жителей пришли, шевеля (спиной) кафтаном. Пришли, мечи скрестив поставили, сели спинами (друг к другу) два шамана. Спросил шаман, съевший эвенков: „Зачем! не знаем съеденных (не слышали о съеденных)". Стал просить выдать замуж трех женщин. Сказал: „Дам". Живущий на этом (левом) берегу теперь кончил ругаться. Намурские шаманы сказали: „Теперь гости". Стали те гостить, долго гостили, неделю. Просил, уходя, чтобы так не делали, чтобы вторично опять не хватали бы. С этого берега шаман сказал: „Не поступайте так, (а то и) собаки не останется". Дали трех женщин горные шаманы. Увели домой к себе, вонючих женщин через воду переносили.

Людоедку увели. Шли, воевали (по пути), половина оставшись, мало пришло с перевязанными руками, раны большие. Половины нет. Другие незаметно ушли домой. Те тоже, придя домой, двух красивых женщин привели.

И. Баякн. Чиромбу

84. Илудон

Илудон силач был, (из рода) Кима был. Он поборол трех русских силачей. Купец заставлял бороться на заклад, на три четверти вина. Трех победил Илудон, всех бросил. Русское судно тащили семь эвенков, он один тащил (такое

Luca əwənkĭwə koltorän. Koltorōkın, icättʳən əwənkĭwə, şurʉrən. Irura, ırura gorowo, tälä cätıldʳa. Ətərə. „Əwənkĭ“, gʉ̄nän: „alawa tətkəl ŋōraşkal“. Şurʉrä ŋän. Koltoḍocōwo lucawa əwənkĭ koltoron amarguc. Koltorokın əwənkĭ, bʉrʉrən luca. Bʉddạn lucadı əŋəşĭ. Əmənə nuŋanmän. Hʉŋtʉl lucal həŋkətcirə: „tʉgi nädə!“ Iludən ŋän ırʉşnan, ısta derewnəlä. Āgrə, tädu cätıldʳə. Iludən tērunmatın tērutşan; kupes, ḍəwʉldʳən, vinovo tʉjʉttʳən, ʉlildʳən ajalḍī ḍəptiləl. Əŋkəcildʳen əwənkĭwə kʉpes, gadāwı mənŋijəwi əŋəşijəwi illəməgdijəwi tışıca rublıl. Əwənkĭ əşin ḍəkildirə, əşin sʉrʉmʉldʳə. Gorojo əjəcildʳən kupes əŋəşĭwi. Ḍalıldārän, ḍalıldārän, ʉmnət gʉ̄nän Iludən: „Ətəm şurʉrə“. Iludən oltowrän kupespa, derewnədu işinən. Gorowo inən tädu.

Lucal koroвalwatın amīkān ḍəmʉldʳən. Lucal ipkārə Iludənmə, bəjʉştən. Şurʉrə bəjʉşimnĭl ılan: ḍʉr lucal, Iludən ılītın. Bakara amīkānmạ. Amīkān nuŋarwatın əməncərən ḍəbdəwi. Amŋawı aŋacā, ḍawaran ŋāləlḍīwı. Iludən kaltakadun, ḍəgdʉkin ḍawaran kaltakadun şērdukın, ŋōrcaldʳän. Hʉktəwʉktəməcĭldʳən amīkānnun əwənkĭ. Lucal arkıra gıdalḍī amīkānmạ. Iludən ʉşigindərän amīkānmạ. Amīkān əjʉrən. Nuŋanmän wārä. Wārə həŋkətmətcərə: „ḍəwʉlḍəp-gū?“ ətəp-gu? Lucal gʉ̄nạ: „taŋa“. Iludən hata ipkātcəḍən, ḍəbdətin. Lucal gʉ̄nə: „hiγət ēruktadāwı imʉkşạnä-γu biräп!“ Hiγildʳə, higrə, ēmac ācın imʉkşạwạ, ʉmʉkān gıramdʳa. Əmənə amīkānmạ, irəkşəwən gādạ, şurʉwrə. Uγasınạ lucal. Surʉwrä derewnətkī, irəkşəwən hiŋni. Derewnəlān əmərə.

Lucal ʉlgʉrildʳə, gʉ̄nə: „Tālä вakaraw amıkānmạ, koroвowa ḍəpcən. Mʉnə ḍəbdậwi hʉktincārạn. Iludən ḍawaran, amīkān ŋōrcaldʳən“.

Lucal ʉlgʉrlildʳə ḍaltıkīwar: „Arkıraw вu, əwənkĭ ŋōdarän amīkānmạ, amīkān əjʉrən. Jʉ̄ktạ bəjə, mēwanın mandʳı, ēramat əŋnərən jānə“.—„Bəjə ŋələjə ācın, ʉmʉkāməc əwənkĭ ŋələnəjə“ gʉ̄nə.

Iludən ḍūlāwı şurʉrən. Ḍūlāwı ŋənərən ḍaltıkīwı ʉlgʉrildʳən: lucal orotıŋmatın lirulārạ. Ŋālạtcirə, əŋitin ōn-māt bəjʉş, əŋitin ōn-māt“. Əmʉkānmạ anŋanīwa inən Iludən, tāduk вʉddạn.

же). Русский эвенка ударил кулаком. Ударивши, взглянул на эвенка, ушел. Тащили, тащили долго, там стали чаевать, перестали. „Эвенки,—сказал (тот),—лямку надень, тяни“. Пошли опять. Ударившего русского эвенки ударил обратно. Когда ударил эвенки, упал русский. Умер русский силач. Оставили его. Другие русские говорили: „Так (и) надо“. Илудон опять потащил лямку, дошли до деревни. Пристали, там стали чай пить. Илудон договор выполнил; купец накормил, вином угостил, накормил хорошей едой. Стал просить эвенка купец, взять (продать) свою силу, предлагая тысячу рублей. Эвенки не согласился, не захотел итти. Долго просил купец силу. Думал, думал, вдруг сказал Илудон: „Не пойду“. Илудон оставил купца, в деревне жил. Долго там жил.

Медведь задрал корову русских. Русские заставили Илудона убить. Ушли три охотника: два русских, один Илудон. Нашли медведя. Медведь быстро подошел, чтобы съесть (их). Рот открыл. Схватил руками Илудон, одною рукою за подбородок, другою за ухо схватил Илудон, стал бороться. Стали двигаться медведь с эвенком. Русские насадили медведя на копье. Илудон перевернул медведя. Медведь пропал. Его убили. Убили, разговаривают: „Съедим (его) или не будем“. Русские сказали: „Сухой“. Илудон еще настаивал, чтобы съесть, русские сказали: „Обдерем, чтобы посмотреть, жирный ли!“ Стали обдирать, ободрали, никакого жира нет, только кости. Оставили медведя, шкуру взяли, ушли. Потащили русские, несли в деревню ободранную шкуру. В деревню пришли.

Русские стали разговаривать, сказали: „Там нашли медведя, задравшего корову. Нас (чтобы) съесть, подпрыгнул. Илудон схватил (медведя), медведь стал бороться“.

Русские стали рассказывать товарищам: „Насадили на копье мы, эвенки бросил медведя, медведь пропал. Бойкий человек, сердце крепкое, ничего не боится (ни перед чем не постоит)“.—„Мужик без страха, нет ни одного эвенка боящегося“, сказали.

Илудон ушел домой. Домой прошел. Домой прищел, товарищам стал рассказывать (о том, как) русские медведя били. Боятся, никак не могли убить. Один год жил Илудон, потом умер.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

D. Cēmвạ. Cirəmвụ

85. Iwul

Ḍū̱r вəjəl вiçətin. ụmụkən Iwụl вicən, gē Akarāmə. Nuŋartin şuruгə вəjuşildʳə multala. Ḍawrāşnạ̄, ḍawrāḍạ̄ŋnārä, ḍawrāḍạ̄ŋnạrā вıralı, icərə tōkī вırawa dagḍaran. Iwul gū̱nän: „Amıŋaşa kırkacānḍen вi tukşāncəktə". Iwul mū̱li tukşāncərən. Hụktiwuşinmū̱rän, tōkīdu вimrək hụktildʳən. Akarāmə ūḍaḍaŋnarān, tālā. Iwul halganmān вakaran. Tarā uγaşnan Akaramə, ŋān ūḍaşnan, tālā gēwa ŋān вakaran halganmān, ŋān tarā uγaḍaŋnārän, tāduk ŋān ŋālạwān вakaran, ŋān şuruгān. Ŋənəḍəŋnārən, tālā gēwa ŋālạwān вakaran, tarī gādan. Şuruгān tōkī ūḍalın, kəŋtirəwən вakaran, tarī uγaşnan. Tāduk dılwān вakaran. Gū̱nän Akarāmətkī tar: „şi ətəkəl minə icətcəmī, halgarwāw ụmụndu nəkəl!" Akarāmə ələwən ildʳəwən ụmụndu nərən, Iwul ŋān вəjə ōdan. Ṇān Iwul şuruгān Akarāmənun ḍū̱krə. Akarāmə gū̱nän: „Bi вəjụktə tōkīla, şi nụlgişinkạ̄l, tālā Cinədu ḍūγutkəl".

Akaramə вəjuгən, şuruгān. Ḍū̱rwə tokīlwa ajran, Iwulwa ūḍalın şuruгān. Iwul tālā şoŋoəorən, alвaḍaran şēraŋılwa tuktıwuşcaḍamī Cinətkī, ụmụkənmə tuktıpcə. Akarāmə gū̱nən: „Iwul ēlcāş tugi?" — „O! ēwa-dāglə gū̱cəş Cinədu ḍūγutōdāw".—„Şi nụlgiḍəkəl tālā ōrandu ḍūγutōḍandʳı", gū̱nən Akaramə. Iwul ḍūncaran. Akarāmə ŋān əmərən, ŋān gū̱nän: „Iwul şi ēḍandʳı tugi?" — „ēwa-dāglə gū̱cəş ōrandu dūγutōdāw! Ōn вi mū̱dụ ḍūγutōḍam?"

Tāduk Iwul вəjuгān tōkīla, mənəkən darıwuşnan. Akarāmə nụlgişinən. Iwul ḍū̱rwə ororwo olgoşnən, ŋənəḍəŋnərən, tālā вıra ōdān. Iwul gū̱nən ororвı: „Untalwar lukulkaldʳu! Ōn əgnəs tildʳə?" Tāduk Iwul ororwo halgarwatın higrən. Oror вuddạ.

Iwul tālā tōkīwa icərən, ŋācıldʳən tōkīwa: „Amīŋaşa sırumın! ku! ku! ku!" Tar hụktildʳən. Ṇān Iwul şuruгān. Tālā jantakīwa icərən, ŋān ŋācıldʳən: „Amīŋaşa nınakının! əl! əl! əl!" Jantakī hụktildʳən. Iwul ḍū̱lāwı mucuşnạ̄n, əmərən. Akarāmətkī wul gū̱nän: „Tālā untalwatın lukcāl, lukrakītın, āşınə". Akaramə tuгəldʳən Iwulwa:

Д. Чэмба. Чиромбу

85. Ивуль

Два мужика были. Один был Ивуль, второй Акарамо. Они шли промышлять табуны диких оленей. Поехали в лодке, плыли, плыли по реке, увидали, лось пересекает реку. Ивуль сказал: „Покойного отца собака, выскочу-ка я". Ивуль прыгнул быстро на воду. Хотел бежать, лося мимо пробежал. Акарамо бежал (за ним), нашел там ногу Ивуля. Притащил ту, опять побежал по следу, там опять вторую ногу нашел, опять пощащил ту, потом еще руку нашел, опять ушел. Шел, там вторую руку нашел, ту взял. Пошел по следу лося, грудную клетку, корпус его нашел, потащил его. Потом голову нашел. Сказала та Акарамо: „Ты меня не рассматривай, ноги сложи вместе!" Акарамо сложил все тело вместе, Ивуль опять человеком стал. Опять Ивуль пошел вместе с Акарамо. Акарамо сказал: „Я пойду промышлять лосей, ты кочуй, там (на) Чино (горе) поставь чум".

Акарамо ушел промышлять. Два лося добыл, пошел по следу Ивуля. Там Ивуль плачет, не может жерди втащить на Чино (скалистую гору), одну (только) втащил. Акарамо сказал: „Ивуль, что сделал так?" — „О! для чего же говорил, на Чино юрту ставь!" — „Ты кочуй, там на пороге юрту поставишь", сказал Акарамо. Ивуль юрту пошел ставить. Акарамо опять пришел, опять сказал: „Ивуль, ты что делаешь так?" — „Для чего же ты говорил, чтобы я юрту на пороге ставил! Как я в воде юрту поставлю?" Потом Ивуль помышлял лося, сам пошел выслеживать. Акарамо кочевал. Ивуль увел двух оленей, идет, там река. Ивуль, сказал оленям: „Унты снимайте! Как не можете понять?" Тогда Ивуль ободрал ноги оленям. Олени умерли.

Ивуль там увидал лося, покричал лосю: „Олень покойного отца! ку! ку! ку!" Тот убежал. Опять Ивуль ушел. Там россомаху увидал, опять покричал: „Собака покойного отца! оль! оль! оль!" Россомаха убежала. Ивуль в домой, пришел. Акарамо Ивуль сказал: „Там, унты сняли, снявши, уснул рамо стал ругать Ивуля:

„ēwunawı ororwı wāndʳı“. Akarāmə ŋmuķən şurŋrān. Tāduk əwənkīlwə bakaran. Həŋkəcildʳən Akarāmə: ‚Minŋiwə şirŋwəw şi wāşī?“ Əwənkīl gūnə: „Bŋ əcəlwŋn wārə“.—„Şŋ wāşun“. Əwənkīl Akarāməwą ḍawara. Akarāmə lŋŋuldʳən: „Iwul əməkəl! Bəjəl minə tirəcəl! Himāc!“

Iwul əmərən ŋimicīwi ŋālirān. Akarāmə ḍawaldırân bəjənŋn. Iwul gūnən: „Ŋimiciwə ŋuķuḍəs“. Akarāmə şōmnāşinąn Iwul şiləwən, gūnən: „Şi wākəl! bərilwi ḍawakal ganātkəl“. Iwul əwənkīlwə ələwətin wārən. Ṇān şurŋrān Akarāmənun bəjurə, hēlakīla bəjuşcąmī. Akarāmə əmərən, Iwul gūldʳən: „Ōn ajıŋnandʳı?„ — „Tugi ajıŋnam! Şi-wəli bəjuķəl hēlakīla. Bi oricāw hēlakīlā, tādu şi ųkələşinḍəndʳı“. Iwul orıldʳan: „He-la-kí-ı-l! əməkəldʳu-ųl şigdələw!“ Hēlakīl bŋrŋrə huķitədŋn. Iwul hak-tancaldʳān, ŋəmŋrigdi ōdan. „Āha-ha-ha! bi, bŋrŋrāktin, əşim maŋicara“. Hēlakīl upkat dəgildʳə. Iwul ŋmuķāməc əşin ajīwra, əşin ḍawara. Ḍūlāwı əmərən, Akaramə ācın ḍūduwı. Tāduk əməwrən əŋnəkānmə Akarāmə. Iwul gūnən: „ųlgurkąl ōn ajīŋnandʳı əŋnəkānmə“.—„Bi ḍoromocōw atırīkānduk“.—„Bi tımātną bakalḍam“. Tımātną Iwul şurŋrān tālā. Iwul garparan aktakīwa, uŋaşışcaldʳən. Atırīkān əmərən, kədərəwi ŋālıḍaran, əmərən. Iwul dārəwən kədərəşnən. Iwul şoŋoldʳən, Akarāmə gūnān: „ēt şoŋogondʳı?“ — „Atırīkāŋəşu minə dārəwəw kədərəşnən“ — „ēda-kə aktakiwa wāndʳı? Şinə gūcəw əŋnəkānmə, wādāş“.

Ṇān şurŋrā Akarāmə Iwulnun. Akarāmə ŋuragirān hişəwə, gūnān: „Iwul ḍawakal! əri tōkī“. Iwul ḍawaran. Hişə nuŋanmān tirərən, Iwul bŋddąn.

I. Lontogır. Nēpa

86. Iwul, Cərə

ŋmnəkən biḍəcən atırkān, nuŋanŋın bicətin ḍūr hŋtəlin. ŋmuķən bicən gərbin Iwul. Nuŋandun bicətin anŋanīŋılīn ılanḍār, nəkūndıwŋdų bicətin ḍān tunŋa, nuŋanŋın gərbin bicąn Cərə. Iwul gūllən Cərətkī: „Cərə ḍawja ḍawıŋılwāt“. Cərə gūnān Iwulukī: „kə! ḍawıŋılwāt“.

„Зачем оленей убил?“ Акарамо пошел один. Встретил потом эвенков. Спросил Акарамо: „Моего быка ты убил?“ Эвенки сказали: „Мы не убивали“. „Вы убили“. Эвенки поймали Акарамо. Акарамо стал кричать: „Ивуль, приходи! Мужики придавили! Скорее!“

Пришел Ивуль, щербу (уху) держит. Акарамо схватился с мужиками. Ивуль сказал: „Щербу прольет!“ Акарамо толкнул ногою щербу Ивуля, сказал: „Ты бей! возьми лук, иди стреляй“. Ивуль всех эвенков убил. Опять ушел с Акарамо промышлять, тетерек промышлять. Акарамо пришел, Ивуль сказал: „Как промышлял?“ — „Так промышлял! Ты-ко попромышляй тетерек. Я кричал (звал кричалкой) тетерек, там ты западней будь (подкарауливай!)“ Ивуль стал звать: „Тетерки! приходите! на балку мою!“ Тетерки упали ему на живот. Ивуль засмеялся, смешно стало. „А-ха! ха! ха! Я не выдержу, когда они упадут!“ Тетерки все улетели. Ивуль ни одной не добыл, не поймал. Пришел домой, Акарамо нет дома. Акарамо потом принес теленка. Ивуль сказал: „Расскажи, как добыл теленка?“ — „Я украл от старухи“.—„Я утром найду“. Утром Ивуль ушел туда. Ивуль выстрелил в холощеного быка, быстро уволок. Пришла старуха, мялку в руках держала, пришла. По лицу Ивуль мялкой ударила. Ивуль заплакал, Акарамо сказал: „Что плачешь?“ — „Старуха меня по лицу мялкой ударила“.—„Зачем же быка убил? я тебе говорил, чтобы (ты) теленка убил“.

Опять ушли Ивуль с Акарамо. Акарамо принес камень, сказал: „Ивуль, держи, это лось!“ Ивуль взял. Камень его задавил, Ивуль умер.

И. Лонтогир. Непа

86. Ивуль, Чоро

Однажды жила старуха, у нее было двое сыновей. Один назывался Ивуль. Ему было лет тридцать, младшему было пятнадцать, его имя было Чоро. Ивуль сказал Чоро: „Чоро, давай лодку делать“. Чоро сказал Ивулю: „Ну, сделаем лодку!“

Əŋintin hiltilə̄şcə̄ вicə̄n hiltilə̄wər. Iwul gu̱nən Cərətkï: „şi, Cərə, əwtilə̄lə̄ḍəkəl вi ḍawtawə ulliḷḍalım". Cərə gu̱nən: „Kə! sʊrʊḷḍə̄lım". — „Si, Cərə, gə̄kal pəktirə̄wʊnə, ə̄ja icəmï, tara pəktirə̄nıŋnəkəl".

Cərə şʊrʊrə̄n, gə̄rən pəktirə̄wu̱nmə mənŋʊnmi, ŋənəḍəwki ʊrəli, icərən mʊgdəkə̄n dawadun ə̄kun-mal təktəḍərən, nuŋan pəktirə̄wu̱nmi mirəḍʊkwi gə̄rən ŋələlduwı kərən cokonımmen, tar pəktirənən. Sʊrʊrə̄n dawalə̄n, əmərən, icəcillən, kərə əŋïnmi wācə̄. Nuŋan əŋïnmi higrən, əwtilə̄lwən gə̄rən, sʊrʊwrən ḍʊ̄tkïwı. Əmərən ḍʊ̄lə̄wı, akïnïn ḍawtawa ulliḍərən. Əmə̄llən dawalə̄n, əwtilə̄lwə nə̄darə̄n akïnmı dawadun.

Icəcillən akïnïn, tə̄grən əŋïnmər wācə̄, gu̱llən nəku̱ntikïwi: „ə̄da si wācə̄ вisinni əŋïnmər". — „Si gu̱cə̄s mintikï: ə̄ja icənni, tarə̄ pəktirə̄niŋnəkəl! — tar вi icəm, pəktirəcə̄w". — „Si ḍalja ə̄cın вisinni, ə̄mətjə, awadı-wal moŋnon вisinni". Tʊwi nuŋanmə̄n həŋkətrən əŋïndʊliwər. Nuŋartın aran-aran ḍawja o̱ra.

Nuŋartin ḍalıdə̄cılla, ʊrində̄wər gə̄lə̄ ʊrindʊlə̄. Iwul gu̱llən Cərətkï: „Si Cərə orotoj dʊ̄tə̄skəl hoktolı, вi kocowo ḍawdu ulıscalım". Iwul gunḍəwki: „Si dʊ̄tə̄mï ʊnə, tə̄lə̄ ḍʊja o̱ḍadə̄wı əjə̄ dawadun". — Kə! вi, əmədələs, ḍʊja o̱ḍaŋə̄w".

Iwul ʊrərən: „Kə! o̱rakıs əmədələw ḍʊja aja вimcə̄". — „O̱ḍaŋə̄w!" Nuŋartin sʊrʊrə getkï ʊrintikï. Iwul ḍawdu ḍawrə̄sŋan. Cərə ororḍï dʊ̄tə̄snən. Cərə dʊ̄tə̄rən tə̄lə̄ ʊrinduḷə̄, ḍʊja o̱llan əjə̄dʊ, əməwʊwki seraŋja ılıwussalıwkı — tarə̄ əjənmʊsiniwki. Alвaran ḍʊja o̱ḍamï, upkatwa sēraŋılwa manaran. Əsïlə̄ sʊrʊrən ororduḷə̄wı, əmərən dawalə̄tın, gu̱llən: „Kə! lukkallə untalwar". Oror əwkil ə̄mətjə gu̱nə. Nuŋan gēwran gu̱nən ororтikï: „Lukallu untalwar". Tə̄li Cərə gə̄rən purtawı, kərən higilimmə̄n o̱salwatin. Awadıŋija o̱sajə̄n higrən, tarï вʊwki oron. Tʊwi upkatwa təpʊrən ororwo, Iwul əmədələn. Iwul əjənən Cərə dawalə̄n, hanŋʊ̄ktallan: „ïri-kə ḍʊ̄ o̱nnı-wu, əcə̄s-wu?" — „Bi alвam ḍʊja o̱ḍamï". — „ïri-kə oror?" — „Bi ororтikï gu̱lcə̄w: lukkalla untalwar! dagiscallap вargıdə̄tkï вirawa, nuŋartın əcə̄tin luksa untalwar. Bi kəcə̄w higimmə̄n untalwatın, nuŋartın kərə вʊrərʊmmə̄n". — „Si Cərə ə̄kun moŋnon вisinni, ə̄mətjə əcə̄s sārə! Okın oror untalwar lukıwkıl? okın-mal əwkil luksa. Bi sinŋun ə̄tə̄m вiḍərə, sʊrʊḍə̄lim gorotkï". Cərə ororwo ḍäpcällan, tə̄du ʊrindu əmə̄nən.

Мать за гнилушками пошла. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, ребра принеси, я бересту сварю". Чоро сказал: „Ну (я) пойду". — „Ты, Чоро, возьми ружье. что увидишь, то стреляй".

Чоро ушел, взял с собою ружье. Шел лесом, увидал—что-то двигается около пенька; он ружье с плеча взял в руки, стал нацеливаться, выстрелил. Пошел поближе, пришел, увидел — мать убил. Он мать ободрал, ребра ее взял, понес домой. Пришел домой, брат лодку шьет. Подошел поближе, ребра бросил около брата.

Посмотрел брат, узнал мать убитую, сказал младшему: „Зачем ты убил мать?" — „Ты сказал мне: что увидишь, то стреляй! Вот я увидел (и) выстрелил" —„Ты без ума, какой дурак". Так его ругал за мать. Они едва-едва сделали лодку.

Они придумали кочевать на другое стойбище. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, с оленями перейди по дороге через мыс, я в лодке погребусь". Ивуль сказал: „Ты перейдешь раньше, там построй юрту около течения (реки)". — „Ну, до прихода твоего я юрту построю".

Ивуль согласился: „Ну, если сделаешь до моего прихода, дом будет". — „Сделаю!". Они ушли на другое стойбище. Ивуль в лодке поплыл. Чоро на оленях пошел через мыс. Чоро пересек мыс, пришел на стойбище, стал строить юрту на течении, приносил жерди, пробовал ставить — те уносило течением. Не мог построить юрту, все жерди кончил. Пошел тогда к оленям, сказал: „Ну! снимайте унты". Олени ничего не могли сказать. Он вторично сказал оленям: „Снимайте же унты". Тогда Чоро взял нож, стал обдирать камысы. У которого обдерет камысы, тот олень упадет. Так, до прихода Ивуля задавил всех оленей. Ивуль подплыл к Чоро, спросил: „Где же дом? сделал или нет?" — „Я не мог сделать". „Где же олени?" — „Я оленям сказал: снимайте унты, перейдем на другой берег! Они не сняли унтов. Я ободрал унты, они упали". — „Ты, Чоро, какой дурак, ничего не знаешь. Когда олени унты снимают? Никогда же не снимают. Я с тобой не стану жить, уйду далеко". Чоро оленей есть стал, там на стойбище остался.

A. Kambagir. Ŋəkənnə

87. Dulubun

ụmụkən ilə bicən nəkṵcĭ, bicən akīnīn ụmụkənmə. talumawa ḍawwa ōlcā, nəkṵnmi gṵcə: „Gələk təkəlniŋtəlikəl, ḍawwar ōwdāwər".

Nəkṵnin hụrụcə gələktəlcə. Tar ilə ahīn, hụtəlīn ılan bicətin. Nəkṵnin bicən dulubun. Akīnīn alatcawkı, nəkṵnin dolbotono əmərən. Tarīŋın ugacakākur kuŋākār niŋtilbətin əməwrən. Akīnīn gṵcə: „ēkunduk bakannı kuŋākār halgarbatın? Bi gṵcəw-gụ hindụ kuŋākār niŋtilbətin gənnəkəl?" — „Bi ewa hānni?" Akīnīn, wātcā mānŋwi nəkṵnmi. Nuŋan ılalcacā pəktirəwụnmi, gamalcacā, nuŋanmān pəktirəcə, wācā tarīŋnı.

N. Kaplın. Ṇorboko

88. Ụlək ilə bicə

ụlək gṵlcə ahītkīji: „Cannıkpı hiɣəkəl!" Tar hiɣəkəkəjim, ụlək ahīji wācā. Hōŋnōscō hēktakānə, əməwcə hēktawa, ahīji ıdakalcā, tarīŋın ılcā. ụlək tar hēktakāŋıji bṵcilcə haldatıldu, haldatıl gācāl. Tar haldatıl ahālwər təpụcəl, tāduk ıdakalcāl təpụnəlwər ahālwər. Tarīŋıtın əwkil arura. Jopocāl tukaladu.

ụlək məŋụnilwi gānalwı ulutakāndu nātcə mō daɣacāndun, garpacīlcā. Garparakın, bụrụwkil məŋụr. Bṵwki tarīŋılwı haldatıldu. Haldatıl ụnəjəcəl bərilwən. Garpacılcāl, albacāl bụrụtcəmī məŋụrə. Tıkulcāl haldatıl ụlākit. Dicəl macālə hụkitəliwı ụlākwə. Haldatıl hụrụcəl ḍūldulāwər.

Macāləlā əməcə ilə, ụlək gṵcə: „jṵpkəl minə". Ədụk jṵwcə ilənjin. ụlək gṵcə ilətkī: „Macālə hụkitədụn məŋụnmə nəcəw". Ugduscā ilə macālə hụkitələw. ụlək gācā iləmə murınmān, hụktiwụscə tar ilə ahīlān. ụlək ahīlāran ahīwān. Haldatıl əməcəl əjicəl

---

A. Камбагир. Нгоконно

87. Глупец

Один тунгус был с младшим братом, был старший брат. Одну берестянку стали делать, младшему сказал: „Принеси корней, лодку сшивать".

Младший пошел искать. У того тунгуса была жена, трое детей было. Младший брат его был глупец. Старший ждал, младший пришел вечером. Тот принес кости (пяток маленьких) детей. Старший брат сказал: „Где нашел ноги детей? Я разве говорил, принеси пятки детей?" — „Я что знаю?" Старший брат убил своего младшего брата. Он быстро поставил ружье, быстро выстрелил, убил того. (пятка — niŋti, корень niŋtə).

Н. Каплин. Ербогочон

88. Лживый человек был.

Лгун сказал своей жене: „Повесь чайник!" Когда та повесила, лгун убил жену. Срубил талинку, принес талинку, жену стал бить, та встала. Лгун ту талинку продал солдатам, солдаты взяли. Те солдаты убили жен своих, потом стали бить убитых жен. Те не ожили. Зарыли в землю.

Лгун полученные деньги положил на берегу под корень пенька, стал стрелять. Когда выстрелил, деньги выпали. Дал тот (лук) солдатам. Солдаты купили лук его. Стреляли, стреляли, деньги не могли выпасть. Рассердились солдаты на лгуна. Сунули лгуна в брюхо коровы. Солдаты ушли домой.

К корове подошел человек, лгун сказал: „Выпусти меня". Выпустил отсюда человек. Лгун сказал человеку: „В брюхо коровы деньги (я) положил". Влез человек в брюхо коровы. Лгун взял коня человека, ускакал к жене того человека. Лгун женился на жене его. Солдаты пришли, утопили

macāləwa. Tāduk ɥlək gʉ̄nən haldatıldu: „Bi mʉ̄ mɥhʉndukin ahīwa gācāw". ɥlək təpɥcə̄ macāləlwə, hɥkitəldʉtin nətcə̄ haldatılwa, ɥllilcə̄ nuŋarwatın. Tɥgī ɥlək əjitcən mʉ̄dʉ haldatılwa bʉ̄cələtin.

N. Ŋanagır. Olokno

89. Atırkācān

ɥmɥkən hunāḍīcī, ɥmɥkən hɥtəcī, murının kulıncıkācī, atırkacān biḍəcə̄. Murınīn bɥcə̄, kulıncīkānīn əmānmɥcə̄. ɥmɥkən bəjə əməcə̄: „Kulıncīkānmə əməwkə̄l!" gʉniwki. „Bi ətə̄m bʉ̄rə kulıncīkānma". Nuŋan, əməksək, hɥrɥcə̄. Ilan tırganīja ānŋatcāl, digīlə̄wi əməcə̄ nānə bəjə. „Kulıncīkānmə əməwkə̄l", gʉ̄cə̄. „Ətə̄m bʉ̄rə" gʉ̄cə̄. „ēda? bagdarın caŋankān kulıncīkānmə gələ̄ḍirān; bʉ̄rəksʉn-məl, əhəksʉn-məl, gādə̄ŋāw", gʉnḍirān: „kulıncıkānmə aja biŋəhiwər bʉ̄kəllʉ". Hunāḍīn gʉniwki: „Bʉ̄ɣar!" Atırkacān ənī əwki bʉ̄glərə. Bəjə mucuḍahıcā, ḍʉ̄llajə ānŋatcāl, ılīpcā əməcə̄ bəjə. Tar əməcə̄ gʉ̄cə̄n: „Bʉ̄kəl-wəl, əkəl-wəl, bi gādə̄ŋāw". Hunāḍīn: „Bʉ̄ɣar!" gʉ̄cā. Atırkacān mulacā. „Bʉ̄kə̄llʉ-wəl, əkəllʉ-wəl, bagdarın caŋankān gawkānən". Hunāḍīn bʉ̄cā, ɥɣīpcāl kulıncīkānma, əlgədəhicə̄.

Ḍaldulāwī ıssa, ḍalīn gʉ̄cə̄l: „Atırkacān ēda soŋopcō oḍərəs?" — „ekuna kāḍəgən kulıkān?" Gʉ̄cə̄ ɥmɥkəntin tikə̄. Kulıncīkan gʉ̄cā: „ēda minə̄ gaduhıḍeras? bi ıssagaw ilə̄-də̄ dʉnnə icəcə̄li". Sələməjə tolgokīja, sələməjə homutja, sələməjə luɣaja kəlutcā. Tāduk ukcāl, sērgadu ukcāl. Kətəkəkur binəl bəjəl, ukcāl tolgokīdu. Ələ gʉ̄cə̄ bagdarın caŋankān: „Dʉnnə nämilin nämirəkəl, bɥɣa cacalın cacarıkəl!" Murın kulıncīkān hɥktilcā. Ahullaja-wal əcə̄l ŋənərə, mɥɣdəkəcərdu hakırbatın ṇēwarbatın lokotcō. Upkat bɥcə̄l, sələməwə tolgokīwə jawırgacā, əlgəjəwi uruwḍacā. ɥmɥkən bəjə cukawa kadıḍacā, murın hɥktiktəḍərīwən icətcə̄. Murına ācınḍī ələ əmərən mənəkitpi. Kulıncīkān gʉ̄nən: „Minəwə əkəl ḍawalāttə, bagdarın caŋankān hoktodu ŋənəḍəm. On-dā gʉ̄kəl: kəgəldʉ̄s kəgəl ōḍəŋāw, ırgıdus ırgı ōḍaŋāw". Murınma laŋgalımmēn, nuŋanmān tādu ṇēwarbān, hakırbān lokotcō.

корову. Тогда лгун сказал солдатам: „Я жену взял от хозяина (духа) воды". Лгун убил коров, в брюха их положил солдат, зашил их. Так лгун утопил в воде солдат до смерти.

Н. Нганагир. Олекма

89. Старушка

Жила одна старушка с дочкой, с сыном, с кобылой, у кобылы был жеребенок. Кобыла умерла, жеребенок остался. Пришел один человек: „Жеребенка отдай!" говорит. „Я не дам жеребенка". Он (как) пришел, (так и) ушел. Три дня продневали, на четвертый опять пришел человек: „Жеребенка отдай" сказал. „Не дам", сказала. „Почему? белый царь просит жеребенка; дадите или не дадите, возьму, говорит, жеребенка хорошего дайте". Дочь говорит: „Отдадим!" Старуха-мать не желает дать. Человек вернулся, десять дней прожили, в третий раз приходит человек. Пришел тот, сказал: „Дашь ли, нет ли, я возьму". Дочь сказала: „Отдадим". Старуха жалела. „Дадите ли, не дадите, белый царь заставит взять". Дочь отдала, привязали жеребенка, увел.

Пришли к соседям, соседи сказали: „Чего, старушка, плачешь?" — „Что сделается с жеребенком?" сказал один из них. Жеребенок сказал: „Зачем меня берете? я дойду до какой-нибудь земли, увижу". В железные санки в железный хомут, в железную дугу запрягли. Потом сели, в санки сели. Много людей было, сели в санки. Теперь сказал белый царь: „Через землю поезжай, краем объезжай!" Конь-жеребенок побежал. Не прошло несколько дней, на пеньках развешал их печени, их сердца (разбил). Все умерли, железные санки сломал, упряжь (с оглоблями) таскал. Один мужик траву косил, увидал бегущего коня. Конь без всего, только сам идет. Жеребец сказал: „Меня не лови, к белому царю по дороге иду. Так скажи: „На гриве твоей гриву сделаю, на хвосте твоем хвост сделаю". Стал ловить коня, там же его сердце, печень повесил (убил).

N. Kaplın. Ṇorв

90. On ɥlākitcān ɥmɥkān вəjə.

Umnə ɥmɥkān вəjə əməcān ɥγədərīldulə. ɥhəḍərīl gɥllə: „Əcās-γɥ hamān вirə, həγəncəkəl mɥnə".—Həγəncəˌəm-də əḍəŋnən ajiwra—wāptinạ ācin!" ɥhəḍərīl həγəncəwkāllə, oronmo wākānimīl. Hamānŋitin ətərən həγəncəḍəmī, gɥnən: „Ilallalı ajıwgaradās".

Hamānŋitin təəmiktəḍīn hɥrɥllən. ɥγəḍəwkil вɥrə ɥmɥkānmə oronmo, tətiγəllən nuŋandun. Hamanŋitin, oronduji ɥγucaḍana, ıstan ḍūlāji, hōkacıllan ɥlākkinətpi ilələwə, hamān ōna.

P. Putugır. Ṇorвoko

91. Ụmɥkān culluwkı[1] mɥdɥrān

Jəγin haldatıl вicāl, mɥdɥrān вicān. Cɥlluwki ōran jəγinmə bəril, jəγinmə lukīl. Haldatılın əmərə mɥdɥrāndɥlạ. Gɥnən mɥdɥrān: „Bərilвı, nī-wạl gāmmulākın, вɥmcāw ɥamaḍıdu aruwlıl". Haldatılın gɥnə: „ēda aja bər, lukī". Mɥdɥrān gɥnən: „Ərgəcin bər aja вiŋnərən, hu, gāmī, təliŋnə вajḍıŋāhun. Bi вajcāw bərilḍīji". Mɥdɥrān nātcə jəγindu irəktəl məŋɥrwə, jopocō. Mɥdɥrān haldatılın gɥnə: „Bərilвə əməwkəl". Mɥdɥrān вɥrən, gɥnən: „icəlkāllə". Haldatılın icəcillə. Mɥdɥrān garparan irəktəwə daγacānduli, lukīn lupurarān. Mɥdɥrān gɥnən: „Icəlkəllə ɥlāḷḍạlım", ūlālḷan məŋɥrwə. Məŋun вiksənmən вakaran. Haldatılın gɥnə: „Əhilə aja-da!"

Ḍūlāwər hɥrɥrə, ḍūwar ista. Cajtırə, ahālduwər gɥnə, ajalwa bərilwə gādawər. Cajtıkānimıl, hɥrɥrə, garpatnāhinạ. Hēkīlwa garpatta, garpatta, ɥlāḷlə, ɥlāḷlə, əcāl вakara. Gɥnə: „Mɥdɥrān ɥjəkkiḍəkin, ēkun ərgəcin; ēlaha-wal вakaḍıŋāltı nuŋanmān".

Н. Каплин. Ербогочон

90. Как обманул один мужчина

Однажды один мужчина пришел к больным. Больные сказали: „Не шаман ли (ты), пошамань нам".—„Пошаманил бы, да не поправлю—нет жертвы!" Больные заставили шаманить, оленя заставили убить. Шаман кончил шаманить, сказал: „Через три дня поправитесь".

Шаман на утро ушел. Больные дали ему одного оленя, одежду. Шаман, на олене ехавши, доехал до дома, хвастался, (что) обманул людей, ставши шаманом.

П. Путугир. Ербогочон

91. Один болтун хитрец

Было десять солдат (и) хитрец был (один). Якут (болтун) сделал девять луков, девять стрел. Солдаты пришли к хитрецу. Хитрец сказал: „Если кто-нибудь хочет взять луки, отдал бы за сотню рублей". Солдаты сказали: „Разве хорошие лук, стрела?" — Хитрец сказал: „Такой лук хороший бывает, вы, купивши, сразу разбогатеете. Я разбогател от луков своих". Хитрец положил в девять лиственниц деньги, закопал. Солдаты хитрецу сказали: „Дай луки". Хитрец сказал: „Посмотрите". Солдаты стали смотреть. Хитрец выстрелил около лиственницы, стрела взлетела. Хитрец сказал: „Посмотрите, стану копать", выкопал деньги. Клад нашел. Солдаты сказали: „Теперь хорош!"

Домой ушли, дошли до дома. Пили чай, женам говорили, что взяли хорошие луки. Попивши чаю, ушли, пошли стрелять. Стреляли, стреляли в лиственницы, копали, копали, не нашли. Сказали: „Хитрец обманул, такой сякой! когда-нибудь встретим его".

---

[1] Culluwki — прозвище, которое ербогоченские эвенки дают якутам.

I. Lontogir. Nēpa

92. Ətirkən, atırkān

ŋmnəkən bidəcətin ətirkən, atırkan. Nuŋartın bidəcətin ŋmuŋkəndu ḍūdu. Nuŋartın əŋkitin ējа-dā ōra.

ŋmnəkən ətirkən gūnən atırkāntikī: „Si mindū tiləkəl kumkələ dıldulıw". Atırkān gūnən: „Kə! tiləktə! Huŋkələskəl tırūduw". Atırkān tiləllən, alвaran ējа-da вakamī, gūnən: „Sinŋidu dıldus kətəməwə ŋaŋŋa, upkatwa ŋālaıwı ŋaŋŋam. Si mindu tiləkəl!"—„Kə! huŋkələskəl". Ətirkən atırkāndu dıldun tiləllən, вakaran ḍūrwə kumkəl, gūnən: „Sindu вisi kumkəl". Tar jeŋillen, вakaran ılīwa, tar upkattuk həgdimər. Ətirkən gūnən: „Nuŋanmān ulılwət; вaldıakın, kəˌəŋəp wāmmən, təli miti siləwkəcīl ōˌaŋāp". Atırkān gūnən: „ulılwət, nuŋandun ōwāt ḍūjān, tādu nuŋanmān, ulılıŋnəp".

Kərə nuŋandun ḍūjan ōmmen, ulılılə, nuŋan ānŋəttən. Təγəmī ətirkən icəcillən, nuŋan вaldıcā həgdiməmə. Ətirkən tuwsaɔīnan ḍūlāwı, gūnəsinən atırkāntikīwı. „Mılki macāləp вaldıran, nuŋanmān wāwāt", gūnən. Tuwsaran ətirkən, urısınan purtawı, kərən gıdalāmmən macāləwə. Hiγillə, hiγrə nuŋanmān. Ətirkən gūllən atırkāntikīwı: „Kə! ulləwə uwawāculkal ḍūlāwər". Uwawāttə. Ətirkən gūnən: „Si ımālkəl ḍūwar". Atırkān imārən ḍūwa urkətəjwən, gūnən: „Bi-kə əsīlə īli īḍəlim?" —„Bi sintikī gūcəw īdəs". Atırkān ılıtsan, ılıtsan, kərən sururən вırajawə solokī. Atırkān ŋənərən gorowo, icərən awsa cuŋurkātcərən. Nuŋan kərən tar awsawa sukətwi təktəsinimmān, tādu qalum umar. Tarā gārqn umarwa, kərən surummān ḍūlāwı. Nuŋan ıstan ḍūwı. Tuktirən, ḍū ojolōn, icəcillən, ətirkānmi icərən. Nuŋan macāləwı qəwcā. Atırkān kərən вurimmān umanma. Ətirkān gāncaran, ḍəpsən, gullən: „Həncəkl hata mindu вūkəl!" Atırkān hata вurirən. Ətirkān icəcillən ədukˌ вurumḍərən, tāγrən atırkānmı. Ətirkān gūnən: „Si mindu nikəl urkəwə". Atırkān niwrən urkəwə. Tar вillə, əsīlə ətərə ənilqəmī, hawalīlla ajat.

И. Лонтогир. Непа

92. Старик, старуха

Однажды жили старик, старуха. Они жили в одной юрте. Они ничего не делали.

Однажды старик говорит старухе: „Ты поищи мне вшей в голове". Старуха сказала: „Ну! поищу, ложись на подушку". Старуха стала искать вшей, не могла ничего найти, сказала: „В твоей голове много грязи, все руки замазала. Ты мне поищи!" — „Ну! ложись". Старик стал искать в голове старухи, нашел две вши, сказал: „У тебя есть вши". Стал искать, нашел третью, эта больше всех. Старик сказал: „Покормим ее, когда вырастет, убьем, тогда мы со щербой (с супом) будем". Старуха сказала: „Покормим, сделаем ей дом, там ее кормить станем".

Стали ей делать домик, стали кормить, она ночевала. Утром старик посмотрел, она выросла большая. Старик побежал домой, пошел сказать старухе. „Наша корова выросла, убьем ее", сказал. Побежал старик, выдернул нож, заколол корову. Стали обдирать, ободрали ее. Старик сказал старухе: „Ну! таскай скорее мясо домой". Перетащили. Старик сказал: „Ты зарой снегом юрту". Старуха зарыла юрту (и) дверь, сказала: „Я-то теперь где войду?" — „Я тебе говорил, чтобы вошла". Старуха стояла, стояла, ушла вверх по реке. Старуха долго шла, увидела—горновик катится. Она начала рубить топором тот горновик (берестяная коробка), там полно костного мозга. Взяла тот мозг, пошла домой. Она дошла до дому. Влезла на верх юрты, посмотрела, старика увидала. Он корову (уже) съел. Старуха уронила мозг. Старик быстро схватил, съел, сказал: „Бог, дай мне еще!" Старуха еще уронила. Старик посмотрел откуда падает, узнал старуху. Старик сказал: „Ты мне открой дверь. Старуха открыла дверь. Так стали жить, теперь перестали лениться, работать хорошо стали".

А. Камбагır. Ŋəkənnə

93. Baj

ụtələ əmụkən bajıkākun ilə bicə, əmụkən hawamnīn bicə. Tar ilə nəlkinīdu tụktihicən ụrəldulə, tar hawamnīn, gırkutcana, hoktolın ŋənəḍəwki. Baj hawamnīwa əpki ụllirə, hawamnīwı gụniwki: „ēdawı albaḍannı kaŋkıt gırkuḍamī?“ Tar baj hawamnīwı təktəwki. Hawamnīn hōmamat ḍalaŋəlcā, amakān bụḍəŋə. Hōmamat tıkulcā hawamnī, dolbo ḍaldatcawkı, tar bajŋı wādāwı. Hawamnī ụmnə dolbo hụkəwə gacā, dolborokın, təktəhicə dılın, hərəkət hụrụknənin. Ahīn ḍulakın tuksahıcā tụlīskī, ədīwən wārakın. Hawamnī tar ahīḍīn ahītālcā.

А. Камбагır. Ŋəkənnə

94. Ahātkān, amākā

ụtələ ụmụkən ilə hunāḍīnan ụrəldu gırkuktalcāl, nụlgiktəmət ororḍī. Tar ahātkān amīnīn gırkuktalcā, hunaḍīn guluwunduwı əmənmụcə. Ahātkān amīnmı alatcawkı dolbonīwa, amīnīn ācın. Dolboknonın alatcawkı; dolbo, hoŋoḍono, təgətcəwki. Biḍərəkin, guluwunīn bargıdādun amākā ılıtcaran. Amākā alamaḍawkı, ōn ōrīwān upkatpan alamaḍawkı. Ahātkān toɣowo gacā, amākāŋın tugı toɣowo gacā. Ahātkān toɣowo dılduwı lambaracā, amākā tuɣı ōcā. Tar toɣo dıldun badaralcā; amakaŋın dīŋniləhıkəcən, orēḍana. Tụk-də hụrụrən. Ahātkān amīnīn əmərən guluwundulāwı, nuŋan wācā ələ ụmụkən mōtīwa.

А. Камбагır. Ŋəkənnə

95. On bəjə amākāwa ụləkitcən

Ilə, gırkuḍaña, icərən ụmụkən amākāwa āmutkāndu gırkuḍarīwə. Tar ilə ụrmahıcā tar amākāŋı. Tarıŋı ụrmana, pəktirəcə, tarıŋı gəjəwụniscə. Amākāŋın nuŋandulān diŋniləcə. Tar ilə nawtaracā dụnnələ. Amākāŋın tirəcə tar iləwə. Ilə həkụ-

---

А. Камбагир. Нгоконно

93. Богач

Давно один богатый человек был, один работник его был. Тот человек весною пошел в горы, тот работник, едва идя, по дороге его шел. Богач не кормил работника, работнику говорил: „Почему не можешь итти скорее?“ Богач бил работника. Работник сильно похудел, скоро помрет.

Сильно рассердился работник, ночью придумал убить того богача. Работник однажды ночью топор взял, когда стемнело (наступила ночь), отрубил голову его, в сторону покатилась. Жена его голая выскочила вон, когда мужа убил. Работник на той жене его женился.

А. Камбагир. Нгоконно

94. Девочка, медведь

Давно один человек с девочкою бродили в горной тайге, кочуя на оленях. Отец той девочки ушел, дочку у костра оставил. Девочка ждала отца ночь, отца нет. До ночи ждала; ночью, плача, сидела. Когда сидела, видит—за костром стоит медведь. Медведь передразнивал, как делала она, все передразнивал. Девочка огонь взяла, медведь тоже огонь взял. Девочка огонь к голове приложила, медведь то же сделал. Огонь голову его зажег; медведь убежал, крича. Так (и) ушел. Отец девочки пришел к костру. Он убил только одного лося.

А. Камбагир. Нгоконно

95. Как мужик медведя обманул

Человек, бродя, увидел одного медведя, по озерку шедшего. Тот человек подкрался к медведю. Подкравшись к тому, выстрелил, ранил того. Медведь на него побежал. Человек тот упал ничком на землю. Медведь придавил того человека.

lətcə wkı əwki ərĭmətirə. Amākāŋın icətcəwki ərĭhinəwən, ətəjətcəwki tar iləwə dolвo nĭwa. Tırucəcə, tar ilə həkuləḍəwki, ənə huŋnahına. Amākā hurıren. Tar ilə ılcā hurıcə.

Aw. Putugır. Ŋəkənnə

96. On вəjə amākānun tuɣəḍəcən

ıməkən вəjə вolonĭdu ḍūkcādukkı gırkuktallan. Gırkuktaḍarakın, udullan, palıllan, ekun-da ətərən icəwḍəmĭ. Palıkākun ōdan. Bəjə, ŋənəḍənə, icərən awdumıwa. Awdumıdu ugduhıncallan, palı iltəndələn. Pəktirəwunmi ırkədun lokoron mōdu, mənin gorokōkunmə hata ugduhıncaran. Awdunduwı ekun-da əwki icəwrə. Ugduhıncaḍarākın, amākā ĭllən tar awdundulā. Bəjə ŋələllən, ənə humnara hukəlōhinən. Amākā ŋəwdilərən tar вəjəwə, maluduwı nārən. Bəjə hukəlḍənə, ḍaldācā: „Bi jūrəkiw, ərupcu ōdan, ajat əktə jūrə".

Hukəlḍənə, tar вəjə ḍəmmullən hōmamat, ḍaldācā: „ēda cĭwḍawki hagdıkĭwı, hagdıkĭwān вi-də cĭwukta". Amākā hagdıkĭwān cĭwran, cĭwkājim itiki-wəl ajiwrĭgacın ōran. Amākā jūrən tuliskĭ, вəjə ŋān tuliskĭ jūrən. Jūkājim, icəttən—ŋəŋŋənĭ ōcā. Hiləkəcā ḍapkanŋāldu. Amākāŋın hurıren ḍapkanŋālı hiləkənŋəli hurıren. Bəjə pəktirəwūnmi garan, hiləkənŋəli hurıren. Ŋənəḍənə, kolōmkalwı, вərilwətin təktəḍənə, hurıren „gırkĭw taɣaḍan" gūnə. Bəjə ŋənəkĭttuləwi hurıren, ḍalĭn ŋənəkittuwi вiḍərə. Bəjə ḍalwı вakaran, ḍūlā ĭrən, ahĭn əcə taŋmatıra. Bəjə mənin ulgucəllən ahĭtkĭwı: „Bi amākānun tuɣəḍəcəw".

A. Kaмвagir. Ŋəkənnə

97. Ulta

ıməkən ilə dulвun вicən. ıməkən gırkuktalcā. Gırkuḍana, ḍūwı hokorron. Upkat dolвonĭwa gırkunkātcā, koloвoŋkōrwı upkatpān manacā. Gırkuḍana, jəkəlcə. Jəkərəkın, ırəlḍulə ultacā jəkənīn. Tartıkĭ tuksahıcā, tālā tuksacā, jəkəcə ŋān, ultacā, ŋān, amaskĭwı tuksahıcā. Tarā hata tuksaktaḍacā nadallawa, aran вakacā, ḍūwı.

Человек лежит, не дышит. Медведь смотрел дыхание его, караулил человека ночь. Понажал, человек тот лежит, не шевелясь. Медведь ушел. Человек то встал, ушел.

Ав. Путугир. Нгоконно

96. Как мужик с медведем зимовал

Один мужик осенью пошел из дома. Пока ходил, ветер задул, слякоть пошла, ничего не стало видно. Большая слякоть стала. Мужик, идя, увидал старую берлогу. В берлогу влез, до того, как слякоть перейдет. Ружье повесил на дерево у входа, сам еще долго лез. В берлоге ничего не видно. Когда влезал, медведь вошел в ту берлогу. Мужик испугался, не двигаясь, лег. Медведь обнюхал того мужика, на главное место положил. Мужик, лежа, думал: „Если я выйду, худо будет, лучше не выйду".

Лежа, тот мужик проголодался сильно, подумал: „Почему сосет лапу, пососу-ка я пятку его". Медведя лапу пососал; пососавши, как будто сыт стал. Медведь вышел вон, мужик тоже вышел вон. Выйдя, увидел — весна стала. Проталинки образовались на берегах. Медведь пошел по берегу, по проталинке пошел. Мужик ружье взял, по проталинке пошел. Идя, кулемки, самострелы ломая, ушел, „товарищ попадется" (о медведе) говоря. Мужик пошел к месту, где ходил, на этом месте сородичи живут. Мужик сородичей встретил, в дом вошел, жена его не узнала. Мужик сам рассказал жене: „Я с медведем зимовал".

А. Камбагир. Нгоконно

97. Эхо

Один человек глупый был. Однажды бродил. Бродя, потерял дом. Всю ночь ходил, хлеб весь кончил. Ходя, крикнул. Когда крикнул, крик в горах раздался. Туда побежал, туда прибежал, опять крикнул, раздалось опять, обратно побежал. Таким образом бегал семь дней, едва нашел дом.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ. ЗАГАДКИ

L. Kımā. Cirəmbu

98. Cinəkā

„Cinəkā olboşkōtnōgōt!“ — „Ətəm əjəḍəp!“ — „Oroktolduk ḍawaḍap!“—„Ŋālaltı milḍəp!“—„Kokoldʻoḍop!“—„Kokoldʻoltı uldʻapcurə“. — „Olgīḍap“. — „Kētāḍərə!“— „Maŋıḍap!“ — „təpurgəḍərə“. — „ımmət şaŋānaḍəp!“ — „inmə mukurgəḍan“.—„irəgəc irų̇ḍəp“.—„Irəgəjə jāləpcən“.—„Təktəŋkət təktəḍəp!“ — „Ir-kə təktəŋkā?“ — „Inməktu“. —„Ir-kə inmək?“ — „nəkudų“—Ir-kə nəkų?“—„Togo ḍəpcən.“—Ir-kə togo?“—„udųn şicə“. — „Ir-kə udųn?“ — „Ņəpkuptųn ḍəpcucə“. — „Ir-kə nəpkuptųn?“ — „Tar-wa-wəl əwəḍəkin hījilaḍarān“.

N. Kaplın. Ņorbokō

99. Pereden

Pereden ilə hurucən ukinəscənə. ukikəjim, ukiduwi təγətcəcən Pereden. Uŋaŋan garparan Peredene, təγətcərəkin. Pereden ukiləwi burucə. Uŋaŋan, tar wākōjim, hururən. Tar ŋənəḍənə, bakacā mōtīwa. „ēja ḍəwuŋnənni?“—„Hēktakānə ḍəpiŋnəm“. Uŋaŋan gūcə: „Baldıdukwı baldıḍakal!“ Uŋaŋan hururən, gələktənəhicə amākāl. Bakacā amākāwə „ēja ḍəpiŋnənni, amākā?“ — „Hiŋərəkəcərə ḍəpiŋnəm, mōtīla ḍəpiŋnəm, iriktəkərə ḍəpiŋnəm“. Uŋaŋan hururən, gələktənəhicə irgicīja. Bakacā irgicīwə: „ēja ḍəpiŋnənni, irgicī?“ — „ḍəpiŋnəm orokōro, iləkərə, ŋınakıra“.—„Baldıdukkı baldıḍakal“. Uŋaŋan hururən, gələktənəhicə horokīwa. Bakaca horokīwa; „ēja ḍəpiŋnənni?“ —„ḍiktəjə ḍəpiŋnəm“.—„Baldıdukwı baldıḍakal!“ Uŋaŋan hurucə, hulakīwa gələktə-

---

Ш. Кима. Чиромбу

98. Чиноко [1]

„Чиноко, пойдем купаться!“ — „Нет, утонем!“ — „За траву захватимся!“ — „Руки порежем!“ — „Рукавицы наденем!“ — „Рукавицы промочим“. — „Высушим“. — „Засушим“. — „Разомнем“. — „Сломаются“. — „Иглой заштопаем!“ — „Игла тупая“. — „Напильником поточим“. — „Напильник затуплен“. — „Стамеской выдолбим“. — „Где стамеска?“ — „В торсуке“. — „Где торсук?“ — „На лабазе“. — „Где лабаз?“ — „Огонь съел“. — „Где огонь?“ — „Ветер затушил“. — „Где ветер?“ — „Водяной выпил“. — „Где водяной?“ — „Вон там едва виднеется“.

Н. Каплин. Ербогочен

99. Пэрэдэн

Эвенки Пэрэдэн ушел морду ставить. Морду сделавши, сидел у морды Пэрэдэн. Уянган выстрелил в Пэрэдэна, когда он сидел. Пэрэдэн упал в морду. Унянган, убивши его, ушел. Идя, встретил лося. „Что ешь?“ — „Талинки, ем“ Унянган сказал: „От рождения расти (расти большой)!“ Унянган ушел, пошел искать медведей. Встретил медведя. „Что ешь, медведь?“ — „Мышей ем, лосей ем, муравьев ем“. Унянган ушел, пошел искать волка. Встретил волка: „Что ешь, волк?“ — „Ем оленчиков, людишек, собак“.—„От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать тетерева. Нашел тетерева. „Что ешь?“ — „Ягоды ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, лисицу пошел искать,

[1] Чиноко — маленькая свистящая птичка похожая на кедровку. Здесь передан разговор двух птичек, живущих на главной шаманской реке, чиноко и клейстика.

nəhicə, вакасā hulakīwa. „Hulakī, ēja ḍəpiŋnənni?“—„Munnukārə, hiŋərəkārə ḍəpiŋ nəm“.—Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̆nən Uṇaŋan, hurucən. Ba karan hēlakīcānmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Hēktakārwə, ḍiktəkərwə ḍəpiŋnəm“. — „Baldıdukwı вaldıḍakal“. Uṇaŋan hurucə, gələk̆tənəhicə hinuḳicənmə, вакасā hinukicənmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ —„Hēktakārə, himiktəkərə, kuŋaktala ḍəpiŋnəm“. Uṇaŋan hurucə, gələk̆tənəhicę iləwə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Koloвojo ḍəpiŋnəm“, — „Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̆lcə Uṇaŋan, hurucə, вакасā murınma; „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Cukaja ḍəpiŋnəm“—„Baldıdukwı вaldıḍakal“. Uṇaŋan hurucə, gələk̆tənəhicə macāləjə. Bakacā macāləwə, „ēja ḍəpiŋnənni?“—„Oroktojo ḍəpiŋnəm“.—„Baldıdukwı вaldıḍakal“, Uṇaŋan hurucə, вacaka oronmo, „ēja ḍəpiŋnənni?“—„lawıktala, cukala dəγiŋə̄ktələ ḍəpiŋnəm“.—„Baldıdukw baldıḍakal“, Uṇaŋan hurucə, gələk̆tənəhicə ŋınakınma. Bakacā ŋınakınma, „eja ḍəpiŋnənni?“ — „Tərgəksələ, koloвolo, ulləjə dəpiŋnəm“.— „Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̆nən, Uṇaŋan hurun, gələk̆tənəhinən hēkalānmə. Bakacā hēkalanmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Ororo ḍəpiŋnəm, hinə ḍəpiŋnəm“. Hēkalān ḍəwrən Uṇaŋanma.

H. Salatkina. Ņorbokō

100. Bəjətkən

Bicən bəjə, ılan asālīn. Biḍəcətin ajat. Bolo bəjə tuktisinən, ulumāsinən, bəjumāsinən. Surulḍərəkin, umukən asīn gū̆nən: „Bəjə, sī əmədələs, bī ullidəlim sunəs“. Gē gū̆nən: „Bī ullidəŋə̄w untalas“. Ilī gū̆nən: „Bī hutəŋḍəŋəw omolgījas“.

Bəjə bəjusinən. umukən sunən ullirən, gē untala, ılī hutəgillən. umukən asī gū̆nən: „Asī ələkəs hutəgilmī, ēsalwı ujiwki“. Tarā ēsalwa ujirən. Hutəŋnəkin, hutəwən nōdānārə вıralā, kacıkānmə əməwrə hutəjən. Bəjə əmərən. Ḍūr asāl əməwrə ullinəwər, umukən əcə əmərə. Bəjə bəwə icəsinən. Icərən əcə kuŋakān вirə— kacıkān biḍərən. Bəjə tıkulihsa, asī umukənmən gāləwān kaputtan, kacıkānmə wārən.

нашел лисицу. „Лисица, что ешь?“ — „Зайцев, мышей ем“. — „От рождения расти“ сказал Унянган, ушел. Встретил куропатку. „Что ешь?“ — „Талинки, ягоды ем“ —„От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать рябчика, нашел рябчика. „Что ешь?“—„Талинки, бруснику, толокнянку ем“. Унянган ушел, пошел искать человека. „Что ешь?“ — „Хлеб ем“. — „От рождения расти“, сказал Унянган, ушел, нашел лошадь. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать корову. Нашел корову. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, нашел оленя. „Что ешь?“ — „Мох, траву, грибы ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать собаку. Нашел собаку. „Что ешь?“ — „Кожу, хлеб, мясо ем“. — „От рождения расти“, Унянган ушел, пошел искать рысь. Нашел рысь. „Что ешь?“ — „Оленей ем, тебя ем“. Рысь съела Унянгана.

Х. Салаткина. Ербогочен

100. Мальчик

Был мужик, три жены (у него). Жили хорошо. Осенью мужик лазил (ходил по горам), промышлял белку, зверя. Когда собирался уходить, одна жена сказала: „Мужик, до твоего прихода я сошью кафтан твой“. Вторая сказала: „Я сошью унты твои“. Третья сказала: „Я рожу сына твоего“.

Мужик отправился промышлять. Одна кафтан его сшила, другая унты, третья ребенка родила. Одна жена сказала: „Женщина, впервые рожая, глаза завязывает“. Та глаза завязала. Когда родила, ребенка ее пошли бросить в реку, щенка принесли за сына. Мужчина пришел. Две женщины принесли сшитое, одна не пришла. Мужчина, рассердившись, сломал одну руку жены, щенка убил.

Bəjə ḍūrnun asālnunmı nuŋlgisinə, ılīwa asīwa əmənḍənəl.

Tar asī bırən, ṇəŋŋədələn bıḍəcən. Ṇəŋŋə bıra arbarakın, asī mūlədənə, icərən ēkun-mal ūḍakārīn. Ilə ūḍalīn. Nuŋan, iləwə ḍawadāwı, bıra ḍapkadun bərwə tāduk cucunmə nērən. Gūnən: „Bəjətkən bimi, bərwə gaḍaŋān, asātkān bimi, cucunmə". Mənin sıpkıcıllan. Kuŋākān mūduk jūrən, bərwə garan. Asī kuŋākānmə icəksə, tuksaran, nuŋanmān ḍawammən kərən. Tāduk ḍūlāwı tuksaḍasınan. Bəjətkən, cērŋāḍənə, wākəcıllən: „Minə sēŋan hakınḍīwı uliḍəcən". Sēŋan mūduk jūssərən, ṇān mūtkī hurrən. Asī ḍūlāwı bəjətkānmə əməwrən, ulgucāllən, ōn nuŋanmān mūlə nōdacātın. Bəjətkən həgdiməkən ōhsa, bokoncusnan amīnmī. Amīnmı bokonon. Ḍūlān ırən. Upkat nuŋanmān icəcillə. Ŋi-mət əcə sārə nuŋanmān, nuŋan bəjəŋi hutən.

Cajiŋra, nuŋanmān təγəẇkəcillə, cajtīldān. Nuŋan cajtīran. Amīnīn hanŋūktallan: „ĭduk bisinni?" Nuŋan ulgucāllən upkatwān. Asāl mədəllə əcə ajat ulgucəndərə, gūllə: „āmə āskəl". Bəjə gūnən: „ulgucākəl, ulgucākəl". Bəjətkən ulgucənən upkatwān ajamamat, ōn ənīnīn hutəŋrəkin, nuŋanmān bıralā nōdācātın, ōn ənīnīn nuŋanmān ḍawaran. Təli bəjə tıkullan, asālwı nōdārən, ılītkī surumān kərən.

Nuŋan hutətəj ənīndulən əmərə. Biḍəlimmār kərə.

M. Mōlḍākītow. Kalar

101

ṷmun—umukta	Ṇuŋun — ṇuriktə
Ḍūr — ḍuguktə	Nadan — nanna
Ilan — ılagli	Ḍapkun — ḍaw
Digin — dilkācən	Jəgin — jalwuka
Tunŋa — tuksakī	Ḍān — ḍantakī

Мужчина с двумя женами откочевал, третью жену оставив.

Та женщина живет, до весны жила. Весною, когда река обмелела, женщина, идя за водою, увидала какой-то следок. Человека след. Она, чтобы человека поймать, на берегу реки лук, потом скребок положила. Сказала: „Мальчик если—лук возьмет, девочка если — скребок". Сама стала следить. Ребенок из воды вышел, лук взял. Женщина, ребенка увидев, побежала, его поймала. Потом домой убежала. Мальчик, ворча, закричал: „Меня налим печенью своею кормил". Налим из воды выскочил, в воду опять нырнул. Женщина домой мальчика привела, рассказала, как его в воду бросили. Мальчик, большим ставши, отправился искать отца. Отца нашел. В юрту вошел. Все его смотреть стали. Никто его не знает, (что) он—мужика сын.

Сварили чай, его посадили чай пить. Он чаю попил. Отец его спросил: „Откуда ты?" Он рассказал все. Женщины почувствовали, (что) не хорошо рассказывает, сказали: „Сном спи!" Мужик сказал: „Расскажи, расскажи!" Мальчик рассказал все хорошенько, как мать его когда рожала, его в реку бросили, как мать его поймала. Тогда мужик рассердился, жен бросил, к третьей ушел.

Он с сыном к матери пришел. Стали жить.

М. Молдякитов. Калар

101. (Считалки)

Один — яйцо	Шесть — волос
Два — паут (овод)	Семь — шкура
Три — гусенок	Восемь — лодка
Четыре — „плевок" (муха)	Девять — мох
Пять — заяц	Десять — россомаха

102. Əwədil tāγıwkāl (nāŋāwkạl, tilkəl)

1. Ḍū̱r nəkū̱nān mən mənmər əhi icəldirə? ēhal. (Af. Sah.).
2. Bagdarın bəjə iwəḍārān, uların bəjə kıstaḍaran? iktəl, inŋi. (Af. Sah.).
3. Ḍān bəjə, ḍān ḍuḳạwạ ınaḍara? ŋālə, ohıktal. (Af. Sah.).
4. Hulakī hıγıluḍaran, hulakī awdundukın? ılıksa. (Uw. Ṇorв.).
5. Ḍū̱r-ḍār bəjəl nəkū̱nəhəl bicāl, digin awucīl? halgar, ŋālə ụmụkəcərtin. (Uw. Ṇorв.).
6. ụmụkān bəjə hawaduk-ta hawa. ilə ḍalīn.
7. Tawar ēkun garparan? ēṣa. (Bajakī. Cir.).
8. Tawar ēkun hamaldʳan? (ēsa). (Bajakī Cir.).
9. Tar ēkun ajilun? dalı. (Bajakī Cir.).
10. Tar ēkur tōkīl təwəjḍərə? sēr. (Bajakī Cir.).
11. Ḍū̱r mōtīl oŋkoḍoro kaltırdu? sēr. (Uw. Ṇorв.).
12. Bəjəl āmutkānmạ bargımnak ŋınnukārọī ıktumātcərə? sarımıktal. (Uw. Ṇorв.)
13. Calвuktu mōtī gırkuḍaran? cōlı. (Uw. Ṇorв.).
14. Tar ēkun asī, hıluktala həkinḍərən? cōlī. (Bajakī Cir.).
15. Tar ēkur hisụkārwə ŋāləktəḍərə? osıktal. (Bajakī Cır.).
16. Tar ēkun āmutkākājadu hisụkār? iktəl. (Bajakī Cir.).
17. Tar ēkun āmutkānmạ mụrəli hişəkār? iktəl. (Bajakī Cīr.).
18. Tar ēkun bəjə şəвdəndʳə iniktəḍərən? ŋụriktạ. (Bajakī Cır.).

19. ụmụn ınak ojalıwı nōduḍạrān? ərıwụn. (Af. Sah.).
20. Ḍū̱r bəjə mākkụscārā: вī sināwạ вokonḍıŋāw, вī sināwạ вokonḍıŋāw? kıŋŋal (Af. Sah.).
21. Ilan bəjəl gukcanḍara, gụnḍənəl: вī huptıḍam, вī huptıḍam, nī-dā əwki huptıwra? huksılla, howgura. (Uw. Ṇorв.).

---

102. Эвенкийские загадки

а) Части тела

1. Два брата друг друга не видят? (Глаза).
2. Белый мужик пихает, красный рубит? (Зубы, язык).
3. Десять мужиков десять льдин несут? (Ногти).
4. Лисица выглядывает, лисица из норки? (Сопля).
5. Двадцать мужиков братья были с четырьмя шапками? (Пальцы рук и ног).
6. Один мужик из бойких бойкий? (Человеческий ум).
7. То что — выстрелило? (Глаз).
8. То что — стрельнуло? (Глаз).
9. То что — промышленник? (Ум).
10. То что — лоси пасутся? (Уши).
11. Два лося пасутся на косогоре? (Уши).
12. Мужики на двух берегах озера жердями бьются? (Ресницы).
13. В березняке лось ходит? (Язык).
14. То что (за) — женщина кишки топчет? (Язык).
15. То что — камни таскают? (Ногти).
16. То что — на озерке камни? (Зубы).
17. То что — вокруг озера камни? (Зубы).
18. То что — мужик соболя тащит? (Волосы).

б) Предметы домашнего обихода и орудия труда

19. Одна корова через лоб бросает? (Лопата).
20. Два мужика спорят: я тебя догоню, я тебя догоню? (Лыжи).
21. Три мужика бегут, говоря: я обгоню я обгоню; никто не обгоняет? (Лыжи и палка).

22. ɥmuḳən ətirkən, dunnə hərgidəlin gırkuḍana, ilәl ororwotın ḍoromıwkı. ırcacīwūn.
23. ɥmuṇ bəjə, ılıtcana, ŋāləjə, halgana ācın binə, bəjəjə ḍawawkı? adıl. (Uw. Ņorв.).
24. ɥmuḳən ətirkəcən, huḳələḍənə ŋāləjə, halagāna acın bīnə, bəjəjə ḍawawkı? ɥkī.
25. Tar ēkun ŋədi? ērkān. (Bajakī Cīr.).
26. Tar ēkur atırīkār tiləmətcərə? cımka, ıkoptınnun. (Bajaki Cir.).
27. Tar ēkun atırīkān saŋŋanmutcaran? oldrowun. (Bajaki Cir.).
28. Tar ēkur atırīkār tērucımātcırə? kultır. (Bajaki Cir.).
29. Tar ēkur bəjəl dılmātcərə? şōna. (Bajaki Cir.).
30. Tar ēkun ḍəlılḍəkəncəḍərən? golo. (Bajaki Cir.).
31. Tar ēkūr bəjəl ḍūnmātcərə? irəgə. (Bajaki Cir.).
32. Bi-kən bıktə, si-kən bıkəl? kiglə. (Bajaki Cir.).
33. Tar ēkun nəŋirīwə sirikəkən dawdıtcaran? bəri. (Bajaki Cir.).
34. Tar ēkun ācın ŋəlinəjə, ŋəlınəcitmər? ųşə (lukī) (Bajakī Cir.).
35. Tar ēkun asī cogı, bəjə cogı? kōŋakta, cog. (Bajakī Cir.).
36. Tar ēkun aŋunaju, aŋunacıtmakān? togo, gulu. (Bajakī Cir.).
37. Tar ēkun ajiwnaja, ajiwnacıtmakān? togo, gulu. (Bajakī Cir.).
38. Tar ēkun ulgukī huktiktəḍərən, sıluktala ıruktaḍana? kuwuka. (Bajaki Cir.).
39. Tar ēkun duṇtələn? uşi. (Bajaki Cir.).
40. Tar ēkun darıwulan? tıjəwun. (Bajakī Cir.).
41. ɥmuḳən murīn ılītcawkı hutən diŋnilāhiniwki cīŋəritcənə. pəktirəwūn, pulkı.
42. Tar ekur mugdəkācəndu bəjəl həkinḍərə? tawītkīt. (Bajakī Cir.).
43. Tar ēkur tōkīl əŋtimātcərə ŋəkuwə lupumrak? kurgə. (Bajakī Cir.).
44. Tar ēkun bəjə ḍuḳəwą iniktədərän? iwəŋki. (Bajakī Cir.).
45. Tar ēkun şıyıkāgdulı ulgukī huktıktəḍərən? igdiwun. (Bajakī Cir.).
46. Tar ēkun atırīkān ıruktaḍaran şıluktalwa gēlgajāpənı? inmə. (Bajakı Cir.).
47. Tar ēkur aşāl təyətcärä āmuıkānmą murəlī? cucun. (Bajakī Cir.).

---

22. Один старик, под землей бродя, человеческих оленей ловит? (Невод).
23. Один мужик, стоя, без рук, без ног людей ловит? (Сеть).
24. Один старичок, лежа, без рук без ног человека ловит? (Морда).
25. То что — незамерзающее? (Кончик лука).
26. То что — старухи вшей ищут? поперечная жердь и срединная на месте соединения (в юрте).
27. То что — старушка дымит? (Таган).
28. То что — старушки договариваются? (Порог).
29. То что — мужики головами опираются? (Связка юртяных жердей).
30. То что — налимом стоит? (Бревно).
31. То что — мужики юртами стоят? (Напильник).
32. Я есть, ты есть? (Лыжа).
33. То что — прутик толстое дерево поборол? (Лук).
34. То что — без страха, немного страшна? (Стрела).
35. То что — женщина болтунья, мужчина болтун? (Колокольчик и язычок).
36. То что — едящий, не наедающийся? (Огонь, чурка).
37. То что — сытый, не насыщающийся? (Огонь, чурка).
38. То что — бурундук бегает, кишки таская? (Рубанок).
39. То что — через протянулось? (Узда).
40. То что — измеритель? (Посох).
41. Один конь стоит, детеныш его бегает, покрикивая? (Ружье, пулька).
42. То что — на пеньке мужики топчатся? (Наковальня).
43. То что — лоси едят мох через гору? (Кузнечный мех).
44. То что — мужик льдину тащит? (Пешня).
45. То что — по чаще бурундук бегает? (Гребень).
46. То что — старуха тащит кишки ловко? (Игла).
47. То что — женщины вокруг озера сидят? (Скребок—круглый).

48. Tar ēkur aşāl təγətcārā, tākənmą ḍalum təγətcārā? kədərə. (Bajakī Cir.).
49. Tar ēkun ŋaŋŋaltakājadu tukşəkən? hargan. (Bajakī Cir.).
50. ųmuķən ətirkən hutəwi anakākucıwkı tarjalā hətəkəknənin. homok nəkə.
51. ųmuķən mōtī ılıtcaran, oldonīn upkacīn pəktirųwcə? curвuγar. (Uw. Ņorв.).
52. Tunŋa bəjəl ųmutəl ḍūcīl? kokollo. (Uw. Ņorв.).
53. ųmuķən atırkācān halgarwı həmkəknənīn ŋənəwki? kədərə. (Uw. Ņorв.).
54. ųmuķən atırkācān horolıllakın, dunnə upkacın horoliwkı? māsləŋḍərī. (Uw. Ņorв.).
55. Ŋənəmī, ŋənəmī ūdaja ācın? ḍaw. (Zujew. Tut.).

56. Aγıjakākındu kalan ųjiḍärän? irinäk ḍūn. (Af. Sah.).
57. ųmųn bəjə ŋənəḍānä mawutpı вųricą? hokto. (Uw. Ņorв.).
58. Ātırkākun ılcā, amīkunma turgamī? saŋŋan. (Zujew Tut.).
59. Tar ēkun ūḍagda? mō hoŋon. (Bajakī Cir.).
60. Tar ēkur multakşa kųjinə? ōsıktal. (Bajakī Cir.).
61. Tar ēkun ətirīkən şaşuŋıpca? amun doŋotokınınduk. (Bajakī Cir.).
62. ųmuķən ətirkācən bagdama awucī? Mugdəkācəndu hiŋilgən. (Uw. Ņorв.).
63. Koŋnomo macālə əmərəkin, bəjəl upkat вųŋnərə; bagdama macālə əmərəkin, bəjəl upkat aruŋnara? dolвonī tırganī. (Uw. Ņorв.).

64. Ḍān ḍakacī ḍānḍūrin atırkān вicą? kārkə. (Af. Sah).
65. Ḍūr kəräl gukcanma, gukcanma, awgutın-məl əwki suptıra? tuhakī koŋnolın sērdun. (Sujew Tut.).
66. Tar ēkun dēŋŋaldun? mundʳukān. (Bajakī Cir.).
67. Tar ēkun tākīn hərgidųn əŋųpcə? ųlųkī ūḍan. (Bajakī Cir.).

---

48. То что — женщины сидят, полно на колоде сидят? (Мялка).
49. То что — на ясном небе облачко? (Береста на лыже).
50. Один мужичок толкает сына (так, что тот) отскакивает? (Замок и огниво)
51. Один лось сидит, бок весь прострелен? (Поленница).
52. У пяти мужиков по одной юрте? (Перчатка).
53. Одна старушка до мозолей на ногах ходит? (Кожемялка).
54. Одна старушка повернется когда, земля вся поворачивается? (Маслобойка).
55. Еду, еду следа нет? (Вода, лодка).

в) Природа

56. В тайге котел кипит? (Муравейник).
57. Один человек, идя, аркан потерял? (Дорога).
58. Старушка встала, небо подпирая? (Дым).
59. То что — следистое? (Трещина в дереве).
60. То что — шкура (дикого оленя) продырявлена? (Звезды).
61. То что — старик, побелевший от мороза? (Замерзший кал).
62. Один старичок с белой шапкой? (Снег на пеньке).
63. Черная корова придет когда, люди умирают; белая корова придет когда, люди оживают? (Ночь(и) день).

г) Животные и растительность

64. Десятиценная, вниз опущенная старуха была? (Сарана).
65. Два ворона соревнуются, соревнуются, никто не опережает? (Черные пятна на ушах зайца).
66. То что — с приподнятым затылком? (Заяц).
67. То что — под колодой растоплено? (След белки).

ШАМАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ

I. Bajakī. Cirəmbu

103.

şirundal! şirundal! şirundal! şirundal!
ewal şirundakīc togındulān!
omī ədəwi sēktakārą!
ənŋəkər ıtıwul, əməl kagancaldʳı!
nımŋakājadu-wal əlądą ıtıwul
ıtıwul gajıcāl ıtıwul
gelgaruŋnıkuldʳu, ənəl mınıkcara,
amŋarişądanaldʳu cagıdālā!
omī ənəl ḍalalīwra
luŋurı dolbonī əjındulān.
omī! bi-wąl cōlıgaḍam!
ēwal ukşanḍakuc.

Ş. Kimā. Cirəmbu

104. Jandʳapkā

ewalgīldʳa jand aḍukīc,
jandʳapkāją ulḍʳipkāşpąn
ulḍʳipkāş gırıwlın
şomtogorkōş ıltıgiḍı
ḍarıwlıgın tətəgən
luḳigikəş ḍawugulan
jandʳapkāją tətəŋıwən.

ēwalgıldʳa tāŋtəḍəkīc.
amījaγu Gurıwulja
Gurıwulja hırgagalḍuŋuşıgıwar
ərägilwa ēligilbəl
ēligikəblişəgəlwə
tikigin-məl bidāgətin
ərgəgācir ēligilbəl.

И. Баяки. Чиромбу

103. (Проводы души покойного в мир мертвых).

Покатились! покатились! покатились! покатились!
Какая покатость в нижний мир!
Пусть душа не пропадет!
Священные телята не пугайтесь!
В каком-то камлании только божьи олени,
Божьи олени обменялись, божьи олени!
Ловчее идите, не беспокоясь,
разговаривайте вдали!
(О) душе не говоря лишнего
вечер (и) ночь в чистом месте.
Душа я ли (тебе) языком говорю!
Как-нибудь дойдете.

Ш. Кима. Чиромбу

104. Камланье

Кто-нибудь сделает место, где камлают,
камланья — песни границы
по кругу границы
выемкой впадинки (на ободе шаманского бубна)
душа его (шамана) звучит (поет)
бугорок откликается (передает)
камланья — песни звучание.

Кто-нибудь сделает место, где подсчитывают души.
Отец Гуривуль
Гуривуль первую веру в шаманский дар (дал)
эту веру (эти молитвы),
теперь существующую веру (молитвы),
теперь чтобы были
такие же, как эти молитвы.

вijəγlцγ цŋacincurkaw,
kunıncurkaw
ərägilwạ ōligilвəl?
əcəgəw ŋacincugurə!
əcəgəw kaŋalвərə!
Tцksinməwə kaŋald'ən
amıgıdı ıldugudı,
ıldugulḍaŋaşıgıwı,
ərägiliwəl ōligilвər,
ццŋцgilḍaŋạgişiwi,
şirцgukəŋəşigiwi,
tцgigilgц gцnigirkəş.
ərägilwə ḍalagaşal:
ırgaganuḍakşugona,
ənəgə talguraganä,
hıgıgınd'ı ḍākşəgənä
dцnd'ạgə talguraganan.
Işıgıcā ḍakşəgənä
mōkogold'ərıduguwı
dцnd'ạgəwi ḍırəgəwən.
şıgnıgık ēcıkagıkun,
talguguracī вigцrạn.
şiwцgцşin harpagalkan
dцnd'aŋəşц şurgılḍakān
irgigidəşukəgənmət
kalвugulḍaŋıjagawạr
aŋagaḍar şıŋtagalnal

вəgigilḍəŋijəgəwạr.
Amī цγə ццŋцild'əkin
Ïlədə ətəm gцŋəlцrц.
Tцg-wəl вicəgцdцkpı
nikцtənцn nikцld'əktin
nikцgцldiliktəgətpi
hərgigic, цgigic
tāwurtānul tāwuldınəl
əŋĭgidi dцnd'ạgədi.
Dalвancādạl darıncana
dolвonŋuşu цrkəlвişpən
şələgəgdəl, mōragagdal
ācıgır şaşanagald'ə
kolegıŋran nalвagaŋran.
Dalвaganca ḍākşogonal
dolвoŋoşo şōkarkīwān,
ərägilwạ ŋəpkəgəktəl,
dцnd'ạŋəşə jalıktalwān.
Akīgıŋaşajagamı
вцrцgəḍạkilдцgцktən
old'ogonraşmılḍigıtın
ḍargagagantuḍugunu.
Nōdıgıвḍakılдugukpı
şəвḍəgəвḍəgildцgцwi
wālạjagdul şolaldutın.
şuguguşıw tälägimnaw
amaga jomвuşugukān

Я разве звал (кричал)
звал издалека (разве)
эти молитвы?
(нет) не звал!
(нет) не звонил боталом!
Облаками звонил
отец поучающий,
(во время) передачи
этих молитв
(во время) начала указания
свого быка-пороза (оленя)
так учил (говорил вероятно).
эти годы
отмахивая духов,
не затихая
ветришь (дуешь) беспрерывно
земли тишину.
Дошедший без остановок
до своего хорошего лесного места
до хребта земли.
Любимое место очень хорошее
с тишиною есть.
Вихрь верхней земли
землю нехорошую
где-нибудь обойдя
по краям хребтов
сироты оставшиеся

протиснутся.
Верхний отец когда (тогда) указывал
куда не стану говорить (куда бы ни говорил).
Так от бытия своего,
подталкиванием (незаметно) пусть помогут
подталкиванием своим
снизу сверху
соединенные соединились
на матери-земле.
На границе жизни охраняют
ночную дверь (проход)
железные, деревянные (духи)
не поддающиеся болезни (смерти)
острый забор (образуют).
Границу жизни сторожат
пропасть ночи,
эти ручьи из слез (плач по покойнику)
осыпь земли.
Покойный мой дядя
из места падения (смерти)
боковыми стенками (гроба)
дразнит.
Из красивых мест
для радости (веселья)
смерти духам всесильным.
Ко всему привык
отец спокойный (успокоившийся)

hilkənəmɨ̄l, digəncʉmɨ̄l.
Əŋgənŋəşə uwralāndum,
ədəgəwi ŋəkəgəldʳə
dʉndʳągəjəl olḍagdadun.
Amagajur mēlıgışal
harıgıcanukuguldʳu!
ilgəgənʉ ŋənəgəkəl,
ēlagajal ərʉdigilə
ədəgəwi ŋəkəgəldʳə
dundʳąŋəşə ləpəktʉdʉn.

Əŋɨ̄ dʉndʳą kawıraşın
hərəgəwi kāḍəgʉnnʉ.
Əŋɨ̄ dʉndʳą tʉŋʉlkənmən!
Əŋɨ̄ dʉndʳą tənməkəwən!
mōkogoldʳərıduguwar
aŋagaḍar şıntagalnal.
Amagajə ərədəgəkər!
Amaja ədʉ jəmbuşʉkəl!
şarkaganu tanḍugukal!
ılgagancuşkārguguldʳə!

А. Камбагır. Ŋəkənnə

105

Tımanī! gelkārkəllə, cʉləkəllu
Təgətəmilwən gēmunkallu!
dolboksodun gēmunkallu!
Tımanī hēkalandun hanŋukallu.
hʉtəkərwi imnəjwətin!
Gıralwatın ḍʉwkəki ḍʉgdʉwkəllʉ!
Hʉtəw ōmīwan tumnəjkəllu!
Hʉtəkərwi dʉnnəwətin cʉksəwkəllu;
Baldınıl calbakār cʉksərḍɨ̄tin cʉksəwkəllu!
Cımkar, əkɨ̄ ŋintərdʉlin hōlınmunal,
ḍalunmunal, gēmunkallu!
Nikālwəw hʉtəkərwəw tımanītkī ʉlgənkəllu!

(немного) рассердившись (и) отстранившись.
Ненужное задержу,
чтобы не начинать
обмана на земле.
Отцы, дремлющие с открытыми глазами,
начинайте выслеживать!
Подсматривая иди,
что-нибудь плохое
чтобы не начать
в трясине земли.

Мать-земля камнем
дно свое охраняет.
Мать центра земли!
Мать безветреной земли!
в хорошем месте
сироты оставлены.
Отец, подожди!
Отец, здесь остановись!
табаку покури,
остановись ненадолго!

А. Камбагир. Нгоконно

105. (Проводы души)

Утро! (быстро) двигайтесь, (травы) растите
Только что выросшие (родившиеся души) проводите!
Ночью проводите!
У рыси утра спросите!
Детей души (по дороге, по которой ведут души мертвых в мир мертвых),
шагами ровно шагайте (переносите)!
Душу сына перенесите!
Сыновей кровью землю окровавьте (помажьте)!
Выросшие звезды кровью помажьте!
По корням тетки жерди (через лазейку для души)
потихоньку проводите!
Маленьких детей к востоку (друг за друга) свяжите!

Hutəlwi gulınmunal, upkattuk ərukirduk kəjunmukəllu!
Tımanī hərgə ŋintəldulin tarkākānduli hurunkəllu!
Amtıl muhur hutəkərwi ālıwkāllu tımanī ŋēktardun!

А. Камвагır. Ŋəkənnə

106

Nonon kənən təmigdət!
Əkī cımkar niŋtərŋilin təminəl!
Əŋī haran gēlkārŋılın təminəl!
Arakūkān himurməgdət təminəl!
Amtıŋıl, ŋaḍul ŋēwımagdāt,
haraŋıl muhuraltın buwginŋəḍərə.
Ərukirdu ŋəlucəmət,
amtıŋıl ŋənəksənmər tıḍurıwdātın.
Hutəkəmi imnəjŋiwən ērunkallu!
Tımanŋuŋın ōmīwān ērunkallu!
Dolboksonmon ōmīwān erunkallu!
Əŋi tımān garpaltandun tālı ērunmat!
Amtıŋıkārrı hutəkərwəw
tımānītkī dotuŋdun nulgiwkəllu!
Ajamamat gulinmunəl hutəw ōmīwān!
Utələwtil amakaltın gıraltın
ḍugdıwkānəl guliwkəllu!
Utaḷawtil amākāl ḍugdısŋıltın
Ulgənkəllu hutəkərwər!

Сыновей оставляя на ночлег, от всего худого охраняйте!
По корням утренней зари прямо ведите!
Духи-водители сыновей уложите спать в утреннем мире мертвых!

А. Камбагир. Нгоконно

106. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего в верхний мир)

Вначале попробуем!
Тетка-жердь корнями попробуй!
Мать-место (для юрты) взглядом попробуй!
Понемножку потихонько попробуй!
Родители, родня покойников
духи места (для юрты) урчат.
Худым пугая,
чтобы родители дороги уменьшили (сузили).
На душу сына предков посмотрите!
На душу утра посмотрите!
На душу ночи посмотрите!
В лучи матери-утра туда посмотрим!
Родители детей моих
в хорошее место верхнего мира перевозите!
Хорошенько провожая душу сына!
Прежних дедов шагами (по старым путям)
заставляя ровнее шагать, провожайте
Прежних дедов по следам
перевозите сыновей!

A. Kambagir. Ŋəkənnə

107.

Dolbonītkī gu̯linmu̯nəl hargıwa,
Dolbonīŋıw ŋəkərkıdun tınucanal,
dolbonītkī gu̯linmu̯nəl, dolbonī ŋəkərkidun,
hargıwa əŋḍəkit gagılkāndun mu̯mənānu̯kəllu!
Əŋḍəkit gagılkāndun kalırıtpar dorpısallu!
Tāduk cāskī dolboŋıw, hakanın hu̯ru̯wḍəŋən!
Ŋənəksənmən tıḍurkallu!
Tāduk cāskī dolbonī gemakadın nu̯lgikəllu!
Mucānduwa̯r ekurduwar lapkānmūḍas!
Upkatpān hoktol binəl mucanduwar
Ḍu̯r nadar tərkələrḍi upkatpa lipkidəwər!

Koŋnokō ır. Tōkma

108.

ɣəlamə! ɣəlamə! ɣəlamə!
äsīlə-dä ɣəlamə! ɣəlamə!
äŋikānmi ɣəlamə! ɣəlamə!
äjbərānməktə ɣəlamə! ɣəlamə!
ajtəɣta gəlām ɣəlamə! ɣəlamə!
ajamägda kauḍə ɣəlamə! ɣəlamə!

asīləj, asīləj
tu̯wä gənim päsäluj
aja mindä päsäluj
barajaldu asälәj
asī-bäləj asälәj
aŋaḍakār asälәj

А. Камбагир. Нгоконно

107. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего в нижний мир)

В полночную сторону провожая, душу
Ночная птица на границе перенося,
в полночную сторону провожая в длинную ночь,
душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше ночью пусть щука понесет!
Дорогу его сузьте!
Потом дальше через отверстие ночи кочуйте!
На обратном пути как-нибудь проголодаетесь!
Все дороги на обратном пути
Две семерки (четырнадцатью) крестами все закройте!

Конгнокоир. Токма

108.

Голамо, голамо, голамо (припев)
теперь (припев)
тетушка (припев)
попытаюсь-ка попросить (припев)
промысел прошу (припев)
хорошим покрытым! (припев)

теперь, теперь
так говорю (припев)
хорошо мне (припев)
на просторах теперь (припев)
женщина—дух! (припев)
сироты (припев)

amīnmatān ąsälәj
dągdąwәttā ąsälәj
barajaldu ąsälәj
garajaldu ąsälәj
kacākānmā ąsälәj
dolвoşıdın ąsälәj
ōnı dılgan ąsälәj

ilgәrәdın ąsälәj
ajtan әlā ąsälәj
gәlәtąŋnām ąsälәj
gәląl, gәlәl ąsälәj
tuwā gәnim ąsälәj
aja mindā ąsälәj

ПЕСНИ И ПРИПЕВЫ

P. Bajakī. Cirәmвų

109. Әpkәrәγīl

Әpkәrәγīl ginilkәşųn!
Irәwәγīl şirgilkәşun!
ēgәḍәnә, ēḍalәnә: } 2 раза
ḍәlāŋ! ḍәlāŋ ḍәlāŋә-әj! }
Calвukāγīl āwilkәşun
taktıkaγīl koŋrilkoşun
ēgәḍәnә, ēḍalәnә } 2 раза
ḍәlāŋ! ḍәlāŋ, ḍәlāŋә-әj! }

P. Bajakī. Cirәmвų

110.

әḍәj! әḍәj! әḍә-әj! eḍә-әj!
ųlkųnkāḍәm, ųlilāḍәm
әḍәj! әḍәj! әḍә-әj! әḍә-әj!
kişirkāḍәm ųlilāḍәm
әḍәj! әḍәj! әḍә-әj! әḍә-әj:

отца их (припев)
унесли (на крыльях) (припев)
на просторы. (припев)
На ветках (припев)
щенок мой (припев)
ночной, (припев)
как голос его (припев)

раздается (припев)
добычи теперь (припев)
прошу (припев)
просьба, просьба (припев)
так говорю (припев)
хорошо мне. (припев)

П. Баяки. Чиромбу

109. Сушняки

Сухие деревья покачиваетесь (вы)!
лиственницы вверх подымаетесь (вершинами, как шильями!)
делая так, делая так: } припев
дёленг! дёленг! дёленг! }
Березы трепещете листьями!
кедры чернеетесь!
делая так, делать так: } припев
дёленг! дёленг! дёленг! }

110.

ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
нагрудник шью! бисером вышиваю!
ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
кафтан шью! бисером вышиваю!
ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!

111. Припевы к импровизации

1. Şiwär, siwär dakūga!
   ädärtən, ädirkəl dakūga!
2. näjəkä! näjəkä! näjəkajə!
   jəkəjı! jəkäjə! jəkəjə!
3. ədä! ədäjən! olokal!
   ədä! ədäjəs! şolokol!
4. jəhär! jəhär-jə! jəhərä!
   jəhə jogaj! jogaj! jogaj!
5. Olıjo! olıjo! əmukəj əmukəj!
   Olēlo! lēlo! Olēlo! lēlo!
6. alätin! aläjə jəhəräjə
   Əjukə! əjukə!
7. Gajulä! gajulä! qəkuqə! qəkuqə!
8. jəno anəkə ena äkä! äkə! əkarəla!
9. ikäla! ikula! ekala!
10. jə! jehä! jəjə!
11. dāwijəl! dāwijəl! dāwijəl
12. kädänəj! kädänəj! kädänəj! ikən ajama!
13. jəhəgə! jəhagə! jəgä əgaj!

I. Momol. D. Kātənŋā

112. Импровизация

Jəhär! jəhär! jəhär jə!
Jə! jəhär! jəhär! jəhahar! jəhär jə!
Hınödē! nödäm ədin! ədin!
Həquqə! həquqə! əqu! əquqə!
Əlälə! əlälə! jəhärjə! jəharjə!
Henalbulkal əŋəkə! şel käjə! əŋəkə sērjə:
Olkumkal! kumkal kukäjə! əlilə! əlilə!
Heki şələ! həki şələ! şəli! şilä! şölä! şolo!
Hınödē! nödem! hədin! ədin!
E bi bajə! bi şoronmudın bä! hədin! ədin!
Aŋaqakänucaŋa biqam bä!
Amikäma, noan! hədin! ədin bä!
Aşılāw alkarin hədin! ədin bä!
Əŋi əduka əməşucəna hədin! ədin bä!
Dulın möda mulıgacäwı hədin! ədin! bä!
Itıkın ədin aŋaqakänä hədin! ədin! bä!

111.

1—13—припевы к импровизациям; перевода не имеют.

И. Момоль. Подкам. Тунгуска

112.

Йохэр! йохэр! йохэр йо!
Йо! йохэр! йохэр! йохахар! йохэр!
О ветер! ветер! ветер!
Ходюго! ходюго! ходю! ходюго!
Олэло! олэло! йохэр-йо! йохэр-йо!
} вступление из припевов для мотива.
Открой уши бабушка уши! бабушка уши!
Послушай, слушай сказ теперь! теперь!
Хоки шолэ! хоки шолэ! шоли! шилэ! шоля! шоло!
О ветер! ветер! ветер!
Эх я! я бедная я! ветер! ветер!
Осиротевшая живу я!
Отец-то мой он! ветер! ветер!
К жене своей отправился ветер!
Мать отсюда пошла (о) ветер! ветер!
В середину дерева жить ветер! ветер! (умерла)
Душа ветра сироту (охрани)! (о) ветер! ветер!

Pətpələḍəmılı bēja əhirjə! jəhirjə!
ēna poladem bēja əhirjə! jəhirjə!
Əhəgəj jə! həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!
Culugda jo həgąj! ikąn! ıkąn! ikąn!
Kokcagda ja həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!
Hərə əməḍəmjə həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!

НОВЫЕ ПЕСНИ

S. Gerasimow. Tupik

113. Ụrəl

ụrəl minŋil, su ajakıker,
bəjụna wāŋnām copkoldus.
Sinŋi iraktəldụs sigidu
kətə bəjụr dıkancawkīl.
Əgdildụ bıraldu kōcōldutın
kətə əwənkil ụrincąwkil.

Tar goroptıldutın ḍūkcāldutın
kətə əwənkil bụcąl bıwkil.
Ətkąn sowətŋı wlast ōcālān
əwənkildụ aja ōḍaran.
Əgdil bıraldu kōcōldutın
bolnisal, skolal ōwḍara.

S. Gerasimow. Tupik

114. Asal

Nonoptıldu tar anŋanīldu
ēkunat-kat əŋkiw sārə,
dalawduwı, ḍalawduwı.
Okın-kat əŋkıw ụlgụcāna,
bəjəŋi (h)awawān awalḍana

ụrgąkụra, ụrgąkụra.
ątkąn sowetŋı wlast ōcālān,
ahīŋı turānın ultallan
ụrąlduli, ụrąlduli.

Всевидящая луна йохирьо! йохирьо!
Что видящая луна йохирьо! иохирьо!
Эхэгой йо! хогай! икан! икан! икан! (припев)
Чулугды йо! хогай! икан! икан! икан!
Кокчагда я! хогай! икан! икан! икан!
Вниз иду! хогай! икан! икан! икан![1]

Соч. С. Герасимова. Тупик

113. Горная тайга

Горы мои, вы красивы,
зверя бью в лощинах твоих.
В твоих лиственничниках, в чащах
много зверя скрывается.
На многих реках, на мысах
много эвенков кочует.

На старых стойбищах
много эвенков умерло.
Теперь советская власть настала (когда),
эвенкам хорошее делает.
На многих реках, на мысах
больницы, школы строятся.

Соч. С. Герасимова. Ṭупик

114. Женщины

В старые же годы
ничего не знала,
в уме своем, в уме своем.
Никак не разговаривала,
мужскую работу работая,

тяжелую, тяжелую.
Теперь советская власть настала,
женское слово раздалося
по тайге, по тайге.

---

[1] Песнь запевает одна девушка, припев поет весь хоровод.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Вұ tattıl

Оп вұ upkat əwənkil ŋənəḍərəw,
Mұnə upkat ḍalwun ұdəkəlcətin.
Ŋənəsinḍəcəwun вu gorogıtı,
Upkattukın Sıвırŋi dұnnəldukin:
Nil marduk, nil agılduk ŋənəcətin.
Tar gorogıt Sahalın dұnnəŋdұkin.
Leningrattulā əməcəwun,
Ənəl gələllə, ajatku tatcarəwun.
Holoktodu indұ mұnə tirəŋkitin,
Tıkın вu ōḍaraw ōmaktaja inə.
Nonon mұnə taŋiŋkıtın вəjұrḍī
Bajasal mұndұk kətəjə gāŋkıtın.
Tıkın sowetŋı wlast ōcālān, wlast təgəlŋi
Mundu nīwrən ŋərijə hoktojo, ŋərıjə inə.
Saŋŋan ḍūdu gəjəḍəgin əri ikən!
Upkat dawlaḍaktın ər əikənə!

A. Salatkın. Nēpa

116. Nəŋŋənī

Nəŋŋənī, alat ŋōḍana, əmərəkin
ḍұkəl, gұlkənəḍənəl, əjəscəŋətin,
ītұ-də ajat ŋamallakın,
cıpıcal, ұlgұkīl, təpurəkər uruḍaŋātin.
Ajat ŋamallakın;
tāduk tұgi-də əwənkī jūḍəŋən.
Upkacın mұrəli culargallakın,
ajatkuja ikənə ikəlḍəŋən.
Dılaca ajat nālləkın,
kuŋākācār tұlili tuksaktalḍaŋātın.
Ŋamī ŋəŋŋə hұtəŋrəkin,
gұḍəjgұjə sōnŋācānə alātcəlḍəŋātın.
Dəgīl, ŋuŋŋakīl umulḍaŋatın,
hұtələwər umudāwər.
Bəjətkəcər tawulḍaŋātın,
nuŋarwatın ḍəwdəwər.
Ələkəs kұktikən kұktiḍəŋən
ŋınnusaldu dōcaḍana
upkatwa unə səriwұcīlḍəŋən
ələkənḍīwī wəkətcənə.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Мы студенты

Как мы все эвенки уходили,
Нас вся родня провожала.
Шли мы издалека,
Изо всего сибирского края:
Кто из тундры, кто из тайги шли.
Те с далекой Сахалинской земли.
В Ленинград приехали,
Не боясь хорошо учимся.
В старой жизни нас притесняли,
Теперь мы строим новую жизнь.
Раньше нас считали зверьми,
Кулаки от нас много брали.
Теперь советская власть настала, власть народная
Нам открыла светлую дорогу, светлую жизнь.
(Пусть) раздастся эта песня в дымной юрте!
Все запойте эту песню!

А. Салаткин. Непа

116. Весна

Весна, вкусно пахня, придет когда,
льдины, шумя, поплывут.
Всюду хорошо пригревать станет когда,
пташки, бурундуки, мыши обрадуются.
Хорошо пригревать начнет когда,
потом также эвенки выйдет.
Все когда кругом зацветет,
хорошую песню запоет.
Солнце хорошо лучи свои бросать начнет когда,
ребятишки по улице забегают.
Важенка весною отелится когда,
красивого теленка начнут ждать.
Птицы, гуси яйца начнут класть когда,
детей высиживать чтобы.
Ребятишки начнут собирать,
их есть чтобы.
Впервые кукушка запоет,
на вершинках сидя,
всех рано начнет будить,
полным голосом крича.

P. Mōlḍākītaw. Tokko

117. Kalār-ənī sıgıjaldun

Ḳalar-ənī sıgījaldun,
tuksakīmawan, bultələtcəm,
ajaŋkarbī bəjəŋkārbī
anŋanīdu bakaldımī—
hakın—nēban səbəriwki...
Ḳalar-ənī kapcajaldun,
Cacarıntī oḍalıksak,
kampamıldu kajıpcatcam
həmukārbī bəjəŋkārbī
hələndəwī ḍaldalīŋnam...
Ḳalar-ənī kadasalın
horolmojō inəŋiwə
hoŋandīwī kajḍallakīn
əjətilbəm girkijəbəm
əcən-i-dē ıcəpkənə...
Bılırgıdu bılasjadu,
nonoptıdu bidəjədu
ənīn, amīn bəgin binmī
ŋələpkātnəl bunəlitin;
buḍəjəwī ḍaldalīŋnam.
Cuturıma ḍuɣanıŋım,
cutumama əməcālən,
culələmə sāksəjətpī
ḍūkāndukkī suptiḍaŋnam
gırkīdukkı ilbəwḍəŋəm

M. Pawlow-Ḷanagır. Kalār

118. Bıragacın

Bıragacın kuguŋənəl,
əjāgəcin, jaɣınānəl,
aɣlan, kadar ḍapkadukın
andagīltī kətəlillə.
agdıgacın migdikānəl,
ədinŋəcın cuwkānəl,
sıgī, bōna dōjaldukın
gırkījaltī əməllə.
Lenın gunnən turājəlwān,
ulləlduwər namarāḍənəl,
ḍalawsajal kuŋājākār
ḍalanduwar ılılla.

П. Мольдякитов. Токко

117. Калара-матери в чаще

(Песня девушки)

Калара-матери в чаще
зайцу подобно прыгаю,
любимых подружек
в году встречаю (когда)
печень-сердце бьется.
Калара-матери в горах
трехлетней важенкой (подобно) став,
окруженная худым пребываю
(с) любимыми подружками,
чтобы жить (вместе) обдумываю.
Калара-матери в скалах
круглое солнце (самое жаркое)
тенью своею покроет когда,
желаемых подружек моих
не показали даже (не дали встретить).
При прежней власти,
при прежней жизни
отец, мать, хозяином будучи,
запугивали до замужества;
чтобы умереть обдумываю (о смерти заставляли думать).
Зеленое лето,
зеленое после того, как придет,
всей своей кровью
из дома стремлюсь убежать
от товарищей убегу.

М. Павлов-Нганагир. Калар

118. Как река

Как река шумя,
как струя перекатываясь,
равнины, скалы от краев
товарищи умножаются (собираются).
Как гром гремя,
как ветер воя,
чащи, града (гольцов) из середины
товарищи сходятся,
Ленина заветов слова
в тела свои нагружая,
веселые ребята
в звено начинают вставать.

M. Mōlḍākītaw. Kalār

119. Kuŋākār biŋəsīwər

Kuŋākār kuŋākār biŋəsīwər əbiwūrə əbiḍəkər!
ḍalaw, aja bīŋəsīwər tuṛətcənəl dawlaḍakār!
Ḍōncaḍanal, soŋoktoḍorīt ətən aja bīrə.
əwiḍənəl, dawlaḍanal taṭcarīt aja bīrə
Koŋnomol, koŋnomol ŋuriktəlti əḍəlitin bagdargara,
muŋuməjəl iktəlti əḍəlitin səmkərə.
Kuŋākārtilti tuṛərti əḍəlitin sagdana,
girkilnunmər əwiḍəkər, dawlaḍakār!

120. Girkijəl, aknījal.

Girkijəl, aknījal! \
Girkijəl, əknījəl! / припев

Umunḍī gıraktat
tuḷguṇəl ŋənəɣət!
припев

Cāskākī hālḍəɣāt
əruḍuk bododuk

Umunḍī dılganḍī
səwḍəpcut ikəɣət!
припев

Umunḍī ḍalītwar
binīwər oḍaɣāt!
припев

Binīlə hawālā
ḍuləskī sıɣınmāt!
припев

Ŋuŋnəwə ḍuɣwə
ḍuləskī ūḷaɣāt!
припев

M. Молдякитов. Калар

119. Ребята при жизни своей

(Пока живете в детстве)

Ребята, ребята, в жизни своей игры играйте!
В молодую, хорошую жизнь разговаривая пойте!
Помня, что плачущим не хорошо быть,
играя, поя, учащимся хорошо быть.
Черные, черные волосы пока не побелеют,
твердые зубы пока не сломаются.
Детские слова пока не состарятся,
с товарищами играйте, пойте!

120. Товарищи, братья [1]

Товарищи братья! (старшие) \
товарищи сестры! (старшие) / припев

Одним шагом,
сцепившись, пойдем!
припев

Вперед продвинемся
от худой жизни!
припев

Одним голосом
весело запоем!
припев

Одним умом
жизнь (свою) построим!
припев

К жизни, к работе
вперед протянемся!
припев

По прямой линии (направлению)
вперед последуем!
припев

[1] Эта песня сочинена учениками Ербогоченской школы и вывезена в 1934 г. Н. Салаткиным.

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ ПРИАНГАРЬЯ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Во время командировки от Комитета Севера ВЦИК к эвенкам, кочующим по рр. Комо (левого притока Подкаменной Тунгуски) и Каменке (правого притока Ангары) б. Канского округа Сибирского края, летом 1927 года, я записала несколько эвенкийских сказок. Так как специальной моей задачей было собирание экономических сведений, то уделить большое внимание записям текстов я не могла.

Известные среди эвенков хорошие рассказчики мне в том районе не встретились, и пришлось записывать со слов лиц, которые на мою просьбу рассказать что-либо выражали согласие. Чаще это были сравнительно молодые эвенки, не шаманы, и, возможно, этим объясняется упрощенный, лаконический стиль рассказанных мне сказок, из которых некоторые здесь приводятся.

Из опубликованных до настоящего времени сказок и рассказов сибирских эвенков мне известно лишь небольшое количество [2].

Сказки мною записывались на эвенкийском языке. На месте работы делались некоторые заметки относительно отдельных слов и форм. Окончательно же сказки были переведены на русский язык уже по приезде в Ленинград. В затруднительных случаях я обращалась к студентам б. Северного факультета Ленинградского Восточного института (теперь Института народов Севера ЦИК СССР) А. Черончину и Н. Салаткину.

Всего здесь я привожу одиннадцать сказок.

Первой помещается сказка о Kārāndəs и Uṇani, записанная от Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 8 сентября 1927 года. Перевести точно имена героев сказки (Kārāndəs, Uṇani), выяснить их смысловое значение довольно затруднительно, да и сами рассказчики не смогли это сделать. Имя Kārāndəs можно производить от слова kārā, что означает у эвенков „ворон"; это название ворона чаще употребляется в сказках, обычное же его название — ōl. Подтверждением правильности такого происхождения имени Kārāndəs является и то, что, по объяснению рассказчиков, именно в ворона обратился в конце концов Kārāndəs, когда, после долгих усилий, выбрался из моря. Сказка эта среди эвенков имеет большое распространение. Песню Uṇani, которую он поет, когда вызывает Kārāndəs'a помериться силами, на-

---

[1] Тексты, представленные Т. И. Петровой, уточнены в переводе и переписаны принятой в настоящем сборнике транскрипцией. Ред.

[2] В. Васильев, „Тунгусские предания", „Живая старина", 1900 г., в III, и 1909 г., в. I, Его же, „Образцы тунгусской народной литературы", сборник в честь 70-летия Гр. Н. Потанина, Записки РГО по Этн. отд. 1909, в. 34. Н. Н. Поппе, „Материалы для исследования тунгусского языка", Л. 1927 г. Небольшие отрывки и фразы из сказок и песен имеются в статье Huth'a „Die tungusische Volkslitteratur und ihre ethnologische Ausbeute". Известия Академии Наук, том XV, 1901. В. Васильевым приводятся эвенкийские сказки и рассказы на русском языке в переводе с якутского. У Н. Н. Поппе они даны на эвенкийском языке с русским переводом; кроме того, в начале предпосланы грамматические замечания, а в конце помещен словарь, составленный на основании тех же рассказов. У Huth'a приведены упомянутые отрывки на эвенкийском языке с переводом на немецкий язык. Разбираются они автором с точки зрения стилистических форм (стихосложение).

певают даже женщины во время работы. По словам эвенков, в память о добром Uŋani, отомстившем за убийство эвенков Qārāndəs'у, шаманы имеют на своем костюме железные крылья.

Вторая же и третья сказки про Akarāmə записаны 9/10 сентября 1927 года от А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке). Из разговоров, во время рассказыванья этих сказок, можно было вынести впечатление, что Akarāmə—это какой-то родоначальник эвенков, которому покровительствует земля и небо, будучи его женами. Прямо об этом в сказке не говорится, и лишь некоторым намеком служит эпизод с лягушкой, когда две жены Akarāmə на обращение последнего к богу отвечали, одна с дерева (сверху), а другая из земли (снизу). Четвертая сказка о Mŋrāwŋl'е записана со слов П. Е. Киронова (кочует по р. Каменке) 3 сентября 1927 года. Huth, приводящий отрывок из сказки о Mŋrāwŋl'е, записанной им приблизительно в тех же местах, где работала после него и я, находит, что рассказы о герое с таким именем встречаются у тунгусо-манчжурских народностей различных районов. По его мнению, сказка, записанная Протодьяконовым у уссурийских нанай (гольдов)[1], с героем, носящим имя Нэннэ Моракху, по имени и характерным чертам героя напоминает записанную им сказку о Mŋrāwŋl'е. Huth и значение этого имени ищет в нанайском (гольдском) слове „кричать" (mora — основа глагола кричать). Имя Mŋrāwŋl, по толкованию Huth'а—„громко кричащий", вполне соответствует содержанию сказки, записанной им, и с большой натяжкой упомянутой сказке Протодьяконова.

Пятая сказка о Mūjiŋə записана со слов Н. П. Оллода (кочует по р. Комо) 12 августа 1927 года. Содержит рассказ о кровной мести. Следует обратить внимание на то место, где огонь своим „чиканьем" дает знать Mūjiŋə о приходе Huladigir'ов. Примета основана на распространенном у эвенков поверьи, что огонь всегда предупреждает о какой-либо опасности. Во время моей поездки бывали такие случаи: соберемся уже совсем в дорогу, как огонь „чикнет", и эвенки отказываются выезжать из дома, уверяя, что в дороге ждет несчастье, „огонь не велит ехать".

Шестая и седьмая сказки об Iwŋl'е записаны со слов Максима Филатовича Берегова (кочует по р. Онок) 23/25 августа 1927 года. Интересны как пример юмористических рассказов у эвенков. Комический элемент в данных сказках заключается в неправильном понимании Iwŋl'ем обращенной к нему речи и особенно в тех случаях, когда одними и теми же словами обозначаются разные понятия. Например: ninti означает пятку человека и ninti — тонкие кедровые корни, которые идут на сшивание бересты; əptīlə—ребро у человека и əptīlə—шпангоут у берестянки (лодка); ninakir — собака и ninakir — деревянные зажимы, которые поддерживают бересту при обшивке берестянки. Я слушала сказку об Iwŋl'е от одного эвенка на русском языке два вечера, и она все-таки не была окончена. Приключения Iwŋl'я крайне многочисленны и нелепы. К сожалению, передать мне содержание сказки по-эвенкийски у рассказчика нехватило терпения, и я принуждена была ограничиться только несколькими отрывками. Среди эвенков рассказ об Iwŋl'е очень распространен.

Одиннадцатая сказка о Намонные и шамане записана со слов А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке) 16 сентября 1927 года. Nāmənnəja представляет собою один из видов тех мифических существ-полулюдей, которые, по представлению эвенков, населяли или еще населяют землю. Они рисуются людьми медведеобразными, огромного роста и покрытыми шерстью.

Восьмая и девятая сказки записаны со слов Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 2 сентября 1927 года. Лисица, по мнению эвенков, является очень хитрым и озорным зверем. Содержание этих сказок не ново: они являются вариантом некоторых эпизодов сказки, приведенной В. Васильевым на русском языке под названием Хулян и Кувшичан.

Десятая сказка—о мужике и огне. Мораль ее заключается в том, что к огню надо относиться почтительно, иначе разгневанный дух огня наказывает виновного.

---

[1] „Песни, былины и сказки уссурийских гольдов". Записки Общества изучения Амурского края, 1896 г.

A. Cernousow. Kamenka

1. Kārāndəs, Uŋanı

Bicātin ʒūγıl kətəkākuŋ. ŋmuŋkān bicān atırkān. Kārāndəs əmərān. Upkatwa əwənkīlwə manaran. Atırkān kalandıwı mānmi kupuran. Atırkānmą əşin bakara. Kārāndəs dəγillən. Atırkān, Kārāndəs dəγilləkin, kalandukkı ıllan. Sŋrŋrən, eruktallan əwənkīlwə. Icəttān ēkun-da ācın. Atırkān sŋrŋrān bıralā. ŋguli sŋrŋrən. Tālā ilbərən numnakīlwa. Numnakīl amusına. Amunmatin gadan, sŋrŋrān ʒūlāwı. Əmərān əmkəjān ōran, əmucillən — kuŋākānmə ŋrāsnən. Ņān əmucillən—soŋollon kuŋākān. Ņānā əmucillən — gırkullan. Irgicillən. Tırganīdu baldıllan. Ḍūr-ḍārdu tırganīl bəjā ōdan. Hanmūktallan tārā bəjā atırkānmə: „ekun amtılwaw wācān?“ Atırkān gūnān: „Ətənnā bakara wāḍāpkīwą, nuŋan ŋgili sŋrucən“. Tārā hŋrkəkān gūnān: „Irilə sŋrucən? Silbakal mintikī“. Atırkān silbaran. Hŋrkākān ōllan hurakīlawı. Atırkān kalanmān kuputcāwunmān ōran hurakīlawı dəwəcillən. Dəγillən. Purasınan Kārāndəspą. Tāla bakaran Kārāndəs dōcakıtpān, dōran tadu. Albaran dəgdəḍəmī nuŋanmān, kapurgaran, ŋānā dəγillən. Tālā bakaran ʒūwān. Ņurmārān. icərān Kārāndəs hurakīlın biḍərə tŋlilə. Nuŋan ʒoromoron hurakīlwān irəgəllən. Kārāndəs dōldıran, gūnąn: „ekun paskanḍaran“ Asīn gunān: „Badaraḍaran“. Hŋrkākān irəgərən. Ņānā əmərān, biḍąktŋtin nārān, sŋrŋrān, ārillən. „Kārāndəs əməkəl, lāmə ŋŋŋrākāndun dəgdŋmākątcilləp“. Kārāndəs dōldıran, ıtıgallan. Gūnąn: „Əkəl-kānə alakīwı tətissąḍəm“.— „Kārāndəs, Kārāndəs, əməkəl, əməkəl, ŋŋŋrākŋndun dəgdŋmākątcilləp“.—„Əkəl-kānə əkəl-kān, sirąkāmilwi tətissədəm“.— „Kārāndəs Kārāndəs, ēgdakāndāwı tətissəlinnā, əməkəl, əməkəl“. Kārāndəs dəγillən, ŋγirāllən lāmulā. Ərgəməcillą Uŋanı ŋγirājə ōdan. Kārāndəs hōlosməjḍąn albajaḍan. Uŋanı hata ŋgirādąn, gorokōkunma ŋgirārā. Umnāt Uŋanı ŋγijit iktərān. Kārāndəs hurakīwān əwrān. Kārāndəs bŋrŋrān lāmə, ŋŋŋrākākŋndun. Ḍapkunlawa jūsməḍārān, cumdalāwı aran jūrān.

А. Черноусов. Каменка

1. Карэндос, Уняны

Было юрт много. Одна была старушка. Карэндо пришел. Всех эвенков кончил (съел). Старуха котлом себя покрыла. Старуху не нашел. Карэндо улетел Старуха, когда Карэндо улетел, из-под котла встала. Ушла, стала смотреть эвенков. Увидала—никого нет. Старуха пошла к реке. По берегу пошла. Там испугала гусей. Гуси обделались. Помет их взяла, ушла домой. Пришла, люльку сделала, стала качать—на ребенка похож стал. Опять покачала—заплакал ребенок. Опять покачала—стал ходить. Стала воспитывать. Днями рос. В двадцать дней мужиком стал. Стал спрашивать тот мужик старуху: „Кто родителей моих убил?“ Старуха сказала: „Не найдешь убийцу, он вверх ушел“. Тот мальчик сказал: „Куда ушел? сообщи мне“. Старуха сообщила. Мальчик стал делать крылья. Старухиного котла из покрышки сделал крылья, стал летать (пробовать). Полетел. По следу Карэндо отправился. Там нашел Карэндо место посадки, сел там. Не могло удержать его, сломалось (место посадки), улетел. Там нашел дом его. Подкрался, увидел Карэндо—крылья лежат снаружи. Он украл, крылья подпилил. Карэндос услышал, сказал: „Что потрескивает?“ Жена сказала: „Горит“. Парень подпилил. Опять пришел на место положил, ушел, стал кричать. „Карэндо, приходи над морем серединой померяемся летанием“. Карэндо услышал, стал собираться, сказал: „Подожди, обутки надену“.—„Карэндос, Карэндос, выходи над серединой (моря), померяемся (летанием)“.—„Подожди, подожди, маховые крылья надену“.—„Карэндос, Карэндос, чего ты долго одеваешься, иди, иди“. Карэндос полетел к морю. Спланировали. Уняны выше стал. Карэндо внизу, не может. Уняны еще поднялся, далеко поднялся. Вдруг Уняны сверху ударил, Карэндоса крыло сломал. Карэндос упал моря на середину. Восемь дней вылезал, (до того что) уменьшился.

A. Cernousow. Kamenka

2. Akarāmə

Akarāmə ŋənəḍācən hoktoli. Tālā вakaran əwənkīl ḍūkcālwatın. Ḍūkcāldu вuniwatin вakaran. Asīwa gadan uwasınan hoktolıtın. Tālā вakaran nuŋarwatın, вuniwa вakanawı əmənən. Mənəkən ʇūlātin əmərən. Hanmūktalla: „ili əməmus Akarāmə?“ Nuŋan gūnān: „Hoktolısun əməm“. — „Sī-kə əmukin əmənnä?“ — „Əciw, mınŋi tālā asīw вiḍərən“ — „eda əcis əməwrə“. — „Nuŋan вəlin, ŋəlātcəw əməpkitwi nuŋan вəlikəkun“. — „icənəkiəwun nuŋanmān, ələ əməḍən“. — „Ca! əkəllu, вəlılḍəlʇən, mənmi ʇcilʏə ān“ — „icənəktiwunti“. — „Ca, əkəllu вəlin, mənmi wāḍən“.

Nuŋarın hatadıkı gənnəsinä nuŋanmän, əmərə. Nuŋan mənmi ʇcilərə purtat. Nuŋan, Akarāmə вikējim, mənəkən purtawa ʇcilərɛn əwtəlin. Tarıl icinərä, icərä— mənmi wācā. Mucusına Akarāməlā, gūnä. „Aşīs mənmi ʇcilərə“. Akarāmə soŋolkō-kuttan. „Şunə guсəw, əkəllə icinəḍärä, ɛşīw вəlin вicən“. Tarıl gūllə, gūnə: „Əkəl şoŋodoro, Akarāmə, aşījas вū вūḍäräw“. Nuŋan hata soŋojoḍon. Ṇānä gūllə: „Ətəkəl soŋoḍomī, ʇūrə aşāl вūḍərəw“. Akarāmə ajakākun odan. Ḍūrwə aşāl gadan.

A. Cernousow. Kamenka

3. Nımŋakān

Əmukən вəjä sʏrʏrān, ororwı onosınan. Tala arcaran ərəkīwə tasaḍarīwa ororwı. Gūnān: „Minŋil ororwı“. Gə gūnān: „Minŋil“. Muşşəməcillə, ŋpcullə. Əhsəriwə ərillə, Ərəkī ərillən — ekun-dā ācin. Ьəjä ərillən. Вəjäŋil ʇūr asālīn: gē mōwa tuktirān. gē dunnä dunnŋaməcə. Вəjə əhsərīwə ərillən. Mōdu вisin aşīn ḍawurıllan: „Вəjäŋil ororın“. Ərəkī ŋānə gēwullan ərillən dunnəwə, ŋānä ekun-da ācın. Вəjä dunnəwə ərillən. Ṇānä dunnadu вisin ḍawurıllan. „Kə! īrä sinŋil ərinəllä. Minŋilwa dōldıcınnä ḍawrıḍarıwə“. Ororwon tirān, tasısınan ḍūlāwı. Tikin-mal oror вidətin.

А. Черноусов. Каменка

2. Акарамо

Акарамо шел по дороге. Там встретил эвенков юртовища. В старой юрте покойницу нашел. Женщину взял, потащил по дороге. Там нашел их, найденную покойницу оставил. Сам до юрт их дошел. Спросили: „Откуда пришел, Акарамо?“ Он сказал: „По вашей дороге пришел“. — „Ты-то один пришел?“ — „Нет, моя там жена осталась“. — „Почему не привел?“ — „Она—мэнеричка, боялся привести, она сильно „кружает“. — „Пойдем-ка посмотрим, сюда придет“. — „Нет, не ходите, закружает, сам посмотрю“. — „Пойдем посмотрим“. — „Нет, не ходите, мэнеричка себя убьет“.

Они все-таки пошли за ней, пришли. Она себя заколола ножом. Он Акарамо сам нож вколол в легкие. Те пошли посмотреть, увидали — сама себя убила. Вернулись к Акарамо, сказали: „Жена твоя сама себя заколола“. Акарамо сильно заплакал. „Вам говорил, не ходите смотреть, жена моя—мэнеричка“. Те стали говорить, сказали: „Не плачь, Акарамо, жену мы дадим“. Он сильнее заплакал. Опять сказали: „Перестань плакать, две жены дадим“. Акарамо перестал. Двух жен взял.

А. Черноусов. Каменка

3. Сказка

Один мужик шел, оленей вел. Там встретил лягушку, гнавшую оленей. Сказал: „Мои олени“. Другая сказала: „Мои“. Заспорили, заругались. Бога позвали. Лягушка закричала — ничего нет. Мужик закричал. (У) мужика две жены: одна на дерево влезла, другая на земле осталась. Мужик бога покричал. На дереве бывшая: жена откликнулась: „Мужика олени“. Лягушка опять вторично закричала на землю — опять ничего нет. Мужик земле покричал. Опять на земле бывшая жена откликнулась. „Ну, где же твои вызванные? Моих слышишь отликающихся“. Оленей отобрал, погнал домой. Теперь олени чтобы были.

I. Kɪrənəw. Kamenka

4. Mu̯räwu̯l

Bicən Mu̯räwu̯l ətirkən. Asija ācɪn, əmu̯kən. ēn-dā ācɪn. Nu̯an Mu̯räwu̯l lukījawɪ ōḍarän, kulukāt kulukāḍarän. Asī u̯gīli dägḍärän, gu̯nḍärän: „Sī-gdə-glə ōḍannä ācində". Mu̯räwu̯l əsin dōldɪra ajat, ēkun hə̆ŋkəcillən, mu̯nnililən ilə-də asin icəwu̯llə. Asī ŋānä: „Sī-gdə-glə ōḍannä! Səvḍəpcu̯kit vodoḍonnä?" Mu̯räwu̯l mu̯nnillən, icərän asīwa, u̯giskīkəkun u̯gikun̯duli dōwatcarän. „Asījaj" ərillən" Mu̯räwu̯l: „Bu̯ru̯kəl mindu̯lə". — „Ətəm, irgikturəl minə hu̯jicətin, asaḍɪra ūḍalɪw, səhşu̯w ūḍaḍara curgɪḍarīwa". Təli bu̯ru̯rän. Mu̯räwu̯l gūnan: „Bī gu̯ləjəwər ōḍam, ılanḍɪ vaksanma". — „Ətəm", asī gu̯ndan, əsin ḍōkɪra. Mu̯räwu̯l gu̯nḍan: „Bi ōḍam gu̯ləjəwər diginḍi vaksanma". Asī gu̯nḍan: „Ətəm, irgiktu̯rəl əməmī, gu̯ləwə əwḍərə, wāḍaṛa minə, ətəm". Mu̯räwu̯l gūnan: „Bī gu̯ləjəwər ōḍam, vaksalḍam".

Asī tārä bu̯ru̯rän, ḍokīran. Adıkānma dolvonīl ānŋaktarä, hutətin valdırän. Mu̯räwu̯l tārä asītkīwɪ gūnan: „Bī ılan urəl cāgɪdāduktın dōldɪḍam, ərilləkis minə, irgiktu̯rəl əmə̆lləktin. Bī tālā dōldɪḍam, ərilləkis, lukīwɪ, bərilwī u̯ḍam sinḍu̯lā. Əmu̯kən binə, lukīw manaḍam, nuarvatın wāḍan".

Murāwul su̯ru̯rän, gırkullan goroskī. Amardun irgikturəl əmərä, purara asīwa tārä. Irgiktu̯ral tārä asīwa lukītpar garpara dəgḍərīwə u̯gili. Nekakīwān ŋālaẉān timirə, əwrə. Irgiktu̯rəl, ılan vinəl, puru̯şına u̯gili dəgḍərīwə asīwa. Ŋālaḍukīn nekakīdukən səhşin curgɪḍarīwə ūḍara Mu̯räwu̯lḍu̯lā gu̯lələn. Mu̯räwu̯l ācɪn gu̯ləḍuwi — gırkuḍarän. Əmərä asī ḍūlān, asī əmu̯kən. Gu̯llə, əməmī: „Asī tuktıwunmı ḍu̯lku̯kəl". Mu̯räwu̯l asīwɪ alawuran: „Tu̯ktiwu̯nmi u̯giskī tākal, tuktıŋnanḍarä irgiktu̯rəl əməmī. ōnə əjəcilləlitin, ənə u̯lākciwrə, əksəkəl tu̯ktiwu̯nmi ḍu̯lku̯rə". Irgikturəl əməmī, əjəcillə tu̯ktiwu̯nmən. Asī tārä əsin ḍu̯lku̯rə. Hata nuartın əjətciḍärä, tu̯ktiwu̯nmi hərgiskī su̯ndədən. Gorokōkunma əjətcirä. Nu̯an hata əsın u̯lākcimə nuardutın.

И. Киронов. Каменка

4. Мурэвул

Был Мурэвул старик. Жены нет, один—ничего нет. Он, Мурэвул, стрелы делает, рубанком стругает. Женщина вверху летает, говорит: „Ты-то зря работаешь без ничего". Мурэвул хорошо не слышит, кто заговорил, оглянулся, нигде не видно. Женщина опять: „Ты-то зря работаешь, весело живешь?" Мурэвул оглянулся, увидел женщину, высоко поверху парит. „Женщина!" закричал Мурэвул: „упади ко мне".—„Не стану, волки меня ранили, гонятся по следу моему, по каплям крови моей следуют". Потом упала (спустилась). Мурэвул сказал: „Я дом строю, на трех ногах (подставках)".—„Не стану", сказала женщина, не согласилась. Мурэвул сказал: „Я сделаю дом на четырех ногах". Женщина сказала: „Не стану, волки, придя, дом снесут, убьют меня, не стану". Мурэвул сказал: „Я дом построю, подставки сделаю".

Женщина та упала, согласилась. Сколько-то ночей проспали, сын родился. Мурэвул тот жене сказал: „Я из-за трех хребтов услышу, если позовешь меня, когда волки придут. Я там услышу, когда позовешь, стрелу, лук пошлю к тебе. Один будучи, стрелу истрачу, их убью".

Мурэвул ушел, ходил далеко. После него волки пришли, выследили женщину ту. Волки в ту женщину стрелой выстрелили, в летящую вверху. Маленькую руку ее (мизинец) сломали, утащили. Волки, трое будучи, стали выслеживать летящую вверху женщину. Из руки из ее по каплям крови следили (следом шли) к дому Мурэвула. Мурэвула нет дома—ходит. Пришли к дому женщины, женщина одна. Сказали, придя: „Женщина, лестницу спусти". Мурэвул жену научил: „Лестницу вверх втяни, как бы не залезли волки, придя. Как бы ни просили, как бы ни обманывали, лестницу не опускай". Волки, придя, стали просить лестницу. Женщина та не спустила. Все еще они просят, лестницу вниз чтобы спустила. Долго просят. Она все еще не обманывается ими.

Nuartın iktəlḍiwər kəŋillə baksawa. Əmuḳənmə ḍapkiwatın kəŋirə iktəlḍiwar. Əmuḳənmə hata əwrạ. Asī tārā ŋələllən, Muŗāwuḷwạ ərillən: „Muŗāwuḷ ĭdu ōḍannā, ēwa gūcəs: ılana ŗəl cagıdāduktın dōldıḍam?“ Muŗāwuḷ dōldırān, asīn ārilləkin, lukīwı ılanma uŋnạn, garparān bəritpi. Əmuḳən lukīn əmərān asīlān. Irgiktŗəlwə upkatpa, əmuḳən binə manaran. Upkatpān ılanıwa wārān.

N. Ollōda. Komo

5. Muǰiŋə

Muǰiŋə bicən sōniŋ. Ganälcädu maŋıcān. Əwənkĭl ılanna, gərbitin Huladıgır, Muǰiŋə manaran. Ḍūr hurkəkər suŗurä, tuksasınä. Bəjəl ōda. Gələktəllə Muǰiŋəwə. ĭdu biḍarān, bakara.

Dolboltono Muǰiŋə āṣılḍarakın, əmərə. Tuligit dōlcatta. Muǰiŋə āṣılḷan, toγo hiŋkərān. Asīn gūnān: „ēwa hiŋkərān, Huladıgır əməḍərä“. Muǰiŋə gūnān: „ēduk Huladıgır əməǰirä, ınnukārḍi halgarwar sıranal, əməḍirä“. Āsıwənən.

Əmərä Huladıgır Muǰiŋələ. Bakara hutən jaŋkawān. Muǰiŋə hutən şukṣıllalın mōŋōgsolın ḍukəməl. Purasına, bokonon, tuliŋusınən, əmənən bəjəlwə. Tālä, jūktəldu turgaran. Mıkcānān ḍukəməlwı ūlaran. Tādu bəjəlwə bokono, wācā. Sururə Muǰiŋələ. Muǰiŋə sagdı ōcā. Tuligit ārillə: „Muǰiŋə jūkəl! Huladıgır əməcəl, ınnukārdī halgarwar seranal“. Tādu Muǰiŋəwə wācātın.

M. Beregow. Ənək

6. Iwuḷ

„Iwuḷ tusınḍakal, nākuḍu ŗikạl, ḍūja hawalḍakal nākuḍu“. Nuan nākuḍu hawallan ojon. Akīnīn əmərān, gūnạn: „Iwuḷ sinä gūcəw, hawalḍadās dunnədu, si-də nākuḍu. Moŋnon bisinnä“. Tāduk gūnạn: „Iwuḷ tusınḍakal əsĭ, ŗikạl tārä biradu,

---

Они зубами стали грызть подставку. Одну восьмую сгрызли зубами. Одну все-таки свалили. Женщина та испугалась, Мурэвула позвала: „Мурэвул, где работаешь, что говорил: из-за трех хребтов услышу?“ Мурэвул услыхал, когда жена закричала, стрелы три послал, выстрелил луком. Одна стрела пришла к жене. Волков всех, один будучи, кончил. Всех трех убил.

Н. Оллода. Комо

5. Муинго

Муинго был богатырь. В стрелянии укрепился. Эвенков три хозяйства, по имени Хуладыгир, Муинго кончил. Два паренька ушли, убежали. Мужики (они). Пошли искать Муинго. Где живет, нашли.

Вечером, когда Муинго спать ложился, пришли. С улицы услыхали. Муинго спать ложиться стал, огонь чикнул. Жена сказала: „Что чикнул, Хуладыгиры пришли“. Муинго сказал: „С чего Хуладыгиры придут, жердями ноги свои подпирая придут“. Спал много.

Пришли Хуладыгиры к Муинге. Нашли сына его лыжный след. У сына Муинги ободки лыж ледяные. Отправившись следить, нашел, стороной прошел, оставил мужиков. Там на ручей наткнулся. Прыгнул, свои ледяные (обшивки) замочил. Там мужиков, найдя, убил. Пошли к Муинго. Муинго состарился. С улицы закричали: „Муинго, выходи! Хуладыгиры пришли, жердями ноги подпирая“. Там Муинго убили.

М. Берегов. Онок

6. Ивуль

„Ивуль, иди вперед, у лабаза остановись, юрту построй у лабаза“. Он на поверхности лабаза стал строить. Брат (старший) пришел, сказал: „Ивуль, тебе говорил, чтобы на земле строил, ты же на лабазе. Дурак есть“. Потом сказал: „Ивуль, иди вперед сейчас, остановись у той реки,

ḍūja hawalkal, siruwı sụrụpkạl, mānduwi əlgəskəl, tādu ụrikạl, bıradu". Iwụl hawallan ḍūja mūdụ. Bıra dōndun sērittan, albaran. Bıra əjədụ sōraŋılīn əjəsinḍərə. Gūnạn sıruwı: „Sıru əməkəl, ḍawucınākạl sōnawa". Sıru əsin tillə. Oron bisin oron.

Nuŋan sụrụrān sırulāwı, gụnḍạnạ: „Untalwı ədūwi ulara, əkəl-kən-nụn, sindulə əməḍəm, untalwās luknāḍạm. Gūcə̄ bırān, luktan untalwān. Sırun Iwulŋı bụddạn. Nānä akīnīn əmərān, Iwulwa həŋkəcillən, gūnạn: „Iwụl, sıruwa wānnä?" Nuŋan gūnạn: „Bī untalwān lukım, nugan āsınạn". Akīnīn gūnạn: „Mıtı matal əmərəktin, ētı, sırul ụsipkəncilləktin, ēkunḍe kụsipkəsiḍap?" — „Bī-kə bıḍəm" — „Sī ēlḍī ijətəḍannä?" — „Cụcụnkək, kedərəkək, ṇānä bī kụsilḍạm". Sırul ụmụnụptä. Kətəkạkụn matal əmərä. Sırulwa kụsipkəcillə. Iwụl cụcụnmi, kədərəwi ḍawaran, sụrụrən sırulḍulā. Sırul kụsiḍärä. Nugan sırulwa tuksamalcullan kədərəlḍīwi. Sırul upkat ŋələllə.

Tāduk akīnīn gūnạn nuanmān: „Iwụl sī gənnəkəl nintələ". Iwụl əməwrän bıraduk kuŋākār nıntılwātın, əməwrān akīndulāwı. Akīnīn nuanmān həŋkəcillān, gūllən: „ēcāw sinə gūcə̄w ərgəcirə əməbdəs. Əwənkīl hụtəlḍuliwər mitpə wāḍạrä. Iwụl gənnəkəl əptilələ". Nuan əməwrän kuŋākār əptiləlwạtin. Akının gūnạn: „Iwụl nınakıra gənnəkəl". Iwụl sụrụrän. Upkattulı ḍūgıl gırkuran, əwənkīl nınakırwatın əlgạrän. Nınakākurīn kụsikətcụlkạkụttə. Nınakır təkəgərə ḍaptan upkacın. Ərụmə ōdan. ụsindạkīt ōdan, hụŋtụlwə ḍaptalārän. Əsīlə Iwụlwə əsin ụŋttə əmụkən ḍawwı ōllan. Ətərän, irəktə lulḍīn lulıran, luŋıllan, mụŋəllạn. Ətərän, upkatpän ōran, ıtalwı ıtalārän, simiptiran ōran, ụlkilin similin dılaptun.

* * *

7. Iwụl

Iwụl bicən moŋnon. Nuŋartın ılana aknıl. Əmərä nuŋardulātın caŋıtıl. Iwụl silənḍərān. Caŋıtıl ganacilla nuŋarwatın. Aknīlīn adagasılla. Iwụl siləwi ollonḍorān. Akīnīn bəritpi siləwən ụŋkụrən. Nuŋan siləḍuwi soŋollon. Amīnmī lukīḍīn nuŋarwatin ganattan. Manaran.

дом построй, быка отпусти, к себе сведи, там остановись у реки". Ивуль стал юрту строить на воде. На середине реки жерди ставил, не мог. На быстрине реки жерди уплывают. Сказал быку: „Бык, иди, иди поддержать связку жердей". Бык не понял. Олень есть олень.

Он пошел к быку, говоря: „Чтобы унты не замочить, подожди, к тебе приду, унты твои приду снять". Сказал, снял унты его. Бык Ивуля умер. Опять брат пришел, Ивуля спросил, сказал: „Ивуль, быка убил?" Он сказал: „Я унты снял, он заснул". Брат сказал: „Наши соседи когда придут, чем быки начнут драться, чем заставим драться?" — „Я-то есть". — „Ты чем драться станешь (какими рогами)?" — „Скребком, мялкой опять же я начну драться". Быки собрались. Много соседей пришло. Быков заставили драться. Ивуль скребок, мялку схватил, ушел к быкам. Быки дерутся. Он быков разогнал мялками своими. Быки все испугались.

Потом брат сказал ему: „Ивуль, ты принеси корней". Ивуль принес с реки пятки детей, принес брату. Брат его спросил, сказал: „Разве я тебе говорил, чтобы такие принес. Эвенки за детей своих нас убьют. Ивуль, принеси ребра (для лодки)". Он принес ребра детей. Брат сказал: „Ивуль, зажимы (для лодки) принеси". Ивуль ушел. По всем домам ходил, собак эвенков привел. Собаки его (сильно) дерутся. Собаки разорвали лодку всю. Худо стало. Разрушение стало, другие лодки стал делать. Теперь Ивуля не посылал, один лодку делать стал. Кончил, лиственничной смолой намазал, замазал, смочил. Кончил, все сделал, дранки подвел, продольные дощечки сделал, поперечины, нос покрыл.

* * *

7. Ивуль

Ивуль был дурак. Их три брата. Пришли к ним бродяги. Ивуль суп варит. Бродяги стали их стрелять. Братья старшие увернулись (от стрел). Ивуль суп свой вешает на крюк. Брат луком суп пролил. Он по супу заплакал. Отцовской стрелой в них выстрелил. Убил.

A. Cernousow. Kamenka

8. Sulakī

Sulakī, irgiktuŗā bakaldıra, ųlguc̣āməcillā. Sulakī gūnąn: „Bəjə şī ēdu bimcēs?“— „Bī ḍəkidu mōtīdu bimcəw“. Irgikturā hanmūkiaran: „Sī-dē ēdu bimcēs?“ Sulakī gūnḍān: „Bī nuşuktəkəndu bimcəw“. Irgiktuŗē guļļən: „Cələk təlləp targacıra mōtılā“. Sulakī ųruņān. Gələk təllə. Tālā ųrədu bakara ḍūktəwə. ųmųndu ilbərə. irgiktuŗa aşaşınan ḍəkiwə, sulakī aşaşınan nuşuktəwə. Sulakī tarkāndulā aşaran-da həwginmuŗən, əkənəllən: „Bəjəjəj, şī mōtīlıpkal, həwginmucē bişim“. Irgikturā aşaşınaņ ḍawaran mōtīwa. Sulakī puraşınan. „Tālā əmərān buŗguk̄əkųn mōtī“, gūļļən: „Bəjā eja ōḍap?“ — „Hərkəmətkətcəḍəp“, irgikturā gūnąn: „hərkəkəl minə, imuksəkərə ųliḍąkal, tarīt ņānā bī-wə-li şinə hərkəḍəm, imųksəkərə bī-wə-lı ųlilḍąm“. Irgiktuŗā ḍəkərən. Hərkərən sulakīwa, əsīlə imųksəlḍī ųlillən. Gorowo ųlirən. Əsīlə suwran sulakīwa. Gūnąn sulakī: „Bī-wəlī şinə hərkəktə, imųksąlą ųlilḍąŋəw“. Irgiktuŗā ḍəkərən. Hərkərən sulakī irgiktuŗəwā. Hələnəlwə sulakī mənəkən, ḍəbḍəḍən. Irgiktuŗā, hərkəpcē binə, icətcəḍən. Ətən ēja-dā būŗą. Irgiktuŗā ḍəmųllən, əjəcillən sulakīduk ḍəbdəwi. Sulakī bųcillən gudıgālwə. Sulakī manaran upkatpān mōtīwa, sųruŗən. Irgiktuŗā hərkuŗāmnin əmənmuŗən.

Ōlı dəgsən nuŋandulın, irgiktuŗąli. Nuŋan ōlıwa ārillən: „Ōlı əməkəl, minə sumŋakal“. Ōlı gūnąn: „Sī minə callamīkāndukıw əlgəpkənḍäīnnä“. Ōli əmənən, dəgillən. Tādu ņānā hınnırīl dəgrə irgikturələ. Dōra mōdu. Irgiktuŗā ārillən, hınnırılwa guļļən: „Hınnırīl şupkāllə minə“. Hınnırīl şuwılla, ınŋınnəpcəkəkun. „Suwrakışun, bī aşaḍam mōtīja“. Ņānā şuwıcılla.

uḍuŗulwaŗ təştəḍənəl, aran lukta. Irgiktuŗā şuwıwran. Əsīlə hınnırlīdu şuwḍanalıtın aşaran mōtīwa. Būŗųn, hınnırīl ḍəbḍədətin. Mənəkən puraşınan sulakīwa. Sulakī ūḍan aran icəwųlrą. Puratcaḍan tālā əsīlə həlkin ōdan, ḍūkcāldulā əməḍəkin. Tādu sulakīwa bakaran, giramnawa kəŋillən. Kəŋidəmī iktəwi kaputtan. Tāduk ņānā sųrų-

---

A. Черноусов. Каменка

8. Лисица

Лисица (и) волк встретились, заговорили. Лисица сказала: „Мужик, ты где бы побыл?“—„Я в старом лосе побыл бы[1]“. Волк спросил: „Ты где бы побыла?“ Лисица сказала: „Я в молоденьком побыла бы“. Волк сказал: „Давай искать таких лосей“. Лисица обрадовалась. Стали искать. Там на горе нашли двух. Вместе спугнули. Волк погнался за старым, лисица за молодым. Лисица до тех пор гнала, пока судорога не свела ногу, закричала от боли: „Мужичок, ты притащи лося, я судорогой сведена“. Волк погнался, схватил лося. Лисица следила. „Туда пришел жирный лось“, сказала: „мужик что станем делать?“— „Свяжемся“, волк сказал. „Свяжи меня, жирком корми, потом опять я тебя свяжу, жирком тебя покормлю“. Волк согласился, связал лисицу, теперь жиром кормить стал. Долго кормил. Тогда развязал лисицу. Лисица сказала: „ Я-то тебя свяжу, жиром кормить стану“. Волк согласился. Связала лисица волка. Остатки лисица сама съела. Волк, будучи связанным, смотрит. Не стала ничего давать. Волк проголодался, попросил у лисицы поесть. Лисица стала давать брюшину. Лисица кончила всего лося, ушла. Волк связанный остался.

Ворон прилетел к нему, к волку. Он ворона позвал: „Ворон, приди, меня отвяжи“. Ворон сказал: „Ты меня от сосания крови задерживаешь“. Ворон оставил, улетел. Туда опять клейстики прилетели к волку. Сели на дерево. Волк позвал клейстиков, сказал: „Клейстики, отвяжите меня“. Клейстики отвязывать стали, узлы тугие. „Если освободите, я нагоню лося“. Опять стали отвязывать.

Клювы свои попортя, едва отвязали. Волк распутался. Теперь клейстикам за развязывание погнал лося. Дал, клейстики чтобы ели. Сам погнался за лисой. След лисы едва виден. Следом идет там теперь, свежий след стал, когда к юртам пришел. Там лису нашел, кость грызет. Грызя, зуб сломала. Потом опять

[1] (в брюшине, объедаясь внутренностями. побыл бы).

rən. Tālā вakaran sulakīwa. Sulakīl tarīlwa iltənən. Irgiktuŗā sulakīl ḍūkcāldulātin əmərən. Ḍūkcāldu вakaran iktəwən kaputcawān. Gadan iktəwə, ŋānā purasınan. Tālā əmərən. Sulakil guļuwūndu kələkākun вīḍərə. Irgiktuŗā əmərən. Guļuwūndu irgiwi karapkānaŋn. Sulakīl haktānə. Nuŋan munniliŗān, iktəjə ācın ācin, upkat iktəcīl. Ņānā gəlāktəllən, ūḍawān вakaran. Purasınan, əmərən. Ņānā sulakīl guļuwūndu вiḍərə, kətəkākun. Ņānā irgiwi karapkānaŋn. Sulakīl haktānā. Upkatkākun munnililən. Icərən əmuķān iktəjə ācın. Tarāwə dagamāraŋn, gūnaŋn: „Bəjā miti tiləmācilləp". Sulakīwa tiləllən, iktəḍīn nuŋanman ŋtunmərən, gūnān ḍaltakın: „Gırkısun āmūllən, tiruŋjān nākəllə". ūkələsinmuķānən nuŋan, suŗuŗən, huktilkąkuttən, ədətin sulakīl nuŋanmān ḍawara, tarıtpı-dā mişərąn.

I. Kirənəw. Kamenka

9. Sulakī

Sulakī əmərən. Ətirkən sagdıkōkun atırkānīn вisin ḍūktə. Nuŋartın hutəltin ācın. Sulakı ŗləksicərən tar ətirkənmə: „Amākā ororwos tinəktə, вī tādu icəm oŋkokōkunma. Tālā ororwos tinəktə". Ətirkən ḍəkirən. Ətirkənŋil ororīn əmərə. Tinnəsinən sulakī. Tālā təpŗən ororwōn. Arakākun ḍəвḍən. Əsīlə asuna-wal вiḍən. Adıja-wal tırganīl icənəskənḍən ətirkən. Sulakī upkatpa manaran; ororwo ətirkənŋilwə manamī, gūnaŋn: „Amākā si-wəli icənəkəl ororwı". Ətirkəcən icənəsinən, sulakī upkatpān ororwōn ḍəpcə.

Tārā ətirkən mucusınan ḍuļāwı. Ənə ḍūwı dagamāraŋ gorogıt atırkāntıkīwı ulgucəməcillən, jəkənətcən: „Soŋoḍokol atırkānəj, sulakī ororwo manacā". Atırkān əsın ajat doldıra. Sulakī ulgucələsillən, gūllən: „Amākā gunḍārān: „Atırkānəj, sulakī ororwo вurgupkəcə, ŋākąjən вūḍākəl вurunjąn, silıksəŋjən eūkəl". Tār atırkān ŋākəjən вūrən, вurunjąn вūrən, siltiksəŋjən вūrən.

Əḍälin ətirkən əmərə, sulakī, вūrəkin upkatjān, tuksanan, tarīklā, suŗuŗən.

ушел. Там нашел лису. У тех лисиц остановился. Волк к лисьим юртам пришел. В юртах нашел сломанный зуб. Взял зуб, опять по следу погнался. Туда пришел. Лисицы у костра живут, много. Волк пришел. На костре хвост прижег. Лисицы захохотали. Он оглянулся—беззубой нет, все с зубами. Опять пошел искать, след нашел. Пошел по следу, пришел. Опять лисицы у костра живут, много. Опять хвост прижег. Лисицы засмеялись. Всех осмотрел. Увидел—одна без зуба. К той подошел, сказал: „Мужик, мы поищем-ка друг другу вшей". Лисице вшей искать стал, зубом ее заколол, сказал родным ее: „Товарищ ваш заснул, подушку подложите", положил он, ушел, сильно побежал, чтобы лисицы его не схватили, сразу же изчез.

И. Киронов. Каменка

9. Лисица

Лисица пришла. Старик старый со старухой живет вместе. У них детей нет. Лисица обманула того старика: „Дед, оленей твоих пущу-ка, я там видела пастбище. Туда оленей пущу". Старик согласился. Стариковы олени пришли. Пошла пускать лисица. Там убила оленей. Понемногу съела. Теперь сколько-то прошло. Через сколько-то дней пошел посмотреть старик. Лисица всех кончила; стариковых оленей кончивши, сказала: „Дед, ты-ко посмотри поди оленей". Старичок пошел посмотреть, лисица всех оленей съела.

Тот старик вернулся домой. Не доходя до дома, издали старухе стал рассказывать, идет, кричит: „Плачь, старуха, лисица оленей съела". Старуха хорошо не расслышала. Лисица также рассказывать стала, сказала: „Дед говорит: старуха, лисица оленей жирными сделала, огниво дай, брусок, шило дай". Та старуха огниво дала, брусок дала, шило дала.

До прихода старика, лисица, когда дала все, убежала, туда ушла.

P. Kirənəw. Kamenka

10. Toγo

Bəjä suksıllawa öllan. Irəpcinəwi, purupcänəwı ılaran. Nuŋan tıkullan, toγowı ganättən. äsınan toγon sıwran. Tımännä albaran ılaḍamī toγowı. Mucusınan hoktolıwı amaskī. Tälä bicän hokton toγon. Əmərən tälä, tadu ətirkän səgdənnəwi higətcə.

Bəjə ılacıllan aturkän toγowön — tärä toγo sıwran. Albaran ılaḍamī. Mucusınan ḍülāwı. Əmərən hullalıwı udgusınan. Gokoḷomo ödan. Əwənkī əmərən, toγon ācın. Irən, gunḍan: „ıdu toγos?" — „ācın", nuŋan gunḍan: „albacāw ılaḍamī toγowı". Əwənkı ılaran toγowön — ḍagdallän. Nuŋan ıtıgaran, oronmı onörän, əigəsinän ətirkänduli. Təputtən. Imurwə ılacıllan. Toγo täli arurän.

A. Cernousow. Kamenka

11. Hinuḳicən

Bəjä bəjuscärän. Nuŋan şamän. Tälä ilbərən hinuḳicənmə. Hinuḳicən döran. Şaman ŋurmärän, garparan nuŋanmän. Wärän, gaddan, toγojowı ılallan iştən. Sılacıllən. Hinuḳicən gūnan: „ennə minə işinnä?" Samän gūnan: „işim". Hinuḳicən gūnan: „Hata gunḍam ētı şəjırillən". Şamän tälgəttən nuŋanmän. Ṇänä hinuḳicən gūnan: „ennə, minə tälgəcinnä?" — „Tälgəcim". Şamän selarän nuŋanmän toγodu. Hinuḳicən ŋäŋä haŋuktallan: „ennə, minə sēlannä? — „Sēlam" — „Hata gunḍam ēkunḍī iriktəw gijirəllən". Irirän hinuḳicənmə, ḍawuḷlən. „ennə, minə ḍawuḷinnä?" — „ee, ḍawuḷim". Hinuḳicən gūnan: „Hata gunḍam ēkunḍī minnillən". Bəjä sururän, manamī. Tälä amunan. Amunīn gūnan: „şamän əcəs minə wärä".

Р. Киронов. Каменка

10. Огонь

Мужчина лыжи делал. Скобель, сверло сжег. Он рассердился, в огонь выстрелил. Заснул, огонь погас. Утром не мог зажечь огонь. Вернулся по дороге обратно. Там была дорога огня. Пришел туда, там старик спину грел.

Мужик стал зажигать огонь старика—тот огонь погас. Не мог зажечь. Вернулся домой. Пришел, в одеяло влез. Долго был. Эвенки пришел, огня нет. Вошел, сказал: „Где огонь твой?"—„Нет", он сказал: „не мог огонь зажечь". Эвенки зажег, огонь загорелся. Он собрался, оленя привести пошел, привел к старику. Убил. Жир поджег. Огонь тогда ожил.

А. Черноусов. Каменка

11. Рябчик

Мужик охотится. Он шаман. Там спугнул рябчика. Рябчик сел. Шаман подкрался, выстрелил. Убил, взял, огонь зажег, ощипал. Стал жарить. Рябчик сказал: „Что делаешь, меня обдираешь?" Шаман сказал: „Обдираю". Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то холодно стало". Шаман на огне подвялил его. Опять рябчик сказал: „Что делаешь, меня вялишь?"—„Завяливаю". Шаман его на вертело насадил у огня. Рябчик опять спросил: „Что делаешь, меня жаришь?"—„Жарю".—„Опять же говорю, чем-то кожа моя коробиться стала". Сготовил рябчика, есть стал. „Что делаешь, меня ешь?" — „Да, ем". Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то зашевелилось". Мужик ушел, кончивши. Там на двор сходил. Кал его сказал: „Шаман (ты) меня не убил!"

Şamān tikŭllən, nuŋanmān ganāttən, alвaran wāḍamī. Halganḍiwı həkcisinən — halganīn lamвarārān. Ŋālaṭpı koltoron—ŋālan nomorōrān. Alвaran şucaḍamī. Tādu-da dogotowron.

Nāmənnəja əmərān. Bakaran dogotocōwo, hennaduwı inisinan ḍūlāwı. Tāla şamān nəŋirīduk ḍawawran. Hitənmə Nāmənnəjä inirən asīlāwı. Asīwı gŭnən: „Niptəjə niptəkəl вəjunmə wācā вisām". Asīn ŭrunən, jŭrən ḍūdukwı, unaptunma nimgərən. Gadan Nāmənnəja hınnawān „ēkun-dā ācın", gŭnan. „Ōn ēkun-dā ācın?" Nāmənnəja gŭnan: „şī nimgənnā". Asīwı tikŭllan, ḍawaran, hukitəwən huptərən, вakaran unaptunma. Ələ ŋānā dalвullan. Asīwı gŭnan: „Gŭkəl kamnun!" Asīn hata ətən gŭnə. Ŋānā dalвullan. Asīn gŭnan: „Əsīlə kamnun". Hukitəjən kammundāran.

Mucusınan Nāmənnəja ūḍalıwı. Tāla вakaran şamānmə, inisinan ŋānā ḍūlāwı. Əməwrān. Dogotocō inirən. Şamān amultallan. Nāmənnəjä cəməwi gadan, alikıttan amunman. Surŭrān вıralä, sirŭgīt ḍəвdəwı.

Şamān ılıan, hutəwətin wārān, ŭlərān. Pompowōn äsınmuran hulladutin. Mānəkən hərgitin ukələsinən. Nāmənnəjä əmərān, icərən hutətin äsira. Nuŋan haktānan, gŭnan: „Hutət ajipcā-dā". Nuŋartın ələniwən ḍəwŭllə. Asīn gŭnan: „Ətirkən ōn-ka hutəmupcə?" Nāmənnəjä gŭnan: „hutə ŭlləwən ōn-ka? ətən?" Hutəwi ḍəwra, ajıwra, äsına. Şamān hərgijit silgiwūndī arkıcıllan. Nāmənnəjä gŭnan: „ekundī halgarwı gawsınälla, hutəwəw ḍəwrəkit?" Tikŭllan, təgərən, mōwa gadan, halgarwı mōti capcıran. Ḍŭktə halgarwar, ŋälalwar captira. Şamān surŭrən.

Шаман рассердился, в него выстрелил, не мог убить. Ногою толкнул — нога приклеилась. Рукою ударил—рука прилипла. Не мог отклеить. Там же замерз.

Намонныя пришел. Нашел замерзшего, на поняге потащил домой. Там шаман за наклоненное дерево зацепился. Зря Намонныя тащил к жене. Жене сказал: „Подстилку подстели, зверя убил". Жена обрадовалась выскочила из юрты, кольцо проглотила. Взяла Намонныя понягу. „Ничего нет", сказала. „Как ничего нет?" Намонныя сказал: „Ты проглотила". На жену рассердился, схватил, живот ее распорол, нашел кольцо. Опять стал соединять (брюхо). Жене сказал: „Скажи: клей" Жена все еще не говорит. Опять стал соединять. Жена сказала: „Теперь клей". Брюхо склеил.

Вернулся Намонныя по следу своему. Там нашел шамана, потащил опять домой. Принес. Замерзший ожил. Шаман испражнился. Намонныя чашку взял, собрал кал. Ушел на реку, с песком чтобы съесть.

Шаман встал, сына их убил, сварил. Голову его положил в одеяло. Сам вниз лег. Намонныя пришел, смотрит—сын спит. Он засмеялся, сказал: „Сын наш наелся же". Они остатки съели. Жена сказала: „Старик что-то сына чувствую". Намонныя сказал: „Мясо сына как же? нет не станет (не может быть)". Сына съели, насытились, легли спать. Шаман из-под низа шилом колоть стал. Намонныя сказал: „Чем-то ноги закололо, не от сына ли еды? (не оттого ли, что сына съел)" Рассердился, встал, палку взял, палкой ноги свои ударил. Обе ноги, руки сломались. Шаман ушел.

ДВЕ СКАЗКИ ТАЛОЧСКИХ ЭВЕНКОВ[1]

G. G. Torgonow. Hulugli. Tālaca

1. Nimŋakāwun

Cıwkākān dəγilcān. „Dılacawa icānąsinām“, gūnān: Dəgdącān-nun, dəgdącānnun ųγiskąkī, ədikakun ōlcā. Tādu asakīkārsıwı səmkəwmąnsącą, tıkımmen kəcą. Tıkıγsa sēktakāntıkī mukąmukliwi ųγucō. Ōn-mal kəsāmī bulturgacā sēktakāndukwı. „Sēkta, sēkta əhąγlə ukusəldu kugdıkaw kānsıγāw“. Ukusəltikąkī sųrucō „Ką! ukusəl, ukusəl, sēktakānmə-wəl kıgdıkānākəldu!“ — „Būcıγi mānni cūkaŋmar ądārəw manamī!“ — „Ukusəl, ukusəl əhā-γlə bəjcārdu säpiwkąsiγąw sunäwə!“ Bəjcārtikąkī sųrucō. Bəjcārdulą ŋānącą. „Bəjcār, bəjcār ukusəlwə-γlə zapnąkəldu!“ — „Mānni bəjŋąŋmər ąsārəw manamī“. — „Bəjcār, bəjcār āhą-γlə najacaldu pəktirųwkąnsiγāw!“ — „Bū mānni imųwər ąsārəw dəgdəmī, bəjcārwə pəktirųnąsākəsəl“. — „āhalųγər oŋukucārdu kırgawkānsıγāw“. Oŋukucārtıkī, sųrucą oŋukucārdulā ŋānącā. „Kə! nōjacāl imųlwątin kuganākəldu oŋukucār!“ — „Mąnŋilwit ŋuŋmaŋmar ąsąrəw manamī“.

Käpälcān cıwkānŋıkāntın ədikąkųnmə tincān. Bolgokokutcāl tarīŋılın. „Əsīlə kırganāscāldaw“, oŋukucar gūlcąl. „Kə əsīlə pəktirųnāscəldəw!“ gūlcąl. „Ďäpnąscäldəw ųkųsəlwə“, bəjcār gūlcąl. „Kıgsıkanāsceldew“, ųkųsəl gūlcąl. Sektakānmər manawdan.

Т. Т. Торгонов. Хулугли. Талоча

1. Сказка

Пташечка летала. „Солнце отправляюсь смотреть“, сказала. Летала, летала — вверх, ветер сделался. Там крылышки износила, упала. Упала на тальник, задницу занозила. Как-то делая, сорвалась с кустика. „Куст, куст, ведь коровам скормлю“. К коровам отправилась. „Ну, коровы, коровы, кустик съешьте!“ — „Мы-то свою траву не можем кончить“. — „Коровы, коровы, ведь волкам скормлю вас“. К волкам отправилась. К волкам пошла. „Волки, волки, коров съешьте“. — „Свое мясо не кончим“. — „Волки, волки, ведь начальников заставлю выстрелить!“ (Пошла к начальникам, стала просить волков убить, те сказали:) „Мы свой жир не можем поднять, (не только) волков итти стрелять“. — „Ведь мышей заставлю (вас) загрызть“. К мышам пошла, к мышам шла. „Эй, начальников жир сгрызите, мыши!“ — „Свои запасы не можем кончить“.

Рассердилась пташечка, ветер сильный напустила. Перепугались те. „Теперь пойдем грызть“, мыши сказали. „Теперь пойдем стрелять!“ сказали. „Пойдем есть коров“, волки сказали. „Пойдем жевать“, сказали коровы. Кустик кончился.

---

[1] Приводимые здесь сказки записаны русской транскрипцией эвенком Г. А. Ниргунеевым в 1926 г. на левом притоке верхнего Витима Витим-Олекминского национального округа. При переписывании принятой в настоящем сборнике транскрипцией все особенности талочского говора были сохранены. Ред.

G. G. Torgonow. Hulugli. Tālācā

2. Ɲucakın bəjə

Bājə ɲucakın ŋānāsācān, isin sārā ēduk-wal baldıcājāwı. Ŋānāsāmmān, ŋānāɖammān unātwə turgaldıcān, mānduldicā. ulguɕanā-wəl ənā, tarīŋın kulın ōcā. Nıkınmawān ucıecā. Ōn-mal kādāwi gajkasana-nun ŋānāsāwki. Ŋānāsānə uŋtuwə bəjāwə turgaldıcā. Tarīŋın suraktalcā: „Nāγsācī əmāndi?“ guncā. Tarīŋın manmi icāmcā— nāγsājān uγāj. „Uγāj-mat“, guncā: „nāγsājāw“. Tarīŋın guncā: „Tar-ka nıkınmadus“. „Ōn-mal gurəkəmī āsām“. Tarīŋın tartıkī-kān ŋānācā ilan markānmə cıputcā, marīŋılsīwı iktulcā tarī kulınŋıwān. Tarīŋın gurərgəcā da i misəcā. Tar marıŋkārwı būcā tar bəjādu: „ē-wal ōrakın, sōnmalısımdak, iktəŋnəkəl“. Tar marıŋkārwı ŋālsānā-nun surucōn. Tar-nun ŋānāsāmmān, kadardun sūwa bakacān, sāməklācāsārān urkən. Marıŋkārsıwı sōnmalısımdak-nun ıktəcā, sāmōkkākunmān būrgi. Icā, aktırakākun. Təmīktəsānə girkulcā, ŋān urkəwə bakacā, sōnmalısımdak-nun iktəcā sāməkkākun mān burgi.

Ŋarikākun irəkin, asırga kēnasenān, ujucəsānə, oroktolwo ulicā. Icāscā, ŋān urkən sāməklācāsārān. Ŋān marıŋkārsıwı iktəca, sāməkwān burgi. Icā ŋınakın kıkıγlāsaran ujucāsānə. Tādu uldəl bisārə. Tar uldəldukk ūlicā ŋınakındu. Ŋān cāskīn sāməklācāsārān. Iktəcan—burgi. Icā, ŋān ŋarikākun. Ɒulēγusin ilan dılicī bəjā əməsārān, turgaldıcā mənduldicā. Tarīŋın suraktalcā: „Asırgawāw tiγlą ūındi, ŋınakınmāw dāγlə ulindi?“ — „Ulim“, tarīŋın guncā. Tuγ-nun kəmī bədəwuscą, umıwkāncā, sulakın bisikin əjucilcą. „Aja bəjā bisindi, dawarındı minəwə, tarı sarın bī sinəwə bələsıγāw. Əri urbāskəs, əri ərkijās, əri paltəjās, əri sapaγılas, əri kotomılas, əri asırgajas kenasāna. Kə, surukəl əsīlə; ēma-wal kamaγa ōrakın, tətiγəlwi əŋnəkəl lukta“.

Asırgaduwı uγcā, surucə, əsin təki sarə īla-wəl sucŋətəwi. Surucə-nun murınmı sulāklan ŋənəɖācą. Gorōjo-wal, daγaja-wal ŋənəsācā, gorotwə bakacā. Tarīŋılīn kacıl, kandulātın ŋənəcą. Tarīŋın bəlalənmūlcą, bulēldəwi. Umun unāɖıcī. „Ərkiidi-

---

Г. Г. Торгонов. Хулугли. Талача

2. Голый человек

Человек голый шел, не знает, откуда родился. Шел, шел—девушку встретил, поздоровался. Не разговаривая даже, та змеей стала. Шею его обвила. Как делать, недоумевая идет. Идя, другого человека встретил. Тот спросил: „С ношей идешь?“ сказал. Тот себя осмотрел—ноши нет. „Хотя и нет, сказал, ноши“. Тот сказал: „Вот на шее-то“. — „Никак сбросить не могу“. Тот туда пошел, три ветки сломал, ветками ударил ту змею. Та развилась, да и скрылась. Те веточки отдал тому человеку: „Если чего-нибудь случится, впомнивши, ударь“. Тот, веточки держа, ушел. Тот, идя, на скале дом нашел, на замке дверь. Веточками, вспомнивши, ударил, замок свалил. Вошел, темнота. Ощупывая пошел, опять дверь нашел, вспомнивши ударил, замок сам упал.

Очень светло когда вошел, жеребец ржет, привязаный, сеном покормил. Взглянул, опять дверь с замком. Опять ветками ударил, замок упал. Вошел, собака хочет укусить, привязанная. Там мясо. Тем мясом покормили собаку. Опять дальше с замком. Ударил — упал. Вошел опять свет. Перед ним трехголовый человек идет, встретил, поздоровался. Тот спросил: „Жеребцато покормил? собак также покормил?“ — „Покормил“, тот сказал. Так повел, напоил, хотя и нагой, пожалел. „Хороший человек есть, навестил меня, за это я тебе помогу. Это рубашка, это штаны, это пальто, это сапоги, это сабля, это жеребец ржущий. Ну, иди теперь, если что-нибудь нехорошее будет, одежды не снимай“.

На жеребца верхом сел, ушел, не зная все-таки, куда итти. Уехал, конь (куда) вперед шел. Далеко ли, близко ли ехал, город нашел. Тот взял (да) к хану поехал. Тот собрался воевать, воевать. С одной дочерью (был). „Если

rəkis-nuŋ ər bulənduqkiw unātwı bŭzıγăw". Nuŋan ŋrəcā, buŋlännăscăl nuŋan, gılămnəj ōγsa, ŋōrascā. Kotomıjatwı əŋnirīŋăwi əŋniwki, murınīn kaŋırījăwı kaŋıwkı. Tar təγăŋkăkuŋmăn manacāl, mucucāl kāndulāwər.

Unātwān gācā atırkānə-wu. Unāsıŋın ŋŋtŭ kānŋı omolgīnunīn takılbıptulal. Omolgīnunmı gŭmătcă, tar bəjăwə wādāwər. Baŋuwa topılcāl ərdəmmăn sāsārə, tətiγədun ərdənīn, baŋunāγləlcă. Baŋuŋduwı omolgīwı tēruldıcā. Tar-dā baŋunācāl bəjānən. Bəjān tətiγəlwı luktawı ŋăləsăllān, tətil baŋuγlalcā. Unāsıŋın kukecā, tətiγəlwi lukmardān. „Tətilnər kəktə", gunca: „əγă-wıt ŋmunŋpcārəp. Bəjăjanən mit ōsarap. Lukıγsa, baŋukal!" Luktan da tādu nākirən. Tuγ-nun lukcānmān, baŋulḍanmān da cakıdārən omolgīŋın. Tətıγəlsīn təttənī kotomı ajamelısīn dılwān təktəstan, ŋrgulikăn təktərān, kuldu təwdən, asırgan irgidun kansukaran kulwə. Asīrgawān tinən. Asırgan əsăntikăkiwi misārạn. Əsăndulăwi ŋənurən, ılan dılıcīnlāwı tulindun kēnalcān-nun. Ilandılıcā əsānīn dōldıran. Dōldıγsa jūrən, ēkun kenaserān. „Minŋi asırganācınmı". jūrən, nuŋannıntītkān asırgan kenaserān. Irgidun karıŋ kulkun kansukucasaran. Kulwan kansukalgacā, ēruktalcā, bəjəsŋimaldə uldəlīn. uriḍana eruktalcā: „Karın unekī" bəjăŋın. Dawaj urisana, bisăk bidăkisīn năltcă, bukulıwān nătcă nasıγannun salmāssıγan. Bəjəjä-dạ bukuli ōcā, uwuscă, karıŋ tarīŋın ərīscă, ılcā. Ilan dılıcīŋın suraktalcă: „Gorowot-lä āndı gŭnnä!"—„Gorowo ām", guncă tarīŋın. Tāduk ılan dılıcīŋın walalcā: Bī-wit sinəwə gunsārkəw, tətiγəwi lukta ədăs. Kukəliwu-γəs əndəmăndecăw. Əri atanmı bokōmarkəl".— „Ōn-da bokōnsam", guncă gēkākun. Ilān dılıcīŋın: „Bī bələsıγăw ŋān".—„Bələmī-nun, bələkəl", bazan guncă. Altama asırgaŋcā tısānaŋı, asıwān aduwundun oŋkoldınāscā, altama asırga ōγsa. Oŋkoldısacān, oŋkoldısacān, mədəlcăl karıŋ altama asırga girkusaran. Icäräcīldulăwər icäriwkănnăscăl. Icäräciltin karın guncăl: „unəki bəjəŋmisun, urgulikăn tăktəkəldu, toγodu ılammer". Tugi gumătcärəktin, umun unāt dōldıcā. Tādu altama asırgatkākī tuγsascā, asırgalā ŋənəcă. „Iləl siniwə təktəpcăl, iladāwər kəsārə".—„Zanakaktın, ılaktın", guncă: „təlkā sī minəwə ajatnujisəndi əmədăwi. Ələkəs təktəstəktin, săhās uskənisciγan, tarāwə tukalakānsı buladāwī".

поможешь, после войны дочь отдам". Он согласился, поехали воевать, он, главным сделавшись, впереди шел. Саблей своей рубит (и) рубит, конь (попавшего) грызет (и) грызет. Тот народище кончили, вернулись к хану.

Дочь его взял старшую. Дочь с другим ханским парнем знакома. С парнем сговорились, того человека чтобы убить. Баню затопили, силу его знают, в одежде сила его, захотели сходить в баню. В бане с парнем договорились. Тот тоже в баню пошел человек. Человек одежды свои снять боялся, в одежде захотел мыться. Девушка (жена его) соблазнила, одежды чтобы снял. „В одежде помоюсь", сказал. „Ведь соединимся, супругами мы будем. Раздевшись, мойся". Снял, да тут положил. Пока снял, пока мылся, набросился парень. Одежды надел, саблей хорошей его голову отрубил, на мелкие куски разрубил, в куль набил, на хвост жеребца привязал куль. Жеребца отпустил. Жеребец к хозяину своему скрылся. К хозяину пошел, у трехголового снаружи (около дома) заржал. Трехголовый хозяин услыхал. Услыхавши, вышел, что ржет. „Мой жеребенок". Вышел к нему, жеребец ржет. На хвосте его для чего-то куль привязан. Куль отвязал, посмотрел—человека бывшего тело. Вытащив, посмотрел: действительно раньше (был) человек. Давай вытаскивать, как был сложил, слюну положил, по кускам слепил. Человек мертвый стал, подул, вдруг тот очнулся, встал. Трехголовый спросил: „Долго ли спал, говори?" — „Долго спал", сказал тот. Потом трехголовый закричал: „Я ведь тебе говорил же, чтобы одежды не снимал. Предупреждал—ошибся. Эту обиду вороти". — „Как же ворочу", сказал второй. Трехголовый: „Я помогу опять". — „Если поможешь, помоги", тот сказал. В золотого жеребца превратил. На отнявшего жену, на пастбище его ушел, золотым жеребцом ставши. Пасся, пасся, узнали вдруг, золотой жеребец ходит. К колдунам пошли. Колдуны сказали: „Прежний человек, на мелкие куски разрубите, в огне сожгите". Так когда говорили, одна девушка слышала. Туда к золотому жеребенку побежала, к жеребенку пришла. „Люди тебя убить, сжечь собираются".—„Пусть убьют, пусть сожгут", сказал: „только, меня если любишь, приходи. В первый раз когда ударят, кровь потечет, ту (кровь) землею покрой".

Tarda təktənäscą̄l, unazīŋın əməldicą̄. Kətəką̄kųn binəl, əməcą̄l. Ələkəs təktəstəktin, są̄həjə cıcıncā, tarkānmə tukaladu zajacā unazınīn. Təktəcą̄l-da ųrgųliką̄n toγodu ılacāl, sųrųcāl. Goroja-γu, daγaja-γu bırkəl. Tāduk altama zagdakān baldıcā. Tāduk karıŋ bəjāl bakacāl altama zagdakānmə kānduwar sılbacāl. Kāntın icäräciltiką̄kīwi. Icärältin karıŋ gųlcą̄l: „ųnəki bəjäŋisųn, ųrgųliką̄n təktəkäldų, toγodu ılammər. Unäzīŋın ŋān dōldıcā. Zagdatkāntıkākī tuγsacā: „Sinəwə ŋān iladāwər kəzärə“.— „Təktəγsəlzą̄nąką̄ktin, sī əmədą̄wi; da ąŋnistąktin, säpkə ətəkənziγą̄n, tarāwə zajadāwi“.

Təktənäscą̄l. Təktəcą̄l, toγodu ılacāl. Ələkəs säpkäkān ətəkənəkin, zajacān unäzīŋīn. Ŋənųscą̄l, təktəγsąl, ılaγsal.

Gorojo-γu, daγaja-γu bizäcą̄tin. Tāduk əsīlə altamakān gųlųpkə oγsa, prāmə ulicēlıtın tųtųktəlcą̄. Nuŋanmān wāzəną kānŋı omolgīn, asīwān tizäną, icäcą̄: „Ərkə altamakān gųlųpkə“. Əsīlə gųlųpkāŋmi asaktallan sōt kəlcą̄ ənə-wəl ŋənərə icäräcildųlą̄wi.

Bokōltakun ozawkı, tarīŋın ərnun tųtųktəzəwki. Ərnųn zawassazawkı kānnın. Tųγi kəzämmän āmuttu tısaktazana, misəsilcą̄. Bəjäŋin tətiγəlwi lukıγsa, əlbəskątcän, asaktalcā. Tälıkākın gųlųpkəŋkənin ųγigdąlin dəγcą̄ də tətiγəldun docā, bəjäjä ocā. Tətiγəlzin tətcą̄, tuγsamalcacā, təktəcą̄ ųrgųmkān, toγodu ılacā.

ųnəki asīglāwı tuγsacā təktəcā ųrgųlikąn, da toγodu ılacą̄. Icäräcindųlą̄n ŋənəcą̄ da təktəcą̄, ųrgųlikān, toγodu ılacā. ųnəki unäzīnmı, səpkəŋmān zajatcanan, gacān. Kānmı tarı-da gorottu bilcą̄n, təγą̄ŋi-dą̄ tarī kāntın ocan.

Вот пошли убивать, девушка с ними пошла. Многие будучи пошли. Впервые когда ударили, кровь потекла, немножко той спрятала девушка. Изрубили да на мелкие куски, в огне сожгли, ушли. Долго ли, мало ли было (прошло). Потом золотая сосенка выросла. Потом вдруг люди нашли золотую сосенку, хану сообщили. Хан к колдунам. Колдуны сразу сказали: „Прежний человек, на куски разрубите, в огне сожгите“. Девушка опять услыхала. К сосенке побежала: „Тебя опять сжечь собираются“.—„Когда рубить станут, ты приди, рубнут когда, щепка отскочит, ту спрячь“.

Пошли рубить. Разрубили, в огне сожгли. Первая щепка когда отскочила, спрятала девушка. Пошли, разрубивши, сжегши.

Долго ли, коротко ли жили. Потом тогда, золотой голубкой сделавшись, прямо по улице пошел. Его убивший ханский парень, жену его отнявший, увидел: „Вот золотая голубка“. Вот голубку стал гонять, сильно гонял, не сходив даже к колдунам.

Почти догнал, тот все ходит, пытается схватить хан. Так по озеру поплыл, скрылся. Парень, одежды снявши, поплыл, гонял. Тогда голубка вверх улетела да на одежду его села, человеком стала. Одежды надел, быстро побежал, разбил на куски, в огне сжег.

К прежней жене побежал, зарубил на мелкие куски, в огне сжег. К колдунам пошел, разрубил на куски, в огне сжег. Прежнюю девушку, щепку спрятавшую, взял. Ханом в том же городе жить стал, народа того ханом стал.

Е. И. Титов

МАТЕРИАЛЫ ПО УСТНОМУ ТВОРЧЕСТВУ ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Материал для этой работы был собран мною в разное время: на севере Байкала и в Верхне-Ангарском крае в годы 1919, 1920 и 1925, в верховьях Лены и Кирэнги зимою 1925 г., по Нерче, Витиму и Карэнге весною 1926 г. Поверстный маршрут поездок, о численности эвенков, а также замечания о характере языковых материалов изложены в предисловии к книге „Тунгусско-русский словарь" (Иркутск 1926 г.) [2] Эвенки обследованных районов называют себя „əwənkĭ". Все они—оленеводы или были оленеводами еще на памяти живущего поколения. Верхоленские эвенки „сели на землю" — построили избы, завели лошадей и коров. Отдельные хозяйства расчистили пашни. Но все это пока только привесок к охоте на зверя. Оседлые хозяйства „береговых" эвенков, иногда более окрепшие, чем ленские, мы встречаем на севере Байкала, по Нерче и Карэнге.

У эвенков сохранились остатки родового быта. Каждый знает название рода, к которому он принадлежит. Браки их экзогамны, кочевья распределены по родам и уже в пределах рода происходят дележи охотничьих участков по семьям. Не соблюдается этот порядок только по Нерче и Витиму—погоня за белкой нарушает традиционную неприкосновенность родовой территории.

То, что предлагается в этой работе в качестве эвенкийской поэзии, можно разделить на следующие группы: сказания о богатырях, сказки бытовые и о животных, песни, загадки, детские рифмы, пословицы.

Сказания о богатырях были сообщены мне в виде обычного повествования, а не напеты, за исключением отрывка № 20, в котором рассказ сопровождается припевом. Все же в характере изложения этих сказаний можно установить особые, присущие только им черты: ритмическая конструкция фразы с оттенком торжественной интонации, местами подчеркнутые аллитерации и рифмы, сгущенные поэтические преувеличения. Темой сказания в большинстве случаев является борьба богатырей с мифическими великанами „manji" или „kalusal". В современном представлении северо-байкальских эвенков „kalul" — хозяева рек и гор, раньше это были „большие люди, которые убивали". У ленских эвенков „kalusal"—это великаны „manji", у северо-байкальских эвенков — видовое название медведя, у ленцев — чорт, богатырь, людоед, великан; „manji jaŋkun" — название Млечного Пути, обозначает лыжный след manji (медведя).

---

[1] Тексты, представленные Е. И. Титовым, уточнены в переводе и переписаны транскрипцией, принятой в настоящем сборнике, с сохранением особенностей говоров и со следующими соответствиями транскрипции словаря:

В сборнике: a, ā, ą, ą̄; в; c; d; з; e, ē; ə, ə̄; f; g; γ; i, ĭ, ı, ī; j; k; l; m; n; ņ; ŋ; o, ō; p; r; s; ş; u, ū, ų, ų̄; w; z.

В словаре: а, аа, а̄; б; ч; д; дж, дж'; е; э(о), о(а), ы, э, ы, о; ф; г; h; і, ы (после т, д); j; к; л(і); м; н; н'; нг; о; п; р; с; ш; т; у; г(w); ж.

Палатализация в словаре обозначается буквами: ў, ӧ, е; иногда знаком „'" после буквы. Ред.

[2] См. также путевые очерки „Северная Даурия", „Кони, тайга и суглинок" в журн. „Сибирские огни" Новосибирск, 1926, кн. 5—6; 1927, кн. 1 и 3.

Все сказания связаны с каким-нибудь собственным именем богатыря. Наиболее популярный, должно быть, Акши-Бакши, по пояс в стружках, он занят изготовлением луков и стрел. Весьма возможно, что имя другого богатыря, Хани-Хубун-Хэкэр-Богдо, является эвенкийской версией сказаний о Гэсэр-Хане.

Сказки эвенков имеют черты своеобразия. В отличие от большинства русских, они построены на диалоге. Иные из них рассказываются с припевом, который может быть имитацией игры на музыкальном инструменте (burbulin-burbulin). Эвенки заимствовали отдельные сказочные мотивы и целые сюжетные построения у русских, но заимствованный материал всегда использован творчески (сказка № 8 на тему ершовской истории о Коньке-горбунке). В сказках о животных главный герой — лиса (то самец, то самка).

Песни благодаря обязательному речитативному напеву имеют более или менее строгую метричность, часто воспроизводящую рисунок наших ямбов. В песенной строчке можно наблюдать „краесогласие". Рифмуются и концы и начала слов, созвучия располагаются свободно. В любовных песнях наблюдаются символы — застывшие штампы образов: оленья самка двух лет — девушка, бычок — парень, бык дикого оленя — вдовец и т. д. Любовная игра изображается в виде борьбы и встречи диких оленей, самцов и самок. Обычно в слова песни добавляются лишние суффиксы, что затрудняет толкование текста.

Несмотря на суровую борьбу за существование, эвенки-оленевод находит достаточно поводов для забавы и творчества. Песни поются во время длинной процедуры сватанья и свадьбы, в недели торжищ после выхода из тайги, когда радость встречи и неизменная водка развязывают языки и фантазию. Вечерами молодежь, сцепившись руками, плечо в плечо движется в круговых плясках и поет в один голос музыкальную фразу, замкнутую в определенную словесную форму — в слово без смысла. Мотивы сменяют друг друга, люди ритмично приседают, выставляя вперед ноги, азарт нарастает, в круг вовлекаются все новые и новые участники, и пляска превращается в радение.

Для эвенкийского быта характерна следующая картина: семья жениха принимает родовичей. Гости сидят в порядке по кругу юрты перед дымящимся ворохом мяса. Гостей обносят вином. Принимающий рюмку говорит приветствие. В зависимости от таланта он может говорить много или мало. Кто-нибудь начинает петь, нанизывая слова на нитку однообразного мотива. Это большей частью импровизация, но есть песни, которые знают все. Есть и певцы, которых слушают с уважением, ибо в песнях их есть сила. Такие певцы на учете. У оленных эвенков хороших импровизаторов много. На Лене я нашел только двух мастеров импровизации. Я не исчерпал и десятой доли их импровизации.

Вот перечень певцов и сказочников, от которых я делал запись:

1. Полин Дмитрий (№№ 1—9) живет в 100 километрах от Качуга по дороге в Карам, в деревне Шевыкан, населенной обрусевшими бурятами. Ему 63 года. Последний представитель шевыканских эвенков продиктовал мне 9 сказок, заметив, что это только начало того, что он знает. Он поделился со мною только сказаниями о богатырях. Судя по записи № 9, у него есть запас бытовых сказок. Полина знают все верхоленские эвенки. В молодости он служил выборным общества. Сейчас живет в своем доме, зимою ставит капканы на рысей, „белкует", летом охотится на рысей. Полин был трижды женат, одна из жен была дочь шамана. Полин говорит по-бурятски и по-русски, играет на гармошке.

2. Стариков Петр Яковлевич (№№ 13—15)—60 лет, с Тутурского стойбища (р. Тутура — правый приток Лены), бедняк-безлошадник, когда-то имел оленей. Похоронил 7 детей, сейчас живет с дочерью и сыном. Один глаз с бельмом, постепенно слепнет. Стариков—отличный сказочник. Перед каждой сказкой Стариков помолчит—„наперво подумать, как ловче говорить"; рассказывая, волнуется, потом увлекается, забывая о том, что записывают. Стариков смотрел мне под карандаш и сам просил читать вслух прочитанное.

3. Сафонов Иннокентий Михаилович (№№ 10—11),—30 лет, карамский эвенки, недавно прикочевавший с Кирэнги в стойбище Тырка. Это

отважный и умный парень. Незадолго до нашей встречи его серьезно измял медведь в неравном единоборстве. Сафонов хорошо говорит по-русски, хотел бы очень пробраться в город на учебу.

4. Монастырев Федор Константинович (№ 12)—37 лет, цветущий, высокого роста эвенки, основательный в делах, сказочник случайный.

5. Комарицин Иннокентий Николаевич (№№ 16,49,50)— 42 лет, эвенки Чильчагирского рода из поселка Ченчи на Верхней Ангаре, внук оленного эвенки, женатого на „смешице" (дочери эвенка и русской). Комарицин говорит по-русски и по-эвенкийски.

6. Петухов Федор Николаевич — 63 лет, из выселки Дагары в Нижне-Ангарске, метис с преобладанием русской крови и привычек. Его эвенкийская речь имеет русский акцент.

7. Шаньгин Федор Николаевич (№№ 17—18, 51—53)—35 лет, эвенки Киндигирского рода с Нижне-Ангарска, береговой, знает русскую грамоту в пределах начальной школы, женат на русской, многодетен, беден и психически подавлен. Мать была шаманка. За три года знакомства я успел добиться от него не более двух сказок. В течение трех месяцев зимы 1919/20 года Шаньгин помогал мне изучать эвенкийскую речь.

8. Аеулев Яков Иннокентьевич (№№ 19—22, 24—27)—43 лет, горный эвенки Киндигирского рода, вдовец, очень скромный и честный человек, старательный промышленник. Уходя на промысел, оставляет двух детей в избушке берегового эвенка. Я „открыл" Аеулева случайно. На мою просьбу что-нибудь рассказать он, отложив выход на промысел, диктовал и пел мне два дня. Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово в слово.

9. Букидаев Николай Иванович (№№ 23, 28—35, 45)—23 лет, горный киндигирец, товарищ Аеулева по промыслу. Песни диктовал с азартом и уверял меня, что сочиняет все сам, потом его песни поют другие. По-русски почти не говорит. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией.

10. Муктонов Алексей Николаевич—22 лет, с детства живет среди русских в Нижне-Ангарске.

11. Шонгото (№№ 36—38)—12 лет, сын горной эвенкийки, вдовы из Киндигирского рода, сообщил несколько загадок и рифмы-считалки. Шонгото учится в русской школе. Жалобу зайца (36) сообщила его мать.

12. Аеулева Ольга Николаевна (№№ 39—44)—18 лет, берег. эвенкийка.

13. Нергунеев Александр Герасимович—22 л., из рода Бултэгир со стойбища Чондак на Карэнге. Нергунеев — близкий приятель известного среди нерчинских эвенков сказочника с р. Имурчен (приток Витима) Торгонова Георгия Гавриловича. Нергунеев не профессионал-сказочник, но человек с талантом, обладает музыкальным слухом, очень охотно рисует.

14. Нергунеев Афанасий (№№ 54—60) — старик из рода Бултэгир.

15. Баксанаев Семен Анипатьевич (№№ 61—68)—19 лет, из рода Урпиолевых (Туруягир) с р. Ципы (приток Витима). Прослышав, что я интересуюсь сказками, Баксанаев сам пришел ко мне на факторию Калакан и предложил свои услуги. На кормежке, у костра он продиктовал мне сказки и спел песни. Пел Баксанаев чудесно.

На Лене и Кирэнге у разных лиц, главным образом у подростков и молодых парней записаны загадки. Все записи выверены, но ошибки должны быть, так как мои сказители при повторном чтении часто находили неудобным вносить мелкие исправления. Перевод сделан слово за слово.

В заключение необходимо заметить, что мои наблюдения над поэтическим творчеством эвенков были кратковременны, хотя, может быть, и счастливы. Все же мне кажется, что я собрал лишь осколки чего-то прежде значительного. Я решился на публикацию этих скудных и несовершенных записей, полагая, что даю их в качестве пробы, которая будет полезна, так как эвенки изучены плохо.

1928

D. Polin. Karama

1. Caγalaj-Cakulaj

Зӯr baγatirıl gəjuwhəl arcaldıra. Gə Zerdışan-Зӯγıkta gərbın. Gə Caγalakaj-Cakulaj gərbin. Bakaldımī ųrųldirā, ųlgųcəllə, ŋōrcalımmer kərə. Ilanma şutkal ŋōrcara, tirą onımmer kərə, awgu-wal əhin dabdıra. Gųnmətcə „Hojıwər halīzahınmāt“: Murıcīl zӯkcə, murırduwar uwra, sųrųmmār kərə. Goroo ŋənərə, icərə gorot, ųrāwā əwzārā. ųrā hərādųn jē-al kəmī gųnān: „Əräwą gorotpaw dulumkān ŋənəkəllu! Bi şųnā dōldıcāw ŋōrcazıcāhun ılanma sutkal, dųnnā habalzıcān“.

Nuartin icərā atırkākun. Jaga-baba hukcazırān, səgdənnədųwi. Caγalāj-Cakulāj mōwa həgdikąkųnmą şullutcan. Jaga-babawa mōt şuwurızīın, amŋalın igdirąmmān kərān.

Şųrųrų gorottuli, bəjəl nuarwatın nəmkicąlimmār kərā, baγatırıl alımmər kərā. Gorotpa weşpān həkimnəmmār kərā. Cāskī şųrųrų, icārā lāmukūn. Caγalaj-Calukaj icāmī ināmųhinān, Zerdışan-Зōγıkta əhın ųrųnā. Gųnmətcā: „Mıkcanmāt lāmuwa bargıskī“ Caγalaj-Calukaj mıkcānān ceres. Zerdışan-Зōγıkta mıkcānān lāmuwa, murının kōkcānmə ūlammen mūdų kərān.

Cāskī sųrųrų, gorowa ŋənərā, icərā Moγokun-Зəgdizārān, ŋebowa ıştalā. Caγalaj-Cakulaj inəmųhinān. Zərdışan-Зūγıkta ohadōllan. Nuŋartin gųnmātcā: „Murırduwar mıkcānmāt“. Caγalaj-Cakulaj mıkcānān cakumnak. Zərdışan-Зōγıkta murının irgiwi palımmen kərān towadu.

Cāskī sųrųrų, icārā kammakur kajtlāzārā, Caγalaj-Cakulaj icāmī ināmųhinān. Zerdışan-Зūγıkta inąmųllan Nuŋartın gųnmātcə: „Miti murirduwar mıkcānmukānmāt“. Caγalaj-Cakulaj mıkcānān cakumnak. Zerdışan-Зūγıkta mıkcānān murınman halgānmān pəhitcə. Amaşkīwar mıkcānā. Caγalaj-Cakulaj mıkcānā, Zerdışan-Зūγikta mıkcānān murınman ųųrıkcąn pəhitcən. Pişkəm sulapcān. Nuŋartın gųnmātcā: „Pişkəlīl mıkcānkıwāt“. Caγalaj-Cakulaj cakumnak mıkcānān.

Д. Полин. Карама

1. Чагалай-Чакулай

Два богатыря красивые встретились. Один Жердышан-Джюгикта по имени. Другой Чагалай-Чакулай по имени. Встретясь обрадовались, стали говорить, бороться стали. Трое суток боролись на-разнях, никоторый не одолел. Переговорили. „Конец пойдем искать“. Конные оба на своих коней сели, поехали. Далеко уехали, увидели город, с хребта спускаются. Под хребтом кто-то сказал: „В этот город смирненько заезжайте, я вас слышала, боролись (вы) трое суток, земля дрожала“.

Они увидали—старушища. Яга-баба лежит на спине. Чагалай-Чакулай дерево огромнейшее вырвал. Яге-бабе дерево вершиной в рот воткнул.

Поехали в город, мужчины стрелять их из луков стали, богатыри рассердились. Город весь растоптали. Дальше поехали, увидали морище. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта не рад. Сговорились: „Перескочим моря на ту сторону“. Чагалай-Чакулай прыгнул, моря не задев, Жердышан-Джюгикта прыгнул (через) море, конь его копыто замочил в воде.

Дальше поехали, долго ехали, увидали огнище горит, до неба достает. Чагалай-Чакулай усмехнулся, Жердышан-Джюгикта рассердился. Они сговорились: „На конях перескочим“. Чагалай-Чакулай прыгнул, ничего не задел. Жердышан-Джюгикты конь (его) хвост опалил в огне.

Дальше поехали, увидали утесы, ножницами сдвигаются. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта заплакал. Они сговорились: „Мы на конях перепрыгнем“. Чагалай-Чакулай прыгнул, не задел, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коню своему ногу оторвал. Назад прыгнули. Чагалай-Чакулай перепрыгнул, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коня его пополам разорвало. Пеший остался. Они сговорились: „Пешие будем прыгать“. Чагалай-Чакулай, не задевая, прыгнул,

Zerdişan-Zühıkta mıkcänä, halganmän pəhitimmän kərän. Amaşkīwär mıkcänä. Caγalaj-Cakulaj cakumŋak mıkcänän, Zerdışan-Züγıkta uŋurıkcän pəhitcən. Caγalaj-Cakulaj ŋməkən sulapcän. Zerdışan-Züγıkta вудän.

Caγalaj-Cakulaj murınduwı uwran, şŋrŋmmän kərän. Ŋənərän, ŋənərän gorokökunma. Hoktokönmo вakaran, hoktokönduli sŋrŋrŋn. Zükändulä ışşan. Lŋŋŋrkikin morındukpı jŋrän. Ahätkän zŋduk jŋrän. Arcamkärän Caγalaj-Cakulajwa. Zŋla ïrä, cajwa ŋlärän, ŋllәlwә ŋlärän, zapcälimmär kərä. Kəhilä nıŋahındar kəzirə. Ahätkän gunän Caγalaj-Cakulajwa: „Әrä zŋ ŋәlŋwkäciŋki dolвol, әkәl! әkәl ŋrkəwə nïrə. Öntänä, öntänä gunziŋän: Әkәl! әkәl ŋrkəwə nïrə“. Nıŋahınmer kərä.

Dolвukökın döldıra jewal kəmī murındu əmərän, gunän: „Ciwökcin! ciwökcin! ŋrkəwə nïkəl“. Tarı cıwökcin əŋkı nïrə. Hŋrkənmə gunzärän: „Әkəl! Әkəl hawalla“. Kumnıcä hŋrkanmä. Tarä hilä gunzärän tilindä: „Ciwəkcin! ciəwkcin! ŋrkəwə nïkəl. Bï ulapcä вihim. Bəjŋrdŋ mŋdŋ arnawa özacäw. Orordu вagdäkäldu lawıktawa özacäw. Murırdu, kukuhildu oroktolwo вorulwa özacäw. Ajaldu вoγatırıldu höıtın özacäw. Lämuwä tincäw. Toγowa tincäw kojımna öcäw. Kajıtläzırän. Nuŋartın mıkcänkıcätın. Hojwor tädu вakacätın... Caγalaj-Cakulaj cıγökcınmä әkäl dölcatca, hündäkäl cäwökcinma. Urkəwə nïmmin kəkəl!“

Caγalaj-Cakulaj kərän ciwökcinmä hundärän, ŋrkəwə nïmmın kərän. Ahätkäkıkın gəjŋkökŋn təlki ïrän zülä. Ciwökcinmi dılwän pəhimcən. Tŋlişkï hündämmän kərän. Nuartın zŋkcə kəhillä änŋacılımmer kərä. Məkəməcillä, önka zŋkcä gəjikökŋr.

D. Polın. Karama

2. Akşırē-Bakşırē

Ətirkän вizicän. Ilan ahätkär, hŋtəlin wolnakäkur. Əŋkil ēja-wal вälärə amınduwar. Bagdawkıl öhal, dəγilihinä вırakundulä. Ulвŋskäcıllä вagdawkıl. Ilänzär kaluşal əmərä. Adılīt adılımmer kərä. Nŋkŋndiwŋ hunät

---

Жердышан-Джюгикта, прыгая, ногу свою оторвал. Назад прыгнули, Чагалай-Чакулай не задевая прыгнул, Жердышан-Джюгикта пополам разорвало. Чагалай-Чакулай один остался, Жердышан-Джюгикта умер.

Чагалай-Чакулай на коня своего сел, поехал. Ехал, ехал очень долго. Тропинку нашел, по тропинке поехал. К юрточке подъехал. Глубоким вечером с коня слез. Девушка из юрты вышла. Встретила Чагалай-Чакулая. В юрту вошли, чай сварила, мясо сварила. Поели, потом стали ложиться спать. Девица сказала Чагалай-Чакулаю: „Эта юрта попугивает ночью, не открывай, не открывай дверь. О всяком, о всяком будет говорить, не открывай дверь“. Уснули.

Глубокой ночью услыхали — кто-то на коне приехал, сказал: „Стряпка, стряпка, дверь открой!“ Та стряпка не открывает. Парню говорит: Не шевелись, не шевелись“. Обняла парня. Та говорит на дворе: „Стряпка! стряпка! Дверь открой, я промокла. Сохатым в воде осоку делала. Оленям диким белый мох делала. Лошадям (и) коровам траву „буруй“ делала. Добрым богатырям конец делала. Море напустила. Огонь напустила, утес сделала стригущий (как ножницы). Они (до тех пор) перепрыгивали, (пока) конец там (не) нашли. Чагалай-Чакулай, стряпку не слушай, брось стряпку, дверь открывай-ка!“

Чагалай-Чакулай стряпку бросил, дверь открыл. Девичища красивейшая только вошла в юрту. Своей стряпке голову оторвала. На двор бросила. Они оба спать вместе стали. Совокупились, как же, оба красивые.

Д. Полин. Карама

2. Акширэ-Бакширэ

Старик жил-был. Три девицы, его дочери, очень непослушные. Ничего не помогали отцу своему. Лебедями сделавшись, полетели на речку. Купаться начали лебеди. Тридцать великанов пришли. Сетью обсетили. Младшая девица

cınıkā ōwha, adılwatın top dəγillən. Зūrԛwą şagdawulwa hunīlwān kaluşal ḍawara. Nԛkn̄dıwu cınıkā owha, dəγılsāhinān amıntıkīwı. Amīnmı sōnadun dōmmen kərān, gn̄nān: „Ama! minā зajakal, əktilwə ılanзar kalusal зawacāl“. Amīnīn gn̄nən: „Зanaka, əŋki hn̄ŋkā birkā. Ahantına təmkərrı, əhinkənca̧, dəγılsākąl! Akşırē-Bakşırē şınə зajaзıŋān, bādān вazalakīma, oŋokton ihālāmą, zarıwahamnelın oŋōn̄akınmān n̄urılwı ōzaŋkı“.

Hunāt tartıkī dəγilzą̄hinān. Issan, Akşarē-Baksarē şōnadun dōmmen kərān. Зūtkīn icəhinān. Akşarē-Baksarē n̄urılawı ōzarān. „Təзōt!“ gunən hunāt: „Akşarē-Bakşarē minə зajakal“,

Akşarē-Bakşarē ԛwişkī icāhinān, şōnatki. „Hunāt əməcą̄“, gunān Akşarē: „əməkāl зajзeŋāw“. Aşatkān zūlā immān kərān.

Ilānзār kaluşal ahara. Akşırē gn̄nā: „Akşırē-Bakşırē əmԛwkāl hunātpa. Əhikiş əmԛwrə, sinə wāзılləw“. Akşirē-Bakşirə gn̄nən: „Şn̄ minā əзiŋą̄hun wārā“. Ņurīlwı garan, nuartıŋītın ŋənəhinān. Əmərān. Kuhilinımār kərā. Ilānmə-zār kaluşalwa wespa wārān. Hunātpə ahījāwı gammən kərān. Aksırē-Baksirē tar mujen.

D. Polin. Karama

3. Sarāltə

Ətirkąn вizəllān. Baγatır şagdıcā gԛlādԛwi täγätcārān. Tirga вəjԛkԛn-anamkun əmərān. Tԛlindԛ вinā ərillān: „Amākā Şarāltə, tԛlişkī jn̄kāl!“ gn̄nān: „Əhikiş jn̄rā, ərāwā gԛläwāş kԛkąjizıŋą̄w“ gunān. Amākā Şaraltə вəjunmā gunān: „Şō вimī, kԛkąjkąl, minŋiwā gԛlāwəl. Bī gəjəwԛndԛwi ōcaw ərāwā gԛləwā“.

Bəjԛkԛn tuharān, gulāwā kԛkəjrān, hammen ŋaŋutmī. Amākā Şarāltə n̄urīlwı garan, tԛliskī jn̄rān, anamkūnma nəmkimmān kərān, wārān. Tar mujən.

пташкой сделалась, сеть их сквозь улетела. Двух старших девиц великаны поймали. Младшая, пташкой сделавшись, полетела к отцу своему. У отца на дымовое отверстие юрты села, сказала: „Отец, меня спрячь, старших сестер тридцать великанов поймали“. Отец ее сказал: „Так и надо, непослушны были, постигонку не сучили сейчас. Лети-ка, Акширэ-Бакширэ, тебя будет прятать, лицом похож на лягушку, нос его — как ящерица, в стружках по пояс, стрелы делает“.

Девица туда полетела. Достигла. Акширэ-Бакширэ на дымовое отверстие села. В юрту заглянула. Акширэ-Бакширэ стрелы делает. „В самом деле“, сказала девица: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь“.

Акширэ-Бакширэ вверх посмотрел в дымовое отверстие. „Девица пришла“, сказал Акширэ: „иди, спрячу“. Девушка в юрту вошла.

Тридцать великанов нагнали Акширэ, сказали: „Акширэ-Бакширэ, отдай девку. Если не отдашь, тебя убьем“. Акширэ-Бакширэ сказал: „Вы меня не убьете“. Стрелы свои взял, к ним пошел. Пришел. Драться начали. Тридцать великанов всех убил. Девушку в жены взял Акширэ-Бакширэ. Это конец.

Д. Полин. Карама.

3. Шаральто

Старик жил. Богатырь старый, в избе сидит. Днем зверь сохатый пришел. На дворе будучи, закричал: „Дедушка Шаральто, на улицу выйди“, сказал: „Если не выйдешь, эту избу твою бодну“, сказал. Дедушка Шаральто зверю сказал: „Если очень (сильный), (то) бодни мою избу. Я в молодости своей делал эту избу“.

Бык разбежался, избу боднул, не мог сломать. Дедушка Шаральто стрелы свои взял, на улицу вышел, в сохатого стрелять стал, убил. Это конец.

D. Polın. Karama

4. Hurkąkąn

Ụmuḳən ahī visällän. Huḳitäcī ahī. Ədīn vicąn. Suruḳən. Əŋkin əmərə. Ahī tärä əhin särä. Hutən vicąn vəjä toza voγatır. Suruḳən. Əŋki əmərä. Əhin särä. ılarä ojotın-məl huḳitän. Tärä ilą hutäŋnän hurkąnmą. Luŋur hutäŋcąn. Tımätnä hurkąkąn gırkullan. Hutän ännätcä, işə ännätcä zūruwə dolbonīl. Hutän həgdikəḳun örän. „Ənīnmi," gūnän: „ụḳunduḳpi şırkal, kalacıkärä ökal, ılana ahukärä".

Hurkąkąn kalacıkärwą garan, əwurduji nərän kərän. Şuruṛun hoktolı. Tälki vəjuḳunmą arcaran. Ahī amardun nuḷgizärän orordu.

Bəjäkun həgdikəkun, vaγatırkun hurkäkąnmą zawarän. Arcaldımī ənä ön-mal gūnə, tirämmän kərän. Wädäwı kəzäcąn hurkąkąnmą. Hurkąkąn əwərduḳpi kalacıkpa tänän. Bəjəḳundu amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjəkun şēran, şēran, nimŋärän. „Ənīmukä!" gūnän. Iṣṣə hūrkąkąnmą tirəzirän wädäwı kəzärän. Hurkąkąn kalacıkpa əwərduḳpi tänän, vəjäḳundu amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjäkun şēzellan, şēran, nimŋərän, gūnən: „Ənimuḳä!" Potom hurkąkąnmą, iṣṣə tirəzirän, hata-mat wädäwı iṣṣə kəzərän. Hurkäkän kalacıkpa əwərduḳpi tänän, vəjäḳundu amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjäkun şēzellan, şeran, nimŋərän. Gūnän vəjəkun hurkąkąnmə: „Əri kalacık on vihin ənimuḳä". Hurkąkąnmą gūnän: „şī ïduk əmənni? nīŋi vihinni?" Hurkąkąn gūnän: „Ərä ədu daγadu vizäräw, təlkə ənīnnun vī zūkcəkąn, amä ācın". Bəjəkun hurkąkąnmə kuŋnärän, ṇukanırımmen kərän, gūnän: „şī minŋi nəkunmi vihinni". Ahīwı gūnän: „Ororwı inilwətin, vurikəl ännątcäwät". Ännącılla.

Dolbo hurkąkąn tolkıtcän maŋıkūnma. Maŋıkūn ṇwijälą dəγiliktäzirän hələgəcin. Ŋäläduwı ıkokunma ŋäləktäzärän, gunzärän: „Hutäkər alakär, mindu vūkällə jəkukänə-wəl, kurıwukänə-wąl, borokono-wol, ıranuhun ırawazıŋäw şagdändulāwər ajıkänzī vizıŋąhun".

Tımättə təγərə. Ahuwkän hurkąkąn ənīnmi gūnän: „Maŋıkūn əməzällän. Mittuk gäläłzällän ēkuna-wal, əkəl vūrä ēkuna-wal, əkəl vūrä". Cajcella, cajcella. Maŋıkūn

---

Д. Полин. Карама

4. Мальчик

Одна женщина жила. Беременная женщина. Муж ее жил. Ушел. Не пришел. Женщина того не знала. Сын ее был, мужик тоже богатырь. Ушел. Не пришел. Не узнала. В три раза (увеличился) живот (ее). Та эвенкийка родила мальчика. Вечером родила. Утром мальчик заходил. Сын проночевал, еще проночевал две ночи. Сын большим стал. „Мать", сказал: „из груди нацеди, сделай калачики, три маленьких".

Мальчик калачики взял, за пазуху положил. Пошел по дороге. Только мужчинищу встретил. Женщина позади (его) на оленях кочевала.

Мужчинище большущий, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик из-за пазухи калачик вынул. Мужчинище в рот запихнул. Мужчинище жевал, жевал, проглотил. „Матерью (пахнет)", сказал. Еще мальчика стал давить, убить собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчинище в рот сунул. Мужчинище начал жевать, разжевал, проглотил,сказал: „Матерью (пахнет)". Потом мальчика еще давил, все-таки убить еще собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вытащил, мужчинище в рот сунул. Мужчинище стал жевать, разжевал, проглотил. Сказал мужчинище мальчику: „Этот калачик каков (почему) матерью пахнет?" Мальчику сказал: „Ты откуда пришел? Чей есть?" Мальчик сказал: „Вот здесь близко живу, только с матерью я вдвоем, отца нет". Мужчина мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: „Ты мой младший брат". Жене своей сказал: „С оленей вьюки сними, ночевать будем". Заночевали.

Ночью мальчик увидал во сне чудовище. Чудовище вверху летает, как коршун. В руке своей лукошко держит,говорит: „Детки сладкие, мне дайте что-нибудь, немножко, маленько, за вас буду молиться до старости, хорошо будете жить".

Утром встали. Младший мальчик матери сказал: „Чудовище идет. От нас просит чего-нибудь, не давай чего-нибудь, не давай". Пили чай, попили. Чудо-

əmərān, ɥwijälą dəɣiktällän, gunzänä: „hutäkar alakār mində bŭkəllə ēkukanə-wəl, kuriwəkānə-wəl, borokono-wol, bī şundu irānəhun irāwądiŋāw şagzändulāwər, ajakānzī gerkuzidāhun“. Dāhākāndu ōseren. Həgdikun bəjəkun ənä tillā ōrikən: „Nādə bŭkəl ətirkān ajakākun, həgdikun bəjäkun, nādə muŋnākəkānə bŭkəl“.

Ətirkān ajakākun muŋnākəkānmą hundārän ikāndulān. Nəkŭnin hurkąkąn bullän, bumän kərän. Maŋi gunən: „Ąɣa! zanaka, şōl-wal bimī, mindu ɥlākciwəş zanaka“.

Potom həgdikun bəjäkun nəkŭnmi icārän bucą, nurılan garan, maŋıwa nəmkimmän kərän. Amargījzın ŋālawān pəhitimmän, ıkąkunın dunnilą tıkımmen kərän. Luŋnakātāj muŋnakān dunnilą tıkcąkın, nəkŭnin hurkąkān ārəmmän kərän.

Nuŋartın zəpcä kərä. Itigara maŋıwa, ahazahımmer kərä. Bakanə, maŋi zūduwı bizärän. Nuŋanmān wämmär kərä. Zūwatkiwar surur. Zūlāwər əmərə. Ənintin ɥrumcəkākun. Zūduwar bizälimmir kərä.

Tārä bəjäkun baɣatırkun amīnmı ūzalın ūzazahınam. Bakaran kaluşal wācātın amīnmān. Amīnmı geremnıwān uruwran, bicąditin nəwąrän. Bəjunmə wārän, higrän. Mənikān hukląhinan. Ojoduwı ullälwą nəwąran.

Tımättä kərä dəɣiliktällan. Kərätkār ɥllälwą icärä. Zəptawər kədärä. Ənînmər gunzärä: „ɥllälwą zäpciɣam“. Ənintin gŭnän: „Əkällə zäpcä ərāwą ɥllälwą“. Kərätkār ahawkār ənînmər əhiş dōlcatca, ɥlläląˇ dōmmer kərä, zäpcädāwər. Tārä baɣatırkun kərätkārwə sawammen kərän. Kərätkār ənintin gunzärän: „Utälwąw tinkäl, pozalusta, tinkäl“. Tarä boɣatırkun kəräwą gŭnän: „Zıwoj wōda“ gunärījätin gannąkəl təli, əmuwrəkiş, hutälwəş tinzäŋāw“.

Kərätkār ənintin dəɣilzähinän. Əmuwrän „Zıwoj wōda“ gunərīwətin, ɥŭrwą butılkal əmuwrän. Umukəndųk butılkaduk kərätkąndu ɥŋkuruŋ, kərätkąn bummän kərän. Gēduk butılkaduk ɥŋkuruŋ, kərätkän awgarammen kərän. Noŋan amīnmı tārāit butılkat ajatkut ɥŋkucilimmän kərän, amīnīn ɥlläcī ollan. Potom nannäci ōran. Amŋalın ɥŋkurän ahukänmą, amīnīn täɣärän, awgaramhen kərän. Zütkīwar surummär kərä. Zūlāwər əmərä. Bizälimmär kərä. Tar mujen.

вище пришло, вверху стало лѣтать, говоря: „Детки сладкие, мне дайте чего нибудь, немножко, маленько, я вам (за вас), за ваше добро буду молиться, что бы до старости хорошо ходили“. Садящимся делается (сел). Большой парнишка не поняв, крикнул: „Надо дать, старик хороший, большой мужик, надо годовалого оленя дать“.

Старик хорошего оленя (годовалого) бросил в грудь. Младший брат, паренек, заболел, умер. Чудовище сказал: „Ага! так и надо, хотя сильные, мне обмануть удалось“.

Потом большой парень младшего увидел мертвого, стрелы взял, чудовище стал стрелять. Заднюю руку его оторвал, локоть его на землю упал. Вместе с рукой олень (годовалый) на землю упал когда, младший брат, паренек, ожил.

Они стали есть. Снарядились, чудовище преследовать стали. Нашли, чудовище в доме живет. Его убили. Домой пошли. Домой пришли. Мать рада. Дома жить стали.

Тот парень-богатырь отца по следам пошел. Нашел великанов, убивших отца. Отца кости собрал в кучу, как были положил. Зверя убил, ободрал. Сам лег. На лоб себе мяса положил.

Утром ворон прилетел. Воронята мясо увидали. Есть стали. Матери говорят: „Мясо едим“. Мать сказала: „Не ешьте это мясо“. Воронята маленькие, матери не слушал, на мясо сели, чтобы есть. Тот богатырище воронят поймал. Воронят мать говорит: „Детей отпусти, пожалуйста, отпусти“. Тот богатырище воронихе сказал: „Живой воды называемой принеси, тогда, если принесешь, детей отпущу“.

Воронят мать улетела. Принесла „живую воду“ называемую, две бутылки принесла. Из одной бутылки на вороненка вылила, вороненок умер. Из другой бутылки вылила, вороненок выздоровел. Он отца из той бутылки хорошо облил, отец с мясом (телом) стал. Потом с кожей стал. В рот его налил немножко, отец сел, выздоровел. Домой пошли. Домой пришли, жить стали. То конец.

D. Polın. Karama

5. Bolontur - вογatır

Bolontur вογatır ahīcī. Зū̆r murır: ụmụkən murın bəjụktəhik, ụmụkən murın bụlạniŋki. Ororīn kətəkạkụn. Bəjụşikạkụn, bəjụrā inniwạccāŋki, amākāla inniwạccāŋki.

Gë вογatır Tōrganaj ahīnunīn nıụasarān, sōkansārān. Bolontur əhin sārā. Ahīwān alawurān: „Gụnkəl, ụllälwā nādə. Зān ụrāl cāγılātın, zān вırar cāγılātın, tālā bəjụn bihin, tālā wārəkış, təli səpciŋạw".

Bolontur tımāttạ mırınmı zawaran, ụməliwrān hawahımmın tartıkī. Murınīn əhin əməsārā, murınīn gụnḍārān: „Amaşkī ıcāhikāl, tulup tikcāhạ, bəjä Tōrganaj awunsīγı awlāran".

Nuan icāhinān, Bolontur amaşkī icāhinān. Tōrganaj tikcāhạ tulupısīn. Nuan amaşkī mụcụhinān. Tōrganaj kālcārārān. Nuan ahīwı hanŋūktaran: „ēkun tulupısīw tisāγan?" Ahīn gūnān: „Bī ticcāhạw, sụrụrəkiş, ənājimạ". Nuan hıla sụrụrụn.

Ŋənārān, ŋənārān, zānmā ụrāl ŋənārān, zānmụ вıral ŋənārān, ışşan. Bəjụn ŋārạtkānmạ tālā əməsārān. Əgdikəkụn bəjụn—mamont. Nuan nurmārān, ŋəmkimmān kərān. wāmmen kərān. Potom higzällän. Bəjụnmā higrān. Ụllələwạ morınduji namallan, namaran həgdikəkụnmə, halgarīn balkaldulā kokcalīn təptirə dụnḍäwā. Murınīn gūnān: „ēwanəwı namazannı əŋəni həgdiwạ, ēkun zäpciγạn ərəwə ụllälwā? Tōrganaj ahīwas sụrụwcə. Зūdus ēkun-mal ācın".

Nuan ụllälwā (dunılwātcən). Bolontur вaγatır alırān, murındujı ūwran, dəγilzähinämmän kərān.

„Murınmaş bụlạhikpəs Tōrganaj lāmulā bargılā mōduk kaduwacā. Iŋəməktäldụkın вırakıcan ạjạhicạ.

Nuan Bolontur zūlā əmərān, ē-wal ācın. Murındukpı hanŋūktarān: „Bụlạhik ēdu вakazellap?" Murınīn gūnạn:—„Lāmudu tạmujə ōkal, minə əlgəmmān ōkal. Bī ılzıŋāw tārtıkī ŋənəzäkäl".

Д. Полин. Карама

5. Болонтур-богатырь

Болонтур-богатырь (имел) жену. Два коня, один конь промышленный, один конь военный. Оленей множество. Промышляет, зверей-лосей вьюками возит, медведей вьюками возит.

Другой богатырь Торганай с женой его спит, совокупляется. Болонтур не знает. Жену его научил: „Скажи (ему, что) мясо надо, за десятью хребтами, за десятью речками, там зверь есть, там когда убьешь, тогда я буду есть".

Болонтур поутру коней своих поймал, обседлал, поехал туда. Конь его не идет, конь говорит: „Назад оглянись, тулуп надел мужик-Торганай, шапку надел.

Он оглянулся, Болонтур посмотрел назад, Торганай надел его тулуп. Он назад вернулся. Торганай спрятался. Он жену спросил: „Кто тулуп мой наденет?" Жена его сказала: „Я надену, когда ты уедешь, скучно (о тебе)". Он тогда отправился.

Ехал, ехал, десять хребтов ехал, десять рек проехал, достиг. Зверь по озерцу-солонцу там ходит. Большущий зверь—мамонт. Он подкрался, из лука стрелил, убил. Потом шкуру снимать начал. Зверя ободрал. Мясо на коня вьючить стал, навьючил множество, ноги до бабок копытами увязли в землю. Конь его сказал: „Зачем ты вьючишь очень много, кто есть будет это мясо? Торганай жену твою увел, дома у тебя никого нет".

Он мясо разбросал. Болонтур-богатырь рассердился, на коня сел, помчался. „Коня твоего боевого Торганай за морем к дереву приковал. От его слез речушка протекла".

Он, Болонтур, домой приехал, никого нет. У коня спросил: „Боевой (конь), где найдем?" Конь его сказал: „В море плот сделай, меня введи на плот. Я встану (куда головой), туда поезжай".

Тамцwа ōran Bolontur вaγatır. Murınmı əlgārān, tamudu ılıwkānān. Tartıkī hilą sawrāsāhina, lāmu bargışkī. Işşa, murınmı вakaran, mōduk kaduwcāha. Murınmı lōpcan. Potom tīnān, cukadu dərumkīdān.

Ilanma şutkal tādu вicān. Potom murırwı tamulą əlgərān zūkcəwä. Lāmuwa daγrān. Зapkalı tamurāsāhinān. Goro ŋənərān. Icərān mūdu kukışketcera, ahīn Tōrganaj tumnızera.

Nuan Bolontur ẇiskī icəhinān. Icərān—Tōrganaj ahīn kukısketcara. Bolontur вaγatır gūnān: „Tuluppaw вūkəl, awunmaw вūkəl".

Tōrganaj tuluppa hundadāwı kəcān. Ahīn əhin вūrä, gūnān: „Tuluppa hundarıkıs, şi īdu, вī īdu?" Tōrganaj ətəmmān hundamī.

Bolontur gūnān: „Ahīwa əkəl dōldıcətca. Lāmuwa hərəndun вaγatr вihin. Tarŋı hunāzīn вihin. Bi tārāwą gazıŋāw ahījawı. Minŋi ahīw sinŋi, mindu ne nādə. Tuluppaw mindu hundākəl".

Tōrganaj tuluppa, awunma hundārān. Nuŋan tuluppa garan. Bolontur вaγatır tuluppı tətcān, awunmı awlārān. Ŭwişkī tomnān. „Leşnica ōkal", gūnān. Lesnica ōran. Nuŋan ojokcehınān leşnicoh. Işşan. Tōrganajwa dılwān pəhitcən. Зūrwą azırgal omnıkīlwa zawaran. Ahīwı irgildŭktin ųjuwąmmān kərān. Tinimmān oзır galwa. Ozirgal tuhana: gē ərtikī, gə ərtikī. Ahīwān вukulin ıkānəlin canıtımmer kərā

D. Polın. Karama

6. Hanı Hubun Hōhər Bogdo

Bizəllān вaγatır, həgdikākun вaγatır. Nəkūnin ųmukān hunāt. Hanı Hubun bəjşikākun, bəjurwə wāsəŋki, murınduwı inniwwətcəŋki ullālwä. Mānikān əŋki nıŋahına nıskolko, tırga-wal, dolвo-wol əŋki nıŋahına.

Nəkūnin ahātkān akīnmı mulanzeren, əhikin nıŋasera. Nəkūnin akīnmı gūnān: „ēmī əŋkitənni nıŋahına? Nıŋahikəl, dərəmkidąwi".

Плот сделал Болонтур-богатырь. Коня своего завел на плот, поставил (как надо, головою). Туда поплыл, за моря. Доехал, коня своего нашел, к дереву прикованного. Коня снял. Потом отпустил, на зелени чтобы отдохнул (конь).

Трое суток там был. Потом коней на плот завел обоих. Море пересек. Вдоль берега поплыл. Долго ехал. Увидал в воде кукиши ставят, жена его (да) Торганай плюют.

Он, Болонтур, вверх посмотрел, увидал—Торганай (да) жена его кукиши показывают. Болонтур-богатырь сказал: „Тулуп отдай, шапку отдай".

Торганай тулуп хотел бросить. Баба не дала, сказала: „Тулуп если бросишь, ты где, я где (окажемся тогда)?" Торганай не стал бросать.

Болонтур сказал: „Бабу не слушай, в конце моря богатырь есть. У него дочь есть, я ее возьму женой, моя баба [пусть будет] твоя, мне не надо. Тулуп мне брось".

Торганай тулуп, шапку бросил. Он тулуп взял, Болонтур-богатырь тулуп надел, шапку надел, кверху плюнул. „Лестница сделайся", сказал. Лестница сделалась, он полез по лестнице. Достиг. Торганаю голову оторвал. Двух жеребцов неиманных поймал. Жену за хвосты их привязал. Отпустил жеребцов, жеребцы побежали: один сюда, другой сюда. Жену его всю пополам разорвали.

Д. Полин. Карама

6. Хани Хубун Хохор Богдо

Жил-был богатырь, весьма большой богатырь. Сестра у него младшая одна — девушка. Хани Хубун — самый промышленник, зверей убивает, на коня своего вьючит мясо. Сам не спит нисколько, ни днем ни ночью не спит.

Сестра-девушка брата жалеет, что не спит. Сестра брату сказала: „Почему не спишь? Ляг спать, чтобы отдохнуть".

Nuŋan arkıwūndu imuhəwə ahuwkānmə arkırän, gūnən nəkūnmi: „Ərəwä arkıwūnma icätcäkəl. Irijäkin, minə şiriwdąwi". Ahätkän arkıwūnma irijäkin, dişki nərän, gūnän: „puşşaj nıŋazıγın. Əktə siriwrä gorowo". Bicəlą siriwucillan, gūnan: „Təγəkəl!" Akīnīn əŋki təγərə. Kərän akīnmı siriwmī, kərän. Ŋälämnı haγälbəhınän, akīnīn bucähą.

Bizällän hunät. Gūnə: „Dılıca hunättuwı zenıhpa nəŋizärän. Təγąwə, upkatpa əmədątin, uruwzaran, aja bəjə dōstanzıŋän". Tärä hunät nəkūnmi tətihälzīγin tətcän, nəkūnmi murınmän buləhikpąn ärirən. Murının əmərän. Murındun ūwran, ŋənəhimmän kərän, ışşan. Upkat təγə urupcäl, hocakakun nī-wəl dostanmī. Tärä hunätkän əmərän, uwiskī murınduwı dəγillän. Dılıca hunatpän ışşan. Dılıca hunäzīn unakaptunmı būrän. Nuŋan zuwatkīwar şururun.

Opeţ gūnə: „Beγa hunätpi būzärän, zenıhpän neŋizärän. Aja bəjə əməmı, dostanzıŋän. Hanı Hubun Hähər Bogdo nəkūnin tətiγəlwąn akīnmı tätcän, murınman buləhikpąn ärirän. Murındun ūwran, hawahimmen kərän, ışşan. Upkat təγə urupcäl, nī-wäl hacäkəkur dostanmī. Nuŋan əməmī-nun dəγillän murıtaj. Bega hunäzīn unakaptunmı būrän. Amaskīwı sururun, zülāwar əmərän.

Gūnə: „Calban hunätpı būzärän, upkatwa təγəwə uruwzarän". Tärä hunät nəkūnmi tətiγəlwąn tätcän, murınmän buləhikpąn ärirən. Murınin əmərän. Murındu ūwran, ŋənəhimmän kərän, ışşan.

Upkat təγə urupcal, hocäkəkur nī-wəl dostanmī, nuŋan əməmī-nän dəγillän, murtaj. Calban hunäzīn unakäptunmı būrän, nuŋan amaşkīwı sururun. Zülāwər əmərän, ılara änŋəcän.

Gūnə: „Dılıca omuwkätcärän tarāwą, zenıhpa ahījawı gadän. Təγəwə upkatpa uruwzaran". Nuŋan nəkūnmi tətiγəlwąn tätcän, murınmän buləhikpąn ärirän, nurılwän garan, murındun ūwran. Hawahimmen kərän, ıssan. Hunätpą dılıca ahījawı garan.

Opeţ beγa hunätpı būzärän, upkatpa təγəwə uruwzarän. Nuŋan ŋän ŋənərän, tarāwə-da garan ahījawı.

Он навертел жиру немножко, поддел, сказал сестре: „Этот вертел смотри, когда поспеет, меня разбуди". Девушка же, вертел когда поджарила, выше поставила, сказала: „Пусть поспит. Не буду будить долго". Когда время прошло, сказала: „Вставай". Брат не встает. Брата будила, будила. Рукой потрогала — брат умер.

Стала жить девушка (одна). Говорят: „Солнце дочери жениха ищет. Народ весь отовсюду чтобы пришел, собирает, хороший человек достанет".

Та девушка младшего брата в одежду оделась, брата коня боевого позвала.

Конь прибежал, на коня села, поехала, достигла. Весь народ собран, никак не могли никто достать. Эта девичища приехала, вверху на коне залетела. Солнцеву дочь достала, солнца дочь кольцо свое отдала. Она домой вернулась.

Опять говорят: „Месяц дочь свою отдает, жениха ищет. Добрый мужик, придя, достанет". Хани Хубун Хохор Богдо сестра одежды братовы надела, коня боевого скликала, на коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, никто никак не мог достать. Она, придя же, залетела с конем. Месяцева дочь кольцо свое дала. Назад вернулась, домой уехала.

Говорят: „Вечерняя звезда дочь отдает, весь народ собирает". Та девка братовы одежды надела, коня его военного позвала. Конь пришел. На коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, не мог никто достать, она, придя же, залетела на коне. Звезды дочь кольцо свое отдала, она назад поехала. Домой приехала, три ночи проночевала.

Говорят: „Солнце зовет того жениха, жену чтобы взял. Народ весь собирает". Она братовы одежды надела, коня боевого позвала, стрелы взяла, на коня села, поехала, достигла, дочь солнцеву женой своей взяла.

Опять месяц дочь свою отдает, весь народ собирает. Она снова поехала, ту и взяла женой своей.

Opeţ calвan hunātpı вūsärän, upkatpa təγəwə uruwsaran, „Zenih əməγin“ gūnän. Upkat təγə urupcā. Nuŋan-da əmərän, nĭ-wəl həsirə. Nuŋan əməmĭ-nän uŋakāptunmı əmuwrąn, ahījawı gammen kərän. Sūtkīwar sųruwrųn ahālbą ılanma. Ahālın sōkanmusara. Nuŋan əŋki ahālnuŋmı nıŋahına. Ahālın nıuadānkıtcärā. Nuŋan gūnän ahālwı: „Bĭ şunnųn nıŋadāw nelzja, sūwar ıssalāwər“. Calвan hunāsĭn salwı gunsärän: „Əriŋit onnākə ahī“. Sųruru, poşlednej nųlgi ōran. Nuŋan ahālwı gūnän: „Bĭ sūlāli nənəsäktə, toγojo ılasädāwı, cajje ūlədāwi. Şū amardu nųlgisiŋąhųn„. Ŋənəsähinän. Oktolı arceren tuhakīwa. Tuhakı ələrən, tuhānän, amaşkīwı, icähinän gūnän: „ek! cortu! вĭ gųncəw Hahı Huвun Həhər Bogdoke, təlki əri ahīkākun“. Ahātkān tuhakīwa sawaran gūnąn: „Dılwaş pəhitcalim. Tuhakī gūnän: „Əkəl pəhitcä, вĭ şindų godıtcıŋāw“. Tārä hunāt mōdu lapkıran tuhakīwa, gūnän tuhakīwa: „Ahāl nųlgiräktin, hanŋūktalsıŋātīn, şĭ gųnmųrəkąl: „Hanı Huвun Həhər Bogdo minə lakucān“.

Potom sųläskĭ sųrųrųn, arcaran sihųkəwə. Sihųką ələrən, tuhanän, amaşkīwı icähinän, gūnän: „ek! cortu! вı gųnsam Hanı Huвun Həhər Bogdo, təlkı nuŋan ahīkākun, ekunsī-ka вĭ ələm!“ Hunāt sıhukawa ahaktamāccän, sawaran, gūnän: „Şinə dılwaş pəhitcəlim“. Sıhuka gūnän: „Əkəl dılwaw pəhitcä, вĭ şindų godıtcıŋāw“. Hunāt sıhukawa mōdu ųwilą läpkärän: „Ahāl əməräktin, hanŋūktallaktın, şĭ gųnmųrəkąl: „Minə Hanı Huвun Həhər Bogdo lakucōn“.

Hunāt sųrųrųn sųləskĭwi arcaran amākunma. Amākā ələrən, amaskīwı tuhanän, ıllan, amaskīwı icähinän: „ek! cortu!“ gūnän: „ekunsīn-ka ələm, вĭ gūnąäm Hanı Huвun Həhər Bogdo əmərän, nuŋan təlkı ahīkākun“. Hunāt alırän, ahaktımātcän, amākāwą sawaran, gūnän: „Dılwaş pəhimcəlim“. Amākā gūnän: „Əkəl dılwaw pəhitcä“. Mōdu ųwilą lapkärän gūnän: „Ahāl əməmī, hanŋūktallatın, şĭ gųnmųrəkąl: „Hanı Huвun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Nuŋan sųrųrųn sūläwər. Əmərän, nəkūnmi tətiγəlwąn mändųkpi lōkcän, nəkūndiwų tətiγųmmän kərän. Toγowo sūdu ılarän mənikən kəlcärämmän kərän.

Опять звезда вечерняя дочь свою отдает, весь народ собирает, „Жених пусть приедет“, говорит. Весь народ собрался. Она тоже приехала, никто не может (кольцо принести). Она, придя же, кольцо привезла, жену свою взяла. Домой повезла, жен трех. Женам хочется спать с мужем. Она с женами своими не спит. Жены очень спать хотят. Она сказала женам: „Я с вами спать не могу до приезда домой“. Звезды вечерней дочь товарищам говорит: „Это однако баба“. Поехали, последнее кочевье стало. Она женам сказала: „Я вперед поеду, огонь чтобы разложить, чай сварить. Вы позади прикочуете“. Уехала. По дороге встретила зайца. Заяц испугался, побежал, назад оглянулся, сказал: „Э! к чорту! я думал — Хани Хабун Хохор Богдо, а это — бабища“. Девушка зайца поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Заяц сказал: „Не отрывай, я тебе пригожусь“. Та девушка к дереву привязала зайца, сказала зайцу: „Бабы когда прикочуют, будут расспрашивать, ты скажешь (тогда): Хани Хубун Хохор Богдо меня подвесил“.

Потом вперед поехала, встретила волка. Волк испугался, побежал, назад оглянулся, сказал „Э! к чорту! я думаю—Хани Хубун Хохор Богдо, а она—бабища, кого это испугался“. Она волка догнала, поймала, сказала: „Твою голову оторву“. Волк сказал: „Голову мою не отрывай, я тебе пригожусь“. Девушка волка к дереву вверху привязала: „Бабы когда поедут, будут расспрашивать, ты скажешь: меня Хани Хубун Хохор Богдо подвесил“.

Девушка поехала вперед, встретила медведя. „Медведь испугался, назад побежал, остановился, назад посмотрел: „Э! к чорту!“ сказал: „кого это испугался! Я думал—Хани Хубун Хохор Богдо приехал, она—только бабища“. Девка рассердилась, погналась, медведя поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Медведь сказал: „Голову мою не отрывай“. К дереву наверху привязала, сказала: „Бабы, приехав, если будут расспрашивать, ты скажи: Хани Хубун Хохор Богдо меня подвесил“.

Она уехала домой. Приехала, братовы одежды с себя сняла, на брата надела. Огонь в юрте развела, сама спряталась.

Ahal tuhakīlā əmərā, icārā ɥwilā lokuceseren hanŋūktara: „ēkun şinə lokucān?“ Tuhakī gūnān: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Sıhuķālā ahal əmərā, icārā sıhuķā mōdu lapkıceseren, hanŋūktara ahāl: „ēkun şinə lokucān?“ Sıhuķā gūnān: Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Ahāl gunmātcā: „Onnākā ərinit bəjā“. Amākālā əmərā ahāl, hanŋūktara: „ēkun şinə lokucān?“ Amākā gūnān: „Hani Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“. Ahātkār ɥrunceākākur „şlawu boγ!“ gūnə: „edākə bəja“.

Ahāl sūlāwər nulgirā. Icārā tookōn sūdūtın səgdāsärän. Ororwor inirulwatın burirā, sūlā īra. Dılıca hunāsīn gūnan: „Bəjāŋit nınahıcā“, gūnān: „cajā ēmī əhinni ɥlərə?“ Bəjāŋitin əŋki hawahına, nuŋartın şāriwɥtcārā. Icārā — təlkı bucā nuŋan. Dılıca hunāsīn, bēγa hunasīn amaskīwar tuhandāwər kərā, colbon hunasīn gūnān: „Ekunsī-ka ŋəlālış?“ Kormetpı bādālın cālıhınän. Bəjāŋıtın mıkcānän, gūnān: „Nınahıcā bihim, ucālā şū umucahun?“ Nuŋartın gūnə: „unāmə əmərāw“.

Kəhilə ahākākur ɥrunceākākur ŋekemācılla. Bəjitcāŋki ɥllälwā murınduwı ınıwuŋkı, sūrā tōkīl, bagdākājā umnāt ınıwuŋkı. Nəkūnin tuhakīkān ōha, girkuseren. Ahāl gūnə: „Tuhakī tulijidālā əməŋkā loşkutkılwa səpcärän“.

Hanı Hubun Həhər Bogdo dogadalsa: „Ərə onnākə nəkūnmi girkuseren, loskutkılwa səpcärän“.

Umnā dolbo ımannarän. Bəjuhinän. Tuhakīkān bicān nuarduktın ɥrätkī surucā. Nuŋan ūsalın ūsaran. Nəkūnmi bakammer kərän, sūjan ōran. Bəjumī əməmmän, nəkūnduwi ɥlläjā bŋki, samaj ajatkukär.

Colbon hunāsīn tillän, gullän salwı: „ēmī-ka oranşe bəjunduk upkacın biŋkin ɥllā. Əhi ācın, tāduk ācın, ācın, onnākə ahīränīn bihin?“ gūnän: „dawaj timī bəjuhānākin, miti səlumkān amardun ŋənəwāt“.

Tımnın bəjä bəjuhinän, nəkūnduliwi ŋənəmmän kərän. Nuarwatın bakammer kərā. Gunmātcə: „Ahīränın, miti nuŋanmān wāγät“. — Ōnı-ka wāsiŋāt?“ gūnä. Umukən gūnān: „Sıwınecce lejkədu huluhıwāt“.

Бабы до зайца доехали, увидали—вверху висит, спросили: „Кто тебя повесил?“ Заяц сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

К волку бабы приехали, увидали — волк к дереву привязан, спросили бабы: „Кто тебя повесил?“ Волк сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

Бабы друг с другом переговорили: „Однако это—мужик“. К медведю приехали бабы, спросили: „Кто тебя повесил?“ Медведь сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“. Женщины весьма обрадовались „Слава богу“, сказали: „Такой мужик!“

Бабы домой прикочевали, видят—огонек в юрте горит. С оленей вьюки свои сняли, в дома вошли. Солнца дочь сказала: „Мужик наш уснул“, и сказала: „Чай почему не сварил?“ Мужик не двигается, они будят. Видят только—умер он. Солнца дочь, месяца дочь назад хотели убежать, звезды вечерней дочь сказала: „Что напугались?“ Исподом по лицу провела. Муж их соскочил, сказал: „Уснул я было, давно ли вы приехали?“ Они сказали: „Раненько приехали“.

Теперь бабищи весьма обрадовались, стали спать (с мужем). Промышленник мясо на коне своем вьюком возит, двух лосей, оленя дикого зараз вьючит. Сестра его, зайчиком сделавшись, похаживает. Жены говорят: „Заяц во двор приходит, лоскутки ест“.

Хани Хубун Хохор Богдо догадался: „Это, однако, сестра моя ходит лоскутки есть“.

Раз ночью выпал снег. (Муж) пошел промышлять. Зайчик от них на хребет ушел. Он по следу выследил сестру, нашел, юрту сделал. Зверя добывши, пришел. Сестре своей мясо отдает самое хорошее.

Звезды-Венеры дочь догадалась, стала говорить товарищам: „Почему раньше от зверя всё было мясо. Теперь нет, потом нет и нет, однако любовница есть“, сказала: „Давайте завтра, когда пойдет промышлять, мы тайком позади пойдем“.

Назавтра мужик пошел на промысел, к сестре своей пошел. Их нашли. Говорят: „Любовница его, мы ее убьем“.—„Как убьем?“ сказали. Одна сказала: „Свинец в лейке расплавим“.

Зӯrə binəl, dılwān tıləzirā, ʊmʊkən gʊ̄nən: „Talā lejkadu huluwızıŋāt sıwineşpə karakulın şıwineşpə ŋŋkʊmmār kəziŋāt". Ŋŋkʊrə, ahātkān bʊmmān kərān.

Hanı Hubun Həhər Bogdo luŋur əmərān nəkʊ̄ndʊlə̄wi, icārān—bʊcə̄. Təlki gorop ōran, bəjʊnmā zawarān anamkunmə, ijəldʊn əwʊŋki goroppa nərān, bıcōwkalzı ugōwammen kərān, bəjʊnmə tinimmān kərān. Bəjʊnmə gʊ̄nān: „Tartıkı tuhazākal, tālā əwənkil bizārā, tādu hundādāwı".

Bəjʊn tuhanān, ilāldʊlə̄ ıʂʂan goroppa hundārān. Ətirkə̄n, atırkān icārā — hunātkīkın gəjikəkʊn bʊcə̄. Nuartın gʊnmətcā: „Hʊtādʊwar ahījan gawāt, zūjan ōγāt". Zūjan ōra. Təli-məl toγowa ılara. „Hunātpə ĭwrə zūlā hıkaŋadun təγəwkə̄nimmār kərā. Hʊrkə̄n hʊtātin luŋur əmərān, bəjʊhə, dərcəkəkʊn. Ənĭnĭn amīnĭn gʊ̄nā: „Şĭ, hʊtā, ahītkīwı ŋənəkāl, ahījaş gacāl bihiw. Zūtkīwı ŋənəkāl, ēmānnı mʊndʊlə, zūtkīwı ŋənəkāl". Hʊrkə̄n ıllan, sʊrʊrʊn, ĭrən zūlā, ahī təγātcārān. Hunāt gəjʊkəkʊn, cājjā əcājə ʊ̄lərə. Nuŋan gʊ̄nān: „Cājjā ʊ̄ləkal". Ahī əŋki ōn-mal gʊ̄nā. Bəjā alıran, ahīwı karukalın şoltoron, karukādukın şıwınəc hətākānān. Hunāt mikcānān. Təli-məl cājjā ʊ̄lərān, ʊllāwā ʊlərān. Ahīcī ōran. Bizālimmār kərā. Tar mujen.

D. Polin. Karama

7. Əŋinil

Ətirkə̄n bizācə̄n, baγatır Əŋinil, şaŋdacākākun. Ʊmʊkən kukınĭn hʊkitaçĭkə̄kʊn. Ilanzār kalusal əmərā, ətirkə̄nmə wādāwər. Kukının dōldirān kalusalwa ŋələllən, zūlā ĭrān, amakāwə̄ gʊ̄nān: „Təγəkal, ılanzār kalusal mitpə̄ wānācāl. Amākān nıŋazırān, hərān şiriwmĭ, şoŋollon, ıʊamuktan amākālā badıllan, cʊrgihinān. Təli amākān şələrān sagdıcākākun. „Ərā!" gʊ̄nān: „badıw ēkāt ılannı". Kukınĭn gʊ̄nān: „ılanzār kaluşal əmʊcə̄l, mitpə wānācāl".

Ətirkəkəkʊn ıtıγarān, ŋurılwı garan, ənəptʊnmi garan, hawahınan arcaptıkī. Kalusalwa arcaldıran, kʊhillān.

Двое будучи, в голове ее вшей ищут, одна сказала: „Там в лейке расплавим свинец (да) в ухо свинец нальем". Налили, девушка умерла.

Хани Хубун Хохор Богдо вечером пошел к сестре, видит — умерла. Тогда гроб сделал. Зверя поймал дикого, на рога поперек гроб положил, бечевкой связал, зверя отпустил. Зверю сказал: „Туда беги, там эвенки живут, там брось".

Зверь убежал, к людям добежал, гроб бросил. Старик (и) старуха увидали — девичища весьма красивая, умершая. Они друг с другом переговорили: „Сыну нашему жену возьмем, юрту сделаем". Юрту сделали тогда же, огонь разложили. Девушку ввели в юрту, на зад посадили. Парень, сын их, вечером пришел, охотившись, сильно устал. Мать, отец говорят: „Ты, дитя, к жене иди, жену тебе взяли, домой иди, зачем к нам, домой к себе иди". Парень встал, ушел, вошел в юрту, жена сидит. Девушка красивейшая, чай не сварила. Он сказал: „Чай вари". Жена ничего не говорит. Мужик рассердился, жену в ухо ударил, из уха свинец вылетел. Девушка вскочила, сразу же чай сварила, мясо сварила. Женатым стал. Жить стали. Это конец.

Д. Полин. Карама

7. Онгыниль

Старик жил, богатырь Онгыниль, очень старый. Одна невестка у него брюхатая. Тридцать великанов пришли старика убить. Невестка услыхала, великанов испугалась, в юрту зашла, дедушке сказала: „Вставай, тридцать великанов пришли нас убивать. Свекор ее спит, не могла разбудить, заплакала, слеза ее свекру на лицо капнула, скатилась. Тогда проснулся, старый-престарый. „Ой-ой", сказал: „Лицо чем-то обожгла". Невестка его сказала: „Тридцать великанов пришли нас убивать".

Старичище приготовился, стрелы взял, саблю взял, пошел навстречу. Великанов встретил, драться начал.

Kukınīn hutəŋnan urkanmə. Tarıgīn təli-mal gerkullan. Kuŋākākān gerkulmī, ənīnmi hanŋūktaran, gūnän: „Əŋə, mitilil sūkcakānal bihin, amā ācına-wal, amākāw ācına-wal?“ Ənīnīn gūnän: „Amīnnı bicən, surucən, əŋki əmərə. Kaluşal birä wacātını Əhi amākāş bihin, kalusalnun kuhizärän“.

Unämä kuŋākākän ənīnmi ukurun, kaluşaltıkī tuhanän. Əmərän, kaluşalwa gūnän: „Amākāwa tinkəllə, şagdacā səptəyin sūtkīwar, bī ılkaldıkta“. Kāluşal ətirkanmə tinə. Kuŋākākän kuhillän. Ətirkan sutkīwar tuhanän sūlāwar əmərän munŋakānmə wärän, hiyrän, ullälwə ūlərän. Wespan sapimmän kərän, munŋakānmə wespan umnāt manaran. Kaluşaltıkī tuhanan, kuhidawi. Əmərän kaluşalwa gūnän: „kuŋākānma tinkəllə, bī-dō ılkaldıkta“. Kaluşal tīnä kuŋākānmə, ətirkan kuhillän. Kuŋākān sūtkīwar tuhanan, sūlāwər əmərān, ənīnmi ukullun. Sāhätajwə ukurun. Amaşkīwı tuhanän. Kaluşalnun kuhillä. Kaluşalwa wespa wärä, ılänmə zär upkatpa wärä. Tar mujen.

D. Polin. Karama

8. Ucanaj

Ətirkan bizällän. Bayatır həgdikākun, əŋəni şagdıcā, Laŋha gərbin. Ilan bəje hutəlīn; şagdawun hutän gərbin Mıkulka, uŋuränŋu hutän Waşka, nukīndiwun hutän Ucanāj-Tonŋenaj, amultun, pecidu ojodun bizänä, amultuzaŋki.

Ətirkan bunīn əmərän. Hutälwi gūnän, şagdawuwa hutäwi gūnän: „Əhī buzälim luŋur, əmədəwi dolbonīl minnun ānŋacıŋäş“. Uŋuränŋuwa gūnän: „Timi luŋur əmədawi mindulə“. Ucunajwa gūnän: „ılīdu dolbonīdu luŋur əmədawi mindulə“. Budän. Dərpuşşal. Luŋur Mıkulka nādə ŋənədən. Nuŋan əhin ŋənərä. Ucanaj gūnän Mıkulkuwa „Amātkī ŋənəkəl!“ Mıkulka gūnän: „Hək cortu! buca!ə işşə ŋənəzämmin əŋnaw. Nādə

Невестка его родила парня. В тот же раз ходить стал. Паренек, похаживая, мать свою спросил, сказал: „Мама, мы разве вдвоем живем, отца нет, дедушки нет?“ Мать его сказала: „Отец твой ушел, не вернулся. Великаны, должно быть, убили. Теперь дед твой есть, с великанами дед сражается“.

Сейчас же паренек мать свою пососал, к великанам побежал. Прибежал великанам сказал: „Дедушку отпустите, (он) стар, пусть кушать идет домой, я с вами попробую“. Великаны старика отпустили. Паренек стал драться. Старик домой побежал, до дому добежал, годовалого оленя убил, ободрал, мясо сварил. Все съел, оленя своего зараз кончил. К великанам побежал, чтобы драться. Прибежал, великанам сказал: „Паренька отпустите, я же попробую“. Великаны отпустили паренька, старик стал драться. Парень домой побежал, до дому добежал, мать стал сосать. С кровью пососал, назад побежал. С великанами драться стали. Великанов всех убили, тридцать всех убили. Это конец.

Д. Полин. Карама

8. Учанай

Старик жил. Богатырь величайший, очень состарился, Ланха по имени. Трое мужиков — дети его; старший сын—по имени Микулка, средний сын—Васька, младший сын — Учанай-Тангенай (раскоряка), замарашка, на печи вверху сидя (живя), испражняется.

Старикова смерть пришла. Детям сказал, старшему сыну сказал: „Сегодня умру вечером, приди ночью, со мной ночуешь“. Среднему сказал: „Завтра вечером приди ко мне“. Учанаю сказал: „На третью ночь вечером приходи ко мне“. Умер. Схоронили. Вечером Микулке надо итти. Он не идет. Учанай сказал Микулке: „К отцу иди“. Микулка сказал: „Э, к чорту! К мертвому еще пойду Нет. Если

dak şĭ ŋənəkāl". Ucanaj tātiɣaran, amīntıkīwı sŭrŭrŭn. Amīndulawı əmərān, tāɣatcāllān. Amīnīn jŭrān, Ucānajwa gŭnān: „Mıkulka əhin əmərā?" Ucanaj gŭnān: „Mıkulka gŭncān: „Hək cortu, bŭcālą əzıŋāw ŋənərā", bĭ şindŭlą əmąm". Amīnın Ucanajdu bŭrān murınma bŭlāhikpą, gŭnān: „şinŋi biŋnąn". Ucanaj sŭtkīwar sŭrŭrŭn.

Gĕdu dolbonīdu nādą Waska ŋąārāngu, amīntıkīwı ŋənədąn. Ucanaj gŭnān: „Amātkī ŋənəkāl". Waşka gūnān „Hək cortu! bŭcątkī əzıŋāw ŋənərā, nādą bişikin, şĭ ŋənəkāl". Ucānāj ıtıɣaran, amīntıkīwı şŭrŭrŭn. Amīndulāwı əmərān. Təɣəmmān kərān, amīnīn jŭrān, Ucanajduk hanŋŭktarān, gŭnān: „Waşkā əhin əmərā?" Ucanaj gŭnān: Waşka gŭncąn: „Hək cortu! bŭcąlą əzıŋąw ŋənərā, nādą bihikin, şĭ ŋənəkāl! Bi ıtıɣam, əmam sindulą". Amīnīn Ucanajdu bŭrān şırukunma həgdikąkŭn. Gŭnān amīnīn: „Əri şıru şinŋi biŋnąn". Ucanaj sŭtkīwar sŭrŭrŭn, pecıdu ojodun amaltusallan.

Ilīdu dolbonīdu Ucanaj ŋānąątin luŋur. Ucanaj ıtıɣarān, amīntıkīwı sŭrŭmmān kərān. Amīndulāwı əmərān, təɣətcāllan. Amīnīn jŭrān. Ucanajwa gŭnān: „Hŭtā əmənnā?" Ucanaj gŭnān: „Əmām amā!" Amīnīn Ucanajdu gewa murınma bŭrān. Ajakākun murın bŭlāhik ələniwi bŭlāhikilwı weşpı bŭrān. Ucanajwa gŭnān: „şinŋil biŋnətin". Ucanaj sŭtkīwı sŭrŭrŭn, pecıdu ojodun amaltusallan.

Gŭnā: „təɣimąr hunātpı bŭsārān. Təɣąwə upkatpa uruwsaran. Ŋĭ-kə dostajsıŋān, tādu hunātpı bŭsāŋąn təɣimąr. Aktılīn ıtıɣalla. Ucanaj gŭnān: „Akīje! bĭ-də ŋənāktə!" Aktılīn gŭnə: „Hək cortu! təɣąwə amusıwı takıdāwı. Pecı ojodun amultusakal!" Mānikār awahına, mānŋildŭwār murırduwar. Nuŋartın məriwər gŭnsārā: „Miti ajal bihin". Gŭnnəl, hawahına. Ucanaj amarduktın jŭrān, murınmı ajatkuwı ārirān. Murınīn əmərān. Ząɣinŋidəlin ogoktolin hŭgdŭhınąn, anŋıdąlın jŭrān. Bəjəkihin ōran, gəjukākun. Murınduwı ūwran, aktılwı hawahınān, ışşan.

Upkat təɣą urupcal, hacakākur nĭ-wəl mıkcanmukānmı. Ucanaj əməmĭ-nun murinduwı dəɣiliwkānān, hunāttulā ışşan. Hunāt ıqakāptunmı bŭrān. Ucanaj amaşkīwı kəjjin. Zūlāwąr əmərān, murınmı tinān, tātiɣālwi lukcan, hataptıcārwı tātcąn, pecıla ojokcārān amultusalımmen kərān.

надо, так ты иди". Учанай оделся, к отцу пошел. К отцу пришел, сел. Отец вышел, Учанаю сказал: „Микулка не пришел?". Учанай сказал: „Микулка сказал: э, к чорту! к мертвому не пойду. Я к тебе пришел". Отец Учанаю дал коня боевого, сказал: „Твой будет". Учанай домой ушел.

На другую ночь надо Ваське, среднему, к отцу итти. Учанай сказал: „К отцу иди". Васька сказал: „Э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты иди". Учанай собрался, к отцу своему пошел. К отцу пришел. Сел, отец вышел, у Учаная спросил, сказал: „Васька не пришел?" Учанай сказал: „Васька говорил: э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты отправляйся! Я собрался, пришел к тебе". Отец Учанаю дал пороза огромного, сказал отец: „Этот (олень) пороз твой пусть будет". Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

На третью ночь Учанай должен итти вечером. Учанай собрался, к отцу пошел. Пришел к отцу, сел. Отец вышел, Учанаю сказал: „Сын пришел?" Учанай сказал: „Пришел, отец". Отец Учанаю другого коня дал, отличный конь, боевой, всякие доспехи, все дал. Учанаю сказал: „Твои пусть будут". Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

Говорят (слух пошел): царь дочь свою (замуж) отдает. Народ весь собирает. Кто достанет, тому дочь отдает царь. Братья собираться стали. Учанай сказал: „Братушки, я тоже пойду". Братья его сказали: „Э, к чорту! народ испражнениями (своими) выпачкаешь. На печи вверху испражняйся". Сами поехали на своих конях. Они про себя говорят: „Мы красивые". Сказав, поехали. Учанай после них вышел, коня своего доброго скликал. Конь его явился. В левую ноздрю влез, в правую вышел. Молодище стал, прекраснейший. На коня своего сел, за братьями поехал, достиг.

Весь народ собрался, никак не мог никто допрыгнуть. Учанай по приезде на коне своем залетел к девушке, достиг. Девушка кольцо дала. Учанай назад поехал. Домой приехал, коня своего отпустил, одежду снял, старенькую надел, на печку вверх влез, испражняться начал.

Aktılīn əmərā, gu̯nā: „ē-wal kəmī bəjə əmərā, nu i bəjäkākun“, gu̯nā: „murınīn gəju̯kākun, gu̯nā, „jakuma bırān, əməmī-nun, murınduwı mıkcanmukānān, newestulā ışşan“. Ucanaj gu̯nān: „Akıje, bī-ŋən bıcāw?“ Aktılīn Ucanajwa hukırwāllə, gu̯nə: „Hək cortu! ēkunma hitānmə boltajsannı, amultun bınā“.

Gu̯nā: „Təgimār təɣāwə weşpa uruwsaran, zenıh əmədāṇ, ahīwı gadān“. Upkat təgə hawahına. Ucanaj aktılīn ıtıɣalla. Ucanaj gu̯nān:, „Akıje! bī-də ŋənəktā“; Aktılīn butırwārą: „Pecı ojodun“, gu̯nə: „amultasakal, amursıwı təɣāwə maŋasıŋāş“. Mānikər hawahına. Ucanaj aktılwı amardutın ıtıɣaşşaran, hawahınan peşkom, ışşan. Təɣimār kəwārinin mujedun ulıcışesellan. Təɣimār hunāsīn zenıhpı həsirān bakamī. Tiɣəndu arakīwa upkattu, təɣądu podawājsırān. Zenıhın ācın, hərən bakamī. Icärän təɣimāı kəwārinŋin mujedun ēwal kəmī ilą ılıtceren. Təɣimār təɣāwə gu̯nān: „Nādą doştat tarawə iləwə“. Uŋnə bəjälwə, gasudātın. Tarāwə ilāwə gasura. Nuŋan Ucanaj-Tonŋenaj amultun təlki öran. Ucanaj amultun ŋeweşta ıŋakāptunman omkocoduw palatkānsī cakılıha, ɥəwącā. Nuŋunmān əlgərā. Ucanaj aktılīn gunsärä təɣāwə „Kırā, əri munŋi, Ucanaj amultun, ēdan əlgəsäş? Amursıwı nıwestawa takasıŋān“.

Təɣimār gu̯nān: „ajama əlgəkəllə“. Nuŋunmān Ucanajwa əlgərə nıweştılā. Nıweşta ştakandu arakıwa podane. Nuŋukākun omkocodukın ıŋakāptunma palatkanmı lukcān. Iŋakaptunma nıwestadu ştakandun nərān. Upkat təɣą gajkuwārä. Nıweşta Ucanajnī ahīnārān. Ponewole bışısārān amultun nīwesta, əhin ajawsırä, ḍelat-ta necevo“.

Potom dukun əmuŋrän təɣimārdulą, gunnä: „Maŋı hunātpəş səptisillän. Ilīdu tırganīdu hunātpı lāmu sapkalān əmuwdąwi. Maŋı tādu əmähə. Maŋı səpciŋān“. Ilīdu tırganīdu təɣimār hunātpı ŋənəwrän lāmu ḍapkalān, maŋi səpcidān. Ucanaj-Tonŋenaj amultun darışkī ŋənərən, ajatkuwı murınmı ərirən. Ajatku murınin əmərān. Ucanaj murınmı sawaran, səɣinŋidəlin oŋoktolın ugduhinan anŋıdālın jūrān. Bəjäkikin oran, gəjikākun. Bulą̄hikilwi tätiɣälwi tätcan, murın duwı ūwran. Maŋı tērulān ışşan. Icärän ahīn lāmu sapkadun täɣätcärän, şoŋozono

---

Братья его приехали, говорят: „Какой-то человек пришел, ну и молодечище говорят, конь его самый красивый, говорят, по приходе же на коне своем допрыгнул к невесте, достиг“. Учанай сказал: „Братишки, может я был?“ Братья на Учаная закричали, говоря: „Э, к чорту! что зря болтаешь, замарашкой будучи“.

Говорят: „Царь народ весь собирает, жених чтобы пришел, жену взял“. Весь народ поехал. Учаная братья собираться стали. Учанай сказал: „Братья, я тоже поеду“. Братья его заругали: „На печи, говорят, испражняйся, испражнениям народ запачкаешь“. Сами уехали. Учанай после братьев кое-как собрался, отправился пешком, достиг. На царевом лугу в конце едва стоит. Царь дочери своей жениха не может найти. В чашке вино всему народу подает. Жениха не не может найти. Видит, царского луга в конце какой-то человек, видно стоит. Царь народу говорит: „Надо достать того человека“. Послали людей, чтобы достали. Того человека достали, он—Учанай-раскоряка, замарашка только оказался. Учанай-замарашка невесты кольцо на лоб себе, платком завернувши, привязал. Его привели. Учаная братья говорят народу. „Кал! (ругательное слово) это наш Учанай-замарашка; зачем ведете? Испражнением невесту замарает“.

Царь сказал: „Ничего, ведите“. Его, Учаная, привели к невесте, невеста стакане водку подала. Он-то со лба с кольцом платок снял. Кольцо невесте стакан положил. Весь народ удивился. Невеста за Учаная вышла замуж. Поневоле кое-как живет, замарашку невеста не любит, (да) делать-то нечего!

Потом бумага пришла к царю, сказывают: „Чудовище дочь твою съест. На третий день дочь чтоб к морю на берег приведи. Чудовище туда придет. Чудовище съест“. На третий день царь дочь свою привел моря на берег, чтобы чудовище съело. Учанай-раскоряка-замарашка в сторону пошел, доброго своего коня скликал. Добрый конь пришел. Учанай коня своего поймал, в левую ноздрю влез в правую вышел. Молодечище стал, прекрасный. Боевые доспехи надел, на коня сел. Чудовища к сроку достиг. Видит, жена его моря на берегу сидит, плач

Ucanaj əmərän ahīlāwı. Maŋıwa alacılla. Maŋıkun mūduk jūrän, gūnän: „Bī guncaw umukənnmən təjimar hunäzīn".

Nuŋartın zūr kuhillą. Tırānzärä. Ucanaj şıruwı ərirən. Şırukunīn tuharän, maŋıwa carıran, do konca, do smertı. Ucanaj ahītaj zütkīwar şururų, məkəməcilimmär kərä. Ahīkākunīn urųncəkəkun. Tar mujen.

D. Polin. Karama

9. Nımŋakāwun

Zūr hunıl bizicątin bıra zapkadun. Tuγląhiną oŋkolwo tırga. Əmärə zūlāwar. Hoγırdutın bąkąndə kuŋakākän. Kolleduk bąkąn lakucäzärän, şoŋozorän, gunzärän:

„Aja ahī gazurakın,
aja bəjä ōmcāw.
Dəwijkąnin! Dəwijką!
Aja bəjä gazurakın,
aja ahī ōmcāw.
Dəwijkąnin! Dəwijką!

Zūlāwar īrä. Kalandutın cupa ūləwcə hujizärän. Nuartın gunmətcə bąkąnmə gazudāwər toγowo bargımnak. Gē burizıŋan, bąkąnduk tänzäŋän kuŋākākānmə gūzancillän: „ōn bihin guzajan kuŋākākän?" gunzärän: „kızıŋāt toγowo ceres, kuŋākānmə bunzıŋāt". Gē āhātkan toγowo ceres galzıŋän, kalandulā dılīzīn kuŋākākānmə cıkıwammer, kalandu budən kuŋākākän.

Tugi gunmətcə zūkcə. Ahātkār bąkąnmə hoγırduk gazura. Gē ahātkän bąkąnduk kuŋākākānmə lukıha, tänän, guzancillan, gunzärän: „ōn bihin kuŋākākän ajan?" Gunnə, guzəncizärän. Gē ahātkän gūnän: „Mīndu-dä

Учанай пришел к жене. Чудовища стали ждать. Чудовище из воды вышел сказал: „Я говорил, одну (чтобы) царя дочку".

Они двое драться принялись. Меряются. Учанай пороза-оленя позвал. Порозище прибежал, чудовище порвал до конца, до смерти. Учанай с женой домой приехали, совокупились. Женища его весьма обрадовалась. Это конец.

Д. Полин. Карама

9. Сказка

Две девки жили на берегу реки. Пошли по ягоду днем. Вернулись домой, на заездке их в зыбке ребеночек. На колышке зыбка висит, плачет, приговаривает:

„Добрая баба если бы взяла,
добрый муж стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!
Добрый муж взял бы,
доброй бабой стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!"

Домой пришли. В котле каша сварена, кипит. Они сговорились, зыбку перетащить через огонь. Одна вывалит из зыбки, вытащит ребеночка, станет говорить: „Какой красивый ребеночек", скажет: „Кинем через огонь, ребеночка передадим". Другая девушка через огонь примет, в котел головой ребеночка отпустит, чтобы в котле умер ребеночек.

Так переговорили между собой. Девушки зыбку с заездка взяли. Одна девушка из зыбки ребеночка, раздевши, вытащила, занимать принялась, приговаривает: „Вот какой ребеночек хороший". Говоря, занимала. Другая девка сказала: „Мне

вӯkəl kuŋākākānmə, gusaŋcisaw". Gē gūnān: „Gakal şī da gusäncikäl". Toγowo cərəs vӯllān. Gē gallan toγowo cəres, kalandulā tikiwəmmän kərän. Tuhammer hunīl.

Tuhammer kərā, tuhara, tuhara gorowo tuhara. Dōldıra—maŋıkun ahadarän. Şagdıwu ahätkän palätpə amaşkīwı hundārän. „Lāmukān ōkal" gūnān. Lāmukūn ōran, həgdikąkuŋ. Maŋıkun tuharan lämu zapkalān, amaşkīwı tuhanän sūtkīwar. Zawwa əmuwrän, lämuwa dāγraŋ. Ahätkär tuhazära. Dōldıra—maŋıkun вokonzoron. Şagdawu ähatkän ägdäwūnmą amaskīwı hundārän, gūnān: „Şīkākun ōkal əziŋąn ugduwrą". Maŋıkun tuharän sīkändulā, həmmän ugduмī, amaskīwı tuhanän, sūtkīwı, onoptunma ganārän. Şīkändulā əmärän, onoptunsī sīkaγwa həgnizäną, ŋənärän. Ahätkär tuhaşşäzära, doldıra, maŋıkun вokuncō. Ahätkär ŋälällä. Şagdawu ahätkän hiwəŋkiwə hundārān. Uhat hundämmän kərän. Amaskīwı hundädäwı kəcən, sulą-skīwı hundämmän kərän, gūnān: „Inmə şondının saŋākān ōkal". Nəkūndäwu ahätkąn gūnən: „Inŋäktəkąn ōkta". Şagdawu ahätkän gūnān: „Bī iriktə ōkta". Nukūndiwu inŋäktəkąn oha, şaŋākändulı diγilimmän kərän, şagdawu ahätkän iriktə oha, ugduhinąn hikaŋaduwı tāγəmmän. Nukundiwu əkīnmi dıldukīn zawaran täncımäcılımmän kərän. Hərän tänmı. Maŋıkun hikaŋawān zapimmän kərän. Nəkūndiwu ahätkän əmukun sururun. Ilәldulą ışşan, вizälimmän kərän. Tar mujen.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

10. Nimŋakāwun

Maŋıkun hikaŋawān pəhītcän, zäpimmī. Nəkūnin əkīnmi uwazahınän mändujı kərän sulammən. icähinän əkīnīn sogozorän. Nəkūnin mucurän, əkīnmi uwazahinän. Uwaran, uwaran, ŋan sularän, icähinän—əkīnīn iŋəzärän. Mänikąn sururun. Nəkūnīn ŋənärän, ŋənärän. Suhan lukurgarän. Noan cokcokōndu halganzī suhuw-

---

тоже дай ребеночка позанимать". Другая сказала: „Возьми ты да позанимай". Через огонь передала. Другая приняла через огонь, в котел опустила. Побежали девушки.

Побежали, бежали, бежали, долго бежали. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка платок назад бросила. „Морище сделайся", сказала. Морище сделалось большое. Чудовище прибежал моря к берегу, назад побежал домой. Лодку притащил, море переехал. Девушки бегут. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка гребенку назад бросила, сказала: „Чащища стань непроходимая". Чудовище прибежал к чаще, не мог пролезть, назад побежал домой, саблю пошел взять. К чаще пришел, саблей чащу разрубя, пошел. Девки едва бегут, услыхали — чудовище догоняет. Девушки испугались, старшая девушка брусок бросила. Худо бросила. Назад бросить хотела, вперед бросила, сказала: „Иголка с дырочкой (буду-ка), дыра сделайся". Младшая девушка сказала: „Шерстинкой пусть буду". Старшая девушка сказала: „Я муравьем пусть стану". Младшая, шерстинкой сделавшись, в отверстие пролезла; старшая девушка, муравьем сделавшись, поползла, задницей увязла. Младшая (старшую) сестру за голову принялась тянуть. Не могла утянуть, чудовище зад ее съел. Младшая (девушка) одна ушла, до людей добралась, жить стала. Это конец.

И. М. Сафонов. Тырка. Карама

10. Сказка

(Продолжение предыдущей)

Чудовище зад оторвал, съел. Младшая (сестра) старшую тащила на себе, оставила. Взглянула, старшая сестра плачет. Младшая вернулась, сестру потащила.

Тащила, тащила, опять оставила, взглянула — сестра смеется. Сама ушла. Младшая шла, шла, оборка (вязка на обуви) развязалась. Она на палку ногой

dāwı. Basalakī mıkcānän: „Əkī, əkī sūjaw həkimnəsälinni“, gūnsän: „əməkäl minŋilā sūlā“. Hunāt ïrän. Basalakī ŋliran hunātpą, sajammen. Ədïn əmərān, ŋān bəjuγin ədin; basalakī gunsärän ədïtkï: „Pulkərukciş inŋişaseŋāw“. Bəjäŋin sururun, bəjusähinän. Ipkārän hunātpą, inŋihasıdän pulkərukci. Ədïn əmərän bəjusi, pulkərukpa būrän ədïduji. Ədïn dumajseren: „ōn-ka ōran ərə pulkərukpą, okın-mal ənə ōra“.

Timïnin ədïn bəjuhinän. Nuan hunātpə ipkərän ŋān niptijān inŋihasıdän. Bəjäŋin kərän kəlcärämmän, sū cājädädın dōlcıtcalımmen. Icärän təlki hunātkıkın gəjukəkun. ïrän sūlā. Basalakī ələrän. Bisällän. Bəjurwą wāca. Basalakïwa ŋŋdārän, nihudān. Gunsärän: „Nanŋajä həkulgəsiŋāş, nanŋadu sąhąjä ŋŋkusiŋāş kıdājä nıŋahänımmen, cakılımmen nanŋadu ŋamāt ānŋątcıŋāş“. Basalakī nıŋahınän. Ətrikąn uhat isiŋąndä alawurä, ŋamakä nanŋadu əsiŋąş hiktärəmmän.

Ədïn tarnun hunātnun kərän bisälimmän. Nihusahınän tarnun hunātnun. Əmərä. Basalakī hiktiricą nanŋadu. Ullənirwär surŋwrų sūtkïwar. Basalakī ororwōn tipŋtcä. Tādu əmərä bisälimmär kərä.

Hunāt tārä bihin bihin əkïnmi sōnän: „Əkïnïw ïlącąn?“ icänąhinän. Ŋənərän, ŋənərän. Əmərän tälā mestulā, gulələ ïrän. Təlki əkïnïn tādu gulədų bisärän hikaŋahə ācın. Bihin, bihin əkïnïn ororwo būrän kətəkąkənmə. Əlgąsinən sūtkïwar orokōkōr bokonsoŋkıl əmərän. Bisälimmär kərä ədïnunmi.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

11. Nımŋakāwun

Ətirkąn atırkannun bisicątin. Hutälą ācır, jədakukākur. Bicąn ŋmukən hukurə tin. Ətirkąn gunsärän: „Wāwāt hukurŋwų“. Atırkān gunsärän: „Əwąt“.

Ətirkąn kurētkï ŋənärän. Hukurwų wāmmän. „Atırkān äməkäl. Solutkol biratkï sılkınākəl“. Atırkān əmərän suluktalwa garan, sılkınāhınän. Amaskï əmərän ətirkānïn əhin gulätkï tïnə. Atırkān surŋrun oŋoktoji suląskï. Ŋənərän, ŋənərän, icärän

---

(стала), чтобы завязать. Лягушка выскочила: „Тетка, тетка, юрту мою растопчешь“, говорит: „Иди в мою юрту“. Девушка вошла. Лягушка накормила девку, спрятала. Муж ее пришел, опять промышлять идет муж, лягушка говорит мужу: „Напульник (тебе) буду шить“. Муж ее ушел промышлять. Заставила девушку, чтобы шила напульник. Муж пришел с промысла, напульник дала мужу своему. Муж думает: „Как сделала этот напульник, никогда не делая?“

Назавтра муж ушел промышлять. Она девку заставила, опять кисет чтобы сшила. Муж ее спрятался, за юртой стал слушать. Увидал только девицу весьма красивую. Вошел в юрту. Лягушка испугалась. Жить стали. Зверей убил. Лягушку посылает мясо принести. Говорит: „Кожу разогреешь, в кожу кровь нальешь, возьми ляг спать, завернись в кожу, тепло ночуешь“. Лягушка уснула. Старик (муж) худо не научит, тепленько в шкуре, не замерзнешь.

Муж с той девушкой стал жить. Отправились с той девушкой за мясом. Пришли. Лягушка замерзла в шкуре. Мясо домой притащили. Лягушкиных оленей побили. Туда пришли, стали жить.

Девка эта жила, жила, про сестру свою вспомнила: „Сестра моя куда девалась?“ Смотреть пошла. Шла, шла. Пришла в то место, в избу вошла. Только сестра ее там в избе живет, зада нет. Жила, жила, сестра старшая оленей дала множество. Повела домой, много оленей ее догоняющие пришли. Жить стала с мужем своим.

Е. М. Сафонов. Тырка. Карама

11. Сказка

Старик со старухою жили. Детей не было, очень бедные. Была одна корова у них. Старик говорит: „Давай убьем корову“. Старуха говорит: „Нет!“ Старик во двор пошел, корову убил. „Старуха, подой иди. Кишки на реке иди мыть“. Старуха пришла, кишки взяла, пошла мыть. Обратно пришла, старик ее в дом не пускает. Старуха пошла носом вперед (куда нос покажет). Шла, шла, видит—

gulikan. Talā gulukanduła irān. Ostoldu säptiła adiłānə. Säpcän, tāduk säptiläduk mənäkan garan, niŋahinimmən.

Dolbikōkin əmərān Jaga-Jagisna. Talkidu murdāhinän. Atirkān tārälduk zapciladuk garan. Sūtkiwar surunimān. Sūlawar əmərān. Ətirkānin hukurwu manicā. Sūjatkin ajakcucā, icätcärän. Ətirkānin hərkilwi ūləsärän. Atirkān hundaŋki maslikānə. Ətirkanin gunsärän: „Imuränsärän horkildukin". Sonatkī icähinän, atirkānmi icārān. „Atirkān, əməkäl". Atirkān əmərān, „Dawaj, ətirkan, säptililwan säpcākəl"! Səpcä, səpcä, gunsärän: „Hikaŋal ułikäl!" Potom gunän: „ōsahikäl". Ōsahinān amurdun, əjəmmän kərā.

F. K. Monastirəw. Murinŋa

12. Nimŋakāwun

Ilan nəkūnahəl bicutin. Bəjihincätin, too omŋocōtin. Ilan nəkūnahəl ətirkānmə icəcəl, too sägdisärän. Əməcan noandulān, toal gələlcan. Amākā guncən: „Nimnakānkəl əhijəw sərā. Sārā nimnakānikiş, taŋälləjə mīsiŋaw hekanŋadukiş, səgdənnədukiş uhīja sirsiŋaw. Tojo būzaŋaw, əhijəw sarä nimnakānikiş".

„Nimnakansälim".—„ułək" gunəkiş, şəgdənnədukiş cirsiŋaw uhīja həkanŋadukiş taŋallajə maŋalsiŋāw".

„Diγin sār nakūnahəl bicawun. Gönmun bicən. Diγin sār Patnəlin. Nakūnahəl əwcaun, mordohincäun. Icihinim, səgdənni cehurgacca. Bī calban hikaŋalin dīcəw, icəhinim, mordohinaw, gon illan. Calban baldicā amīkundulā tirgacā. Ojokcosähim, talä şaŋar bihin ŋəbədu, tälā dunŋä, tälā təγä bizärä. Bəjur kətikākun. Bəjutcəca, bəjurbə wām, higsicaw, ułləlbətin jadākəldu būjitcaw, uhīla sirəwātcāw, iraktədu ujuwatcaw, əwdəhänim. Uhīl manawra, dunŋä lis gumagadin icäułlän. Mikcahinim, icəm bəjə wejdərən talganaw. Dawaj mikinəduk zajsəkal top dunŋä mikcalim.—„Ənīniw amīnduş məksazärän!" ətirkān guncən. „Ulək bihinni". Səgdənnən uhīwa sircə, hikanŋadukin taŋələ mīcə. Ətirkān būcə, tōwo surŋwcə.

избушка. Туда в избушку вошла. На столе еда разная. Наелась тогда, из еды сама взяла, спать легла.

В полночь пришла Яга-Ягища. В мялке приехала. Старуха после этого из еды взяла. Домой пошла. Домой пришла. Старик ее корову кончил. На юрту залезла, смотрит. Старик ее штаны варит. Старуха бросает масло. Старик говорит: „Жир топится из штанов". В дымовое отверстие посмотрел, старуху увидал. „Старуха, иди сюда". Старуха пришла. „Давай, старик, еду есть". Ели, ели, говорит (старик): „Зад зашей". Потом сказал: „Распори". Распорола, в кале утонули.

Ф. К. Монастырев. Муриння

12. Сказка

Три брата жили. Отправились зверя промышлять, огонь забыли. Три брата старика увидали—огонь горит. Пришли к нему, огня попросили. Дед сказал: „Скажи сказку, которую не знаю. Если расскажешь знакомую, круг вырежу из зада, из спины твоей ремень выкрою. Огонь дам, если незнакомую расскажешь".

„Буду рассказывать".—„Ложь если скажешь, из спины узды вырежу, из зада круг вырежу".

„Сорок братьев было (нас). Кобыла была. Сорокояблочная. Братья сели, поехали. Оглянулся, спина сломана. Я березу в зад сунул, оглянулся, поехал на коне, кобыла встала. Береза выросла, до неба уперлась. Полез, там дыра в небе, там земля, там народ живет. Зверей много. Промышлял, зверей бил, обдирал, мясо беднякам раздавал, ремней накроил, к лиственнице привязал, стал спускаться. Ремни окончились, земля с лист бумаги показалась. Прыгнул, вижу—мужик веет хлеб. Давай за мякину хвачусь, на землю прыгнул. „Мать моя на отце твоем ездит". Старик сказал: „Лгун". Из спины ремень выкроил, из зада круг вырезал. Старик умер, огонь забрал.

P. Starıkow. Tutura

13. Maŋı

Maŋı bizällän. Ŋənäzähinän, əmərän hunättulā. Hunät ŋēlilcə, maŋıt gu̯nän „Ŋənäkäl, u̯llə ganäkəl, tārä mu̯gdu̯kə̄cə̄nə kəŋkihinə", gunän: „şinŋi gərbiş?" Hunät gu̯nän: „Kədərək-Cu̯cu̯ləkˮ. — „Akīnnī ŋi gərbin?" — „Bēγaldar-Baγatır". — „Ōnı tu̯ji ōran gərbi?" — Bēγatıkındun maŋıla wāsämmi". — „Nınakın ŋi gərbin?" — „Illikə da lakā". — „Emi tu̯ji ōran?" — „Bu̯cə māŋı səhələ ilənzəmmı da lakanzemmı".

P. Starıkow. Tutura

14. Akşırē—Bakşırē

Dolodur nuwandun jəγin hunil. Amīn bəju̯hinän. Bəju̯sī əmərän. Hunīl ācır. U̯mu̯kən əmərän. „Amīnmı zajākəl!" Nuan gu̯nän: „ēduwı zajsıŋāw? cākə̄du zajamcāw, cākəw cāsiŋātın. Sī ijəkikci ŋənəzäkəl, tālı icäsiŋə̄ş gu̯ləku̯nə, tādu Akşırē-Bakşırē, tārı zajamī zajsıŋān".

Tārä ŋänäzähinän hunät. Goro daγa dəγillən, icärän sūkākän su̯r hu̯rkər onnızära lu̯kilwə, bərilwə, su̯r ahatkār tādu da onnızara. Hu̯rkər iciwkəm, ərillə: „Awgugəjət bərit ōrap". Gē gu̯nän: „ej, kakı ōlahal miti bihip!"

Aksırē-Baksırē tārä ōlan əmərəkin, zajāwahamnän täγätcärän. Su̯ru̯ru̯n tārä hunät, zəγilzihinän. Iŋŋan okoskadun dōran. „Kə! hanŋūktallan: „Akşırē-Bakşırē minä zajakal". Əhin dōldıra, gēwran gu̯nän: „Akşırē-Bakşırē minä zajakal". Tārä gu̯nän: „Əməkäl, mogu zajakal, zajsıŋāw", gu̯nän: „mirinsiŋə̄ş, təli bī şinə zajsıŋāw". Zajaran.

Tırganīwə bihin, gēwa bihin, ācın. Ilīdu əmərä bu̯lə̄lsir. Kotowo tänän Aksırē, ostoldun nōrän, ahätkänmə gu̯nän: „Icitcäkäl kotowo, şämtusiŋə̄n, təli bī dawdasıŋāw, ezelı kimärgäsiŋə̄n, təli bī dawdım".

П. Стариков. Тутура

13. Чудовище

Чудовище (медведь) жило. Пошел, пришел к девушке. Девушка испугалась чудовище сказал: „Иди, мясо возьми, тот пенек стукнувши", сказал: „Твое имя?" Девушка сказала: „Мялка-Скоблилка". — „Старшего брата какое имя?" — „Бэгалдар-богатырь". — „Почему такое имя стало?" — „В каждом месяце чудовищей убивает". — „Собаки как имя?" — „Лизун да лакало". — Почему так стало?" — „Мертвого чудовища кровь лижет да лакает".

П. Стариков. Тутура

14. Акширэ-Бакширэ

Долодур, у него девять дочек. Отец отправился промышлять. С промысла пришел. Дочек нет. Одна пришла. „Отец, спрячь". Он сказал: „Куда спрячу? В запятник спрятал бы, запятник распорят. Ты вниз (по реке) иди, там увидишь избушку, там Акширэ-Бакширэ, тот спрятать спрячет".

Та пошла девушка. Далеко близко летела, увидала юрту, два мальчика дарят друг другу стрелы, луки, две девочки там же одариваются. Мальчики, увидевши, закричали: „Какой лук мы сделали!" Другой закричал: „Эй, какие мы мастера!"

Акширэ-Бакширэ, тот мастер, когда пришел, спрятавшись сидит. Ушла та девушка, полетела. Долетела, на окно села. „Ну!" спросила: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь". Не услышал, вторично сказала: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь". Тот сказал: „Иди, могу спрятать, спрячу", сказал: „Выйдешь замуж, тогда спрячу тебя". Спрятал.

День прошел, второй, нет. На третий пришли войска. Нож вытащил Акширэ, на стол положил, девушке сказал: „Смотри, нож заржавеет, тогда я буду побежден, если побелеет, тогда я побежу".

Kə-hilə, ŋənəhinə, вɥlēllə.

Tārā ahātkān icātcārən kotowo. Akşırē koton şämtɥsärän. Ahātkān mərgähinän — dawdazərən. Potom icātcārān ahātkān kotowo, tārāɲı kimārgārān, bagdargaran — Akşırē dawdıran. Akşırē əmərān. Зapkunma вaγatırıl wārān. Ahātkān ɥrɥnɥn: „Şindu mirinziŋāw". Tar mudanın.

P. Starikow. Tutura

15. Altānāj

Bolontur вizāllän. Ahīn ɥrgägdi. Kɥkinäj dālāhınan, dılıca hunātpān. „ācınduw вaldıdıŋān, Altānāj gərвidāwi".

Sɥrɥrɥn tārā вəjā. Dalahınan. Dılıca hunātpān dalarān. Tālā nuanmān maŋıl wācılla. Tārā ahın hɥtäŋnān amardun, Altānāj gārвirān. Hɥtän вihin, ılallawa вərilāwi ōran, nämkicillän. Irəktədɥn dōra cinəkəl. Nuan nämkiccärän, wārān nuarwatın. Ɥmɥkən sɥwärädɥn solōwcān. Nämkiccārān hərən nawkānmī. „Altānäj ēdaw вəjɥtcänni? Amīnnī вicən Bolontur gārвi. Nuan sindu ahījäş dālāhıcā".

Nuan əmərān ənīndɥlāwi. „Əɲə amıcī вicəw?" Ənīnin gɥnān: „ācın amīna вicəş". — „Ōn ācın amīna вizıŋəw? eduk-ka вaldıcāw?" Gɥnān əhilə ənīnin: „Amīnnī вicən, kamnıγaduk hɥkɥlcən, вɥmmän kəcə". Gɥnān: „Dawaj вī ŋənəktą tikikcələn". Tuhanān, tikcən, kamnıγaduk əmərān, əhin вɥdä. „Bicən amīnmı, вicən", gɥnān: „ĭlącā?" — „Necewo ḍəlaṭ" gɥnān: „ahījäş dālāhıcā, dılıca hunātpān".

Тавun murırın gırkuzeren, gɥnä ɥmɥkən murıncıkān ıhāktə upkacīn. Murındulā əməŋki, вɥlihiniŋki, mūrın вɥŋkı, səgdənnə cıkurgaŋkı. Tārä ıhānə tuhaktəzärän. „Minə, minə kəkäl", gunzärän. Əmərän əhilə вɥlihinin, ıŋaktalın вɥrɥrɥ. Gēwran вɥlihinin, həgdimikąn ōran. Ilīwran вɥlihinin, nuan həgdikąkɥn ōran. Вɥlihinin, zawran murınmı, ɥrilwi gadan, вərilwi gadan, hawahınan. Ŋänərän, ŋənərän, ıcärän — zapkun maŋıl äwizärä igdiwɥnzī ɥwiskī hundäwątcärä. Nuan

---

Ну, пошли, стали воевать.

Та девушка смотрит нож. Акширэ нож ржавеет. Девушка опечалилась — побеждается. Потом смотрит девушка, нож тот светлеет, белеет—Акширэ побеждает. Акширэ пришел. Восемь богатырей убил. Девушка обрадовалась. „За тебя выйду замуж". То конец.

П. Стариков. Тутура

15. Алтанэй

Болонтур жил. Жена беременна. Невестку сватать поехал, солнца дочь. „Без меня родится, Алтанэем назови".

Ушел тот мужик. Сватать отправился. Солнца дочь просватал. Там его чудовища убить собрались.

Та женщина сына родила после него, Алтанэем назвала. Сын живет, в три дня луки сделал, стал пристреливаться. На лиственницу сели пташки. Он прицелился, убил их. Одна на вершине осталась. Прицелился, не мог попасть. „Алтанэй, зачем убиваешь? Отец твой был Болонтур по имени. Он тебе жену сватать отправился.

Он пришел к матери. „Мама, отец был?" Мать сказала: „Не было отца". — „Как без отца жить буду? Откуда родился?" Сказала тогда мать: „Отец был, со скалы скатился, умер". Сказал: „Давай я пойду к месту падения". Пошел, скатился со скалы, пришел, не умер. „Был отец, был", сказал: „куда делся?" — Нечего делать", сказала: „жену твою сватать отправился, солнца дочь".

Табун лошадей идет, говорят, один жеребенок в коросте весь. К коню подойдет, коня погладит, конь умирает, спина ломается. Тот коростистый бегает. „Меня, меня лови", говорит. Подошел тогда, погладил, шерсть упала, второй раз погладил, он большой стал. В третий раз погладил, он очень большой стал. Погладил, поймал коня, стрелы взял, луки взял, отправился. Ехал, ехал, увидел—девять чудовищ играют, гребешками вверх бросают. Он

ŋənəmmän Altänäj, cäpkänän. Əhin mədärä, ŋənäsähinän cäskï; irtikï ŋənäcən, tartıkï ŋənäsärän. Icärän gulәkәkänmə, gulәkən hunät okoşkolı ciɣiccärän. Nuan günän: „Altänäj əmcəw icähinä ücukuän“, käjəran: „minduŋan“... Altänäj günän hunätpän: „Bisikiş, əmcəw icähinä“. Nurwa garän, bərwijä garän, nämkirän, hikəmərän, hunät budän. Ŋənäsähinän, ŋənärän icärän gulәkәkän. Tälä gulәkəndulä irän. Hunät arcamkarän. Arcamkaran, tikcən nuan, harullan. „E, miŋəcikäkun icäjäş icarä“, hunät günän: „miŋəcikäkun icəjäş icärä-un kərä“. Buhijansï hikihinän, tarä illan. Əhilə ostoldulä ŋənärän, ostoldu təɣärän. Hunät potciwajıllän. „Kə!“ gunän: „ŋənäsikäl amınmäş maŋı wäsırän, amakän ŋənäsikäl“, günän. Ŋənäsähınän, amïn arcaran əmäsirän təlki murınïn tuhakïdın öra, mənikən kərämundin öran.

Зapkun maŋıkal amargısı nämkicällän. „Ŋənäsäkäl, amä, bï bulәlsälim“. Surugun amïnïn; nuan bulәllän. Maŋıkun nämkitməcällän. Nämkiccän, namkiccän, tamnaha tïnə. Əninin ŋäläji bücən. Ŋäläwän tänän əninmi, ärpəlihinän, tamnaha äcın öran. Utunŋəwa tïnän, həŋnəkinduläwi bulərä. Əninïn ukunmi bücə, nuan nəpkuhinan, udun, udullän, sirän toɣo. Nämkiccällän, wes wärän maŋılwa. Mucuran newestulä. Əmərän hunättulä, miränsärän hunätwa ələnirwär uməktaŋŋa ...

Surugu sütkïwar, süläwär əmərä. Əninin, əmïnïn kultırduwar lambaräca. Amaccą ziwoj wöda, imurä gəjuwhihikır ora. Tar kəhılə bisällą. Tar mudanïn.

І. Komarıcın. Cenca. Aŋara

16. Dəkimdəkï

Umnəkən urədu gorodu, gorodu bəjunmą wäcöw. Bicän mindu umukän utə. Igsäräkiw bəjunmə, ŋənərən gäɣ utəwə lawagajcän.

„Amïjaj, amïjaj! asakal, asakal
Gorokï, gorokï minəwə“.

пошел Алтанэй, схватил. Не знает, поехал дальше, куда ехал, туда едет. Увидел избушку, избушка, девушка в окно смотрит, она сказала: „Алтанэй, не глядела бы на коня его“, позавидовала: „мне бы такого“. Алтанэй девушке сказал: „Если бы и была, не посмотрел бы“. Стрелы взял, лук взял, нацелился, в грудь попал, девушка умерла. Отправился, ехал, увидел—избушка. В ту избушку вошел. Девушка встретила. Встретил, упал он, голова закружилась, „Э, такой же, как я, не видывал“, девушка сказала: „мне подобную не видывал“. Обшлагом погладила, тот встал. Теперь к столу пошел, за стол сел. Девушка подчивать стала „Ну“, сказала: „иди, отца твоего чудовище убивает, скорее иди“, сказала. Отправился, отец встретил, идет, только конь его с зайца стал, сам с белку стал.

Восемь чудовищ позади начали прицеливаться. „Иди, отец, я воевать стану“. Ушел отец, он воевать стал. Чудовище стрелять (друг в друга) стало. Стрелял, стрелял, туман напустил. Мать его руку дала. Руку потянул матери, махнул, тумана не стало. Горячую тундру напустил, по колена завяз. Мать грудь дала, он пососал, дождь пошел, задул огонь. Стрелять начал, всех убил чудовищ Вернулся к невесте. Приехал к девушке, взял в жены девушку со всяким (добром).

Поехали домой, домой приехали. Отец, мать к порогу прилипли. Принес живой воды, помазали, молодые стали. Тогда стали жить. То конец.

И. Комарицин. Ченча. В.-Ангарск

16. Докимдоки

Однажды на горе далеко, далеко зверя убил (я). Был у меня один сын. Когда обдирал зверя, шел (летел) лебедь, сына схватил.

„Отец отец! гонись, гонись
далеко, далеко за мною“.

Ạmənіksə вəjunmə, asasınạn. Ŋənərən, ŋənərən, icərän ụmụkən aranma. İrän tälä arandulä. Bizärän ụmụkən atırkäcän şagdı, şagdı. Ụmụkən amaldäldäwə ụzärän. „əwgụ“, gụnzärän. Sō şagdı, şērilduk jalвuka вaldıcän, şēnduk taktıkäcän вaldıcä. Anmūktärän: „ạṇạkəjạj, ạṇạkəjạj əcäş icärä gāγ lawadäzärīwə kuŋäkänmạ?“—„Ụtəjạj, ụtəjạj, gorodu, gorodu gāγ ŋənicən, lawadajcän kuŋäkänmạ. Bī gəjụn, gəjụn вiŋəşiwi tälijə, tälijə ŋənicən. Ụtəjäj! ụtəjäj! ŋənəzikəl oktolinän, oktolı“.

Täli oktolınun oktoli ŋənəm, ŋənəm, aranma ŋänä icəm, ĭm arandulä. Ətirkən вizärän sagdi ətirkən вizạrän. Ụmụkən amaldälgäwə ụkụlcizärän, şērılduk lalвuka вaldırän, şenduk calвakäcär şaldira. Anmūktam: „Amäkäjạj! amäkäjaji əcäş icärä gāγ ŋənäcən lawadäjcän kuŋäkänmạ?“ — „Ụtəjäj, ụtəjạj, ŋənəcən, ŋənəcən, tälijə, tälijə gəjụn вiŋəşiwi, əli ŋənəjcạn, şōnandulı, inämụktəl tikimdicətin, mindu wängəjcän, amäkäjạj, amäkäjaj əli amī aşaşnakīn əli-nụn oktolınän, oktolı. — Ụtətäj! ụtətäj, gorokī, gorokī, ərluwạr aşazamī aşazamī“. Aşaran, aşaran suptıwdän lämudulūwar dalıwgan.

F. Şaŋgin. Dagarä. Aŋarä

17. Aşī

Ətirkən atırkänän вicətin. Aşī ụmụkən hụtətin вicən. Əsi matal ēmal-wal əŋnəkil magararä, magaraktıra. Nuartın ụrərə. Täduk gorokīwa вikşəl, ạmạrạ, oksosto mərtikīwər. Anŋanīwə вişin, gēdu anŋanīdu ụlildə sōt nuanmän.

Täduk nuantıkın hərgạltin ụtəltin gụ̄nə: „Bụ̄ şinə amakän zäpilziŋạ̄wụn“. Nuan mụliştən: ōn ŋələmin вişin, ōn mənmi ajzalım? Nuan aşılgarän maluklāwər, mōwa kuŋäwə, mōlı kuŋälı əşi ụgdụştạ̄wi. Əmərän wrema, nuanmän wälmäcıntın, wäldäwər ıtialda, kotolвor kılgadäldə.

Nuan täli gụ̄nän: „Bī tụlişkī jụ̄mụzäm, jụ̄kəldụ̄ minə“. Jụ̄stə tụliskī nuanmän, kuŋäkär tōlвə ŋälınäl. Nuan tōlвətin sīrän tukşaştan maludulāwər, kuŋälāwı oşılganalāwı. Tukşaran, da ụgdụştän. Nuartın şokordo nuanmän.

Оставив зверя, погнался (он). Шел, шел, увидал одну юрту. Вошел в ту юрту. Живет одна старушка, старая-старая. Одну головню раздувает. „Оўгу“, говорит. Очень старая, из ноздрей мох вырос, из уха кедр вырос. Спросил: „Старушка, старушка, не видала лебедя, схватившего ребенка?“ — „Сынок, сынок, давно, давно лебедь прошел, держал ребенка. Я молодая (тогда была), туда, туда прошел. Сынок, сынок, иди по дороге его, по дороге“.

Тогда по дороге его, по дороге шел, шел, юрту опять увидел, вошел в юрту. Старик живет, старый старик живет. Одну головню раздувает, из ноздрей мох вырос, из уха березки выросли. Спросил: „Дедушка, дедушка, не видал лебедь прошел, пронес ребенка?“ — „Сынок, сынок, шел, шел тогда, тогда молодой был я, здесь шел, в дымовое отверстие, слезы падали, мне кричал: дедушка, дедушка, здесь отец если появится по этой дороге, пусть пойдет по дороге. Сынок, сынок, далеко, далеко того гонять, гнать“. Гнал, гнал, отстал, до моря дошел.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

17. Женщина

Старик со старухой жили. Женщина одна дочь их была. Теперь соседи, (чужеродцы) какие-то не могли просватать, сватают. Они согласились. Потом немного спустя пришли, увезли к себе. Год прошел, на второй год стали кормить сильно ее.

Потом ей младшие ребятишки сказали: „Мы тебя скоро съедим“. Она подумала: как страшно, как себя сохраню? Она заметила за священным местом в юрте дерево дуплистое, тогда на дерево в дупло чтобы влезть. Прошло время, ее предполагают убить, убивать стали собираться, ножи заточили.

Она тогда сказала: „Я вон выйти хочу, выпустите меня“. Выпустили вон ее, дети огонь в руках держат. Она огонь загасила, побежала к священному месту (юрты), к дуплу запримеченному. Убежала да влезла. Они потеряли ее.

Şokorıkşal, ïrä arandulā, gu̯nä: „şokordon säpmäcinma̯r ēja əsïlə säpciŋa̯t?“ — „Minə səpkəldə!“ ənïntin gu̯nän, atırkān. Nuartın ənïnmər wārā, səptə. Gu̯ldā: „ēkun ənï gu̯limacinma̯n gu̯limasiŋa̯n?“ Amïntı ətirkən: „вї, вї gu̯linəktə“, gu̯nän.

F. Şaŋgın. Dagarā. Aŋarā

18. Bərbu̯lin, bərbu̯lin

Ətirin, ətirin, bərbu̯lin, bərbu̯lin!
bəju̯nmi-nu̯n bəju̯kəl bərbu̯lin bərbu̯lin!
u̯rkəwər su̯klən, bərbu̯lin, bərbu̯lin!
əruməwə tolkıcım, bərbu̯lin, bərbu̯lin!
aşï tolkınïn okın bicən bərbu̯lin, bərbu̯lin!
ınanaj ınanaj bərbu̯lin, bərbu̯lin!
aşï tolkının bərbu̯lin, bərbu̯lin!
okın kakoj bicən bərbu̯lin, bərbu̯lin!
atırın atırın bərbu̯lin, bərbu̯lin!
urkəwər galgākal bərbu̯lin, bərbu̯lin!
— əsəŋəw galgārə bərbu̯lin, bərbu̯lin!
hu̯ŋtu̯kə dılgandı bərbu̯lin, bərbu̯lin!
— bəju̯ŋilnu̯nmər wāşşəmātcəmi bərbu̯lin, bərbu̯lin!
dılgana ācın ōran bişim bərbu̯lin!

J. Ajeulew

19. Nımŋakān

Sulakï ŋənəsäŋnärän. Bakaran maŋıwa, gu̯şkəwə, tukşakïwa, gu̯ldən: — „minŋi ədïw beda bərkən“. Maŋı gu̯nän: „Əməwdəj, icādəu̯n“. Sulakï gu̯nän: „Əməwsäŋə̄w şu̯ təpu̯mātciŋəşun macālajä, təli əməsäŋən minŋi ədïw“. Sulakï əməwdən, maŋı

Потерявши, вошли в юрту; сказали: „Потерялась еда, что теперь будем есть?“—„Меня съешьте“, мать сказала, старуха. Они мать убили, съели. Сказали: „Кто матери остатки на лабаз положит?“ Отец старик: „Я, я на лабаз положу“.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

18. Бурбулин, бурбулин

Старик, старик бурбулин, бурбулин!
если промышлять, промышляй бурбулин!
двери напротив бурбулин!
Худое во сне видел бурбулин!
женщины сон когда был бурбулин!
свояк, свояк бурбулин!
женщины сон бурбулин!
когда какой был бурбулин!
старуха, старуха бурбулин!
двери отопри бурбулин!
— не стану открывать бурбулин!
чужой голос твой бурбулин!
— со зверями кричавши бурбулин!
без голоса стал бурбулин!

Я. Аеулев

19. Сказка

Лисица идет. Встретила медведя, волка, зайца, сказала: „Мой муж—беда бойкий“. Медведь сказал: „Приведи, чтобы посмотрели“. Лисица сказала: „Приведу, вы корову убейте, тогда придет мой муж“. Лисица чтобы прив[illegible]

guşkə, tukşakī təpurə macāləwə, təlgəttə. Maŋı gūnän: „Bī ədu̯k mattāmə ōzılzıŋāw, mōwa tu̯ktīzıŋəw. Guşkə gūnän: „Bī ədu̯ dikənzälim". Tukşakī gūnän: „Bī ədu̯ dikənzälim".

Şulakī ədīn koşka. Şulakī əmu̯wdən ədīwi, u̯ndu̯ldän təpu̯zəkwətin. Tukşakī kurbu̯stän, zərāş ōran. Koşka cokıdārän „Ənu̯kəcān" gu̯unnə. Tukşakī ŋālāldän u̯ktil: dän. Koşka ŋālāldän, mōwa tu̯kkāştän, maŋı tādu bızārän. Maŋı zālāldän, mepcānän, şəgdəndən bu̯ru̯rän. Şulakī nuanmän zapildən. Məkələrän, mānmi ajdāwı.

J. Ajeulew

20. Akşı-Bakşı

— Şū-wal anŋūktaktu
elā-mə tukşanzandı?
— Dəmä-dəmäləncə!
Akşılā-a Bakşılā.
Akşıjaj-Bakşıjaj!
Amakān-ka jūkəl!

Şinə nəmkizälim —
əwşəcārdə jūŋnəktin!
Şinə təktəşcälim —
takşakāş ətəkāniŋnətin!
Şinə təktəşcälim —
ŋāləwä kəŋəcəmdək!

Akşı-Bakşı jūrän, nəmkirän, əwşälin jūŋnəntin haplastuk takşakawān təktəştən hətəkāniŋnənin. Takşakāwı cokıdārän, gūnän: „Ēcā bimī hətəkəmildan? Aucān əri", bizəktun tulərən. Ŋāləwān təktəştən hətəkəniŋnənin, cokıdārän, gūnän: „ēca bimī, toŋomıldan? Ukşəcən əri", bizəktun tulərən.

J. Ajeulew

21. Şıŋēcən

Şulakī: „şıŋəjä gukcānmāt".—„Dawaj gukcānmāt".—„Lıŋējamıkākun īlə lıpturzıŋān?"—„Bi-glə zuktilhiŋāw, kocolō dūtäzänə".

волк, заяц убили корову, ободрали. Медведь сказал: „Я отсюда смотрящим стану, на дерево влезу". Волк сказал: „Я здесь спрячусь". Заяц сказал: „Я здесь спрячусь".

Лисицы муж—кот. Лисица привела мужа, стал собирать остатки на месте их свежевания. Заяц пошевелился, затрясся. Кошка прыгнула, „мышь" говоря. Заяц испугался, убежал. Кошка испугалась, на дерево полезла, медведь там есть. Медведь испугался, прыгнул, спиной упал. Лисица его съела. Обманула, чтобы себя спасти.

Я. Аеулев

20. Акши-Бакши

— Если вас спрошу
куда бежишь?
— Доме домелончо!
К Акши-Бакши
Акши-Бакши!
Поскорее выходи!

припев

Тебя выстрелю —
легкие выскочат!
Тебя разрублю —
верхушка отскочит!
Тебя разрублю —
руку отсеку!

Акши-Бакши вышел, выстрелил, легкие выскочили из раны, голову отрубил, отскочила. Голову поймал, сказал: „Какая была отскакивать начала? Шапка это", на место посадил. Руку отрубил, стскочила, поймал, сказал: „Какая отлетать начала? Рукав то", на место насадил.

Я. Аеулев

21. Налимишка

Лисица: „Налим, побежим!"—„Давай побежим".—„Налим куда поплетется?"—„Я-то побегу, мыс через пересекая".

J. Ajeulew

22. Şulakī

Şulakī ŋənəzärän maŋıja bakaran. Ṇanmäktaldu kıkcawdan maŋı. „Amäkä! amäkä! miŋıläˌ ŋənəwˌät şaldıskītläwajäncək şäŋän-şäŋän".

— „Uˌtəjəj, ŋənəwˌät şaldıskändulä". Şuruˌrə kadara ojolōn. „Amakä! amakä! Bī ŋēsuktə ˌukəlzıŋəw". Äştə.

Şulakī maŋı dīdəlän oran, məkälərän. „Amäkäjaj! amäkäjaj, diskī kənəkˌal, həkəlzälim!" Diskī kənəşcäldən, ˌukəläştin, noptərorän. Şulakī ŋənərən, nuanmän təlgättän lomolbōn kˌucindän. Nuarbatın irgiduk ˌujidän, məŋələrän kˌucilzi. Şuruˌrun, bakaran guşkəlbə. Guşkəl gūldə: „Şulanaj, şulanaj, eduk bakandı tawarılba?" — „Ulizälim". — Alakä? şulanaj tədəwkäl". — „Əziŋˌäw tədəwdə, tuŋəlziŋäşun". — „Tədəwkəl, tədəwkəl".—„Ōn, tədəwziŋˌäw. Şū əjīkəldu irgirbər mūdu, gildikˌäkun özıŋän, ənər ūriştaˌ, ətiziŋˌätin gildizämī, täli uriscıŋäşun". Əjīrä ämutkändu irgilbər. Şulakī karauccəran. Doŋotoldära guskəl irgiltin. Şulakī nuarbatın təpuldän, ˌumuˌkōn sucärän, irgin pəşirgərən.

N. Bukidaew

23

Ilan asāl
gūliŋnərə:
„Minə gakal",
gūliŋnərə.
„Ilīwatın
gazalzalım!"
ılan-zarzı
sıŋazarzı
sugulzītin
əlbənətänə,

ŋənəlzītin
inməktənə,
īsalzītın
murucəntənə,
sıluktalzītın
usītənə,
zaraltzītın
orontono,
sāsirzītin
kumalāntänə.

Я. Аеулев

22. Лисица

Лисица идет, медведя встретила. Комарами закусан медведь. „Дедушка! дедушка! ко мне пойдем на мое место, хороший ветерок подувает".

„Дочка, пойдем на ветреное место". Пошли на вершину скалы! „Дедушка, дедушка, я ниже лягу". Заснули.

Лисица через медведя перешла, перелезла. „Дедушка! дедушка! дальше ляг, скачусь!" Дальше подвинулся, покатился, разбился. Лисица пошла, его освежевала из околокишечного жира колбасу сделала. Ее к хвосту привязала, обмотала шею кишками. Ушла, нашла волков. Волки сказали: „Лисичка, лисичка, откуда нашла те?"—„Покормлю".—„Вкусно? Лисичка, сообщи".—„Не стану сообщать, узнаете". — „Сообщи, скажи".—„Ладно, сообщу. Вы опустите хвосты свои в воду, холодно станет, не вытаскивайте, пока не замерзнут, тогда потащите". Опустили в озеро хвосты. Лисица караулила. Стали замараживать волки хвосты свои. Лисица их ударила, один оторвался, хвост лопнул.

Н. Букидаев

23

Три женщины
заговорили:
„Меня возьми",
говорят.
„Третью
возьму".
Тридцати
налимов
кожи (из)
покрышки (делая),

икры (из)
торсуки (делая),
глаз (из)
круглые короба (делая),
из кишек
ремни (делая),
из позвонков
оленей (делая),
из пупков
кумаланы (делая).

J. Ajeulew

24

Ilan aşāl
gū̄niŋnārā:
„Minə gakal“
gū̄niŋnārə.
„Iliwatın
gaɜalɜiŋāw“.
ılan-ɜārɜī
şēŋacārɜī
manalɜītan
inməkiwənạ,
ärpụkilɜītin
ụsīwɜạnạ,
şēşēzītın
tiŋəptụnmạ.
şergecanaj,
nenakīnaj,
okın gū̄cən:

„Minə gakal!“
sērulaktaj,
ḥukacānaj,
ēwan tārā
əktạnɜāndī?
Gū̄nɜärkəs-kạ
cərnajmaşnär
krılcədun:
„Minə gakal!“
ilan вinəl
təətcärkāt
gụnɜạrəş-kạ,
gụnɜạrəş-kạ:
„Amвarlāwun
āsānāwāt,
amī, amī
dawuducī.

J. Ajeulew

25

Ədəsäləj!
pārısəlaj!
kalatkaвur
tətcānəwət!
вụşəkārвər

kaŋkurɜewāt!
jāŋdıkəkur
ŋānụcạl-tāl
təndıkəcər
əndəwkəşụl.

Я. Аеулев

24 (вариант)

Три женщины
говорят:
„Меня возьми!“
говорят.
„Третью
возьму“.
Тридцати
налимов
(из) икры
торсуки (делая),
(из) плавников
узды (делая),
(из) болоней
подпругу.
Сергей,
собака,
когда сказал (я):

„Меня возьми!“
Серулак,
сучка,
чего в том (тому)
отказываешь?
Когда говорила же
Чернова
на крыльце:
„Меня возьми!“
Трое были
когда сидели же,
когда говорила же,
когда говорила же:
„В амбар наш
пойдем спать,
отца, отца
в тулупе“.

Я. Аеулев

25

Товарищ!
друг!
халаты
пойдем надевать!
пояски

подкрепим!
горные (девушки)
пришедшие
равнинных (парней)
обманывают.

J. Ajeulew

26

Akī Samajıŋkur,
gırın tənsuwət,
əwinə-wəl вargılsewāt,
jəkənnu-wəl kaltawsewāt.

Bīkə ētwı kaltawsəŋaw?
Bi-kə ēt-wı вargıwsəŋāw?
Bagdan вuwaduwı
ụjụrjəkə вişim,
jəgdərjəkə вişim.

J. Ajeulew

27

Aşujakır
amandışnam.
Bənəsəlвı
şıwātвəwətın
amandısnam.
Cụrgäsiktə
kaltakasīn.
Həɣəwānə-wəl
həŋəsiŋəw вicə.
Gowokşıl
gowotcokīmjatın.
ụrinəcī-wạl
ụrinəsiŋạw вicə.

Iŋạksəl
iŋäsəkimjətin.
Həgdəw вənaräw
uwəwşəsiştin
lāmukākun
sapkajadan.
Hụlitkụ вənərīw
həndinsäştin.
lāmutkūnmə
əjəkəkī
вəşəwəlin
torōkarıktın
tamnansäştın.

Я. Аеулев

26

Дядя Самаинкур,
вместе поиграем,
песнями ли посоревнуемся,
хороводом ли половинками
поиграем.

Я-то как буду с тобой?
Я-то как спою?
В Багдана стране
привязан (я),
к колу привязан.

Я. Ае лев

27

Немножко
не застал.
Шурьяков
свадьбу их
не застал.
Накаплю-ка
с половину.
Песни
петь бы мог.
Лающие
пусть лают.
Вотрую жену
мог бы взять.

Смеющиеся
пусть смеются.
Старший шурин
волнами качается
морища
на берегу.
Младший шурин
прыжками бежит
морища
к низу,
северной стороной
только пыль
вьется туманом

28

N. Bukidaew

Caja Cunun
daɣandutın
kaŋāldāwə
lokodōwōt.
Bəjəŋṣəlbi
gū̱kitjətin

əri — tārı
kaŋāldājān.
Kālu̱kitin
unāzītın.
Həgəllagın!
Həgu̱gəlān!

N. Bukidaew

29

Ədätkənəj!
Parıtkanaj!
Tizärməkən,
adılkändı
asujakır
jū̱linmu̱tin!
Uṇakāptunmạ

mu̱limə jə,
ıṇakāptukān
mu̱limətkān
əməmī̇wi
jū̱licinān!
Həgäl-lagin!
Həgu̱-gälān!

N. Bukıdaew

30

Tolkındo tolkıtıcıtcāw—
hunātnun ārāwı.
u̱lgu̱zimāmənkə,
hulu̱zınmamanka,
zəkinkə, zəkinkə,

bālıkātkəninkə,
sinə—sinəmāmə
ēkun bizäsində?
ī̇lə ədu̱ bizäsində?

Н. Букидаев

28

Чая с Чуней
на водоразделе их
колокольчики
повесим.
Женихов своих
говоренное их

это (и) то
колокольчики (звенят).
О Калуки их
девушке их.
Пусть звенит!
Пусть звенит! } припев

Н. Букидаев

29

Товарищ!
Друг!
Путо,
сеть твоя
немножко
выпутываются!
Колечко

кругленькое,
колечичко
кругленькое
по приходе
выкатилось!
Пусть поет!
Пусть поет! } припев

Н. Букидаев

30

Во сне видел—
с девушкой спал.
Говорливая,
теплое тело,
красивая, красивая,

белолицая,
тебя — тебя (то)
кто ты?
Где (ли) здесь (ли) живешь?

N. Bukidaew

31

Əni Cence
cuwarjadun
kuktikətkən
kuktizärän.
ekunmama
kuktiməzän?
Kuktiməkirəkin,
irgindäjan səmkəsəmdä.
Əgäl-əgäj
Əgu-gäläj

N. Bukidaew

32

Duşkacäni
derewnədun
əzalim-lä
arkatcistä
ərä-əl-du
anŋanīldu?
Bolonīkän
turgarakin,
sacarīla
tūrgaşciŋäw.
Ŋandarkänma
solokōkī
gäşimzəkīt
urindəlän
əglən gundä.
Gükəşcälim
zuläskīwər
guŋäjäwər.
Əzəlim-lə
kumnuzästə?
karmacıla
kumnuzästə?
kuti muŋi
bugadukwi
ätəγsuglə
kupärizälim.
Zagdajaγli,
bōŋandulı
sinitikīn
ugduzäna.

Н. Букидаев

31

Мать Ченча
на холме ее
кукушечка
кукует.
О чем
кукует?
Пока куковала,
хвост чуть не затупился.
Эгей-эгей! } припев
Эгу-гэлэй! }

Н. Букидаев

32

В Душкачане
в деревне
стану ли
стоять
в эти
годы?
Осень
когда встретит,
оленницу
встречу.
Нгандаркана (речки)
вверх
Гашимдёкита
до стойбища
эглэн говоря.
Стану говорить
вперед
старые слова.
Буду ли
обнимать?
. . . . . .
Обнимать?
Счастье наше
от неба
. . . . . .
закрою.
По ельнику,
по горелому месту,
к тебе
пробираясь.

Əni Caŋı	Ilə-uwu̯l
boşoodun	ūzastakın,
sacarīkār	ajamək sōt
alınnakār	gərbizäŋän.
ōni təu̯r	nirəktəni.
ojojolın	Nirəkərdu̯n
ātaksuglə	zalər bəju̯n
ədinzəlim	ədinzästän.
zəlgətikīn	Kowoktoŋi,
zəlgəscinə,	kowocoldun
cuwkatıkīn	bəju̯ŋirkə
cuwkānzänə,	gırkunzeren.
jū̯ktətikīn	Əşin sārä
umınzena	mudanəwı.
həgäl-lagın!	Okın-mal-ka
həgu̯-gälän!	ōmacınan.
amaγsugla	Gəwəktəŋi
dıuktāmcə.	gəwətildu̯n
Sacarīkār	irkin bəju̯n
nu̯su̯ktälä	təwa̯lzərī.
ōtāməllə	Oronowı
u̯ku̯lcildə.	gərbizäŋəw
Gəgəncijə	təwa̯nkənzī
u̯ku̯lcildə.	gərbidäŋəw.
Kutı mu̯nŋi	Təwa̯lzərī
mu̯ŋiktəkənin.	ōzacındän.
Cūkajä-wal	Okıdola̯
gərbirikən.	arkātcälım.

Мать Чанги	Куда-нибудь
на северной стороне	когда пойдет,
оленницы	хорошо очень
взволнованные	назовет.
как	Впадины (ямки)
поверх	во впадинах
. . . . .	большой зверь
завихрю (задую)	дует.
каждую щель	Холма
задувая	на мысах
каждую . . .	зверь должно быть
. . . . .	похаживает.
к каждому ручью	Не знает
идя пить	конца своего
Пусть поет! } припев	когда-нибудь же
Пусть поет! }	будет.
. . . . .	Холма
поднялся бы.	на бугре
Оленницы	бык зверь
красивые	чужой.
. . . . .	Оленя своего
пососали бы.	назову.
. . . . .	Тэванконом
пососали бы.	назову.
Счастье наше	Тэванконом
наше большое.	чтобы был.
Траву какую-то	До каких пор
когда назовут.	буду стоять.

Duşkācānı
ulıcedun?
əglän-əglän!
həgu-galän!
əriəldu

anŋanīldu.
Okıdolą
mulıjalım
sələmətəjdukwi
mulızeŋāw.

N. Bukıdaew

33

Saţarıkān
ənuktikən
əmərəkin
ūzastakış,
turgarıkan,
ūzalzalım.
Saţarıkān
ənuktıkən,
vidąnuwər
dircäktəri,
vidąnuwər
kurgəlgətpi
kurejanən
kulurmaja
vidənuwər
igdəγətpi
igdərjanən
igdəγətpi.

Saţarıkān
ənugdikən,
sï-wu, sï-wu
turkumnıtın.
Sï-wu, sï-wu
ŋōramnıtın
ŋuorarıkān?
ūzaldakıs,
turgarıkān
ūzaldalım.
Guktätkərä
umŋədąwər
sïwu, sï-wu
umŋənādä?
Guktəkąrä
umŋənądi?
horor hororduwun,
curcārduwun

Душкочаны
на улице?
эглэн-эглэн! } припев
гэгу-гэлэн! }
в эти

годы.
До какого-то (времени)
подумаю
из сердца
подумаю.

Н. Букидаев

33

Оленница
болезненная
если придет
к следу твоему,
когда встретит,
пойду по следу.
Оленница
болезненная,
жизнь свою
встречающая,
жизнь свою
. . . . . .
ограда ее
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Оленница
болезненная,
ты ли, ты ли
передовая?
Ты ли
вожак,
идешь впереди?
Когда по следу пойдешь,
навстречу
(я) пойду.
Говоренное
чтобы забыть
ты ли, ты ли
забудешь?
Говоренное
пойдешь забыть?
Вершин на вершинах,
на низинах

ədäsälaj
parıcalaj,
on-mu gunnəl,
zawurzalgan
əri, əri
turkumnıtkı.
Mittənuwər
zawurzaŋāt.
Saṭarıkān
cukəstəkin,
əzəlgən-lä?

Saṭarıkān
guskətəkin
əzəlgən-lā?
Saṭarıkān
turkurakın,
amaskīwar,
mugdərəra,
əzälgən-lä
mugdənmāttə
Duŋilduli
siŋilduli.

N. Bukıdaew

34

Aŋurakākun
orokonmı
şəgzə, gunnə

dırcējıcān
ŋuŋcakucān
əunmərān.

N. Bukıdaew

35

Ījа, ıja! əkīn zūr
saksaksəkumar.
Sadrakān turaldin:
murınkuku dıldıŋın,

sīktakata orandun
irginzīwi
nəksur-nəksur ōtcana,
ıksur-ıksur ōtcana.

мужья
парни,
как бы говоря,
запоет
к этой, этой
выступающей вперед.
Мы тоже
запоем.
Оленница
если захворает,
повёдет ли?

Оленница
к волку
поведет ли?
Оленница
если встретится,
не отпустили,
обратно не отпустим,
не станем
отпускать
по Дунгилу
по твоему
} припев

Н. Букидаев

34

Ангуракакун
оленчик мой
дикий, говоря,

при встрече
пороз (вдовец)
с боку зашел.

Н. Букидаев

35

Рог, рог! тетки две
кровавые,
Пташка говорит:
коня на голове,

прутика (сухого) на вершине,
хвостом своим
распуская вот так,
собирая вот так.

Şoŋoto (ənin)

36

Bədäk, bədäk:
ətirkər
ʉjili-wəl,
ərgili-wəl
dʉktəp
mʉjikəmi̇.
Ətirkər,
ətirkər
bʉtiləwətin

äwgạsäl
bəşälkəldʉ!
ıwgäsäl
bəşälkəldʉ!
təpʉliwɜaldəp,
oldonsī
təpulıwɜədəp,
təpʉrädät . . .

Şoŋoto (hʉ̈rkạ̈kạ̈n)

37

jäkətkän,
säwəraşka,
sajän-sajänsəkạl!

Sajargon oronmı
sajun şajansaldan.

Şoŋoto (hʉrkạ̈kạ̈n)

38

Ərä şona
ılalılın

sısakutkän
gekılaldän

Шонгото (мать)

36

Плачет плачет (заяц):
старики
выше ли,
ниже ли
не могли
добыть.
Старики,
старики
смерти

в стороне
берегитесь!
В стороне
берегитесь!
Побьем,
железом
поколотим,
чтобы побить.

Шонгото (сын)

37

Якутенок,
савраска
под копытом щель раздвой!

Щелевый олень
щель раздваивать начал.

Шонгото (сын)

38

Этой связки (юртяных жердей)
по верху

пташка
заходила.

O. Aeulewa

39

Solojım-bəl ədiştəkin,
turukānmı mandıkakun.
Əsıhım-bəl ədiştəkın,
solokī soloscāŋōw,

əjəkəkī əjāşciŋāw,
bargişkākī əjāşciŋaw!
Turukānmı mandıkākun,
lırgıwkānmı mandıkākun.

O. Aeulewa

40

Iŋəzārīl iŋäzəktın,
gowozorīl gowozoktın,
ŋktin, ŋktin inärə,
ācın mindu ənīnə-wəl,

ācın mindŋ amīnu-wəl,
əşim bīmi gooptıntın,
əşim bīmi iŋəptintin.
əŋəniwə gəwācäräş...

O. Aeulewa

41

Mindŋ ācın ənīnə-wəl,
mindŋ ācın amīnə-wəl,
nəkūnə-wəl ācın,
akīnə-wəl ācın,

amākäjə-wəl ācın,
aŋaqājə-wəl ācın,
nınakcānmı mukalcān

O. Aeulewa

42

dōwā dōwādə
dōwērı—dōwādə

jāhə—jāhədā
jəhə—jēhēdē

əḍəhər—əḍəhəra
ḍäḍəhər—ḍäḍähäraˌ

gōşa—gōşa
gōşən—gōşa
gōserı—gōşa

O. Аеулева

39

Сверху если подует,
мачта моя крепка.
Если снизу подует,
вверх поплыву,

вниз понесусь,
на ту сторону понесусь!
Мачта моя крепка,
весло мое крепко.

O. Аеулева

40

Просмешинки пусть смеются,
лающие пусть лают,
пусть пусть не смеются,
нет у меня матери,

нет у меня отца,
без иголок (я),
без наперстка (я).
Много просишь (желаешь)...

O. Аеулева

41

У меня нет отца,
у меня нет матери,
младших нет,
старших нет,

деда нет,
бабки нет,
собачка моя мукальчан.

O. Аеулева

42

Припевы для импровизированных песен, распеваемых во время хоровода „ьёхор — ьё“.

O. Aeulewa

43

Ənikəndu Duşkacändu
ācın ərijəjən
kətəkəkun zöncarkäw bī.
Ənikəndu Duşkacändu
ąmąlgäjə-wəl kuŋnəząŋąw
anγıdäduji,

ecandawı ŋukänzıŋąw.
Əmuŋdənun ŋəri bīγin,
zokıjän-məl ācın bīγin!
Əmuŋdənun ŋəri bīγin,
gəjəjən-məl ācın bīγin!

O. Aeulewa

44

Ərä ədu
nirəkəndu

irkincikən
dōwalzaldın.

N. Bukıdaew

45

Əni lāmu
boşoodun
calbakātkān

dılgudıja
bıdnı bīrąn.

S. Kowalew

46

Lāmu — lardı,
zapkajalın
multakacān
gırkuzaran.

Iјəmətjə ācın,
iŋəktəmətın
kıculgara

О. Аеулева

43

У матери Душкачаны
нет такого
много (хорошо) помню я.
У матери Душкачаны
парней буду обнимать
правой рукою,

в глаза понюхаю (поцелую).
Сердце светлым будь,
без красоты будь!
Сердце светлым будь,
без красоты будь!

О. Аеулева

44

Это здесь
во впадинке

бычок дикий,
рогами махая, ходит.

Н. Букидаев

45

Матери-моря
на северной стороне
березка

сочная,
видно, была.

С. Ковалев

46

Море — зыбь,
на берегу его
олененок
ходит.

Рогов нет,
шерсть
пообносилась.

***

47

ɥmɥldəwə ɥmŋəm,
sʉ̄ldəwə sʉ̄rʉm,
ılaldawə ılacım,
dĭldəwə dikəncəm,
tuŋaldâwə tukşam,

ɲuɣʉ̄ldəwə ɲurkuncam,
nadaldäwə nadıcım,
sapkuldäwə sapkaram,
jəɣildəwə jokotım,
sāldəwə sarıcım.

***

48

ɥmɥkən—ɥmŋəti,
sʉ̄r—sɥkɥsəl,
ılan—ıɣəliktə,
diɣin—dikşiŋə,
tunŋa—tukala,

ɲuɣun—ɲurkujə,
nadan—nakıta,
sapkun—saltuŋa,
jəɣin—jokōcān,
sān—sagdakān.

I. Komarıcın. Cēncā

49

Aktıran bimĭ,
ɥmun bimĭ,
samun bimĭ,
diɣin-sār tunŋa

anŋanīcı,
kordon äcạ̄w
təətcärə.

***

47

В первый день выше клал,
во второй рядом,
в третий поджег,
в четвертый спрятался,
в пятый убежал,

в шестой упал раком,
в седьмой отнекивался,
в восьмой берегом шел,
в девятый окуня съел,
в десятый подпевать стал.

***

48

Один — чайка,
два — выдра,
три — смородина,
четыре — черника,
пять — земля,

шесть — сиг,
семь — медвежина,
восемь — камень,
девять — окунь,
десять — сосенка.

И. Комарицын. Ченча

49

Темно мне,
один (я),
голоден,
сорок пять

лет (мне),
в кордоне не
сидел.

I. Komaricın. Cēncā

50

Amājaj! amājaj!
Dulumcırēt, dulumcırēt,
kuŋākār, kejkətcəmi̇,
iktārāṇą.
Amājaj! amājaj!

Dulumcırēt, dulumcırēt,
ədu-lu-wər jākəl bizārā,
sōŋkirāl, ərgidəkərdulin
dulumcırēt, dalumcırēt,
amājaj, amājaj!

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

51

Minŋi hutəw
āşcäldən,

eşakarbı
nimdiniksə.

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

52

ągdijäją dundąją
əhin gırkulara,

umukəndu̇k şılkıduk
amīkun bū̇zi̇yān.

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

53

Şagdıwa nada bəląmi̇
tārā amīkundu aja.

И. Комарицын. Ченча

50

Дедушка! дедушка!
Потихоньку, потихоньку,
ребятишки, блуждая,
нашли.
Дедушка! дедушка!

Потихоньку, потихоньку,
здесь якуты находятся,
под кустами, под ними
тихонько, тихонько,
дедушка, дедушка!

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

51

Мой сын
заснет,

глаза свои
защурив.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

52

По большой земле
не ходи,

от одного распадка
бог дает.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

53

Старому надо помочь,
то богу хорошо.

A. Nırguneew. Cōndak

54. Sulakī, ətirkə̄n

Ətirkū̄ ạmạrän, sulakī ạmạrän. Nuŋartın bakaldıra. „Ilạ̄ ətirkə̄n ŋänäzändı?“ — „Ụnmıktäl bımī“, amā gū̄nän. „Sụrụγəp“, gū̄nän: „minŋi buγalā“. Sụrụrän nuŋan. Bakacän kadarkākunmə. Kadardulā tụktirə. Əşīlə gū̄nän ətirkū̄: „Əri kadar“. Sulakī ədu äştän, sulakī gū̄nän: „ụkə̄lməcə̄ bişim“. Ụkəlimmän. Ətirkə̄kụn amardun ụkəldän, bucə̄.

A. Nırguneew (Bụltägir). Cōndak

55. Ụtän

Ụmụn bəjä bicə̄n asīcī. Asīn surkın bicə̄n. Asīwän dawdācātın jəγin murındu ırumı. Dawdäksəl, baldılcän ụtən, irəktə taskanadalän. Soŋocōn amīnīn, ŋənəzäcən oktomījolı, ulan murınma turgaldıcän mụŋụmə əməγəcīwə, mụŋụmə kadamārīcīwə, mụŋụmə bərägəcīwə, bukulın muŋụmə, uŋŋa sụlə̄lin ụktäsiγạwə, bulgedazıcānkākun, ulaja murın bişin. Tārä ụtəŋi amīnīn irgəwə əmụwcən ụtạdụwi. Zạptən ụtän; tunŋaldıcınun öksa, gerkulcän. „Amī, amī“, gụncə̄n: „ılan dawacän cāγıdıtın sinəwə wānäzıllän“... Əməzärän nınakın, gụnzärän: „Durıkıl kıŋızere, dawancak cāγıdıtın“.— „Əzən, əzən“, gụncə̄n: „minəwə-nun ạmī təzə̄rə, tādu dılıs özıŋän“.

A. Nirguneew. Cōndak

56. Sırunaj-Mērgēn

Sırunaj-Mērgēncī bicə̄n, Təcụlụn nəkū̄cī bəjŋə̄ja-nun manawkı, buγuja-nun buŋktawkı, soγono-nun soŋtowkı, lụkụcənə-nụn lụgdụwki, giwcənə-nun giwzụwki.

Koŋoja murıcī bicən, sụrụcən dawan ojolın. Dawan ojodukın icäcən āmutkānmə mụrụmụkənmə, bagdama mụ̄cīwə, altama əmkəricīwə. Ilan gaγ dōcazara. Sırunaj-Mērgēn gụncən: „Emajakīl bəjŋəl dōcazara?“

А. Ниргунеев. Чондак

54. Лисица, старик

Старик пришел, лисица пришла. Они встретились. „Куда, старик, идешь?“— „Мошка“, отец сказал. „Пойдем“, сказала: „в мое место“. Пошел он. Нашел скалищу. На скалу влезли. Теперь сказал старик: „Это скала“. Лисица здесь заснула, лисица сказала: „Покачусь“. Покатилась. Старичок за ней покатился, умер

А. Ниргунеев. Чондак

55. Сын

Один мужик был с женой. Жена беременная была. Жену его не могли на девяти конях везти. Не смогли когда, родился сын, (так что) лиственница затрещала. Заплакал отец, идет по дороге, рыжего коня встретил с серебряным седлом, узда серебряная, с серебряной плетью, все серебряное, перед грозовой тучей бегущего, [.....] рыжий конь. Того сына отец принес мозг сыну своему. Съел сын пятидневным ставши, начал ходить. „Отец, отец“, сказал: „Из-за трех перевалов тебя идет убивать“. Идет собака, говорит: „Стремена побрякивают за перевалом“.—„Хозяин, хозяин“, сказал: „Если мне не веришь, там голову твою отрубит“.

А. Ниргунеев. Чондак

56. Сирунай-Мергень

Сирунай-Мергенчь был, с Точулуном, младшим братом, зверей кончал, изюбрей-самцов убивал, изюбрей-самок убивал, лосей черных убивал, козуль диких добывал.

С черным конем был, поехал на хребет. С верха хребта увидел озерко круглое с белой водой, с золотыми берегами. Три лебедя сидят. Сирунай-Мергень сказал: „Какие звери сидят?“

Əjəkī sụrụcən, ŋənəsicən-nụn, ŋənəsicən, ororwo icäcən kətäkąkụnmə. Atırkäcän səwəkïlwi targıwsecän maluduwı. Koŋojo murınmı ụjicąn ırąktəduk, ṭımkadukın, sawacą, ılan beγawa äsäcän Sırunaj.

„Ēmajakī bəjä bisindi? Murındı-wal sąmụldąn. Emajakī bəjä bisindi? Egdawa äsändı?“ Täγäcən Sırunaj-Mērgen, täγäcən. Nuŋan täγäksə, gụncąn: „Ilaldawa äsäm“, gụnsänä, ılan beγawa ācā binnạ. Tārä atırkän ılan unācıcī bicən. Ṇargucaduj omolgīcī bicən, bəjŋąja-nụn manawkı. Sırunaj-Mērgen cajwa umcacän, atırkän gụncąn: „Bï kännun bụlạnsəm“.

Ṇargucaduj omolgīn ụmigdəwə əməwcąn. Sırunaj-Mergencīγı ihilcąn nuŋanmān. „Ilan unättukıw awguje-wal sınmatkal“. Ṇargucaduj kokolmocon gilgədụwi uγcān, bụlạnnəsimmän. Sırunaj-Mergencıγı koŋojoduwı ukcän. Ŋənəsicąl-nun, ŋənəsicāl, dıγin-sār ınakır sụlą̄γidụtin ụktisərä. Lụkụlācən ləksəlwətin. Taryıt kän əməsicən. Kąn torgıduwı uγıksə, səγinnụ daγaṇawān bụsəlin kəpcicən. Səγinŋụ esawān əwụrduwi təwụstạn. Ụŋimmän amaskākīwı.

„Jəγin cōŋkewə upkatwa. Duluγu cōŋkedu umuktal bişi, tarılwa lụkụləγər, awagu-wal nawkānmī dawdıseγāp“.

Sırunaj-Mergencī dawdıcān. Ṇargucaduj əŋän bicąn, ụγili dəγıktəsicąn kokolkōn oronduwı ṇaŋṇalı. Manawdan.

A. Nerguneew. Cōndak

57. Altanaj

Altanaj bicən. Bırawa əjąkąkï ŋənəsäcən, altama sawduwı, altama gurgaktacī altama ṇụrıktäcī, altama igdäwụcī igdisäṇą, ŋənəsicąn əjəkəkī bırawa.

Sụlą̄γisin ụmụn bəjä əməsäcąn əgdąkąkụn bəjä, bụlạtcinəkəkụn, ılmī, bụγąwə turgawkı, jārkə dəwdəsärän nuŋanmān, dəgdidąwi, aldınıwkıl algarīn.

Iṣṣə ŋənəsäcän, ŋənəsäcän, sūwa bakacän. Iṣṣə ŋənəsäcän, ŋənəsäcän, bəjä sụlą̄gdądụn solokōkurwa ụγirisäcąn kadarduk, əgdikəkụn bụkụkəkụn bəjä, bụγanı äsänin bagdama sụnin. Iṣṣə əjəkī ŋənəsäcąn siyidụk k. mnıwcän, amaşkākī amaşkākī mucuşcän Altanaj ənīndụlą̄wi.

Вниз (по реке) пошел, шел ли, шел, оленей увидел много. Старушка божков окуривала в (священном) месте (юрты). Черного коня привязал за лиственчицу, за (срединную) жердь (юрты) схватился, три месяца спал Сирунай.

„Какой человек? Конь твой проголодался. Какой человек? Чего спишь?“ Встал Сирунай-Мегрень, сел. Севши сказал: „Три дня сплю“, говоря, три месяца проспал. Та старуха с тремя дочками была. Няргучадуй сын был, зверей кончал. Сирунай-Мергень чай выпил, старуха сказала: „Я с ханом воюю“.

Няргучадуй парень (кабанью) самку принес. Сирунай-Мергень обдирать начал ее.

„Из трех девушек хоть которую выбирай“. Няргучадуй на коколмочоне, на быке поехал воевать. Сирунай-Мергень на черного сел. Ехали, ехали, сорок собак перед ними бегут. Выстрелил из лука в ноги их. Оттуда хан шел. Хан, на телеге сидя, левую руку за пояс заткнул. Левый глаз за пазуху засунул. Отправил назад.

„Девять дыр всего. В средней ямке яйца, те давай выстрелим, если который (нибудь) попадет победим“.

Сирунай-Мергень победил. Няргучадуй товарищ был, по верху летал на коколконе олене своем по небу. Кончилась.

А. Нергунеев. Чондак

57. Алтанай

Алтанай был. По реке вверх шел, в золотой лодке, с золотыми усами, с золотыми волосами, с золотой гребенкой приглаживаясь, ехал вниз по реке.

Перед ним один мужчина шел, большой мужик, в грязи увязающий; вставши в небо упирается, земля не выдерживает его, чтобы удержать, проваливаются ноги его.

Еще шел, шел, дом нашел. Еще шел, шел, человек впереди камнищи подымал со скалы большой, очень сильный человек, (того) места хозяин в белой шубе. Еще вниз шел, ехал, из чащи выехал, назад вернулся Алтанай к матери.

A. Nerguneew. Cōndak

58. Ŋəlbə

Ŋəlbə əŋə bicaŋ, zūr omolgīcī. Umun bəjä əməcāŋ nuŋandulān. „Sū ədu ēsaras, e, ēmajakī atırkān bişindi? Bələtməcān cuculaduwı işätcändi, səgdənnəduş baldıcāl lälbıktal". — „Utəl, utəl, utəl, esanal sämulsäsäγāp, bī sundu bərilasun ōsıγāw pərərijə pərdə, cirorija cırdo".

umun omolgīcān lukulācaŋ, cıroruwa cırgadarcādalān, ənindulāwi ŋänäwcaŋ. „Cıroruwa wām", guncān: „pərirwə pərdə guncəw"...

Ŋəlbə əŋə bicān, bələtməkān cuculāduwı cājwə cajımcān, şəwəkīlwi cacusacān. umun bəja əməksə, omolgıwan gəlācaŋ. Bī nuŋandun bucīγaw". — „Bī sindu tārä sarın tamasıγāw ēja-wal gələrīläş-nun" — „Mindu asırgajaw budāwi, mindu gilgəjəw"...

A. Nerguneew. Cōndak

59. Ənikucān boroвejnun

Ənikucān boroвejnun burdukwa tarelcātın. Ənikucān tukalaŋŋawar ulālcaŋ maŋalsıwı. Boroвej zorokoşcān oro siŋiləwār. Ənikucān guncān: „Cowokīlwı səmkədələtin ulācāw tukalawa". Boroвej: „Bī butildukwi-nun jūsänə, zorokuşcesecāw oro sıŋkərəwāl". Butəcātin, tarecātın, kowwecılcātın. umun oros ələcān, ənikucān, guncān: „Maŋalwı manacā bişim". — „Bī boroвej zorokunsecāw butiləduкwi araj jūsänə, bı sindu ətām būrə oro siŋimmi" — „Əsikis-nun burə bulənŋār. Bī orlowo gasuzıŋāw orloo-kānmə".

Ənikucān guncān: „Gēγwa gasuzıγāw, dəγiwkilwə upkatwa tawzıγāw, bī jārkəlī tuttuwkilwə, kutilwə, guskəlwə, sulakīlwa, zantakīlwa, murdukəlwə, omkucārwə, bəjālwə, soloŋolwo, zāləkīlwə, urikālwə, dorokolwo tawzıγāw".

Bulāncātinnun, bulāncātin, orlo-kān murdukəwə geγdacān asakīwı təkcā. Orlokān umun bəjəlā əməcān. „Asakīwāw təkcəttən bulāndu dawdıwum". Bəjä guncān:

A. Нергунеев. Чондак

58. Нголбо

Нголбо мать была, двух сыновей (имела). Один человек пришел к ней. „Вы здесь что делаете, что за старуха есть? На раскаленном железе (спину) греешь, на спине твоей вырос мох".—„Дети, дети, дети, что делая проголодаемся, я вам луки сделаю, фыркающую птицу, чирикающую птицу (чтобы убили)".

Один парень выстрелил, чирикающую убил, к матери принес. „Чирикающую убил", сказал: „фыркающую убил (?) говорю".

Нголбо мать была, на раскаленном железе чай сварила, богам брызнула. Один человек, придя, парня просить стал. „Я ему отдам".—„Я тебе за то заплачу что попросишь".— „Мне жеребца отдай, мне быка..."

А. Нергунеев. Чондак

59. Мышь с воробьем

Мышь с воробьем хлеб сеять начали. Мышь землю рыть стала лапами. Воробей отправился воровать ржи семена. Мышь сказала: „До изнашивания лап рыла землю". Воробей: „Я, от смерти уходя, воровал ржи семена". Кончили, посеяли, стали делить. Одно ржи семя осталось, мышь сказала: „Лапы свои кончила (изорвала)". — „Я, воробей, воровал от смерти едва уйдя, я тебе не дам ржи семя". — „Хотя и не дашь, повоюем. Я орла приведу. Орла-хана".

Мышь сказала: „Ястреба приведу, птиц всех соберу, я по земле ползающих, медведей, волков, лисиц, рассомах, кабанов, мышей, людей, хорьков, горностаев, сусликов, барсуков соберу".

Воевали, воевали. Орел-хан кабана ударил, крыло сломал. Орел-хан к одному человеку пришел. „Крыло мое сломалось на войне, победился". Человек

„Buγawa turgucasarī irəktə bizärän, buγawa turgucasarī". — „Minəwə irgitkəl ilan anŋanīja, ilan anŋanīduk iraktəŋməsun gēgdasiŋāw, jaŋurasəŋān, nolturasəŋān".

Ilan anŋanīwə bicạ̄n, gēgdanāşcān. Gēgdacān, dāwdacān. Soŋocōn, sụrụmmān kəcən mənŋi buγalāwı, əsạ̄nmi gụncən: „Bụkạwạ ucelākạl, nandadu ụldạwạ̄n taummen minŋi ojaduw nədạ̄wi, ụləksə. Gälāldạkiw-nụn, bụ̄ŋnəkəl ajaduw namadāwı, mənikən ugdāwı".

Dəγilcātin, dəkcạ̄tin-nụn, dəkcạ̄tin-nụn, bụkəŋmar manacātın, orlo samụlcạ̄n. „Algandukwı, amargıdukwı mīşiniksə, səptāw, bụ̄kəl", nuŋan gụncən: „Alakākun sinŋi ụldəs!" Ər-nụn mınasawkı, amargıwān ənụldən.

A. Nerguneew. Cōndak

60. Bejä

Ụmụn bəjä bicạ̄n, sụ̄r omolgīcī bicạ̄n. Andacī bicạ̄n. Sụ̄r umuktalwa bakacān, dukuwcālwə bakacān. Andan gụncạ̄n: „Wākạl, bukulıkānsī ụləmmạ̄n, nī-wəl ənŋan səptə, miti sụ̄ri sạpiŋạ̄t".

Sụ̄r amalgīn dukundu tatıgātcıcātın. Sụ̄r amalgī əmạcātin, tar dạγiwə sạpilcạ̄tin. Sụ̄r amalgıcān hunāt nụkụ̄ntin bicạ̄n. Hunāt gụncən: „Dəγiwə ụkitəlduk urıssıγāw sạptəksi-nụn". Gụncən kupes: „Sụ̄r omolgīcānmạ gasukəl". Unāt gasussan. Hunāt ŋənəscən, sụ̄r omolgīcān əmuwdạn, soŋolımmen kəcən. „Edāwı soŋosendı?" Gụncən aknīlın sụ̄rin. Nuŋan gụncən: „ụkitəlduk dəγiwə urıldāwı kəsərān". Sụ̄r omolgıcān ətạ̄rə ŋənärä. „Bụ̄ tuksansıŋāwun, ēsalwun ırtikī icättä". Ŋənəcän amīndulāwı „Əcə əməsärä", gụncən.

Sụ̄r omolgīcān ŋənəsäcạ̄tin, ŋənəsäcạ̄tin, ılan gụlụpkə dägsärä sụlə̄γidilin. Urıgdandu dōcāl əmkərdụn. Sụ̄r bəjä tāräl, sụ̄r bəjātkən, nuŋartın ụrmātcātın, əlbəskətcārilwə, ılan unātkār tärāŋıltın. Ulitkụnŋi unātụ̄ı jụpkəlwə ụmụn amalgıcān sajecān. Unātkān gələktälcān, tāduk bəjātkən bakacān sajetcāwə. Hunāt gụncən:

сказал: „Небо поддерживающая лиственница есть, небо подпирающая".—„Меня покорми три года, после трех лет лиственницу вашу ударю (так, что) сломается, развалится".

Три года жил, пошел ударять. Ударил, не смог. Заплакал, пошел в свою землю, хозяину сказал: „Быка заколи, в кожу его мясо затолкнув, на лоб мне, положишь, сварив-ши. Если я попрошу, дай, на лоб мне навьючь, сам сядь верхом".

Полетели, летели, летели, быка кончили, орел проголодался. „От ноги моей, от задней отрезавши, чтобы поел (я), дай", он сказал: „Сладкое мясо твое". Все резал, задняя нога заболела.

А. Нергунеев. Чондак

60. Человек

Один человек был, два парня было. Друг был. Два яйца нашел, исписанные нашел. Друг сказал: „Убей, целиком свари, никто не съест, мы двое съедим".

Два парня грамоте научились. Два парня пришли, ту птицу съели. Двух парней девушка, младшая сестра, (у) их была. Девушка сказала: „Утку из животов вытащу (хотя и) съели". Сказал купец: „Двух парней приведи". Девушка пошла (за ними). Девушка отправилась, двух парней привела, плакать стала. „Чего плачешь?" сказали братья два. Он сказал: „Из животов утку вытащить собирается". Два парня не пошли. „Мы убежим глаза куда глядят". Пошла к отцу „Не идут", сказала.

Два парня шли, шли, три голубки летят перед ними. На глубоком берегу сели. Два мужика те, два парня их скрали купающихся, три девочки те (оказались). Маленькой девочки юбку один паренек спрятал. Девочка стала искать, потом парень нашел спрятанное. Девушка сказала:

„kuluвəkų вucān ərə, kuluвək oktolı mukārdäzıγān, вodozedāwə-nun, вodozedāwı, kuluвəkwə minəwə вakazeŋās“.

Ŋənəzäcąl-nųn, ŋənəzäcąn, ışcāl zūkākur kətə, zūl kətäkąkųr. Umųn zūkāndulā īcątin. Umųn atırkākān təγäccärän. Suracāl вəjätkąr tārä: „ŋīŋil zūltın?“ „Kāŋıl zūltın tawarcıla“. — „Ŋənəzärəp“ gųncątin. „Ŋənäkäldų“, gųncąn. — „Ajaksə ŋənəmī tālā“.

Kān əməcąn, gųncən: „ämącąl вişis ılan unättukıw, targacınmə gųndąwi: tärälwąnun əmmi ŋənärä, вī sinəwə wäzıŋāw“. Ŋənəcə вəjətkən tärä zūldulā. Ilan unätwə okoşkolı təγətcərīlwə icäcən.

„Gulupkəl öksal, dəγiktälzīγąwųn, sigdilāli dözıγāwun, вī duluγu unät вişim, asakītwı kaptäcəzıγāw“. Nuŋartın hacätın dəγilcątin. Nuŋan omolgīcān sāməhıcān. „Awgu unätwə gazandı?“ Nuŋan gųncən: „Duluγuwə gazıγāw“.—„Əsikin-nun ŋənärə, nəkəndi gakal. Unätwu ēja-wal gųnəkiw, ödāwı əsikis-nųn öra, вī sinəwə wäzıγāw. Talgänəjə täräkąl, kiltinəjə kiltirəŋkäl, tımätnə ırımmen, əmərəkiw-nųn вəllän вiŋnən“.

Soŋozono, atırkändulāwı əməcən. „Atırkān, atırkān“, gųncən. γoŋkozıŋāp“. — „Əksəkākəl-wəl soŋoro sī, miti tuksaŋnār sinŋi вuγalās“.

Tuksancāl. Ŋənəzäcąl-nųn, ŋənəzäcąl вırawa solokōkī, amaskīwar əssəncəl, gaγkākun asazerän. Nuartın oldol öksal, mū döndulın ugduscātın. Tärāŋıtın mucuşcān, kānılāwı ŋənəcąn, ətirkūwə ųŋimmän kān.

Amaskīwər əssəncətin, asazāw-də ətirkųdų, ųmnəjəcən uwuscān — zūw öcän. Zūldu täräl mųrgųzärə вəjäl kətäkəkųn. Kųti ŋənəcąn, ŋənəcąn, gųncən: „ēzaras, ezaras?“ Nuŋartın gųncätin: „Mųrgųzärəw“. Kųti mucuscān mānŋi вuγalāwı ışcān, īrąn kāndulā. Kān gųncən: „Bokondı-γu?“—„Əşim. Bəjäl zūdu mųrgųzärä zūkakāndu ēmajakīdu-wəl əgdikąkųndų, tärāŋıldı ųwəj, əşim вakara, mānəkən вokotkol, вokondıjewı ilkəkəl-kə“.

Bokocoktoduk sųrųcən. Bokocıtcō-nun, вokocıcōn, torgodu uγıksə. Mųrdukə unäzıγın ųwųscən, mųrgųkə öknamın tiγissiŋimmän. Tiγiscən, zųlēγizin. Nuŋan' dēgzäcən, surkatwı surkadāşcān, zəγinŋų asakīwän landu. Tärāŋın soŋocōn, mucuşcān. Surucātin täduk. Ŋənəzäcätin, ŋənəzäcätin adı-wal anŋanī-wal algąr-wal ənuldələtin,

---

„Голубок пропал этот, голубок по дороге покатится, иди (за ним) иди, голубка—меня найдешь“.

Шли, шли, дошли, домов много, домов много. В один дом вошли. Одна старуха сидит. Спросили парни ту: „Чьи юрты?“—„Хана юрты те-то“.—„Идем“, сказали. „Идите“, сказала: „Хорошо как будто итти туда“.

Хан пришел, сказал: „Пришли от трех девушек если, такое скажите: если по тому не пройдете, я тебя (вас) убью“. Пошел парень в ту юрту. Трех девушек, у окошка сидящих, увидел.

„Голубками сделавшись, начнем летать, на улице сядем, я средняя девушка есть, крылом замахаю“. Они взяли (и) улетели. Он, парень заметил. „Какую девушку возьмешь?“ Он сказал: „Среднюю возьму“.—„Если не пойдете, младшую возьми. Девушке что-нибудь если скажу, чтобы сделать, если не сделаешь, я тебя убью. Хлеб состряпай, сухари сделай, завтра (чтобы) поспели, когда приду, готовый пусть будет.

Плача, к старухе пришел. „Старуха, старуха“, сказал: „понесем (пойдем)“. — „Перестань плакать ты, мы убежим в твою землю“.

Убежали. Шли, шли по реке вверх, назад оглянулись, лебедь догоняет. Они, рыбами сделавшись, в воду внутрь влезли. Тот (лебедь) вернулся, к хану пошел, медведя отправил хан.

Обратно оглянулись—догоняемы медведем, разок дунула—дом стал. В домах тех молятся люди, много. Медведь шел, шел, сказал: „Что делаете, что делаете?“ Они сказали: „Молимся“. Медведь вернулся в свою страну, дошел, пришел к хану. Хан сказал: „Догнал ли?“—„Нет. Люди в доме молятся, в домище каком-то большом, тех нет, не догнал, сам догоняй, догонишь, может быть, попробуй“.

В погоню ушел. Догонял, догонял, на телегу севши. (На) кабана дочь его дунула, кабан [. . . . .] стал караулить. Подкарауливал спереди. Он летел, клыком зацепил, левое крыло долой. Тот заплакал, вернулся. Пошли потом. Шли, шли сколько-то лет, пока ноги не заболели, пока пятки не смозо-

agdıkīldulıwar səmkəldələwər. Tārāŋıltın gənəscətin mənni вuɣalāwı, asakīwı dam-
вıcıwuksə, ıscān вuɣawı, ụsməlcə вinə. „emajakī вəjäldulā orrocōw, mənni cinəm
dawdam, hərkəmī bārą“, gụncą̄n: „ōṇakī вəjŋə̄ вəjŋə̄lə orrozokıw kərrənäk, mənṇ:
īlə̄ gırkunmı, aldammen, əsīlə̄ əzəlim taduɣla, meɣanmı əsin ələktārə, ŋäläṃų kərụkụj
Tartı koron.

S. Baksanaew (Turujaɣır). Cıpa

61. Baɣatır

Baɣatır вicə̄. Bəjä вicə̄ вaɣatırdu, awalılcā вəjä. Baɣatır murınīn вicə̄. Baɣatır
irəməssə, вəjäwə gūcə̄: „Tar cukaduk ụlikənə murınduw ụlidəwı“. Uli ŋənəwcə̄,
murın zəpilcə̄, manācā, əcą̄ tancımī, mūlą̄ ŋənəwcą̄, mūwə umılcā murın, manacā,
murın gūcə̄: „əṣīlə̄ вaɣatırdu вūzälzəp, misəɣą̄p“. Ukca da misəcą̄.

Tālā ŋənəcą̄. Tāduk tägą̄ urupcän, вəjä gunzärän: „ụməkəran вəjäŋilə zūra
вakakäl“. Murındulāwı ŋənəcə̄, tụɣı gụnzärə, murının gụnän: „sendulıw ugduskal,
вagdamawa umuktawa zəpkəl, gelıw sēndulıw ugduskal, koŋnomowo umuktawa
zəpkəl, sụrụɣū̄r aritnāskār вukatırwa jəɣin dılıcīwa, wānäɣär“.

Sụkəcą̄nmə tunŋa-zār pụdicīwə ŋälcā, əɣəjilcą̄, tụligidəlln gerkuzanā. Ər-kə
lụpəlicə̄ jəɣin dulılīn, upkacın sələmə tətkən nıkımṇaklän, atasazerän təpuskənti
təpụlicə̄.

S. Baksanaew (Turujaɣır). Cıpa

62. Sulakī

Sula вicə̄ əвəjkəkụn вakaldıcal. „Amīkān, naktankānduw ısıtcanāɣār, iləkəndu
kadardu tụɣı kəɣər“.

Ŋənəcəl. „Amīmīkān, вi ŋēgu вiktə tatıkānzıwı, sī diɣụ вikəl“. Āscāl. Amīmīkān
ụkəlsiɣą̄tluɣər“. Āscāl. Tolkıcılcā tārdāt liglilcą̄. Sula diɣidələn copkoruscā. „Amī-
mīkān, ụkəlməcą̄ вiṣim“. Uɣiskī ōsatcā əвəjkəkụn pəkənti anacā, kadarduk ụkəlcə̄.

лили. Те пришли в свою землю, крыло изломавши, дошел до земли, голодный
будучи. „К каким людям попался, своей силой поддался, связать не могши“,
сказал: „К какому зверю, зверям когда попался [. . . . .] свое тело ходя,
изломал, теперь не буду там, сердце мое не вынесло, грех какой“. То конец.

С. Бақсанаев (Туруягир). Чипа

61. Богатырь

Богатырь был. Человек был у богатыря, начал работать человек. У богатыря конь был. Богатырь пошел в гости, человеку сказал: „От той травы немножко коню моему есть дай“. Немного принес, конь есть стал, кончил, не жует, к воде свел, воду попил конь, кончил, конь сказал: „Теперь богатырю дадим (и) скроемся“. Сел верхом да исчез.

Туда пошел. Потом народ собрался, человек говорит: „Пальцы человеческие два найди“. К коню своему пошел, так говорят, конь его сказал: „В ухо мое влезь, белое яйцо съешь, в другое ухо влезь, черное яйцо съешь, пойдем искать, пойдем, богатыря девятиголового пойдем убивать“.

Топорище пятидесятипудовый в руки взял,спустился, по улице идя. Вот выскочил девятиголовый, вся железная одежда его до шеи, нацеливается, битьем стал бить.

С. Баксанаев (Туруягир). Чипа

62. Лисица

Лисица была, с медведем повстречалась. „Дедушка, на солнцепеке спину греть пойдем, на вершине скалы так сделаем“.

Шли. „Дедушка, я ниже буду по привычке, ты выше будь“. Заснули. „Дедушка, как бы не скатились“. Спят. Сон видеть стал (медведь), потом захрапел. Лисица через него перелезла. „Дедушка, качусь (я)“. Вверх встала, медведя в бок (?) толкнула, со скалы скатился.

Ŋənəcą, ikcə, mōmanajilwān moŋolōcā, irgiwi ųcicą̄ sųkəli sųrųcə, ayıkākurwə вakacā. „Gəjəkä, gəjəkä sulalaj, ēduk tawarılwa kącąs?“ Amtakālduwal minəsca. „Sulalaj, sulalaj, alakä, alakä! ōnı kəcaş?“ — „Bī sukəwi, dųkcāw irgiwi əjīcəmmän, əril вaldıknantın, sųkədų doŋoldıcacāw“. — „Bųo-dą tųγi kəkwųn silвątkąl“. Dukcā, əjicəl irgilwər doŋotoldıcāl. Sulakī ųtkānmi ıŋadu вųrųskątcärän. „Sulalaj! Sulalaj! əməkəl gildikə, ōkın вaldızıγātın?“ — „Bītəkąn ōkaldı, sō əcisųkr'„

Utkānsiwi təktəlcən, ųınųkānmə cokıdācā, diγin əŋniscą sūrəwəcakıdācā, nıkımŋalın əŋnıscą, ılanma cakıdācā səgdəlin əŋnissą, diγitin irgiwi pəsi mnək misəcą.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

63. Carcıkān

Carcıkān вicə, sūduwı вidącą. Maŋı sūlā əməcə, Carcıkānmə səptəwi. „Ammīkān“ gūcə: „Ʒūwa amŋaduwi səpildəwi, sēwaksakārdı, iltikārsī səlıksä. Barawugdadāwı ųtəməwəw“. — „Ajat sōnmuran“. Karmandulıwı nācə, sālą̄wı ŋənecə maŋı. Sųnmi lukcā, sūduwı lokocō sųnmi. Carcıkān вisācə. Maŋi kųcųləscə. Sųrądąkin, amaltalcā Carcıkān. „Cımulcā, cımulcā maŋı“, ųtəlin kəlcəl ciwsänäl. Mənəkər gakaldu“, gūcə. Gācāl. „Amīn kotowōn əməwkəldų. Əli, əli ılaŋı təγəkəldų daran“. Ilaŋıwə təktəssə kawkaldulıtın īkcə, ųldągicą. Ilan dılwa nųriktąlwą icą̄wcą̄sänə, nącə, kalandutın ųldəlwətin əjicə. ųmukən akīkānmə sılacā mululıtın. Mąlųγızıtın вizəcə. Əməcə. „Əhə-hə! ųtəlwə вələnikətcəl carcıkācā miwə“. Akinmə səpilcə. „Mēwan! mēwan! ēdawı tanındı Carcıkā gamıt. ētacaāw вicę? ųtə səpilgər“. Carcıkānmə uldaduk muktulajdukın ųγircə „Əhə-hə! Carcıkān ēlacāş — Ədu! ədu! Amīmīkān вizəm“. Tuksacā. „Carcıkān! Carcıkān idləndi?“ — „Ədu, ədu? вizäm amīmīkan ēli, ēli kədəŋnəndi?“ Carcıkān dılıt pųrųlilcą̄, toskontı əŋnissą kotozıвn, misəkąkutca.

Пошла, ободрала, кишки вытащила, на хвост намотала, по льду пошла, волков нашла. „Милая, милая лиса, откуда же достала?“ Для пробы отрезала. „Лисичка, лисичка, вкусно, вкусно, как достала? — „Я лед прорубила, хвост опустила, пока эти не выросли, во льду морозила“. — „Мы так же сделаем, укажи“. Продолбила, опустили хвосты свои, замораживать стали. Лисица нож на песке точит. „Лисичка лисичка, приди, холодно, когда вырастут?“ — „Немножко подождите, очень скоро не поспеют“.

Ножом ударила, одного изловила, четырех рубнула, двух изловила, по шеям их рубила, трех изловила, спины их рубила, четвертый, хвост оторвав скрылся.

С. Баксанаев (Туруягир). Чипа

63. Чарчикан (бычок)

Чарчикан был, дома вырос. Медведь в дом пришел, Чарчикана съесть чтобы. „Медведь“ сказал: „Дом втом съешь, с гнилушкой, со старой гнилушкой смешав. Съешь (?) детей моих“. — „Хорошо напомнил“. В карман положил, домой пошел медведь. Одежду снял, дома повесил кафтан свой. Чарчикан жил. Медведь пошел за гнилушками. Когда ушел, обделался Чарчикан. „Стал жарить, стал жарить медведь“, дети его сказали, облизывая. „Сами берите“, сказал. Взяли. „Отца нож принесите. Здесь, здесь сядьте трое рядом“. Троих зарубив, по шеям разрубил, мясо освежевал. Три головы волосы показывая, положил, в котел мясо опустил. Одного старшего поджарил на вертеле в почетном месте юрты. На этом месте был. Пришел (медведь) „Охо-хо! Дети сварили Чарчикана“. Старшего есть стал. „Сердце! сердце“! почему тянешь бычка взявши. Для чего его есть? Ребенка съедим“. Чарчикана за кишки мяса поднял. „Охо-хо! Чарчикан, ты где?“ — „Здесь, здесь, медведь“. Убежал. „Чарчикан! Чарчикан! где спрятался?“ — „Здесь, здесь, медведь, за что, за что сердишься?“ Чарчикан головой боднул, голову отрубил ножом, убежал (без головы).

Tuksacā, tuksacā atırkānmə вakacā. „Ənîmîkən, maŋıdu asawзam, ụtəməwəw вụcạ̄“.— „Litəwkəwi əriwə gụndạ̄wi: Sıγı ōkal dam-dak“. Tuksassan. Ərdạt вokolcō maŋıkākun. Sıγıkākən mudanə ụγāj: „Ōkal kaduwunə ụγəj“, gūnə, kərän opeṭ tuksassan. Ərdạt maŋıkākun вokoldon. „Ụrạkəkən, kadarkākun mudan uγəjəkạ̄n. Sụkəcạ̄nụ-γụ uγāj“, gūnə kərän. Opeṭ tuksaзecā. Ərdạt вokolcō. „Bırakākən mudana ụγāj. Ōkal oŋocojə-γu ụγāj!“ gụnnəkərän. Opeṭ tuksassa.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

64. Sula, cıwkān

Sulä вicən. Cıwkā вicə̄, ụtəkərin tunŋakān, umukīn ırəktədu ụγilā. Sulä зəptən nādə. „Cıwkā, ụtəldi adı?“ — „Tunŋa“.— „Cıwkā, tunŋīwı вū̆kəl“. — „Ətəm, ətəm“.— „Cıŋızıŋāw, tuktızıŋāw“. Ụmụkənmə вū̆cə̄.

Sulä opeṭ sụrụcə̄, opeṭ əməcə̄. „Cıwkā, adı ụtəldi?“ — „Diγin“ — „Bū̆kəl ụtəlwi“. — „Ətəm, ətəm“. — „Mụkụrəkụ mụgdạkạ̄nidụs mụkəзiŋāw, cəkụrəkụ cəkcəkənidụs cəkəзiγạ̄w, cıŋızıγāw, tuktızıγāw“. Bū̆cə̄. Sulakī sụrụcə̄.

Cıwkān ụtən ụmụkən ōcā. Cıwkān soŋolcō. Ər-kə inụkī əməcə̄. „ēda soŋozondı, cıwkān?“ — „Sulämija ụtəlwə зapcạrän, gụnzänə: cıŋızıγāw, tuktızıγāw, gụnzänə“.— „Sī gụndạ̄wi, əmərạkin: ēkunŋıtwe tuktızıγāş, ēkunŋıtwı cıŋızıγāş?“

Opeṭ əməcạ̄. „Cıwkā, ụtạl-dạ adı?“ — „Ụmụkəkən“. — „Bū̆kəl ụmụkəkənmi“. — „Ətəm, ətạ̄m“. — „Cıŋızıγāw, tuktızıγāw“. — „ēkunŋıtwı cıŋızandı, ēkunŋıtwı tuktızandı?“ — „ēkun alagucān sinəwə, cıwkā?“ — „inəmijạkī“.— „ĭlạ̄ sụrụcən inəmijạ?“— „Bosōgācōnmı, kardulāwı uwgahıncaзınaca“.

Sulä sụrụcə̄, inụkī uwgasıncaзerän. Ụrmācā, cokıdācā, вụkəlikạ̄nzī nimŋəc. Sụrụcə̄.

„Kə! Sulämīja, amŋawı aŋ̄ācạзäkəl, ŋənəзäkäl, nuŋnakīkar kəŋ̄əзädạ̄tin“. Amŋawı aŋ̄ācəзänə, ŋənəltänạcə̄, dəγilcə̄.

Бежал, бежал, старуху встретил. „Бабушка, медведем преследуюсь, дети мои умерли“.— „Литовке этой скажешь: чаща сделайся, дам дак!“ Убежал. Сразу догоняет медведь. Чащи конца нет. „Сделайся без конца“ говоря, опять побежал. Сразу же медведь нагоняет. „Гора, скала без конца. Без топора“, сказал. Опять бегут. Сразу нагоняет. „Речка без конца. Сделайся без лодки!“ сказал. Опять бегут.

С. Баксанаев (Туруягир). Чипа

64. Лисица, пташка

Лиса была. Пташка была, детей ее пять, гнездо на лиственнице высоко. Лисе есть надо „Пташка, детей (у тебя) сколько?“—„Пять“.—„ Пташка, пятого дай“.— „Нет, не дам“.—„Подрублю, влезу“. Одного дала.

Лиса опять ушла, опять пришла. „Пташка, сколько детей (у тебя)?“—„Четыре“.—„Дай деток“.—„Нет, не дам“.—„На круглом пеньке гнильем вонять буду, на кочку кочковатую сяду, подрублю, влезу“. Отдала. Лисица ушла.

У пташки детеныш один стал. Пташка заплакала. Вот рябчик пришел, „Чего плачешь, пташка?“—„Лисища детей поедает, говоря: подрублю, влезу говоря“.—„Ты скажи, когда придет: чем влезешь, чем подрубишь?“

Опять пришла.„Пташка, детей сколько?“—„Один“.—„Дай одного“.—„Нет, не дам“.—„Подрублю, влезу“.—„ Чем подрубишь, чем влезешь?“—„ Кто научал тебя, пташка?“—„Рябчик“.—„Куда ушел рябчик?“—„На север, в снегу пролез“.

Лисица ушла, рябчика по следу нашла. Подкралась, бросилась, целиком (ртом) схватила. Ушла.

„Ну, лисица, рот открой, иди, гуси хвалили чтобы“. Рот открывши, пошла, вылетел.

Lēna. Dudowka. Cancur

24. Takıcān mụnụsärän? (Oŋokto)
25. Gē gụnsärän: ŋənīsäktə; gē gụnsärän вisäktə? (mū, solo)
26. Dụwụtkən sū̆r bəjụr tawgıjajıdun təwətcərə? (karuka)
27. Taktıkāydu amakal tuγəəktəsärə? (kụmkəl)
28. Ṇarutkāndu nikə-nikə tıhaktəsärä? (kowurda, aladı)
29. Atırkān hıkaṇajı iγim-pəγimnə вiŋki? (uwəl)
30. Takıcākān hərgilin ımanṇa əŋki hụlụrə? (kərəmụn)

D. Polın Lēna. Sēwıkān

31. Aja bəjä ŋənäŋki ūsaja ācın? (saw)
32. Aja bəjä, mụkənın, mụγi? (pəktirəū̆n)
33. Bəjạkụn kamnıdu suşkakān ụwiəlạ̄, bəjäkụn jū̆llän, tıkcən dụnnilạ̄ dılıtpı, səgdənnəwi cikəs? (amun)

Kıreŋa. Murınṇa

34. Aja bəjā, suwanīdu mukcakalaŋkı, tụwạnīdụ aramuslaŋkı? (oron ijəlin)

Kakıγır. Witim-Muja

35. Bụjụkụn вırawa ōdaserän ərän āsäna? (adıl)
36. Sū̆r sạli gukcānsäran? (algar)
37. Sa̍n bəjä dılılsīwar turgucamāccırän? (sūkca)
38. Bī kəm, bī kəm gụnsärän? (ŋālạ)
39. Sān ahī təγətcərə urgəgdəməkin? (ụmụkəcạ̄r)

Лена. Дудовка. Чанчур

24. Колода гниет? (нос)
25. Один говорит: пойду; другой говорит: останусь? (вода, камень)
26. Маленькой горы два зверя по обеим сторонам сидят? (уши)
27. В кедровнике медведи зимуют? (вши)
28. На озере утята плавают? (сковорода, оладьи)
29. Старушка зад греет? (загородка у огня)
30. Под колодой снег не тает? (белка)

Д. Полин. Лена. Севикан

31. Хороший мужик идет—следа нет? (лодка)
32. Хороший мужик—зад воняет? (ружье)
33. Мужчина на скале, развилина наверху, мужчинище вылезает, упал на землю головой, спину сломал? (экскремент)

Киренга. Муриння

34. Хороший мужик, летом шубу надевает, зимою летние унты? (оленя рога)

Какигир. Витим. Муя

35. Изюбрище в реку стреляет крича, кричит? (сеть)
36. Два налима соревнуются? (ноги)
37. Десять мужиков головами подпираются? (юрта)
38. Я да я, говорит? (рука)
39. Десять женщин сидят беременные? (пальцы)

Тунгусские сказочники
(в зарисовке автора)

Д. Полин

Д. Полин

Шонгото
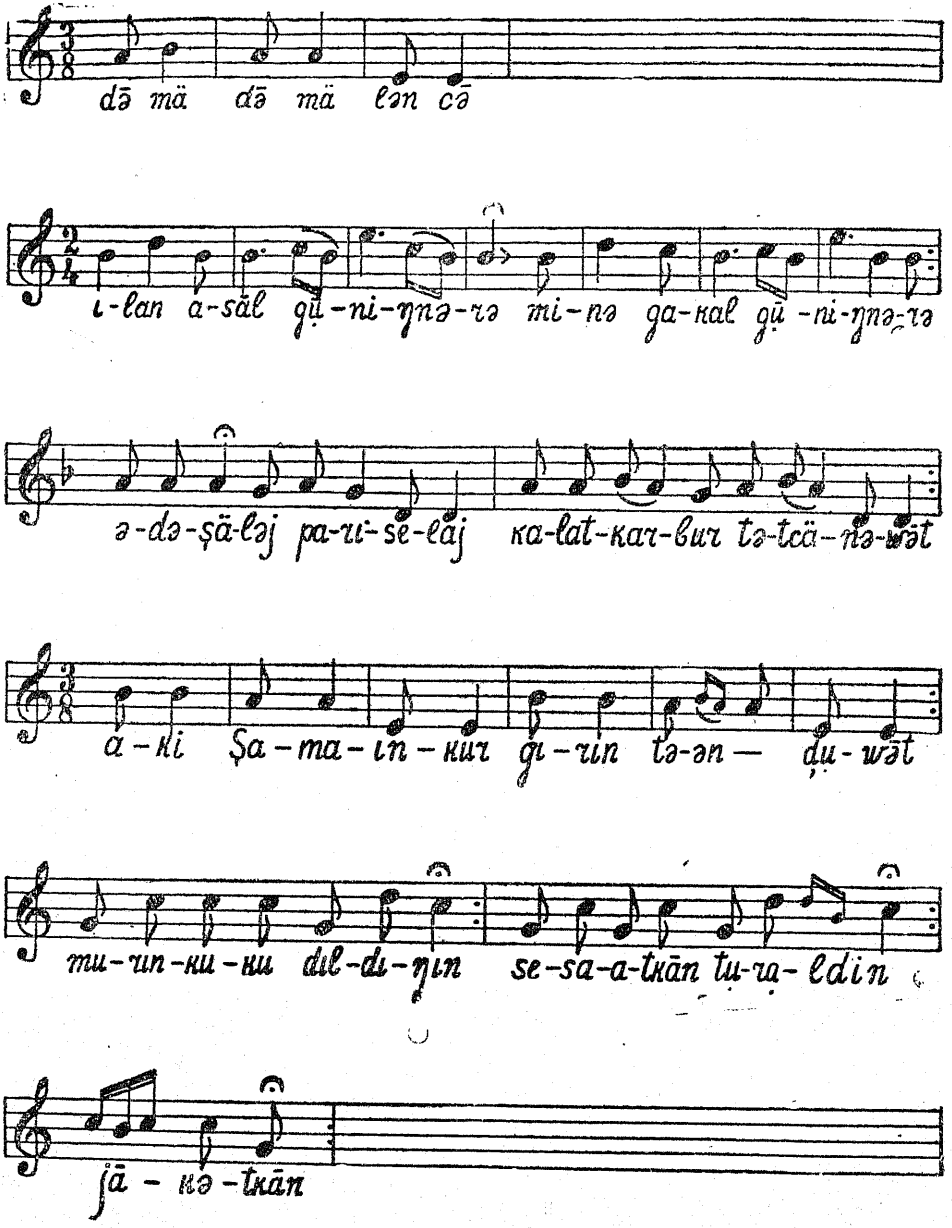

Я. И. Аеулев

О. Аеулева

Образцы мелодий[1]

[1] Приложение к текстам Е. И. Титова №№ 20, 23, 25, 26, 35 и 37.

В. И. Левин

ДВЕ СКАЗКИ АЯНСКИХ ЭВЕНКОВ[1]

I. W. Karamzin (Makagir). Ajan

1. Nimkān

Dulin вuγa äläkäs oγsacā. Dulin вuγa ālәkәs nitkūn вicą. Nuŋan mōja ācin вicā. Elan anŋanī mōja. ācin вicā. Tāduk cāskī mān ələkәs baldicā. Tādu вira ōwulran. Tar вiraŋ icirąkiw, mų̄lkąn ōwki. Icisaki вimī, sololkōn ottan. Kalisima kiragilkān ōwki. Jēγarī jēksalkān owsacā вicą. Marиwkarī maruktalkān ōsacā вicą. Kinkir kiti āmųlkąn ōwsacā вicą dulīn вuγa. Tar вiraŋi icirәkiw, amdundalkān вicą. Kihil kumus kutililkān usвisicā вicąn. Tāduk icālrąkiw, ųrųnərī ųrąkąlkąn вicą-γit. Kiŋkil kuntikilkān вuγa baldisacā. Taduk icərәkiw, orokto baldisicān-γit cukalkān ōsacān. Orokton baldicālān, mōn upkacīn baldīcā вicą. Niwaktal baldilcā, siektalkān ōsacā ār вirәŋiw. Tāduk dulin вuγa ojodun, āwųskī upkacīn mōn, cutari baldilcā. Dulin вuγa ojodun baldicālān, icərәkiw, upkacīn mō irąktą вimī suwitkilkān ōsacā, irāktą garalkān ōcā-wit, mųcīktąlkąn baldiwki. Buγa вimī ŋaŋtalkān ōwki-wit. Ņān icərәkiw, sagdalkān owki-wit. Taduk ųrųkān, ųrąkān. Tar ųrąkāŋi icərәkiw, bolgiktalkān owki-wit. Jeŋtarī antaγalkān. Tar antaγadan calвakān ōsacā. Dulin вuγa вirąn вimī ŋaŋna dərәlkąn вiwki-wit. Daptuŋi icərәkiw, nāmtikī daptulkān вiwki-wit. Tar вiraŋi dap-

---

И. В. Карамзин (Макагир). Аян

1. Сказка

Средняя земля вначале делалась. Средняя земля вначале маленькая была. Она без деревьев была. Три года без деревьев была. Потом дальше сама стала расти. Там река стала. На реку если посмотрю, с водою становится. Смотря (посмотрев), с камнями стала. Гористая, с гольцами становится. Скалистая, со скалами стала. Марниковая, с марниками стала..... со всяким стала средняя земля. На реку если посмотрю, с наледью стала..... с берегами стала. Потом если посмотрю, гористая, с хребтами была. Хорошая, крепкая земля выросла. Потом если посмотрю, трава выросла, с травою стала. После того как выросла трава, деревья всякие выросли. Ивы выросли, тальники стали в это время. Потом на поверхности земли дальше всякое дерево, трава расти стала. Потом, после того как на поверхности земли выросло, если посмотришь, всякое дерево, лиственница с ..... стала, лиственница с сучками стала, с хвоей растет. Земля с кедрами стала. Опять если посмотрю, с сосной стала. Потом горушки, горки. На горки если посмотришь, сланец — кедровник стал. Скалы с солнцепеками. На солнцепеках березка стала. Средняя земля будучи с грязью на поверхности стала. Устье (реки) если посмотрю,—к морю с устьем. То устье

---

[1] Тексты записаны В. И. Левиным в Аянском районе Охотского побережья в 1930 году; обработаны и переведены Г. Василевич; особенности аянского говора сохранены полностью. *Ред.*

tuwān icərəkiw, gırılkān ōsıcā-wıt. Tar вuaŋi ḍaptuwān adulalsakı вimĭ, nāmuŋıt icąsąkı вimĭ, otalkān вittąn-i-wit nāmuŋıw.

Nonomo вimĭ dulın вuɣadu вəjŋą̄ gärвilkąnduk nuŋan ähäką̄ вilcą̄ вicą̄ wəskąlcą̄ вicą̄. Dulın вuɣa icərəkiw, ähälkąn ōcā вicą̄. Dulın вuɣa ojodun, tāduk äwųskĭ upkattın wōkalcā вaldıcā. Tar вıraŋnı mų̄wąn icərəkiw, olrolkon вiwki-wit. Вırāŋnı daptulān ŋənərəkiw, nāmmaj icərəkiw, etalkān вiwki-wit nāmuŋıw. Вıran däränmąn icəsąki вimĭ, вuįulkąn ōca-wıt. Tarĭt, tolkujsarakıw, dulın вuɣa ojodun, upkacın вaléilcā, uoskılcā. Tāduk äwəski okcılkān dulın вuɣa ojodun gerkulcā. Baldınīn cukawān əkilcą̄ вicą̄. Tarĭt вimĭ dulın вuɣa ojodun вəjŋə̄lkąn ōsacana-wıt.

Dulın вuɣa ojodun sų̄r вəjə ahīlkān вəjə вilcāl. Nuŋartın вimĭ uɣiɣit, ĭduk baldınawar ähil sārą, вihiwər-ųun sārīl. Tar вıraŋnı daptudun вisącą̄l bācālı-wıt. Tar nuŋardutın jakun-d(a) ācin вicą̄. Oron-da, gųnitin, ācın вicą̄, jakun-hal-dācır вicą̄l. Ɜadaŋıl вicą̄l. Sūjācır вicą̄l. Dulın вuɣa mōlkān ōcālān, ųtąn kaltakan sūwa ōcal mōn baldıcālān. Tarıŋduwar вisənəl, вəjərgų вimĭ, вəjiŋą̄wą вəjəŋą̄wki ōcā. Tar вəjəŋą̄wą вəjəŋą̄lcą̄ląn səвųwkil ōcāl. Dulın вuɣa вəjəŋą̄lkān ōsakın aja-wıt amŋaduwar sävųttə вi-wit.

Nonon täwųktąlkān ōcālān täwųktąwą səpnəl вicąli-wit, tar вıraŋdukkar olrowo mācıwkıl. Tar вəjiŋąwų mālcā dukur əwųskĭ. Tar вəjəl tərgəksilkąhąl ōcāl. Tar вisərəkitin ųtätin baldıcā, ųrkąn kuŋākān baldıcā. Ųtätin вimĭ tarıŋıtin zän ānŋanīlkān ōcān вicą̄-wit. Tāduk cāskī cıwkācānmą nųkiciwki ōcā. Bərkąnsĭ nųkiwki ōcā. Ər kuŋākān вimĭ, gerkuktasana, sūdukkı gorolıwkı, gorotkī gerkuwkı ōcā-wıt, Tardalān əjąciliwki ōcā, amīlkan änīndųkki ųlgųmīcą̄: „Biŋinidąj nikkəm вuɣawa gerkudąj əjącim". Tarā āmīnīn вimĭ äcų uŋalra. „äkąl ŋənərą" gųncā. Tar gųncą̄ląn ųmnąkąn ānŋäcā sūdujı. ųmnąkān ānŋäkānam, tämīnīn än ųlgųmīrą ŋənəhincą̄. Ɜe вuɣaskĭ ŋənəhincą̄. Bĭraŋĭ solokĭ ŋənəhincą̄. Tar ŋənəkąnąm вimĭ, ŋųltən tĭkcālān, вoruŋuj ōsarakın, ämųcān-i-wit sūlāj, änĭlkąn amīndulāj əmųcą̄. Tar gerkuna

---

если посмотришь, с..... стало. Той земли устье если посмотреть, море если посмотреть, с волнами (?) море наше стало.

Вначале на средней земле из зверей с именами он, медведь, появился, закричал, (траву стал есть?). Среднюю землю если посмотрю, с медведями стала. На поверхности средней земли и ближе всякие звери выросли. На воду реки если посмотрю, с рыбой стала. На устье реки если пойду, на море если посмотрю, с..... стало море. На истоки реки если посмотреть, со зверями стала. Таким образом, когда объясню, на поверхности земли все выросло и кричало (звери). Потом здесь кричащий на поверхности земли заходил. Выросшую траву стал есть. Таким образом на поверхности земли звери стали.

На поверхности земли два человека, женщина (одна) начали жить (появились). Они будучи сверху, не знали откуда родились, только существование свое знали. На устье реки жили убивая (промыслом). У них ничего не было. Оленя, сказать, не было, ничего не было. Бедные были. Без дома были. Когда на земле дерево появилось, шалаш из полуплах сделали после того, как деревья выросли. В той живя, охотниками будучи, зверей добывали. Зверя добыв, съедали. Когда на средней земле звери стали, хорошо ртом есть стало (хорошо для рта стало).

Вначале, после того как появились ягоды, ягоды ели, потом из рек рыб убивали (добывали). Позже зверя убивали, дальше выдру. От тех зверей с ровдугой (шкурами) стали. Так жили когда, сын родился, мальчик, ребенок родился. Сын будучи их десятилетний стал. Потом дальше птичек стал стрелять. Из лука стрелял. Этот ребенок будучи, ходил от дома далеко, далеко ходил. После этого стал просить, от (у) отца, от (у) матери спросил: „Я собираюсь по земле ходить, прошу". Тот отец не посылал (не отпускал): „Не ходи", говорил. После того, как сказал, однажды ночевал дома. Один раз переночевав, наутро, не спрашивая, пошел. В мир пошел. Вверх по реке пошел, Так пройдя до захода солнца, когда вечер стал, пришел домой, к отцу, матери пришел.

rāsnəj ūsawān icącą̄-wit. Tämïnïn ānŋākām, amïndukkı ųlgųmïcą̄-wit: „Bï är gırkuna icərəm, rāsnəj (ıkukta) ūsawān icərəm. Tālā ŋənədāj əjącim“, gūnən: „ūsawatın ūsadāj, ōn bihil bittą-wit zuγunmatın icidāj äjącim. Tarāw ūsarakıw, ōn bizıŋān. Tarïlba icąmï bəjəŋārąkiw ōn biząŋān?“ Araj tarā ųlgųmïttən-i-wit amïndukkı: „Ŋənəzəm“, gūnən: „icąsą̄kildulaj, ūsalbi icinąlāj“. Amïnïn bimï „äkąl ŋənərą“, gųttən.

Tara äną dōldara ŋənəhitin-ą-wit. Tar ŋənəkānąm ūsaŋılbı ūsahittan-ı-wıt. Tar ūsakānam inəŋi bimï sikşadąlān ūsattan. Sıkşadąlān ūsakānam, aktıralcālān mucattan-ı-wıt. Jakuna-da ąc icųrą, ūsakānam äcą̄ bokono. Suptıwca zūlāj āmųttən ānïlkān amïndulāj. Jakun nada ən icąrą. Āmųkānam, oluskıhuttan. Oluskıhukānam, äną zāprą-da huklāhiniwki-wit.

Tämïnïn bimï, təgənə-wit baldïzākāndukkı: „Zäbdāw astakal“, änïnmi gųnitąn-i-wit. Änïnïn bimï: „ïlą̄ ŋənədāj nikąnri?“ Tādu ųtən bimï, ųlgųcānin-ą-wit: „Tïnąwą gerkuna, ūsaktacāw, jakun-dā ūsawatın āhım sārą, rāsnəj (ıkukta) ūsatın bittąn-i-wit, märbątin icädāj äjącim. Tolko āhi icųwra. Icącą̄ bimï, bəjəŋämcą̄. suhunmatın icąmcąw“. Änïnïn bimï, ųlgųcāncālan „äkąl ŋənərą“, gūttan: „Tarā kəjąn ätämï bəjəŋārą, surdak bizıŋān targacın bəjəŋą̄ surdak bizıŋān. Targacin majcımï äγarąkąl bəjəŋāra“. Tar nikąkānąm ŋənəhincąn-wit, äną dōldıra ŋənəhincą̄. Tar ŋənəkānąm ūsahıncā, bokoncō. Bokonkōnom, icącą̄; tar icąkānąm ųrųnsicən-wit. Tarïŋı ųurmasacān-ı-wıt. Dagamacān-ı-wıt. Bəjəŋāldāj nikąlcą̄. Bərkān pəktərāųlkān bicą̄, ųurılkān bicą̄. Tarïŋı dagamakānąm, ajamat batkankānąm, sendulāj āmųdān, alaŋaj tānząŋān-ï-wıt. Tāduk garpacān-i-wıt bəjəŋāŋi. Garpakānam, mā ttąn-ı-wit. Tariŋıza ųrunittən, buddąkin. Tadut-tı āmānittan. Zūtkïji mucuttan, ānïlkān amïntıkï zūji ıhıttan. Iskānam ųlgųcālitin. Amïnïn bimï ųrųnittən-i-wit. „Uttən bimı tämı gälnäziγāt“. Amïnmı gųnittąn-i-wit: „Timinąamïnmï ŋənəziŋāt“ gūttan: „icənəziγātt, bəjəŋāwą bəjəŋārąm okın-da änä icirą, icirąm. Icənəgāt. Sagdı sānrı bizıŋān. Bəjə zäprïwān-gu älūwān-gu bəjəŋārąm, mākānąm, āmānam“. Tarïŋtıkïwar ŋənəhincātin zūrï ųtəgəli. Tar ŋənəkānam, bəjəŋązāklān ıssatın. Tarıskānam, amïnïn bïmï, amïndukkı ųlgųmïlcān-i-wit: „är jakun gärbų bəjəŋəŋitin bittən, si sānri-gu?“

Бродя, разные следы видел. На утро, переночевав, отца спросил: „Я это, бродя, видел разные следы, видел. Туда итти, прошу“, сказал: „по следу итти и как живут, что представляют собою, посмотреть прошу. По следам если пойду, что будет? Тех увидев, если добуду, что будет?“ Только спросил отца: „Пойду“, сказал: „на виденные следы, следы посмотреть“. Отец будучи: „Не ходи“, сказал.

Тот, не слушая, пошел. Так идя, по следу пошел. Так идя день, до вечера, шел по следу. До вечера шел, когда не стемнелось, вернулся. Ничего не видел, идя по следу, не нашел. Не догнав (зверя), домой вернулся к отцу, матери. Что нужно, не видел. Придя, сильно рассердился. Рассердившись, ничего не евши, лег.

Утром вставши от родительницы (спросил): „Поесть приготовь“, матери сказал. Мать: „Куда итти собираешься?“ Тот сын будучи рассказал: „Вчера, бродя, по следу шел, никакого следа не знаю (не знаю, чей след), разные следы, самих (этих зверей) посмотреть (хочу) прошу. Только не показались (звери). Если бы видел, убил бы, всех увидел бы“. Мать будучи, после того, как рассказал, „Не ходи“, сказала: „Не может быть, чтобы убил, страшный будет, такой зверь страшный. Такой.... (запрещен?) не убивай“. Тот, собравшись, пошел, не слушая, пошел. Тот, идя, по следу пошел, нагнал. Нагнавши, увидел; увидевши, обрадовался. Того скрал (подкрался). Подошел. Убить собрался. Бойкий стрелок был, со стрелами был. К тому подойдя, хорошо встав (на твердое место), чтобы до уха дошла (тетива), тетиву натянул. Потом выстрелил (в) зверя. Выстрелив, убил. Тем обрадовался, когда умер (зверь). Там же оставил. Домой вернулся, отца матери до дому дошел. Придя, рассказал. Отец будучи обрадовался. „Сын, завтра принесем“. Отцу сказал: „Завтра, отец, пойдем“, сказал: „Пойдем посмотреть, зверя убил, никогда не видел, увидел. Пойдем посмотреть. Старый, знаешь, будет. Зверя съедобного ли, не съедобного ли добыл, убил, оставил“.

К тому пошли двое с сыном. Идя, до места зверя дошли. Дойдя, отец будучи, от отца спросил: „Это что за имя зверя, ты знаешь ли?“

Amīnīn bimī gunittin-i-wit: „är bujun," gunittin: „bəjəŋāŋit. Ädu̯k su̯lāskī bəjəŋāwrāka̯l ärgacinma". Tarīŋar bimī inihinsa̯cātin sūtkīwar. Sūlāwar ehiwra. Tar ehiwrakitin, atirkān bimī u̯runsəcən-i-wit. „Utəw bəjəŋāca̯ bihinri? Ajat bəjəŋāca̯ bihinri."

Tarīŋni säbsina elaira; aŋgäcān sūlra̯wa̯ inatcān. Ilī inaŋidu ŋənəsnən. Bujurən ähīla̯. Tar ŋənəkānam, ähäwa̯ icättən. Tarīŋni bəjəŋālitin ähäŋni. Tarīŋni māttan. Mākānam sütkīji ətəkənittən, sūlāj hittən. Änilkān amīndulāj u̯lgu̯cānittən gerkusakku. Bəjəŋāwa̯ wəkinḍānə icira. „Bəjəŋāram, icirəm suγunmanicim. Jaduk-da şurdak bəjəŋā biwki-wit. Targacinma bəjəŋāram. Tarāwə tämī icänäsiŋāt sūrī," amīntikī gunittən mānajī. Tāmīnīn təgəkānim ŋänähinsa̯cātin-i-wit, bəjəŋāsāklān iscātin amīngali. Iskānam amīndukki u̯lgumittən-i-wit: „är jakun gärbu̯ bəjəŋāŋitin bittən? Sī sānri—saγdī bəjə". Amīnīnsa u̯lgu̯cān-i-wit: „Ähä", gunittan: „bəjəŋāŋit ärgacin bittən. Ädu̯k su̯lāskī äwärāka̯l bəjəŋāra̯—surdak bəjəŋā".

Tarīŋar sūlāwar ämu̯wcātin-i-wit. Tarīŋar innəl, ämu̯wkil sūlāwar kantirāduwar innəl. Sūwar ehiwra. Tarīw ehiwraktin, atīrkān bimī u̯runcān-i-wit, ätirkāntikī atirkān turäcilca̯: „Utət bəjəŋkānam u̯liŋāt ōdan, amgaduwar səpŋātil ōddap, u̯tət bəjəŋālran, u̯təwur äsälin baldira omitnal binkitirəp. Aridākil binkitirəp, səmu̯nəl binkitirəp. Tikin u̯təwər ägdiŋālcālān, u̯tət bəjəŋālra̯kin, səbdāwar bakātəlrəp, tarīt äduk su̯lāskī amŋawar bakatiŋātil bihip-i-wit. Hutət ajat gerkurakīn səbdāt u̯liŋāt bu̯dəlāt irgitŋātwit." Är u̯tə bimī amīndukki u̯lgumīlcān-wit: „Mutkacin bəjə bihin bizaŋnā sānrī bigrasīn. Targacīn bəjəjə, bihikin, bakaldidāj əjācim, icidāj əjācim. Sānrī surakcan dōldicās bigrasin", amīndukki u̯lgumīcakin turānīn, u̯lgumīsicā-wit. Amīnīn u̯tətkī u̯lgumīlcān-i-wit: „är dulin bu̯γa ojodun bi sārīw araj daγalī ācin, bilir ädär biŋahiji araj dōldinkittam, gorolō dōldinkittam mutkacin bəjəl bihi, gunnəl səhərgjəkittərə. Tālā mutkacin bəjə, sohujācin bəjə, ähin iscā bu̯γa, goro bu̯γa, guninkittara, alganzī bəjə ähin isca bu̯γa. Tālā kəjən ätän isca, ŋənəcālizaŋāni. Tar bu̯γawa araj sohulkān bəjə ihimcā, mutkacin jekun-da ācin bəjə kəjən äŋātin isca".

Отец будучи сказал: „Этот зверь", сказал: „Зверь наш. Теперь вперед добывай такого". Те будучи потащили (тушу) домой. Домой принесли. Когда принесли, старуха будучи обрадовалась. „Сын добыл? Хорошо добыл".

Того ели три дня; ночевал два дня, жил. На третий день пошел. Промышлял теперь. Идя, медведя увидел. Тот зверь медведь. Того убил. Убивши, домой побежал (быстро), домой (вниз по реке) пошел. Матери, отцу рассказал о том, как ходил. Зверя кричащего увидели. „Промышлял, увидал какой есть. Отчего страшный зверь бывает? Такого добыл. Того завтра пойдем смотреть вдвоем". Отцу сказал о добыче. Утром вставши, пошли, к месту зверя дошли с отцом. Дойдя, у отца спросил: „Это какое имя зверя? Ты знаешь—старый человек". Отец сказал: „Медведь", сказал: „зверь такой бывает. Отсюда вперед не промышляй — страшный зверь".

Те домой пришли. Того таща, домой пришли, на спине таща. До дому донесли. Когда пришли, старуха будучи обрадовалась, старику старуха сказала: „Сын промышляя, могущим кормить стал, во рту могущими есть стали. Сын начал промышлять, если бы сына не родили, голодными бы жили. Голодными бы жили, голодая бы жили. Теперь, после того как сын вырос, сын когда стал промышлять, пищу найдем (с пищей стали), поэтому отсюда вперед пищу найдем (с пищей во рту можем быть). Сын хорошо когда бродит, чтобы ели (мы), кормильцем до смерти (нашей) можем вырастить". Этот сын будучи отцу рассказал: „Как мы, человек будет, может быть знаешь. Такого человека, если (он) есть, найти прошу, посмотреть прошу. Знаешь, далеко слышал, может быть", когда сказал слово отцу, спросил. Отец сыну рассказал: „Этой средней земли на поверхности я знаю (по моим сведениям) не близко, давно, когда парнишкой был (я), чуть слышал, давно слышал. Подобные нам люди имеются, говорят, разговаривают. Туда подобный нам человек, небойкий человек не дошел (до) земли, далекая земля, говорят, ногою (пешком) человек не дошел. Там заблудился, не смог дойти, идя. Той земли (до того места), если бы неловкий человек пошел, подобно нам, ничего не имеющий человек, заблудился, не смог дойти".

Tarān nuŋan dumajsecān-i-wit. Зūlrāmaktu, зūlrąmaktu dumajsakānąm, amīndukki ųlgųmīlcąn-i-wit: „Tarīldulā ŋənərīkiw, ōn bизiŋąn? Ŋənəmī, bakamcāw-da, nųŋnirąkis". Amīnīn bimī ųmųn iniŋi kaltıkāmaktun dumajsəcān əhīlə. Tāduk dumajsekānąm ųtətkiji tųrācilcąn əhīlą: „ųtə", gųnзicąn-i-wit: „Si tar вuγalą ŋənərəkis, вų ədų əmnąkąnąm вųŋątil вihiw. Si ŋān ŋənərəkis, tarīt āhikis ŋənərą, ōn вizиŋąn. Ädąs ŋənərą äjącicim". Ųtən bimī tųrącilcąn-i-wit amīntıkiji: „Bi emī daganı ŋənədąj nikrąm". Änīnīn bimī: „äkąl ŋənərą", gūttən-i-wit: „si ŋənərəkəs, вū sagdancal зəвdąwąr änąl bakatırą, ominakānąm вųŋątil вihiw, tarīt mųnąwą karajkal". Tar gųncąlątin ųmnąkąn ānŋəttąn зūdujı. Änŋəkānąm āhilə, təmīnīn təgəkąnąm, ŋənədąj nikilcąn-i-wit, änīlkan amīnmı tųrąnmąn änä dōldıra. Ŋənədąj nikilkąnąm änīndųkki ųlgųmīlcąn ihīlə: „Tərgəksəjəw tətiwųcinri-da, зəвdąw irgihəjąw irgiwųcinri-dą".

Tur ŋənəhəlrąkin, ŋanmakāmi təttiji təticąn āhīlą mētakāmı awunmī təticąn āhīlą. Ŋənəhindąj nikilcą āhīlą. Ŋənəhindąj nikilkąnąm āhīlą änīlkąn, amīndukki ųlgųmīlcą: „Ŋənəskəm, irīklą ŋənəmī вakaзıŋāw, ŋųŋnikąl". Amīnīn вimī: „änä dōldıra ŋənəmī ār dulīn вuγadut rāsnəj surdakıl вihi", gųttą: „targacıra вakalзıŋās. Tarīkın uha вizиŋān. Tarākın si ŋənərīwəs āhin äläkiŋra". Ųtən bimī gųnittən-i-wit: „ųmųn umukta īdų-dą ŋəni, вudin sın ųmųn. Tarīt āhikis taŋanı ŋųŋnirą, ŋənəcim". Amīnīn вimī, dumajзacān-ı-wit. Dumajзakānąm, tųrącąhıncąn āhīlą: „är вıraγar dərəkląn ŋənərəkis, ägdiŋa ŋaŋınзalā dərəkląn вırąŋıt. Tarīklā ŋənərəkis, вılır ädar biŋąhiji kejan äŋkittən tuktıra. Targacın surdak вuγa. Taräw sī kejan ätänri ŋənərą. Bī вılır tųrkąwcąw, kejan äcų ŋənərą, araj minduk ųlųkər-gų bimī, ŋənəзiŋąs. Tar cājąklān, ŋənərəkis bihi; gūnəl, səhərgihinkittąw вılır вəjəl bihi, gırkuktara вılır, səhərgəsrīwətin dōldınkıttan, surakatın tālā kejan ānkittām ısra. Goro вuγa, gųnittą. Elrākąn ŋənəscikąnąm turkawcāw, kejan äcāw ısra. Tarīt minduk ųlųką bimī, ıscaŋah araj". Tar nikąkānąm ŋənəhincą āhīlą. Ŋənənəkin, atırkālkān ätirkąn soŋonol, soŋonol ämäpcątin Bıraŋı dərəjəkląn tuksaзahīncā āhīlą. Ŋənəwkąnзicąn āhīlə. Ahun-da anŋanī gorowo ŋənərīji äcä sārą. Зūläji ŋənəзäwki tar nikąзiną. Bıraŋı dərənmą ıscān-ı-wit

---

Тогда он задумался. Два дня, два дня думавши, спросил отца: „К тем если пойду, что будет? Пойдя, нашел бы, если укажешь?" Отец будучи до полдня думал теперь. Потом, подумавши, сыну сказал теперь: „Сын", сказал: „Ты если пойдешь в ту землю, мы, здесь оставшись, сможем умереть. Ты еще если пойдешь (или) если не пойдешь, как будет? чтобы не шел прошу". Сын будучи сказал отцу: „Я, как бы то ни было, пойти собираюсь". Мать будучи: „Не ходи", сказала: „Если ты пойдешь, мы, состарившись, поесть не найдя, проголодавшись, должны умереть, поэтому нас прокорми". После того, как сказали, один раз переночевал дома. Переночевавши теперь, утром вставши, уйти собрался, матери, отца слов не слушая. Итти собравшись, отца спросил теперь: „Ровдугу (одежду) приготовь, поесть подорожники приготовь".

Так когда начал уходить, теплую одежду надел, из головной шкуры шапку надел теперь. Уходить собрался теперь. Уходить собравшись, теперь мать, отца спросил: „Идя, куда идя, найду, укажи". Отец будучи: „Не слушая, идешь, на этой средней земле разные страхи имеются", сказал: „Такие найдешь. Таков след будет. По этому следу твоего перехода (ходьбы) нехватит". Сын будучи сказал: „Одно яйцо где бы ни пропало, все равно одна смерть. Поэтому, если (и) не поведаешь, не укажешь, пойду". Отец будучи задумался. Подумав, сказал теперь: „К вершине этой реки если пойдешь, на большом гольце исток реки. Туда если пойдешь, раньше в молодость (мою) никак не мог подняться. Такое страшное место. Ты тоже никак не дойдешь. Я раньше подымалса, никак не прошел, едва ли сильнее меня будучи, пройдешь. За ней (за горой) если пройдешь, говорят, слышал рассказанное (о том, что) раньше люди были, ходили раньше, рассказанное слышал .....туда никак не мог дойти. Далекое место, говорили. Три раза подымался, никак не дошел. Поэтому, если сильнее меня, может быть дойдешь". Тот, собравшись, пошел теперь. Когда пошел, старуха, старик плача, плача остались.

На истоки реки побежал теперь. Шел теперь. Сколько лет, долго (ли) шел, не знал. Домой итти (иногда) пытался. Вершины реки достиг,

Tar soŋorokın, ätə äməcə. Ətə guncə: „tuγənilbər taŋmätkər!“ „Aŋı“, guncə: „taŋmäcıŋät“ guncə

Täduk narga äməcä. „Narga tuγənilbər taŋmätkär“, guncə. Kumacän äməcän. „Tuγənilbər taŋmätkär!“ „Aŋı taŋmätcät“ guncə „Tikin-ti, tikin taŋmätkär“, guncə. „Aŋi, gə, taŋmätkär“, guncə: „si näm bargıdälän mudan tuγənilbi kolbokol“, guncə.

Ətə, narga, kumacän upkacın umundu cakıbcäl. Näm bargıdälän mudan azas (?) daγawalın zapkan ətə nücə. Zə, tar ətə ojolın, dilın ojolın taŋcä „umun zut, umun zut“ guncə. Ətə dilın ojolın näm bargıdälän mudan tuksacä. Ətə guncə: „uhakə taŋannı, nän ajat taŋzawkaγın, taŋzawkaγın. Aŋıkə! taŋdəj-da“, guncə. Dupkulı sulakī ätəkəncə. Sulakī guncə: „ətə, sergıgda, muka mukıs“, guncə. Ətə guncə: „Sulakīmīkän uləktuj dawunrı.“ Zə! ətəkəncə. Tar ŋənəkəm, akındulāji ŋənəcə. Tar ŋənəkəm akingalıji bilcə. Täduk akingalı zün ŋənəhincə. „Akaj“, guncə: „bi istaŋalāzəm“.—„Mänrı äkəl istaŋalärə“, əhigdikän guncə. „ätəm märə, ätəm märə, istaŋaläktə“, guncə. Istaŋalächä, änä dōldıra. Tar istaŋalākäm, „celgen ənə, celgen ənə, guncə. „Jänri, jänri?“ guncə. „Akaj, akaj, halganmı cılkattam“, guncə. Zə! akīnīn celaskadu ırıhincə. Tarīt ırzacə akīnīn, ulgumīcə: „ïdu änŋəzät“.—„Akaj, akaj“, guncə: „kopıtalgejadu änŋəŋnawar“, guncə. „är jama buγawa ŋənəzərəp“ akīnīn guncə. „Belgalgıjawa ŋənəzərəp“. Täduk ŋənəzicəl. Umən buγalä ıskänam. „Jema buγalä ıssap?“ guncə akīnīn, nəkündukki ulgumīcə. „Dulılgıjawa guniwatin ısrap,“ guncə. Tartı ŋənəzəcəl. Akīnīn ulgumīcə: „ïdu änŋəzä?“—„Akaj, akaj ädutı-da änŋəgär?“ guncə. Akīnīn ulgumīcə: „är nï gərbin?“—„Ər kopittalgı gərbın“.—„Gä! ədu änŋəgär“. Tädu änŋəcəl. Tadu änŋəkäm bicəl. Nəkünīn mōjajı mōlächä. „Alganmı magaranrı, äkəl mōlärə“, akīnīn guncə. „Aja bizan, aja bizan akaj,“ guncə. Ələ tälä ŋənəkänam, mōwa tok-tok iktəcə. Akīnīn alazakän alacä. Tar alacä, tarä äcïn da äcïn. Gə, akīnīn alatkam albakam, gəlöktəcə. Umun buγadu mōwa əŋnizəkän

---

Так когда плакала, медведь подошел. Медведь сказал: „Народ давай считать!“ — „Хорошо“, сказала: „давай считать“, сказала. Потом тюлень пришел. „Тюлень народ давай считать“, сказала. Нерпа пришла. „Народ давай считать“. „Хорошо, давай считать“, сказала. „Вот сейчас давай считать“, сказала. „Хорошо, ну, давай считать“, сказал: „Ты на том краю моря народ собирай“, сказал.

Медведь, тюлень, нерпа, все вместе выстроились. На противоположной стороне моря конец, до ближайшего берега медведь вышел. Вот! медведя по головам начала считать: „Один, два, один, два“, говорила. Медведя головы по макушке на другой конец моря побежала. Медведь сказал: „Плохо считаешь, еще хорошо пусть посчитает, посчитает пусть. Ну-ка, подсчитай“, сказал. По головам лиса побежала. Лиса сказала: „Медведь песок.... (ругательное слово)“, сказала. Медведь сказал: „Лисица завралась (в обман попалась)“. Вот! убежала. Та, идя, к брату старшему пришла. Та, придя, с братом стала жить. Потом в дом брата пошла. „Братец“, сказала: „Я побегу“. „Убьешься, не беги“, Эхигдыкан сказал. „Не убьюсь, не убьюсь, побегу“, сказала. Убежала, не слушая. Та, убежавши, сказала: „..... (ругательное. слово)“, сказала. „Что делаешь, что делаешь?“ сказал: „Братец, братец, ногу сломала“, сказала. Вот, брат потащил ее на салазке. Таким образом тащил брат, спросил: „Где заночуем?“—„Братец, братец!“ сказала: „там, где съедобное хранят, заночуем“, сказала. „Это по какому месту идем?“ брат сказал. По горлу-глотке идем“. Потом шли. До одного места дойдя, „до какого места дошли?“ сказал брат, от младшей (младшую) спросил. „До середины сказанного (до половины того места, о котором говорила) дошли“, сказала. Опять же пошли. Брат спросил: „Где заночуем?“ — „Братец, братец, здесь и заночуем“. Брат спросил: „Это как называется?“ — „Это место, где хранят съедобное“. — „Ну, здесь заночуем“. Там заночевали, там заночевали. Младшая (лиса) дрова носила. „Ногу сломаешь, не носи дрова“, старший сказал. „Хорошо, хорошо будет, братец“, сказала. Только туда придя, дерево ударила (поколотила). Брат ждал, ждал. Ту ждал, нет, да нет. Вот, брат, не могши дождаться, пошел искать. В одном месте, дерево рубнув,

вакасā. Sụkąji ăвinmąn dərвəs iktəcą. Dərвəs, iktəkąnąm, ătəkąncą. Akīnīn tarīŋı gələlcą. Gələkąm, gələkąm, ụmụn вuγadu вакасā зūwa. Tar ŋənəzənā īstanmı dōlın camukcānmą dəlвi sıncā. Зə, tar ваказакın, вalagan-зū вicą. Tar вalagan-зūlā īcą. Ụmən atıkān ələn вicą. Tādu sulakī sōma kətə вicą. Зə, sulakī akīnīn atıkānmą ələkəncə. Istanmı cuŋucā. Зă tarīŋnı mōstalān camutkār dālвi tıkcāl atıkān ələldəcə. Зə, sulakīlвa ahaktalcā. Tar ahaktazarakın вalagan munuklān, şulakī iŋąninca Iŋącą sulakī. Sulakī iktən ajupcā вicą. Iŋącą hajupcā iktątpi „lhi-ihi-hi, ihi-ihi-hi! gụncə atıkān ələldərəkin, iŋącą. Akīnīn tar iŋąrąkin, вakacā. Akīnīn вakakām ıdakaca. „Akaj, akaj, ątārąm", gụncą: „ākąl ıdakana, вi sindụ ajawa əmụвząw", gụncą. „ēwa āmụвząs? jakunma ajawa āmụвząs?"—„Je, akaj, akaj, kaγankān unātpān āmụвząw". Зă, tarīt ŋənəhincąl. Kaγankān unātpān gālnəcą. Gă, tarīt kaγankāndulā ŋənəcą. Iskām, gụncą: „Kaγankān, unātpı вūkąl," gụncą. Ətikąn dōldıcā: „Atıkān, jakun nikərən?" gụncā: „āhip cārą, jakun nikərən вolo," gụncą. „Зă, kaγankān unātpı вūkəl", gụncą. „Tāwsinikā, tāwsinikā," atırkān gụncą. „Jakun nikərən?" Ətirkąn gụncą. „Gą, unātpar вūmą-ja-dą", gụncą. Tarıt ŋənəwụhincą. Ātirką вūcą.

Akīndulāj ıhıwcā. „Ar āmụwrą, akāj, akāj," gụncą. Tarīt вilcąl. Tar вilkām, „ororвor pastuktakta," gụncə. „Ə, pastuktaza," gụncą. Tar pastūktu ŋənəhincą, sōma gorowo вicą. Tar əməcą. Tar əməkąnąm gụnca: „Akaj, зuunıkānmą зuunıra," gụncą: „akaj, akaj, icąnąγār," gụncą. Tar ŋənəhincąl. „Dagamalrap ororвor," gụncə. „Ahun ōdan?" gụncą akīnīn „Təγər icąulrą," gụncą: „вī ədu emapukta?" gụncą. „Ahun gorolō iciwrą?" gụncą akīnin.—„Tar daγadu iciwrą," gụncą nəkūnīn. Akīnīn ŋənəcą, orordulāj ıscā. Oronın dılıgda вicā, dılıgdaltin ijəgdaltin вicą. Taduk akīnīn kunıcā. Sulakī amaskī ūzalıjı ụjəncə. Akīnīn ahālca, kunına, ahalcā, sulakī зūjāj ıscā, kunın īcą. „Akaj, akaj", gụncą: irgiliw ətə uзıkcān ụjkąl", gụncą. Akīnmī gūnąn: „ətəj, ụjkąl". Əkīnīn ụjrən. Sulakī ətəkānən. Akīnīn зūlājı əmərən. „Sulakīwa ēda āhinrı zawara?" gūnənl „ēda zawazam".—„Ororвor sulakī cısta zəвcą", gūnən.

нашел. Древко топора рассщепил. Разбившись, древко отскочило. Брат ту стал искать. Искавши, искавши в одном месте нашел юрту. Когда шел, в штаны бурундук быстро заскочил (засунулся). Вот когда нашел, та юрта балаганом была. В тот балаган вышел. Одна старушка менеричка живет. Там очень много лисиц. Вот брат лисы старуху вспугнул. Штанами шевельнул. Вот оттуда на пол бурундуки упали, старуха вздрогнула (спугнулась). Вот лисиц начал гонять. Когда загнал в угол балагана, лисица засмеялась. Смеялась лисица. Лисицы зуб сломан был. Смеялась сломанным зубом. „Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!" сказала. Старуха когда вспугнулась, засмеялась. Брат, когда та засмеялась, нашел. Брат, найдя, стал бить. „Братец, братец, не буду", сказала: „не бей, я тебе хорошее принесу", сказала. „Что принесешь? что хорошее принесешь?"—„О братец, я тебе дочь царя приведу". Вот так пошла. За дочерью царя пошла. Ну, к царю пошла. Дойдя, сказала: „Царь, дочь отдай", сказала. Старик послушал: „Старуха, что собирается (думает)", сказал: „не знаем, что собирается (она делать)", сказал. „Ну, царь, дочь отдай", сказала. „Попрыгай, попрыгай", старуха сказала: „что собирается?" Старик сказал: „Ну, дочь отдадим", сказал. Ту повела. Старик дал.

К брату привела. „Вот привела, братец, братец", сказала. Стали жить. Так живши: „Оленей буду пастушить", сказала. „Ну, карауль", сказал. На пастбище пошли, очень далеко было. Пришли. Придя, сказала: „Братец, осы роятся", сказала: „братец, пойдем посмотрим", сказала. Пошли. „Подходим к оленям", сказала. „Сколько стало?" брат сказал. „Сидят (олени) видно", сказала: „Я здесь к чему?" сказала. „Сколько далеко видны?" сказал брат. „То близко видны", сказала младшая (лиса). Брат пошел, до оленей дошел. От оленей (одни) головы были, головы (да) рога. Потом брат свистнул. Лиса обратно по следу отошла. Брат стал преследовать, свистя преследовал, лиса до дому дошла, свист слышен. „Братец", сказала: „братец, на хвост жир медведя привяжи", сказала. Сестре сказала: „Старуха, привяжи". Сестра его привязала. Лиса убежала. Брат домой пришел. „Почему лису не поймала?" сказал. „К чему ловить?" — „Оленей лиса начисто съела", сказал.

Sulakï, ɲõncasana, ähäkąwą bakaldıra. Əhəką gųnən: „ätąŋnäj sulakï ēduk bakanrı,“ gųnən. „Əj əhəką,“ gųnən: „irgiji cukācąm ətą ottan. Sï ɲān, əhəką irgiji cukācąkąl mųlą,“ gųnən. Əhəką bimï cukācərən. „Gilriki! gılriki! nıka,“ gųnən: „gilrimïtti kahın gilrimi.“ Ətą nųttən: „Bųsilrąm! busilrąm!“ gųnən.—„Aja bisąn! aja bisąn!“ gųnən. Tarït əhəką elran. Sulakï ɲõnan. Əhəką irgiji icərən. Irgin toŋorgoron. „O sulakïmïkān bokom, bokonzo“, gųnān, ahamacılran. Tarït bųrirən.

Лиса, убегая, медведя встретила. Медведь сказал: „Жир лиса с чего нашла?“, сказал. „Ой, медведь“, сказала. „Хвост опустила, жир стал. Ты тоже, медведь, хвост опусти в воду“, сказала. Медведь опустил. „Холодно, холодно, маленькая“, сказал: „Холодно, очень холодно“. Медведь выскочил. „Пропаду, пропаду“, сказал. „Это хорошо, хорошо“, сказала. Медведь встал. Лиса подумала. Медведь на хвост посмотрел. Хвост оторвался. „О, лисица, найду, найду“, сказал, стал преследовать. Таким образом пропал.

А. П. Козловский

СКАЗКИ ТУНГИРО-ОЛЕКМИНСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Приводимые здесь материалы были собраны мною летом 1934 г. в командировке от Ленинградского отделения Учебно-педагогического издательства в Тунгиро-Олекминском районе Витимо-Олекминского национального округа.

Записаны они от следующих лиц:

Сахаров, Петр Николаевич — 19 лет, секретарь комсомольской ячейки, весною 1934 г. окончил районные курсы ликвидаторов неграмотности; до поступления на курсы был неграмотным.

Сахаров, Павел Васильевич—22 лет, член комсомола, ликвидатор неграмотности, активный, энергичный общественный работник.

Максимов, Иван Павлович — 27 лет, малограмотный, бригадир в колхозе.

Глазиров, Дмитрий Дмитриевич — 25 лет, член ВКП(б), активный советский и колхозный работник. Был председателем Тунгиро-Олекминского районного исполкома; член правления колхоза и член райисполкома.

Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—32 г. я встречал очень мало эвенков, знающих сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников. Молодежь, в лучшем случае, хранит только обрывки и, по словам стариков, мало интересуется сказаниями и сказками. Встречались старики, уже в течение целого десятка лет и больше не имевшие случая передать свои сказки. Несомненно, что древний эвенкийский фольклор исчезает на наших глазах. Приводимые здесь сказки отрывочны и достаточно характеризуют свое отмирание.

I. P. Maksimov. Ṇēṇugā

1. Nimŋakān

Bilir bicān ətirkān də atirkānin. Zəmū̄zəcāl bicāl. Ekun-dā səpgātin ācin bicān. Bəjə, hụŋtụ mata, nuŋardulātın zəmū̄zərīlduḷə əməcə. Tarbājə ụḷụkīlwə əmụwcə ụḷlālwətin.

Ətirkān gū̄cə atırkānmi: „ụḷəkəl səpdəwər!“ Atırkān ụḷācə nadan zār ụḷụkīwə. Ụlāksākīl səpilcāl. Ətirkān kətətmərwə səpcə atırkāndukkı. Atırkānīn gū̄cə ətirkānmi:

И. П. Максимов. Ненюга

1. Сказка

Давным-давно жили старик и старуха. Проголодавшиеся жили. Никакой пищи у них не было. Человек, чужой богатырь, к ним пришел к голодающим. Тот человек мясо белок принес.

Старик сказал старухе: „Свари, чтобы кушать!“ Старуха сварила семьдесять белок. Сварившн, стали кушать. Старик больше старухи с[illegible]

„Əŋəni səpsənni". Ətirkən gu̇cə: „Səmu̇nəwi вокопсизат". Tāduk səpiksən gu̇cə hu̇ŋtu̇t: „Ekun-da əduk-tə əməsən". Atırkān gu̇cə: „Səmu̇-da̱ sō". Ətirkən gu̇cə atırkānmı: „Si hurudəwi hu̇ŋtu̇ldu̇lə!" Atırkānīn gu̇cə: „Ilan anŋanīlı icəldisiŋət. Təli sindu̇ bu̇siŋəw ēkuna-wal!"

Ilan anŋanīwa вісəl hərəkəltə. Atirkānīn icəlcə ətirkənmi. Icərəkin, ətirkənīn sō sagdacā. Ətirkən gucə: „Ulgucənsəkəl, ōn візənni!" Atırkānīn hanŋūcā ŋān ətirkənmi: „Ōn вīзənni?" Ətirkən gu̇cə: „Uhat візəm". Atırkānīn gu̇cə ətirkənmi:

„Bilir aja biŋkis. Ōn tikə önni?" Ətirkən gələlcə atırkāndukkī: „Mindu̇ bu̇kəl ēkuna-wal". Atırkān bu̇cə oronmo ətirkənduwi: „Orontozokol!" Ətirkən gu̇cə: „Əzəli bu̇rə, səpsiŋəw. Kə, si ŋənəzəkəl, hu̇ŋtu̇ldu̇lə̱ bəjəldu̇lə, hurudəwi!" Atırkānīn təli gu̇cə: „Əŋnis ajat minə nəkərə".

Gorokörwə вісə atirkān hu̇ŋtu̇ bəjədu. Bəjəŋin ətirkənmə bakalıwkī вісə. Ətirkən gu̇cə: „Atırkānmı gacā вihinni. Mindu̇ ekuna-wal bu̇kəl. Səmu̇səm". Bu̇cə bəjəŋin ətirkəndu tunŋa sārwə̱ solkowajwa. Ətirkən gu̇cə: „Aja bu̇nni. Bi ŋənəzəzəlim garaltıkākī, urəltikə̱kī. Minə okın-da ətərəs bakara. Minŋiwə gıramnawāw səpzi. ŋətin. Bi bu̇siŋəw ekun-da əkittun ŋənərə". Targacīn ətirkən, huruksən, urədu bu̇cə.

Okın-mal ŋənəmkicīldu̇wər icəsiŋəhun, targacın ətirkən bu̇səkwən.

Tara minduləcipkācān, əməksək, ulgucəcən.

* * *

2. Зəptigir

umukən əwənkī вісə, nadan sar-wal anŋanīŋıcī. Omolgīn вісə. Tar візənə omalgīduwı atırkānan gə̱nnə̱hicə̱ səptigirduk. Зəptigirdu̇lə ıhīksak, omolgīduwı maŋaracā. Tar maŋarakīn, səptigir hunātwar bu̇cəl. Tar bu̇rəktin, əwənki вugatkākīwı nulgihicə.

зала старику: „Сильно ешь". Старик сказал: „Голод нагнал". Затем, съевши, сказал по-другому: „Ничто с этих пор не придет (ничего не случится)". Старуха сказала: „Голодно очень". Старик сказал старухе: „Ты уходи к другим". Старуха сказала: „Через три года встретимся. Тогда я тебя дам что-то".

Три года жили врозь. Однажды старуха увидела старика. Когда увидела, старик ее—старый-старый. Старик сказал: „Рассказывай, как живешь?" Старуха тоже спросила старика: „Как живешь?" Старик сказал: „Плохо живу". Старуха сказала старику:

„Прежде хорошо жил. Как таким стал?" Старик стал просить у старухи: „Дай мне что-нибудь!" Старуха дала старику своему оленя: „Возьми оленя!" Старик сказал: „Как только дашь, съем. Ну-ка, ты поди, уходи к другим людям!" Старуха тогда сказала: „Нехорошо мне делал" (со мной поступал).

Долго жила старуха у другого человека. Ее муж старика повстречал. Старик сказал: „Ты мою старуху взял. Мне что-нибудь дай. Голодаю". Человек дал старику пятьдесят рублей. Старик сказал: „Хорошо дал. Я уйду далеко в тайгу. Меня никогда не найдете, кости мои съедят. Я умру там, где никто не ходит. Тот старик, ушедши, в тайге умер.

Когда-нибудь там, где вам придется ходить, вы увидите того старика могилу. То (о том), ко мне пришедши (прилетевши), птичка рассказала.

* * *

2. **Дёптигир** (род людоедов) [1]

Один эвенки был семидесяти лет. Сын его был. Так живя, отправился (он) взять своему сыну жену от Дёптигиров. До Дёптигиров дойдя, сыну сосватал. Когда сосватал, Дёптигиры девушку свою отдали. Когда отдали, эвенки домой откочевал.

---

[1] Сказания об эвенках-людоедах встречаются в разных районах расселения эвенков. Обычно людоеды называются ilətі (человекоед), əwətі (эвенкоед), səwupkі (поедающий). В слове Зəptigir к слову səpti (поедание) добавлен суффикс принадлежности к организации — -gir, образующий название рода.

Tar nuɪgizənə, ədələwi bugawɪ ista opet səptigirwə bakacā. Tar bakarakin səptigir omolgīduwar tar əwənkīduk hunātwān gələlcāl. Tar səptigir gələrāktin, əwənkī hunātwɪ bū̄cə səptigirdu. Hunātwɪ bū̄ksāk, əwənki bugatkākīwɪ nuɪgihicə. Bugawɪ iscā. Bugawɪ ihīksāk, bugaduwɪ bilcə. Tar bīzənə bugaduwɪ, dōldica, hunātwɪ bū̄nədun səptigirdu, hunātwān əwənkīŋiwə səptigir kukinmər səpcāl. Tar əwənki doldıksak hunatwi səpnəwətin səptigirtikā̄kī nuɪgihicə. Tar nuɪgizənə, bugawatın ədələwi ısta kutətwi bakacā. Tar bakaksak, əwənki hanŋū̄ktalcə: „Eda hunātwaw sə̄ptəs?“ Tar kutətin gū̄cə: „Bu əcəlwun səptə. Nuŋan mənsīwi bucən“. Tikə gū̄nəkin, əwənkī hunātwɪ bucətkī sūlāwɪ hurucə. Tar kutətnunmi mataŋcā sū̄r bēgawa. Tar mataŋīksak, ujətcə. Ujəciksək, ŋənuɪhicə opet bugatkākīwɪ. Tar ŋənuzənə, bakacā səptigiŋkurwə. Araj tarīŋīn kukinmi ganan omolgīduwɪ. Tar bakaksak, swatwɪ, kukinin amīndulāwɪ irəməcə. Tar irəməksək amīndukkɪ, əmupcə sawgumākān hutakācānmą. Tar əmuwuksək, cōŋalduwɪ nəcə. Tar nərəkin, bəjəŋin hanŋūktaca: „Ekunma əmuwunni amīndukkɪ?“ Ahīn gū̄cə: „Hətəmīkənmə əmuwum amīndukkɪ“. Tikə gū̄nəkin, bəjəŋin ətəcə hanŋūktasamī. Tar tikə nəkəzərəktin, luŋur ōcā. Atırkānan duɣətnəl āhıcāl. Araj-ka āząrąktın, ekun-ka ŋōzaran. Bəjəŋin ahīdukkɪ hanŋūktacā: „Ekun ŋōzaran?“ Ahīn gū̄cə: „Əcəw sārə“. Bəjəŋin ətəcə hanŋūktasamī.

Dolbo mēlcā bəjəŋin. Ərəgər sōmat ŋōzaran. Tar bəjəŋin ŋōktaca ahīwɪ amŋawān. Araj-ka amŋadukīn ŋō əməzərən. Tar bəjəŋin ahīwɪ sāriwcə: „Ēda amŋadu'īs amuzaran?“ Ahīn gū̄cə: „Əɲī̄jəduk (h)ətəmīkənmə səpnəw ŋōzaran“. Tar tikə gū̄nəkin atırkānmɪ, bəjəŋin ər əmtilduk̇ki əmuwnəwən (h)utakācānmą icəcə. Dolbo bəjəŋin icəcə, araj-ka hutakācāndu atırkānīn cıpcıcazaran zalumkākī amun. Tara icəksək, bəjəŋin ahīcā. Təgəltənə təgəcə. Tar təgəksək, əzəliwi cajiŋŋɪ umnā, tuliskī amunnācā. Tar amunnāksak, atirkanmi icəcilcə. Atırkānīn, loskawi gaksak, tuliskī jū̄cə. Ŋənəcə bəjəŋŋi amunnalān. Ŋənəksək, umkānsīwɪ bəjəŋŋi amunmān təkəcilcə. Tar təkəcilləkin, bəjəŋin bərkənzəwi garpacā. Tar ahīn nurkuncacā təgətcərimələwi.

Кочуя, прежде чем достигнуть дома, опять Дёптигиров встретил. Когда встретил, Дёптигиры стали просить у того эвенка его девушку для своего сына. Когда Дёптигиры попросили, эвенки девушку свою отдал Дёптигирам. Девушку отдав, эвенки на родину свою откочевал. На родину приехал. На родину приехавши, на родине жить стал. Живя на родине своей, услышал, (что) у Дёптигиров, которым он отдал свою девушку, девушку эвенкийскую, невестку свою, Дёптигиры съели. Эвенки, услышавши о том, что съедена его девушка, к Дёптигирам откочевал. Кочуя, прежде чем достигнуть их места, тестя встретил. Встретивши, эвенки спросил: „Почему дочь мою съели?“ Того тесть сказал: „Мы не ели. Она сама умерла“. Когда так сказал, эвенки в дом, где умерла девушка, пошел. С тестем прожил два месяца. Проживши, отошел (отделился). Отделившись, направился опять в свое место. Едучи, повстречал Дёптигиров. (от) Тех невестку взял для сына. Встретивши свата своего, невестка к отцу в гости пошла. Погостивши, от отца принесла из рыбьей кожи мешочек. Принесши, в (женский) угол (чума) положила. Когда положила, муж спросил ее: „Что ты принесла от отца?“ Жена сказала: „Женскую сумку принесла от отца“. Так когда сказала, муж кончил спрашивать. Когда так сделали, настал вечер. С женой вместе уснули. Как только уснули, что-то запахло. Муж, у жены спросил: „Что пахнет?“ Жена сказала: „Не знаю“. Муж перестал спрашивать.

Ночью муж проснулся. Попрежнему здорово пахнет. Тот муж понюхал рот жены. Оказывается, из ее рта вонь идет. Тогда муж жену разбудил: „Почему из твоего рта пахнет?“ Жена сказала: „Из материнской сумки съеденное пахнет“. Когда так сказала, муж увидел ранее принесенный женой от матери мешок. Ночью муж увидел, вдруг жена его в мешок полным-полно экскремент складывает. То увидев, муж уснул. Утром встал. Вставши, до того как напиться чаю, отправился на двор. Оправившись, за женой стал смотреть. Жена его, ложку взявши, вон вышла. Пошла к тому месту, где оправлялся муж. Пришедши, ложкой стала разгребать. Когда стала разгребать, муж из лука выстрелил. Жена его споткнулась на том месте, где присела.

3. Turəciwki sahıkkān

Waŋa bicə omolgīcān, ekun-da ācın. Aŋasakān tar bizənə, ōcā sūjawı murir amursītın. Mōlāhıcā mojawı. Mōn dagadu ācin bicə.

Tar mōlāsaŋa bakacā kulıjawa cıgranunma kuhizərīlwə ılan aŋanīwa. Kulın gūcə: „Muŋəwə awguja-wal wākal, ədəwun kuhizərə. Tar wāmī awguja-wal, dılwān koltalıdāwi, tādu ekun-mal bizəŋən".

Tar omolgīcān dumajīlcā. „Ər awguja wāsaŋāw!" Waŋa dumajcā, wadāwı kulındıgawa. Dumajīksak, kulınma wācā. Tar wāksāk, kulınma dılwān koltolīcā. Araj dıldun sahıkkān bizərən. Tar sahıkkānmą gacā Waŋa, sūlāwı əmuwcə.

Sūlāwı əmuwuksə, sahıkkānmą nīcə. Tar nīrəkin, sahıkkāndulā dōndulān omolgīcākān turəhinən: „Waŋuska, sindu ekuna nada?" Waŋa gūcə: „Mindu mojawi mōlādāw sō goro". Tar sahıkkān dondulān gūcə: „Ərdət [1] mōlas əmuwsəŋəw". Tar Waŋa sahıkannīwı sōmca. Təgəltənə təgəcə, araj sō kətə mō. Tāduk Waŋa dumajīlcā: „Nada sūjawı ōdāw!" Tar dumajīksak, sahıkkānnıwı nīcə. Tar nīrəkin, sahikkān dōndukīn hanguktacā: „Waŋuska, sindu ekuna nada?" Waŋa gūcə. „Mindu nada sūjaw". Tar sahıkkān dondulān gūcə: „Ərdət, Waŋa!"

Tar tikə gūnəkin, Waŋa sahıkāngiwi sōmca. Sōmīksāk, amumaŋduwı sūduwı āhıcā. Təgəltənə təgəcə, araj sūn, sō aja sūn ōcā. Waŋa tar sūduwi bicə umukən begawa. Tar bıksək, opet dumajīlcā: „Mindu nada atırkānaw".

Tar dumajīksak, sahıkānmı nīcə. Opet sahıkān dondulān gūcə: „Waŋa, sindu ēkuna nada?" Waŋa gūcə: „Mindu nada atırkānaw". Tar sahikān dondukin gūcə

---

3. Говорящий ящичек

Жил Ваня, молодой парень, ничего не имеющий. Сиротой живя, построил дом из конского навоза. Отправился по дрова. Дров поблизости не было.

Рубя дрова, повстречал змея и тигра, дерущихся три года. Змей сказал: „Из нас кого-нибудь убей, чтобы мы не боролись. Если убьешь из нас кого-либо, то голову его расколи, там что-то будет".

Тогда молодец задумался: „Кого же убью?" Ваня задумал убить змея. Подумавши, змея убил. Убивши, голову змея расколол. Оказывается, в голове его ящичек есть. Тот ящичек Ваня взял, домой принес.

Домой принесши, ящичек открыл. Когда открыл, внутри ящичка молодчик заговорил: „Ванюшка, тебе что надо?" Ваня сказал: „Мне за дровами (надо) итти очень далеко". Тогда внутри ящичка сказало: „Сейчас дров принесу!" Тогда Ваня ящичек свой закрыл. Утром встал, вдруг очень много дров. Тогда Ваня задумался: „Надо дом построить!" Подумавши, ящичек открыл, ящичек изнутри спросил: „Ванюшка, тебе что надо?" Ваня сказал: „Мне надо дом". Ящичек изнутри сказал: „Сейчас, Ваня!"

Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши в доме своем, сделанном из навоза, уснул. На утро встал, вдруг дом его очень хорошим домом стал. Ваня прожил в том доме один месяц. Проживши, опять задумался: „Мне нужна жена".

Подумавши, ящичек открыл. Опять внутри ящичка сказало: „Ваня, тебе что нужно?" Ваня сказал: „Мне нужна жена". Тогда изнутри ящичка сказало.

---

[1] Употребляется у якутов в значении „сейчас", „сию минуту".

„Waŋa, ərdət atırkānas əmuwsəŋəw". Tar tikə gūnəkin, Waŋa sahıkānmą sōmcəı Tar sōmīksək, sūduwi āhicə. Tar dolbo ōsarakin, hunət, so aja hunət araj əməcə. Wāŋəskāli-raj āhicə. Waŋəska tarā atırkāŋawı gācā. Tar gaksak, Waŋa atırkānunm. bicə̄ umukən begawa.

Tar bicājən Waŋəskali araj bəjə əməcə, hunŋtu dunnədukin. Tar bəjə Wāŋəskaduk hanŋūktacā: „Ər si atırkānmāw ēkunduk gacās!" Wāŋəska gūcə: „Bi mora bargıdādukūn gacāw atırkānawi". Tar əməwki bəjə gūcə: „Ər minŋi atırkānmı". Tar tikə gūnəkin Wāŋəska gūcə: „Gākəl atırkānmi". Tar tikə gūnəkin Wāŋəska, bəjə əməwki amaskī gacā atırkānmi. Tar bəjə atırkānmı gaksak, amaskākī ŋənuhinsənə, Wāŋəskə sahıkānmān soromoco. Waŋəskə mədəksək, ūsajalın tar bəjəwə ahalcā. Tar ahaliksak bokocō ānŋətcərīwə hoktodu. Wāŋəskə tar āsarīldulā ŋənəcə, ŋurmahıcā. Tar ŋənəksək, sohıkānmi āricilcə. Araj icəcə oŋoktodun, tar bəjə sahıkānmą oŋoktolīwı sajacā. Wāŋəskə dumajīlcā: „ōn nada oŋoktodukīn gadāw sahıkānmą?" Araj dumajcā — təpərākənŋən soromin birkə. Tar dumajīksak, təpərākənmə gūcə: „Tar bəjədųk sahıkānmą soromokol!" Təpərākən, tar bəjələ ŋənəksək, irgīwi dizəhicə kaltakalın oŋoktolın. Dilləkin, tar bəjə əksinihicə. Araj sahıkān tųlijąlą ətəkənən Tar ətəkənəkin, Waŋa gacā, sūtkākīwı ŋənəzəhinən mən, sūwı-dat isca.

M. S. Abramow. Olokno

4. Ōli

Ōli bicə. Tar bizənə atırkānawı gacā, əwəmŋuwə. Atırkānnunmı bicə̄ umukəndu umukən anŋanīwa. Umukən anŋanīwa biksək, ōli bəjuhicə. Tar bəjuzənə bəjurwə gəjəwucə. Tar gəjəwuniksək, sūlāwı mucuhıcā. Ōli orocī bicə. Sūwı ıhıksak, ōli

---

„Ваня, сейчас жену тебе принесу". Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши, в доме своем уснул. Когда наступила ночь, девушка, очень хорошая девушка вдруг пришла, к Ванюшке вдруг спать легла. Ванюшка ту женой своей взял. Взявши, Ваня жил с женой своей один месяц.

После того как прожил, к Ванюшке вдруг человек пришел, из другой земли. Тот человек у Ванюшки спросил: „Это ты мою жену откуда взял?" Ванюшка сказал: „Я с той стороны моря взял жену". Тогда пришедший человек сказал: „Это моя жена". Когда тот сказал так, Ванюшка сказал: „Возьми свою жену". Когда так сказал Ванюшка, человек пришедший назад свою жену взял. Тот человек, жену свою взявши, назад идя, ящик Ванюшки украл. Ванюшка, догадавшись, по следу того человека бросился вдогонку. Бросившись вдогонку, нагнал (того человека), ночевавшего на дороге. Ванюшка к спящим пошел, стал подкрадываться. Подошедши, ящичек свой стал кликать. Вдруг увидел, тот человек ящичек в ноздрю спрятал. Ванюшка задумался: „Как надо из ноздри его ящичек взять?" Едва только подумал, мышка-воровка случилась. Подумавши, сказал мышке: „От того человека ящичек укради!" Мышка, к тому человеку подошедши, хвост свой засунула в одну ноздрю. Когда засунула, тот человек чихнул. Вдруг ящичек наружу выскочил. Когда выпал, Ваня взял, к дому направился, домой пришел.

М. С. Абрамов. Средняя часть Олекмы

4. Ворон

Ворон жил. Жену себе взял эвенкийку. С женой своей жил вместе один год. Один год проживши, ворон на промысел отправился. Промышляя дикого зверя, сохатого ранил. Ранивши, домой пошел. Ворон оленей имел. Домой пришедши, ворон сказал жене своей

gʉ̄cə atırkānnı: „Inəhənəkəl (ınəŋnəkəl) ororwar!“ Tarīŋīn cərʉlı. Opet gēpcā gʉ̄cə: „Ororwor inəhənəkəl!“ Ərəgər cərʉlı. Ilīpcā gʉ̄cə: „Ororwor inəhənəkəl!“ Tarīŋīn ərəgər cərʉlı. Tar tikə gʉnıksək, ororwı mənin ınəhəcə. Inəhəksək, sʉ̄lāwı īcə. „Togowor ılakal!“ Gʉ̄cə atırkannı. Tarīŋīn cərʉlı. Gēpcā gʉ̄cə: „Ilakal togowor!“ Atırkānīn cərʉlı. Ilīpcā gʉ̄cə: „Togowor ılakal!“ Atırkānīn cərʉlı. Tar tikə gunīksək, togowı mənin ılacə. Togowı ılaksak, (h)ullawı nəŋihicə. Araj-ka (h)ullahicā (h)ullawı. Tar ōli sʉ̄duwı ānŋətcə. Təgəltənə təgəcə. Təgəksək, ʉgiskəkī dəgilcə. Ʉgiskəkī dəgiliksək, ʉ̄sajan mʉjiktəlcə. Tar mʉjiktəzənə, ʉsawān icəcə. Ər ŋənətcəkīn, tar ʉ̄sajalın ahalca. Ahazana, вокосō ŋənəzərīwə. Atırkānīn ʉgidəlin ərilcə. Tar ərizənə gʉ̄cə: „Sʉlāwar mucukal! — „Ərdət dilacaŋŋas kajzəlim!“

Tar ahī gʉ̄cə: „Əkəl kājjə! ekunas-wal sindʉ ōsıŋāw!“ Tar tikə gʉnīksək, gʉ̄cə: „Tərgəmīləs ōsıŋāw! Ōli gʉ̄cə: „Minŋi halgarwı majamal!“ Tāduk ahī gʉ̄cə: „Dərvəkijəs ōsıŋāw! Əkəl kajja dılacawa!“ Oli gʉ̄cə: „Minŋi dılīw sʉkəcəmə!“ Tāduk ahī gʉ̄cə: „Näljäs ōsıŋāw!“ Ōli gʉ̄cə: „Minŋi tiŋənmi zəjəmə“. Ahī gʉ̄cə: „Nōŋamakina tawuŋnam“. Ōli gʉ̄cə tikə: „ŋaŋir-kik!“ Sʉlāwı mucuhıca ōli.

Wot əsītkən ōli amumakınma zəpzərən.

D. D. Glazirow. Tuŋırıkān

5. Nimŋakān

Goro вilir [1] вicə ətirkən. Bizəcən atırkānīn. Zəmʉ̄zəcəl nälki. Ətirkənīn gʉ̄cə atırkānnı. „Bi ʉrʉsəlim вırakāndulā, tuksakīl hoktorōnduldtın hʉklənəzəlim“.

Atırkānīn gʉ̄cə: „Ēda?“ — „Doŋotonōzolım“. Hʉklāzəcə ətīrkən tuksakīl (h)oktorōndutın. Tuksakī əməcə. Tuksakī gʉ̄cə: „Ər ətirkən tʉrəwkəcə (h)oktorondu“.

„Пойди приготовь, навьючь оленей!“ Та глуха. Опять вторично сказал: „Оленей пойди приготовь!“ Попрежнему глуха. В третий раз сказал: „Оленей пойди приготовь!“ Та попрежнему глуха. Так сказав, оленей сам пошел приготовить. Приготовивши, в дом вошел. „Огонь зажги!“ сказал жене. Та глуха. Второй раз сказал: „Зажги огонь!“ Жена глуха. В третий раз сказал: „Огонь зажги!“ Жена глуха. Так сказавши, огонь зажег. Огонь зажегши, одеяло свое стал искать. Постлал одеяло. Тот ворон дома ночевал. Наутро встал. Вставши, вверх улетел. Ввысь взлетевши, стал след (раненого зверя) разыскивать. Разыскивая, след увидел. Этого (зверя) след, по тому следу погнался. Гонясь, нагнал идущего. Жена закричала вверх. Крича, сказала: „Домой вернись!“ — „Сейчас солнце загорожу!“

Тогда жена сказала: „Не загораживай! Что-то тебе сделаю!“ Так сказавши, сказала: „Торгоми (специальное название обуви) сделаю!“ Ворон сказал: Мои ноги.....!“ Тогда жена сказала: „Шапку сделаю! Не загораживай солнце!“ Ворон сказал: „Моя голова — как топор!“ Тогда жена сказала: „Нагрудник сделаю!“ Ворон сказал: „Моя грудь острая“. Жена сказала: „Помёт соберу!“ Ворон сказал так: „Нянир-кы-ы-к!“ Домой вернулся ворон.

Вот теперь ворон помет ест.

Д. Д. Глазиров. Тунгирикан

5. Сказка

Давным-давно жил старик. Жила его старуха. Заголодали весной. Старик сказал старухе: „Я пойду к речке, на заячью дорожку пойду лягу“.

Старуха сказала: „Зачем?“ — „Пойду замерзну“. Лег старик на заячью тропку. Заяц пришел. Сказал заяц: „Этот старик заставил остановиться на

---

[1] bilir — употребляется у якутов в значении „прежде, раньше, давно“.

Tuksakī ərilcə salwı: „Əməkəllu вırakātkānąduk. Amīkākākun tцrəwkəcə". Salīn əməcəl — ilan sār tuksakīl əməcəl. Ətirkənmə цrцhəcəl sūtkākīn. Sūlān ıhıwulcāl. Atırkāndulān gцcəl tuksakīl: „Əri ətirkənni doŋotocō hoktorōnduwun". Atırkān gцcə: „Цtəkəkцrвı ajat вakara doŋkotocōwo ətirkənməw. Sūlā iwkəllцl!" Atırkān цrkəwi цhikərsī цhitcə, ətirkənīn ılıŋnaran. Tuksakīlwa wālcāl. Цmцkən tuksakī cucapcā. Atırkān iktəcə tuksakīwa sēndulın ollonsīwı. Sēnman koŋnohokī.

Sēnin tuksakīŋı əhītkəndələ koŋnomo.

D. D. Glazirow. Tuŋırikān

6. Nimŋakan

Bilir вızəcən ətirkən də atırkān. Цmцkəndu вızəcəl. Ekura-da ācir вıcəl. Tar ətirkən səksəlwą ōlcā. Tuksakīlwa səksəlnicə. Ələ səkцnmą wācā tuksakīwa. Цlləŋin kətəkцn ōcā. Tar ətirkən dəlkənīwi ōcā. Tādu dəlkəndu nəcā цlləlwən. Atırkanīn цləcə. Ətirkəndцwi вцciwki вıcə. Ətirkənīn əwki səptə. Dumajılcā (saldaca) ətirkən. Diskəkī цrəkūnmə hцrцcəl. Tālā himimkцrцwə вakacal. Saldalca ətirkən: „Ədu tākin вihin". Atırkāndulāwı gцcə: „Ər tākınmą hətəkənsəlim. Ekun-ka ōsam". Tākinmą hətəkəcə. Hətəkəniksək, amīkān ōcā. Atırkānmi gцcə: „Hətəkəkəl! Si nān amīkān ōsıŋās". Atırkānīn hətəkəcə—amīkān ōcā. Əhītkəndələ amīkar вızərə.

I. P. Maksimow. Tuŋırikān

7. Nimŋakan

Bilirkąkun ətirkən вıcə. Atırkānīn вıcəl sцr. Sōl sagdıl вıcəl. Nuŋartin səmūsəcəl. Nuŋanŋın ılan oronīn вıcə. Ətirkən salduwi gцcə: „Bəjudəw nada". Bəjuhicə цrətkəkī. цrədu tōkīl ūsalwatın icəcə. Ətirkən gцcə „Timi əməsiŋəw

---

дороге". Заяц стал сзывать товарищей. „Подите сюда с речушек. Дедушка (дорогу) загородил". Товарищи его пришли — тридцать зайцев пришли. Поволокли старика к его дому. Притащили домой. Старухе сказали зайцы: „Это твой старик замерз на нашей тропке". Старуха сказала: „Мои детки, хорошо, (что) нашли моего замерзшего старика. Втащите в дом!" Старуха дверь ремнем привязала, старик ее встал. Зайцев начали бить. Один заяц убежал. Старуха ударила зайца по уху крюком. Ухо его почернело.

До сих пор ухо зайца черное.

Д. Д. Глазиров. Тунгирикан

6. Сказка

Давно жили старик и старуха. Вместе жили. Ничего у них не было. Старик ловушки начал делать. На зайцев ловушки поставил. Вот большого, очень большого, здоровенного зайца убил. Мяса много, много стало. Старик лабаз построил. Там в лабазе мясо сложил. Старуха сварила мясо. Старику дала. Старик не ест. Задумался старик. Обратно в лес ушли. Там брусничник нашли. Подумал старик: „Здесь бревно есть". Старухе сказал: „Это бревно перепрыгну, чем-то сделаюсь". Бревно перепрыгнул. Перепрыгнувши, медведем стал. Старухе сказал: „Прыгай! Ты тоже медведем станешь". Старуха перепрыгнула—медведем стала. До сих пор медведи живут.

И. П. Максимов. Тунгирикан

7. Сказка

Давным-давно старик жил. Две жены у него было. Очень старые были. Они голодать стали. У них три оленя было. Старик подумал: „Промышлять надо". Пошел за зверем в тайгу. В тайге следы сохатых увидел. Старик сказал: „Завтра приду

bəjuŗdulə". Timĭ əməcən bəjundulə. Bəjunmə bultallan. Nuŋan bəjunmə icəcə təgətcərĭwə. Nurmahıcə. Nuŋanmən ŋurmaca, irəktəduk ıtıgaran. Pəktirənən — bəjun oŋkanan. Ətirkən tuksaran bəjunŋilə̄wi. Higillən bəjunŋiwi. Higrən, təlgəttən, nətirən, nannazĭn dastan ŋlləwən. Əptilə̄wən garan. Ŋənəhinən zŭlə̄wı, ŋə̄lzənə əptilə̄wən. Zŭlə̄wı əmərən. Zŭduwi ulləŋi zəpillən. Zəpzərəkin, togon inkərĭzəwki. Ətirkən gŭnən: „Ekunma inkərĭzərən?" Gıdalə̄ran togowı purtatwı. Ətirkən ə̄hinan.

Təgəltənə təgərən, togowı ılallan. Togon əwki zəgdəllə əmərən atırkən — ēhan cokotı. Tar atırkən gŭnən ətirkənmi: „Tinəwə ēda gidalacə̄s ēhawə̄w?" Ətirkən zaldə̄ran. Atırkənmı gŭnən: „Oronmor gannə̄kal!" Atırkənĭn əmuwrən oronmı. Ətirkən təpulĭrən, sə̄ksəwən togodu uŋkurən. Togon zəgdəllən.

P. Saharow. Guła

8. Nımŋakə̄n

Nonon bicə̄l bəjəl, Dukə̄jĭl gərbicĭl, umutəl halgacĭl, umutəl ŋə̄ləcĭl. Tarĭl bicə̄l tunŋazə̄r, ŋənəzəcə̄l oktojolı. Bəjəwə naldıcə̄l, ŋənəzənəl, gərbicĭwə Cınə̄nəj. Cınə̄nəj icəcə, Dukə̄jĭl əməzərə. Kokollotwı garadancacə̄ tarĭlwə. Tarĭl gŭcə̄l: „Cijəkə̄cə̄nə kukə̄kĭnun dəgrə". Tar Dukə̄jĭl kokolbə nəldidukĭn tikıwkıl dunnələ. Cınə̄nəjwə zawalcə̄l Dukə̄jĭl, kikcənəl iktəlzĭwər. Cınə̄nəj həgdikun bicə. Nuŋarwatın Cınə̄nəj algarduktın koŋkocō irəktəldulə. Cınə̄nəj weswə wə̄cən.

за зверем". Назавтра пришел за зверем. Зверя стал промышлять. Он зверя лежащим увидел. Стал скрадывать. Скрал его, из-за лиственницы прицелился. Выстрелил, зверь упал. Старик побежал к зверю. Стал свежевать зверя. Освежевал, разрезал на части, сложил, его шкурой прикрыл мясо. Ребро его взял. Отправился домой, неся в руках ребро. Домой пришел. Дома мясо стал кушать. Когда кушал, огонь зашипел. Старик сказал: „С чего шипит?" Ткнул огонь ножом. Старик улегся спать.

Наутро встал, огонь стал разжигать. Огонь не горит. Пришла старуха, на глаз косая. Та старуха сказала старику: „Вчера зачем глаз мой уколол?" Старик задумался. Старухе-жене сказал: „Поди оленя возьми!" Старуха привела оленя. Старик убил, кровь его в огонь вылил. Огонь запылал.

П. Сахаров. Гуля

8. Сказка

Вначале были люди, Дукаями называвшиеся, с одной ногой, с одной рукой. Их было пятьдесят, шли по дороге. Человека встретили, идя, называемого Чинаной. Чичаной увидел: Дукаи идут. Рукавицей бросился в них. Те сказали: „Пташка с кукшей полетели". Те Дукаи от бросания рукавицы упали на землю. Чинаноя схватили Дукаи, кусая зубами. Чинаной большой был. Их Чинаной с ноги сбросил о лиственницы. Чинаной всех убил.

И. Георги

ТУНГУССКОЕ СКАЗАНИЕ[1]

У тунгусов, которых я видел, нет никаких музыкальных инструментов, кроме особого вида дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими „кур"; зато у них в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно приятное.

В их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинны, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают. При рассказывании каждый период начинают с последнего слова предыдущего периода. Благодаря любезности баргузинского комиссара г. Вернера, через которого я получил много сведений о тунгусах, я имею также перевод тунгусского сказания, которое они обычно поют. Я привожу здесь это сказание, так как оно дает возможность до некоторой степени ознакомиться со вкусами этого народа. Переводчику, повидимому, не удалось вполне схватить дух тунгусского языка. Может быть, многие слова заимствованы у монголов: они слишком роскошны для туземцев; имена героев—Долодай (властитель гор), Арсалан Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (учитель львов) — монгольские. Но это сказание у тунгусов в ходу, они развлекаются пением и рассказыванием его. Они украшают его чуждыми картинами, наподобие того, как наши писатели украшают свои романы.

В одной стране жил князь Долодай, имевший две тысячи слуг. Он жил в городе, окруженном тройною стеною: наружной — деревянной, средней — каменной и внутренней — железной. У входа в его юрту стоял столб из стали, к которому он привязывал своего роскошного коня.

У него было семь княжен, и из них самая младшая — Сувудангина — была чрезвычайно красива и молода. У каждой из них было по служанке и по золотой телеге, в которой они часто ездили для развлечения в высокую, красивую местность.

Однажды неожиданно прилетела птица Ногой и так быстро унесла их по воздуху, что служанки не заметили, куда они девались. Лишь одна Сувудангина спаслась благодаря своему уму. Она превратилась в орла и улетела к своему отцу, и Ногой не мог найти ее, так как она смешала облака.

Она села на стальной столб, к которому был привязан конь. Конь испугался и стал так громко ржать, что многие юрты в городе развалились и многие люди упали без чувств.

Князь схватил свою саблю и хотел убить орла. Орел же обратился к князю с человеческой речью: „Прости, князь, и откажись от своего намерения, ибо я имею кое-что рассказать тебе". Князь крайне удивился человеческому голосу и сказал: „Говори!" — „У тебя было семь дочерей, а теперь у тебя нет ни одной". От испуга князь не сразу смог ответить птице, но он сказал тихо: „Хо, хо, девушки, обязанные наблюдать за моими дочерьми, где мои семеро детей?" — „Мы гуляли с ними по прекрасным полям и играли, и вдруг внезапная буря унесла их неизвестно куда". Разгневанный князь хотел отсечь головы девушкам.

„Гнев твой напрасен, мой князь, — молвил орел, — Если бы ты даже был с ними, ты не мог бы спасти их. Караткакан Нойен, большой, сильный человек, прилетел с запада и увел твоих детей. Он очень мудрый и у него есть вороной конь, такой быстрый, что облака и ветер не могут его догнать. Я — орел, твоя младшая дочь Сувудангина, убежала от него благодаря своему уму; я прилетела к тебе, чтобы узнать, можешь ли ты спасти меня от него, за него я не могу решиться выйти замуж, или же ты укажешь мне другого сильного человека, который может бороться с ним?" — „Я уже стар, — ответил отец, — но если бы я даже был молод, я бы не мог тягаться с Караткаканом Нойеном. Но я слышал о герое с юга, которого зовут Кулудай. Он живет так далеко, что птица до него летит три года, а самый быстрый конь бежит десять лет". — „О Кулудае я тоже слышала, — ответил орел, — но он не в силах побороть Караткакана, не знаешь

---

[1] Перевод из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von J. Georgi. Erster Band. Spb. 1775, стр. 288 — 295. *Ред.*

ли ты более сильного героя?" — „На востоке живет знаменитый герой, — возразил старик, — которого зовут Арсалан Бакши. Его конь Шаман Чагая знает, что происходит во всех странах; притом он быстрее птицы и даже ветра. До Арсалана однако так далеко, что ни птица, ни добрый конь не могут добраться до этой местности". — „И я об этом слышала", — сказала дочь и попросила у старика пищи на дорогу; он велел заколоть восемь верблюдов и дал их орлу.

Целых семь лет летел орел без отдыха под самыми облаками, а порой и в облаках. Когда от земли исходил белый отблеск, он знал, что на земле зима; когда отблеск земли становился темным, он думал, что наступило лето. Однажды Сувудангина обнаружила прекрасную юрту. Направо от нее находился стальной столб, и у него семь гнедых коней. У них были золотые гривы, серебряные седла и уздечки. На каждом седле лежала рысья шуба. По левую сторону юрты к дубовому столбу было привязано семь рыжих оседланных коней. Гривы у них были серебряные, подковы стальные, седла и уздечки серебряные. На каждой из них лежала шуба из лисьего меха. Орел обратился в пучок шерсти, сел на крышу и стал смотреть в юрту. По правую сторону огня сидело семь юношей. Каждый из них изготовлял стрелу. По левую сторону огня семь служанок готовили меховую одежду, украшенную семью различными серебряными узорами. Юноши передали девушкам стрелы и спросили, видели ли они кого-либо, кто бы умел изготовлять более красивые стрелы. „Они красивы,—ответили девушки,—но Арсалан Бакши, живущий на востоке, так ловок и силен, что один его палец превзойдет все ваше искусство и силу". Юноши сломали стрелы и бросили их в огонь. Когда семь служанок закончили платье, они спросили юношей, случалось ли им видеть более красивых, умных и ловких девушек. Те ответили: „Вы очень красивы, умны и искусны, но у князя Долодая есть семь дочерей; младшая из них, Сувудангина, настолько красивее, умнее и искуснее вас, что вы все не стоите ее ногтя". Девушки сожгли свое платье.

Когда Сувудангина услышала это, она снова обратилась в орла и полетела дальше. Через год она заметила землетрясение, и когда она приблизилась к земле, то узнала, что это Арсалан Бакши изготовлял стрелы. Она полетела туда, где воздух дрожал от его работы, и увидела возвышение наподобие горы, на котором росли серебряные травы с золотыми цветами. По обе стороны горы находилось по озеру, наполненному молоком вместо воды. На самой горе стояла роскошная юрта; стены ее были из серебра, а крыша из золота. В юрте сидел человек; у него в руках была почти законченная стрела, и он просил богов, чтобы они дали ему перо для полета стрелы, чтобы ему никогда не приходилось дрожать перед врагом и чтобы ни один хищный зверь не мог убежать от него. Орел услышал это, вырвал у себя перо из правого крыла и бросил его в юрту. Арсалан взял его, удивился его величине, доделал стрелу и пожелал себе второе перо, которое и получил из левого крыла. Он посмотрел вверх и увидел большого орла. „Кто ты, огромная птица?" — „Ты спрашиваешь меня, не сказав, кто ты такой".—„Я Арсалан Бакши".—„Если ты Арсалан Бакши, то зачем же ты день и ночь изготовляешь стрелы?" —„Потому что я намерен пойти походом на запад. Там живет князь Долодай, и я женюсь на младшей из его семи дочерей". —„Я и есть эта младшая дочь, Сувудангина".—„Это ты? О, тогда иди ко мне".—„Ты мне докажи сперва, что ты Арсалан Бакши. Я полечу через девять холмов и на десятом я водружу маховое перо. Твоя стрела должна пройти через девять холмов, на десятом она должна рассечь перо; после этого она должна пронзить еще пять холмов, а в шестом она должна застрять". Птица сунула перо, Арсалан взял лук. Стрела пронзила девять холмов, на десятом она рассекла перо, прошла еще через пять холмов и застряла в шестом, откуда ее вытащил орел и вместе со стрелой полетел к герою.

После этого птица снова обратилась в красивую девушку, села к герою в юрту, разговаривала и спала с ним. Когда они на другое утро встали, то пришел любимый конь Арсалана и спросил: „Кого это господин мой держит при себе?" — „Это красивая девушка, которую я взял в жены".—„Ты добыл себе не жену, а опасность,—возразил умный конь,—и там, где ты хочешь жить, укрепи свою юрту двенадцатью железными цепями и надень твои походные доспехи и оружие. Если ты в полдень услышишь крики и град, сперва величиною с овец, а затем с верблюдов, то не выходи из своей юрты, ибо это придет герой Караткакан Нойен. Он разломает твою юрту и станет издеваться над тобою; но ты ничего не отвечай и оставайся в юрте. Если же ты выйдешь из нее, то ты никогда больше не увидишь своей жены". Конь снова побежал на пастбище, Арсалан же все исполнил согласно его совету и остался сидеть в юрте.

В полдень он заметил землетрясение и услышал шум. Пошел град; первые градины были не меньше овец, а последние были величиной с верблюдов; при этом поднялась такая буря, что разорвались десять цепей, на которых держалась юрта. Вскоре после этого прибыл герой, ударил юрту сперва кнутом, а потом копьем. При этом он воскликнул: „Ты ли Арсалан Бакши, о котором весь свет говорит, что он храбр и непобедим? Теперь, когда я тебя вижу трусливо сидящим перед женщиной, я считаю тебя самым робким и жалким человеком под солнцем. Разве ты не слышишь, как ужасно мое прибытие?"

Арсалан не мог более слушать, он взял свой меч и вышел из юрты. Он никого не увидел и вернулся, но его жена пропала. Он позвал своего умного коня, взял свое оружие, сел на коня и ускакал. Ему казалось, что конь недостаточно быстро бежит, он ударил его, и конь понесся выше леса, чуть не под самыми облаками. Арсалан встретил орла, державшего в когтях его княжну; он выстрелил в него и тот раскололся от головы до хвоста. Княжна выпала из его лап и упала на землю, так же как орел, но как только орел коснулся земли, обе половины его снова срослись и он полетел со своей добычей дальше. В орла попала вторая стрела, и он потерял правое крыло, но он сразу же приставил его снова, и благодаря своему колдовству он излечивался от всех ран, которых он получил множество. Арсалан Бакши преследовал его в течение трех лет, а на четвертый год он достиг жилища орла. Город был окружен тройною стеною: наружной—каменной, средней—железной и внутренней—стальной. Орел сразу закрыл ворота и

выставил стражу. Арсалан взял свою стрелу, оперенную пером княжны, сказал ей: „О моя стрела, ты сделана не против врагов, помоги мне" и разрушил три стены и жилище.

Караткакан примчался из города на лучшем своем коне и сказал: „Арсалан Бакши, уходи от меня с миром туда, где ты хочешь жить, ибо не ты, а я—первый жених. Я принес в свой лагерь семь княжен, предназначенных мною себе в жены. Одна хоть и убежала от меня, но все же она моя, а не твоя". Арсалан ответил ему: „Пока у меня еще есть руки, ноги и жизнь, я не уйду. Только тогда, когда я всего этого лишусь, ты можешь взять мою невесту. Я хочу бороться с тобой".— „Пусть это будет,—сказал Караткакан Нойен,— на такой отвесной, высокой и узкой морской скале, что на ней едва можно стоять одной ногой".—„Где ты хочешь,—возразил Арсалан,—я приду". Оба сели на своих лучших коней и отправились к месту битвы.

Караткакан превратился в оленя, а Арсалан в дикую козу (сайгу). Борьба была очень горяча Олень превосходил козу силой, но когда он падал, то скатывался вниз, тогда как коза могла удержаться на скале. После трехдневной борьбы они увеличили свои силы. Олень превратился в лося, а коза—в кабана.

Борьба снова продолжалась три дня. После этого они стали бороться в человеческом образе, и для этого они избрали равнину. Они были верхом. Сперва они боролись копьями, а после вынули мечи, и когда все сломалось, то они взяли кнуты. Когда и эти сломались, они сошли с коней и стали бороться без оружия. Борьба продолжалась три года, и ни один не мог убить другого.

Наконец, кони вмешались в состязание. Конь Арсалана сказал: „Мой господин не убьет Нойена, так как он очень силен и бессмертен. Но я знаю, где его смерть. За тридцатью морями находится остров, там живет его сестра, стерегущая его смерть. Смерть его—в стреле, а стрела лежит в ящике, а ящик всегда в руке его сестры. Я постараюсь достать эту стрелу".

Конь Нойена сказал своему господину почти то же самое: „Я знаю смерть Арсалана. Она— около его юрты в стальном столбе, к которому он привязывает своего лучшего коня. В столбе пила, а в пиле сидит его смерть. Оба коня отправились в путь, чтобы достать смерть врага. Когда конь Арсалана добрался через тридцать морей до острова, где стояла юрта сестры Нойена, он побежал по острову с такой силой, что юрта сестры упала от сотрясения. Сестра хотела схватить юрту; при этом она уронила из рук ящик со стрелой. Конь сломал ящик и убежал со стрелой во рту. Конь Нойена сломал столб Арсалана и принес пилу во рту.

Когда оба коня одновременно приблизились к своим господам, то каждый из них захотел быть первым; конь Арсалана ударил коня Нойена задней ногой, причем смертоносная пила выпала из его рта; конь Арсалана схватил ее и проглотил и таким образом пришел со стрелой к своему господину. Этой стрелой Арсалан Бакши убил Караткакана Нойена, вошел в город Нойена, взял сперва свою жену, а потом и жен Нойена, его слуг и стада и стал жить в большой славе.

Г. Гут

ТУНГУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

Введение

О трудностях лингвистических занятий с тунгусами

Первой причиной поездки к тунгусам на Енисей, предпринятой мною летом 1897 года при содействии Академии Наук и Археологической комиссии в С.-Петербурге, были мои занятия с одной надписью [1] некогда столь знаменитого и для истории Восточной Азии столь значительного тунгусского народа юченей или нюйчжей, который во время наивысшего расцвета и развития своего могущества (1125—1234 гг. нашей эры) простирал свою власть над всей Манчжурией, Монголией и северной половиной Китая. Разбор этого текста привел к весьма существенным результатам: к частичной его расшифровке и к сознанию, что для более полного или по меньшей мере исчерпывающего разъяснения этого документа, как и немногих до сих пор мало известных юченских текстов [2], необходимо восстановление исчезнувшего юченского языка. Но для этого, как и для объяснения сохранившихся в китайских источниках более или менее полных списков слов этого языка [3], нужно знать не только манчжурский, как раньше думали [4], но и собственно тунгусские в более узком смысле наречия [5]. Так как большинство из этих наречий известно далеко не достаточно или совсем неизвестно, то я и решил изучить наречия различных тунгусских народностей и в связи с этим предпринял изучение их исторических памятников и их этнологического значения в Азии.

В конце мая 1897 года я начал свое путешествие из Москвы через Пермь, Тюмень, Тобольск и Томск и 16 июня достиг Красноярска. Отсюда я направился к кочующим на золотых

---

* Перевод из „Известий Академии Наук", т. XV, № 3, СПБ. 1901. В квадратных скобках даются уточнения Г. М. Василевич. *Ред.*

приисках между Ангарой и Средней Тунгуской тунгусам, язык которых был до сих пор почти совсем не изучен. С этой целью я поехал по Енисею до устья реки Ангары; затем по Ангаре на восток, до деревни Рыбное, начального пункта южно-енисейских золотых приисков. Я начал путешествие по этой области 27 июня, проехал ее всю с юга на север и лишь после продолжительных бесплодных поисков, 9 июля я нашел первых тунгусов на золотых приисках близ реки Пит (правого притока Енисея), образующей северную границу этой области.

Я тотчас же начал свои исследования языка, но должен был сразу же, как и в дальнейшем, при столкновении с другими тунгусами этой области, убедиться, что занятия с ними для изучения языка представляют затруднения, которых я и мои ученые советники в С.-Петербурге не могли предугадать. Так как эти затруднения по большей части зависят от особенностей тунгусов, отличающих их от большинства прочих сибирских народов; то мне кажется очень важным их описание в интересах будущих исследований этого народа.

Мои старания были направлены к тому, чтобы получить какого-нибудь тунгуса Енисейской области постоянным проводником и учителем языка, чтобы с ним можно было отправиться к другим тунгусским племенам на верхнем Амуре.

Так достиг бы я дальнейшей цели своего путешествия и одновременно использовал бы промежуточное свободное время для научных целей. Я сделал все, чтобы найти между тунгусами Енисея спутника, который согласился бы следовать за мною. Я делал подарки, давал обещания, предлагал большое вознаграждение, но ничего не помогало. То они говорили, что они не могут жить без леса и покинуть жену и ребенка, что от тоски по ним они не выдержат; то указывали на то, что за время их отсутствия их олени погибнут от недостатка нужного ухода и их юрты и прочее имущество придут в упадок; то высказывали они свою боязнь заразиться болезнями, свирепствовавшими по деревням, главным образом оспой, — к сожалению, очень обоснованное опасение. К этому присоединяется почти невероятное отвращение тунгусов ко всякому другому занятию, кроме привычной им охоты и рыбной ловли и приготовления необходимых для этого орудий и инструментов, и меновой торговли. Даже если тунгус имеет много свободного времени, он предпочитает праздно провести его в своей юрте, чем делать что-нибудь ему непривычное, и особенно поступить к кому-нибудь на службу.

В конце концов мне удалось добиться согласия отдельных тунгусов провести со мной некоторое время в палатках на соседних золотых приисках, владельцы которых находились с ними в постоянных сношениях и были им хорошо знакомы, и там учить меня их языку. Один тунгус заключил со мной даже настоящий договор, который составил и подписал от его имени владелец приисков, на которых мы жили. Но хотя этот договор обязывал его, по крайней мере, на двадцатидневное пребывание со мной, он меня покинул через три дня. Другой, мой первый учитель, объявил мне сразу, что он останется со мной только несколько дней, а один старый тунгус выдержал только один день. Когда я с ним ласково раскланялся при его следующем посещении приисков, на которых я остановился, и предложил вознаграждение за некоторые сообщенные им этнологические сведения, он мне сказал: „Сегодня ты ласков и любезен, но недавно, когда ты мучил меня своими расспросами и мы с тобой поспорили, я был близок к тому, чтобы тебя побить". Этот ответ указывает на отличительную черту дикости, которая проявляется в характере тунгусов, когда они считают себя оскорбленными, и так резко не согласуется с их обыкновенно спокойным и миролюбивым нравом; эта черта ясно указывает на самое большое затруднение, с которым вообще связано изучение языка у полудиких народов. Так как тунгусы никогда не получали самого элементарного обучения и не владеют письмом, их ум не делал ни малейшей попытки к достижению отвлеченных форм речи.

И вдруг я пришел и требовал от этих бедных, необученных голов размышлений относительно богатства форм их языка. Разве не было совершенно естественно, что при моих расспросах, особенно вначале, мне приходилось бороться с самыми большими затруднениями и что мои тунгусские учителя при моих настойчивых вопросах и изысканиях теряли в конце концов терпение. Принимая во внимание, что они только на несколько дней были в моем распоряжении, я старался в это короткое время установить происхождение возможно большего числа форм и слов их языка и прибег к методу расспросов посредством русского языка (в большей или меньшей степени знакомого и моим учителям); этот способ обычно и применялся исследователями сибирских языков. Научно он менее ценен, чем естественный способ практического изучения языка, который затруднительнее и требует больше времени, но дает гораздо большие результаты и открывает исследователю самые трудные формы языка. С другой стороны первый метод доставил мне ценные сведения об умственных наклонностях моих тунгусских друзей, которых я был бы лишен при применении второго способа.

Сказанное можно пояснить примером.

Так как мои тунгусские учителя не имели ни малейшего понятия и, как выше показано, не могли знать, что меня интересуют формы языка, то они переводили мои русские вопросы не на свой язык, а отвечали на их содержание так, как этого требовало в данный момент положение вещей. Так, например, когда я говорил: „ты куришь" и прибавлял: „скажи это на твоем родном языке", мой учитель отвечал по-тунгусски (как будто это относилось к разговору), если он случайно курил: „я курю", если он не курил: „я не курю совсем". Если я хотел узнать третье лицо единственного числа, например: „он курит", то, чтобы сделать это понятным моему учителю, так как он не видел никакого третьего присутствующего, кроме нас двоих, я должен был прибавить: „он, наш хозяин, Дмитрий Дмитриевич" и одновременно показать пальцем на дом, перед которым мы сидели. Мой тунгус отвечал по-русски: „Как я могу знать, курит он или нет сейчас? Его и дома нет!"

К только что описанным трудностям изучения языка присоединялась еще одна, совсем другого рода. Она происходила от громадной жадности тунгусов к водке, с которой они познакоми-

лись через русских золотопромышленников, рабочих и торговцев. Без предварительного обещания водки нельзя было побудить ни одного тунгуса согласиться на самые незначительные занятия в целях изучения языка. И если они начинались, то мои тунгусские учителя их прерывали несчетное число раз требованиями „стаканчика водки", которые я, смотря по обстоятельствам, то должен был отклонить (особенно вначале, чтобы отучить мешать, но главным образом чтобы сохранить его трезвым), то исполнить, чтобы он остался услужливым при моих дальнейших занятиях. О том, как мешали мне и затрудняли мою работу эти беспрестанные прерывания, эти вечные отказы, успокаивания и обещания, мне не приходится и говорить.

После всего, что я сообщил, понятно, что тунгусы находили мои занятия с ними, особенно вначале, в высшей степени для себя тягостными и утомительными. Поэтому было вполне естественно, что они на все мои просьбы дать образцы песен, изречений, сказок и рассказов вначале упорно отрицали существование таковых, а затем объявили, что хотя раньше и существовали у них песни и сказки, но они их забыли. Если я обращался к старикам, то они отсылали меня к молодежи: те должны знать сказки, потому что их память не ослаблена употреблением водки, как у стариков. Если я обращался с моими просьбами к юношам, то эти говорили опять, что им сказки рассказывали старики, потому они их должны знать и, кроме того, у них лучше память, чем у молодых людей. Я постоянно слышал только одну коротенькую песню, которая, по утверждению золотопромышленников, переведена с русского, и вторую, состоящую из очень немногих слов. Это все, чего я мог от них добиться.

Сперва я думал, что они вследствие заметного и в других областях вырождения как бы окончательно забыли произведения своей национальной литературы, тем более что в старых русских произведениях, в которых описываются енисейские тунгусы, отрицается существование у них собственной народной литературы [6].

Но отрицательные результаты моих старательных исследований в этом направлении ни в коем случае не могут считаться окончательными. Вследствие вышеописанных затруднений и препятствий, которые встретились мне при попытке изучения языка у тунгусов на золотых приисках, я решился на совместную жизнь с ними в юртах. Здесь мне удалось основательно подвинуть мои исследования именно относительно народной литературы. Вероятно, побужденные чувством большего доверия ко мне, вследствие моей совместной жизни с ними, тунгусы стали рассказывать мне сказки и т. п. После того как первое затруднение было устранено, мне удалось дружеским и внимательным обращением, подарками и обещаниями водки, выпытать у них произведения их народной литературы, но особенно старики среди моих рассказчиков не переставали меня уверять, что непривычно медленное рассказывание и диктование особенно более длинных рассказов для них чрезвычайно затруднительно. Большинство из них только с большим трудом и после долгих уговоров и споров соглашалось дать к своим тунгусским рассказам хотя бы частичный русский перевод или, по крайней мере, приблизительное изложение, описание или объяснение их содержания.

Когда обстоятельства принудили меня снова перенести мою деятельность на золотые прииски, то мои отношения с тунгусами, мое знакомство с особенностями их характера и мое знание их языка и литературного творчества были уже так значительны, что возвращение к старым, неблагоприятным условиям работы не могло серьезно повлиять на результататы моих исследований.

Таким образом удалось мне установить большую часть запаса слов и форм енисейско-тунгусского диалекта и записать довольно значительное число песен, сказок, шаманских изречений и заклинаний и даже отрывки древнего эпоса — старинных преданий, изложенных на таком древнем языке, что и сами тунгусы понимали его с большим трудом, а иногда и совсем не понимали.

В частности ценность полученного мною материала состоит в первую очередь в том, что он, насколько это нам известно, отличается от материала других тунгусских диалектов, а также и в том, что он дает нам возможность через сравнение форм, известных на других диалектах, главным образом форм глагола, установить их образование, происхождение и значение и вместе с тем получить понятие о лежащих в их основе общетунгусских воззрениях и умственных способностях.

Установленный мною запас слов отличается богатством и разнообразием содержания и особенно достоин внимания потому, что в нем есть выражение целого ряда понятий, которые или совсем не находят выражения или лишь приблизительно выражены в известных до сих пор чрезвычайно ограниченных записях тунгусских диалектов. Таким образом мои записи представляют существенное обогащение наших знаний по тунгусским наречиям вообще.

Что касается упомянутых образцов, то они особенно ценны как подлинные документы, вскрывающие дух языка, как основа для исследования построения предложений и периодов и многочисленных других относящихся к области синтаксиса лингвистических явлений, отчасти также и для знания древних форм, особенно важных для сравнительного языкознания и истории языка. Эти произведения тунгусской народной литературы имеют выдающееся значение и по содержанию, как благодаря указаниям на нравы и воззрения тунгусов и на разнообразные стороны шаманского культа, так и благодаря сведениям об упомянутых важных событиях из истории этого народа.

Для пояснения сказанного и, главное, чтобы ознакомить с характером и разнообразием тунгусской народной литературы, целесообразно привести некоторые произведения из моего сборника, составленного во время путешествия, и присоединить к каждому из них некоторые замечания, относящиеся к форме и содержанию. Точное исследование этих литературных образцов, особенно со стороны языка, завело бы нас слишком далеко, поэтому я оставляю его для более обширного издания.

Образцы енисейско-тунгусской речи *

1. Колыбельная песнь

(Сообщено моим последним тунгусским учителем, *Тимофеем Ефимовичем Прокопием* из „третьего Куркагирского рода"; записано в деревне Каменское Пинчугской волости на Ангаре).

ạ-bā, ạ-bā!	А-ба, а-ба!
nuŋan hūjun huīkutkạn	Он, (мой) маленький, (он, моя) малютка [очень маленький],
tinīwa bạlduṣạn.	(Только) вчера у меня родился.
nuŋan ətan soŋoro,	Плакать он не смеет (не станет),
nuŋan bāldimakta!	Он (мой) новорожденный!

Что касается содержания этой колыбельной песни, то нам кажется странным холодное обращение матери к ребенку в третьем лице вместо нежного обращения на „ты", которое нам кажется единственно естественным, как выражение сердечного отношения матери к новорожденному, как раз здесь, когда мы должны представить себе ее занятой ребенком. Во всяком случае не исключена возможность, что употребление третьего лица (так же как у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер.

2. Сбившаяся с пути истинного девушка

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

asaīkan amaskī girkurän hurkokon bakaldiren.	Девушка ушла на сторону, чтобы жить у юноши. [Девушка обратно ушла, юношу встретила].
əntiilin həŋkācillə huttuwur:	Родители стали бранить свое дитя:
„surūkul nuŋandun! bakaldinne.	„Иди к нему, ты же хочешь (у него) жить! [ты встретила]
surūkul! anāḍem.	Иди, я отрекаюсь от тебя, [иди, отталкиваю].
ətam ädе gaḍera,	Ничего не получу я (как выкуп за тебя),
ạkin bakaldinne.	Когда ты выйдешь замуж [когда встретилась].
ätām sindu əjesta būre,	Ничего не дам я тебе (в приданое),
kogda mạnakan mạnmi bünne.	Так как [когда] ты сама себя отдала.
ạkirda okəl iceulle ähīlə mindūla hinne,	Никогда не показывайся мне на глаза,
eret sinne anaḍam;	Отсюда (из моего дома) я тебя выгоняю [отталкиваю].
ahile sinne əkəl iceullä mindula!	Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне],
täritta surūkol ahillä!"	Поэтому уходи прочь сейчас!"
„ahatkar, garūkan äḍestere mạrur halḍepkānes,	„Девушки! Со всякой виной, которую вы на себя берете, срамите вы себя,
oŋinne, aminne, ākinne!	А также мать, отца и брата!
upkat halḍerrep,	Мы все стыдимся,
ḍəkdəpcenne upkatpa".	Нас всех ты опечалила".

Этот образец сообщен мне моим учителем без обозначения его литературной формы; вполне возможно, что мы имеем здесь дело со стихами, так как на основе смыслового расчленения без особого труда можно разделить текст на четыре строфы, из которых каждая состоит из четырех связанных между собой аллитерацией строчек.

Что аллитерация начальных слогов или начальных звуков, соединенных в одну строфу строчек, играет в стихах тунгусских народов важную роль, но не такую существенную, как в народной и художественной поэзии монгольских племен [7], доказывается приведенными Ивановским в манчжурской хрестоматии (часть II, С.-Петербург, 1895, стр. 189—192) манчжурскими песнями (по Радловским записям) из Илийской области и одой об императоре Цзян-Луне во славу города Мукдена в книге Harlez „Manuel de la langue mandchoue" (Paris, 1884, pp. 134—137); далее, в гольдском — песней, сообщенной Протодиаконовым в книге „Песни, предания и сказки уссурийских гольдов" (подлинный текст в русском переводе находится в Записках Общества по изучению Амурского края [8] (том V, выпуск I, Владивосток, 1896, стр. 6).

Строфа 1-я указывает, что с одной стороны стихи 1-й и 2-й и стихи 3-й и 4-й с другой стороны попарно связаны аллитерацией — прием, которому мы находим соответствие в манчжурской [9] и монгольской [10] поэзии.

2-я [11], 3-я и 4-я строфы указывают каждая на нарушение аллитерации в начале 4-го стиха — явление, имеющее параллели и в стихах манчжурских [12] и монгольских племен [13], в поэзии которых неправильности выступают то в 4-м, то в других стихах. Тунгусское стихосложение совпадает с манчжурским [14] и монгольским [15] еще и в том, что аллитерироваться могут самые различные гласные.

---

* Ряд знаков работы д-ра Гута заменен знаками транскрипции, принятой в данном сборнике, а именно: у Гута: å, č, y, ü, ď, ń, ñ, ö, š ŧ, здесь: ạ, c, j, ụ, ḥ, ḍ, ŋ, ṇ, ə, ṣ, ṭ. В прямых скобках добавлен дословный перевод, данный составителем. *Ред.*

В этих стихах на ряду с аллитерацией в строках стихов выступает второй метрически-ритмический принцип: parallelismus membrorum. В 1-й строфе первая часть 3-го стиха находится в соответствии с первой половиной 4-го стиха. В 4-й строфе приведены в соответствие между собой стихи 1-й и 3-й через употребление одного и того же глагольного корня. Наиболее совершенно и отчетливо проведена параллель в строфах 2-й и 3-й, в которых 1-й и 3-й стихи и 2-й и 4-й по смыслу параллельны, причем соответствующие части характеризуются то подобием, то противоположностью содержания. В 3-й строфе очень ясно сопоставлены сходные по содержанию строки, в которых употреблен тот же самый словесный материал, хотя и в другом порядке.

Что касается формы стиха, то необходимо заметить следующее: хотя в введении говорится о родителях девушки, большая часть бранной речи вложена в уста одного лица, именно отца девушки. Также в начале и середине заключительной строфы происходит смена говорящих лиц.

Эта бросающаяся в глаза и достойная внимания, как часто встречающаяся, замена найдет себе объяснение при разборе третьей песни, которая даст мне возможность к этому вернуться.

Содержание этого стихотворения, позволяет нам установить следующие этнографические данные из жизни тунгусов Енисея:

1) что при венчании непорочной девушки отец последней получает калым от жениха;
2) что он с своей стороны дает дочери приданое;
3) что при венчании порочной девушки калыма не дают;
4) что в таком случае невеста не получает приданого;
5) что, хотя в негодовании родителей по поводу увода их дочери и играют роль и стыд и горе, причиненные ею себе и всей семье, главным мотивом негодования все же следует считать материальные убытки от потери калыма.

Для первого приведенного факта — выплата калыма у различных тунгусских племен — мы имеем много[16] доказательств; для второго — выдача невесте более или менее богатого приданого — имеются тоже достаточные подтверждения[17], приведение которых завело бы нас слишком далеко; поэтому я и оставляю для более обширного издания. Они подтверждают существование этого обряда у различных тунгусских племен.

Третий момент—случай лишения калыма, если девушка порочна. Я считаю себя в праве сделать заключение о существовании этого обычая из первой части второй строфы; слова во второй строчке стихов „если ты повенчаешься" дают указание на возможность законного венчания с возлюбленным или с другим человеком, который пожелает признать ее законной женой. На это же указывают слова akin bakaldinne, имеющие значение „так как ты вступаешь в связь с возлюбленным", — толкование, которое эти слова вполне допускают. По указанию моего тунгусского учителя, их надо объяснить именно в последнем смысле, и к предыдущим словам: „ничего я не получу (первая строчка моего разделения текста) прибавить: „никакого калыма от будущего жениха".

Четвертый момент — лишение невесты приданого, если она порочна. Нельзя сказать, указывают ли слова: „ничего я тебе не дам" на общепринятый в таких случаях обычай или они выражают только намерение одного говорящего и представляют наказание за проступок данной девушки.

Мне не удалось найти ни у кого из других путешественников никаких сведений по третьему[18] и четвертому пунктам; только у Латкина (Енисейская губерния, С.-Петербург, 1892, стр. 729) находим указание, что у енисейских тунгусов за порочную девушку уплачивается меньший калым.

Наконец пятый и последний момент — перевес недовольства из-за потери калыма над чувством стыда — кажется мне главным выводом из этой песни и имеет существенное значение как подлинное свидетельство о взглядах енисейских тунгусов. (Здесь мы имеем одновременно ценный документ для изучения наивных нравственных понятий вообще у всех примитивных народов).

Интересно отметить, что наряду с воззрениями, высказываемыми в этой песне, отсутствует то, о чем говорит Гикиш[19], ссылаясь на указания Георги[20], именно: об обычае у байкальских тунгусов принуждать соблазнителя девушки вступить в законную связь, заставляя его даже побоями; иногда бывали даже случаи убийства виновного родственниками девушки. Вот как говорит Гикиш: „Эта строгость вызвана не моральным негодованием, но единственно материальным ущербом, в виду потери калыма". Это замечание не обосновано никакими данными, заключение—лично Гикиша, которое он сделал, основываясь только на существовании обряда выкупа невесты. Если же мы рассмотрим изложенное Георги в подлиннике, то дело представляется в другом виде. Там значится (часть I, стр. 273) дословно: „Блуд наказывается только у мужчин. Отец девушки может взять из имущества любовника столько, сколько он захочет. И если любовник не желает жениться, то это желание вызывают побоями. Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой" Из этого изложения ясно, что у байкальских тунгусов в случае увода или соблазна девушки выкуп за невесту не отпадает, а его величина зависит от отца невесты, который может распространить свои требования на те или иные владения жениха. Тем самым отпадает материальное основание для негодования за нанесенный девушке позор и остается только моральное основание. По представлению Георги, для объяснения поведения родителей у байкальских тунгусов приходится принять только моральный мотив, так как вопрос о калыме отпадает. Из его слов ясно, что главной целью является восстановление чести девушки посредством замужества, и только в случае отказа жениха прибегают к принудительным мерам. Нет и речи о ненужной строгости, которую можно было бы объяснить как проявление гнева за неосуществление материальных эгоистических интересов. Что касается происходящих иногда убийств (стрелой) любовника родственниками девушки, то это указывает на остаток древнего обычая кровавой мести. Увод девушки у тунгусов Байкала еще в древние времена рассматривался как кровное преступление против чести всей семьи.

Таким образом окажется, что в последствиях, вытекающих из соблазнения девушки, существует заметная разница между обычаями байкальских и енисейских тунгусов, но это только если не признать, что обрисованное Георги положение вещей имеет место только тогда, когда речь идет об уводе или соблазне девушки против ее воли. В противном случае, если это происходит при ее согласии, соблазнитель освобождается от уплаты калыма (как это предполагает Гикиш, (ср. прим. 18). Если согласиться с этим предположением, то обычай байкальских тунгусов сходится с затронутым в нашей песне „уходом" у енисейских тунгусов, так как в этом случае, который говорит о потере калыма, речь идет, как это ясно вытекает из стихотворения, о полном согласии между девушкой и ее любовником. Если же это предположение не может быть подтверждено, то нужно констатировать разницу в обычаях обоих тунгусских племен. Этим наша работа усложнилась бы: 1) надо было бы найти аналогичные различия между этими племенами в других обрядах, в быте, представлениях и т. д., или установить их отсутствие; 2) исследовать, какое значение имело для образования этих различий соседство с одной стороны бурят, с другой—остяков, самоедов и особенно якутов.

3. Жалобная песнь осиротевшей девушки

(Старая песнь, переданная *Тимофеем Прокопием*)

„*i*kạ̄ḍewạt, *i*kạ̄ḍewạt! ạ̄rakōḍep!"

„Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!" [пожалуемся]

*u*pkatkāndewi soŋoḍoŋnom:
*ə*ntilwä *ə*mtilduwi hạ̄ŋạ̄ḍeŋnām,
*i*ŋŋamuktaw *o*ktirrān.
*ä*hilä *i*ndawida *a*ŋnam *a*jābḍire!

О всех своих плачу я:
Оплакиваю своего отца и мать,
Теките мои слезы [слеза скатилась].
Я не хочу и не могу дольше жить [теперь я свою жизнь не люблю]!

*n*əŋnikā̄rduwi suŋuḍuŋnum.

(И) моих братьев оплакиваю я [о весне—юности своей плачу].

əŋnam ạ̄ḍem ḍulạ̄ski!

И все-таки я должна дальше работать и творить! [не могу спать дальше]

*a*māka, ŋənəpkəl *a*jamalā *a*wunkīla!

О боже, направь меня к хорошим людям [эвенкам]!

tikin *ä*hila *ä*mukun [ostālen] [21],
*a*ŋạ̄ḍakān ōdan! [22]
hukutəmnun *a*jewūkinən,
bikti bodoteḍem ạ̄nkārwal ḍulạ̄ski!

Теперь я осталась совсем одна,
Осталась одинокой [сирота стала].
И чтобы только насытить тело [живот],
Должны быть направлены мои помыслы отныне и навсегда. [Поживу-ка, буду жить как-нибудь дальше].

*ä*hila *a*him sāre bạ̄ḍajəwi!

Я не знаю больше ничего (на свете), о чем я могла бы думать (и заботиться) [теперь не знаю жизнь свою]!

В этом стихотворении, которое мой учитель называет древней песней, я решил самостоятельно произвести разделение стихов по содержанию. Аллитерация начала стихов встречается только в 1-й строфе, которая, как и 3-я, состоит из пяти строк, между тем как 2-я состоит только из трех строк. В этой песне встречается и аллитерация внутри стихов, хотя во 2-й и 3-й строфах она и не особенно четко выражена (ср. стр. 16, отрывок из песни о герое Марэвуле). Доказательством того, что эта хорошо знакомая нам из древне-немецкой и северной поэзии форма стихов встречается и в области монгольской литературы, могут служить сообщенные Гальсаном Гомбоевым у Castrén-Schiefner, Burjätische Grammatik (С.-Петербург, 1857, стр. 228—233) „60 бурятских загадок" и приведенные Банзаровым известные молитвы шаманов (там же, стр. 234—239). Кроме того, в этих образцах встречаются отдельные с намерением подобранные полные рифмы в нашем смысле слова, расположенные рядом с основной рифмой (Stabreim).

Относительно формы важно заметить следующее: слова вступительных строк: „Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!" заставляют предположить, что вступительные слова поются хором. Жалобная же песнь, в которой представлено говорящим только одно лицо, исполняется одним голосом. Можно предположить, что это поэтическое произведение составляет часть большего (может быть, эпического) целого, в котором в предшествующей части песни рассказывается в кратком виде о смерти родителей и братьев девушки и в котором она сама изображена как определенная историческая или сказочная личность, хор же изображен состоящим из окружающих ее лиц—ее подруг и сверстниц. Как бы то ни было, во вступительных словах этой песни имеется ясное указание на существование хора, весь же остальной текст исполняется солистом. Это дает возможность объяснить указанное явление в песне о „сбившейся с пути истинного девушке", где тоже встречается замена множественного числа единственным.

Если же действительно существует предполагаемая мною аналогия между обоими случаями, то можно допустить, что переход от родителей (в введении этой песни) к одному лицу (изображенному говорящим в главной ее части), под которым, очевидно, можно предположить отца девушки, имеет основание в распределении ролей между хором и соло.

Особенно интересно, что в песне об обольщенной девушке заключительная строфа опять переходит к хору, который следует представить себе состоящим из двух частей: одна часть исполняет повествовательные, объективные составные части стихотворения, как первая часть заключительной строфы и первая (вводная) часть вступительной строфы только что упомянутого

стихотворения, в то время как другая часть хора исполняет те части, в которых действует группа лиц (родственники или друзья), лично заинтересованных в судьбе главного лица (сольный голос), например, вторая часть заключительной строфы той же песни и первая строка в первой строфе „Жалобная песнь осиротевшей девушки".

4. Отрывок из песни о герое Марэвуле

(Старое предание, сообщенное *Тимофеем Прокопием*)

Жена Марэвула сказала *:

Maräwul, äwa gucaṣ?	Марэвул, что ты сказал?
säkarwe koŋaktu,	Мои уши далеко слышат [ушами своими звон],
ḍure dawaḷul doldijem.	Через два хребта гор слышу я.

Марэвул ответил:

*ḍ*eghinḍe bakṣaŋḍam tadu *ḍ*oldeceḷḍem.	На подмостках на четырех столбах нахожусь я, там меня можно услышать [улечу, столбы (для лабаза) сделаю, там услышу].
*ɓ*akhṣalwaw Boietil käŋilie.	Столбы моих подмостков обглодали самоеды [Мои столбы людоеды грызть начали].
*ą*rim, *ą*rim; *ä*hinne doldire?	Я зову, я зову; разве ты меня не слышишь?
ḍemūḍere minne!	Они хотят меня съесть!
Iamoiem raḳakindu *ḳ*akdemat *ḳ*äcilla! [lämə ojomrakakindu gegdumätkäcilla]	На середине озера кусают они меня зубами [над серединой моря начали соревноваться].

Жена Марэвула возразила:

*ä*du *o*ḍep temanīduli?	Здесь должны мы жить на свете [что будем здесь делать до утра]?
miną wärekti, saŋanilḍenne.	Меня они убьют, ты будешь плакать [когда убьют меня, заплачешь].
huṇəkärtü doŋotoḅire;	Твои детки умрут [дети наши замерзнут].
si *o*ŋnan *o*ḍenne?	Должен ли ты один остаться жить? [ты как-нибудь сделай].
*ä*tan temanī *o*ḍenne.	Нет, ты не останешься жить на свете [утро еще не станет],
si da būḍenne.	Ты тоже умрешь.

Этот текст был мне передан Тимофеем Прокопием как древнее предание, но не как стихотворение. Я же все-таки думаю, что мы имеем дело со стихотворением, за это говорит эпически-мифологическое содержание и еще более, чем в предыдущей песне, выступающая аллитерация внутри стихов. Поэтому я предпринял деление стихов по их содержанию: так, мне кажется, что существуют три строфы: в 3 строки, в 5 или 6 строк и в 6 строк.

О содержании отрывка и герое Марэвуле мой тунгусский учитель сказал мне следующее: Марэвул кричал на скале, его жена слышала его: так громко он кричал. Он имел крылья и полетел; она слышала его издали (очевидно, надо дополнить: приближающимся, идущим домой). Он спрятался на высоких подмостках (похожих на те, на которые тунгусы кладут своих покойников) от самоедов (людоедов), потому что они, как показывает их русское имя, друг друга поедают[23] (очевидно, надо дополнить: и угрожали его съесть).

Если пополнить эти отрывки стихотворения по указаниям моего учителя, то обнаруживается замечательный факт, что мы имеем дело с рассказом о герое, который в измененном виде встречается и у другого тунгусского племени, а именно у гольдов на р. Уссури, в настоящий момент по пространству очень отдаленного от тунгусов Енисея члена тунгусского народа.

У Протодиаконова (1 ч., стр. 4—6) мы находим рассказ о великом герое по имени Моракклиш, о котором нам сообщается следующее[24]: Он „обошел в один день гору Khukčir (около 100 верст). Теперь, после обхода, он отдыхает на Muli-Khonko (горный хребет у с. Воронежского) и икает. Его жена вышла в это время (в лес) за дровами и услышала, как ее муж икает (на расстоянии 10 верст). Она принесла дрова домой и вышла вторично; в это время пришел ее муж. Она его спросила: „Где ты икал?" Он ответил: „Я икал на склоне воронежского хребта". Его жена ответила: „Удивительно! Как скоро ты оттуда пришел?" [Он возразил:] „Какое же это расстояние? Ясно, что возможно (так скоро сюда) вернуться!" [На горе он убил медведя и (вместе) с братом ночью его съел. После того вернулись они обратно домой. Дома он отдыхал, ничего не делал]".

Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с той же самой мифической личностью, как и в древнем рассказе енисейских тунгусов. И сходство имен слишком велико, чтобы быть случайным. К этому же присоединяется еще и то обстоятельство, что оба имени, Марэвул и Моракку, произошли от одного глагольного корня, значение которого яснее всего характеризует героя — его громкий голос, его способность быть услышанным на большом расстоянии, происхо-

* Весь текст представляет собою слова жены Марэвула. *Ред.*

дящий от корня moга—„кричать", этот корень сохранился в этой форме (со звучащим m) до сих пор только в гольдском [25], манчжурском [26] и ойротском [27] наречиях; может быть, и нерчинское — тунгусское barkirâm — я вою [28] относится сюда же.

О других подвигах героя Моракху и прежде всего о том, каким замечательным способом он убил свою мать и как потом он погиб сам, я расскажу на основании гольдских повествований в последующем моем более обширном труде.

5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела

(Сообщено *Тимофеем Прокопием)*

Шаман говорит духу болезни, который внедрился в члены больного:

ąkirwal ähīlä ətəkəllə	Никогда более [навсегда теперь кончайте]
ərūmat ŋəkəḍərə!	Не причиняй боли! [худое причиняете]
doldicaş?!	Слышишь ты?! [слышите]

Здесь могут быть интересны некоторые сообщения моего тунгусского учителя о том, как шаман излечивает больные части тела, о процедурах его при лечении вообще и, наконец, о его положении как врача. Больное место на ноге, на руке и остальных частях тела шаман излечивает, накладывая дощечки по обе стороны больного места и затягивая их ремнями или веревками. Через два дня больное место наверняка должно быть излечено; резать же шаман не имеет права.

При церемониях лечения шаман зажигает свечи и молится христианскому богу или Иисусу Христу или Николаю-угоднику (милостивому Николе, который называется тоже Николаем-чудотворцем), одному из главных святых греческой церкви. Номинально теперь большая часть тунгусов крещена по православному обряду, но из сказанного ясно, как мало эта внешняя принадлежность к христианской вере оттеснила шаманизм. Характерно для их детских религиозных взглядов то, что шаман полученные от семьи пациента деньги кладет под стекло находящейся в юрте иконы, так что их можно видеть, и вешает эту икону при своих церемониях; при этом мой учитель заметил: „Шаман говорит очень умно, особенно, когда висит икона". В вознаграждение за лечение шаман получает от каждого взрослого члена мужского пола семьи пациента пять рублей, или соболя, или оленя. У неимущих он отказывается от оплаты. Из своей выручки он дает каждому одинокому старцу, каждой одинокой старухе и каждому осиротевшему ребенку, состоящим в родстве с пациентом, по три рубля. Это проявление социальной заботливости со стороны шамана достойно большого внимания: оно обрисовывает деятельность и положение шамана в моральном отношении в более благоприятном свете, чем раньше.

6. Заклинание шамана против оспы

(Сообщено *Тимофеем Прокопием)*

şuwancälmi nuŋaŋmān ninākäriḍe	Схватите собак и с ними его (демона болезни)
upkat topukollo!	и убейте всех (собак)! [Если шаманить ему собаками, всех (их) убейте!]

Это требование убить всех собак в данной тунгусской орде и тем самым изгнать оспу имеет, по сообщению моего учителя, тот смысл, что духи убитых собак понесут болезнь обратно в деревню, из которой они пришли. Тунгусы думают, что оспа к ним заносилась, заносится и впредь будет заноситься из русских поселений.

Интересно сравнить с воззрениями, выраженными в этом заклинании, некоторые показания и выводы Bartels'a в его книге „Die Medicin der Naturvölker" (Лейпциг, 1893). В 87-м отделе этой книги (стр. 194—196) автор говорит о ловле и задержании демона болезни у различных народов. Различные предметы употребляются для вызова и задержания демона: ветки и листья, зерно перца, куклы и человеческие фигурки из пальмовых листьев. Эти предметы затем выносятся и выбрасываются или уничтожаются и тем самым приготовляется конец существованию демона болезней. В этом случае, продолжает Бартельс, демон болезни заключен в фигуру человека, иногда же встречается, что для этой цели ставится фигура зверя. Это бывает тогда, когда и злого духа, который причиняет болезнь, представляют себе в образе зверя (многочисленные примеры приведены Бартельсом, стр. 21—23). На Танембаре и Тиморландских островах старые женщины пытаются лечить эпилепсию, которая, по мнению жителей этих островов, вызывается птицей, сидящей в больном. Для этого они изготовляют изображение птицы. Вечером они приносят в жертву рис и куру и после этого стреляют в изображение (стрелами). И у индейцев-дакота очень часто стараются объяснить болезнь тем, что дух зверя или, лучше сказать, дух в образе зверя, проник в тело пациента. Тогда врач изготовляет из коры дерева изображение этого зверя и ставит его перед хижиной больного в сосуд, в котором красная земля смешана с водой. Два или три индейца стоят с заряженными ружьями наготове. Как только врач подает им сигнал, они стреляют в зверя, изготовленного из коры, чтобы его уничтожить. Если найдутся еще какие-нибудь остатки от изображения зверя, в которого стреляли, то их старательно сжигают. Если это не исцеляет больного, то проделывается подобная же церемония [29], но вырезают уже другого зверя и опять стреляют в него.

В только что приведенных примерах говорится вообще о заключении демона болезни в изображении какого-нибудь зверя, а не в живом звере, как в приведенном нами заклинании тунгусского шамана. Мы наверно не ошибемся, если предположим, что требование, выраженное в последнем представляет более древнюю ступень развития по сравнению с первым обычаем замены

смерти самого приносимого в жертву зверя уничтожением его изображения. Вера в возможность вселения демона болезни в предмет или фигуру связана тесным образом с идеей умилостивления духов и исцеления больного посредством искупительной жертвы и развилась именно как следствие этой идеи. Этим объясняется, что мы в некоторых церемониях встречаем выражение обоих этих представлений (например, в вышеуказанном случае).

Это показывает нам, что во всех случаях, где церемония заклинания встречается сама по себе, мы усматриваем вторичное образование, в котором первоначальный смысл уже утерян. Правильность этого взгляда вытекает из соображения, что по наивному воззрению дикаря, для вызова демона из больного необходимо побуждающее средство, находящееся в предмете, в который надо заманить демона, с этого и надо начать церемонию лечения. Нельзя предположить, что при такой церемонии заклинания имеется в виду применение насилия по отношению к демону, так как примитивный человек боится демона. С другой стороны, тот же психологический аргумент принуждает нас принять, что более древняя ступень развития — умилостивляющие жертвы. Связывающим звеном между этими двумя стадиями и является одновременное проявление: с одной стороны — желания примирения, с другой — тенденции удержать явившегося съесть умилостивляющую жертву демона и уничтожить его, одним словом, переход от способа укрощения или умилостивления к применению хитрости. Поводом к этому послужило то, что из экономических и частью моральных причин людей и животных при жертвах стали заменять их изображениями, а также ветками, листьями, плодами, а человеческие жертвы стали символически изображать, хотя и подлинными, но с незначительными повреждениями той или иной части тела кого-либо из родственников пациента. Так как надо было думать, что демон не будет доволен такими показными жертвоприношениями, то пустились на хитрость и жертву употребляли лишь для обмана, как приманку, чтобы с ее помощью поймать изгнанного из больного демона. Интересно заметить, что даже в довольно скудном материале, который по этому вопросу собрал Бартельс, мы находим примеры для каждой из вышеобозначенных трех ступеней развития.

Подробное доказательство я отложу до моего будущего более обширного труда, здесь же я хочу указать на то, что вышеприведенное тунгусское заклинание шамана представляет соединение обоих обсуждаемых воззрений, а поэтому и принадлежит ко второй стадии развития. Здесь мы ясно видим переход из первой стадии, так как здесь идет речь еще о настоящем, а не показном жертвоприношении, но при этом уже ясно выражена и идея задержания. Мысль заманить демона через жертву, которая здесь состоит из убитых собак, не была высказана моим учителем, наверно для него и его соплеменников давно утрачен настоящий смысл этого заклинания шамана.

7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

ätan baldärä amakan,	Она не рожает [не станет рожать] так скоро,
goroije biḍen.	Начались родовые боли [долго уже].
sewunʇeḍip nuŋanman.	Мы ее будем лечить изображением идола [пошаманим на нее].
uikəllə, uikəllə!	Лейте, лейте жертвенное питье! [свяжите, свяжите]
oronno taputkəllə!	Убейте (принесите в жертву) оленя!

8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

ahilikalla tarāwa ahīwa (или: ahatkānma)	Женись на той женщине (девушке) [возьми в жены ту женщину].
„nuŋanmān ajāum	„Я люблю ее [ее люблю]
adīwal bine".	одну из всех женщин на свете [сколько-то будучи]".
surūkullūo əntildulan	Пойди к ее родителям и
onmal gūnḍire əntillin.	Скажи это каким-нибудь образом им! [Что-либо скажут ее родители.]

Примечания

[1] Надпись Jen-t'ai у Kai-fuŋ fu в китайской провинции Хэ-нань; см. Devéria, в Revue de l'Extrême Orient, Paris, I, 1883 г., стр. 173—186, и мою краткую статью: Zur Entzifferung der Niüčī-Inschrift von Jen-t'ai в „Известиях Академии Наук", СПБ. 1896, декабрь, т. V, № 5, стр. 375—378.

[2] Юченско-монгольско-китайская надпись со скалы Тыр у устья Амура, см. об этом статью Васильева в „Изв. Акад. Наук", СПБ. 1896, апрель, т. IV, № 4, стр. 365—367, и Grube „Vorläufige Mitteilung über die bei Nikolajewsk am Amur aufgefundenen Jučen Inschriften", Берлин, 2 дек. 1896 г. — Далее в более древних и сложных, еще совершенно не расшифрованных рукописях, Kinz eu, которые Wylie опубликовал по китайскому изданию в I. R. A. S. XVII (1860), стр. 331—345.

[3] Из находящегося в китайской „Цинской истории" списка 84 слов юченей Visdelou опубликовал 34 в Herbelot's Bibliotheque Orientale, вып. in 4°, la Haye, 1777—79, том IV (1779),

стр. 288 (перепечатано в Langlès „Alphabet mantchou", 3 изд., Париж, 1807, стр. 38 — 39). Полный перечень сделал Klaproth, Asia Polyglotta, Париж, 1823, стр. 292 — 294, и после него Wylie в предисловии к своей книге „Translation of the Ts'ing wan k'e mung", a Chinese grammer of the Manchu Tartare language, Шангхай, 1855, стр. LXXVI — LXXX. На это издание ссылается Harlez в своем сочинении „Niu-tchi et Mandchous", Journal Asiatique, 1888, стр. 220 — 249. Из многоязычного словаря Hoa-i-i-you (см. Hirth в I. A. S. North China Branch, том XXII) Grube опубликовал 871 юченское слово (Die Sprache und Schrift der Jučen, Лейпциг 1896, также статья Grube в T'oung Pao, том V, стр. 334—340).

[4] Правильно было определено отношение между юченями и манчжурами, именно относительно их языка, в первую очередь Harlez на основании лингвистических и исторических исследований, см. только что умянутое сочинение. В нем (стр. 248) автор делает вывод в следующих словах: Манчжуры принадлежат к той же семье народов, как и нюй-чжи, но они не являются их потомками и продолжателями их рода. Их язык находится в тесном родстве с языком нюй-чжи. Тот и другой являются диалектами одного наречия, но диалектами разнородными, представляющими на ряду со сходством и большое различие.

[5] См. приведенное мною выше сочинение, стр. 376, и заключительный абзац, стр. 377

[6] Например, у Степанова „Енисейская губерния", 2 части. СПБ., 1835, II ч., стр. 76.

[7] См. Позднеев, Образцы народной литературы различных монгольских племен, ч I, Народные песни монголов, С-Петербург, 1880, стр. 323.

[8] Полное наименование сочинения: „Записки Общества изучения Амурского края, подотдела Амурской секции Русского Географического общества".

[9] См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфа 5; стр. 190, песнь 1, строфа 12; стр. 191, песнь 4, строфы 6 и 7.

[10] Позднеев, стр. 326, в), а главным образом стр 332, а).

[11] В строфе II неправильность наверно не древнего происхождения, так как вместо взятого из русского языка „когда" в начале 7-ой строки, которое, очевидно, внесено моим тунгусским учителем, знающим русский язык, наверно стояло тунгусское слово, и очень возможно, что равнозначное с „когда" — akin. Подтверждается это тем, что мой учитель и в начале второй строки сперва говорил „когда" вместо kin и заменил его тогда, когда я выразил свое удивление, что нашел русское слово в тунгусском тексте. Это доказывает, что у живущих в постоянных сношениях с русскими тунгусов внедрились русские слова так глубоко в язык и употребление, что тунгусы более не сознают их чуждого происхождения и употребляют их вместо первоначальных равнозначащих — явление, которое я мог наблюдать в еще более замечательных случаях, а также в таких случаях, когда первоначальное слово молодому поколению тунгусов совсем не известно (забыто). Следующий пример вставления русских слов в тунгусский текст, даже совсем древнего происхождения, со стороны знающих русский язык тунгусов см. ниже, прим. 21.

[12] См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 1, 4 и 9; стр. 190, песнь 1, строфы 11 и 14; песнь 2, строфы 1 и 2; стр. 191, песнь 3, строфа 1; стр. 192, строфы 3 и 12.

[13] См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 77, строфы 1 и 6; стр 78, строфа 2; стр. 88, строфа 7; стр. 95, строфа 6; стр. 107, строфа 1; стр 110, строфы 1, 2, 6, и т. д.

[14] См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 2, 3, (5), 9; стр. 190, песнь 1, строфа (12), 14; стр. 192, строфа 13.

[15] См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 64, строфа 4; стр. 66, строфа 1; стр. 77, строфы 3 и 6; стр. 78, строфы (1), 2 и т. д.

[16] См. Brand, Neu vermehrte Reise-Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... 3 изд., Любек, 1734, стр. 99, Gmelin „Reise durch Sibirien", ч. II, стр. 215 и 648, Геттинген, 1752; Georgi, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche J. 1772, (СПБ., 1775), стр. 264; Middendorf, Sibirische Reise, том IV, часть 2, изд. 3, стр. 1497—1499 (СПБ. 1875); Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, том III, изд. 3, стр. 658 (С.-Петербург, 1895); Латкин I, стр. 129.

[17] Георги, I, стр. 264; Миддендорф, I, стр. 1497.

[18] Когда Hiekisch („Die Tungusen", С.-Петербург, 1879, стр. 91) в приведенном выше отрывке говорит о потере калыма вследствие увода, его приходится обвинить, если он имеет в виду описание байкальских тунгусов у Georgi (часть I, стр. 273), в недостаточно тщательной разработке материала, как это показывает приведенный далее подлинный текст из книги Georgi. Если же он (как это показывают слово „уход" и указание на безнаказанность девушки) делает вывод о различии обычая при добровольном и недобровольном уходе, так что калым отпадает только в первом случае, то можно предположить, что он относит слова Georgi только ко второму случаю. Все-таки его замечание об утрате калыма остается неподтвержденным источниками.

[19] Hiekisch, I.

[20] Георги, I.

[21] Русское слово „ostâlen" должно быть правильно, так как в женском роде „ostalnā", которое мой тунгусский учитель здесь вводит, как будто это принадлежит подлинному тексту и, очевидно, не сознавая его нетунгусского происхождения, является совершенно лишним, так как прибавляет к совершенно ясным словам: „так я совсем одна" дополнение „осталась". Поэтому придется заключить, что русское слово стоит не вместо ранее бывшего здесь равнозначного с ним слова, как это указано в примечании 11, но что мой тунгусский учитель сам его прибавил, не сознавая его непринадлежности к тексту, вследствие частых употреблений.

[22] По смыслу вместо ódan — он стал, конечно, надо читать ódam — я стал.

[23] Русская народная этимология, происхождение названия „самоеды" от русских корней amo — себя и jed — есть. О вероятности финского происхождения этого слова и его значении см. Fischer, Sibirische Geschichte (С.-Петербург, 1768), ч. I, Введение, стр. 118; Castrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, С.-Петербург, 1887, стр. 68.

[24] Я следую здесь русскому переводу, изд. Протодиаконовым.

[25] Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichniss, СПБ., 1900, стр. 119-в: мора — кричать.

[26] H. C. von der Gabelentz, Mandschu-Deutsches Wörterbuch, Лейпциг 1864; mura-mbi — кричать, блеять, оленя заманивать, также приведено у Грубе.

[27] Леонтович, Русско-ороченский словарь в Записках Общества изучения Амурского края, том V, часть 2 (Владивосток, 1896), стр. 80: муррай — кричать; приведено также у Грубе, I; при этом Грубе дает новый корень из другого произведения на ороченском языке.

[28] Castrén, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, С.-Петербург, 1856, стр. 94-в, 104-в.

[29] Все не имеющие для моих выводов значения части этой церемонии я выпустил, чтобы не усложнять изложения.

Г. Гут

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВАРИАНТОВ ТУНГУССКИХ ПРЕДАНИЙ *

1. Kərändə, Uŋani

... (Uŋani): „ŋŋą, äŋi, gŭkɔl, təḍə-wəl-nun?" — „ŋɔkä, təḍə-wəl-nun?" (Nuŋan) tawicillän, ŋän dəgullän. Atirkän: „təḍə-wəl-nun ödän". Uŋani atirkänma anullän, dəgullän. Uŋani Kərəndŭwə galäktəllən, kuşidäwal. Uŋani atirkänma (h)anŋŭktallan: „Kərəndŭ ili ŋənəcän? ugigili-li, hərgili?" Ŋaŋamnän öllan, mucidirän Kərändəwą. Uŋani iştan, dəktənələn la kucäḍärä. (n)anŋuktinän. Kərəndə äḍärän, asïwän Uŋani (h)anŋuktallan: „idu dəktuŋalin Kərəndənil?" — „Ujilą lokucäḍärä". Irura həgullän dəktuŋilwən. Kuşidäwi, Uŋani i'äcillan Kərəndəwą. Kərəndə ḍəŋllən Uŋani fata ijätirän kudäwi. Kərändə: „ḍəbḍəm əşikänan Əkəlkən, Uŋani; əkəlkən, däbḍämkən, kuşilləp lämə uŋurikäkinda". Kərändə guŋän: „ḍäbḍäm-kən, hərkiwi tətəktəm-kən, əkəl-kən məŋuŋä Uŋanuŋani, si-dən ëkunma abamdännä Uŋanuŋani hərguşuk, hərgişuk təgəndulläs ökta. Haruni, haruni hərgisuk, hərgsiuk. Kərəndə kusillən Uŋaninun. Kərəndə Uŋaniwa dəktənəwən aulicillən. Uŋaniwalin Kərəndəwą dəktəwän tipattän aurän. Kərəndə əjərän, b(i)radu, əjərän dəktənən aurgärän, albaran jusiḍämi, lämudu buddän. Uŋani mucuhinän atirkändulä. Kərəndəwą wärän, əjirən b(i)radu, guŋän: Kərəndəwą wämë". Atirkän aşin taḍärä: „Şi-käun wäḍännä, əşim taḍämätərä. „i-luwär wäräkis, äşim täḍämätkäkuttə Nän aŋundulän iştan, atirkandulä. Atirkän kətuŋrən...

... Kərändŭ Uŋani dəgtiŋnəcä. Dəgünällən bïşä. Lämudu kusillä. Kərändəwą Uŋani əjirän, b(i)radu əjirän. Nuŋan buddän. B(i)raduk albara jucämi. Nuŋan bəjälwə wäcän, ḍäpcän. Nuŋan bəjälwə ətədän ḍäbḍəmi, Uŋani Kərändəwą wärän. „Si ətəkəl wäḍəmi bəjälwə Kətəwą däuŋnä əhilä". B(i)radu əjärän. Nuŋan b(i)raduk juscärän. ḍapkuŋma tirganil iŋäcän. Əil huŋukan ödan (Kərəndŭ həgdiŋə bicän) Uŋani mucuhinan, guŋän atirkändu: „Bï Kərəndəwą wämë". Atirkän tärä aşin taḍärä, guŋən; „siŋärikä kətirä wämi..." Atirkän amäwmurän. Kərəndŭ upkatpa ḍəptan." Atirkän sulacän. Kərəndŭ ilmakta upkatpa ḍäptan. Uŋani ajat surŭrän, (Et əduk ŋänä ödan?) Atirkän Uŋani bakarän, ilə äcin, ələ atirkän Uŋaniwa irgicän...

Корэндо, Уныны

... (Уныны): „Мама, мама, скажи, правильно ли (довольно ли)?" — „Малыш, довольно ли?" (Он) начал ковать (крылья), опять взлетел. Старуха: „Довольно стало". Уныны старуху оставил, взлетел. Уныны Корэнду искать отправился, чтобы биться. Уныны старуху спросил: „Корэндо где шел (летел)? повыше ли, пониже ли?" Пошел, нагоняет Корэндо. Уныны дошел, крылья (Корэндо) висят. Спрашивает. Корэндо спит, жену его Корэндо спросил: „Где крылья Корэндо?" — „Вверху висят". Притащили, укрепил крылья. Биться Уныны стал просить Корэндо. Корэндо начал есть. Уныны все еще просит биться. Корэндо: „Ем сейчас, подожди, Уныны, подожди, поем, биться начнем над самой серединой моря". Корэндо сказал: „Ем, хорки надеваю, подожди... Уныны... ты-то что... Уныны пониже, пониже до посадки спущусь". Головокружение, головокружение, пониже, пониже". Корэндо стал биться с Уныны. Корэндо Уныны крыло ломать начал. Уныны Корэндо крыло двинул, сломал. Корэндо потонул в реке, утонул, крыло сломалось, не мог выйти, в море пропал. Уныны вернулся к старухе. Корэнду убил, утопил, сказал: „Корэнду убил". Старуха не поверила: „Ты-то убьешь, не поверю. Если и убьешь ты, не поверю никак". Опять к матери-старухе пришел. Старуха...

... Корэндо (и) Уныны полетели. Стали летать. На море начали биться. Коренду Уныны утопил, в реке утопил. Он пропал. Из реки не мог выйти. Он людей убивал, ел. Чтобы он людей прекратил есть, Уныны Корэндо убил. „Ты перестань людей убивать. Много съел теперь". В реке утопил. Он из реки выскочил. Восемь дней жил. В это время уменьшился (Корэндо большой был). Уныны вернулся, сказал старухе: „Я Корэндо убил". Старуха не поверила, сказала: „Мышей вероятно убил"... Старуха... Корэндо все съел. Старуха осталась. Корэндо молодой все съел. Уныны хорошо ушел. (Чем же с тех пор стал?) Старуха Уныны нашла, людей нет. Только старуха Уныны воспитывала...

---

* Тексты д-ра Гута, из его полевых тетрадей, хранящихся в архиве Института востоковедения Академии Наук. Перевод сделан Г. М. Василевич. *Ред.*

2. Culugdi

Culugdi iŋaktacī, iktəlin surkamal, ərəktuŋ gimatpa ąhin urərä.

„Amäkä iŋaŋilä ajukacinni?“ — „Talamaja ajama şinni ūcakis änä gärві?“ — „Koktagda“. — „Ninakinnä änä gärві?“ — „Tintandu gärвim“. Ugutatcärän Koktagda „Koktamatak äḍąm sularä, Timtamatan ätąm sularä...

...Tägrəp şulakī əmərän aşīwa suwrän, hərkəpcąwą şuwrąn. Ŋəməmməjə hərkəcąn: „Şulakī ələs tinä aşīwa?“ — „Amaka, bī ipkakuna tinäm“.

Чулугды

Чулугды волосатый, зубы клыкасты, клюв не похож на gimat.

„Дедушка, бабками играешь (бабки перекатываешь)?“ —„...Хорошего твоего верхового оленя как имя?“ — „Коктагда (копытистый)“. —„Собаки как имя?“ — „Тинтанду называю“. Села верхом на копытистого. „Копытистого не оставлю. Тимтамду не оставлю“.

...Узнаем, лиса пришла, женщину освободила, привязанную отвязала. Медведь сказал: „Лиса, почему освободила женщину?“ — „Дед, я ipkakun освободила“.

В. Н. Васильев

ТУНГУССКИЕ ПРЕДАНИЯ [1]

Помещаемые ниже тунгусские предания записаны мной в Туруханском крае в 1905 году на обратном пути из Хатангской экспедиции. По завершении ее главных задач и разделении состава экспедиции на две партии для следования в обратный путь мне пришлось ехать с начальником ее И. П. Толмачевым, направлявшимся на Олекминск на реке Лене. Часть этого пути между озерами Ессеем и Яконгдой мы совершили с илимпийскими тунгусами. В пути, на ночлегах, в чуме у тунгусов я занимался записыванием тунгусских слов и фраз и собиранием этнографических сведений. При этом же мне были сообщены и предлагаемые предания. Главным рассказчиком был тунгусский князь Николай Харагир, по прозвищу Чунго, человек выдающийся по уму в своей среде. Только одно предание — „Умна“ — рассказано другим тунгусом. Оба мои рассказчика не говорили на якутском языке, которым я владею, почему приходилось пользоваться переводом тех, которые знали этот язык, записывая предания уже на русском языке у себя в чуме, непосредственно за рассказом. При этом я старался держаться возможно ближе его духа. Пять из этих преданий относятся исключительно к тунгусскому быту. Одно, озаглавленное мною „Юраки“, по словам самого рассказчика, позаимствовано от юраков на реке Енисее. Наконец, последнее — „Дыгын“ — представляет, повидимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованный от якутов и несколько видоизмененный. Все эти предания приводятся здесь без всяких изменений, как были записаны мною в то время, в предположении, что под свежим впечатлением они были воспроизведены с большим сохранением колорита и что позднейшие поправки и переделки лишь отдалили бы их от духа рассказа.

1 Уриан и Molуна

Жил в старину витязь, по имени Уриан. Он был прекрасный охотник и неустрашимый боец. Не было зверя, которого он не мог бы догнать и убить; не было человека, который мог бы противостоять ему; всех он побеждал, лучше всех стрелял и был сильнее всех.

Далеко шла слава об удалом, непобедимом витязе Уриане: все тунгусы о нем знали и слышали, всем были известны его подвиги. В то же время жил другой тунгусский витязь, Molуна, также знаменитый, одолевший многих сильных и главных удальцов-тунгусов. Много наслышался и Molуна об Уриане, и досадно ему было, что о нем говорят меньше, чем об Уриане, и завидно; хотелось ему уничтожить славного Уриана, но вступить с ним в открытый бой он не решался. Слава об Уриане между тем росла да росла и не давала покоя Molуна. Наконец, он собрал своих людей и направился к жилищам Уриана. Жил последний на берегу одной речки, где стоял его чум и чумы его людей. Подкрался Molуна со своими людьми к речке вечером, уже темнело. Уриан с частью своих людей в это время были дома. Molуна, со своими людьми, держа в руках свои луки вверх, подобно рогам, стали перебредать речку. Уриан слышал, что на воде происходит что-то, и, увидев в темноте какие-то торчащие кверху предметы вроде рогов, решил, что это дикие олени.

— Ну, утром поохотимся на них, а теперь темно,—сказал не подозревающий ничего Уриан и успокоился.

Люди его и работники разошлись тем временем по разным делам, кто в лес, кто куда. На одного из них как раз напали люди Molуна, схватили бедного тунгуса, скрутили и привели к вождю своему. Molуна посмотрел на схваченного и говорит ему:

— Скажи нам, как узнать твоего вождя, по каким приметам, и мы оставим тебя в живых, а иначе тебе грозит смерть.

Испугался пленник и говорит:

---

[1] Из „Живой старины“, в. I, СПБ. 1908, стр. 362—370, и в. I, СПБ. 1909, стр. 90—100. *Ред*

— Когда мы сядем за еду, он один лишь среди нас будет сидеть на камне [1] и, когда ему станут давать пищу, будет подставлять не голую ладонь, как мы, а таловые стружки, чтобы не смягчить на пальцах кожу и мозоли от тетивы лука; вы это и примечайте.

— Хорошо, да смотри не проговорись,—сказал Молуна.

Тунгус ушел и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уриан со своими людьми сел на берегу у костра есть. Но только он принялся за еду, как над головой его прожужжала стрела, пущенная из-за кустов рукой Молуна. Не ожидавший ничего подобного Уриан метнулся с места и одним прыжком, без всякого оружия перескочил через речку, но здесь его догнала вторая стрела Молуна и впилась ему в икру ноги. Безоружный и раненый Уриан сел на берегу, а враги его тем временем, выскочив из-за кустов, стали осыпать его тучами стрел.

Однако, и безоружный и раненый, Уриан так ловко отстранялся от направленных на него стрел, что ни одна из них не попала в него. Долго стреляли в него, но все без результата. Наконец, Уриан крикнул своим противникам:

— Что же вы одни все стреляете? Бросьте и мне кто-нибудь свой лук и стрелы, попробую и я пострелять в вас.

Никто, разумеется, не бросил ему своего лука.

— Ну, все равно, —сказал тогда Уриан,—что мне теперь маяться хромому; скоро вы меня так или иначе доканаете, так стреляйте же хорошенько, — и, закрыв глаза, тотчас же пал, пораженный в нескольких местах стрелами.

Молуна с людьми очень скоро после этого справились и с людьми и с работниками Уриана. Жена Уриана сделалась добычей победителя, но перед тем, как быть уведенной, успела спрятать маленького своего сына под опрокинутый котел.

Довольно далеко от места побоища, в стороне, в лесу, жил престарелый отец убитого Уриана. Туда-то и направился Молуна. Явившись к старику, Молуна с насмешкой сказал ему:

— Убили сегодня одного мойку [2], но он оказался настолько худ, что даже мозги растаяли [3].

Понял старик, какая участь постигла его сына, поник головой и проговорил:

— Как не быть сухим и не стаять мозгам, в последние три года он один своей охотой на дичь прокармливал семь семей.

Посмотрел Молуна на старика, на его дряхлость и, решив, что не стоит убивать его, отправился к себе домой. По его уходе старик пошел к месту табора своего сына, увидел его труп, нашел под котлом мальчугана и, взяв его с собой, вернулся к себе домой. Стал старик воспитывать своего внучка. Долго ли, коротко ли—неизвестно, сколько прошло времени—мальчик уж подрос, стал резвиться, поигрывать луком, а скоро стал и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый раз дальше и дальше от дома стал уходить сын Уриана: что ни день, то он позже и позже возвращался домой. Бродя так по лесам и лугам, между гор и озер, он увидел однажды затесь на дереве, там другую, третью. Затесь была старая, совсем посеревшая. Стал парень прослеживать затесь и увидел, что она показывает чей-то путь, идя в одном направлении, правильно и на близком расстоянии друг от друга. Вернувшись домой, парень стал расспрашивать деда: какие это затеси на деревьях? Старик отделался незнанием. Заинтересовали парня эти старые затеси, чуялось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще стал он приходить к этим затесям и пробовать проследить их и чаще и настойчивее расспрашивать о них деда. Спрашивал он его и об отце своем:

— Скажи же, дед, ведь должен быть у меня отец и мать; где же они или что с ними сталось?

Но дед упорно молчал. Стал сын Уриана приходить к загадочным затесям еще чаще и прослеживать их еще дальше, так что начал уходить не на день, а на несколько дней и настойчивее приставать к старику с расспросами. Видит старик, что парень возмужал и окреп и что его не удержишь: того и смотри, уйдет сам, и рассказал ему все об Уриане и его смерти.

— Был у меня Молуна,—добавил старик к своему рассказу, —посмеялся надо мной и сказал, что на обратном пути сделает затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Уриана. Но ты, дитя мое, не вздумай преследовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя был отец, и не плох должен быть человек, которому удалось убить его; не тебе с ним тягаться.

Не таков был, однако, сын Уриана, чтобы его можно было испугать. Попрощался он со стариком, взял свои охотничьи снаряды и отправился в путь. Долго он шел и пришел, наконец к старому кузнецу. Здесь парень остался на некоторое время и заставил старика ковать себе оружие, а сам занялся охотой и прокармливал старика, пока тот ковал ему. Скоро старик выковал ему броню железную и множество стрел, но, догадываясь о том, кто может быть его заказчик, долго уговаривал его не ходить к Молуна и вернуться обратно. Тот опять-таки не послушался. Тогда старик указал ему путь к Молуна и пожелал ему успеха, и тот снова отправился в путь. Скоро показался лагерь Молуна. Снял сын Уриана с себя броню, колчан со стрелами, отложил лук, спрятал все это в лесу и сам, одевшись в рваную одежонку, пошел к чумам. По середине лагеря стоял чум, сделанный лучше и просторнее других. Решив, что это и должен быть чум вождя, парень вошел в него. В чуме были одни женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины расспрашивать парня, кто он, откуда и зачем ходит. Пришелец выдал себя за заблудившегося сироту, случайно набредшего на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся с охоты хозяев. Сын Уриана выглянул за дверь и, увидев подходящих к чумам людей,

---

[1] В те времена люди садились за еду не в чуме, а вне его, вокруг костра.

[2] Годовалый олений теленок.

[3] Костный мозг оленя в сыром виде у тунгусов лакомое блюдо. У сухого животного он разжижается и теряет свой вкус, почему выбрасывается.

сразу и безошибочно определил, кто из них должен быть сам Molyнà. Действительно, скоро вошел в чум сам Molyнà и, заметив новое лицо, спросил, что это за парень. Тот сам повторил ему то же, что перед тем говорил женщинам.

— А накормили ли его? — спросил хозяин баб.

— Кормили, — ответили те.

Стал Molyнà тут рассказывать, как он убил когда-то Урнàна, как делал затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Урнàна родных, — закончил он,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гм, так ты хвалишься, оказывается, тем, что убил его хитростью, из-за угла?! — воскликнул, сын Урнàна, вскочив с места. — Я проследил твой путь и пришел по твоим следам.

Услышав это, Molyнà кинулся на него с ножом, но тот успел выскочить. Крикнул тогда Molyнà своим людям:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Урнàнов сын был уже далеко; он прибежал в лес, к тому месту, где спрятал свои доспехи, оделся, взял свои стрелы и лук и двинулся навстречу людям Molyнà. Тем временем и сам Molyнà, одетый и вооруженный, вышел к своим людям, а те уже начали стрелять в пришельца; уже целые тучи стрел летели на сына Урнàна, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Molyнà один за другим падали, пораженные стрелами пришельца; ни одной стрелы он не пустил мимо; что ни выстрел, то убитый или смертельно раненый. Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов. Метко стрелял парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрелял всех людей и работников Molyнà. Остались они вдвоем друг против друга; у них уже начали разрываться от стрел соединительные вязки броней, а сын Урнàна все приближается к своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себе в жены; дам я тебе за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мне, — взмолился Molyнà.

Парень опустил свой лук и перестал стрелять. Помирившись, Molyнà действительно выдал за него свою дочь. Тут же сын Урнàна нашел свою мать. Долго ли прожил здесь сын Урнàна — неизвестно, только однажды он собрался в обратный путь. Взял свою жену, мать, оленей с женским имуществом и двинулся в свою сторону. Дорогой, на обратном пути, он охотился. Иногда останавливались и дневали; тогда он уходил охотиться на целый день. Однажды на одной из таких остановок их догнал Molyнà, хозяина не было дома. Molyнà знал это; он давно уже следил за своим зятем и искал лишь удобного случая убить его. Выдача за него своей дочери была с его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя в чум, Molyнà приказал женщинам собрать всю кладь вокруг чума. Когда женщины исполнили это, он сказал:

— Сын Урнàна придет вечером, поздно; я спрячусь здесь, между кладью. Вечером, когда он будет возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстречу, и когда он осветит его в темноте, я застрелю его.

Женщины не посмели ослушаться. Залег Molyнà между тюками и стал ждать. Наступил вечер, стемнело. Скоро послышались и шаги человека. Вот они ближе и ближе подходят к чуму. В это время раскрылась дверь чума и огонь от костра осветил сына Урнàна. Охотник подошел к чуму и только стал заносить ногу, чтобы войти, как мимо него прожужжала стрела.

— Ну, Molyнà, на этот раз я тебя уже не пощажу, — проговорил сын Урнàна, сразу узнав своего врага, и бросился к тому месту, откуда прилетела стрела. Увидев, что промахнулся, что старая испытанная рука изменила, Molyнà кинулся бежать; но не долго бежал он: стрелы, пущенные верной и сильной рукой Урнàнова сына, поразили его на смерть. Так кончил Molyнà свою жизнь, а сын Урнàна с женой и матерью продолжал наутро свой путь.

2. Оран

Среди илимпийских тунгусов был один человек, по имени Оран. Жил он на речке и, перегораживая ее заколом, добывал себе рыбу. Однажды человек около тридцати тунгусов направились к нему, чтобы убить его. На последнем ночлеге перед встречей с ним двое из них остались хозяйничать, а остальные направились к Орану. Подкравшись тихонько лесом к речке, они увидели Орана. Тот был на своем заколе. Тут же в воде у закола был вбит развилистый кол, на котором был повешен его лук. Из предосторожности он не оставлял своего оружия на берегу. Увидев Орана и неразлучность его с своим оружием, тунгусы не решились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли к оставшимся двум товарищам, те спросили их, убили ли они Орана.

— Нет, — ответили те и рассказали, что видели.

— Эх, вы, столько человек — и побоялись напасть на одного! — заметили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите так, как будто вы можете убить его, — возразили те, — так идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдем! — сказали оставшиеся и действительно отправились.

Придя к заколу, храбрецы увидели, что Орана там уже нет и что он укочевал, причем шел, не выбирая чистые места для своего аргиша [1], как делали и делают обыкновенно, а прорубая целые просеки, если попадалась чаща. Двигался Оран поэтому медленно, и тунгусы скоро подошли к нему настолько близко, что могли рассмотреть его, и, зайдя к нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, как раз против пути Орана, так что последний в своем стремлении итти прямо должен был непременно выйти на них.

Выбили они в двух местах глину с корневища вроде маленьких окошек и стали ждать. Скоро действительно подошел Оран и всего в каких-нибудь двух-трех саженях от засады стал рубить

[1] Обоз.

мешавшее ему деревцо. Один из спрятавшихся пустил в него из своего окошка стрелу, но промахнулся, так как Оран успел уклониться от нее, прокричав криком какой-то птицы. Страх тут напал на сидевших в засаде, и они бросились бежать. Оран пустил им вдогонку стрелу и убил одного из них. Затем он закричал:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тот остановился. Подойдя к нему, Оран спрашивает:

— Зачем вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя, — отвечает тунгус.

— А разве вы слыхали об Оране, что пришли убить его?

— Как не слыхать, все говорят о тебе, вот и пришли мы.

— А много вас?

— Да, порядочно, — ответил тунгус.

— Ну, так я не убью тебя, как и обещал; теперь же ты ступай и скажи своим, что видел Орана и что один из вас поплатился за свое желание убить меня, — и Оран мирно отпустил тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

3. Два брата

Жили два брата: старший, женатый, вел хозяйство, младший же, холостой парень, был лентяй. Однажды жена старшего брата заметила, что к ним подходят три вооруженных луками человека, и сообщила своему мужу. Тот посмотрел и видит, что действительно идут люди и, как ему показалось, довольно подозрительные. Затем старший брат говорит, обращаясь к младшему

— Слушай, брат! Если я увижу, что это — худые люди, то я мигну тебе. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокур для оленей (а надо заметить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказ[1] и лук.

Брат ничего не ответил. Тем временем пришли замеченные люди, все вооруженные и очень подозрительного вида. Поговорив немного с пришельцами, хозяин мигнул брату, потом еще раз и еще, а тот и не смотрит на него; уставился глазами в пол и сидит себе как ни в чем не бывало. В это время один из пришельцев вытащил нож и ударил им в лентяя; удар пришелся в самое сердце, и парень тут же умер. Увидя это, хозяин кое-как, в чем был, успел выскочить на двор; ни лука, ни чего другого, кроме старого отказа, он не успел с собой захватить и пустился бежать. Пришельцы пустились за ним, но им не удалось догнать его, и он спасся. Некоторое время он скрывался, но потом, когда вернулся наконец домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья там уже не оказалось. Все было похищено; даже с брата его, с мертвого, было снято все, и он лежал голый. Ничего не осталось у бедняги, ни поесть или попить чего, ни одеться во что, ни укрыться где от стужи; остался он в одном летнем платье. Долго скитался бедняк в поисках своих обидчиков, питаясь чем бог пошлет.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, как нам опять соединиться? — думал он, а сам все искал да искал.

Наконец, ему удалось напасть на их след. Нашел он тут, на месте одного из ночлегов, кусочек мяса, спрятанный его женой. В другом месте он нашел старые унты[2]. Так находил он, идя изо дня в день по следам, в разных местах кое-какие необходимые для него вещи. Пока так скитался ограбленный муж, наступила уже осень; пошел снег, начались холода. Скиталец мерз, голодал, ночевал где придется, но шел все вперед, пока, наконец, не открыл убежища своих обидчиков. Однако он не мог ничего поделать: похитители, три брата, из которых старший владел всем его добром и женой, всегда были на-стороже. Между тем морозы росли. Наконец, в один морозный день, после такой же ночи, старший брат говорит своим младшим братьям:

— Ну, враг наш теперь наверное уже замерз и более не придет, так что опасаться нам нечего больше.

— А пороз[3] ваш был охотничий? — спросил он, обратясь затем к своей пленнице.

— Да, был охотничий, — ответила та.

— В таком случае я отправляюсь сегодня охотиться, — сказал он, — вы тоже можете итти поохотиться, если хотите, — добавил старший, обращаясь к братьям, и действительно уехал на охоту за дикими оленями. Братья тоже уехали в разные стороны. Осталась пленница одна домовничать. Заметив, что все разошлись из чума, следивший за ними ограбленный муж пришел в чум, где нашел свою жену.

— Ты еще жив? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, жив! Ну, а лук мой еще цел? — спросил в свою очередь муж.

— Цел. Каждый из них пробовал натянуть твой лук, но ни один не смог.

Взял человек свой лук, но, обессиленный долгим холоданием и голоданием, не мог и сам натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совет:

— Ты теперь голоден и слаб, так не стреляй издалека, промахнешься, а выжди лучше и стреляй, когда они сядут за еду, чтобы бить наверняка.

Муж так и решил поступить, а сам спрятался. Время шло; день близился к концу. К вечеру один за другим пришли младшие братья и так же один за другим были убиты мстительной рукою

---

[1] Большой нож в древке.

[2] Обувь из оленьих камусов (ножных шкурок).

[3] Нехолощеный самец.

стрелка. Наконец, последним стал подъезжать и старший брат. Пороз под ним, почуяв старого хозяина, стал хоркать [1].

— Что ты хоркаешь? Или пришел твой старый хозяин? Нет, брат, шалишь, он уже теперь не придет, уж замерз, поди, где-нибудь! — говорил седок, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогам Олень тем не менее не переставал хоркать. Подъехал охотник домой, оглянулся, осмотрелся, но, не заметив ничего подозрительного, вошел к себе в чум. Женщина собрала ему есть, но только он сел и взялся за первый кусок, как свалился, пронзенный вражьей стрелой; смертельно раненный, он тут же умер, едва успев сказать вышедшему к нему врагу:

— Там я убил сегодня дикого оленя, так ты не бросай его; он жирный.

Муж же наутро, взяв указанного дикого оленя и забрав с собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитым, поехал на старое место, где жил раньше.

4. Iäha [2]

В роде Хирагир был один тунгус. Звали его Iäha. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Iäha на тунгуске из Кундагир. Вместе с ним жили и все представители рода Хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род Хирагиров и двинулись на них войной. Дело было весной. Много было кундагирцев, целое войско, вооруженное луками и стрелами. Много было и хирагиров. Придя к жилищам Iäha, кундагирцы начали пускать в хирагиров свои стрелы. Стрелы у них были оперены перьями из крыльев разных птиц. Тут же, среди кундагирцев, был и тесть Iäha; стрелы у него были оперены перьями из лебединых крыльев и резко выделялись среди стрел остальных кундагирцев. Когда началась стрельба, он поднял свою белую стрелу и помахал ею в воздухе, чем давал знать зятю о своем присутствии. Тем временем, пока он махал, стрелы делали свое дело, и одна стрела угодила в затылок Iäha; когда он отворачивался, уклоняясь от стрел, Iäha свалился. После падения Iäha кундагирцы очень скоро перестреляли остальных хирагиров и затем ушли обратно. Возвращаясь после разгрома хирагиров, кундагирцы дорогой присели отдохнуть. В это время тесть Iäha, выдвинувшись из толпы, сказал:

— Был у моего зятя прекрасный нож; пойду-ка я поищу его!

С этими словами старик вернулся на место побоища. Придя туда, он отыскал Iäha и нашел, что он только ранен и что стрела засела у него в шейной кости. Вытащил он из шеи зятя стрелу, развел ему костер, усадил около костра и сказал:

— Ну, сиди тут; я скоро отделюсь от своих и приду к тебе.

Тесть ушел к своим, а Iäha остался у костра, среди своих убитых сородичей, лечиться от своей раны.

Вернувшись домой, кундагирцы по обыкновению разбрелись на лето. Отделился от всех и тесть Iäha и, отстав от своих, опять вернулся к своему зятю. Здесь он прожил все лето, кормя охотой больного и ухаживая за ним. Скоро Iäha совсем поправился и снова принялся за охоту и свои обычные занятия. Наступила осень. Тесть его опять вернулся к своим. Через несколько лет кундагирцы услышали, что Iäha жив и живет себе попрежнему и что у него опять есть народ, частью остатки не попавших в разгром хирагиров, частью бродячий безродный народ, приставший к разбитому роду. Надо с Iäha покончить, решили кундагирцы и летом опять пошли на него. Приблизившись к жилью Iäha, они сначала потихоньку разведали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, действительно Iäha был жив и около него имелся народ. Было время перед осенью. Iäha с людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоял дождливый день, и Iäha и его люди сидели в чуме и ели гусей. В этот момент к ним незаметно подошли кундагирцы и пальмой [3] перерубили верхнюю связку чума. Чум, оставшийся без опоры, рухнул на сидевших внутри, и, когда он придавил их таким образом, враги стали прикалывать их своими пальмами сквозь чумовые нюки [4]. Всех перекололи они, и лишь один вырвался из-под чума и бросился бежать. Кундагирцы бросились догонять его. Один тесть Iäha остался около чума и стал искать своего зятя. Под чумом было тихо; ни звука не слышно, ни стона.

— Странно, — думал кундагирец — неужто Iäha не мог никак спастись? — и, отворачивая нюки, осматривал убитых, но все это были другие лица.

— Iäha, ты здесь? — окликнул он, наконец, его тихонько.

— Здесь, — раздалось из-под нюков.

Когда чум свалился на сидевших, Iäha понял, как это произошло, и уселся смиренько в середине чума, тогда как товарищи его завозились, стараясь вырваться и тем самым выдавая самих себя, и были все переколоты.

— Ну, так выходи скорее и беги: я один здесь, а товарищи все пустились догонять бежавшего.

Iäha вскочил; у него была лишь одна удочка да колчан со стрелами, вот и все, что он мог в темноте и второпях захватить. Выскочив из-под чума, он пустился бежать. Тесть его стоял тут, около чума, и смотрел ему вслед. Жаль ему было своего зятя, хотелось ему спасти как-нибудь его, но в то же время он боялся выдать себя товарищам и потому, дождавшись когда зять отбежал на значительное расстояние, крикнул своим:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите. Ведь Iäha убежал, догоняйте же его!

---

[1] Хрюканье оленя, напоминающее хрюканье свиньи, на севере называют „хорканьем".

[2] В переводе — глаз.

[3] Большой нож на древке.

[4] Нюк — полотнище, сшитое из нескольких плохо выделанных оленьих кож служащее для покрышки чума поверх остова из шестов.

Двое, услыхав крик товарища, немедленно погнались за беглецом. Хорошо бегал Iäha, но и противники его бегали, видно, не дурно. Стали они его догонять. Бежал Iäha между двумя ручьями, вниз по стрелке, к месту слияния ручьев, и, добежав до него, перепрыгнул через один из ручьев. Только перескочив через ручей, он споткнулся и стал на четвереньки, почему через голову его высыпались из колчана все стрелы. Собирать рассыпанное было некогда; только на ходу он успел поймать одну стрелу и, держа ее в руке, пустился бежать дальше. Преследовавшие его продолжали гнаться за ним, но так и не догнали. Убежав от смерти, Iäha только и мог вначале питаться тем, что добудет своей удочкой. Со временем же он поправился, опять устроился и стал жить спокойно; кундагирцы больше не преследовали уже его. Обзавелся он семьей, пошли у него дети, выросли, поженились и народили в свою очередь детей. Так образовался тунгусский род Хирагир, который и по сие время здравствует и размножается.

5. Умна

Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуй, жил тунгус из рода Ельдагир, по имени Умнá. Имел он жену и подростка-сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден. Единственно, что он имел в своем распоряжении из средств для пропитания, это — удочки. Уженьем рыбы семья Умнá только и кормилась Удили все трое в разных концах озера. Зимой прорубали проруби и в них удили, а чтобы было где погреться, разводили тут у проруби костер. Так и жили они, перебиваясь кое-как; когда поймают какую-нибудь щучку, другую — поедят, а когда так и вовсе не поймают и сидят голодом. Жили, жили они так, только Умнá стал замечать, что у жены что-то совсем перестала ловиться рыба.

— Что за оказия? — думал он. — Ловилась прежде у старухи рыба, а теперь что ни день, то она возвращается с пустыми руками.

Ломал, ломал Умнá над этим голову и надумал осмотреть прóрубь, в которой удит жена. Задумано — сделано. Осмотрел он без жены ее прорубь и видит, что там, на дне озера, лежат рыбьи кости.

— Ну, сынок, видно, старуха решила уморить нас; должно быть, она тут же у проруби и ест добытую рыбу, так как там, на дне озера, лежат рыбьи кости, — говорит он после этого сыну.

На другой день он отправил сына одного, а сам сказал, что придет потом. Сын ушел, но скоро услышал за собой крики.

— Ну, видно, отец убил мою мать, — подумал он, однако не остановился и пошел дальше.

Скоро видит он — идет отец, волоча за собой на веревке весь свой домашний скарб, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынок, — сказал Умнá, подойдя к Уюльгу, — я убил твою мать; она, оказывается, одна, без нас съедала всю наловленную ею рыбу. Пойдем отсюда, все одно где умирать.

Сказав это, Умнá пошел дальше, а сын за ним. Шли, шли они и вышли на одно озерó, где оказались старые человеческие следы. Остановился здесь рыбак и говорит сыну:

— Что же, поудим тут!

И, разойдясь в разные стороны, они стали удить. Спустя некоторое время, Умнá заметил на другом конце озера человека, который начал подкрадываться к нему. Это был турильский тунгус, рыбачивший здесь, по имени Кинäшкäн. Он действительно заметил Умнý и начал его скрадывать[1]. Увидев, что незнакомец его скрадывает, Умнá тотчас же разделся, положил свое платье у проруби наподобие сидящего человека, нахлобучил на него свою шапку, а сам спрятался под яр, в том месте, где должен был выйти скрадывающий его человек, и стал ходить. Скоро Кинäшкäн действительно вышел из него, не подозревая, что у проруби пустое чучело из платья. Как только он появился под яром, Умнá выскочил на него неожиданно и сказал:

— Кого ты скрадываешь? Мое имя Умнá, если ты его ищешь!

С этими словами он пустил в него стрелу, которая вонзилась тому в горло. Умер Кинäшкäн Нашел у него Умнá ружье и лыжи и, захватив их, на этих же лыжах пошел по следам убитого, захватив с собой сына. Завернув за мысок озера, они увидели еще одного человека, занятого уженьем. Заметил их и тот в свою очередь, но так как при нем никакого оружия не было, то, надев свои лыжи, он пустился бежать. К несчастью для него, у него в это время оторвалась завязка на лыжах, чем и воспользовался Умнá; догнав его, он тут же и покончил с ним. Оказалось, что это был младший брат Кинäшкäна. Убив второго, Умнá отправился дальше по следам и скоро дошел до чума, где нашел жену Кинäшкäна, которую сделал своей женой. Стал он после этого жить здесь. Сын его не принимал никакого участия в его боях, ни поощрял его, ни порицал. Не долго сидел только здесь Умнá. Захотелóсь ему еще подраться с кем-нибудь и убить кого-нибудь и двинулся он к озеру Комешка. На пути к этому озеру он нашел еще одно озеро, где жили три семьи турильских же тунгусов. Заметив их, Умнá дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырезал их всех сонными. Озеро с этих пор стало известно под названием Бунинда, т. е. озеро могил. Покончив с этим, Умнá двинулся дальше. Тем временем снег стал уже сходить, следов ничьих уже нельзя было найти. По берегам уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу вперед, Умнá однажды вышел на одно озеро, где увидел на плоту человека, ловящего рыбу. Тот в свою очередь заметил его. Оба приготовились к встрече. Но в это время рыболов узнал Умнý по его сыну и издалека крикнул ему:

— Здорово, отец Уюльгу, а ведь я чуть в тебя не стал было стрелять.

— А, здорово, Маймá, ведь и я чуть не убил тебя, не узнал сразу!

---

[1] Подкрадываться.

Оказалось, что это был знакомый и какой-то родственник Умны из рода Ялгир; у него тоже был сын подросток.

— Откуда идешь? — спросил Маймá, поздоровавшись с Умной.

— Да хожу, убиваю, — отозвался тот.

— Ага, но я тоже многих убил, — сочинил о себе Маймá, чтобы тот не стал храбриться над ним.

— Это хорошо, пусть боятся, — ответил Умнá, поверив выдумке товарища.

Стали они жить вместе и ставить сообща сети, для чего поселились на озере. Только хоть и знакомы они были и родственники, но все время стерегли друг друга, не доверялись и опасались вероломства. Вместе они ходили сети ставить, вместе смотрели их, вместе сидели дома и вместе ходили на охоту; словом, они были неразлучны и не спускали друг с друга глаз. Долгонько так прожили они вместе. Уже стали зеленеть деревья. Весна стояла уже в полном разгаре. Приятелям стало уже надоедать такое положение; Маймá стал уже утомляться; вечерами ему раньше товарища стало хотеться спать, а Умнá вовсе не спал. Однажды Умнá заметил на горах Кяльды огонек и решил сходить туда поохотиться на бродящего по ним человека. Отточил он свою пальму, взял ружье и пошел, а Маймá остался, говоря, что одному нужно остаться при детях и семьях, чтобы защитить их в случае нападения. Ушел Умнá в горы, бродил, бродил в них, но нигде никого не нашел. Человек, повидимому, просто переночевал на них между камнями и ушел; следа никакого не осталось. Долго ходил Умнá по горам, напрасно измаялся, утомился и пошел обратно. Маймá тем временем немного передвинулся на новое место и стал поджидать товарища. Только ему не удалось устроить засаду, так как Умнá во-время заметил его, и они оба вместе пришли к месту новой стоянки. Бабы в это время шли лесом к этому же месту, чтобы собрать дорогой чумовых шестов.

— Эх, бабы-то не знают место и, пожалуй, заблудятся, — произнес Маймá, придя туда.

Умнá кинулся в лес и второпях забыл захватить ружье и пальму. Маймá тотчас же подхватил вооружение товарища и стал поджидать его. Скоро показался Умнá с чумовыми шестами.

— А вон и бабы!—крикнул Маймá.

Остановился Умнá, вспомнил, что забыл захватить оружие и, бросив шесты, кинулся было бежать за ними, но в это время Маймá ранил его из его же ружья в висок и, когда он упал, добил его пальмой. Убив отца, он хотел было убить и сына, но Уюльгу так просил у него пощады, что Маймá оставил его в живых и вместе с его мачехой взял к себе.

6. Юраки

Однажды среди юраков потерялся один человек. Ходил ли он на охоту да заблудился или убит был где-нибудь, — никто не знал. Стали юраки искать его и нашли на снегу его след. Дело было весной. Найдя следы, два юрака отправились проследить этот след. Неизвестно, долго ли они шли или коротко, только явственный все время след в одном месте прервался и исчез, словно провалился. Посмотрели юраки туда, сюда — нигде ничего. В это время один из них случайно взглянул наверх и увидел висевшие на ветвях дерева человеческие кишки. Ничего другого не отыскалось, и искатели следов вернулись обратно. Был в это время среди юраков один мудрый человек, к которому все и обращались за советом в трудную минуту. Так и теперь юраки обратились к своему советчику. Тот сказал им:

— Соберитесь в числе ста человек и пойдемте на то место, где висят кишки. Там надо будет устроить высокий дом с высокой же трубой, но без окон и без дверей, и прорыть в него издалека подземный ход, так, чтобы его не могли найти незнающие люди.

Так юраки и сделали. Собрали сто человек вместе с советчиком и отправились. Придя на указанное искателями следов место, они действительно увидели там висевшие на дереве кишки и по совету своего мудреца построили высокий дом с высокой трубой; ни дверей, ни окон не сделали а прорыли подземный ход. Когда все это было исполнено советчик их и говорит им:

— Теперь возьмите сухожилий и свейте из них веревку такой крепости, чтобы все вместе не могли порвать ее.

Приготовили и веревку. Из веревки этой советчик устроил аркан и насторожил его на трубе дома так, чтобы снаружи не было видно, а свободный конец веревки пустил внутрь дома.

— Тот, кто убил или съел нашего товарища, во всяком случае вернется сюда видимым или невидимым и постарается войти в дом, для чего у него не будет другого пути, как проход в трубу, — сказал мудрец. — Будем же его караулить.

Все пришедшие юраки вошли через подземный проход в дом и стали ждать. Долго они ждали, будет ли что-нибудь. Наконец, однажды наверху, около трубы, послышался шорох. Юраки притихли. Шорох увеличился и послышался у отверстия трубы. Слышно было, как кто-то пытается проникнуть внутрь через трубу. Сидевшие внутри тогда схватились все за веревку и стали тянуть ее. Скоро что-то отделилось сверху и упало вниз. Рассмотрели, оказалось — человеческая рука, только крупнее, чем бывает у обыкновенного человека. Выйдя наружу, юраки увидели два человеческих следа, пришедших к дому, и один обратный. Взойдя на верх дома, они по следам узнали, что в то время, как они тянули веревку вниз, один из пришедших тянул своего товарища обратно, вверх, благодаря чему и оторвалась рука.

Посмотрели засадники на следы — они оказались крупнее обычных человеческих следов и шаг шире. Побоялись юраки итти по этим следам, спустились и хотели было вернуться обратно, но мудрец их настоял на противном; он говорил, что нужно во что бы то ни стало итти по следам и предпринять что-нибудь. Еще раз послушался народ своего советчика и отправился за ним. Шли, шли они так лесом и вышли на место с очень крупными деревьями, толще обхвата.

— Стойте, — сказал советчик, — закидывайте аркан на деревья и сваливайте их общими силами по одному.

Закинули юраки аркан на верхушку дерева, затянули его и налегли всей силой. Дерево нагнулось, наклонилось и грохнуло на землю; только гул пошел по лесу. Затем еще свалили дерево, потом другое, третье и т. д.; долго они работали и много повалили деревьев.

— Теперь сделайте по числу нас луки из целых лиственниц и соответствующей величины стрелы и разбросайте их между сваленными деревьями.

Так юраки и сделали. Срубили каждый по две лиственницы и, обтесав их, сделали из одних бревен луки, а из других — стрелы и разбросали все это кругом.

— Ну, теперь ступайте сами домой, я один останусь здесь, — сказал советчик.

Товарищи его действительно ушли обратно, а сам он отошел немного к сторонке, на такое расстояние, чтобы можно было слышать человеческий разговор, спрятался там и стал ждать, что будет. Скоро к месту сваленных дерев подошла кучка людей, человек сто, и остановилась. Был, оказывается, среди них тоже мудрец.

— Что это такое? — спросили пришельцы своего советчика.

— А поиграли, видно, ребята, — ответил тот.

— Что же, поиграем, коли так, и мы, — сказали люди и, подойдя к лесинам, стали пытаться валить их.

Но как ни сильны были они, однако для каждого порознь занятие это оказалось непосильным. Не могли они свалить ни одного дерева.

— Хороши, однако, ребята и хорошо поиграли, — проговорили люди, — мы не можем ни одного дерева свалить. Как же мы будем преследовать таких людей? Они перебьют нас, как мальчишек?

— Вернемтесь, друзья мои, домой, — произнес советчик, — они убили одного нашего человека, но и мы убили одного ихнего человека; значит, человек за человека, и мы с ними квиты; искать нам с них, значит, нечего.

И пришельцы действительно ушли обратно, положив зарок — больше к юракам никогда и не приближаться. По уходе их поднялся с места и юрацкий мудрец и пошел к своим, где и рассказал все, что видел.

7. Дыгын

Много, много лет тому назад, в старину, жил якутский шаман. Он имел трех сыновей, был беден и слеп. Сыновья охотились и охотой пропитывали себя и отца. Места были не изобильные, и жилось им в общем не важно. Старик постоянно уговаривал сыновей своих покинуть эту землю и переселиться в другие места, но те все отговаривались. Итти же при переселении нужно было через большой голец[1], переход через который требовал семидневного пути. Не было на этом гольце ни озер, ни ручьев, ни ключей каких-нибудь, из которых можно было бы добыть воды для питья; не было там ни леса, ни зверей каких-нибудь, ни птиц. Только трава росла на гольце, да и то не везде, а лишь местами, полосой по лощинам. Долго убеждал старик детей своих переселиться. Наконец, говорят ему сыновья:

— Ты говоришь все — переселитесь, а как же мы перейдем через голец? Разве можем мы семь дней прожить без воды?

— Ничего! Вы не бойтесь, что на гольце нет воды, решитесь только перекочевать, а там мы не пропадем и без воды не будем, — ответил отец.

Сыновья согласились и стали собираться в путь. Сборов у них было не много, богатств никаких не имели. Перед выступлением в путь старик велел сыновьям достать двадцать аршин холста и, распустив его, волочить по траве. Дело было летом; шли, выбирая травяные места. Утром холст намокал от росы; тогда доставали котел и выжимали в него воду из холста; затем холст собирали и шли дальше. Так они добывали себе воду и шли через голец. Через семь дней переселенцы спустились к реке, изобилующей рыбой и дичью. Основался старик с сыновьями здесь жить: сыновья попрежнему охотились, но только охота здесь была легче и богаче добычей. Стали переселенцы жить да поживать на привольных местах без хлопот и забот. Каждый день уходили сыновья на охоту и возвращались обремененные добычей. Однажды молодые охотники по обыкновению ушли на промысел и разбрелись за дичью в разные стороны. Один из братьев, увлеченный преследованием зверя, зашел слишком далеко от дома и заблудился. Долго ходил он, ища выхода из леса, но никак не мог выбраться из него и только дальше уходил от дома. Когда прошла ночь, он, утомленный ходьбой, завалился спать. На другой день повторилось то же самое: желая попасть домой, он только удалялся от него. Каждый день он до усталости шел, стараясь отыскать своих, и с каждым днем отбивался от дома все дальше и дальше. Целых три года блуждал он так, питаясь охотой. Никто не знает, как он выжил. Шел он так однажды лесом, потеряв уже всякую надежду отыскать когда-нибудь своих. Вдруг перед ним мелькнуло среди дерев что-то странное. Он подошел поближе и увидал человека, занятого свежеванием только что убитого сохатого, но поразило его то обстоятельство, что не было у него никаких признаков головы. Страх взял охотника, но голод превозмог страх; дело было зимой, и он несколько дней уже не ел как следует; к тому же он подумал, что и бежать ему без лыж было некуда, а у безголового были лыжи, да не простые, а медные, обтянутые кожей. Взвесив все это в уме, якут смело направился к странному человеку. Тот его принял, привел к себе в жилье, бывшее тут неподалеку, и накормил его. Во время еды он заметил, что рот у его хозяина был на спине, на том месте, где должна была начинаться шея, и что при жевании у него подымались и опускал

[1] Чистое, голое, безлесное место (Даль).

вроде движения челюстей. Тем временем наступил вечер, и хозяин с гостем улеглись спать. Ночью, когда безголовый уже заснул, охотник осторожно встал и кончиком ножа сделал поперечные нарезки на лыжах хозяина, а сам пустился бежать. Спустя немного до него сзади стали доноситься страшные крики, но никто его не догнал. Он был уверен, что безголовый не заметил нарезок на лыжах, наступил на них и сломал но все же продолжал бежать. По странной случайности это же бегство спасло его от бесцельного шатания и привело домой, к отцу с братьями.

Прошло много лет. От старика-шамана и его сыновей и следов не осталось. Только сохранилось о них предание, но зато осталось от них многочисленное потомство. От старика и его сыновей произошел целый народ. Богато жили потомки шамана. На лугах у них паслись огромные табуны лошадей и стада рогатого скота; леса изобиловали зверем и дичью, на речках и озерах не переводилась рыба. Над этим народом властвовал могучий Дыгын, самый сильный и храбрый человек из всего племени. Богат и славен он был среди своего народа, и никто не мог сравняться с ним ни силой, ни богатством, ни хитростью. Были у него подручные люди, тоже лучшие и сильнейшие люди из всего племени после него, а среди них выделялся один, богатырь Чалла, уступавший в силе одному Дыгыну. Жил себе Дыгын среди своего народа и спокойно царил над ним, не зная ни забот ни хлопот; все его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся он, уверенный в своей силе и многочисленности своего народа. Множество работников пасло на лугах лошадей и коров, а свободные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились в лесах и горах или рыбачили по речкам и озерам. Однажды группа из нескольких человек отправилась поохотиться. Долго бродили они в лесах, гоняясь за дичью; бродили несколько дней и зашли далеко от своих жилищ. Гоняясь за зверем, в один день они набрели в лесу на жилье одной вдовы. Около дверей лежал самострел с семью нарезками на ложе для тетивы лука. Стали они пробовать его натягивать, но лук так туг, что лишь немногие натянули его до первой нарезки и только один — до второй. После этого охотники вошли в жилье, где застали только одну женщину. Стали разговаривать с ней, оказалась она тунгусской. Спросили ее, из скольких человек состоит ее семья. Она ответила, что их только двое с сыном.

— Где же он у тебя? — задали вопрос гости.

— На охоте, — ответила хозяйка.

— Как же он оставил свое оружие?

— Какое? — спрашивает в свою очередь женщина.

— Да вот то, что лежит на дворе у дверей, — говорят охотники.

— Ну, какое это оружие, — отвечает хозяйка, — это игрушка, которой баловался сын, когда был маленьким.

Скоро охотники ушли домой и, возвратившись к себе, рассказали обо всем, что видели и слышали. Удивился Дыгын, как это до сих пор никто ничего не слыхал о таком силаче, и велел разыскать Чаллу. Когда тот явился, он, дав ему еще трех отборных силачей, послал его посмотреть и разузнать, что и как, и правда ли то, что сообщали охотники. Отправился Чалла указанным путем и через два дня дошел до жилища вдовы. Подойдя к дверям, он увидел тот же самострел и, упершись ногами в лук, обеими руками стал натягивать тетиву, но как ни старался, едва натянул за третью нарезку; до четвертой не мог. Затем, войдя в дом, он также нашел там одну лишь хозяйку. Сын ее опять был на охоте. Поговорив со вдовой, Чалла отправился обратно сообщить своему властителю о том, что он узнал. Вечером вернулся с охоты сын вдовы. Мать сообщила ему, что два раза у нее были якуты и оба раза пробовали натянуть его самострел.

— Каким путем они пришли? — спросил он.

Мать указала ему направление и добавила, что и в первый раз пришли с той же стороны. На другой день охотник-тунгус отправился по следам якутов. Придя к их местам, он увидел громадный табун лошадей, гонимый множеством работников, но не остановился, а пошел дальше, вперед табуна, по тому же направлению, по которому гнали табун. На пути ему попался холмик. Охотник взобрался на него и сел в ожидании табуна. Скоро действительно подошли лошади и стали проходить с двух сторон холма. Тогда тунгус взял свой лук, вставил стрелу, натянул лук и выпустил стрелу в табун. Стрела проскочила сквозь четырнадцать лошадей. Тогда он встал и пошел обратно домой. Пастухи же, придя к Дыгыну, рассказали ему о том, как совершенно неизвестный им человек одним выстрелом убил из них табуна четырнадцать голов и ушел обратно. Снова Дыгын призывает Чаллу и начинает совещаться со своими людьми. Наконец, они заставляют пригнать табун лошадей и, привязав их в одну шеренгу, начинают пробовать, кто сколько лошадей может прострелить. Оказалось, кто простреливал одну, кто две, кто три; редкие простреливали четыре и пять, и только один Чалла прострелил семь лошадей. Сам Дыгын не пробовал стрелять. Попробовав на лошадях свою силу, Дыгын и его люди пришли к заключению что бороться и воевать им с незнакомцем было бы не под силу.

— Нам не справиться с таким человеком, — говорил Дыгын, — лучше же постараемся мы заслужить его расположение и сделать его своим человеком. Иначе он перебьет всех нас. Пусть отправятся к нему несколько человек во главе с Чаллой и скажут ему: „Дыгын ищет твоей дружбы и расположения и хочет выдать за тебя свою дочь. Сделайся нашим человеком и живи с нами".

Так и сделали. Послы Дыгына точно исполнили то, что он им приказал. Тунгусский витязь охотно согласился на такое предложение и вскоре явился к Дыгыну. Тот его радушно принял и стал угощать. Было лето, стояла жаркая пора. Дыгын налил своему гостю в нескольковедерный деревянный сосуд разбавленного слегка водой кумыса. Гость поднял сосуд и только приложил губы, чтобы пить, как хозяин ударил в него копьем, но копье ударилось в пустое место на нарах. Гость успел во-время отскочить, но сделал это так легко и свободно, что не расплескал ни капли из сосуда. Видит Дыгын, что не одолеть ему никак тунгусского витязя, и говорит ему:

— Ты, друг, не обижайся и не сердись; не убить тебя я хотел этим ударом, а испытать твое удальство. Вижу теперь, что недаром так славят тебя, и я охотно выдам за тебя свою дочь.

Гость принял это за искренность и успокоился, хотя и был все время настороже. Скоро он женился на дочери Дыгына и зажил среди якутов. Четыре года он прожил среди них и все время был настороже. Ни разу за это время якуты не обнаружили своих враждебных намерений. Через четыре года он уже перестал опасаться, стал считать якутов своими друзьями и бросил свои предосторожности. Заметив это, якуты еще подождали с год, а на шестой убили его хитростью во время сна. Так погиб доверчивый тунгусский витязь, но не долго торжествовал и сам Дыгын.

Скоро пришли в его землю русские и стали воевать с ним. Однако у Дыгына было столько народа, что он мог противостоять им. Тогда русские, видя, что силой им не одолеть Дыгына, предложили ему мир и дружбу. Дыгын принял мир. Решили новые друзья отпраздновать свой дружеский союз и прекращение войны. Русские устроили пир и пригласили на него новых друзей. Во время пира гостей поили водкой — напиток до того времени неизвестный якутам. Пил и Дыгын, конечно, вместе с другими, и как ни был силен и крепок, но и он стал пьянеть и пошатываться. Скоро все гости были уже пьяны, а русским этого только и надо было. Когда якуты перепились все, русские напали на них и всех перерезали. Так кончил жизнь свою вероломный царь [1] якутов, а с ним пало и его царство.

В. Н. Васильев

ОБРАЗЦЫ ТУНГУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [2]

Пересказ

1. Два шамана

Легенда

Были два знаменитых шамана, и захотелось им посмотреть на те места, где зимует птица. Обратились они в лебедей и полетели осенью с лебединым стадом. Прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять. Все лебеди собрались линять.

— Как же нам-то быть? — советуются шаманы. — Нужно ведь и нам линять.

— Я буду линять вместе со стадом, — говорит один.

— А я буду линять где-нибудь совсем в стороне, а то, пожалуй, лебеди узнают и забьют на-смерть, — говорит другой.

Так и сделали: один стал линять со стадом, другой — где-то в стороне, скрываясь. Первого без перьев лебеди узнали и избили так, что он тут же умер, а второй, скрывшись, благополучно вылинял и вернулся домой.

2. Лебедь

Рассказ

Когда-то в старину жил старый ворон со старухой женой. Была у них молодая дочь. Хотя старики были сами и неряшливы и нечистоплотны, но дочь у них была красавица. Увидел ее однажды лебедь; понравилась ему молодая ворониха. Решил лебедь свататься за нее. Старики, родители лебедя, не соглашались на союз своего сына с дочерью старого ворона. Тем не менее молодой лебедь присватался к молодой воронихе и, как видный и знатный жених, разумеется, получил согласие. Оставалось только сыграть свадьбу. Позвал старый ворон своего будущего зятя к себе в дом на свадебный пир. Поставили перед гостем стол (неизвестно, были ли тут родственники лебедя); невеста села со своим женихом рядом. Принесли в деревянной чашке какое-то кушанье и поставили на стол. Хотел было лебедь закусить, но только прикоснулся клювом к блюду, его сейчас же стошнило, так скверно пахло от поставленного кушанья. Противно стало лебедю; поднялся он из-за стола и улетел к себе, сбросив при полете со стола блюдо. С тех пор лебедь заказал, чтобы никто из лебедей не женился на дочерях ворона, так как вороны очень плохо едят, а ноги его и конец клюва, которыми он прикасался к блюду ворона, стали черными и уже никогда не могли отмыться.

3 Сын старика и старухи

Сказка

Жил старик со старухой. Очень стары они были; быть может, им было лет за девяносто, а может, и за сто. Притом они были крайне бедны; не было у них ни скота, ни запасов. Питались старики чем и как придется. Наконец им стал угрожать голод; стало трудно добывать хоть что-нибудь.

— Как же будем жить теперь? У нас нет ничего! — говорили они друг другу уныло.

Думал, думал старик, гадал, гадал и наконец решил итти странствовать по свету; авось, что-нибудь и подвернется. Решил так старик и говорит однажды старухе:

---

[1] Тунгусы называют Дыгына царем якутов (по-якутски — саха ырахтабыта).

[2] Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии", т. XXXIV, СПБ., 1909, стр. 19—40. *Ред.*

— Ну, старуха, живи себе с богом, а я пойду искать, не найду ли где чего-нибудь. Буду ходить я три года.

Старик ушел. Долго ходил он по разным местам, питаясь кое-как тем, что найдется, но, проходив напрасно три года, вернулся назад, не найдя ничего. Возвратясь домой, старик застал свою старуху баюкающей какого-то мальчугана.

— Откуда, старуха, тебе бог послал такое добро? До старости дожили, а ни разу его не было? — воскликнул он, увидев ребенка.

— И сама не знаю, старик, — говорит старуха, — проснулась однажды утром, а он лежит у меня на постели.

Стали старики воспитывать ребенка. Тот рос с каждым днем. Прошло несколько дней, может быть, месяц какой-нибудь, а из ребенка вырос уже здоровенный детина, мужик целый. Время шло. Парень уже совсем вырос, возмужал и окреп. Прошло еще несколько времени. Сын и говорит отцу:

— Отец, набери-ка восемь сум земли.

Стал старик набирать землю в сумы; трудился, трудился он, устал, изнемог; уж очень он был стар и слаб, но все же набрал сколько нужно земли. Взял сын сумы с землей и говорит отцу:

— Ну, отец, смотри по ту сторону балагана [1]; как я брошу суму через балаган, там окажется лошадь.

Стал сын перебрасывать сумы с землей, и действительно, как перебросит суму, появляется лошадь, перебросит другую — вторая. Так он перебросил все восемь сум, и за балаганом очутилось восемь лошадей.

— Это не простые лошади, — говорит сын, перебросив все сумы, — они испражняются не простым калом, а лошадями же.

И в самом деле: как выложит какая-нибудь из этих восьми лошадей кал, сейчас же появляется новая лошадь.

— Ну, отец, теперь у тебя есть чем кормиться, голодать больше не будешь, — говорит сын.

Разбогатели старики; что ни день — прибывают да прибывают у них лошади. Всюду разбросались табуны старика, и разведось у него лошадей несметное число. Долго ли, коротко ли, только стал сын скучать у стариков. Стала прибывать у него сила могучая; стало его тянуть с кем-нибудь подраться, потягаться, силой померяться, кости поразмять. Добыл он себе подстать сильного коня, железного, крылатого, и так стал говорить отцу:

— Ну, отец, питания я тебе достал вдоволь, лошадей у тебя много Живи себе с богом, а я поеду побродить по свету, богатырей поискать, силой потягаться. Если жив останусь, вернусь к вам когда-нибудь; если ж убьют, ну, прощайте тогда и не поминайте лихом.

Попрощался витязь молодой с отцом, с матерью, сел на коня, свистнул, и только его и видели старик со старухой. Долго ехал витязь по горам, по лесам, по долинам. Стал он подъезжать к трем богатырям. Испугались двое из этих богатырей топота его лошади и попадали в обморок. А третий, сказав: „Эх, вы, испугались сына старика со старухой. Вот я усмирю его", — пошел к нему навстречу. Завязался бой. Но недолго дрались они. Ударил стариков сын раз своего противника пятидесятипудовым посохом, другой раз, третий — слабеть стал тот. Скоро он его и совсем убил и искрошил на мелкие кусочки. Не тронув двух товарищей убитого, победитель сел на своего коня и уехал дальше искать приключений. Много и долго он ездил по свету, много увидел и стран и людей, много раз дрался, многих убил. Нигде не нашел себе равного. И возгордился витязь. Думал он уже, что нет ему равного, что он только один и есть на свете сильный, славный и могучий богатырь. Заспесивился он; стал горд и заносчив. Едет он так однажды, преисполненный гордости, а конь его и говорит ему:

— Нужно, хозяин, вернуться! Пора! Не сдобровать нам, если двинемся дальше. Гибель нас ждет впереди, вернемся!

Рассердился витязь на свою верную лошадь, ударил ее своим пятидесятипудовым посохом и говорит:

— Глупое животное. Я тебя сделал, и ты же хочешь учить меня! Умней меня хочешь быть!?

Еще побил он свою лошадь и поехал дальше. Вдруг на пути его перед ним предстал маленький человечек, совсем карлик, и говорит ему:

— Ты, сын старика и старухи, сделался слишком силен и хочешь стать сильнее меня. Я тебе не давал такой силы. Ты зазнался и слишком возгордился, так что мне надо смирить тебя. Я уже давно жду тебя здесь.

Сказав это, карлик исчез. Богатырь был сначала крайне удивлен речами карлика и не мог сообразить даже, в чем дело, но потом, по исчезновении того, опомнившись, очень рассердился.

— Ах, ты! Еще разговаривает. Зачем я его не убил? Надо было убить. — И поехал дальше. Не проехал он, однако, и десяти шагов, как заметил перед собой стоящего на пути богатыря гигантского роста, выше леса стоячего. Подъехал к нему стариков сын и говорит:

— Как: добром будем говорить или по-худому встретимся?

— Вот мой посох лежит, — кивнул тот в сторону, — подними его, попробуй; поднимешь, ну, тогда и разговаривай со мной.

— Вот где наш конец! — молвил конь своему хозяину.

— Молчи! — ответил тот и, слезши с коня, стал поднимать посох.

Но только он взялся за него и попробовал поднять, как ушел по колени в землю; еще понатужился — увяз по пояс, а посох лежит, как и раньше, словно его и не трогали. Собрал тут гор-

---

[1] Так называют якуты юрту.

дый витязь все свои силы, уперся руками в посох, попробовал поднять и ушел в землю по шею Тогда только понял он, что пришел тут его конец, смерть пришла, и стал завещать:

— Пусть голова моя станет столовой горой, спинной хребет — горною цепью, а ноги и руки — горными хребтами.

Так сын старика и старухи, могучий богатырь, слишком возгордившийся своей непомерной силой, погиб, обратясь в столовую гору, хребты и горную цепь.

4. Богатырь-карлик

Сказка

Жили-были десять человек, очень сильных; каждый из них мог поднять сто пудов. Однажды они сидели за едой. В это время к ним пришел маленький, худенький парнишка и сказал:

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, — ответили те.

Гостя не пригласили сесть, не дали ему никакой отдельной посуды, а просто каждый отрезал от своей доли по куску мяса и поделился с ним. Пока парнишка ел мясо, хозяева расспрашивали его, не знает ли он богатырей где-нибудь, так как они-де такие богатыри, что каждый из них поднимает сто пудов, и что они хотели бы сразиться с кем-нибудь. Гость ответил, что не знает богатырей. Тем временем один из хозяев поднялся из-за еды и спустился зачем-то в погреб. Парнишка, кончив есть, обратился к хозяевам с вопросом, кто из них старший, чтоб он мог поблагодарить его за угощение. Те грубо ответили:

— Все мы хозяева, благодари всех.

— Почем я знал, кого нужно благодарить? — сказал на это парнишка, но сказал это таким громовым голосом, что все сидевшие за едой девять человек тут же и умерли от испуга. Жив остался лишь тот, кто был в погребе, но и он выскочил оттуда, смертельно испуганный.

— Хочешь быть моим товарищем? — спрашивает его парнишка.

— Хочу, — отвечает хозяин, трясясь от страха.

— Ну, так идем со мной, — и с этими словами парнишка вышел из чума; хозяин за ним.

Здесь парнишка завязал своему спутнику глаза и, посадив его на что-то, поехал. Долго ли они ехали, коротко ли, только, приехав в одно место, остановились. Силач снял с себя повязку и видит: перед ним прекрасный чум. Парнишка открыл дверной полог и юркнул вовнутрь. Хотел туда же войти и богатырь наш, но как ни старался, не мог открыть дверь; нюк[1] был так тяжел, что он не был в силах даже приподнять его край. Наконец, спустя много времени привезший его хозяин вспомнил о нем и сказал своим ребятишкам, что там, за дверью, стоит, должно быть, приехавший с ним худенький мужичок, напрасно силясь открыть дверь. Ребятишки подняли нюк, и силач вошел в чум. Здесь он увидел, что привезший его человек, которого он принимал за парнишку, был отцом множества крошечных ребят, которые были много сильнее его, хотя их и едва видно было с земли. Угостили его хорошо, много было разной вкусной пищи.

Прошло дней пять-шесть. В одно утро хозяин спрашивает гостя:

— Хочешь ли быть моим спутником и товарищем?

— Хочу, — отвечает тот, не смея отказаться.

— Ну, так поедем.

Они вышли. На дворе стояла огромная лошадь. Опять маленький хозяин завязал глаза своему спутнику, и они поехали. Долго ли, коротко ли, приехали к одному прекрасному дому.

— Это мой дом, — говорит хозяин, — я живу здесь, когда собираюсь сражаться с богатырями. Теперь здесь, недалеко отсюда, есть три брата — богатыри, с которыми я и приехал биться.

Вошли в дом. Еды и питья здесь было вдоволь, ни в чем недостатка нет. Поели и легли спать. Наутро хозяин, выходя на двор, говорит:

— Сегодня я буду сражаться.

Скоро вслед за ним вышел и спутник его; но только он вышел, видит, что к нему идет огромный человек, выше леса стоячего. Товарищ маленького человека страшно испугался и стал низко кланяться незнакомцу. Тот и говорит:

— Что ты кланяешься, разве не узнал твоего товарища? У меня тут есть такая вода, выпив которой, я становлюсь таким большим. Только ты не рассказывай никому об этом. Ну, я пойду теперь драться, а ты сиди здесь и, если услышишь сильный шум и гром, не пугайся и не бей коня, чтобы уехать на нем. Если меня убьют, он сам уйдет отсюда и может спасти тебя. Сегодня я буду драться со старшим братом.

С этими словами великан ушел. Спустя немного времени оставшийся услыхал страшный шум и гром и бряцание оружия. У него даже в глазах потемнело, как будто от страха, и он, сев на коня, стал понукать и бить его изо всей силы, чтобы уехать, но лошадь не повела даже ухом. В это время он увидел хозяина последней, окровавленного и устало бредущего обратно.

— Ну, слава богу, с одним справился и теперь могу спать. Если ты услышишь какой-нибудь шум, буди меня, а если не сможешь добудиться, возьми молоток и бей меня им по лбу.

Говоря так, великан вошел в дом и тотчас же завалился спать. Три дня и три ночи проспал утомленный хозяин. На четвертый день товарищ его услыхал какой-то шум и бросился будить его. Но как ни кричал он, как ни бил, ни толкал спящего, тот спал себе попрежнему и ничего не чувствовал. Тогда силач вспомнил о молотке и, взяв его, три раза ударил им богатыря по лбу изо всей силы. Тогда только проснулся спящий. Сообразив, в чем дело, он встал, оправился, основа-

[1] Нюк — полотнище, сшиваемое из нескольких оленьих замш и служащее для покрытия чума. Дверной проход закрывается концом одного из таких полотнищ.

тельно поел и затем, сказав своему товарищу, что теперь он идет сразиться с средним братом-богатырем и чтобы товарищ его остался ждать здесь и напрасно не бил лошадь, так как она все равно никуда не уйдет, пока он жив, он ушел из дому. Скоро опять донесся до оставшегося страшный шум, гром и бряцание; на этот раз ему показалось даже, что как будто небо потемнело, и перетрусивший мужик снова, забыв предупреждение, взобрался на лошадь и стал бить и погонять ее, чтобы убраться из страшного места; но лошадь попрежнему стояла как вкопанная. Через некоторое время вернулся хозяин, избитый и окровавленный еще более, чем в первый раз.

— Ну, бог помог и со вторым справиться. Этот был посильнее старшего брата. Теперь остался самый младший брат, самый сильный и страшный. Устал я, утомился и сейчас лягу спать.

Сказав это своему товарищу, богатырь вошел к себе и тотчас растянулся. Ложась, он сказал товарищу, чтобы тот разбудил его через пять дней. Ровно пять суток проспал он без просыпу. На шестые сутки товарищ разбудил его тем же порядком. Поевши как следует, великан опять ушел сражаться. Через некоторое время стали слышны такой страшный шум и гром, что бедному мужику небо стало казаться то белым, то красным, то черным. Наконец, спустя много времени возвратился боец, избитый и израненный более, чем когда-либо раньше.

— Ну, слава богу! Убил и последнего, — сказал он, подойдя и передохнув немного; — это были последние богатыри на земле; теперь уж не будет больше таких.

Спустя некоторое время он спохватился:

— Эх, жаль, забыл захватить золотое кольцо, надетое на мизинец убитого сегодня богатыря; надо было взять. Ну, да все равно лягу спать. Теперь я могу спать целую неделю; опасаться более некого, — и богатырь залег спать.

Долго сидел мужик дома и думал со скуки об убитых богатырях. Хозяин все спал. Захотелось мужику посмотреть убитых, но он не решался на это, так как спящий товарищ, перед тем как лечь, предупреждал его:

— Смотри, не вздумай ходить на место боя; последний богатырь очень худо лег.

Но, наконец, мужику невтерпеж стало сидеть; охота посмотреть на убитых перемогла страх, и он отправился. Недолго ему пришлось итти. Только он вышел на другую сторону леса, как видит — лежат неподалеко друг от друга три человека, такие огромные, как отдельные холмы. Последний, недавно убитый, лежал, как-то свесившись корпусом, на правом боку, положив правую руку на левое плечо; на мизинце же этой руки блестело прекрасное золотое кольцо.

— Ах, какое хорошее кольцо, надо снять его, — подумал мужик и взялся было за руку убитого; но только что он коснулся руки, как она скатилась с плеча и придавила его, как пасть [1].

Таким образом он оказался придавленным и, как ни пытался освободиться, не мог. Долго так пролежал он тут. Мертвец уже начал разлагаться и пахнуть, а он все лежал; едва живой, мучимый голодом и жаждой. Наконец, через неделю, проснулся уснувший богатырь и, хватившись своего товарища, пробормотал про себя:

— Дурак этот наверное пошел на место боя.

Сказав это, он пошел туда и сам освободил своего еле живого спутника. Затем богатырь снял с убитого золотое кольцо и надел его, как обруч, вокруг туловища своего извлеченного товарища, говоря:

— Носи, если нравится, — после чего они оба вернулись домой.

Придя туда, хозяин сходил ненадолго в лес, откуда вернулся попрежнему крошечным человечком. Покончив так со своими делами и приняв прежний облик, карлик с товарищем поехали домой, к семье хозяина.

Сколько времени по своем возвращении они прожили там — неизвестно. Только говорит однажды хозяин своему товарищу:

— Сколько пудов, ты говоришь, можешь поднять?

— Сто, — отвечает тот.

— Ну, что ж, это хорошо, — говорит хозяин, — и я могу поднять пудов с тысченку; оно и ладно. Пойдем в город за покупками.

— Пойдем.

Пошли. Приходят в город и ходят по лавкам; маленький идет впереди, большой сзади. Все смотрят и дивятся. В одной лавке разговаривают друг с другом два старых купца, обращаясь частью к пришельцам или, вернее, к спутнику карлика. А надо заметить, что карлик предупредил своего спутника, чтобы тот как-нибудь не проболтался о богатырях.

— Были здесь, не так далеко отсюда, три богатыря, — говорит один купец. — Каждый год они писали в наши города, а нынче что-то нет письма. Что с ними случилось? Не слыхали ли вы чего-нибудь о них? — обратился купец с вопросом к пришельцам.

Только что мужик открыл было рот, чтобы сболтнуть, что ему было известно, как маленький спутник слегка толкнул его, чтобы тот молчал. Но как ни слабо толкнул карлик, толчок, однако, был так силен, что раздробил ноги спутнику, и тот со стоном свалился на пол. Тут карлик внезапно исчез, словно в воду канул, а товарищ его, оставшийся один, рассказал все, что ему было известно.

5. Хулян и ковшичан [2]

Сказка

Жили два приятеля — хулян и ковшичан. Были они семейные, имели по несколько детей и жили на берегу реки, в двух чумах по соседству друг с другом. Однажды друзья, соскучившись сидеть дома, решили поехать вверх по речке. Сказано — сделано. Приготовили две ветки [3], взяли с собой

---

[1] Пасть — ловушка для дикого зверя.

[2] Хулян (hylân) — лисица; ковшичан (ковшічāн) — мелкая лесная птица.

[3] Челноки.

кой-какой запас провизии и в одно утро двинулись в путь. Ехали тихо; река была спокойная, течение незаметно. Ночуя дорогой, вытаскивали свои ветки на берег и ставили их носом туда, куда лежал их путь, чтобы по ошибке не ехать обратно. Долго плыли приятели; может быть, неделю, может быть, две прошли, как они расстались со своими чумами. Ничего особенного за время пути им не попалось. Стали в это время зарождаться у хуляна дурные мысли. На одном ночлеге, когда ковшичан уснул, хулян незаметно для товарища повернул ветки носом обратно, вниз по реке. Наступило утро. Ковшичан проснулся и стал будить товарища.

— Вставай, пора уже ехать.

— А разве рассвело уже?

— Рассвело, скоро уже день.

Встали приятели, сели в свои ветки и двинулись в путь. Течения попрежнему не было. Ковчишан не заметил, что едут обратно, и плыл спокойно. Долго плыли. Наконец, впереди показались олени; их было не много, всего штук, может быть, десять, пятнадцать. В те времена вообще было не много оленей; штук десять, много двадцать у одного человека.

Подъезжают ближе.

— Что это, как один пороз похож на моего? — удивляется ковшичан.

— Глупый! Разве у тебя одного есть олени? — возразил хулян. — Мало ли бывает по ожих друг на друга оленей. Даже люди встречаются совсем одинаковые.

— А знаешь что, — сказал хулян немного спустя, — давай убьем этого оленя и съедим.

— Что же, давай, — ответил ковшичан.

Пороз ковшичана был убит и съеден. Проплыв еще немного, приятели увидели два чума. Заметив их, хулян остановил своего товарища и говорит:

— Ковшичан! Видишь ли впереди два чума? Я раньше бывал здесь и немного знаю эти места. В этих двух чумах живут две женщины, и у каждой есть дети. Пойдем туда, перебьем их всех с детьми и угоним их оленей к себе домой. Хочешь?

— Ладно, — ответил ковшичан.

— Только вот что, — говорит хулян, когда ты будешь перебивать в том чуме, я покончу с этим чумом. Помни, что женщины эти очень хитры. Баба в том чуме, когда ты станешь убивать их, будет кричать тебе: „Муж, муж! что ты делаешь, зачем ты убиваешь своих детей! Или с ума сошел!" Дети, наученные матерью, также станут кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас! С ума сошел!" Но ты не слушай их, это одна только хитрость, и убей их скорей.

— Ладно, — ответил ковшичан, — а ты так же сделаешь?

— Ну, конечно, — ответил хулян, и заговорщики разошлись по двум чумам: хулян пошел в свой чум, ковшичан в свой. Войдя к себе, хулян подговорил жену кричать: „Муж! Что ты делаешь? С ума сошел, что ли?! Зачем убиваешь своих детей!" А ребят своих научил кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас, с ума сошел, что ли?" Научив их так, хулян начал стрелять из лука в чумовой шест, к которому прикреплена была перекладина с крюками для чайника и котла, а жена и дети хуляна принялись кричать и выть по его уговору. Услышав шум и крики в соседнем чуме, ковшичан начал расстреливать своих детей. Как ни плакали, как ни молили его жена и дети, он был неумолим и живо покончил со своей семьей. Когда, перебив своих, ковшичан явился в соседний чум, хулян стал хохотать над ним.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Я ковшичана обманул, и он убил своих детей; я ковшичана обманул, и он убил свою жену! Ха-ха-ха!

Горько стало ковшичану, обидно. Стал он думать, как бы отомстить вероломному другу. Время шло. Наступила осень. Пошел первый снежок. Озерки покрылись льдом.

Говорит однажды ковшичан хуляну:

— Пойдем за озеро, поохотимся немного.

— Что же, пойдем, пожалуй, — отвечает хулян, думая, что добродушный ковшичан позабыл уже обиду. Нужно было перейти через озеро. Легкий ковшичан пошел передом и шел, едва касаясь ногами льда и помогая себе слегка крыльями (хоть и люди они тогда были, а у ковшичана имелись крылья).

— Ковши, ковши! Лед что-то трещит под ногами, — говорит хулян.

— Полно, лед уже крепкий, — говорит ковшичан, — стучат только об лед мои слезы о моих детях.

Побежали дальше, но только сделали несколько десятков шагов, лед под хуляном обломился, и он погрузился в воду.

— Ковши, ковши! Помоги, я тону! — кричит хулян. — Тащи жердину.

— Сейчас.

Ковшичан побежал на берег и притащил оттуда жердь; но только жердью он не помогал выбраться хуляну, а, наоборот, давил тонущего. Хулян барахтался, барахтался, но наконец устал и пошел ко дну. Но не такой он был парень, чтобы погибнуть. Пошел хулян ко дну и попал к язям. Узнали его язи и спрашивают:

— Ты, хулян, не шаман ли? У нас мать сильно больна, нужно бы пошаманить немного.

— Да, я шаман и, если хотите, могу полечить вашу мать.

— Пожалуйста, хулян, пошамань, а мы уж тебя отблагодарим, если вылечишь.

— Хорошо, — говорит хулян, — сделайте в таком случае большое туру[1], продолбите лед на озере и поставьте туру так, чтобы оно выходило за лед. Затем принесите нюки и закройте нас, когда я стану вытягивать болезнь из вашей матери. Мать ваша будет кричать: „Хулян убивает меня, хулян ест мою икру! Ловите хуляна, бейте его!" — так вы не обращайте на это внимания, так как это болезнь будет кричать в ней, чтобы я не выгонял ее.

— Хорошо, — согласились язи.

---

[1] Шаманское дерево.

Устроили туру, притащили нюки, устроили занавес для матери. Начал шаманить хулян, а потом, спустя немного, забрался под занавес, распорол больной живот и начал есть ее икру.

— Ой, спасите, хулян ест мою икру, ловите хуляна, бейте его скорее! — закричала старуха, но наученные хуляном язи не тронулись с места. Кончив есть икру, хулян вышел из-под нюка и, говоря, что нужно теперь подниматься наверх, выбрался по туру на лед озера, где и хохотал досыта над простотой язей. Посмеявшись над язями, хулян отправился в лес, где встретил старика с двумя худыми оленями.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечает старик.

— Почему у тебя, дедушка, олени такие сухие?

— Как же им не быть сухими, когда их у меня только два.

— Э-э, я бы их в три дня откормил, и они бы у меня разжирели.

— Ну, уж?!

— Правда, откормил бы! — уверяет хулян.

— А ну, попробуй откормить моих, — говорит старик.

— Что ж, пожалуй, — соглашается хулян, — только, дедушка, оставь мне молоток свой; я со скуки буду учиться ковать.

Оставил старик хуляну оленей своих и молоток, а сам пошел домой, к своей старухе. Оставшись один, хулян, не долго думая, убил оленей и начал есть их, расколачивая молотком кости, чтобы добыть мозг. Дня через два является он к старику.

— Ну, что, хулян, где олени? — спрашивает старик.

— В лесу, разжирели так, что и не справишься с ними, — отвечает хулян.

Пошел старик в лес, увидел обглоданные кости и кой-какие остатки своих оленей и кричит оттуда на бегу своей старухе:

— Старуха, старуха, держи хуляна, он съел наших последних оленей!

Старуха была глуховата и обращается к хуляну:

— Скажи, хулян, что кричит мой старик?

— Он кричит, бабушка, — говорит хулян, — отдай, старуха, хуляну наш последний жир, привяжи его ему на хвост, так как он хорошо поправил наших оленей.

Привязала старуха к хвосту хуляна последний жир в пузыре, и тот удрал в лес, где хохотал над тем, как надул старика со старухой. Пробежал хулян дальше и встретил несколько волков.

— Здравствуйте, волки, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечают те.

Присел хулян к волкам, достал свой пузырь с жиром, привязанный к его хвосту, и начал есть.

— Что ты ешь, хулян? — спрашивают волки.

— Жир, — отвечает тот.

— Дай нам попробовать.

Дал им хулян жиру; попробовали волки.

— Вкусно, — говорят. — Где ты его достал?

— Там, в реке.

— Как в реке?

— Да так, сунул хвост в прорубь, просидел ночь, а наутро и вытащил пузырь с жиром.

— Та-ак, — говорят волки. — Научи же, хулян, и нас, как добывать жир из реки.

— Что же, пойдемте, пожалуй, — говорит хулян.

Пришли к реке, нашли прорубь; сунули туда волки свои хвосты и сидят, ждут. Сидел с ними и хулян, только хвост у него загнут вверх, вплоть к спине, так что его не заметить. Долго сидели охотники до жира. Был мороз; вода в проруби замерзла, а с ней вместе примерзли ко льду и волчьи хвосты. Как только заметил хулян, что волки прикованы крепко, захохотал сейчас же и пустился бежать.

— Ха-ха-ха! Вот дураки. Как я их надул,—слышалось одураченным волкам.

Бежал, бежал хулян, проголодался, а жиру-то уже больше нет. Нашел он в лесу оленьи рога и стал грызть, но толку от этого не вышло; сломал только себе один зуб и побежал дальше. Скоро добрался хулян до одного чума, где было много народа, и сделался у них гостем. Сидел он у них, ел, пил и беседовал. Много ли прошло времени или мало, только прибегают туда надутые хуляном волки. Бог их знает, как они освободили свои хвосты изо льда; но только так или иначе освободились и пустились догонять хуляна. Дорогой нашли обглоданные им рога и его сломанный зуб. Подбежали они к чуму и совещаются:

— Как нам узнать хуляна? Он теперь среди людей.

— Мы можем узнать его только по зубам, одного зуба у него нет.

— Вот что, — говорит старший волк, — надо их всех насмешить; прыгайте вы один за другим через костер, а когда шерсть на вас будет загораться от огня, все будут хохотать, а вы примечайте, кто как смеется.

Так волки и сделали. Прибежали в чум и давай прыгать один за другим через костер. Костер был порядочный, прыгали волки тяжело, и то у одного, то у другого вспыхивали от огня то хвост, то брюхо.

Все сидевшие в чуме стали смеяться, что, мол, эти волки вздумали через огонь скакать, и как они прыгают неловко. Смеялся вместе с другими и хулян, но только все прикрывал рот, чтобы волки не заметили у него сломанного зуба. Однако хитрость не спасла его; волки заметили, как он все прикрывает рот, набросились на него и давай его бить и кусать. Долго били хуляна волки, но все же оставили его в живых, избитого до полусмерти, и ушли. Остался хулян, поворал некоторое время, а потом опять принялся за старые проделки.

Побежал хулян в лес и встретил медведя.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.
— Здорово, хулян, — говорит медведь.
— Ты где ночуешь, дедушка?
— А где придется.
— Брр! Это очень холодно, — говорит хулян, — я так всегда выбираю самые теплые места.
— Где же ты спишь? — в свою очередь спрашивает медведь.
— А я всегда сплю в таком месте, где раньше всего начинает греть солнце, например, на откосе горы, не выступе утеса и т. п. Хочешь, я покажу тебе хорошее место?
— Пойдем, — говорит медведь.

Привел хулян медведя на маленький выступ скалы, где едва могут улечься рядом два-три человека, и говорит:

— Вот хорошее место, здесь и будем спать. Ты, дедушка, человек старый, еще свалишься ночью в пропасть, так ложись к стене, а я лягу с краю; только если ночью я скажу тебе: подвинься, дедушка, а то ты меня столкнешь, так ты подвигайся к стене.
— Хорошо, — говорит медведь,—и новые приятели легли спать. Медведь как лег на бок, так скоро и захрапел. Тогда хитрец перелег с другой стороны медведя и говорит как будто с испугом:
— Дедушка, дедушка, отодвинься подальше, а то теснишь меня и я скоро свалюсь.

Медведь хотел было отодвинуться, повернулся, но тотчас же сорвался и полетел вниз, где и разбился на-смерть. Хуляну только и надо было этого.

Он спустился вниз, распотрошил медведя, наделал из его сала колбасы, наелся досыта, пожил здесь немного, питаясь медвежатиной, а потом, сунув одну колбасу за штаны, побежал опять рыскать. Бежал, бежал он по лесу и добежал до мужика, добывавшего тес.
— Здорово, приятель, — говорит хулян,
— Здорово, — отвечает тот.
— Это ты, что ли, на двух женах женат?
— Я, — говорит тот.
— С которой же из них ты спишь теперь?
— С молодой, — говорит тот.

Присел тут хулян, высунул из-за штанов медвежью колбасу, отрезал от нее кусок и стал есть.
— Ты что это ешь, хулян? — спрашивает мужик.
— А penis свой, — отвечает тот.
— Ну-у?! Врешь, хулян.
— Зачем врать?
— И вкусно?
— Очень вкусно!
— А ну, дай попробовать.

Опять высунул хулян конец колбасы, отрезал от нее кусок, отдал ее мужичку, а остальное снова спрятал за штаны. Попробовал мужик колбасы — вкусно, понравилось.
— Да как же это ты делаешь? Врешь, поди? — говорит он. — Ведь это больно, должно быть?!
— Нисколько, — говорит хулян, — отрежь конец penis'a, а он сейчас же отрастет снова; вот попробуй у себя отрезать.

Боязно мужику, да и колбаса вкусна. А тут хулян опять режет свою колбасу и так аппетитно жует. Соблазнился мужик, извлек свой penis, хватил по нему ножом, да тут же и свалился без слов и скоро от потери крови умер. Взял хулян приготовленный мужичком тес и пошел к его чому. Там его встретили дети умершего.
— Что это у нас отец как будто не похож на себя немного сегодня? — говорят ребятишки.
— Гм... как же не казаться другим, когда целый день работал и устал. Тащите скорей яхинга[1] (jahiŋa) и пурульба[2] (puruIba), — добавил он.

Хотя и неправильно назвал он скобель и коловорот, но дети все же принесли их. Начал хулян скоблить. Скоблил, скоблил, но только ничего у него не выходит. Бросил он скобель и доски и сказал:
— Устал, завтра доделаю,—и ушел в чум.

А тем временем сделалось уже темно. Поужинал хулян и лег спать с молодой женой умершего мужика. Ночью вдруг баба кричит:
— Ой, это не муж мой, а хулян; у него penis костяной; бейте его топором. Ой, больно, бейте скорей!

Старая жена умершего схватила топор и ударила им с размаху, но хулян успел соскочить и убежать, а удар топором пришелся по лежавшей бабе и рассек ей живот. Умерла баба, а хулян бежит себе как ни в чем не бывало по лесу да посмеивается. Долго ли, коротко ли он бежал, только видит—стоит амбарчик, а около—санка, запряженная оленями. Подбежал ближе, видит—девушки грузят в винкири[3] сушеный олений жир и другие съедобные запасы. Подошел к ним хулян.
— Здорово, девки!
— Здорово, хозяин!
— Что вы тут делаете?
— А жир хотим везти домой, да вот горе: не знаем, как проехать прямиком, а так уж очень далеко ехать; может быть, ты знаешь прямую дорогу и покажешь ее нам.

---

[1] Скобель. Хулян употребил неправильное, искаженное слово, сделавшееся благодаря этой сказке юмористическим. Правильно по-тунгусски скобель называется — ірäнчінä.
[2] Лопарье, коловорот (слово искаженное вместо — пурупчана).
[3] Сумы для оленьего вьюка.

— О-о, эту дорогу я очень хорошо знаю и, коли хотите, могу показать ее вам, — говорит хулян. —Только положите меня в санку, рядом с винкирями, а сверху закройте; когда доедете до какой-нибудь речки, спрашивайте: какая эта речка? и я вам буду называть их.

— Ладно, — говорят девушки.

Набили они свои винкири жиром и другими съедобными вещами, нагрузили их на санки, посадили туда же хуляна и поехали в ту сторону, куда он им показал. Ехали, ехали и доехали до одной речки.

— Это какая речка, хулян? —спрашивают девки.

— Эта речка называется „Хуляльгы“ [1], — отвечает хулян.

Едут дальше. Через некоторое время попадается другая речка.

— А это какая речка? —спрашивают хуляна.

— „Умурульга“ [2], —отвечает тот.

Опять едут дальше; встречается третья речка.

— А это какая речка, хулян?

— Это речка „Дулильга“ [3], — отвечает тот с воза.

Едут девки дальше, и попадается им скоро еще речка.

— Ну, а это какая речка, хулян? —спрашивают опять девушки.

— Речка „Кумкальга“ [4], — отвечает тот.

— Ну, а теперь выпустите меня, девки, — говорит хулян, — отсюда уже близко до вашего дома, а к тому же и дороги дальше я не знаю.

Выпустили девки хуляна, и тот побежал в лес.

Но только он отбежал от них немного, сейчас же захохотал:

— Ха-ха-ха! Я девок надул. Ха-ха-ха! Я у них весь жир съел.

— А-а, хулян обманул нас, надо его догнать, — сказали девушки, сели в санку и пустились догонять его.

Побежал хулян в лес, а там был уже глубокий снег.

Бежал, бежал хулян и скоро стал уставать, а девушки его нагоняют. Что делать? Залез хулян на дерево и сидит, ждет.

Подъехали девушки к дереву и начали советоваться, как достать оттуда хуляна.

— Надо срубить дерево, — говорит одна.

— Нет, это не годится, — говорит другая, — дерево упадет, хулян соскочит с него и опять убежит.

— Давайте подожжем дерево, — предложила третья.

— Правда, давайте, —согласились все хором.

Живо натаскали под дерево целые кучи хвороста и подожгли все это. Скоро затрещал хворост, задымил; стали подниматься огненные языки кверху, стали они жечь и палить хуляна. Стал хулян задыхаться в дыму, стал гореть и взмолился он тут огню:

— Ах, огонь, огонь, не сожги всего, а оставь меня в живых, хоть с рукав величиной!

Внял огонь просьбе хуляна и оставил его в живых, но только с тех пор он стал не больше рукава шубы.

Так был наказан хулян за свои проделки и сделался маленьким зверьком, а от него пошли теперешние хуляны, маленькие и красноватые, как будто огненные.

СПБ. Ноябрь 1907 г.

И. П. Толмачев

Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы“ в пересказе В. Н. Васильева [5]

Сказки и предания тунгусов, пересказанные В. Н. Васильевым, были собраны им во время Хатангской экспедиции Географического общества, работавшей в 1905 году под моим начальством в Туруханском округе Енисейской губернии. Когда мы в феврале 1905 года двинулись из Туруханска, к нам прикомандировали в качестве переводчика для тунгусского языка (В. Н. Васильев, превосходно владеющий якутским языком, с тунгусским имел дело впервые) тунгуса Илимпийского рода Данилу Хирагир, который и был с нами неразлучно во все время экспедиции, а во время плавания экспедиции по рекам Котую и Хатанге, т. е. около двух с половиной месяцев, он был нашим единственным рабочим или, так как мы и сами были такими же рабочими, нашим помощником и товарищем, ехавшим с нами на равной ноге, спавшим в одной палатке, делившим все лишения и удовольствия экспедиции, радовавшимся вместе с нами нашим удачам и горевавшим над нашими печалями. Осенью, когда мы снова поехали на оленях в сопровождении большого числа инородцев, Данила удержал свое место в нашем чуме и был все время неизменным членом нашего общества. Он быстро привык к нам, даже привязался: любознательный до крайности, как все его соотечествен-

[1] „Начинаю развязывать“ (искаженное, вместо хулялим).
[2] „Верх винкиря“ (искаженное, вместо умурун).
[3] „Половина“ (искаженное, вместо дуйнман).
[4] „Чисто, кончено“ (искаженное, вместо кумкам).
[5] Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПБ. 1909, стр. 41—44. *Ред.*

ники, он всем интересовался, с живейшим участием прислушивался к нашему разговору, расспрашивал о том, о другом и сам рассказывал, что мог и знал, и между прочим целый ряд преданий и сказок, которые рассказываются среди тунгусов. В начале путешествия и летом, когда мы были завалены работой и времени было мало, мы могли слушать эти рассказы только урывками. Позднее, когда быстро приближающаяся полярная зима все более и более сокращала рабочее время и длинные вечера сделались значительно свободнее, мы начали коротать их, рассказывая и слушая сказки. В это время и рассказывались обыкновенно сказки и предания, пересказанные здесь со слов Данилы В. Н. Васильевым. Сказки записывались также и другими участниками экспедиции, но В. Н. Васильев, в круг занятий которого входило и собирание сказок и преданий, более трудился над ними, чем это было возможно для нас; он постоянно возвращался к своим записям, не раз заставлял Данилу рассказывать снова, расспрашивал его об отдельных, неясно понятых местах, вообще прилагал все старания к возможно более точной записи рассказов Данилы, почему эти сказки и предания и печатаются им здесь только в своей редакции.

Данила Хирагир—сын сестры тунгуса Николая Хирагира, по прозвищу Чунго, бывшего во время нашей экспедиции старшиною или князем Илимпийского тунгусского рода. Данила вырос и воспитывался в семье своего дяди, затем служил работником у туруханских купцов, где и научился с грехом пополам говорить по-русски, благодаря чему он попал к нам в экспедицию, а еще ранее (в 1896 году) в экспедицию Асташева. Николай Хирагир, дядя нашего сказочника, является типичным тунгусом со всеми достоинствами и слабостями своего народа, патриотом которого его можно назвать вполне.

Тунгусы северной Сибири постепенно, но неукоснительно уступают перед более сильными якутами, теряют свой язык и, наконец, объякучиваются совершенно. Процесс объякучивания идет с севера и северо-востока, и в верховьях реки Хатанги мы и имеем как раз место, где идет бескровная борьба двух народностей. Такие патриоты-тунгусы, как князь Николай, инстинктивно борются за наследие своих родичей и прежде всего за свой язык. Так, про князя Николая, как и про некоторых других видных тунгусов, мы только в конце путешествия узнали, что они довольно прилично говорят по-якутски и во всяком случае понимают этот язык превосходно. Вначале же, при наших разговорах с князем Николаем, с которым нам пришлось иметь много дел, мы должны были пользоваться услугами Данилы как переводчика, отказываясь от содействия В. Н. Васильева, крайне существенного при всяких расспросах. Но Николай Хирагир борется и иначе за свою национальную самобытность. Он любит рассказывать тунгусам, собравшимся в длинные зимние вечера перед гостеприимным камельком его балагана, о том, как жили тунгусы прежде, какие они были удальцы, как непохожи они на своих выродившихся, слабых потомков — одним словом, является хранителем традиций и преданий своего племени. Он—большой любитель рассказывать сказки, чем, по словам Данилы, он готов заниматься напролет целые ночи, причем нередко сердится, если его не хотят слушать или слушают невнимательно, уходят, засыпают, так что слушание сказок является в иных случаях известного рода повинностью. Все тунгусские сказки и предания, сообщенные нам Данилой, он слышал от своего дяди, что, конечно, делает их еще более для нас интересными. Но сообщенные здесь В. Н. Васильевым сказки представляют лишь часть того, что мы слышали от Данилы. Целый ряд его рассказов напоминал нам сказки Андерсена, Гримма, баллады Жуковского и Пушкина и др. Оказывается, что наш способ коротать во время экспедиции длинные зимние вечера применяется на всем севере как инородцами, так и русскими, и Данила по поводу многих из рассказанных им сказок мог указать, от кого он их слышал впервые. С каким удовольствием слушают инородцы сказки, мы видели сами, и я никогда не забуду, как рад был Данила, когда я в награду за его сказки рассказал ему про подвиги Ильи Муромца, как не забуду того восторга, с которым он прослушал знаменитую сказку „о рыбаке и рыбке".

По словам Данилы, его дядя иногда рассказывает заимствованные сказки, но именно рассказывает, тогда как те предания, которые им считаются как бы своими, тунгусскими былинами, он поет. Но этот признак не является достаточным критерием. При отсутствии письменности и строгой преемственности преданий, что вызвано главным образом неимением определенных местожительств, сказания и предания не восходят в глубь веков и легко спутываются, и, быть может, внуки нашего Данилы будут петь сказку о рыбаке и рыбке, как поет теперь, возможно, Николай Хирагир какую-нибудь сказку, которую его дед или прадед слышал от русского торговца или казака.

СПБ. Февраль 1908.

К. Рычков

ИЗ ОБЛАСТИ ТУНГУССКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Хенукычан

Тунгусская сказка[1]

Старый Бамбай летовал на реке Кемчуге. Улова рыбы не было. Наступила осень. Было сыро и темно. Ветер сердито шумел, срывая последние листья с деревьев, а на речке показались забереги. Бамбаю с его большой семьей грозила голодовка. Оставаться на реке Кемчуге и думать было нечего, а потому старик решил перебраться на другое место.

[1] Из „Сибирского архива" 1913, № 12, стр. 530—535 *Ред.*

Кроме пяти малолетних детей, у Бамбая воспитывался еще сиротка, восьмилетний мальчик Хенукычан [1].

Бамбай решил бросить сироту на произвол судьбы, так как он не в силах был прокормить и родных детей, которым также неминуемо грозила голодная смерть. Перед отъездом Бамбай увел сиротку в лес, посадил его к комлю векового кедра, дал ему огниво, кремень и немного рыбы, которую советовал есть по маленькому кусочку, и, обещая сиротке вернуться через три дня, оставил его.

Уныло воет резкий ветер в дождливую холодную осень. Мечется он по темному лесу, плачет и ропщет.

Сидит сиротка у дерева и слушает печальный вой ветра. Кругом нависли серые тучи.

Грустно сделалось сиротке, и стал он подпевать ветру свою любимую песенку.

Один был рябчик,
Один—пикал.
Кто скажет: жалко,
Жалко бедного рябчика.

Так пел сиротка, а холодный ветер пронизывал его до костей. Наступили сумерки. Черные, липкие чудовища-тучи опускались к земле все ниже и ниже. Заморосил дождь.

Жмется сиротка к дереву, дрожит от страха и холода, прячет посиневшие рученки в лохмотья своей одежды... Наконец дрема застилает ему глазки, и мальчик засыпает. В грезах мальчик видит родную мать, которую год тому назад съел дьявол-химер [2].

Вцепился сиротка обеими рученками за шею матери, а она любовно гладит его по головке, целует и крепко прижимает к сердцу. Вдруг видение исчезло. Вместо матери, как из земли выросло ужасное чудовище, с огненными глазищами, костлявое, с рогами и хвостом—страшное, как сама смерть. Ужас охватил сиротку: узнал он этого дьявола-химер, который съел его отца и мать. В первый раз видел Хенукычан этого дьявола во сне в ту ночь, как умерла его мать.

В долгие осенние сумерки он часто слушал рассказы старой Поньги, жены Бамбая, о страшном химере. Под монотонную речь старухи у него слипались глаза, а во сне он мечтал, бредил и грозил кому-то рученками. Ненавидел он этого дьявола всеми силами своей души. Много раз он намеревался поставить на него капкан. Много раз просил бога, горячо и убедительно, как могут просить только дети, убить этого дьявола громом, чтобы он не поедал людей, и вот этот дьявол теперь стоял перед ним, протягивал к нему свои отвратительные, костлявые руки...

В это время опять явилась мать, мальчик вскрикнул от радости и кинулся к матери. Хотел было дьявол схватить в свои когти мальчика, но мать защитила свое дитя. Она взяла его на руки и понесла на высокую гору. Здесь она поцеловала свое дитя, шепнула ему на ушко: „иди к богу“ и скрылась....

Отправился мальчик к богу. Долго ли, коротко ли он шел, неизвестно. Наконец достиг роскошного дворца из белого камня. Дворец обнесен был высокой каменной стеной. У ворот стоял караульный.

Увидел караульный сиротку и от удивления даже разинул рот.

— Откуда ты? Кто твой отец? Как ты попал сюда?

— Я—человек средней земли. Нет у меня ни отца, ни матери. Имя мое—Хенукычан. Я пришел к богу просить у него какой-нибудь работы. Не даст ли боженька мне какой-нибудь работы,— сказал сиротка.

— Хорошо,—говорит караульный,—я пойду скажу об этом богу, а ты подожди здесь.

Пришел караульный к богу и говорит:

— Сиротка из средней земли Хенукычан пришел, просит у тебя работы.

— Знаю,—говорит бог,—добрый мальчишка, пусть вместо тебя караулит вход.

Караульный передал сиротке приказание бога, и мальчик стал караульным. Старательно относился сиротка к своей обязанности, зорко следил за тем, чтобы кто-либо не проник без его ведома к богу, и скоро привык к своей должности; повеселел, поправился и перестал тосковать по родной матери.

Стоит однажды сиротка, сторожит вход, вдаль посматривает и видит, к ужасу своему: идет прямо на него тот отвратительный дьявол, от которого спасла его родимая матушка. Перепугался сиротка, затрясся от страха и хотел было бежать, но пересилил свой страх и крикнул:

— Что тебе надо, дьявол поганый!

Химер уставила на него свои огненные глазища и говорит:

— Пусти меня, пожалуйста, к богу. Я есть хочу.

— Нельзя,—отвечает сиротка.—Я сам пойду к богу, скажу ему, а ты подожди здесь.

Химер присела у входа, а сиротка побежал к богу, упал перед ним на колени и говорит:

— Боженька, химер пришла и говорит, что есть хочет. Убей, боженька, этого поганого дьявола, чтобы она людей не пожирала.

Выслушал бог сиротку, рассмеялся и говорит:

— Глупый ты. Скажи химер, пусть она три года ест людей среднего возраста. Иди и скажи ей так.

Сиротка был уверен, что бог поймет его, примет его слезы и просьбу и, без сомнения, убьет ужасного дьявола, причиняющего всюду столько горя и несчастий. Но каково было удивление мальчика, когда сам бог велел дьяволу поедать людей целых три года.

---

[1] Рябчик.

[2] Искаженное русское слово „смерть“.

Напугался мальчик, пошел обратно передать химер приказание бога. Идет и думает: „А ведь у меня дяди и тетки есть, съест их поганый дьявол". Подумал мальчик, тряхнул решительно головкой, улыбнулся чему-то и бодро пошел к химер. Та спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог приказал тебе есть на земле средние лесины три года.

Ушла химер. Три года она пожирала только лесины среднего возраста. Опустошила целые леса. Люди за это время не умирали. Не было ни слез, ни горя, всем хорошо жилось. Весело было сиротке. Но быстро пролетели три года, и химер снова явилась.

— Пусти меня к богу, я голодаю,—говорит она сиротке.

— Подожди немножко,—отвечает сиротка,—я сам скажу об этом богу.

Прибежал мальчик к богу и сказал, что пришла голодная химер.

Бог приказал:

— Скажи ей, чтобы она ела три года ребят.

Идет сиротка назад и думает: „А ведь у меня братья и сестры есть... Дьявол съест их".

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог сказал, чтобы ты три года ела,—отвечает сиротка,—прутья тальника.

Ушла химер. Снова три года она пожирала только прутья тальника. Снова люди не умирали на земле, жили весело, радовались и хвалили бога; хорошо было и сиротке. Но незаметно пролетели и эти три года.

Явилась химер изможденная, исхудала вся, остались только кости да кожа, и просит мальчика:

— Пусти меня к богу, я с голоду умираю.

— Ну, этого нельзя,—говорит мальчик,—сам богу скажу об этом.

Пришел мальчик к богу и говорит:

— Пришла химер и жалуется, что пропадает с голода.

— Скажи ей: теперь, пусть три года ест старых людей,—приказывает бог.

Идет назад сиротка ко входу и думает: „Э, у меня есть дедушка и бабушка... Съест дьявол деда Бамбая и старую Поньгу".

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Да что сказал бог: сухие деревья ешь три года.

Ушла химер. Опять три года грызла она сухие деревья. Люди не умирали, радовались и хвалили бога. Еще быстрее пролетели и эти три года. Сиротка уже поджидал дьявола, но химер не являлась. На этот раз она перехитрила мальчика: оборотилась мухой и незаметно пролетела к богу.

— Издыхаю с голоду,—жалуется химер богу.—Три года я ела средние деревья, три года еда одни только прутья тальника, три года грызла высохшие деревья. Людей расплодилось видимо невидимо; скоро места для них нехватит на земле.

Разгневался бог на мальчика и говорит:

— Поди съешь наперед лгунишку.

Приходит химер к сиротке и говорит:

— Теперь за тобой очередь, так как бог приказал мне съесть наперед караульного.

— Погоди, успеешь,—просит сиротка.—Дай подумать, да отпусти меня погулять на волю, хотя на три дня.

Химер согласилась обождать три дня и отпустила мальчика на свободу. Отправился сиротка обратно на среднюю землю, до которой достиг только на третий день. Оставалось жить один день. Страшно боялся сиротка ужасного дьявола, сердце сжималось от печали и страха, а время шло, и конец был близок.

Погоревал, поплакал мальчик и пошел отыскивать там вековой кедр, у которого его оставил старый Бамбай. Приходит смерть. Сиротка говорит:

— Подожди немножко, успеешь. Сделай милость, расскажи мне, пожалуйста, как ты попала к богу. Я стерег хорошо. Стены кругом непроходимые. Как же ты ухитрилась проскочить?

— Да так,—отвечала смерть,—я обратилась мухой и пролетела над самой твоей головой, а ты этого и не заметил.

— Ну, это ты лжешь,—говорит сиротка.—Ну-ка, теперь сделайся мухой да залезь вот в это дупло, тогда я тебе поверю.

Смерть тотчас обратилась мухой и залезла в дупло векового кедра. Сиротка быстро заткнул пробкой отверстие, и дьявол остался в дупле.

„Попался, поганый дьявол,—думает сиротка,—теперь уж я тебя не выпущу".

Обрадовался мальчик счастливому исходу, запел песни и с радости даже заплясал вокруг старого кедра.

Назавтра Хенукычан отправился разыскивать старика Бамбая и старую Поньгу. Нашел он их скоро, на старом родовом месте. Старики обрадовались ему, и сиротка стал жить у них. Помогал старикам промышлять диких оленей, коз, сохатых, соболей, а летами добывать рыбу. Зажили старики богато.

Порой, в свободное от промысла время, Хенукычан рассказывал старикам про свои похождения: о том, как он был на небе, как просил бога убить страшного дьявола, как одурачил он этого дьявола и, наконец, как ему удалось совершенно избавиться от него.

Слушали старики и дивились его рассказам, а больше того — его мудрости. Скоро слава. нем распространилась по всей земле. Люди стали уважать его. Богатство его год от года пребывало, и стал Хенукычан самым умным, знатным и самым богатым человеком своего народа, Женился он на первой красавице и жил счастливо. Жили и другие хорошо, не умирали и даже забыли про самое смерть.

Так прошло много лет. Хенукычан стал уже стариком, волосы его побелели, как снег, кожа стала сухая, морщинистая; глаза впали, зрение потерялось.

В это время к Хенукычану явился бог и говорит:

— Куда ты девал химер? Отпусти ее.

Как ни стар был Хенукычан, но чувство бесконечного ужаса овладело им. Однако делать было нечего, и он в тот же день выпустил химер на свободу.

С остервенением и жадностью снова набросился страшный дьявол на людей, выбирал самых здоровых, которые всем своим существом чувствовали, что могли бы жить и наслаждаться жизнью.

Снова, как гадкая, липкая жаба, появилась смерть на земле, полились слезы, и люди стали вымирать целыми семьями и родами...

2. Медведь и карась [1]

Однажды медведь вытащил из озера поставленную одним тунгусом сеть, в которой запутался карась. Медведь хотел его съесть, но карась заявил медведю, что так, просто-напросто, сцапать и съесть не принято по звериным обычаям, а вместо этого предложил медведю следующее.

— Ты,—говорит карась,—живешь на земле, а я в воде; давай поменяемся на накоторое время условиями жизни, т. е. ты полезешь в воду, а я останусь на берегу! Интересно будет: кто из нас дольше выдержит. Если ты будешь дольше моего находиться в воде, чем я на земле, то я, разумеется, умру и тогда ты съешь меня.

Медведь согласился с доводами карася и тотчас забрел в озеро и погрузился на дно, а карась остался на берегу.

Долгонько медведь крепился в воде, но стал задыхаться, вынырнул и быстро выскочил из озера.

Отдохнул маленько и направился к карасю узнать, жив ли он.

Тот, видимо, прекрасно себя чувствовал: спокойно спал.

Это взбесило медведя, он рассердился на карася, ударил его лапой и пошел прочь. Карась сплющился и стал похож на лепешку, а до этого случая карась был, по рассказам тунгусов, шарообразным, круглым.

3. Глухарь и лебедь

Однажды зима была страшно холодная. Птицы чуть ли не все позамерзли от стужи. Остался только один глухарь, но и тот следующей осенью, увидев отлетающих на юг лебедей, стал и плакать и проситься с ними лететь на зиму в теплые страны.

— Возьмите,—говорит,—меня, белые лебеди, в теплые страны!

— Отстанешь!—отвечают лебеди.

— Нет, не отстану!—настаивает глухарь.

— Хорошо!—соглашается одна из лебедей.—На всякий случай я привяжу тебя к себе за веревочку. Согласен?

— Согласен!—отвечает глухарь.

Лебедь накинула глухарю на шею петлю поводка, а концы — в свой клюв, и приятели отправились в далекое путешествие. Сначала глухарь держался за лебедью, но затем стал уставать; наконец совершенно выбился из сил и лететь уже не мог. Лебедь с большим трудом дотащила его до первой остановки и говорит ему:

— Вот что, глухарь, оставайся здесь на зиму! Если мы, птицы, все улетим, тогда что же люди будут есть зимою?

Глухарь пуще прежнего заплакал и говорит:

— Нет, не останусь я!

— Здесь ты боишься холода, а там, на юге, ты умрешь от жара, и блохи тебя съедят заживо,—уговаривала глухаря лебедь.—Я тебе подарю на память беленькие перья к крылышкам, только останься!

И лебедь поделилась с глухарем беленькими перьями, чтобы только он отстал.

Глухарь долго и безутешно плакал, но все же послушал совета лебедя и остался на зиму в наших местах. От слез у глухаря покраснели глаза и брови. Кроме того, с этого времени у глухарей появились беленькие перья в крыльях.

4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?

Всякое явление первобытные люди рассматривают под углом зрения своей крайне оригинальной философии. Так, отсутствие стад оленьего скота у енисейских остяков, казалось бы, объясняется довольно просто, т. е. постоянной убылью оленей вследствие чуть ли не ежегодных эпизоотий и эпидемий, уносящих огромное число жертв, пополнить которое нет возможности. Однако сами остяки стараются объяснить это явление в несколько необычном для нас виде, но имеющем достаточно оснований и смысла с точки зрения первобытного человека.

Однажды, рассказывают остяки и тунгусы, на охоте встретились остяк и тунгус и поймали общими усилиями оленя. Каждому хотелось получить добычу целиком в живом виде. Но как это

---

[1] Из „Сибирского архива" 1914, № 11, стр. 517—521. *Ред.*

было сделать? Подумали, подумали приятели и решили померяться силой, потянуться, с условием: кто одолеет, тот и получит добычу.

Тунгус ухватился за передние ноги оленя, а остяк за задние, и начали каждый тянуть оленя к себе. У остяка сорвались пальцы рук, и олень остался у тунгуса.

— Ну, хорошо, — говорит тунгус, — попробуем еще потянуться одной рукой, но для того, чтобы руки не срывались, привяжем их к ногам оленя!

Остяк согласился. После этого тунгус привязал свою левую руку к передней ноге оленя ремешком, а остяк свою правую руку к задней ноге оленя лыком и начали тянуть. Лыко не выдержало, лопнуло, рука остяка снова сорвалась, и олень остался у тунгуса.

Поэтому-то у тунгусов стали водиться олени, а у остяков нет... Не порвись лыко, и остяки были бы оленные...

Выходит, что от такой непредусмотрительности предка зависит благосостояние целого народа, который вследствие отсутствия стад оленного скота идет по пути к вымиранию....

Впрочем, многие данные говорят за то, что остяки никогда не были скотоводами, а ихтиофагами. Даже в приведенном легендарном сказании есть характерная подробность. Именно остяк привязал свою руку к ноге оленя не ремнем, как тунгус-скотовод, а лыком. Значит, остяк не мог раздобыться ремешком, в котором нет недостатка у скотоводов.

5. Летяга и мышь

В одно прекрасное время летяга встретила мышь и говорит:

— Дай бог, чтобы люди подохли, сгнили бы, как древесные пни гниют на земле!

— Нет, это мне не нравится,—отвечает мышь.—Так не годится! Пусть лучше люди живут, как жили, и умирают, как умирали!

Летяга стала доказывать ужасный вред, причиняемый людьми, а мышь наоборот. Слово за слово, и приятельницы чуть не дошли до драки. Наконец они согласились путем единоборства порешить вопрос чрезвычайной важности: быть или не быть людям? Если летяга одолеет мышь, то людям должно подохнуть, а если мышь одолеет летягу, то роду человеческому надлежит размножиться и наполнить землю.

Началась борьба.

Летяга хотела опрокинуть мышь, но та уперлась в землю хвостом и, в свою очередь, налегла на летягу, у которой, как известно, хвоста нет; та присела и опрокинулась на спину...

Так был спасен род человеческий...

6. Медведь

Первобытные люди не только не признают никакой пропасти между собою и животными, но во многих отношениях видят превосходство их над собой. Сила крупных зверей, хитрость, изворотливость, необыкновенное чутье и масса других инстинктов, которых лишен человек, все это дает достаточно основания относиться к животным как к существам крайне разумным и даже во многих отношениях превосходящих человека. Даже такие ничтожные животные, как мышь и даже комар, вошь и проч. дрянь, вызывают разные фантастические представления и не менее важны, чем крупные звери. Словом, каждое существо—это такой же тунгус, как и он сам, а иногда и более одаренный или разумом или силой...

Самым важным, большим и сильным животным тунгусы считают медведя. Перед ним бегут в паническом страхе все остальные звери, ударом лапы он может свалить самого сильного человека и раздавить его, как муху. Поэтому тунгусы оказывают ему знаки самого глубокого уважения и почести.

Однако одному недовольному медведю всего этого мало было, и он стал просить у господа-бога большой палец к рукам.

— Дай,—говорит,—мне, боже, большой палец!

— Нет,—отвечает бог,—если я тебе подам большой палец, тогда мне придется подать лук собаке, а она, конечно, истребит ваш медвежий род... Нет уж, видно, не дам я тебе большого пальца, а то зазнаешься больно и будешь хвастать...

Очевидно, медведь понял значение большого человеческого пальца у рук, который вследствие своего относительного положения и подвижности является как бы отцом культуры, создателем искусств и пр.

Без большого пальца люди мало чем отличались бы от медведей, разве только тем, что умеют плеваться...

П. Малых

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРОЧЕНАХ И ИХ ФОЛЬКЛОРЕ [1]

Помещаемые здесь сказки записаны мною больше десяти лет назад у ороченов Баргузинской тайги, так называемых Баунтовских. За исключением одной, помещенной под № 10, это, собственно говоря, не сказки в общепринятом смысле этого слова, а своего рода исторические рассказы.

---

[1] Из сборника „Изучайте родной край", Записки Забайкальского отделения Русского Географического общества. Чита — Владивосток, 1924, стр. 134 — 142. *Ред.*

Научное значение этих нескольких записей ничтожно, и они, конечно, ни в малейшей степени не характеризуют ороченский фольклор как таковой, так как получены случайно и несовершенным в техническом отношении путем: имея в то время своей задачей изучение материальной культуры ороченов, я лишь изредка обращался к вопросам фольклора и на небольшом опыте мог убедиться, что эта задача очень трудна, так как без знания языка работа в этой области почти невозможна.

Сказки, которые, несомненно, представляли лингвистический и этнологический интерес, не поддавались переводу, так как ни сам сказочник, ни его слушатели и мои проводники не владели достаточно русским языком, чтобы одолеть повествование мифологического характера и найти нужные понятия и образы на русском языке. Это техническое затруднение, из которого так и не нашлось выхода, привело к тому, что в дальнейшем мне рассказывали уже сказки „полегче", сюжетом которых были уже события, быт, а не миф.

К сожалению, я не мог вернуться к этому в дальнейшем. Сожаление мое вызывается тем, что даже при тех слабых и неудачных попытках, которые мною предпринимались тогда, я убедился, что ороченский фольклор представляет много интереса и материала для исследователя, и этот богатый запас народного творчества гибнет на наших глазах вместе с его хранителями стариками-сказочниками, гибнет вместе с гибелью самобытной ороченской культуры, и может случиться, что в недалекие дни и самого орочена мы будем знать только по музейным манекенам, фотографиям да скудным записям немногих исследователей.

Фольклор ороченов, в непосредственном соседстве с которыми мы живем десятки лет, не только неизвестен и не изучен, но даже больше — вызывает сомнения в существовании, и не редки случаи, когда человек, соприкасавшийся с ороченами в течение долгих лет, ничтоже сумняшеся, заявляет, что у ороченов нет ни сказок, ни легенд, ни песен.

Такое мнение может очень легко возникнуть и показаться основательным, если принять во внимание следующее: орочен привык считать себя ничтожным человеком по сравнению с русскими, якутами, бурятами, с которыми он встречается.

Богатство культуры этих его соседей подавляет его. Дома, в которых живут русские, вещи их обихода, их оружие, письменность, равно как и многолюдство якутов, бурят, их богатство — все это заставляет орочена, который действительно все свое носит с собой, очень низко расценивать себя, свою культуру. И, быть может, поэтому самое интимное, душу своей народности — фольклор — прятать как можно дальше, хранить как можно сокровеннее для того, чтобы в своем кругу, для самого себя, знать, что и у него есть что-то, что делает его равным этим могущественным соседям, что-то свое, благодаря чему и орочены „хотя и не настоящие, а все-таки люди", как сказал мне один старик-орочен.

Помимо этого, цивилизующее влияние соседей сказывается на ороченской молодежи в том смысле, что она старается как можно больше походить на этих соседей и как можно меньше на ороченов. В тех редких случаях, когда орочен выучивался русской грамоте, он считал нужным говорить как можно замысловатее, третировать земляков как можно больше и при всяком случае подчеркнуть разницу между ним, образованным человеком, и его невежественными сородичами. Модными делались одежда, обычаи, песни соседей, свое же забывалось, считалось ничего не стоящим.

И возможно, что самой основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является то, что большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях, при известных условиях.

Последнее предположение я основываю на следующих наблюдениях: хоровое пение и танцы орочен приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер „благодарения" божества.

Что касается рассказывания сказок, то оно в отношении некоторых категорий сказок допускается лишь поздней осенью, в известное время, когда „Кичиги" (созвездие Ориона) стоит высоко. Язык сказок, повидимому, также имеет особенности и формы, уже непонятные современным ороченам, чем и объясняется неудача их перевода.

Есть легенды, которые сознательно скрываются по тактическим соображениям. Так, от Д. Э. Ринчино, изучавшего бурятский фольклор, мне пришлось слышать легенду, объяснявшую причину вымирания ороченов. По легенде причина эта заключалась в том, что когда орочены были подвластны чуть ли не великому Чингису, они чем-то разгневали хана, и он обрек их на смерть. Был сделан плот, посажен орочен с семьей и отпущен по течению какой-то неизвестной реки. После долгого плавания плот выбросило на берег в чужой земле, где и рассеялись орочены. Они не погибли, но все равно они обречены на смерть и потому вымирают.

Эту легенду Д. Э. Ринчино получил с пояснением, что старики хранят ее в тайне, чтобы народ не впал в уныние, зная свою обреченность.

Если по указанным выше причинам изучение ороченского фольклора представляет значительные трудности и благодаря им эта область ороченского творчества остается для нас до сих пор книгой за семью печатями, то необходимо отметить еще одну причину, по которой эта книга так и не может остаться непрочитанной. Причина эта — вымирание ороченов. Вымирание это — процесс, происходящий на наших глазах, дающий определенные результаты в течение такого короткого срока, как 15—20 лет.

На наших глазах погибает своеобразная культура и носители ее. Изучение этой культуры скоро сделается невозможным. Те старики-сказочники, которых я знал в 1912 году, уже умерли, вместе с ними погиб, несомненно, большой запас народного творчества; то, что они передали своим слушателям, если и дойдет до нас, то в очень незначительной части.

1

Сначала никто здесь не жил. Тайга пустая была, только зверь ходил. Потом пришел с моря один старик-орочен. Пришел по Витиму на Баунт. Стал жить. Зверя было много, рыбы, птицы. Здешнее место было ошынкан — теплая земля.

Старик пришел с Яю. Яю — река, в море идет.

Стал жить старик. Было у него пять сыновей. Стал старик делить семью. Одному сыну говорит: ты будешь нодягыр, другому: ты—труягыр, третьему: ты—огдолор, четвертому: ты—кындыгыр (кындыгыр значит меткий, попадающий: палку кинул — кынн, попал — кындыгыр), пятому: ты—лакшикагер (это значит хватун: все шибко берет, хватает).

Так назвал старик сыновей и разослал их в разные стороны. Пускай ищут себе жен. Сыновья ходили кто три, кто пять лет. Потом сходились. Что же — имя разно, будто чужие, ну, брали друг у друга женщин в жены. В своем роду ведь нельзя брать, только в третьем колене. Так стало пять родов.

(Записано от орочена Донгыуль, Ильи Молчанова, на Усое)

2

Раньше жили не так. Хлеба не знали, водки не знали, соли не ели. Это когда соль стали знать, тогда перестали зверя слышать по духу. Раньше, когда соли не знали, зверя чуяли духом, как зверь сам.

Воевали с другими народами много. Воевали с тунгусами, которые жили у Баргузина. Тунгусы по-ороченски назывались „вокрой", они жили на Быто. По Баргузину жили „мурчель". Воевали с мамырами.

Жили как звери: ходили по лесу, ловили зверя, птицу. Потом догадались лук сделать. Тогда лучше стало — луком зверя били большого.

(Записано от орочена Туто-Екима, на Аунике)

3

Раньше воевали много, с баргузинскими тунгусами, со всеми. Увидят друг друга, сейчас убьют. Но все наши били, сказывают, наших не били.

Один раз наш ходил промышлять. Там тунгусы его увидели, убили. У него Керикан брат был. Керикан с двумя еще ороченами пошел туда, чтобы за брата им отомстить.

Теперь в Баргузин пойти надо харч брать. На коне итти надо сколько дней. Они так пошли. Что убьют — едят.

Пришли. Около юрт в лесу стали. Кто, филин ли, кто другой сядет близко к юртам, они на пятьдесят, на сто сажен стрелят из лука — убивают. Юрту стрелят — сквозь пробьют. Тунгусы испугались: так всех убьют. „Давайте,—кричат,—мириться". Как — сделали гулянку. „Говори, за брата что хочешь?" Керикан говорит: „У моего брата было десять пальцев на руках, за пять пальцев давайте пять девок, за пять — пятьдесят коней".

Дали. Он пришел на Баунт, разделил всем девок, коней. Тогда у орочен стали кони.

(Записано от орочена Туто-Екима, на Аунике)

4

Керикан убивал один сотню, тысячу людей. Его стреляют, не могут попасть, только раз в волоса попали. Он луком только водит — всех убивает.

(Там же)

5

Когда Керикан был маленький, умер у него отец. Орочены решили бросить его с матерью: что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла, зарыла уголь с огнем дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь — огонь был.

Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конце нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Стрелил. Другого — тоже. Пришел, матери сказал: „Пошли следить, нашли — мертвы".

Стало одежи много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал.

А орочены ничего не промышляли. Пришли на старое место — огонь есть, мясо есть. Керикан их же кормил. Дали ему хороший лук. Ну, а с хорошим луком ему что...

(Записано от орочена Донгыуль, на Усое)

6

Раз оставили Керикана сторожить, а он ушел в лес промышлять. Пришел — все убиты. Только сестру его, хорошая девка была, взяли, увели с собой. Он испугался — один. Убьют.

Сестра его, пока других убивали, успела лук его спрятать — сунуть в снег. Он нашел.

Взял, обжег себе унты, щеки обжег, идет — падает. Пришел к тем. Сестра его увидала, говорит: „Это наш пастух. Оленей пасти умеет, дров наладить может. Только стрелять не умеет. За это его кормили".

Те говорят: „Пусть пасет оленей". — „А почему обжег?" — спрашивают. Сестра говорит: „Это мы все играли, жгли ему". Ладно. Стал жить.

Только один старик все говорит: „Надо убить его". Но те говорят: „Пусть живет". Так они не стали ничего думать.

Керикан ночью встал, собрал все луки, раз — сломал. Разбудил их — они кинулись на него. Он стал стрелять. Убил всех.

Этот Керикан самый главный был. Однако от него все и пошли.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Бонбахте)

7

Пришел на ороченов народ, который звался „вокрой". Было их без счета. Орочены сделали кругом земляной вал и укрылись за ним от стрел, которыми осыпали их вокрой. Но худо было, вокрой подходили все ближе и ближе. Ну, орочены надеялись на старого большого шамана, который был с ними. Стали просить его: спаси.

Шаман стал шаманить. Бубен будто гром гремел. Из тайги ему разные голоса откликались.

Три дня и три ночи шаманил шаман. Потом вышел из-за вала и стал перед народом вокрой.

Махнул шаман рукой, и от его руки пошла по тайге буря, вырывало деревья с корнем. Погибли вокрой, давай просить мира. Дали клятву не воевать.

Через год они тайком опять пришли на орочен. Напала на них худая болезнь. Они вернулись.

Вот какие раньше шаманы были.

(Записано от орочена Конко в местности Чулбули, где имеются остатки какой-то кольцевидной насыпи-вала)

8

Раньше лучше знали свою веру. Шаман свой человек был, постоянно говорили, все видели, узнавали. Шаман разный бывал: который черному богу шаманил, который доброму. В два места ходил шаман: в ошынкан (теплая земля) и к черному богу в землю. Когда шаман умирал, так, если он настоящий был, весь уходил.

Хоронили его, потом ходили туда сидеть день, два, три, придешь — его нет, ушел.

Когда умирал простой человек, шаман через год „следил", куда ушел покойник: в ошынкан или в землю. Покойнику в дорогу клали все: котел, халат хороший, все.

(Там же)

9

Бог — добрый к ороченам. Дал им жить, веру дал и там даст что-нибудь. Веру так дал, старики сказывают: жил давно один орочен с семьей. Раз сидит у юрты, смотрит — бог идет.

Подошел к нему, говорит: „Я сейчас пойду, там другой человек живет, ему дам веру, потом вернусь — тебе какую-нибудь дам. Ладно. Ушел бог и долго не было.

У орочена в семье кто-то болен стал. Ждал, ждал орочен бога — нету. Тогда стал орочен шаманить, стал делать из дерева рыб, ну, чего надо. Делает. Смотрит—идет бог. „Ты чего делаешь?" — спрашивает. Орочен говорит: „У меня человек болен, я шаманить хочу". Тогда бог говорит: „Ну, как знаешь, делай так". И ушел. Так стал орочен шаманить.

10

Старуха старая в шалаше сидит. Колена у ней стальные. Сидит — ноги у нее стерпли, стала их тереть, колени — оттуда вышли два ребенка, стали сосать коленки. Два-три дня прошло, стали сами промышлять. Луки им старуха сделала.

Один раз прибежали испуганы: два каких-то на лошадях хотели их забрать. Старуха махнула топором, на три сажени вколотила этих людей в землю. Стали попрежнему играть.

Нашли ровное место, стали пробовать, чей лук дальше бьет; оба хвастались: мой, мой.

Оба стрелили — обе стрелки ровно стоят в земле. Побежали — это моя, это моя; тянут, крепко стоят, не могут взять. Копать стали, больше копают — дальше стрелки в землю идут. Вовсе не видать стало.

Плакать стали, жалко стало. Ничего не могли сделать. Смотрели, какая это земля. Сели поговорить.

Удивляются, что это в земле что-то слышно, человек будто говорит там. Слышат, говорит: „Я вам лучишки отдам, вы у бабушки топор украдите".

Топор украли, таском его потащили туда, где луки были, замахнулись — вышли из земли два человека, два на конях, кони чубарые. Чокучане — эти люди. Говорят старшему (брату): „Отдай младшего, много лучков сделаем". Не дал. Побежали, топор с собой. До старухи не добежали, чокучане их догнали, одного (младшего) взяли. К седлу привязали.

Один остался, плачет. Топор домой потащил. Старуха слышит — плачет. Старуха как будто спала—шевелиться стала. Он говорит: „Мы напрасно там, в том ключе, играть стали, мы там луки пробовали (рассказывает, что было... чокучане зубами стрелы держали, брата взяли, я один остался)". Старуха будто спросонья не знает, что делать. Села. „А где топор? Давай сюда". Взяла топор, не смотря махнула, говорит: „Ах, жалко мальчишку, топор, если ты мне моего дела не справишь, не оправдаешь, то сгинь, пропади там. Если дело исполнишь, то приходи назад".

Говорит топору: „Гора не держи, лес попадет —сплошь вали, догонишь—там в землю схорони и горой закрой". Так отправила топор.

Время идет, мальчишка все ходит там, где голос слышал, где брата взяли...

Топор догнал, в утесах схоронил. Мальчишки нет нигде — то ли спрятали, то ли бежал, — чокучане ведь в воде, под землей, под горой шли.

Топор сказывает о своих трудах, сильно устал, мучился.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Чипе. Рассказ этот сопровождался припевом, который менялся после различных строф. Сказочник рассказывал речитативом, иногда пел. Припев подхватывался слушателями. Припев можно приблизительно передать звуками: догхе, догхе конх, коййоло-нэ. Припев перевести не удалось).

Б. Иттер

ДВЕ СКАЗКИ

1. Каптандыр

У одного эвенка было двое детей: мальчик пяти лет —Каптандыр и девочка четырех лет — Гарпалик. Было время такое, что оленей не было и промысла тоже не было, питались одними ягодами. В это время как раз ягод было тоже мало, и им грозила голодная смерть. Родители стали советоваться, что делать. Решили детей оставить, а самим уйти, чтобы не видеть, как дети будут умирать от голодной смерти. Выкопали яму, посадили туда детей, набрали ягод, сколько возможно было, поставили их в яму и ушли, куда глаза глядят. Дети, когда съели ягоды, стали голодать, и вот им пришла мысль просить хлеба у бога, и стали просить. И вдруг им упала булка хлеба. Они увидали, что подается, стали просить мяса, и им упала курица или птица. Так они жили двенадцать лет. Когда стали большие, они вышли из ямы; сестра отправилась разыскивать родителей, а Каптандыр стал богатырем и пошел разыскивать хорошее место. По дороге он попал в землянку, где жила старушка; он у нее спросил, где бы найти место с хорошим промыслом.

— Я не знаю, — сказала старуха,—иди прямо, найдешь другую старуху, она скажет.

Так он ходил три года от старухи к старухе, пока нашел хорошее место. Ему одному надоело жить, и захотел он жениться. Он слыхал, что где-то за сухим морем живет дочь солнца, очень красивая и хорошая девица. Долго скитался по разным местам, пока нашел море. Оно было без воды, в виде глубокой, большой ямы с песчаным дном; отправился он по морю и через долгое время дошел до богатого стойбища; в середине он увидел прекрасную дочь солнца. Каптандыр подошел, поздоровался и стал свататься, а дочь солнца посмотрела на него с сожалением и сказала:

— Я за тебя итти не могу, меня охраняет змей восьмиголовый, он должен скоро прилететь, и наверно тебе не сдобровать, много тут вашего брата полегло.

— А если я его убью, то пойдешь за меня? — сказал Каптандыр.

— Да, — ответила она.

Вдруг послышалось какое-то колебание земли.

— Ага, — сказала дочь солнца,—змей летит.—Каптандыр увидал вдалеке быстродвижущийся огонь; скоро стало видно, что это — змей. Он прямо у дочери солнца и остановился. Каптандыр подошел с луком громадной величины и начал колотить по головам, и пошла кровавая борьба, тянувшаяся полгода. К этому времени он разбил семь голов, оставалась еще одна голова. Каптандыр взялся за последнюю голову, разбил ее и стал рвать на части громадное тело змея. Потекла кровь рекой и наполнила все море, кровь впоследствии стала водой.

Потом Каптандыр женился на дочери солнца и пошел в обратный путь. По дороге пришлось драться со многими богатырями и царями, которых он всех победил. С тех пор он зажил хорошей царской жизнью. А Гарпалик долго скиталась в поисках своих родителей; когда нашла, они оказались очень дряхлыми и были умом уже как дети, ничего не понимали. Гарпалик их оставила и пошла куда глаза глядят; через долгое время ей удалось выйти замуж и зажить хорошей жизнью.

(Рассказал Василий Сыгогир, Кондогырского сельсовета, в сентябре 1925 г. на речке Качоме)

2. Нургауль

Быль

По реке Элимпее (впадает в Нижнюю Тунгуску) лет 150 тому назад жил эвенки по имени Нургауль. У него были две дочери и один брат — Хевакан. Нургауль был очень сильный и ловкий человек; ни один эвенки не мог попасть в него стрелой, он на любом расстоянии увертывался от летящей стрелы, как горнак. Чувствуя свое превосходство, он обижал всех окружающих эвенков: кого грабил, кого убивал и все забирал. Его имя произносили со страхом, а где жил и кочевал, его обходили далеко, чтобы миновать беды: Если кто к нему попадал, живым не уходил. Были случаи, когда он ходил сам разыскивать; найдя, он убивал всех и увозил имущество. Однажды, когда он был в розысках, ему попалась богатая эвенкийская семья, там был дряхлый

старик, который его издали узнал. Зная, что пощады не будет, старик схватил годовалого мальчика и привязал ему половой член назад (может быть, девочку оставит), взял на руки, сел в уголок, согнулся, качает и кряхтит. Остальные все выскочили наружу, чтобы сразиться, но Нургауль всех перебил. Пошел в чум посмотреть, что там делается. В чуме он увидел старичка, качающего ребенка; старик заплакал и стал просить Нургауля не убивать его и девочку. Нургауль подошел, посмотрел ребенка и заметил хитрость старика.

— Ладно, — сказал Нургауль, — оставлю тебе этого ребенка, хотя я вижу, что это—мальчик.

Забрав все ценности, ушел домой. После ухода Нургауля старик взялся за воспитание мальчика, которого звали Хуркокан. Он задумал сделать из него грозного мстителя за погибших. С пяти лет он стал учить мальчика ловкости увертываться от стрел, а также учил его метко стрелять. К пятнадцати годам Хуркокан стал до того проворный и бойкий, что старик не только не мог попасть в упор стрелой, но даже при выстреле сзади мальчик увертывался. Когда Хуркокану исполнилось семнадцать лет, он и говорит старику:

— Я пойду разыщу Нургауля и рассчитаюсь с ним за родителей.

Старик его отпустил. В это время был как раз наст. Хуркокан надел лыжи и пустился в путь. Долго он по тайге разыскивал, и вот однажды увидел след от лыж, не очень старый. Стал следить. В одном месте увидел, что было добыто мясо оленье и увезено. Пошел дальше. Нашел свежий след и, пройдя немного, увидел — лежит мясо, недавно добытое; остановился, давай жарить мясо. Слышит, кто-то идет на оленях. Он соскочил, приготовился, но увидел, что идут две женщины; когда подошли, он спросил:

— Чьи вы?

— Нургауля, — ответили они.

Хуркокан обрадовался, что наконец-то нашел.

— Ну,—сказал Хуркокан,—ничего обо мне Нургаулю не говорите, а то я вас первых убью; если ничего не скажете, я на вас женюсь.

Девицы испугались, дали слово ничего не говорить, навьючили на оленей мясо и пошли домой. Хуркокан идет поотдаль сзади, чтобы не быть заметным. Дошли до дому, сняли вьюки. Подошел Нургауль, осмотрел мясо и спросил, нет ли чьего следа.

— Нет, не видали, — был ответ дочерей. Нургауль отрезал кусок мяса и поставил жарить к гомовуну, а сам пошел в чум. Когда мясо изжарилось, принесли в чум и поставили подле Нургауля, который тут же стал чай пить с мясом. В это время заходит Хуркокан, держа лук наготове. Нургауль удивился неожиданному гостю. Хуркокан сказал:

— Ты убил отца и мать, сестер и братьев, и я пришел рассчитаться за них, выходи на улицу, попробуем сразиться.

Нургауль взял лук со стрелами и вышел на улицу.

— Ну, — говорит Хуркокан, — начинай стрелять, ты старше.

И Нургауль стал пускать стрелу за стрелой, пока все не кончил, а Хуркокан благодаря своей верткости остался невредим. Потом Хуркокан натянул лук и сказал:

— Ты, видно, разучился стрелять. Вот смотри, как я стреляю,—и пустил стрелу прямо в лоб, а другую в грудь.

Нургауль вскрикнул и сказал:

— Я умираю и прошу тебя, оставь моего брата в живых, чтобы он меня похоронил, — и умер.

Хуркокан брата оставил, одну девицу взял себе в жены, забрал все ценности и ушел к своему дедушке. Брат похоронил Нургауля тут же на хребте, а сам ушел кочевать. Теперь так и называется этот хребет — „Нургауль" (Нургауль был из рода Ошикир).

(Рассказал Веретешка, 55 лет, 7 сентября 1925 г. Речка Олимпея)

В. С. Пежемский

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ ЕРБОГАЧЕНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Холм раздора

Как только появилась земля, Ховоки населил ее великанами, которые много, много лет жили на ней.

Первое время великаны жили хорошо, не враждовали между собой, но после они испортились, стали враждовать между собой, настолько озлобились, что, враждуя, поедали побежденных соседей. Неприятна была Ховоки жизнь великанов, и он решил убрать их с земли. Одних превратил в камень-утес, других сделал рекою, озером, болотом, а тех, кто был смелее и ходил к нему на небо, оставил там, превратив в звезды. Как только великаны вывелись на земле, Ховоки заселил ее людьми. Хорошо жилось людям в освобожденной земле: всего было вдоволь, никакая болезнь не касалась их, так как тут всегда был с ними Ховоки; он учил их, как ловить зверя и птицу, как поймать рыбу в воде. В то время люди не боялись и холода. Тело их сплошь было покрыто густою и длинною шерстью, под ней им было тепло и не было потребности иметь одежду.

Один раз Ховоки собрал людей и сказал им:

— Любимые мои дети, долго я был здесь с вами, и мне необходимо отлучиться от вас на три дня. Живите здесь так же, как жили при мне: не будет между вами ни ссор, ни зависти; ловите птицу и зверя, как я указал вам, ешьте их, ешьте также ягоды, которые редко ест зверь, у которых нет древесной опоры, а ягоды, растущие на деревьях, не ешьте; это — пища птиц и зверя; ждите меня откуда показывается солнце, не скучайте и не печальтесь.

Сказав это, Ховоки, провожаемый взорами людей, отправился в путь и скоро скрылся из виду.

Прошло много лет, половина людей, знавших Ховоки, покрылась сединами, а его еще не было, и не знали люди, когда он придет к ним. Неизвестно им было, сколько лет означают три дня, спустя которые должен был Ховоки явиться. Ожидая его, люди ворожили, но и ворожба ни к чему не привела; стало брать людей раздумье: не обманул ли их Ховоки, все ли то правда, что говорил им на прощание.

Начали есть без разбора все, что им попадалось на глаза: кислые и сладковатые ягоды с деревьев. Что же случилось? Как только начали есть ягоды, появилась среди них болезнь, после которой вся шерсть их опала, как лист осенью.

С удивлением люди увидели себя другими: то, что мы теперь закрываем, оголилось и бесстыдно торчало на виду. Женщины и молодежь, как более любопытные, хватались за половые признаки, некогда скрытые шерстью. Женщины не давали прохода мужчинам, а молодежь и даже взрослые приставали на каждом шагу к женщинам и девушкам; спокойно мог ходить лишь тот, кто связал себе из трав прикрытие (адаптун). Поведение мужчин породило ревность (орголит), а вместе с нею начались ссоры и убийства.

С убийством узнал людей и Орумо (Харги), до этого он боялся даже близко подходить к людскому стойбищу.

С появлением среди людей Харги ворожба сменилась шаманством, и люди все более и более отделялись от Ховоки.

Оголенное тело зябло от холода и изнывало от жары. Появились болезни, и люди стали вымирать.

Так прошло еще несколько лет; многие забыли совсем Ховоки, а те, кто помнил его, сердились на него за долгую отлучку и те болезни и мучения, которые из-за этого постигли людское племя. Это недовольство Ховоки передавалось от рода к роду и ненавистью гнездилось в сердцах новых поколений.

Многие годы стерли в памяти людей не только заветы, но и образ (вид) самого Ховоки. Смутно чего-то ждали люди со стороны восхода солнца, каждый по-своему соображая, что бы он стал делать, если придет Ховоки.

Но вот, перед началом одной из весен, в начале солнечного восхода, из блеска солнечных лучей выделился Ховоки и стал приближаться к людскому стойбищу.

Два-три старика, дожившие до прихода Ховоки, узнали его, обрадовались и сообщили это молодому поколению, но молодежь, схватив оружие, стала смущать других на убийство Ховоки. В людском стойбище поднялся шум и суматоха. Ховоки понял, что произошло с людьми. Не дойдя до стойбища на три перелета стрелы, остановился и стал упрекать людей. Упреки обозлили людей, и они бросились на Ховоки, чтобы поймать его (настолько еще люди были глупы), но он быстро стал удаляться кверху, где было солнце, и исчез в сиянии солнечного света. Обозленные люди решили добраться до Ховоки и наказать его. На своем собрании (уру) постановили: всем, кроме стариков и женщин, носить шапками в одно место землю, чтобы насыпать ее большим холмом-горою, по которой бы легче добраться к местожительству Ховоки.

Прошло много лет, и из людских трудов создалась высокая гора, далеко уходя ввысь своею верхушкою: несколько лет нужно было для того, чтобы достичь вершины и высыпать из шапки предназначенную для постройки землю. Люди всходили на эту гору, а когда возвращались к стойбищу, то там уже находили новое поколение, говорящее на непонятном языке, и редко можно было найти старика, который бы с трудом объяснил возвратившемуся, что часть знакомых ему людей или в пути на гору, или, уже возвратясь, ушли отсюда в таком-то направлении.

Возвратившийся чувствовал себя одиноким, брал жену какого-либо ушедшего и с нею уходил в сторону от людского стойбища. Так люди рассеялись по всей земле от этого холма-горы, образуя роды и различные племена... На возвышенное место стали слетаться болезни, они быстро уничтожили остатки строителей и по сие время живут там, и холм раздора людей с Ховоки теперь является стоянкой болезней. При камлании дух шамана уходит к этому холму, чтобы яснее проследить ход болезни, губящей человека, так как родовые тропы торны и по ним болезнь гонит какой-либо род, как собаки зверя.

Поэтому худо, когда люди берут в жены из своего рода: тогда болезни легко разобраться чутьем в родовом следу и пожрать семью.

Если кто желает жить хорошо и спокойно, пусть берет жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блудить чутьем в поисках семейства.

(Слышал от шамана Ширбауля Гавриила в 1920 г. в с. Ербогачен. Ширбауль умер в 1921 г. в стойбище Дегдовли, в 250 км. от Ербогачена).

2. Мангы-Дёромго

В прежние времена, далеко еще до появления людей, земля заселялась великанами, которые, подобно людям, селясь около рек, занимались охотою и рыбной ловлей. Насколько они были велики по сравнению с маленькими теперь людьми, можно судить по тому, что день у этих великанов равнялся ста и больше годам.

В своих поисках за добычей они не знали преград: большие реки перешагивали как маленькие ручьи, болота и озера перепрыгивали.

В умственном отношении великаны были слабы, жили отдельными семьями, враждовали между собой, побежденных пожирали, как и всякую добычу.

В те далекие времена на берегу одной из земных рек жил великан с женою и дочерью.

Проходил год за годом, незаметно подкрадывалась старость, а он все не мог дождаться от жены сына. Но вот, на старости лет великанша родила сына. Мальчик был необычайный: большого роста, с огромной головой и с тремя глазами во лбу; с появлением на свет начал ходить на ногах и, подражая отцу, стал охотиться на птиц и сподручных ему зверей.

Каждый раз он приходил с обильной добычей, причем, чтобы мясо не портилось, он не убивал зверей или птиц до смерти, а только свертывал им шеи и полуживых нес к отцу и матери.

Сестра позавидовала успехам брата и один раз попросилась итти с ним на охоту, чтобы видеть, как он ловит зверей. Брат взял ее, но, видя, что сестра не может понять всей тонкости его охотничьих приемов, показал на ней самой: завернул ей голову и в таком виде, полуживую, бросил у входа в шалаш вместе с добычей.

Разбирая добычу, мать среди зверей увидела дочь, позвала отца и сказала:

— Что это за зверь? Как он похож на нашу дочь.

Отец признал дочь; видя ее полуживой, предложил матери добить ее и сварить к ужину, а сына жестоко наказать. Мать воспротивилась, распрямила шею дочери, и она осталась жива, а сын, боясь наказания, бежал из родительского дома.

Покинув отчий кров, Мангы-Дёромго решил итти на небо — подняться на тот хрустальный свод, который прозрачным колпаком окружает землю, где в изобилии водится дорогой и крупный зверь. Но чтобы взобраться на небесный свод, необходимо дойти до края земли, где вершины земного леса касаются неба, найти в небесном своде отверстие (хангар), которое известно Оксори (богу), Харги (чорту) и Догивки *, а также, но в редких случаях, „Хангар" может найти и земной житель-герой. Мангы-Дёромго, как необычайный человек, нашел это отверстие и на своих лыжах легко помчался по небесному своду.

По пути догнал двух охотников: Торопливого и Хвастуна. Мангы-Дёромго расспросил их, за кем они охотятся. Те сказали, что гоняют лося, но не могут догнать, а потому Торопливый торопит своего друга Хвастуна итти скорее за лосем, чтобы он к утру не скрылся из виду. Хвастун, имея за спиной котелок, уже заранее говорит, как он первым догонит лося и будет варить лосиное мясо. Мангы-Дёромго попросился в их компанию, и они втроем погнались за лосем. Скоро товарищи отстали от Мангы-Дёромго. Он один, как ветер, помчался за лосем, пересек на лыжах небесный свод и перед полночью увидел лося с левой стороны от себя, обернулся и пустил ему под лопатку двухконечную стрелу и убил лосиху, а теленок с перепуга метнулся в сторону, упал в хангар и таким образом очутился на земле (от теленка пошли теперешние земные лоси). Перед утром только пришли к убитой лосихе те два охотника — Торопливый и Хвастун. Современные люди в каждую ясную ночь теперь видят на небе охотничьи подвиги Мангы-Дёромго: след от его лыжни белой неровной полосой протянулся по небу"[1], лось[2], лосенок[3] и два охотника: Торопливый[4] и Хвастун с котелком[5]; Мангы-Дёромго в правой стороне небесного свода[6]; стрела)[7].

Оставив охотников, Мангы-Дёромго пошел рыскать по небесному своду в поисках жителей. Когда он достиг середины неба, видит — стоит золотой шатер, как бы в воздухе, не касаясь хрустального свода. С трудом Мангы-Дёромго проник в шатер. Там его встретила старуха, заведывающая землей и всем живым на ней, с красавицей дочерью. Мангы-Дёромго был принят и обласкан ими: они его раздели, высушили ему унты, накормили яствами со своего небесного стола. Мангы-Дёромго понравилась небесная жизнь, а еще более полюбилась девушка, дочь старухи. Мангы-Дёромго женился на ней и сделался небесным жителем-охотником. Живя на небе, он не забывал земли, при удобном случае сгонял редких ценных зверей к небесному отверстию (хангар), делая их достоянием земных жителей.

Прошло незаметно несколько циклов лет. Мангы жил на небе и наслаждался уютом семейного очага. Временами ему приходила мысль посетить землю, узнать о жизни родных, но он боялся оскорбить своим отсутствием жену и тещу.

В такие минуты тоски по земному он уходил на край неба и, свесившись с хрустального свода, плакал. Этим облегчал себя и возвращался к жене с красными от слез глазами. Это не ускользнуло от наблюдательности тещи. Один раз она спросила, почему он приходит с охоты с красными глазами. Мангы-Дёромго ответил, что, охотясь около земли, ему приходится соприкасаться с вершинами земного леса и лес хвоей бьет его по глазам. Старуха пошла к краю земли и стала наказывать лес; деревья сказали, что напрасно их наказывает госпожа-владычица земли, зять обманул ее: не от хвои у него красные глаза, а оттого, что часами плачет здесь по земной жизни. Узнав правду, старуха ничего не сказала зятю, но когда он пришел с охоты опять с крас-

---

* Мифической птице, переносящей героев в потусторонний мир.

[1] Млечный путь

[2] Четыре звезды Б. Медведицы

[3] Первая звезда Б. Медведицы

[4] Крайняя звезда Б. Медведицы

[5] Средняя звезда Б. Медведицы с еле мерцающей звездочкой

[6] Трехзвездный Орион с прилегающими к нему созвездиями.

[7] Три звезды от Ориона к созвездию Б. Медведицы.

У некоторых эвенкийских родов легенда о Мангы-Дёромго не сохранилась, но все они называют млечный путь: „Кингля Мангини" (лыжня разбойника).

ными глазами, она сказала, что не следовало ему прибегать к обману, а лучше бы сказать правду: если ты тоскуешь по родине, то можешь посетить ее, и жена твоя на это время примирится с разлукой.

Дает ему теща своего восьминогого коня с копьевидными копытами, и Мангы-Дёромго вихрем мчится к стойбищу, где некогда оставил родных.

На том месте, где был их шалаш, он увидел огромные стволы вековых деревьев, а шалаш их почти врос и сравнялся с землей.

Привязав своего коня, Мангы-Дёромго тихо подошел к шалашу и стал прислушиваться к тому, что происходило внутри. Потом, найдя щель, увидал огромную великаншу, которая ворожила человеческой челюстью, подбрасывая ее вверх с восклицанием: „Куварк". Если челюсть падала кверху зубами, она радовалась, а если книзу, ругалась и сердилась. Это была его сестра, сделавшаяся людоедкой: она съела своих родителей и их челюстями ворожила: когда вернется брат Мангы-Дёромго, чтобы покончить с ним счеты за случай на охоте. Брат вошел в шалаш, сестра узнала его, обрадовалась, подобрала челюсти предков, стала готовить оладьи, варить рыбу и мясо для угощения брата. На ночь постлала постель: по одну сторону шалаша для брата, а по другую, ближе к выходу, для себя, спрятав под изголовье большой топор, полагая, что с дороги брат крепко заснет, а она его, сонного, убьет. Брат заметил это и бдительно стал следить за сестрой: когда он дремал двумя глазами, третий глаз не спал и глядел на сестру. К утру сестра задремала; тогда Мангы-Дёромго нашел в бересте клей из рыбьих шкур и заклеил сестре глаза, а сам стремительно вышел из шалаша, поспешно отвязал коня и помчался. Сестра услышала конский топот, проснулась, но никак не могла открыть глаза; наконец ногтями продрала веки и бросилась в погоню за братом. Осьминогий конь с трудом нес своего всадника по земле: его ноги с копьевидными копытами вязли в почве до колен. У отверстия (хангар) сестра уже догоняла было брата, но конь напряг последние усилия и вскочил на небо, здесь он уже далеко оставил великаншу: его копьевидные копыта легко задерживались на гладкой поверхности неба, между тем как ноги великанши, обутые в унты, скользили, как по льду.

Поспешно соскочил с коня у входа в шатер Мангы-Дёромго и передал теще о грозящей им опасности. Та успокоила его, приказала расплавить в больших котлах металлы: свинец, олово, железо, медь, серебро и золото, котлы поставила в ряд по дороге, а сама пошла навстречу великанше. Великанша по следам коня шла к месту нахождения брата. На пути она встретилась со старухой и начала борьбу. Три дня длился поединок. На четвертый день старуха хитростью поборола великаншу: толкая ее в зад пятки, опрокинула в котлы со сплавом, погрузив и продержав ее в каждом из них.

Великанша вскричала от боли, стала вырываться из рук старухи, а когда та выпустила ее, то она, обезумев, с прильнувшим к ее платью и телу сплавом, бросилась бежать на землю так быстро, что при прыжке разбилась в куски, рассеяв неравномерно по поверхности земли золото, серебро и другие металлы.

Ленинград 1 августа 1928 г.

(Слышана легенда 19 декабря 1920 г. в с. Ербогачен от тунгуса Кондогирского рода Дандина Василия, 70 лет.)

М. Ошаров

ТУНГУССКИЕ СКАЗКИ[1]

Сказочный материал тунгусов Туруханского края характеризуется пятью - шестью десятками типовых сказок, за исключением вариантов и расчленений некоторых сказок на ряд самостоятельных отдельных сказок и к ним еще вариантов.

Нижеприводимые сказки записаны со слов сказочников, с возможной точностью. Однако переводить труднее, чем придумывать, поэтому отдельные места тунгусских сказок, благодаря языковым особенностям, чрезвычайно трудно переводимы Например, в сказке „Недоумок", построенной исключительно на нюансе созвучий совершенно различных по значимости слов, при переводе пропадает вся прелесть. Так. по-тунгусски нингта будет пятка, нянгта — кедровый корень; или оран — порог (на реке), орон — олень. Дураку в сказке велят нарезать нянгта, т. е. корней, он путает это со словом нингта и поэтому ловит детей, режет и приносит в подоле их пятки. Просят оленя (орон), он же лезет в оран, т. е. в воду, в порог и т. д.

По словам Гете, „истинный" характер сказок состоит в том, что, не преследуя никакой моральной цели, они выносят человека из тесных рамок его внутреннего мира в безгранный

---

[1] Из журн. „Сибирские огни", № 9—10, 1923, стр. 167—176. Текст сказок, обозначенных нами под №№ 18, 19 и 20 (стр. 282—283), взяты из романа автора „Большой аргиш", (М. 1935, стр. 61, 108—109, 154). Две сказки (№№ 2 и 5) первоначально помещены автором под заглавием „О лесе Моо и камнях Хишаль" и „О медведе Амикане и кедровке Чагше" в журн. „Охотник и рыбак Сибири", № 3, за 1929 г., стр. 71—72 за подписью „М. А." Относительно второй из этих сказок автор делает следующее примечание: „Эта же сказка имеется у дубчинских остяков, где старый медведь называется „баат-хой", а кедровка — „туколя". Сымские тунгусы утверждают, что „чжянда" (остяки) эту сказку взяли у тунгусов. Насколько это так, требуется проверить". Текст первой сказки приводится автором также в его романе „Большой аргиш", стр. 45. *Ред.*

внешний простор. Подавляющее большинство тунгусских сказок натуралистично. Волевой взлет фантазии творцов сказок не унес их в страны умопомрачительных див, а вывел лишь в пределы мира, ими освоенного, познанного и видимого. В тунгусском религиозном культе несравненно больше сказочной фантастики, нежели в их сказках. Тунгусские сказки материалистичны. В сказочном творчестве отразился промысловый бытовой уклад охотников-натуралистов. И сказка, как устное творчество, не синтезирует художественно-эмоциональную потенцию племени, а скорее дает иное объяснение: как было, почему так стало, откуда взялось то или иное явление, тот или иной предмет.

Слушая тунгусские сказки, не уходишь в несказанные миры, а созерцаешь реальный мир, пребываешь в быту той или иной действующей в сказке особи, в ее естественной среде — тайге, берлоге, гнезде и т. д. Для действия не придумано новой, необычной среды, фантастического фона, обстановки, условий. Даже комические сюжеты с их действующими силами низведены до естественной земной простоты.

1. Как лисица баб обманула

Узнала лисица, что в чуме бабы остались без мужиков, пришла к ним. Бабы палили мягкий олений рог и ели его. Увидела это лисица и засмеялась:

— Зачем вы едите кости? Почему не едите сладкую рыбу?

— Ели бы, да нет у нас рыбы. Где ее взять?

— Хо, я знаю речку одну. В ней рыбы полно. Поплывете со мной?

— Пойдем, пойдем, — обрадовались бабы.

— Ладно, — сказала лисица, — я поведу вас к рыбе, только есть ли у вас в турсуках[1] мука?

— Зачем тебе муку надо?

— Да без муки в речке худо ловится рыба. Хотите добыть, так берите турсук муки, кладите его в лодку и скорее поедем.

Лисица торопила баб, чтобы уплыть от чума, пока не вернулись мужики.

Взяли бабы последний турсук с мукой, посадили лисицу с собой в берестянку и поплыли вверх по реке.

— До рыбной речки не близко. Вы плывите, а я маленько усну. Будут попадаться по пути устья притоков, вы будите и спрашивайте меня. Да хорошенько смотрите, чтобы не проехать рыбную речку.

Веслят бабы, смотрят по берегам. А лисица прилегла рядом с мукой, накрылась меховым комуланчиком, прикинулась спящей и давай из турсука есть муку.

— Лисица! — будят ее бабы, — Смотри-ка, речка.

— А это речка Хулельго („не начинала"), плывите дальше.

Плывут бабы. Опять увидели устье.

— Лисица, ты спишь? Посмотри речку.

— Это речка Омыльго („убавила маленько"). Плывите.

Плывут, не отдыхают бабы. Хочется поесть рыбы. Увидели третье устье. Будят лисицу.

— Не эта ли рыбная речка? Спит крепко. Лисица, не эта ли рыбная речка? Мы ее проплываем.

— Проплывайте, — отвечает сонно лисица. — это речка Тытальге („вровень с краями").

Плывут бабы, а лисица полным ртом ест муку, будто спит.

— Э, лисица, сейчас будет четвертая речка. Не в ней ли рыба? Посмотри.

Лисица одним глазом из-под комулана взглянула, чтобы не показать мучной рот, и сказала:

— Тиховато едете. Эта речка будет Ушильге („половина").

Сильнее веслят бабы, торопятся к рыбе, а лисица торопится есть муку. Показалась в прилуке пятая речка. Говорят лисице:

— Мы видим речку. Не в ней ли будем ловить рыбу?

— Нет. До рыбной речки скоро доедем. Эта речка будет Хорольге („на дне осталось"). Плывите дальше.

Плывут. Лисица долизывает муку. Увидели снова речку, будят:

— Лисица, гляди — речка! Не в ней ли рыба? Какая это речка?

— Это речка Кумкольге („опростала"). Тут будем ловить рыбу.

Пристали к берегу, прикололи берестянку. Выскочила из нее вперед баб лисица и говорит:

— У меня что-то с брюхом неладно. Подождите меня, я сбегаю в лес. Если долго не будет меня, одни рыбачить начинайте, а рыбу кладите в турсук, его я под рыбу вам опростала.

И остались бабы без муки и без рыбы.

Июль. 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

2. О лесе и утесе

Амака сделал камень, дерево и велел им расти. Высоким стал камень и говорит дереву:

— Мо, ты видишь, какой я большой. Потом я стану не меньше самого Амаки.

Выслушало дерево камень-утес и камню сказало:

— Я стану не ниже тебя, Хишаль. За мою вершину будут задевать тучи.

Услышал Амака хвастовство, подошел к камню и сказал ему:

---

[1] Турсук — ильмок — переметная сума с берестяным усеченно-пирамидальной формы каркасом, обшитым сверху оленьим камусом или же тайменьей кожей. Мучная вместимость турсука — 32 килограмма.

— Хишаль, ты хочешь стать больше меня. Это не плохо. Только ты станешь тяжелым и раздавишь себя. Это худо. Падая, ты поломаешь лес. Чтобы так не случилось, лучше я покажу тебе рост твой. — Амака смахнул рукой все лишнее с камня. — Вот таким, Хишаль, ты будешь века. Как только вершина твоя станет отрастать выше, она будет сама рассыпаться.

Потом Амака подошел к дереву.

— Мо, ты хвастало стать выше туч. Это плохо. Тебя будет сильно бить ветер. Корни не удержат тебя. Ты упадешь, передавишь людей и оленей. Вот тебе рост твой. — Амака захватил в руку ветки и, помаленьку сжимая пальцы, провел ею от комля к вершине и все лишнее оборвал.

— Таким ты будешь века, — сказал Амака дереву. — Если будешь перерастать, станешь сохнуть с вершины.

С тех пор большие переросшие утесы сами собой разваливаются в мелкие россыпи, а переросшие деревья сохнут с вершины.

Июль 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

3. Волк и лисица

Холодно волку. Голодный он. Идет заячьей тропинкой. Думает зайца до быть. Встретился с лисицей. Думает: съем.

Лисица говорит:

— Волк, холодно мне, давай греться. Повеселимся.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, ты смейся.

Волк связал ноги лисице, начала она падать, перевертываться. Повеселила волка и говорит:

— Я устала. Развяжи ноги, да весели потом меня. Мне тепло. Давай свяжу тебе ноги. Поиграешь, и мне опять свяжешь.

Волк согласился. Лежит, встает, падает. Лисица хохочет. Устал, просит развязать, а лисица „играй" говорит — и в лес.

Лежит волк. Подлетела к нему белая птичка.

— Развяжи мне, птичка, ноги, я тебя накормлю мясом, кишками.

Скривила себе птичка лапки об узел. Развязала волка. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал брюхо, поел и оставил оленя птичке. Залезла она в брюхо, вымазала белые перышки кровью, и пошли от нее красногрудые клесты.

Волк пошел следом лисицы. Нашел конский шевяк. Посмотрел: лисица грызла его. Сломала об него клык. Идет следом дальше, ищет лисицу. Смотрит — в лесу огонь, а кругом него лисиц мно-о-го сидит.

— Это они на мунняк[1] собрались, — подумал волк и сел с ними.

Смотрит кругом, ищет лисицу, что обманула его, а узнать не может. Все—как одна. Вспомнил о сломанном зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются.

Увидел беззубую, подсел к ней и говорит:

— Из подпаленного хвоста все вши перебежали на голову. Ты поищи мне маленько.

Лисица покусала вшей и говорит волку:

— Я тебе хорошо искала в голове; поищи и ты мне.

Волк кусал вшей, да спрашивал где поискать.

— За ухом сербит. Покусай там хорошенько.

Волк так куснул обманщицу-лисицу, что она сразу подохла.

Июль 1923 г. Катонга, В. Контора. Рассказал Тогача.

4. О зайце и шамане

Давно в старину это было. Один заяц нашел в лесу лопаточную кость и объявил по тайге себя большим шаманом.

Услышали об этом зайцы, обрадовались своему шаману и пошли все к нему. Больные пришли лечиться, другие узнать о судьбах своих. Большой шаман все знает.

Собрались. Зажгли костер. Сели кругом, ждут камланий шамана. Ударил он лапкой в свой бубен — костяную лопаточку, вытянулся, запел:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!"

Подпрыгнул, потоптался, ударил в кость, запел:

„В горелом лесу — поов!
Дорога моя торная — боов!"

Кувыркнулся через голову и то же:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!
В горелом лесу — боов!"

[1] Собрание.

Бубнит да поет, поет да бубнит...

„В горелом лесу — боов!"

Ждали-ждали зайцы, когда их шаман шаманить начнет, да так и ушли ни с чем. С тех пор и живет великая слава в тайге о зайце-шамане большом.

Июнь 1925 г. Ерабо. Рассказал старик Калтан.

5. Медведь и кедровка

По тайге бродил медведь. Он был стар, голоден. Медведь искал в лесу себе пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи! — крикнула издалека кедровка.

Услышал он, что птица его кушать зовет. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг снова слышит в стороне тот же голос.

— Дедушка, иди сюда, здесь орехи.

Показалось медведю, что он неладно зашел. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить близко. Кедровка перелетела на новое место, подальше, и опять закричала.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи.

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Кедровка перелетела в пустой лес и кричит:

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи... иди сюда.

Долго бегал старик за перелетающей кедровкой, потом понял, что она обманывала его. Осердился, сказал:

— Ты меня, кедровка, обманывала, так помни: когда будет большой урожай ореха, ты никогда не будешь наедаться. Сколько бы ты ни ела, ты будешь все время голодная. Когда же ореха совсем не родится, ты будешь сильно голодать, мучиться и подыхать.

С той поры с кедровками так и стало, как сказал им дедушка-медведь.

15 декабря 1928 г. Сым.

6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев

Амака сделал шестипалым медведя и пустил его в лес.

Услышал медведь в себе силу и начал ломать, ворочать все, что попадало ему в лапы.

Увидел это Амака и решил убавить силы у медведя. Он сказал ему:

— Чтобы ты стал смирнее, я оторву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, летом выходить, кормиться орехами, корнями, ягодой, травой.

И оборвал Амака пальцы.

Пролежал медведь долгую зиму в темной берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку вернуть пальцы.

— Ладно, — сказал Амака, — я верну тебе пальцы и дам человеку против тебя лук, стрелы, а собакам острые зубы.

Медведь надеялся на свою силу, взял от Амаки пальцы. Пошел. Встретился с человеком и с собакой, стали драться.

Пустил человек стрелу, вцепилась острыми зубами собака за зад, и закричал медведь:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы, я лучше буду жить без них, спать зимами в берлоге, выходить весной и есть то, что ты велишь.

И оборвал Амака навсегда у медведя большие пальцы.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Сакура.

7. Откуда появились вши

На земле было много, много мышей. Люди ходили и ногами топтали в травах мышат. За это мыши возненавидели их. Они стали портить у людей одежду, грызли и поедали пищу. Тогда люди сделали высокие лабазья и на них стали прятать все от мышей.

Старая мышь придумала другое. Она нашла сеноставца[1] и говорит:

— Сеноставец, у тебя много вшей. Давай пустим их людям. Пускай их вши заедят.

— Нет, мышь, — сказал он, — аваньки народ хороший. Вшей своих я напускать им не буду. Худо они мне не делают.

Мышь рассердилась, ушла. Она тихонько залезла в чум и всех своих вшей пересадила в голову больной женщины.

Женщина та умерла, а вши с нее расползлись по остальным в чуме и стали кусать их.

Так и не выводятся они у человека.

14 июня 1928 г. Юдукон. Чум Барды.

---

[1] Сеноставец или пищуха — маленький, рыжий бесхвостый зверек из семейства грызунов. Зиму спит в каменных россыпях. На еду заготовляет себе траву и сушит. Это — отличное сено, которое охотно поедает олень. Тунгусы считают его тружеником, не приносящим человеку никакого вреда, и относятся к нему с уважением. Мышь, как вредного грызуна, презирают.

8. О мыши и сеноставце

Мышь говорит сеноставцу:

— Помоги мне сделать так, чтобы все люди пропали.

Сеноставец ответил:

— Людей мне жалко. Пускай живут, кому они мешают?

— Нет, люди плохие, — сказала мышь. — Они топчут моих маленьких детей. Детей у меня много стало. Земли мало, жить негде.

— Места всем хватит, — говорит сеноставец. — Пусть будет народу еще больше. Народу больше станет — только веселее.

Долго спорила мышь, что люди плохие, но никак не могла переспорить сеноставца.

— Ладно, — говорит тогда ему худая мышь. — Если тебе людей жалко, тогда давай за них со мной бороться Если ты меня переборешь, пусть умирают мои дети; а если поборю я, тогда пускай люди стопчут детенышей твоих.

— Давай бороться, — согласился сеноставец.

Боролись. Мышь корнем всадила длинный хвост в землю и поборола бесхвостого сеноставца. Он проспорил мыши. Но чтобы не погибали ни от чьих ног его дети, он ушел в каменные россыпи и теперь живет по рассыпям.

5 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Дз. Ленгама.

9. Богатырь и клей [1]

Был давно один богатырь. Ходил он везде и на всем пробовал свою силу. За что ни возьмется, то и поломает, искрошит.

Богатырь хвастался силой, пугал. Все люди его боялись. Потом нашелся один смелый и говорит ему:

— Ты, сказывают, очень смелый, а рыбьего клея, однако, не одолеешь.

— Какой такой клей? — ответил богатырь.

— Хочешь попытать?

Богатырь согласился. Он лег, смеясь, на облитую клеем [2] каменную плиту и долго лежал на ней неподвижно. Когда высох клей, богатырю сказал человек:

— Ну-ка, попробуй, вставай помаленьку.

Богатырь пошевелил плечами, спиной; но ни плечи, ни спина не шевелятся. Упершись ногами в плиту и не мог приподняться. Осердился, ударил изо всей силы ногой в камень и пополам разорвался.

С тех пор и не стало на земле страшного богатыря.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал тунгус Сакура.

10. Где тунгус нашел первую жену

У солнца не было жены. Оно вдовело. Жило со старым отцом-месяцем и красавицей дочерью.

На красавицу стал заглядываться молодой тунгус. Когда солнца не было в чуме, парень пришел к ней. Засиделись.

Вернулось солнце на стоянку. Некуда стало бежать парню. Спрятался.

Вошло солнце в чум, слышит худой запах в жилище, спросил дочь:

— В чуме у нас чем-то нехорошо пахнет. Ты не знаешь?

— Нет, — соврала та.

Солнце стало искать и по запаху нашло тунгуса. Рассердилось на красавицу-дочь и выгнало ее вместе с парнем.

Так и стала у тунгуса первая баба. Солнце же с седым отцом-месяцем откочевали на небо и аргишат по нему одинокие.

3 июня 1928 г. Юдукон. Рассказала старуха Дугдаг.

11. Про гагару

Амака сделал воду и пустил по ней птиц. Нестись — понадобилась земля. Призвал он к себе гагару, сказал ей:

— Укон, ты лучше всех умеешь нырять. Ныряй, достань со дна песок, и я сделаю землю (сушу).

Нырнула гагара, достала со дна песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю.

Рассердился Амака на гагару, позвал к себе гоголя, сказал:

---

[1] То же в „Большом аргише", стр. 208. *Ред.*

[2] Клей тунгусы изготовляют сами из плавательного пузыря осетра, кожи налима. Лучшим считается клей осетровый. Он употребляется для подклейки камыса к лыжам, склеивания луков, проклейки тетивы и пр. и служит прекрасно.

— Момуро, ты хорошо умеешь нырять. Достань мне со дна песок, я сделаю землю.

Достал гоголь со дна песок, отдал его Амаке.

Сделал Амака землю, поймал гагару и наказал. Он вырвал у ней лапы с брюха и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле и век жила в воде.

Лето 1923 г. Оскоба. Рассказал Мароненок.

12. Почему люди стали шаманить

Амака сделал всех птиц, злой Харги сделал одну гагару. Пустил он гагару на воду и стал хвалиться перед добрым Амакою:

— Что твои птицы? Г.... против моей гагары. Мою гагару на воде никто ни догонит. Ее не поймает и твой человек.

Амака сказал Харги на это:

— Человеку я дам двузубое копье, и ты увидишь, как он добудет им твою гагару.

— Что гагаре твое копье? Она умеет нырять лучше всех твоих уток.

Амака дал аваньки (тунгусу) копье, он сел с ним в берестяную лодку и стал гоняться за мудреной гагарой. Загонял. Устала гагара. Воткнул ей в хвост копье и не дал унырнуть больше. Сидит гагара на копье, крутит головой во все стороны и кричит:

— Аваньки будет шаманом. Остяк будет шаманом. Якут будет шаманом.

С той поры люди стали делаться шаманами.

18 июня 1928 г. Рассказал Барда. На рыбалке ниже Байкита.

13. О созвездии Хоглен-Сохатом [1]

Встретились в лесу охотники — русский, остяк и тунгус. Заспорили, кто лучше и быстрее ходит на лыжах. Русский говорит:

— Я лучше вас обоих умею бегать на лыжах.

Остяк ему не уступал, тунгус же сказал:

— Завтра найдем зверя и пытать себя станем. Может, я плохой ходок? [2]

Утром пошли. Под горой нашли след сохатого. Побежали за ним. Русский добежал до подножья, остяк выскочил на вершину, тунгус же в это время был за горой и добыл Хоглена.

Так и бегут по небу. Русский — плохой ходок, он век под горою с котомкой; остяк — получше ходок, он век на горе [3]; удалый же тунгус — век за горой [4], век бежит передом за сохатым [5]. Посмотрите их ночью.

1920 г. Гагинда. Рассказал Калтан.

14. Мамонт и змей Чжябдар

Много-много было кругом воды, маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал об этом человек. Подошел к нему мамонт, спросил:

— Отчего ты такой невеселый?

— Какое веселье, — сказал человек, — кругом одна вода. Как кочевать?

— Не печалься. Я тебе осушу землю.

И мамонт побрел по воде. Остался на маленькой суше невеселый человек.

Нашел мамонт за водой на песке змея, сказал ему:

— Пойдем, Чжябдар, со мной сушить землю, У меня — сила, у меня — гибкость. Ты мне поможешь. Будет тебе лежать на песке.

Не хотел итти змей, да уговорил его мамонт. Пошли осушать.

Забрел мамонт в воду, засадил в дно крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину и камни. Росли по сторонам из них равнины, горы, утесы. Пополз, завилял за мамонтом Чжябдар. Вился между равнин, гор и утесов. И потекла по его следу вода.

Ушел мамонт на полночь, ворочая мокрое дно; ползал всяко за ним гибкий Чжябдар. Так говорили давно старикам старики и теперь говорят молодые.

Мамонт сделал равнины, горы и скалы; Чжябдар протер телом своим дорогу для рек.

Осень 1923 г. Чавида. Рассказал Мареиенок.

15. Мани

Жили в чуме две безродных сестры. Имен их никто не знает. В месяц „Сараны" сестры уходили из чума в лес копать на зиму для еды сладкую сарану [6]. Копают. Вдруг слышат — в стороне от них плачет ребенок. Пошли искать. Нашли оловянную зыбку, а в ней мальчик грудной. Жалко

---

[1] Созвездие Большой Медведицы.

[2] Звезда, называемая „Плохой ходок" — русский, у которого на спине котомка с хлебом, котел. Он вечно сзади и под горой. [Крайняя из трех звезд Б. Медвед.]

[3] Звезда „Остяк" — он с лопаточкой. При лыжной ходьбе остяк на верхнем конце лыжной палки с кольцом для снега, имеет узенькую лопаточку. Найдя звериный след, он ею определяет, когда прошел зверь. Это задерживает его. Он век на горе. [Средняя из трех звезд.]

[4] Звезда „Хава" — удалый. Это аваньки. Он за горой и век передом. Он легок, с ним ничего нет.

[5] Все остальные звезды [Б. Медв.] изображают богатырского сохатого Хоглен, которого настиг и добывает удалый — Хава. Обычно сохатый называется Моты. Хоглен — легендарный сохатый.

[6] Сарана — луковичное растение, царские кудри. В былое время луковицы заменяли тунгусам муку.

стало сестрам плачущего ребенка. Отнесли в чум, накормили. Уснул ребенок, и сестры ушли опять копать сарану. Видят — в чуме огонь, над огнем — таган[1], а в ней варятся два больших сига. Кто все это сделал? Не знают. Ребенок мал и спит.

Поели голодные сестры мягкой рыбы, отдохнули и снова пошли собирать сарану. Они отошли далеко от чума, спрятались и стали говорить тихонько, кто затопил чум и откуда сиги... Старшая сестра говорит младшей:

— Нам надо скорее уйти из чума. Зыбку расплавить и горячим оловом облить ребенка, чтобы он умер.

Вдруг у чума появился большой-большой человек, вытянул двух червей — каныр, положил в таган, помещивает их и поет:

Женщины ели рыбу. Она им нравится.
Черви, черви, сделайтесь сигами.
Когда женщины разжиреют,
Тогда я съем их.

Испугались сестры. Старшая опять говорит младшей:

— Этот ребенок сильно худой. Мы его будем растить, а он нас будет кормить глистами. Нет, надо убить его, самим же бежать с этого места.

Сестры вернулись в чум будто с работы. В чуме опять огонь, таган и в нем рыба — сиги. Ребенок спит. Вынули его из зыбки, закрыли своим одеялом, вылили из тагана уху, положили в него топить оловянную зыбку. Расплавили, вылили горячее олово на ребенка, чтобы убить. И вдруг перед ними с постели встал великан Мани в поясе оловянном.

Схватили сестры свою женскую сумочку и с ней от Мани побежали. Мани стал догонять их. Достала старшая сестра из сумочки кодэрорун и со словами „Кодэрорун, стань горами-хребтами" бросила его через свое плечо.

И появились высокие-высокие горы. Отстал Мани. Запел:

Разорвитесь, крутые горы,
Образовавшиеся из женского кодэроруна.
Дайте мне проход.

И разорвались горы на пологие седловины. Перебежал Мани по ним, стал снова настигать сестер. Старшая бросила брусок:

Брусок, стань утесом,
Огороди Мани.

И брусок сделался непроходимым утесом. Мани опять запел:

Точильный камень, сделанный
Женщинами из бруска,
Расколись на части.

Утес весь расщелялся в трещины, и Мани пошел через ущелье догонять сестер. Тогда старшая бросила через себя зубчатый чучун:

Чучун, стань горой
С густым-густым лесом.

И выросла вокруг Мани кольцом высокая-высокая гора с непроходимой тайгой. Мани был на дне котла и снова запел:

Гора из женского чучуна,
Разорвись узенькой щелью,
Я стану тоненькой гусеницей.
Проползу муравьем.

И разорвалось кольцо. Мани сбросил с себя оловянный пояс, чтобы пролезть в узкую щель, и стал догонять сестер. Тогда старшая бросила гребень из сохатинового рога, заклиная:

Гребень, стань камнями, горами, лесом,
Чтоб нигде не было прохода.

И появилось много-много гор с каменными зубцами, выросла густая тайга, и потерялся в них маленьким муравьем Мани [2].

13 июня 1928 г. Катанга. Рассказал старик Дылгунча.

16. Два брата — дурак и умный

Жили два брата — умный и дурак. Умный сарану копает в лесу, оленей стережет, зверей промышляет, белку. Все делает, а дурак только спит, ест, поет.

Жили братья одни, без женщины, в чуме. За дурака кто пойдет замуж? А за умного из-за дурака-брата девки не шли.

---

[1] Таган — глиняный горшок, употреблявшийся в прошлом для варки пищи.

[2] Другими сказочниками дополняется и заканчивается эта сказка тем, что сестры бросают с себя бисерные пояса, которые превращаются в цветистые радуги и слепят Мани.

Стало лето. Понадобилась лодка рыбачить. Надо делать. Умный говорит дураку:

— Брат, я пойду в лес драть бересто на лодку, ты иди нарежь кедровых корней — нянгта, чтобы шить лодку.

Вернулся умный брат из леса с берестом. Увидел дурачка, спрашивает:

— Что, принес нянгта, где они?

— Вот, — и дурак вытряхнул из сумки нарезанные от детских ног пятки.

— Эх, дурак, дурак. Что ты наделал? Я велел тебе принести нянгталь (корней), а ты принес нингтыль (пятки). Эх, дурак. Пока нас за это не убили, давай скорей отсюда бежать.

Умный заседлал несколько верховых оленей, чтобы послать вперед дурака чум делать. Сам стал собираться и вьючить борышни — вещи.

— Иди, — говорит умный дураку, — придешь к орану (порогу), поставишь оленей и там чум делай.

Прикочевал умный к порогу, а в лесу ни брата, ни оленей. Куда ушел? Смотрит, а он в воде: в самом пороге шесты для чума ставит. Ставит, а их сбивает течением.

— Э, дурак, дурак. Я тебе велел привязать оронов (оленей) и тут чум делать, а ты залез в оран (порог). Вылазь!

Ночевали. Утром по туману собрал в лесу оленей, привел к чуму, часть заседлал и опять послал вперед дурака чум делать.

— Иди, — говорит, — дурак! Поднимешься на хребет, с него чину увидишь, спустись к ней, там чум делай.

Пришел умный к сказанному месту. Олени тут, а брата нет. Посмотрел, а он на дереве и там на гнездообразной вершине (чине) шесты чумовые ставит.

— Э, дурак, дурак. Слазь. Тут под деревом чум будем ставить.

Легли. Слышит умный: за ними погоня. Люди идут. Убивать стал. Схватил умный пальму и убил ею одного из них. Те убежали. Побежали дальше от них братья. Умный говорит дураку:

— Я из-за тебя убил человека. Ты виноват. Тащи. Его спрятать надо.

Несет дурак убитого. Идут. Дождик будет, тучи. Вдруг слышат — к ним навстречу чамдалы идут на оленях. Испугался умный и говорит брату:

— Прятаться будем. Лезь скорее с покойником на кедр.

Залезли. Полил дождь. Остановились чамдалы и спрятались под кедром. Пережидают дождь.

Устал держать дурак на себе мертвеца, говорит брату:

— Я брошу покойника.

— Не бросай, нас обоих чамдалы убьют. Ты виноват и держи.

Обессилел дурак и опустил на землю мертвеца. Испугались его чамдалы и кто куда разбежались со страху.

Присказка: с тех пор везде найдешь по тайге чамдальские чумища.

1926 г. Турама. Ночь на шаманском мольбище.

17. Богатырь Мани и Хоглен

Богатырь Сохатый-Хоглен похитил на земле день и с ним побежал по небу. Сделалась ночь. Мани надел лыжи, пошел Хоглена добывать. С ним был добрый лук и две большие стрелы.

Долго гнался Мани, сильно бросал вперед лыжи, широкий след их оставлял за собой. Близко стал к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да на бегу по-темну облевил. Мимо стрела полетела.

Убегает с днем Хоглен, гонится за ним Мани. Долго бежали. Поравнялся Мани с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и меткой стрелой остановил его.

Мани отнял день и понес его на землю. Он шел с ним к земле столько же, сколько за Хогленом гнался по небу.

С тех пор Хоглен уносит у земли день. Мани каждый раз догоняет его на лыжах, пересекает второй стрелой его путь и с полночи носит на землю добываемый день. Дает утром свет и уходит.

15 декабря 1928 г. Сым.

18. Неизвестные люди

Один парень искал белку, нашел в снегу чье-то чумище. Откопал снег, залез в чум — сидят люди. Сами мерзлые, а из ноздрей бегут сопли. Спросил — молчат. Добыл огонь, оттаяли, помаленьку зашевелились. Увидели огонь, испугались. Старичок и говорит:

— Человек, мы не знаем огня, мы таем от солнца. Ты нас убил. Теперь мы все умрем.

И людей этих с тех пор не видел никто больше. Сказывали старики: они сделались кипелыми ручейками — юктами. Вода в юктах с осени мерзнет и всю зиму кипит-кипит. Лед — сопли. Весной они растают и станут опять кипуны-речки.

19. Медведь и бурундук

Голодный медведь вылез из берлоги. Кругом снег. Нечего есть. Нашел пень, в котором зиму спал бурундук. Хотел свалить пень и съесть бурундука, да пень был крепкий, не по силе.

— Дедушка медведь, ты зачем сердишься на меня? — спросил бурундук из гнезда.

— Я сержусь на мокро. Оно разбудило меня и выжило из берлоги. Вышел, а еды нет, — отвечал медведь. — Не остался ли у тебя запас какой? Покорми. Я с осени ничего не ел.

Бурундук отдал медведю недоеденные запасы. Медведь съел и погладил за это бурундука по спине лапой... Спина зажила, а на царапинах выросла другая шерсть. С тех пор бурундуки и стали полосаты.

20. Об иголке

Остячка, мать богатыря Пальны, знала, что наши бабы шьют воинам одежду стальной иголкой. Она наказала сыну, когда тот пошел скрадывать чум нашего богатыря Пачеки:

— Пальна, убивая Пачеки, ты не забудь захватить стальную иголку. Мне легко тогда будет шить тебе броневую одежду, чинить пимы.

Смелый, сильный был Пальна, но простоват. И воевал он черемуховой дубинкой. Он, как лисица рябчика, неслышно скрал сонного Пачеки, да палкой убить его не успел. Пачеки выскочил из чума горностаем, ушел в тайгу. Остяк не погнался за ним. Он думал, что тунгус боится его силы и не вернется к жилищу. Пальна стал шариться в турсучках, в постелях. Крепко искал стальную иглу. Он не слышал, когда вернулся из леса Пачеки, подкрался к чуму и заколол Пальну в спину копьем, Потом собрал свое войско и прогнал навсегда остяков с матери Катанги к Енисею.

Е. Н. Широкогорова

НАРОДНАЯ МУЗЫКА В КИТАЕ[1]

В настоящей статье я хочу обратить внимание музыкантов и других лиц, интересующихся китайским фольклором, на народную музыку китайцев. Европейцы совершенно незнакомы с этой музыкой, несмотря на то, что китайская культура вообще и в особенности китайское искусство очень хорошо изучены. Со времени опубликования работы патера Amiot[2] появилось несколько трудов о китайской музыке, как, например, недавно изданные работы Soulie[3] и Fischer'a[4], а литература о китайской музыке на китайском языке огромна, существуют сотни, а может быть, и тысячи работ по этому вопросу. В последнее время, Mr. Jasser, музыкант-профессионал и композитор при Московской консерватории (высшей музыкальной школе), который некоторое время жил в Китае, подготовил очень интересную работу о китайской музыке, рассматривая этот вопрос с чисто музыкальной точки зрения. Его предшественники, очевидно, не могли это сделать, так как они были скорее синологами, чем музыкантами. Но все эти исследования, написанные европейцами, и, насколько мне известно, все китайские работы по этому вопросу занимаются „официальной" музыкой китайцев, строго урегулированной принципами, выработанными древним Китаем.

Классическая китайская музыка уже изучена, между тем как народная музыка совершенно неизвестна. А между тем народная музыка, вероятно, лежит в основе музыки классических композиторов и является источником их музыкальной фантазии, наподобие того, как работы европейских классических композиторов, как Бетховен и др., и в особенности современных музыкантов развивают и украшают музыкальную сокровищницу народа, которая часто бывает вполне национальной и типичной для своего этнографического окружения. Этот крайне простой и легко поддающийся исследованию вопрос, повидимому, ускользнул от внимания музыкантов-профессионалов и историков музыки. Однако недавнее движение по собиранию и изучению народной музыки как этнографического материала уже дало плодотворные результаты. Еще задолго до войны в Москве профессорами консерватории и этнографами было учреждено общество для сбора материалов по народной музыке. За сравнительно короткое время это общество собрало значительное количество народных песен, а также и крайне простых музыкальных фраз, какие выкрикиваются уличными разносчиками и коробейниками в России. Современные русские композиторы, как, например, Гречанинов, Лядов, Аренский и некоторые другие, связали свои имена с этой работой. Издания этого общества в данное время охватывают несколько томов.

В Музее антропологии и этнографии в Петрограде в 1911-12 годах было также открыто отделение музыкальных фонограмм, которое, согласно идее организатора, в дальнейшем должно было развиться в специальное отделение для таких изысканий. С этого времени каждый исследователь снабжался фонографом и валиками для записей подлинной народной музыки среди народов Сибири и Азии вообще. В Соединенных Штатах это движение уже создало литературу, и изучение народной музыки в данное время сильно развилось[5].

---

[1] Перевод статьи „Folkmusic in China" из The China journal of science and arts, vol. II, Shanghai 1924, pp. 116—121. *Ред.*

[2] „De la, musique des Chinois tant anciens que modernes" в издании Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les moeurs, les usages, etc. des Chinois par les missionnaires de Pékin. Vol. VI. Paris, 1780.

[3] Soulie, „La musique en Chine". Paris, 1911.
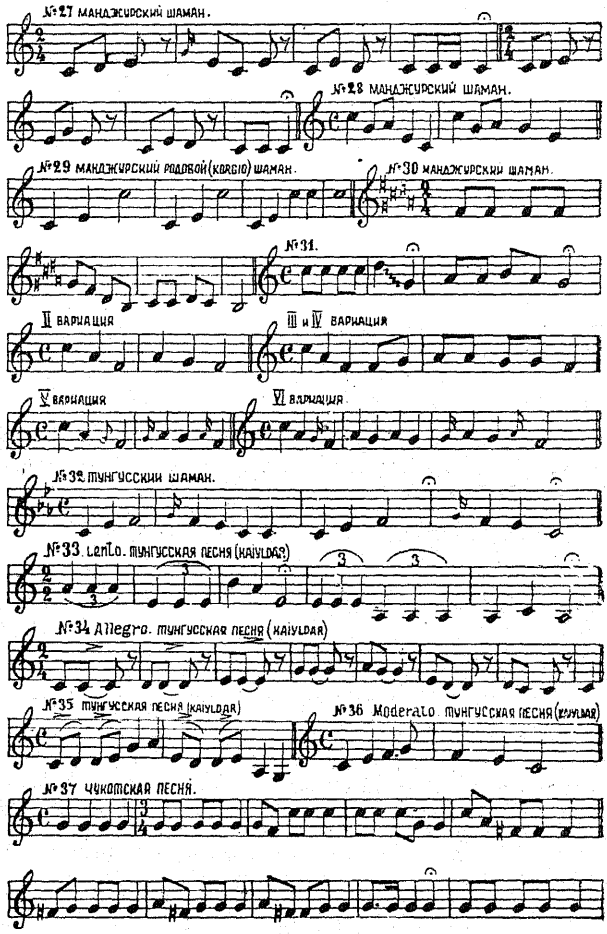
[4] „Beiträge zur Erforschung der Chinesischen Musik". Leipzig, 1910.

[5] Издания Смитсоновского института.

Что же касается собирания народной музыки в этой части Азии, то оно не очень развито, и мы имеем лишь случайный материал, собранный некоторыми исследователями [1].

Во время совместных экспедиций с моим мужем др-ом С. М. Широкогоровым в разные части Восточной Сибири и Манчжурии я собрала значительное количество музыкальных материалов. Большая часть этих материалов — в фонограммах и находится в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Петрограде. Небольшая часть была записана на месте по слуху и в данное время находится у меня. Эта коллекция была пополнена во время нашей поездки в Пекин в 1917-18 году.

Ниже я привожу ряд зазываний и песен китайских уличных торговцев, которые особенно типичны для китайцев. Разновидности в такого рода музыкальных манифестациях действительно замечательны, и можно предполагать, что число таких коротких песен в Китае достигает количества в несколько тысяч [2].

Приведенные здесь песни, конечно, являются характерными для северных китайцев. На улицах Шанхая мы услышим другого рода песни. Здесь я привожу несколько примеров пекинских песен [3].

Для того чтобы показать разновидности, существующие в такого рода проявлениях народной музыки, я здесь привожу также несколько китайских, тунгусских и манчжурских простых песен, которые они поют не с артистическими целями, а для собственного удовольствия и развлечения или же во время шаманских действий. При этом видно, что манчжурские и тунгусские песни построены по другим принципам, чем песни китайцев.

Из этих примеров видно, насколько сложен вопрос о музыке этих народов. В разных группах имеются такие различия, что их легко отличить друг от друга даже без тщательного анализа. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что этот род народного искусства находится

---

[1] Например, проф. А. Рудневым.
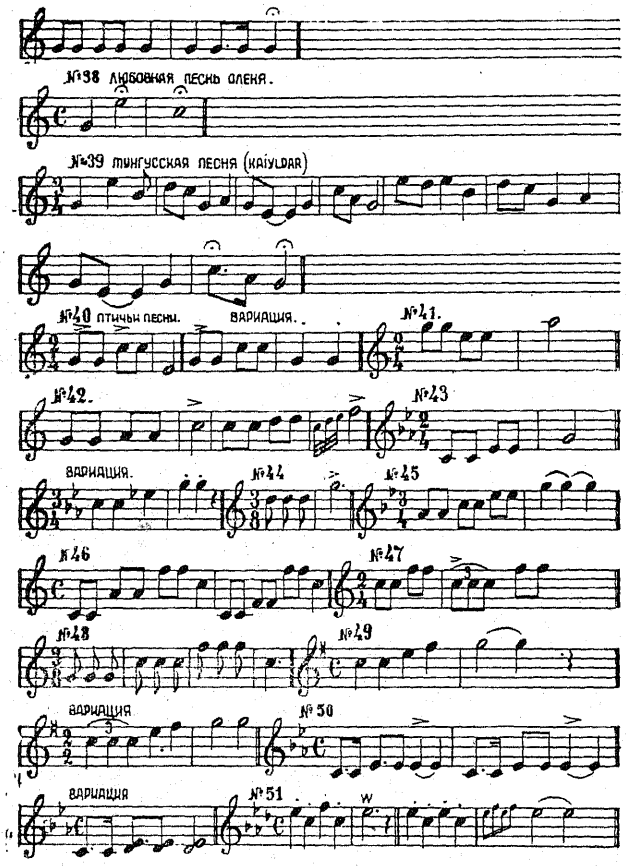
[2] В одной только Московской области было собрано несколько сот таких песен.

[3] В настоящем издании записи китайских мотивов опущены. *Ред.*

в связи с другими проявлениями народной культуры, народной психологии и в особенности эстетического развития. Поэтому в дальнейшем изучение народной музыки должно итти рука об руку с нашим знанием языков, а в Китае — наречий. Географическое распространение и более простых зазываний коробейников также представляет большой интерес, так как они являются естественной, почти бессознательной творческой силой народа. Собирание и изучение таких песен очень полезно для историков, но оно не менее полезно и для музыкантов, которые, без сомнения, найдут новые темы и мотивы для своих композиций.

Происхождение этих песен также крайне интересно. Для того чтобы показать пример происхождения песен, я привожу здесь тунгусскую песню, основанную на мотиве, непосредственно заимствованном от природы.

Тунгусы обычно подражали самцу-оленю, когда он кричал в начале осени, призывая других самцов к борьбе. С этой целью тунгусы пользуются инструментом из дерева и бересты. Животные, услышав такое подражание, подходят к охотнику, который таким образом может убить их. Очень характерно, что и про манчжурского тигра говорят, будто он при своей охоте также пользуется подражанием любовной песне оленя.

Приложенные песни птиц также заимствованы тунгусами как мотивы для песен.

Таким образом непосредственное подражание звукам природы во многих случаях является источником народной музыки, так что изучение песен птиц и животных обычно должно итти рука об руку с собиранием и изучением человеческих музыкальных манифестаций.

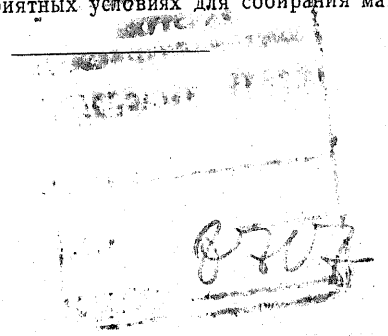
Что же касается китайской инструментальной музыки, то она скорее принадлежит к классической музыке, чем к народной. Как известно, китайцы больше, чем большинство других народов, являются любителями театральных представлений. Китайский театр значительную часть своей программы отводит исторической драме, которая всегда сопровождается музыкой, а потому совершенно естественно, что старинная классическая музыка таким образом всегда распространялась среди китайцев. Согласно вышеприведенным источникам, число китайских музыкальных инструментов очень велико.

Очень подробные работы Sorel и Amiot фактически исчерпывают техническую сторону этого вопроса, но, собирание образцов инструментальной народной музыки также крайне важно, хотя и менее доступно с технической точки зрения, чем народные песни.

В виду того что главной моей задачей является привлечение внимания читателя к китайской народной музыке, мне придется указать практический способ собирания таких коллекций.

Лучшим способом, безусловно, является регистрация музыкальных манифестаций при помощи фонографа, но это не всегда возможно, так как певцы очень часто слишком застенчивы, чтобы выступать в присутствии чужих или для какой-либо специальной цели. В таких случаях приходится записывать песни по слуху. Такой материал, естественно, приходится очень тщательно исправлять, ибо ухо европейца не привыкло к китайскому музыкальному духу и при записи всегда возможны ошибки. Для фонограммных записей можно употреблять очень простые и дешевые фонографы. Валики необходимо регистрировать тотчас же после окончания представления. Всегда следует записывать быстроту вращения валика во время представления, а также и местность, провинцию, город, деревню и т. д., пол, возраст, социальное положение и т. д. исполнителя. Записанные собирателем детали никогда не мешают дальнейшей обработке материала, тогда как отсутствие необходимых данных может значительно снизить ценность собрания. Теми же подробностями следует снабдить каждую вещь, записанную по слуху.

По собственному своему опыту я могу сказать, что собирание такого рода материала не так трудно, как это может показаться сначала. Записанные вначале вещи, вероятно, не будут иметь большую ценность как надежный материал, и их придется исправить впоследствии, но как только собиратель научается различать характерные китайские комбинации, он может собрать очень надежный материал. Очень полезно заручиться при этой работе помощью самих китайцев, хотя имеется очень не много образованных китайцев, интересующихся народной музыкой своей страны. Однако в данное время в Китае так много колоний европейцев, что эта работа с легкостью может быть выполнена этими последними, которые, живя вдали от китайских культурных центров, находятся в наиболее благоприятных условиях для собирания материала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора I
Объяснение транскрипции IV

1. Г. М. Василевич. Материалы по фольклору эвенков Сибири . . . 1—146

Введение 1

I. Сказки о животных

1. Hulakī. M. Joligır. Turu 7
2. Hulakī, ḍantakī. I. Kaplın. Iŋārıgdā 9
3. Şulakī, jantakī. N. Bajakī. Cirəmbu 10
4. Hulakī, irgicī. P. Putugır. Ṇorbokō 11
5. Hulakī, ilәl. I. Uwocān. Ṇorbokō . . . . . —
6. Sulakī, bəjə. B. Әḍәn Urmī 12
7. Hulakī, ahāl. I. Kaplın. Iŋārıgdā . . . . . —
8. Hulakī, amākā. I. Uwocān. Ṇorbokō 13
9. Hulakī, amākā. W. Uwocān. Ṇorbokō 14
10. Sulakī, ilə. O. Salatkın. Nēpa . . . . . —
11. Amākā. M. Joligır. Turu 15
12. Şulakī amīkānnun. P. Cēmba. Cirəmbu 16
13. Hulakī amākānun. W. Putugır. Ṇorbokō . . . . . —
14. Amākā əŋkā ŋōləttə. W. Lontogır. Ika 17
15. Əhə, ṇəkō. B. Әḍәn. Urmī 18
16. Hulakī hēŋannun. Aw. Putugır. Ŋəkānnə . . . . . —
17. Hulakī, kukēkī. I. Uwocān. Ṇorbokō 19
18. Sulakī, cipica. N. Salatkın. Nēpa 20
19. Sulakī, bəjə. A. Salatkın. Nēpa 21
20. Hulakī, irgicī. I. Uwocān. Ṇorbokō . . . . . —
21. Mundʳukātkār. N. Bajakī. Cirəmbu 22
22. Mundʳukātkār, jantakī. Ş. Kımā. Cirəmbu 23
23. Mundukān. M. Joligır. Turu 25
24. Atırkān tukşakīnun. D. Woul. Aŋarā . . . . . —
25. Amıkān, kolēmtēnun. Ş. Kımā. Cirəmbu 26
26. Atırkān, amīkān. S. Bukocār. Tuŋir . . . . . —
27. Əwənkī kulınnun. S. Bukocār. Tuŋir 27
28. Torokī, mukū. B. Әḍәn. Urmī 29
29. Ṇəkō, soligā. B. Әḍәn. Urmī . . . . . —

II. Мифы

30. Ōlī. M. Joligır. Turu 29
31. Īduk bkuīt əmərān. I. Lōpal. D. Kātəŋgā 30
32. Ḍur nəkunəhəl. I. Bukocār. Olokno 31
33. Hinukī. M. Joligır. Turu 32
34. Hinukīcān. A. Kaplın. Ŋəkānnə . . . . . —
35. Horokī. A. Kambagır. Ŋəkānnə . . . . . —
36. On umukān bəjə bərkətʳcān. I. Uwocān. Ṇorbokō 33
37. On umukān bəjə dund a hərgilān şurucān. Ş. Kımā. Cirəmbu 34
38. Carcikān. I. Kaplın. Iŋārıgdā 35
39. Umukān bəjə ugulәlәn dunnәlә tukticān W. Uwocān. Ṇorbokō 36
40. Hēladan. Ş. Kımā. Cirəmbu 38
41. Kərāndə, Unanī. Ş. Kımā. Cirəmbu 41
42. Gurıwul. Ş. Kiltinā Cirəmbu 45
43. Epkacān. Ş. Kımā. Cirəmbu 52
44. Epkacān. N. Bajakī. Cirəmbu 53
45. Nəmәlәn. Ş. Kiltinā. Cirəmbu 52
46. Muriwul. Ş. Kiltinā. Cirəmbu 59
47. Hāwānātmə ijəcī. N. Kaplın. Ṇorbokō 64
48. Culugdi. A. Putugir. Ŋəkānnə 65
49. Cu ugdi. I. Kaplin. Iŋārıgdā 66
50. Bərkēltun. I. Kaplin. Iŋārıgdā 67
51. Bərkēltun. N. Kaplın. Ṇorbokō 69
52. Ṇurigdi Nandʳınun. N. Bajakī. Cirəmbu 70
53. Icəgdirə. Ş. Kiltinā. Cirəmbu 72
54. Ahātkān. A. Kambagır. Ŋəkānnə 73
55. Anŋanī. W. Lontogır. Nēpa 74
56. Samān. N. Salatkın. Nēpa . . . . . —
57. Samān. N. Zujew. Tutura 75
58. Samān, bəjə. S. Lontogır. Nēpa . . . . . —

III. Исторические предания. Былины

59. Canicīl A. Kambagır. Ŋəkānnə 76
60. Ilətī. N. Monahow. Iŋārıgdā . . . . . —
61. Ilətī. A. Putugır. Ŋəkānnə 78
62. Ahī. I. Kaplın. Iŋārıgdā 80

63. Ilәl. M. Mucuǰir. Tōkma 81
64. Caŋıt. A. Kambagır. Ŋәkānnә 82
65. Ɒurpu әwәnkil. S. Lontogır. Nēpa 83
66. Ilәtil, ilәl. W. Putugır. Norbokō . . . . . —
67. Ilә, caŋıt. P. Putugır. Norbokō 84
68. Caŋıcīl. W. Kaplın. Norbokō . . . . . —
69. Şiktowul. Ş. Kımā. Cirәmbu 85
70. Narā. Ş. Kımā. Cirәmbu 87
71. Şәrincō. Ş. Kımā. Cirәmbu 88
72. Arka. I. Bajakī. Cirәmbu 90
73. Nurgowul. M. Joligır. Turu 91
74. Nurgowul. I. Uwocān. Norbokō 92
75. Ilan әŋәhil. N. Kaplin. Norbokō 93
76. Cәrә. N. Monahow. Iŋarıgda 94
77. Aŋaɒakān. A. Mucujir. Tōkma 97
78. Aŋaɒakān. A. Putugır. Ŋәkānnә 98
79. Sodu Sordoncō Sōldanı. B. Әɒān. Urmī 99
80. Kildiŋakān. C. Slepcowa. Sahalın 104
81. Dulın buγa Umuşgindan. A. Afonasjewa. Sahalın 115
82. Akşirē-Basşirē. I. Zujew. Tutura 118
83. Әwәnkil. N. Bajakī. Cirәmbu . . . . . —
84. Iluɒān. N. Bajakī. Cirәmbu 119

IV. Бытовые сказки

85. Iwul. D. Cēmbā. Cirәmbu 121
86. Iwul, Cәrә. I. Lontogır. Nēpa 122
87. Dulubun. A. Kambagır. Ŋәkānnә 124
88. Ulāk ilә bicō. N. Kaplin. Norbokō . . . . . —
89. Uturkācān. N. Ŋanagır. Olokno 125
90. On ulәkkitcān umukān bәjә. N. Kaplin. Norbokō 126
91. Umukān culluwkı muɒurān. P. Putugır. Norbokō . . . . . —
92. Әtirkān, atırkān. J. Lontogır. Nēpa 127
93. Baj. A. Kambagır. Ŋәkānnә 128
94. Ahātkān, amākā. A. Kambagır. Ŋәkānnә . . . . . —
95. On bәjә amākāwa ulākkitcān. A. Kambagır. Ŋәkānnә . . . . . —
96. On bәjә amākānun tuγәɒәcān. Aw. Putugır. Ŋәkānnә 129
97. Ulta. A. Kambagır. Ŋәkānnә . . . . . —

V. Детские сказки. Загадки

98. Cinәkā. Ş. Kımā. Cirәmbu 130
99. Pereden. N. Kaplin. Norbokō . . . . . —
100. Bәjәtkān. H. Salatkına. Norbokō 131
101. (Считалки). M. Molɒakītow. Kalar 132
102. Загадки (1—67) 133

VI. Шаманские песнопения

103. I. Bajakī. Cirәmbu 136
104. Jandʼarkā. Ş. Kımā. Cir әmbu . . . . . —
105. (Проводы души) A. Kambagır. Ŋәkānnә 138
106—107. (Обращение к духам) A. Kambagir. Ŋәkānnә 139
108. *** Koŋnokojır. Tōkma 140

VII. Песни и припевы

109. Әpkәrәγil. P. Bajakī. Cirembu 141
110. *** P. Bajakī. Cirәmbu . . . . . —
111. Припевы и импровизации (1—13) 142
112. Импровизация. I. Momoʻl. D. Kātәnŋā . . . . . —

VIII. Новые песни

113. Urәl. S. Gerasımow. Tupık 143
114. Asāl. S. Gera sımow. Tupık . . . . . —
115. Bu tattıl. (Группа студентов ИНСа) 144
116. Nәŋŋәnʼ. A. Salatkın. Nēpa . . . . . —
117. Kalār-әnʼ sıgıjaldun. P. Mōlɒakītaw. Tokko 145
118. Biragacın. M. Pawlow-Ŋanagır. Kalār . . . . . —
119. Kuŋākār biŋәsiwәr. M. Mōlɒakītaw. Kalār 146
120. Girkijәl, aknijal. . . . . —

2. Т. И. Петрова. Сказки эвенков Приангарья . . . . . 147—157

Введение 147
1. Kārāndәs, Uŋanı. A. Cernousow. Kamenka 149
2. Akarāmә. A. Cernousow. Kamenka 150
3. Nimŋakan. A. Cernousow. Kamenka . . . . . —
4. Murāwul. I. Kirәnәw. Kamenka 151
5. Mujinә. N. Ollōda. Komo 152
6. Iwul. M. Beregow. Әnәk . . . . . —
7. Iwul 153

8. Sulakī. A. Cernousow. Kamenka 154
9. Sulakī. I. Kirənəw. Kamenka. 155
10. Toγo. P. Kirənəw. Kamenka 156
11. Hiŋkicən. A. Cernousow. Kamenka . . . . . —

3. Г. А. Киргунеев. Две сказки талочских эвенков . . . . . 158—161

1. Nimŋakāwun. G. Torgonow. Huļuγli. Tāļacā 158
2. Ņucakın bəjə. G. Torgonow. Huļuγli. Taļacā 159

4. Е. И. Титов. Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья . . . . . 162—214

Введение 162
1. Caγalaj-Cakulaj. D. Polin. Karama 165
2. Akşirē-Bakşirē. D. Polin. Karama 166
3. Şarāltə. D. Polin. Karama 167
4. Hurkākān. D. Polin. Karama 168
5. Bolontur-Boγatır. D. Polin. Karama 170
6. Hanı-Hubun-Hāhər-Bogdo. D. Polin. Karama 171
7. Əŋinil. D. Polin. Karama 175
8. Ucanaj. D. Polin. Karama 176
9. Nimŋakāwun. D. Polin. Karama 179
10. Nimŋakāwun. I. M. Safonow. Tirka. Karama 180
11. Nimŋakāwun. I. M. Safonow. Tirka. Karama 181
12. Nimŋakawūn. F. K. Monaşţirew. Murinŋa 182
13. Maŋı. P. Starikow. Tutura. 183
14. Akşirē - Bakşirē. P. Starikow. Tutura . . . . . —
15. Altānāj. P. Starikow. Tutura 184
16. Dəkimdəki. I. Komarıcin. Cenca. Aŋarā 185
17. Aşī. F. Şangın. Dagarā. Aŋarā 186
18. Bərв ulin, bərвulin. F. Şangın. Dagarā. Aŋarā 187
19. Nimŋakān. J. Aeulew. . . . . —
20. Aksi-Baksı. J. Aeulew. 188
21. Şiŋēcən. J. Aeulew. . . . . —
22. Şulakī. J. Aeulew. 189
23. N. Bukidaew . . . . . —
24-27. J. Aeulew 190
28-35. N. Bukıdaew 192
36. Şoŋoto (ənin) 197
37-38. Şoŋoto (hurkākān) . . . . . —
39-44. O. Aeulewa 198
45. N. Bukıdaew 199
46. S. Kowalew . . . . . —
47-48. *** 200
49-50. I. Komarıcın. Cēncā . . . . . —
51-53 F. Şangın N-Angarsk 201
54. Sulakī, ətirkān. A. Nirguneew. Condak 202
55. Utān. A. Nirguneew. Condak . . . . . —
56. Sirunaj-Mērgēn. A. Nirguneew. Condak . . . . . —
57. Altanaj. A. Nirguneew. Condak 203
58. Ŋəlbə. A. Nirguneew. Condak 204
59. Ənikucən воровеinun. Nirguneew. Condak . . . . . —
60. Bəjā A. Nirguneew. Condak 205
61. Baγatır. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 207
62. Sulakī. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa . . . . . —
63. Carcıkān. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 208
64. Sula, cıwkān. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 209
65-68. **** S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 210
69. Əkətiki-əkətiki. Nənəwkətkel 211

5. В. И. Левин. Две сказки аянских эвенков . . . . . 215—224

1. Nimkān I. W. Karamzin (Makagir). Ajān 215
2. Umkī, sulakī. N. E. Pawlow (Makagir). Ajan 221

6. А. П. Козловский. Сказки тунгиро-олекминских эвенков . . . . . 225—233

Введение 225
1. Nimŋakan. I. P. Maksimow. Nēņugā . . . . . —
2. Зəptigir *** 226
3. Turəciwki sahikkān. M. S. Авramow. Olokno 228
4. Oli. M. S. Авramow. Olokno 229
5. Nimŋakān. D. D. Glazirow. Tuŋirkān 230
6. Nimŋakān. D. D. Glazirow. Tuŋirkān 231
7. Nimŋakān. I. P. Maksimow. Tuŋirkān . . . . . —
8. Nimŋakān. P. Saharow. Gula 232

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. Георги. Тунгусское сказание . . . 233
Г. Гут. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение . . . 235
Введение. О трудностях лингвистических занятий с тунгусами . . . —
Образцы енисейско-тунгусской речи . . . 238
1. Колыбельная песнь . . . —
2. Сбившаяся с пути истинного девушка . . . —
3. Жалобная песнь осиротевшей девушки . . . 240
4. Отрывок из песни о герое Марэвуле . . . 241
5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела . . . 242
6. Заклинание шамана против оспы . . . —
7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях . . . 243
8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться . . . —
Примечания . . . —
Г. Гут. Фрагменты из вариантов тунгусских преданий . . . 245
1. Kərändə, Uŋani . . . —
3. Culugdi . . . 246
В. Н. Васильев. Тунгусские предания . . . 246
1. Уриан и Molуna . . . —
2. Оран . . . 248
3. Два брата . . . 249
4. Jäha . . . 250
5. Умна . . . 251
6. Юраки . . . 252
7. Дыгын . . . 253
В. Н. Васильев. Образцы тунгусской народной литературы . . . 255
1. Два шамана . . . —
2. Лебедь . . . —
3. Сын старика и старухи . . . —
4. Богатырь-карлик . . . 257
5. Хулян и ковшичан . . . 258
И. П. Толмачев. Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы" в пересказе В. Н. Васильева . . . 262
К. Рычков. Из области тунгусского творчества . . . 263
1. Хенукычан . . . —
2. Медведь и карась . . . 266
3. Глухарь и лебедь . . . —
4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет? . . . —
5. Летяга и мышь . . . 267
6. Медведь . . . —
П. Малых. Несколько слов об ороченах и их фольклоре . . . 267
Б. Иттер. Две сказки . . . 271
1. Каптандыр . . . —
2. Нургауль . . . —
В. С. Пежемский. Две легенды ербогаченских эвенков . . . 272
1. Холм раздора . . . —
2. Мангы-Дёромго . . . 273
М. Ошаров. Тунгусские сказки . . . 275
1. Как лисица баб обманула . . . 276
2. О лесе и утесе . . . —
3. Волк и лисица . . . 277
4. О зайце и шамане . . . —
5. Медведь и кедровка . . . 278
6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев . . . —
7. Откуда появились вши . . . —
8. О мыши и сеноставце . . . 279
9. Богатырь и клей . . . —
10. Где тунгус нашел первую жену . . . —
11. Про гагару . . . —
12. Почему люди стали шаманить . . . 280
13. О созвездии Хоглен-Сохатом . . . —
14. Мамонт и змей Чжябдар . . . —
15. Мани . . . —
16. Два брата — дурак и умный . . . 281
17. Богатырь Мани и Хоглен . . . 282
18. Неизвестные люди . . . —
19. Медведь и бурундук . . . —
20. Об иголке . . . 283
Е. Н. Широкогорова. Народная музыка в Китае . . . —